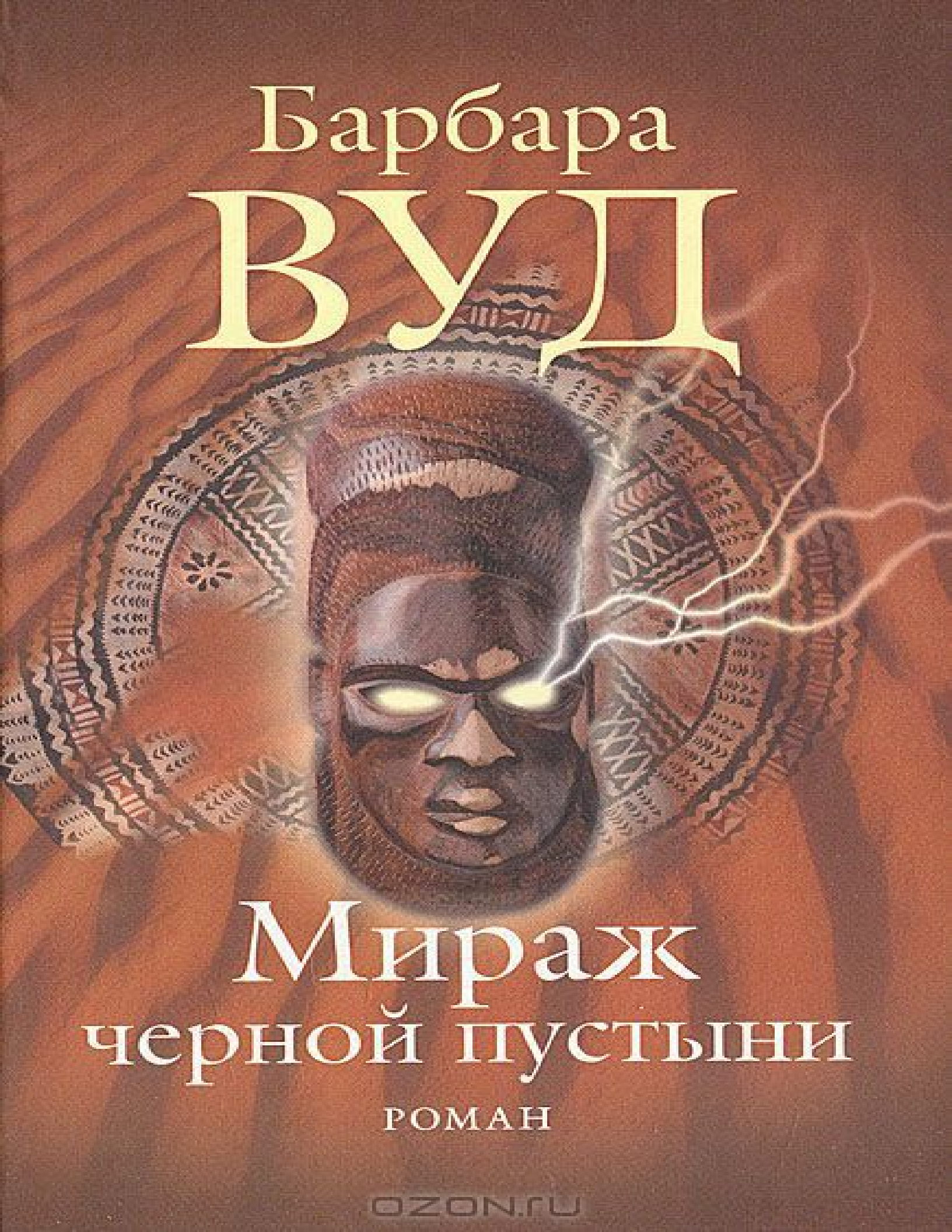
Барбара

ВУД



Мираж черной пустыни

РОМАН

OZON.ru

Annotation

Англичане брат и сестра Тривертоны, отправляясь в Африку, вряд ли догадывались, что им предстоит путешествие длиною в жизнь. Начало двадцатого века — время активного освоения африканских колоний и столь же активного сопротивления этому местного населения. Но кто знает, где твое место под солнцем? Грейс Тривертон, несмотря на все трудности и препятствия, открывает клинику, помогая больным африканцам. Любовь и смерть, страх и преодоление проходят через годы и десятилетия, становясь судьбой…

- Барбара Вуд
  - Предисловие
    -
    - Пролог
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
  - Часть вторая
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

- 18
- 19
- 20

- Часть третья
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
- Часть четвертая
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
- Часть пятая
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
- Часть шестая
  - 43
  - 44
  - 45
  - 46
  - 47
  - 48
  - 49
  - 50

        - 51
        - 52
    - Часть седьмая
        - 53
        - 54
        - 55
    - Часть восьмая
        - 56
        - 57
        - 58
        - 59
        - 60
    - Часть девятая
        - 61
        - 62
        - 63
        - 64
        - 65
        - 66
- notes
    - 1
    - 2
    - 3

Барбара Вуд
Мираж черной пустыни

Предисловие

Кения появилась на свет волею случая.

В 1894 году англичане изо всех сил стремились попасть в Уганду, стратегически важную военную точку, расположенную у истоков Нила, в самом сердце Африки. Они приняли решение построить железную дорогу от восточного побережья Африки до озера Виктория — водных ворот в Уганду. Дорогу построили: поезда мчались по земле, населенной дикими животными и воинствующими племенами, по земле, которая привлекала к себе лишь исследователей и миссионеров. Когда после окончания строительства выяснилось, что Угандская железная дорога оказалась убыточной и никому не нужной, правительство Великобритании искало способ, который позволил бы оправдать вложенные в дорогу средства. Этот способ вскоре нашелся, и выяснилось, что он сводится к тому, чтобы заселить окружающие дорогу земли поселенцами.

Первыми, кому предложили «свободную» землю, были сионистские евреи, которые на тот момент искали для себя место под солнцем. Однако евреи предпочли Африке Палестину. Тогда развернулась широкомасштабная кампания по заманиванию в Уганду иммигрантов со всех концов Британской империи. Подписывались соглашения с местными племенами, которые не имели ни малейшего представления о том, что такое «соглашение», и были крайне озадачены, не понимая, на их земле делали белые люди. Правительство предлагало по минимальным ценам огромные участки «неиспользуемых» диких земель любому, кто согласится жить там и возделывать их. Земля на центральных высокогорьях страны из-за своего месторасположения была плодородной, с буйной растительностью; многие британцы из Англии, Австралии и Новой Зеландии, ищущие новую родину, место, где бы они могли начать новую жизнь, с удовольствием ехали туда.

Министерство по делам колоний решительно заявило, что эта территория является всего лишь протекторатом и что в один прекрасный день она будет возвращена черному населению, когда те научатся управлять ею. Несмотря на это, в 1905 году, когда на четыре миллиона африканцев приходилось всего две тысячи белых,

Британский уполномоченный по Восточно-Африканскому протекторату провозгласил протекторат Страной белого человека.

Пролог

— Доктор Тривертон?

Дебора резко открыла глаза и увидела перед собой улыбающуюся стюардессу. В ту же секунду она почувствовала легкую вибрацию самолета и поняла, что он идет на посадку.

— Мы получили для вас сообщение. Вас встретят в аэропорту.

У Деборы на секунду перехватило дыхание. Она поблагодарила и вновь закрыла глаза. Она очень устала. Полет был не из легких — двадцать четыре часа практически безостановочного лету с пересадкой в Нью-Йорке и заправкой в Нигерии. Ее встретят. Но кто?

В сумочке лежало письмо, которое пришло неделю назад на ее имя в больницу и которое застало ее врасплох. Письмо пришло из Кении, из миссии нашей леди Грейс. В нем говорилось о том, что Дебора должна немедленно приехать, так как Мама Вачера находилась при смерти и хотела ее видеть.

— Зачем ты летишь туда, если не хочешь этого? — спросил Джонатан. — Выброси ты это письмо. Просто забудь о нем.

Дебора не ответила. Лежа в объятиях Джонатана, она не могла произнести ни слова. Он никогда не поймет, почему она должна была вернуться в Африку или почему эта поездка так пугала ее. Все дело было в тайне, которую она скрывала от него, человека, за которого собиралась замуж.

Получив багаж и пройдя таможенный контроль, Дебора увидела в толпе встречающих мужчину, державшего в руках табличку с именем «Доктор Дебора Тривертон».

Она внимательно посмотрела на него. Это был высокий, хорошо одетый африканец из племени кикую, как она решила; человек, которого миссия послала встретить ее. Она прошла мимо него и подозвала одно из такси, стоявших вдоль тротуара. Это, надеялась Дебора, позволит ей выиграть немного времени, чтобы решить, действительно ли она хотела пройти через все это, вернуться назад в миссию и увидеться с Мамой Вачерой.

Водитель миссии скажет, что доктор Тривертон не прилетела этим рейсом, поэтому они не будут ожидать ее. Пока не будут.

— А кто это — Мама Вачера? — спросил Джонатан, когда они любовались опускающимся на залив Сан-Франциско туманом.

Дебора не ответила, не могла заставить себя сказать, что Мама Вачера была старой африканкой-знахаркой, наложившей много лет назад проклятие на всю ее семью. Джонатан бы просто рассмеялся, услышав подобный ответ, и упрекнул бы ее за серьезность тона.

Но это было еще не все. Мама Вачера была причиной, по которой Дебора жила теперь в Америке, поводом, заставившим ее покинуть Кению. И это было связано с тайной, которую Дебора скрывала от Джонатана, той страницей ее прошлой жизни, о которой она никогда не расскажет ему, даже после того, как они поженятся.

Такси летело сквозь темноту. Было два часа ночи, темной и прохладной, с проглядывающей через ветки терновых деревьев экваториальной луной. Звезды, сиявшие на небе, были похожи на сверкающую пыль. Дебора погрузилась в мысли. С момента получения письма, в котором ее просили приехать в Африку, Дебора действовала без суеты; она двигалась шаг за шагом, стараясь не думать о том, что скрывалось за каждым из этих шагов.

Первое, что она сделала, — попросила Джонатана позаботиться о ее пациентах. Они оба были хирургами и занимались врачебной практикой вместе, работая в одном кабинете. Первое время они были исключительно деловыми партнерами, и только по прошествии времени решили пожениться. Потом Дебора отменила свое выступление в медицинском институте и назначила человека, который должен был председательствовать вместо нее на ежегодной медицинской конференции в Кармеле. Встречи и собрания, запланированные на следующий месяц, она не отменила — была уверена, что к тому времени уже вернется домой.

И наконец, Дебора получила визу в Кенийском посольстве — теперь она была гражданкой Соединенных Штатов Америки и не имела кенийского паспорта, — купила лекарство от малярии, сделала несколько прививок от холеры и желтой лихорадки, и двадцать восемь часов назад взошла на борт самолета в аэропорту Сан-Франциско.

— Позвони мне сразу же, как прилетишь в Найроби, — говорил на прощанье Джонатан, крепко обнимая ее в аэропорту. — Звони мне каждый день, Дебора. И вообще возвращайся скорее.

Он поцеловал ее долгим и страстным поцелуем, прямо на глазах у остальных пассажиров — и это было очень непохоже на Джонатана.

Такси, мчавшееся по темной пустынной дороге, на полной скорости повернуло в сторону. Его фары скользнули по придорожному знаку и осветили на мгновение надпись: «Добро пожаловать в Найроби — зеленый город, утопающий в солнце!»

Дебору внезапно пронзила острая боль и моментально вывела ее из состояния одеревенения, в которое ее вогнал долгий полет. «Я приехала домой», — подумала она.

Отель «Найроби Хилтон» сверкающим столбом света высился над спящим городом. Когда такси остановилось возле ярко освещенного входа, швейцар — африканец в темно-бордовом пальто и цилиндре — бросился к двери, чтобы распахнуть ее перед гостьей. Как только Дебора вышла из машины в прохладную февральскую ночь, он сказал: «Добро пожаловать, мадам». Внезапно на Дебору накатили воспоминания. В детстве она часто сопровождала тетю Грейс, когда та ездила в Найроби за покупками. В такие дни она любила стоять на тротуаре и наблюдать за подъезжающими к дверям роскошных отелей такси. Из этих машин выходили туристы, удивительные люди из дальних стран, в новеньких штанах цвета хаки, сплошь увешанные фотоаппаратами и камерами, окруженные кучей чемоданов, радостные и веселые. Юная Дебора, словно зачарованная, смотрела на них во все глаза: она завидовала этим людям и мечтала быть частью их прекрасного мира. И вот она, Дебора, расплачивалась сейчас с водителем такси и шла по мраморным ступенькам к натертым до блеска стеклянным дверям, услужливо распахнутым перед ней швейцаром.

Деборе было невероятно жаль ту маленькую девочку. Как сильно она ошибалась.

Все люди, находившиеся за конторкой портье, были молодыми африканцами, одетыми в красивую красную униформу и говорящими на превосходном английском языке. Волосы всех девушек были заплетены в тугие косички, скрученные самыми замысловатыми способами. От взора Деборы не ускользнуло то, на что, видно, сами девушки закрывали глаза: их редеющие волосы. В недалеком будущем этим молодым женщинам светила перспектива стать практически лысыми — такова была цена за желание быть модной и красивой.

Они встретили доктора Тривертон тепло и радушно. Дебора вежливо улыбалась в ответ, но говорила мало. Она не хотела, чтобы о ней узнали правду, не хотела выдать себя своим британским акцентом. Портье видели перед собой стройную женщину, тридцати с небольшим лет, в своих голубых джинсах и рубашке очень похожую на американку. Чего они не знали — это того, что она была вовсе не американкой, а чистокровной кенийкой, такой же, как они, свободно говорившей на их родном языке.

В номере ее ждала корзина со свежими фруктами и услужливо разобранная постель; на подушке лежала обернутая в серебристую фольгу мятная шоколадка и записка от руководства отеля, в которой было написано: «Лала салама», что означало «Хорошего сна». Пока носильщик показывал ей, где находится ванная комната, мини-бар и телевизор, Дебора теребила в руках деньги, полученные ею у кассира отеля, пытаясь вспомнить текущий обменный курс. Она дала носильщику на чай двадцать шиллингов и по его широченной улыбке поняла, что этого было более чем достаточно.

Наконец она осталась одна, подошла к окну и посмотрела на улицу. Было мало что видно, только темные силуэты домов погруженного в сон города. Было тихо, иногда проезжали машины, а пешеходов вообще не было видно. Это был Найроби, которому пятнадцать лет назад Дебора сказала «Прощай».

В тот день злая и перепуганная восемнадцатилетняя Дебора поклялась, что больше никогда в жизни не ступит ногой на эту землю, и решительно взошла на борт самолета, полная решимости найти себе новый дом, новое место под солнцем. Чтобы создать свое новое «я» и вытравить из себя Африку, которая была в каждой частичке ее существа, ей пришлось много работать. Дебора встретила свое счастье в лице Джонатана в Сан-Франциско. Там она нашла место, которое могла назвать своим домом, и человека, который стал для нее самым близким и дорогим.

А потом пришло это письмо. Как монахини нашли ее? Как узнали, в какой больнице она работает и что она вообще в Сан-Франциско? Должно быть, сестрам пришлось потратить массу времени и денег на то, чтобы разыскать ее. Зачем? Из-за того, что эта старуха наконец-то находится на смертном одре?

«Зачем она хочет меня видеть? — мысленно спросила себя Дебора, глядя на свое отражение в окне. — Ты всегда ненавидела меня, Мама Вачера, всегда презирала меня за то, что я была одной из Тривертонов. Что мне до того, что ты умираешь?»

«Срочно, — говорилось в письме. — Приезжай немедленно».

Дебора прислонилась лбом к холодному стеклу. Ей вспомнились последние дни ее пребывания в Кении и те ужасные слова, которые сказала ей эта знахарка. Вместе с воспоминаниями к девушке вернулись давняя боль и страх, от которых, она думала, навсегда избавилась.

Она вошла в ванную комнату и включила яркий свет. Наполнив ванну горячей водой и добавив в нее ароматную пену «Нивея», Дебора посмотрела на себя в зеркало.

То, что Дебора увидела, было последним из множества ее обликов, обликом, которым она наконец-то была довольна. Пятнадцать лет назад, когда она впервые приехала в Америку, ее кожа была темной от загара, курчавые черные волосы коротко подстрижены. Она носила простое хлопковое платье без рукавов и сандалии. Теперь ее кожа была так бледна, насколько это было возможно — вот уже много лет Дебора избегала солнечных лучей, — а волосы, скрепленные золотой заколкой, стали ровными и гладкими. На рубашке и джинсах красовались дизайнерские лейблы, как и на дорогих спортивных туфлях. Она много и тяжело работала, чтобы выглядеть как американка, как белая женщина.

Она и есть белая женщина.

Затем она подумала о Кристофере? Узнает ли он ее?

Выйдя из ванной, Дебора закутала свои длинные мокрые волосы в полотенце и присела на краешек кровати. Спать ей не хотелось — прекрасно выспалась в самолете.

Она взяла в руки дорожную сумку, которую не выпускала из виду на протяжении всей поездки. Помимо паспорта, дорожных чеков и обратного билета в сумочке хранились вещи, которые имели для нее гораздо большую ценность. Дебора достала из сумки свое сокровище и положила его рядом с собой на кровать.

Это был небольшой сверток из коричневой бумаги, перетянутый тонкой веревочкой. Дебора развернула его и вынула содержимое:

конверт с выцветшими фотографиями, перетянутую лентой пачку старых писем и дневник.

Это было наследие Деборы, все, что она увезла с собой из Африки, все, что осталось от ее некогда благородной — а затем запятнанной позором — семьи Тривертонов. Она ни разу не пересматривала эти фотографии, после того как вложила их в конверт и запечатала его пятнадцать лет тому назад. Письма же не перечитывала с того ужасного дня, когда Мама Вачера наговорила ей страшных вещей. Дневник, старую, потертую, кожаную книгу, начатый шестьдесят восемь лет тому назад, вообще никогда не читала. На его обложке золотыми буквами была написана фамилия ее семьи: Тривертон.

В Кении эта фамилия была больше, чем просто фамилия. Дебора видела выражения на лицах молодых африканцев — служащих отеля, когда она назвала им свое имя. Все было как всегда: сначала быстрый испуганный взгляд, затем секундное немигающее воззрение, а следом неизбежная отчужденность и натянутая улыбка, за которой прятались ненависть и презрение за совершенные семьей Тривертонов иные деяния. Дебора с детства привыкла к подобным взглядам, поэтому не очень-то удивилась, поймав их на себе сейчас.

Было время, когда фамилия Тривертон боготворилась в Кении. Отель Деборы стоял недалеко от широкой улицы, некогда носившей имя лорда Тривертона. Сегодня эта улица называлась улицей Джозефа Гичеру, в честь кикую, мученически погибшего за независимость Кении. По дороге в отель Дебора проехала мимо школы, которая когда-то тоже носила имя Тривертонов. Сейчас же она увидела новый указатель: «Школа имени Мамы Вонджиру».

«Они словно пытаются стереть с лица земли память о нашей семье», — подумала Дебора.

Но как бы они ни старались «кенианизировать» эту страну — Дебора была уверена в этом на сто процентов, — им не удастся вычеркнуть Тривертонов из ее истории и памяти. Они были частью ее души, частью ее судьбы. Миссия, где лежала сейчас умирающая Мама Вачера, называлась миссией Нашей леди Грейс.

Католические сестры дали миссии это имя много лет назад, когда получили ее от тети Деборы. До этого она называлась просто миссией

Грейс в честь Грейс Тривертон, которая была одной из первых, кто основал в Кении институт общедоступной медицины.

Доктор Грейс Тривертон, человек-легенда не меньшего масштаба, чем ее великолепный брат-граф, создала эту миссию шестьдесят восемь лет назад на пустырях Центральной провинции. Эта женщина заменила Деборе ее настоящую мать; поэтому она часто приходила к ней на могилу и делилась с ней секретами, поселившимися в ее сердце. Тетя Грейс прошла через все это. Дебора знала: тетя была участницей и свидетельницей каждого триумфа и каждого позора семьи Тривертонов, видела взлеты и падения Кении.

Девушка касалась разложенных на кровати вещей, испытывая почти благоговейный страх. Фотографии… Она едва помнила, кто были люди, запечатленные на них. Вот Кристофер, совсем юный. Жаль, нет снимка, где он повзрослее. Письма… Дебора помнила из них только несколько ужасающих строк. И наконец, дневник… Это было все, что осталось ей от тети Грейс.

Дебора ни разу не читала этот дневник. Когда Грейс умерла, девушка была настолько подавлена случившимся, что не нашла в себе сил открыть его; потом, желая забыть о своей семье и своем прошлом, убрала его подальше.

Она взяла дневник в руки.

Ей показалось, что от дневника исходит энергия. Тривертоны! Окружающие видели в них красивых, невероятно богатых людей, членов высшего общества, лучших игроков в поло, первых поселенцев в Восточной Африке. И мало кто знал, что внутри своего клана они были истерзаны многочисленными секретами, болезнью несчастного мальчика, навлекшей на семью позор, сенсационным судебным разбирательством, о котором написали все газеты мира, запрещенными Любовями и страстями и ужасными тайнами, — ходили слухи даже о жертвоприношении и убийстве.

И суевериями — Мамой Вачерой и ее проклятием.

«Кристофер, — подумала Дебора. — Мой милый добрый Кристофер. Стали ли и мы с тобой жертвами рока семьи Тривертонов?»

Дебора распечатала конверт и вынула из него семь фотографий. Верхняя была сделана в 1963 году, прямо перед объявлением независимости Кении и концом света, как называла это время Дебора.

Это был групповой снимок, снятый стареньким фотоаппаратом, на котором четверка детей выстроилась в шеренгу по росту: самый высокий и старший из детей — Кристофер, ему одиннадцать. Рядом с ним его младшая сестра, восьмилетняя Сара, одногодка Деборы, затем посередине сама Дебора. Последним стоял десятилетний Терри Дональд, крепкий мальчуган в брюках и рубашке цвета хаки.

Дебора затуманенным от слез взглядом всматривалась в улыбающиеся лица. Четверка стоявших посреди коз и цыплят босоногих ребят, грязных и счастливых, внешне абсолютно беззаботных, ничего не подозревающих о тех переменах, которые вот-вот обрушатся на них и уничтожат их мир. Двое африканцев, двое белых, а вместе — четверка неразлучных друзей.

«Сара, моя лучшая подружка, — с грустью подумала Дебора. — Мы вместе росли, вместе играли в куклы, вместе открывали для себя мальчишек». Сара, чернокожая красавица, всегда делилась с Деборой своими мечтами. Они были близки словно сестры, вместе строили планы на будущее, и все для того, чтобы быть разлученными какой-то старухой-знахаркой. Что стало с Сарой? В Кении ли она еще?

Дебора взяла другую фотографию. На ней была изображена тетя Грейс, заснятая в 1930-е годы. Глядя на миловидное овальное лицо, улыбку, слегка завитые волосы, светящиеся вокруг головы, словно нимб, Дебора не могла поверить в то, что Грейс Тривертон нередко обвиняли в мужеподобии. Эта удивительная женщина стала известной благодаря не только открытию миссии, но и другому достижению: она написала книгу под названием «Когда ты обязан быть врачом». Изданная впервые пятьдесят восемь лет назад и периодически дополняемая и перерабатываемая, эта книга стала одной из самых востребованных и широко используемых руководств по медицине в странах третьего мира.

На следующем снимке красивый темноволосый мужчина сидел на пони для игры в поло. Валентин, граф Тривертон, дедушка Деборы, — человек, которого она никогда не знала. Даже на этой маленькой фотографии со слегка смещенным в сторону фокусом Дебора видела то, что видели другие люди: невероятно привлекательного мужчину, похожего на актера Лоуренса Оливье. На обратной стороне было написано: «Июль 1928, день, когда мы обедали с Его Королевским Высочеством, принцем Эдуардом, принцем Уэльским».

На четвертой фотографии не было ни даты, ни поясняющей надписи, но Дебора знала, что на ней запечатлена леди Роуз, графиня Тривертон. Снимок как будто был сделан скрытой камерой: Роуз смотрела через плечо удивленно и растерянно. По фотографии сложно было определить возраст женщины: белое кисейное платье простенького покроя, беззаботно лежащий на плече белый зонтик от солнца, по-девичьи распущенные по плечам волосы. Несмотря на все это, на момент снимка ей, очевидно, было около тридцати. Внимание Деборы привлекли глаза женщины: в них застыло какое-то страдание, странная меланхолия, заставляющая людей гадать о том, какое горе постигло эту женщину.

Дебора не могла заставить себя взглянуть на три последние фотографии. Комната стала заполняться призраками, хотя некоторые из них были призраками живых людей.

Где же находилась Сара сейчас, в данную минуту?

Сара, у которой было столько мечтаний, столько амбиций! Наделенная артистическим талантом, являвшимся предметом восторга и зависти Деборы, Сара мечтала создать свою линию одежды «Мода Кении». Она грезила о славе и богатстве, а Дебора бросила ее, оставила одну в той нелегкой ситуации.

«Сара Вачера Матенге, — подумала Дебора. — Моя сестра…»

Потом Дебора подумала о Терри Дональде, румяном красивом мальчике, чья родословная происходила от первых путешественников и исследователей Черного континента, последнего в череде белых людей, рожденных в Кении, с саваннами, джунглями и охотой в каждой частичке их существ.

И наконец, Кристофер.

Дебора положила фотографии обратно в конверт.

Жил ли Кристофер по-прежнему в Кении? Пятнадцать лет назад она уехала, не объяснив ему ничего. Она даже не предупредила его о том, что собирается уехать. А ведь они любили друг друга, планировали пожениться. Она бросила его, так же как и Сару, даже не попрощавшись.

Внезапно Дебора поняла, что вернулась в Африку не только ради умирающей женщины, но и в надежде вновь обрести себя, своих родных и близких.

Все вдруг стало ясным и понятным. Там, в Сан-Франциско, был Джонатан, который любил и ждал ее. Теперь Дебора понимала, что она подсознательно не решалась сделать последний шаг и создать с ним семью, о которой они оба так мечтали. Сначала необходимо было примирить свое настоящее со своим прошлым. Джонатан мало что знал о прежней жизни Деборы, о ее поисках своего «я». Он понятия не имел ни о Кристофере, ни о тех чудовищных вещах, которые узнала о нем Дебора. Не сказала она Джонатану и о своем открытии, которое сделала пятнадцать лет тому назад, когда выяснилось, что Мама Вачера, эта знахарка-африканка, была ее бабушкой.

Дебора вновь взяла в руки дневник тети Грейс, испытывая внезапное, непреодолимое желание прочесть его. Она содрогнулась при мысли о том, какие еще открытия могут ждать ее на страницах этого дневника. Но, возможно, там будут и ответы, а может быть, и ключ к умиротворению ее души и разума.

Когда ее взгляд упал на первую страницу, на выцветшие чернила и дату «10 февраля 1919 года», Дебора подумала: «Возможно, это были самые лучшие дни тогда, много лет назад; в то время Кения была молодой и невинной, будущее казалось кристально чистым; люди знали, куда едут, их сердца пылали страстным огнем. Мужчины и женщины, приезжавшие в Кению, были полны решимости и жажды приключений, их вел дух авантюризма, они мечтали создать новую жизнь для себя и своих детей.

Они часть меня, и, как бы я ни старалась избавиться от них, убежать прочь, они всегда будут жить во мне. Но есть и другие, те, кто жил на этой древней, унаследованной от предков земле до прихода белых чужеземцев. Они тоже часть меня…»

Часть первая
1919

1

— Помогите! Срочно нужен врач! В поезде есть врач?

Услышав крик, Грейс Тривертон открыла окно и выглянула из купе. Она тут же поняла причину незапланированной остановки поезда: рядом с рельсами лежал мужчина.

— Что там случилось? — спросила леди Роуз, видя, что ее невестка Грейс схватила сумку с медицинскими принадлежностями.

— Человек ранен.

— Боже!

Перед тем как выйти из вагона, Грейс на секунду задержала взгляд на Роуз. За последний час цвет ее лица изменился — кожа стала болезненно-бледной. Они были всего в восьмидесяти милях от Момбасы, порта, в котором сели на поезд. До Вои, оставалось еще несколько миль.

— Ты должна поесть что-нибудь, Роуз, — сказала Грейс, бросив многозначительный взгляд на Фэнни, служанку Роуз. — И попить что-нибудь. А я пока быстренько сбегаю к тому бедняге, посмотрю, что с ним.

— Со мной все в порядке, — сказала Роуз, прерывисто дыша. Она промокнула лоб надушенным носовым платком и сложила руки на животе.

Грейс задержалась еще на мгновение. Если бы было что-то не так, особенно с ребенком, Роуз ни за что на свете не призналась бы в этом. Бросив на Фэнни еще один взгляд, говорящий: «Смотри в оба за госпожой», Грейс поспешно вышла из вагона.

Жара и пыль мгновенно навалились на нее. После того как она провела несколько недель в душной каюте корабля и проехала восемьдесят миль в крошечном купе поезда, Грейс, едва оказавшись под палящим африканским солнцем, моментально почувствовала приступ головокружения и дурноты.

Подойдя к пострадавшему, возле которого собралась группа людей, говорящая на смеси английского, хинди и суахили, Грейс попыталась протиснуться сквозь толпу.

— Не подходите, мисс. Это зрелище не для молодой леди. — Какой-то мужчина повернулся, чтобы остановить ее, и его брови поползли вверх от удивления.

— Возможно, я смогу чем-нибудь помочь, — сказала она, обходя мужчину. — Я врач.

Теперь все мужчины смотрели на нее с удивлением, а когда она опустилась рядом с пострадавшим, разом замолчали: они никогда не видели женщину, одетую столь странным образом.

На Грейс Тривертон была белая блузка с черным галстуком, черный приталенный пиджак, темно-синяя юбка до лодыжек и, что было самой забавной деталью ее туалета, широкополая велюровая треуголка. Эти колонисты, живущие вдали от цивилизации, на задворках Британской империи, не распознали форму офицера женского полка Королевской военно-морской службы.

Они ошеломленно наблюдали, как она осмотрела раны человека, не выказывая ни малейших признаков отвращения или испуга. «Человек весь в крови, — думали они, — а эта странная дамочка полна спокойствия, будто она не раны обрабатывает, а чай разливает!»

Мужчины начали шептаться, но Грейс не обращала на них никакого внимания. Она пыталась сделать что-нибудь для находящегося без сознания человека. Судя по его одежде из шкур и бусам, он был из местных и, скорее всего, стал жертвой льва. Пока Грейс обрабатывала раны антисептиками, она слышала приглушенные голоса мужчин, стоявших вокруг нее, и понимала, о чем они говорят.

Одни были шокированы ее поведением, другие удивлены, но все без исключения относились к происходившему крайне скептически. Никакая уважающая себя леди не позволит себе заниматься столь малопривлекательным делом. Ее поведение считалось неподобающим! Да знали бы эти люди, что раны бедного африканца не шли ни в какое сравнение с теми ранениями, которые ей приходилось лечить на борту плавучего госпиталя.

— Мы должны занести его в поезд, — наконец произнесла она, сделав для несчастного все, что было в ее силах.

Никто не двинулся с места. Она подняла глаза и посмотрела на мужчин. — Ему нужна квалифицированная помощь. Такие разрывы необходимо зашить. Он потерял много крови. Ради бога, не стойте как истуканы!

— Да не жилец он, этот малый, — послышался один голос.

— Я даже не знаю, кто он, — сказал другой.

— Из племени масаи, — сообщил третий, как будто это каким-то образом проясняло ситуацию.

Грейс встала.

— Ну-ка, возьмите его и отнесите в поезд. Немедленно.

Мужчины нерешительно топтались на месте. Несколько человек развернулись и пошли прочь. Оставшиеся растерянно смотрели друг на друга: кто она такая, чтобы приказывать им? Затем они снова внимательно посмотрели на нее. Она была весьма хорошенькой и, судя по всему, настоящей леди.

Наконец двое мужчин подняли африканца и отнесли его в вагон. Когда Грейс развернулась и пошла к своему купе, она услышала смешки: мужчины за спиной не скрывали презрения.

Возле ее вагона стоял загорелый мужчина. Улыбаясь, он помог Грейс подняться по ступенькам поезда.

— Не обращайте на них внимания, — сказал он, дотронувшись рукой до шляпы. — Они отстали от жизни лет на десять.

Грейс немного задержалась на маленькой платформе и проводила мужчину взглядом. Он направился к вагону второго класса.

В купе Роуз обмахивалась веером и смотрела в окно.

Грейс подошла к невестке и прикоснулась к ее тоненькому запястью. Пульс был сильный и ровный. Затем она пощупала живот через летнее кисейное платье.

Грейс встревожилась: ребенок опустился в область таза.

— Роуз, когда ребенок опустился вниз? — осторожно спросила она.

Леди Роуз оторвала взгляд от пейзажа за окном и растерянно моргнула, словно секунду назад она была где-то далеко-далеко, на равнине, среди терновых деревьев и вечнозеленых кустарников.

— Пока ты была на улице, — ответила она.

Грейс попыталась не выказать своей тревоги. Роуз и так нельзя волноваться и нервничать. А тут еще эта поездка, черт бы ее побрал!

Грейс достала флягу с минеральной водой, налила немного в серебряную чашку и протянула невестке. Пока Роуз пила, разлив немного воды, поезд дал гудок и тронулся с места, Грейс пыталась собраться с мыслями.

Ребенок опустился слишком рано. Это должно было случиться минимум через месяц. Свидетельствует ли это о том, что с ребенком что-то не в порядке? И если сроки сдвигаются, то когда начнутся роды? «Я уверена, у нас есть время!» — решила Грейс. Она думала об этом маленьком поезде с его отдельными вагонами и купе, отделяющими людей друг от друга. Движущийся поезд невозможно будет остановить, а следовательно, нельзя будет позвать кого-нибудь на помощь.

Грейс злилась на себя. Как она могла позволить Роуз отправиться в эту поездку? Почему не запретила ей ехать? Роуз и раньше не отличалась крепким здоровьем, а тут еще эта поездка из Англии в Африку, которая совершенно вымотала ее. Но отговорить Роуз оказалось делом невыполнимым. «Я хочу, чтобы мой сын родился в нашем новом доме», — с настойчивостью сумасшедшей твердила она. С тех пор как Валентин, муж Роуз и брат Грейс, написал о том, какой чудесный дом он построил в центре Британской Восточной Африки, Роуз просто заболела идеей родить ребенка там. А тут еще Валентин, вместо того чтобы поддержать сестру и настоять на приезде жены уже после рождения ребенка, несказанно «помог», заявив, что он согласен с женой и тоже хочет, чтобы их сын родился в новой стране.

Грейс написала в ответ гневное письмо, но, так и не сумев воззвать к здравому смыслу брата и невестки, предпочитающих идти на поводу у своей сумасбродной мечты, вынуждена была смириться.

В результате две женщины покинули Англию и Белла Хилл, их родовое гнездо в Суффолке, и вместе со всеми пожитками в компании из шести слуг отправились по безопасным послевоенным морям к недавно демилитаризованной, экзотической и манящей африканской земле.

Леди Роуз наклонилась вперед и потрогала розы. В то время как другие пять слуг и псы ехали в вагоне второго класса, эти розовые кусты сопровождали графиню в купе, словно были ее детьми. Грейс с раздражением посмотрела на кусты. Во время поездки эти растения уже успели доставить им массу хлопот! Однако через секунду она сменила гнев на милость, увидев, с какой любовью невестка хлопотала над ними.

«Уже скоро, — подумала Грейс, — в ее жизни появится ребенок, который станет для нее центром вселенной». Ребенок, о котором Роуз

так отчаянно мечтала и не переставала мечтать даже после того, как лондонские специалисты заявили, что она никогда не сможет иметь детей. Ребенок, напомнила себе Грейс, который, как она надеялась, заставит ее брата остепениться.

Она вздохнула и посмотрела в окно. Валентин был человеком неугомонным, и эта неизведанная, неукрощенная страна была как раз ему по вкусу. Грейс осознавала, чем привлекала Валентина Восточная Африка, понимала его решение оставить имение Белла Хилл на попечение младшего брата и приехать сюда создавать новую империю.

«Может быть, эта земля укротит его, — думала Грейс, засыпая под монотонный стук колес. — Может быть, он станет другим человеком…»

Грейс все еще размышляла о людях, когда поезд остановился на станции Вои и пассажиры высыпали из своих вагонов и отправились обедать. Ей приснился «плавучий» госпиталь и Джереми.

Положение невестки не позволяло им трапезничать вместе с другими пассажирами, поэтому пришлось ужинать в отдельном вагоне, где накрыл стол и обслуживал пожилой, почтенного вида африканец. Грейс почти не притронулась к вареной говядине и капусте. Она смотрела в окно на ярко сверкающее в сумраке вечера бунгало, в котором ужинали люди.

Она наблюдала за мужчинами, сидевшими за накрытыми белоснежными скатертями столами. Вечерний воздух был наполнен их смехом и голосами, дымом их сигар. Грейс завидовала им.

Роуз потягивала из хрустального бокала красное вино и тихо щебетала о своих планах на будущее:

— Я посажу розы там, где смогу постоянно видеть их. А каждую среду буду устраивать дома чаепитие, на которое буду приглашать всех благопристойных леди, живущих по соседству.

Грейс снисходительно улыбалась, слушая невестку. Ей не хотелось разочаровывать ее сейчас; скоро она сама узнает всю правду о своей новой жизни, когда увидит плантации и. обнаружит, что ближайшие соседи живут за многие мили и что леди, о которых она говорила, окажутся работающими с утра до вечера фермерскими женами, у которых не будет ни минутки на послеобеденное чаепитие.

Что-то на улице привлекло внимание Грейс. Это был мужчина, который помог ей подняться по ступеням вагона. Он следил за тем, как

какой-то груз перетаскивали из вагона поезда в повозки. Присмотревшись, Грейс увидела, что это за груз: оружие и полевое снаряжение. «Значит, — подумала она, — он охотник и покидает поезд здесь, в Вои».

Грейс с интересом стала наблюдать за ним. В одежде цвета хаки и большой круглой шляпе он выглядел очень привлекательно. Вдруг он повернулся и встретился с Грейс взглядом, и ее сердце замерло. Он улыбнулся, а затем вскочил на лошадь, отдал ей честь и ускакал прочь.

Наблюдая за тем, как его фигура исчезает в ночи, Грейс подумала, что это именно тот сценарий, по которому развиваются ее отношения с противоположным полом, и таким он будет всегда. Она приводила мужчин в смятение, как сегодня днем, когда они не знали, как вести себя с ней, или пробуждала в них необъяснимое презрение, или удостаивалась от них наивысшей похвалы, как в случае с охотником, после чего они начинали относиться к ней как к хорошему парню.

Грейс подумала о раненых солдатах, которых каждый день приносили на медицинский корабль. Как милы они были с ней поначалу, флиртовали, думая, что она обыкновенная медсестра. И как резко менялось их отношение к ней, когда они выясняли, что она врач и офицер: они начинали почтительно вытягиваться перед ней и выказывать всяческое уважение, создавая тем самым невидимый барьер, за который она никак не могла перейти.

Девять лет назад, в тот день, когда ее приняли в медицинский колледж, Грейс разговаривала с одной пожилой женщиной-врачом. «Твоя новая профессия будет для тебя одновременно и проклятием и благословением, ты поймешь это, — сказала ей доктор Смит. — Мужчины-врачи будут презирать тебя за то, что ты посмела вторгнуться в их ревностно охраняемое братство. А мужчины-пациенты будут считать тебя неспособной к занятиям медициной. У тебя не будет нормальной общественной жизни, потому что ты не впишешься в роли, отведенные этим обществом женщинам. Одни мужчины поставят тебя на пьедестал, да так высоко, что сами не посмеют к тебе приблизиться. Другие посчитают забавной чудачкой. Ты будешь пугать одних и удивлять других. Ты войдешь в мир мужчин, но не станешь своей, а будешь получать самое малое из привилегий этого мира».

Доктор Элис Смит, которая в свои шестьдесят лет была не замужем, сказала ей чистую правду. Грейс Тривертон в двадцать девять лет была старой девой.

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза.

Это и была та цена, о которой ее предупреждали много лет тому назад, когда она объявила о своем намерении изучать медицину. Ее отец, старый граф, отказался поддержать ее, а братья просто высмеяли, предупредив, что она утратит женственность и превратится в мужика. Некоторая часть их предсказаний сбылась. Ей действительно пришлось пойти на жертвы. Надежды на то, что она выйдет замуж и заведет детей, уже практически не осталось. Несмотря на двухгодичное плавание среди тысяч солдат, Грейс все еще была девственницей.

Но не все мужчины вели себя так, как ее братья или те грубияны в бунгало. Был охотник, который обратил на нее внимание, а в Египте, где располагалась их база во время войны, Грейс встречала офицеров, культурных, воспитанных мужчин, настоящих джентльменов, которые с уважением относились к офицерскому знаку отличия на ее рукаве и слову «доктор», которое ставилось перед ее именем.

А еще был Джереми.

Честно говоря, предсказание доктора Смит показалось Грейс полным бредом, особенно в ту минуту, когда Джереми надел ей на палец кольцо и объявил о помолвке. Но эта мечта утонула в темных водах Средиземноморья вместе с подбитым торпедой кораблем и Джереми.

Тарелки унесли, а женщин попросили выйти из купе и подождать на платформе, пока им застелят постели. Грейс, поддерживая невестку под локоть, вывела ее из вагона. Они стояли на платформе, дыша чистым ночным воздухом и любуясь великолепием звезд. Скоро над горой Килиманджаро будет видна полная луна.

Англия теперь представлялась другой галактикой. Порой даже возникало такое чувство, что она никогда и не существовала. Казалось, они выехали из Саутгемптона целую вечность назад. Три недели они плыли на восток, удаляясь с каждым днем все дальше от родных берегов на встречу с неизвестным. Порт-Саид показался Грейс несколько странным. Теперь, когда война была позади, туристы вновь стали возвращаться туда. На борт корабля поднимались лавочники со

своим дешевым товаром и «настоящими» древними артефактами, а также торговцы с едой и крепким египетским вином.

Потом был Суэцкий канал, окруженный суровой бесплодной пустыней, и порт Судан с величественными вереницами верблюдов и арабами в бурнусах. Из Адена, этого унылого оазиса посреди пустыни, корабль направился вдоль экзотического побережья Сомали в знойный Индийский океан, где закаты окрашивали небо в золото и пурпур. И, наконец, в Момбасу, город на побережье Британской Восточной Африки, с его белыми зданиями, кокосовыми пальмами, манговыми деревьями, ярко цветущими кустарниками и жителями, шумно торгующими всякой всячиной. Куда подевался английский туман, благородные древние камни Белла Хилл, пабы вдоль узких улочек? Они остались в другом мире, в другой жизни.

Грейс смотрела на мужчин, сидящих на веранде бунгало, с сигарами и бренди, ждущих, когда завершится их странствие. Какие мечты привели их на эту девственную и дикую землю? Кого из них выберет удача, а кого провал? Что ждет каждого из них в конце этого путешествия? До Найроби, должно быть, еще день езды. После этого графиню Тривертон и ее свиту ждет многодневная поездка на повозке по грязным дорогам, на север, в Найэри.

Грейс содрогнулась от одной мысли об этом. Ее мечта, которую они с Джереми лелеяли во время их красивого, но несправедливо короткого романа, могла стать реальностью по завершении этого дикого пути. Именно Джереми подарил ей прекрасную мысль создать уголок надежды и милосердия посреди пустыни; после войны он планировал поехать в Африку и нести Слово Божие в дикий мир язычества.

Они планировали работать вместе: Джереми лечил бы душу, а Грейс — тело. Ночами, сидя на палубе или в каюте корабля, они говорили о миссии, которую хотели открыть в Британской Восточной Африке, и этот день был уже не за горами. Грейс собиралась построить эту больницу в память о Джереми; она хотела привнести его прекрасный свет во мрак Африки.

— Боже, — вдруг прошептала Роуз, навалившись на Грейс. — Кажется, мне нужно лечь.

Грейс бросила на невестку озабоченный взгляд. Лицо Роуз было белым, как ее муслиновое платье.

— Роуз? Тебе больно?

— Нет…

Грейс разрывали противоречия. Ехать дальше или остаться здесь? Эта глухая станция была не лучшим местом для женщины, которая вот-вот должна была родить, к тому же до Найроби оставался всего один день пути.

«Боже, дай нам немного времени, — молилась Грейс, укладывая Роуз в постель. — Не позволь этому случиться здесь. У меня нет ни хлороформа, ни горячей воды».

На лице Роуз не было страдания; оно было задумчивым и отстраненным.

— С моими розами все в порядке? — только и спросила она.

Подождав, пока невестка уснет, Грейс сняла с себя военно-морской костюм, привела его в порядок и аккуратно повесила. Многих женщин-врачей обвиняли в том, что они перенимали у мужчин их качества. На Грейс, которая продолжала носить униформу, несмотря на то, что оставила военную службу год назад, смотрели с крайним подозрением. И это было очень глупо с их стороны — она просто была очень практичной женщиной. Костюм сшит из качественной ткани, в хорошем состоянии, нашивки с рукавов отпороты — у Грейс не было причин не носить его.

«Наша маленькая морячка», — называл ее Валентин. Несмотря на то что ее отец воевал в Крымской войне, а Валентин отправился в Восточную Африку сражаться с немцами и служил там строевым офицером, желание Грейс поступить на военную службу было принято с огромнейшим неодобрением. Но Грейс, которой, как и всем Тривертонам, было свойственно упрямство, поступила так, как велело сердце. Вот и сейчас она ехала в Африку, ведомая своим сердцем, полная решимости осуществить мечту, рожденную в Средиземноморье, на борту военного корабля.

Валентин, питавший глубокую неприязнь ко всем миссионерам в целом, относился к идее сестры построить больницу крайне негативно. Он заявил ей, что не намерен участвовать в этой дурацкой затее ни при каких обстоятельствах. Но Грейс и не нуждалась в его участии: у нее был маленький доход от своей доли наследства, небольшая поддержка от церквей Суффолка и несгибаемая воля, которой мог позавидовать любой мужчина.

Услышав стон леди Роуз, Грейс резко повернулась. Бледная невестка лежала, положив руки на живот; дыхание было глубоким.

— С тобой все хорошо? — спросила Грейс.

— С нами все в порядке.

Грейс ободряюще улыбнулась в ответ, пытаясь скрыть нарастающий страх. Им еще ехать столько миль, столько дней — а самая «веселая» часть путешествия ждет их еще впереди!

— Малыш толкается? — спросила она, и Роуз кивнула.

Ребенка хотели назвать Артуром в честь младшего брата, погибшего во Франции в первый год войны. Достопочтенный Артур Кьюрри Тривертон одним из самых первых смельчаков вызвался воевать, когда Англия вступила в войну.

Раздался гудок, и поезд начал набирать скорость. Грейс выглянула в окно: яркие огни станции Вои остались позади. Поезд мчался по невзрачной пустынной местности, следуя по старому маршруту рабов, к озеру Виктория.

Был 1919 год. Казалось, еще вчера по этому самому пути закованные в цепи африканцы брели к пришвартованным к берегу кораблям. Правительство Англии построило эту железную дорогу якобы для того, чтобы контролировать этот маршрут и тем самым положить конец незаконной работорговле. По крайней мере так они объяснили необходимость строительства дороги, которая стоила дорого и, казалось, вела в никуда. Глядя на пролетающие мимо окна огненные искры, выбрасываемые паровозом, Грейс видела перед собой разбитые под звездным небом лагеря, работорговцев и их перепуганных, стонущих в оковах пленников. Что должны были чувствовать те несчастные, ни в чем неповинные африканцы, которых загоняли на наводящие ужас корабли и заставляли прислуживать хозяевам на другом конце земного шара?

Грейс позаботилась о том, чтобы окна вагона были плотно закрыты. Она наслушалась достаточно историй про львов-людоедов, вытаскивающих людей прямо из поезда. Это была дикая страна, где ночи таили в себе еще больше ужасов, чем дни. Никогда еще она не чувствовала себя такой уязвимой, такой одинокой. Общение между пассажирами первого класса не представлялось возможным; вагончики, словно маленькие соединенные межу собой коробочки, с

шумом неслись сквозь мрак ночи. Грейс молилась о том, чтобы прибыть в Найроби вовремя.

Не сводя глаз со спящей Роуз, Грейс попыталась немного расслабиться. Она думала о том, что будет делать завтра. «Мы останемся в Найроби и продолжим путь только после рождения ребенка».

Валентин будет вне себя от гнева: задержка в Найроби на пару дней может обернуться задержкой на пару, а то и больше месяцев, так как со дня на день должен был начаться сезон дождей, который сделает все поездки в центральные провинции просто невозможными. С братом Грейс разберется. Она очень хочет, чтобы его жена поскорее приехала в построенный им дом, но ради безопасности матери и ребенка будет настаивать на отсрочке поездки.

Зная, что заснуть сейчас ей не удастся, Грейс решила сделать запись в своем новом дневнике. Это был подарок одного профессора из медицинского колледжа, красивая книга в кожаном переплете, с золотым обрезом страниц. Она долго не решалась начать писать в нем, ждала более подходящей минуты — первого дня своей новой жизни.

Едва она успела написать дату «10 февраля, 1919», как Роуз вскрикнула: начались роды.

2

Она была безумно зла на брата.

Черные тучи, словно стервятники, угрожающе нависли над холмом. А они — две женщины, шесть слуг и четырнадцать африканцев — продолжали свой рискованный путь по грязным дорогам Африки на пяти груженных их земными сокровищами фургонах. Если разразится ураган, как их защитят брезентовые тенты? Что скажет Валентин, увидев промокшие картины и испорченные ковры? Как он будет успокаивать Роуз, когда та увидит уничтоженные дождем шелковые платья и кружевные скатерти? Тащить все это бесполезное барахло в пустыню было несусветной глупостью! Валентин просто сошел с ума.

Грейс взглянула на невестку: та сидела, закутавшись в меховое пальто, и завороженно смотрела вдаль, будто она видела, что там, в конце их пути.

Роуз была еще очень слаба. Но она наотрез отказалась оставаться в Найроби, особенно после того, как получила записку от Валентина, в которой говорилось, чтобы она немедленно приезжала. Грейс пыталась уговорить невестку остаться, но на ту не действовали никакие уговоры. На следующий день Роуз приказала английским слугам грузить вещи в фургоны. Грейс не удалось настоять на своем, и вот они оказались в дикой местности, где приходилось прорубать путь сквозь заросли манговых и банановых деревьев, сражаться с насекомыми и коротать ночи в фургонах, не смыкая глаз от рева львов и гепардов. А тут еще ливни, грозящие начаться со дня на день!

Детский плач заставил Грейс обернуться и посмотреть на едущий за ними фургон. Миссис Пемброук, няня, достала бутылочку и начала кормить ребенка.

Грейс нахмурилась. То, что это дитя выжило, было настоящим чудом. Когда маленькое бездыханное тельце появилось на простынях, Грейс была уверена, что малыш мертв. Сердцебиения не было, личико синюшное. Но она сделала ему искусственное дыхание — и ребенок задышал! Маленькая слабенькая девочка не только выжила, но и крепчала с каждым днем.

Грейс думала о молодой женщине, сидящей рядом с ней. За исключением того эпизода в отеле, когда она настояла на продолжении пути, леди Роуз не произнесла ни слова после рождения дочери. Нет, поправила себя Грейс, был еще один случай: когда ее в буквальном смысле заставили дать имя ребенку, Роуз произнесла: «Мона». И все. Грейс не знала, откуда она взяла это имя, пока не увидела роман, который читала Роуз во время путешествия. Главную героиню звали Мона.

Грейс не оставалось ничего другого, как согласиться с этим именем, поскольку ее брат не высказал никаких пожеланий насчет имени для девочки. Одержимый тщеславием и желанием основать династию, Валентин даже и подумать не мог о том, что у него может родиться кто-нибудь, кроме сына. Грейс окрестила ребенка и послала брату записку.

Его ответ был следующим: «Приезжайте немедленно! Все давно готово!»

Все десять дней, что они ехали из Найроби, леди Роуз молчала. Ее большие, темные, лихорадочно блестящие глаза неотрывно смотрели вперед, в то время как маленькие белые ручки нервно подергивались внутри отделанной мехом горностая муфты. Всю дорогу она сидела наклонившись вперед, как будто хотела подстегнуть волов. Когда к ней обращались, она не реагировала; когда ей давали ребенка, она смотрела на него отстраненным взглядом. Единственное, к чему она проявляла интерес, помимо желания увидеть свой новый дом, были ее розовые кусты, ехавшие с ней в одном фургоне.

«Это послеродовой шок, — подумала Грейс. — Столько сразу всего случилось, столько перемен. Она почувствует себя гораздо лучше, как только окажется в новом доме».

До того как Роуз встретила Валентина на своем семнадцатом дне рождения, три года тому назад, она вела жизнь затворницы. И даже после помолвки с молодым графом Роуз мало интересовала светская жизнь; она вышла за него замуж спустя три месяца после их знакомства, переехала в Белла Хилл и скрылась в стенах дома.

Для всех было загадкой, почему Валентин выбрал робкую, летающую в облаках Роуз, когда мог взять в жены любую из подходящих молодых женщин в Англии. Валентин был красив, изыскан, богат; к тому же недавно унаследовал титул. Надо сказать,

Роуз тоже происходила из очень благородной семьи — она была дочерью маркиза. Она была красива, но отчасти напоминала Грейс трагических дев, о которых писал в своих книгах По. Она жила в совершенно другом мире. Грейс боялась, что Роуз не подходит для такого властного человека, как Валентин.

Но он выбрал ее. Она тут же согласилась и принесла свой яркий свет в темные, величественные залы Белла Хилл.

Грейс не терпелось увидеть, каких результатов ее брат смог добиться за последние двенадцать месяцев: Грейс знала, что он способен на невероятные вещи.

Валентин Тривертон был человеком неугомонным, со страстной натурой, с такой жаждой жизни, что в Англии, как он говорил, ему было нечем дышать. Он мечтал о первозданном мире, который бы он сделал своим, где сам был бы законом и где ни было бы ни традиций, ни устоев, говорящих, что и как ему нужно делать.

Люди, встречавшиеся на жизненном пути Валентина, мгновенно проникались к нему симпатией. Он ходил широким шагом и приветствовал знакомых, разводя руки в стороны, словно хотел обнять их. Его смех был глубоким и искренним, а сам он настолько красивым, что даже мужчины очаровывались им. Но Грейс знала и другое: его непростой характер, его причуды, его тщеславие и слепую убежденность в том, что все — или почти все — ниже его. Грейс нисколько не сомневалась, что ему удастся подчинить себе эту дикую пустыню.

Первые капли дождя заставили всех посмотреть на небо. Через мгновение африканцы начали что-то кричать друг другу и оживленно жестикулировать. Грейс не нужно было знать их язык, чтобы понять, о чем они говорили. Если начнется ливень, то эта дорога превратится в непроходимое болото.

— Чи Чи! — позвала Грейс вожака африканцев.

Он подбежал к ее фургону.

— Да, мемсааб?

— Далеко еще до поместья?

Он пожал плечами и показал пять пальцев.

Грейс бросила на него вопросительный взгляд. Что он хотел этим сказать? Пять миль? Пять часов? Пять дней, боже упаси? Она подняла

голову и посмотрела на небо. Низкие тучи были цвета угля; банановые пальмы гнулись под порывами зловещего ветра.

— Нужно поторапливаться, Чи Чи, — сказала Грейс. — Мы не можем ехать быстрее?

Первый фургон, казалось, ехал со скоростью черепахи; двое мужчин с ружьями, охранявших их от нападения диких животных, клевали носом, а аборигены с копьями в руках, одетые в козлиные шкуры, неторопливо шли рядом с фургонами.

Вожак кивнул и направился к первому фургону, где он что-то крикнул на языке вознице — кикую. Однако на скорость фургона это никак не повлияло.

Еле сдерживаясь, чтобы не спрыгнуть с повозки и не взять бразды правления в свои руки, Грейс кляла себя за то, что не послушалась совета джентльмена, которого встретила в отеле в Тике.

Он сказал ей, что имя вожака африканцев Чи Чи означает на языке кикую «неторопливый» и что наверняка его назвали этим именем не просто так. Но Грейс не хотелось менять проводника на полпути, и вот результат: они застряли где-то между Найэри и поместьем ее брата в преддверии мощного урагана.

Она обернулась и увидела, что миссис Пемброук с ребенком на руках и с перепуганной Фэнни, личной служанкой Роуз, предусмотрительно укрылись за брезентовым навесом фургона. Мужчины с оружием в руках шли рядом с фургонами; даже старик Фицпатрик, их дворецкий, приехавший с ними из английского поместья, в одежде цвета хаки и шляпе от солнца смотрелся крайне нелепо.

Если бы Грейс не была так встревожена и зла, она бы наверняка посмеялась над этим комичным зрелищем.

Когда Грейс снова посмотрела на свою невестку, то с удивлением заметила на ее бледном лице легкую улыбку. Ей было очень интересно, о чем думала в эту минуту леди Роуз.

А та была целиком и полностью сосредоточена на кульминации ужасного путешествия: на Белле Два — доме, который построил для нее Валентин.

«Наше поместье стоит посреди широкой долины, между горами Кения и Абердэар, всего в тридцати милях от экватора, — писал он в своем письме пять месяцев назад. — Мы находимся на высоте пять

тысяч миль над уровнем моря. На наших землях есть узкое глубокое ущелье, куда с грохотом и пеной падает река Чания. Дом не похож на другие дома. Он построен по моему собственному проекту, необычному для этой новоявленной страны. Я решил назвать наше поместье Белла Два. Это красивый дом, в котором есть все, что должно быть у приличных людей: библиотека, музыкальный зал и детская для нашего сына».

Большего Валентину говорить не было нужды: этого оказалось вполне достаточно, чтобы Роуз мысленно нарисовала себе картинку ее собственного нового дома, а не места, где она чувствовала себя гостьей в окружении унылых портретов членов семьи Тривертон, дома, где она наконец-то станет единственной хозяйкой, со связкой ключей, болтающейся на поясе.

С момента рождения ребенка — а это было четыре недели назад — Роуз не думала ни о чем другом, кроме нового дома. Она обнаружила, что, если сосредоточиться и сфокусировать всю свою энергию на Белле Два, можно вытеснить из головы другие мысли и не думать о той, «другой вещи».

Теперь она часами представляла, как будет руководить развешиванием занавесок, расстановкой кресел и столов, посадкой цветов. И самое главное — Роуз будет следить за неукоснительным соблюдением процедуры подготовки к ее чаепитиям: полированием чайного сервиза, подаренного ее бабушке герцогиней Бедфорд; выпеканием печенья и бисквитного торта; приготовлением густых топленых сливок.

Роуз живо представляла себе, как станет учить кухарок правильно готовить маленькие бутербродики, заставляя их резать огурец вот так, а не иначе. В ее же обязанности будет входить хранение ключей от чайницы и аккуратное взвешивание чая «Эрл Грей» и «Оолонг».

То, что приходится жить в Африке, решила она, не дает повода отказываться от цивилизации и становиться дикарем. Человек должен соблюдать благопристойность в любой ситуации. Роуз знала, что ее золовка не одобряет того, что она привезла с собой эту, как она выразилась, «чудовищную груду вещей». Просто Грейс была не знакома с правилами светской жизни и социальными обязательствами. К тому же не ей предстояло стать хозяйкой огромнейшей плантации или графиней Тривертон, которой нужно будет соответствовать

высоким стандартам. Грейс приехала в Африку лишь с двумя чемоданами: в одном находились одежда и книги, а во втором — медицинские инструменты!

Роуз мысленно гуляла по комнатам своего нового дома, видя их такими, какими описал Валентин: отполированные деревянные и каменные колонны, красивые потолки, огромный, как театральная сцена, камин. Она видела музыкальный зал, где будет играть на своем рояле, который сейчас везли в последнем фургоне. Ножки рояля пришлось отсоединить и отправить из Лондона отдельно. Она видела бильярдную комнату с роскошным дорогим ковром наподобие тех, что лежат в королевских дворцах. В первом фургоне, тщательно завернутый в ткань, лежал даже хрустальный канделябр, который Роуз планировала поставить в столовую.

Когда же воображение привело к двери спальни, Роуз задумалась.

Грейс, которая сидела в фургоне рядом с ней, не заметила, как изменилась Роуз: тело напряглось, с лица исчезла улыбка. Она не знала о том, что тревожило душу ее невестки. Роуз держала это втайне: никто не должен был знать об этом.

Она подумала о Валентине и вздрогнула. Роуз уже знала, как он отреагирует на дочь: сделает вид, что ничего не произошло, что маленькой Моны просто нет на свете. Он опять будет смотреть на Роуз этим знакомым взглядом, полным желания, а затем начнет предъявлять свои права на ее тело…

Как же счастлива она была в прошлом году, когда ей сказали, что она беременна. Как того требовали правила приличия, Валентин тут же переехал в отдельную спальню, и Роуз в течение семи месяцев упивалась безграничной свободой. Роди она мальчика, Валентин, возможно бы, успокоился. А так он вновь возобновит свои попытки заиметь наследника. При одной мысли об этом молодая женщина содрогнулась.

Роуз вышла замуж за Валентина девственницей, ничего не знающей о том, что происходит между мужчиной и женщиной за дверью спальни. Брачная ночь шокировала ее и зародила отвращение к этой стороне супружеских отношений. Ночами она лежала в кровати, внутренне сжавшись, едва дыша, прислушиваясь к шагам мужа. И он приходил под покровом ночи и использовал ее как животное. Однако Роуз нашла своеобразный выход из положения. Когда она чувствовала,

что наступающая ночь будет одной из таких ночей, перед тем как лечь спать, она выпивала настойку опия и погружалась в мир грез на то время, пока ее муж делал свое дело. Они никогда не говорили на эту тему, даже в минуты откровенных разговоров. Однажды Роуз хотела поделиться об этом с Грейс, но передумала. Та хотя и была врачом, но при этом оставалась девушкой целомудренной, поэтому вряд ли могла бы помочь Роуз в этих вопросах. В результате Роуз оставила все как есть, решив, что такое происходит между всеми женами и мужьями.

Впереди началась внезапная суматоха; мужчины, идущие в авангарде процессии, радостно кричали. Чи Чи со всех ног бросился к ним — впервые в жизни, и Грейс поняла, что он хочет сообщить им, что они добрались до реки Чания.

Сердце Грейс радостно заколотилось. Река Чания! Дальняя граница территории племени кикую! На другой стороне реки — плантация ее брата!

Все засуетились, даже животные, словно почуяли близкий конец этого долгого путешествия. Мужчины подталкивали и тащили фургоны через реку, которая сейчас, в последние дни засухи, была мелководной, и вверх по травяному откосу, который знаменовал начало владений Тривертонов.

Роуз оживилась. Она сжала руку золовки и улыбнулась. Грейс была вне себя от радости. Наконец-то все закончилось! После стольких недель на корабле, в поезде и фургоне, после ночлегов в палатках и атак кровожадных насекомых, то место, куда они так стремились, ждало их сразу за этим склоном. Приличный дом, настоящие кровати, английская еда… Но главное — это был конец всех странствий и путешествий; место, где они с Джереми планировали начать свою совместную жизнь. Возможно, если он не погиб, на что она смутно надеялась, он найдет ее здесь.

Когда они увидели знак с надписью «Поместье Тривертонов», прибитый к стволу каштанового дерева, вся компания возликовала. Даже старый Фицпатрик, степенный дворецкий, подбросил свою шляпу в воздух. Ребенок начал плакать; фургоны — скрипеть и крениться; африканцы — подхлестывать животных.

Они взобрались на вершину холма, и их взорам открылся великолепный вид, захватывающий дух: гора Кения, величественно выступающая из тумана. Все было так, как описывал это место

Валентин! А там, к юго-западу, на краю вырубленного леса, именно там, где он написал, что построил дом на слегка повышающемся холме, открывался вид на гору и долину…

Все замолчали. Холодный ветер, дующий с заснеженных вершин, трепал юбки и шляпы, яростно громыхал брезентовыми навесами фургонов. Единственным звуком, который доносился до всех тех, кто не отрываясь смотрел на долину, был плач малышки Моны.

Грейс растерянно моргала, не веря своим глазам, а Роуз тихо прошептала:

— Но… там же ничего нет! Ни дома, ни построек… ничего вообще…

3

— Эй, там, привет!

Все повернулись и увидели скачущего к ним Валентина. Он был одет в высокие сапоги, бриджи для верховой езды, белую рубашку с закатанными рукавами и расстегнутыми верхними пуговицами; ни шляпы, ни какого-либо другого головного убора на нем не было. «Как будто на улице жара, — с раздражением подумала Грейс. — Как будто не видно, что дождь собирается!»

— Вы приехали! — крикнул он, спрыгивая с лошади и направляясь к жене. Валентин сжал Роуз в объятиях и крепко поцеловал в губы. — Добро пожаловать домой, дорогая!

Он повернулся к Грейс и распростер руки для объятия.

— А вот и наша драгоценная маленькая докторша!

Но, когда Валентин попытался обнять ее, Грейс отстранилась.

— Валентин, — с металлом в голосе спросила она, — где дом?

— Где? Да вот же он! Разве ты не видишь? — Он махнул в сторону холма, недавно очищенного от деревьев и кустарников. — По крайней мере, он там будет. Ну, пошли, а то ты мрачна, как ненастный день.

— А день и так ненастный, Валентин, мы устали и хотим есть. Ты что, хочешь сказать, что строительство дома еще даже не началось?

— В Африке все дела идут медленно, старушка. Ты скоро и сама это узнаешь. Мы живем в палаточном лагере за рекой.

— Валентин, ты же не думаешь, что мы…

— Пошли, — сказал он и потянул ее за руку, — я хочу познакомить тебя с нашим ближайшим соседом. Он превосходно играет в поло. Имеет преимущество в шесть очков. Грейс, познакомься, это сэр Джеймс Дональд. Джеймс, это моя сестра, Грейс Тривертон.

Джеймс, прискакавший вместе с Валентином, был одет в плотные брюки и длинный жакет с короткими рукавами, на голове широкополая шляпа. Когда он слез с лошади и направился к ним, Грейс заметила, что он немного прихрамывает. Высокий, худой человек, своей невероятно прямой осанкой он словно хотел компенсировать хромоту. Улыбка на лице сэра Джеймса появилась еще до того, как он подошел

к ней; это была застенчивая, почти безотчетная улыбка. Грейс поняла, что он ненамного старше ее: ему было где-то около тридцати одного или тридцати двух лет. Он очень удивил Грейс, когда протянул руку и сделал то, чего не сделал бы по отношению к леди ни один английский джентльмен: пожал ей руку.

Когда он вежливым тоном произнес: «Валентин сообщил, что вы врач», Грейс ответила: «Да» и приготовилась защищаться. Но когда он сказал: «Это просто великолепно. Нам здесь врачи позарез нужны», Грейс вдруг заметила, как он красив.

Несколько секунд они стояли молча, не отнимая рук, глядя друг другу в глаза, но тут раздался голос Валентина:

— Пойдемте, я покажу вам наши новые владения.

Грейс посмотрела вслед сэру Джеймсу, который направился к своей лошади. Леди Роуз с потерянным выражением лица стояла возле фургона. Когда муж позвал ее, она робко спросила:

— Валентин, дорогой, ты не хочешь взглянуть на ребенка?

По красивому лицу ее мужа пробежала тень.

— Пошли скорее! — с энтузиазмом сказал он, — Посмотришь на место, где ты будешь жить.

Миссис Пемброук вернулась следом за леди Роуз к небольшому фургону и села между двумя женщинами. Грейс отодвинула одеяльце, закрывающее личико Моны, и посмотрела на девочку: та была на удивление тиха и спокойна.

Фургон, управляемый одним из африканцев Валентина, привез их на небольшой холм, возвышающийся среди леса. Едва ступив на землю, Грейс снова спросила брата, почему он не построил дом.

— У меня не так много людей, поэтому мне пришлось расставить приоритеты. Пока не начались дожди, гораздо важнее сначала посадить семена и саженцы, а не строить дом. Это было на первом месте. После того как с посадкой будет закончено, я займусь строительством дома.

— Ну, а зачем ты сказал нам, что дом уже готов?

— Затем, что я хотел, чтобы моя жена была рядом со мной. Если бы я сказал, что придется год жить в палатке, она бы не приехала.

Взойдя на вершину холма, Грейс испытала настоящий шок. Лес исчез, и ее взору открылся потрясающий вид. После многодневного «просачивания» сквозь густые заросли деревьев, Грейс увидела небо.

Много неба. Ей показалось, что она буквально парит в воздухе. Долина, лежащая внизу, у подножия горы Кения, была очищена от кустарников и деревьев.

Валентин запустил руку в свои густые черные волосы.

— Ну, что скажешь, старушка? Каково? Акры и акры зеленых кофейных деревьев, усыпанных белыми цветами так, словно мимо них прошла свадебная процессия. А ярко-красные ягодки, которые так и просятся в рот?

Грейс была поражена. Ее брат, казалось, сотворил в этой богом забытой глуши настоящее чудо.

Лес резко обрывался на краю недавно возделанной земли; ровные упорядоченные ряды ям — удивительно больших как в глубину, так и в ширину, — уходили к горизонту и сопровождались в этом параде аккуратными рядами банановых деревьев.

— На каждом акре будет по шестьсот кофейных кустов, — с гордостью в голосе объяснил Валентин. — А это пять тысяч акров, Грейс! Через три-четыре года соберем первый урожай. Эти банановые деревья — для тени, кофе нуждается в тени, знаешь ли. Еще я посадил привезенные палисандровые деревья, которые будут расти вдоль вон тех сторон. — Он махнул рукой. — Через несколько лет они зацветут лавандовыми цветами. Представляешь? Вот такой вид будет открываться с порога нашего дома. Вон там, — сказал Валентин, указывая на обширное плоскогорье у реки, — высажена рассада. Вода для орошения этого участка поступает по бородам из реки. Те люди внизу сейчас выкорчевывают слабые саженцы. В этом и заключается секрет хорошего урожая, Грейс. Земледельцы совершают большую ошибку, когда оставляют слабые растения на следующий год, думая, что за это время они окрепнут. Весь фокус в том, что нужно просто выкорчевывать эти дохляки и сажать на их место новые растения. Мир еще не знает об этом, Грейс, но когда-нибудь люди будут восхвалять кофе из Найроби, который будет расти и производиться на плантации Тривертонов!

— Откуда ты столько знаешь про кофе, Валентин?

— Святые отцы из миссии, где я покупал семена, помогли. К тому же в Найроби есть добрые люди, которые не прочь поделиться полезным советом. Да и Карен многому меня научила.

— Карен?

— Баронесса фон Бликсен. У нее своя плантация кофе. Мы здесь используем семена лучшей в мире арабики, Грейс. Я посадил их год назад, когда вернулся из Германской Восточной Африки. — Он посмотрел на жемчужно-серое небо. — Как только начнутся дожди, мы займемся пересадкой саженцев.

Грейс с восхищением наблюдала за работающими в поле африканками. Они были одеты в мягкие коричневые шкуры, за плечами многих висели младенцы. Согнувшись, но не сгибая колени, женщины руками утрамбовывали землю в ямах.

— А почему работают в основном только женщины и дети, Валентин? Почему так мало мужчин?

— Те, кто там сейчас находятся, не прочь поработать. Остальные, бьюсь об заклад, сидят сейчас под деревом возле реки и пьют пиво. Чертовски трудно заставить их работать. Приходится постоянно следить за ними. Стоит только отвернуться, как они тут же бегут в кусты.

— Понимаешь, по традиции кикую, всей сельскохозяйственной деятельностью занимаются исключительно женщины. Возделывать землю и собирать урожай — ниже мужского достоинства. Мужчины — это воины, их дело воевать.

— Они все еще воюют?

— Мы положили этому конец. Раньше племена кикую и масаи только и знали, что воевали друг с другом: грабили деревни, воровали скот и женщин. Мы отобрали у них копья и щиты, и теперь они вообще ничего ни делают.

— Ну вы же не можете заставлять их работать.

— На самом деле, можем.

Будучи в Англии, Грейс слышала о трудовом законе для туземцев: тогда архиепископ Кентерберийский долго и громко возмущался в Палате лордов о несправедливости этого закона, называя его современным видом рабства. Мужчин племени кикую — некогда воинов, а сейчас бездельников и тунеядцев — заставляли работать на плантациях белых поселенцев, упирая на то, что теперь им будет чем заняться и что племя получит в обмен на их услуги пищу, одежду и медицинскую помощь.

— Война с Германией практически вынудила нас сделать это, Грейс. Британскую Восточную Африку ждет полнейший упадок, если

мы не найдем способа увеличить доход. А это можно сделать только за счет сельского хозяйства и экспорта. Белые земледельцы не смогут решить эту проблему сами. Мы изменим ситуацию, если будем работать все вместе — африканцы и европейцы, в этом случае все получат прибыль. Знаешь, Грейс, чтобы заставить эту новую страну процветать, я готов даже драться. Я приехал сюда не для того, чтобы потерпеть поражение. Я и мне подобные, такие как сэр Джеймс, боремся за то, чтобы привнести в Восточную Африку цивилизацию и втащить ее в современный век. И мы тащим этот народ за собой, подпихивая и крича, если необходимо.

Она посмотрела вниз на вспаханные поля, сотни рядов ям, ждущих, когда в них посадят саженцы, и сказала:

— Здесь намного больше африканцев, чем я ожидала. Я думала, что мы купили свободную землю.

— Да, это так.

— Тогда откуда пришли все эти женщины и дети?

— Из-за реки, — ответил Валентин и указал куда-то рукой. Грейс обернулась. На противоположном берегу сквозь кедровые и оливковые деревья она увидела очищенные от растительности маленькие земельные участки, с круглыми соломенными хижинами и овощными грядками. — Как бы там ни было, — произнес Валентин, — это тоже наши владения. Они немного захватывают те земли.

— Эти люди живут на твоей земле?

— Они скваттеры. Эту систему разработало министерство по делам колоний. Африканцы могут размещать свои шамба — так они называют земельные участки — на нашей земле, если обязуются работать на нас. Мы заботимся о них, улаживаем возникающие между ними разногласия, если нужно, привозим врача, обеспечиваем едой и одеждой, а они работают на нашей земле.

— Прямо феодализм какой-то.

— На самом деле, он, родимый, и есть.

— Но… — Грейс нахмурилась. — Разве эти люди не жили на этой земле до того, как ты купил ее?

— У них ничего не украли, если ты это имеешь в виду. Великобритания сделала их правителю предложение, от которого тот не смог отказаться. Оно сделало его вождем — у кикую нет вождей — и наделило властью. Взамен он продал землю за несколько бус и

мотков медной проволоки. Все законно. Он поставил на свидетельстве о продаже земли отпечаток своего большого пальца.

— Ты думаешь, он понимал, что делал?

— Ой, вот только не надо строить из себя мисс Благородство, Грейс. Эти люди как дети. Они колеса-то раньше никогда не видели. Эти ребята таскали бревна на голове. Тогда я взял бревна и положил их на тачки, объяснив, что эти приспособления специально используются для перевозки бревен. На следующий день я увидел такую картину: они клали бревна на тачки — все делали так, как я их учил, — и несли эти тачки на головах! У них нет ни малейшего представления ни о том, что такое собственность, ни о том, что нужно делать с землей. Земля просто пропала бы. Кто-то должен был прийти и что-то с этим сделать. Если бы не пришли мы, британцы, пришли бы немцы или арабы. Уж лучше мы позаботимся об этом народе, чем рабы Гунна или Магомета. — Он шагнул в сторону горы Кения, упершись руками в бока, словно собирался накричать на гору.

— Да, — решительно произнес он. — Я займусь этой землей.

Черные глаза Валентина горели неистовым огнем, в то время как ветер трепал рубашку и волосы. Во всем его облике читался вызов, он словно вызывал Африку на бой. Грейс почувствовала в брате нечто едва сдерживаемое, энергию, контролируемую одним лишь усилием воли, одержимость и безумство, которые нужно было постоянно держать в узде. Им управляла странная сила, которая вытолкнула его из скучной, старой, обремененной законами Англии и заставила приехать на этот дикий, необузданный, не знающий законов Черный континент. Он приехал сюда побеждать, подчинить себе этот первобытный Эдем и оставить там свой след.

— Теперь ты видишь это, а? — прокричал он ввысь. — Теперь ты понимаешь меня, Грейс? Почему я остался здесь? Почему я, демобилизовавшись из армии, не смог вернуться назад, в Англию?

Он сжал кулаки.

«Феодализм», — определила происходящее Грейс. Валентину это очень понравилось. Лорд Тривертон стал истинным владыкой собственноручно созданного владения, не такого, как Белла Хилл, где подобострастные крестьяне жили на убогоньких фермах и смотрели на большой дом как на праздничный торт.

Суффолк со своими наскучившими традициями и нескончаемой однообразностью, где людское воображение не простиралось дальше чаепитий, вызывал в нем отвращение. Когда Валентин приехал в Британскую Восточную Африку воевать с немцами, он вдруг ожил, посмотрел вокруг себя и понял, что ему нужно делать и где его место. Судьба вселилась в него, цель наполнила душу. Африка, словно дремлющий неуклюжий великан, ждущий, когда его разбудят и вернут к активной жизни, нуждалась в нем и похожих на него.

Валентин дрожал на ветру, но не от холода, а от возбуждения. Он поднял черные глаза на зловещие тучи и выдернул из ножен воображаемую саблю, ощущая себя воином, сидящим верхом на боевом коне, готовящимся к смертельному бою. Он чувствовал на себе тяжесть доспехов и поддержку многотысячной армии своих соратников. В нем пробуждался бойцовский дух его предков; мужчины рода Тривертонов безмолвно призывали его: «Завоюй, покори…»

Валентин обернулся и удивленно посмотрел на Грейс. Казалось, он совсем забыл о том, что она стояла рядом. Его лицо озарилось улыбкой, и он сказал:

— Пошли, я покажу тебе твой маленький кусочек Африки.

Сквозь чащу леса, от вершины холма до смотрящего на реку горного кряжа, был прорублен проход. Валентин подвел сестру к зеленому краю всего в нескольких ярдах от того места, где сейчас разгружались ее фургоны, и указал вниз на равнинные берега реки Чания.

— Это твоя земля, — сказал он, очерчивая в воздухе границы ее владений. — Она начинается вон там, прямо за теми зарослями эвкалипта, и заканчивается здесь, у реки. Тридцать акров для тебя и Господа Бога.

Грейс окинула взглядом кедровые деревья, ярко-цветущий львиный зев, желто-фиолетовые орхидеи. Это был рай. И этот рай был ее собственностью.

«Наконец-то я нашла его, Джереми, — прошептал голос ее сердца. — Место, о котором мы с тобой мечтали. Я сделаю все так, как мы планировали, и я никогда не уеду отсюда, потому что, если ты жив, да услышит меня Бог, в один прекрасный день ты найдешь меня здесь».

— А вон та земля тоже твоя, Валентин? — спросила она, указывая на участок земли, расположенный на расстоянии сотни футов под ней.

— Да. Погоди, сейчас я расскажу тебе, что собираюсь с ней сделать!

— Но… там же кто-то живет. — Грейс насчитала семь маленьких хижин, сосредоточенных вокруг старого фигового дерева.

— Они переедут в другое место. Там живет семья вождя Матенге. Три его жены и бабка. Вообще-то они не должны жить на этой стороне реки. Понимаешь, этот участок земли был выделен в качестве буферной зоны между племенами кикую и масаи, чтобы хоть как-то заставить их прекратить воевать друг с другом. Эта земля как бы ничья. Никто из племен не имеет права там жить.

— А белый человек имеет такое право?

— Разумеется, да. Что касается этих людей, то несколько лет назад, насколько я знаю, за рекой, где живет все племя, вспыхнула какая-то эпидемия. Чтобы убежать от злых духов или чего-то в этом роде, эта семья отделилась и приехала сюда. Матенге пообещал мне, что отправит их назад к остальному племени.

Валентин обернулся и взглянул на Роуз. Она неподвижно стояла посреди расчищенной земли, будто ожидая, когда вокруг нее построят дом. Он направился к ней.

— Валентин говорит, это ваша земля.

Грейс подняла глаза. Возле нее стоял сэр Джеймс. Он был без шляпы, и его темно-коричневые волосы трепетали на ветру, поблескивая от редких капель дождя.

— Да, — сказала она. — Я собираюсь построить там больницу.

— И принести Слово Божие в царство безбожников?

Она улыбнулась.

— Исцели тело, сэр Джеймс, и исцелится дух.

— Пожалуйста, называйте меня просто Джеймс. Мы теперь в Африке.

«Да, — подумала она. — Африка. Где джентльмены пожимают руку леди, а граф ходит в расстегнутой рубашке».

— Вас ждет много работы, — сказал сэр Джеймс, глядя вниз на широкую лощину. — Эти люди страдают малярией и инфлюэнцей, фрамбезией и паразитами, и многими другими болезнями, которым мы даже не придумали названия!

— Помогу, чем смогу. Я привезла с собой книги по медицине и кучу инструментов.

— Должен предупредить вас, у них есть свои врачи, и они очень не любят, когда вмешиваются воцунгу.

— Воцунгу?

— Белые люди. Вон в тех хижинах возле фигового дерева живет семья очень влиятельной знахарки, которая практически правит кланом за рекой.

— Я думала, у них есть вождь.

— Вождь есть, однако истинная власть в этих краях находится в руках бабки его жены, Вачеры.

— Спасибо за предупреждение. — Грейс взглянула на его красивое лицо. — Валентин писал мне о вас в своих письмах. Он сказал, ваше ранчо расположено в восьми милях к северу отсюда. Надеюсь, мы станем друзьями.

— Не сомневаюсь в этом.

Внезапно с реки подул сильный ветер и сорвал с головы Грейс шляпу. Джеймс бросился за ней. Передавая шляпу Грейс, он заметил на ее левой руке блеск бриллиантов.

— Ваш брат не сказал, что вы обручены.

Она посмотрела на камешки простенького колечка. Джереми подарил его за день до того, как их корабль потопила торпеда. Грейс спасли: вытащили из ледяной воды и отвезли в военный госпиталь в Каир, где она пролежала с тяжелой пневмонией. Младший лейтенант Джереми Мэннинг, как ей сказали, пропал без вести.

Она никогда не оставит надежду найти его. Любовь, вспыхнувшая на борту корабля, как это часто бывает во время войны, была короткой, но горячей, сжимающей годы до минут. Она отказывалась верить в то, что он погиб. Никто, даже Валентин и Роуз, не знал о записках, которые она сочиняла для Джереми. Все началось в Египте в прошлом году, когда она передала письмо в министерство по делам колоний. Она оставляла ему записки в Италии, Франции, во многих городах Англии. Приехав в Африку, писала сообщения о себе и свои координаты в Порт-Саиде, Суэце и Момбасе. Последнее письмо осталось в отеле в Найроби. Эти письма как бы являлись путеводной нитью по ходу ее следования. Она надеялась на то, что Джереми

удалось выжить, что его спасли, и что он, целый и невредимый, ищет ее…

— Мой жених пропал без вести в море во время войны, — тихо ответила она.

Сэр Джеймс заметил, как неловко дернулись ее руки, как она попыталась закрыть, защитить кольцо, и еле сдержался, чтобы не обнять ее.

— Моя сестра врач, — сказал ему Валентин. — Но она очень женственна в отличие от многих дам ее профессии.

Джеймсу не очень-то верилось в это. Но сейчас, глядя на Грейс, он не мог поверить в то, что эта нежная женщина с тихим голосом, приятными чертами и чарующей улыбкой, была той же самой леди, которая писала брату такие большие и храбрые письма. Грейс слишком решительно писала о своих планах построить больницу, слишком отважно для женщины, можно сказать, почти по-мужски. Сэр Джеймс не знал, кого ему ожидать, но уж точно не эту привлекательную особу с прекрасными глазами.

Лорд Тривертон, преодолевая сопротивление усиливающегося ветра, поднимался на вершину холма к жене. Он изучающим взглядом смотрел на нее. Какого черта она не отвечает ему?

— Роуз? — он снова окликнул жену, на этот раз значительно громче.

Она, не отрываясь, смотрела на заросли эвкалиптовых деревьев, растущих на заднем склоне холма. Среди окружающих каштанов и кедров они смотрелись несколько неуместно. В самом центре зарослей была небольшая полянка, где можно было укрыться и чувствовать себя в безопасности.

Этот новый мир пугал Роуз. Он был таким диким, таким примитивным. Где леди, которых она собиралась звать к себе в гости на чай? Где другие дома? Валентин писал, что ранчо Дональдов находится от них в восьми милях. Роуз представляла себе красивые пейзажи и приятные воскресные прогулки в экипаже. Но здесь не было даже дороги, только грязная ухабистая колея, проложенная сквозь заросли, кишащие обнаженными дикарями и кровожадными зверьми. Роуз боялась африканцев. Она никогда раньше не видела людей с темным цветом кожи. В поезде она сторонилась улыбающихся

стюардов, а в Найроби переложила решение всех вопросов с местным населением на плечи Грейс.

Но леди Роуз очень хотела быть полезной этой новой земле, отчаянно желала, чтобы Валентин гордился ею. Она презирала свою слабость, неспособность быть хозяйкой собственной судьбы, какой была ее золовка. Во время войны Роуз робко попросила разрешения присоединиться к сестрам милосердия и заботиться о раненых. Но Валентин не хотел даже слышать об этом. Поэтому она, сидя у себя в гостиной, сматывала в рулоны бинты и вязала шарфы для солдат в окопах.

Она приехала на Черный континент в надежде на то, что жизнь в Африке закалит ее, что тяготы непростой жизни колонистов укрепят ее мягкую оболочку стальным каркасом. Она думала, что брак с Валентином окрасит ее бесцветную жизнь в яркие краски, но вместо этого она, наоборот, блекла на фоне его великолепия. Потом она подумала, что она женщина-первопроходец. Роуз нравилось, как звучали эти слова: мощно, как удары чугунного колокола. Они означали женщину, которая несла цивилизацию в глухомань, устанавливала свои правила и вела за собой других. Роуз также возлагала большие надежды на материнство: в этом слове было столько незыблемости, столько важности. Она твердо решила, что здесь, в Британской Восточной Африке, она станет сильной личностью, и люди больше не будут смотреть на нее как на пустое место.

— Роуз? — позвал Валентин, подойдя ближе.

«Валентин! Я так сильно тебя люблю! Как бы мне хотелось, чтобы ты гордился мной. Мне так жаль, что родилась девочка, а не мальчик».

— Дорогая? С тобой все в порядке?

Он снова будет пытаться родить сына; эта мысль заставила Роуз содрогнуться. Их любовь друг к другу была такой красивой, ну зачем Валентину нужно было осквернять ее этой кошмарной возней в спальне?

— Те эвкалиптовые деревья, — пробормотала она. — Пожалуйста, дорогой, не вырубай их.

— Почему?

— Они такие… такие особенные.

— Хорошо, они твои.

Он внимательно посмотрел на нее. Роуз была такой бледной и хрупкой, что, казалось, ее может унести ветром. Потом он вспомнил о том, через какое испытание ей пришлось пройти в поезде.

— Дорогая, — сказал он, подступая к ней ближе и закрывая ее от ветра своим телом. — Ты еще очень слаба. Тебе нужно восстановить силы. Подожди немного, скоро ты увидишь наш лагерь. У нас есть хороший повар, и мы всегда переодеваемся к обеду. А дом у нас будет, чудесный дом, вот увидишь. Как только мы пересадим все саженцы, сразу начнем строительство дома.

Он положил ей руку на плечо и почувствовал, как она напряглась.

«Ну вот, — с грустью подумал он. — Все начинается снова. Его одинокие ночи в постели, в то время когда он сходил с ума от желания к собственной жене; он овладевал ею с закрытыми глазами, чтобы не видеть выражения ее лица. После этого Роуз лежала как раненый олень, безмолвно коря его за свое истерзанное тело, вызывая в его душе ничем не заслуженное чувство вины. Он надеялся, что со временем это пройдет, что она научится получать удовольствие от занятий любовью. Но вместо этого ее неприятие к сексу, казалось, росло с каждым разом, и он не знал, что с этим делать.

— Пошли, дорогая, — сказал он. — Присоединимся к другим.

Роуз сперва подошла к миссис Пемброук и взяла у нее ребенка. Уложив Мону между горностаевой муфтой и мягким мехом пальто, Роуз последовала следом за мужем вниз по травяному склону, к месту, где стояли и разговаривали остальные.

Отсюда были хорошо видны небольшие хижины, расположенные на широком, ровном берегу реки, в ста футах от нее. Маленькая девочка пасла небольшое стадо коз; беременная женщина доила корову; другие копошились в маленьких огородах. «Какая чудесная картина», — подумала Роуз.

— Ни за что не догадаетесь, что я собираюсь сделать с этим клочком земли, — сказал Валентин. — Здесь будет поле для игры в поло.

— Ох, Валентин! — рассмеялась Грейс. — Ты не успокоишься, пока не сделаешь из Африки вторую Англию!

— А хватит ли места для игрового поля? — спросил Джеймс.

— Ну, придется, конечно, снести те хижины и выкорчевать то фиговое дерево.

Они замолчали и прислушались к легкому дождику, начавшему барабанить по листьям окружающих их деревьев. Каждый мысленно видел огромную кофейную плантацию, которой предстояло родиться на месте этой долины, и больницу, которую собиралась построить Грейс на берегу реки. Леди Роуз, державшая ребенка, смотрела вниз на африканскую деревню.

Из одной хижины вышла молодая женщина в шкурах и нитках бус. Она пересекла земельный участок, и Роуз увидела ребенка, которого та несла за спиной.

Африканка резко остановилась, будто почувствовала, что за ней наблюдают, и посмотрела вверх. С высоты холма на нее взирало привидение в белом.

Две женщины, казалось, не отрывали взгляда друг от друга целую вечность.

4

Войдя в хижину, молодая женщина уважительно сказала:

— Не най, Вачера. Это я, Вачера, — и протянула пожилой женщине тыквенную бутыль с пивом из сахарного тростника.

Перед тем как сделать глоток, старая женщина пролила несколько капель напитка на грязный пол хижины — для предков, затем произнесла:

— Сегодня я расскажу тебе о временах, когда женщины правили миром, а мужчины были нашими рабами.

Они сидели в полумраке, так как свет в комнату поступал только через открытую дверь: окон в стенах круглой хижины, построенной из грязи и коровьего навоза, не было. Дождь барабанил по папирусной крыше хижины. Согласно традиции кикую, старуха Вачера передавала наследие своих предков старшей дочери своего сына. Наставление началось с уроков магии и знахарства, так как Вачера была знахаркой и повивальной бабкой клана, хранительницей наследия предков и стражем истории племени. В один прекрасный день эта девушка, молодая жена, несущая за спиной своего первенца, займет ее место.

Слушая голос своей бабушки, вещающей в полумраке хижины, как это делали бабушки предыдущих поколений, молодая Вачера сгорала от нетерпения. Она хотела задать ей вопрос о белом призраке на холме, но прервать старшего брата было делом немыслимым.

Голос пожилой женщины был по-старчески хриплым; говорила она нараспев, покачиваясь из стороны в сторону, что заставляло нитки бус на ее бритой голове тихонько постукивать. Время от времени она наклонялась вперед и помешивала варящийся на огне суп.

— Сегодня мы называем своих мужей по традиции племени кикую господами и хозяевами, — говорила она своей внучке. — Мужчины повелевают нами; они вправе делать с нами все, что пожелают. Но помни, дочь моего сына, что наш народ зовет себя Детьми Мамби, Первой Женщины, и что девять кланов племени кикую были названы в честь девяти дочерей Мамби. Мы должны помнить, что женщины некогда были сильными и могущественными и что были времена, когда мы правили миром, и мужчины боялись нас.

Пока молодая женщина слушала и запоминала каждое слово своей наставницы, ее руки проворно плели новую корзину. Ее муж, Матенге, принес ей кору дерева моджио, но тут же ушел, поскольку мужчинам запрещалось присутствовать при плетении корзин.

Молодая Вачера очень гордилась своим мужем. Он был одним из вождей, назначенных недавно белыми людьми. В племени кикую вождей не было — кланами правили советы старейшин, однако белым людям понадобилось по какой-то причине, какой Вачера не могла понять, назначить над кланами единоличных правителей. Выбрали Матенге, поскольку в прошлом он был знатным воином и сражался во многих битвах с масаи. Это было до того, как белый человек сказал, что кикую и масаи не должны больше сражаться.

— В старые времена, — продолжал вещать старческий голос, — Детьми Мамби правили женщины. Мужчины очень завидовали их власти. Однажды они тайно собрались в лесу, чтобы решить, как покончить с правлением женщин. Женщины были мудры, мужчины знали это, поэтому покорить их было задачей не из легких. Но тут мужчины вспомнили, что есть в жизни женщины период, когда она уязвима и слаба, — это беременность. Тогда они решили, что их бунт увенчается успехом, если устроить его в то время, когда большинство женщин будут беременными.

Молодая Вачера слышала эту историю много раз. Сговорившись, мужчины оплодотворили всех женщин племени, а по прошествии месяцев, когда их жены, сестры и дочери округлились и отяжелели, нанесли свой удар. Они низвергли древние матриархальные законы и объявили себя господами покоренных женщин.

Если эта постыдная история и вызывала в сердце старой женщины горечь, она ничем не выказывала ее, так того требовал кодекс поведения племени: женщины племени кикую воспитывались кроткими, послушными и безропотными.

Именно это воспитание не позволяло молодой Вачере осудить решение своего мужа работать с белыми людьми или желание ее братьев, вооруженных щитами и копьями, податься на север искать работу на скотоводческих фермах белых людей. Женам немногих кикую, ушедших работать на белых людей, в деревне даже завидовали, так как их мужья приносили домой мешки с мукой и сахаром и столь вожделенную ткань чужеземцев, называемую «американи».

Обе Вачеры благодаря Матенге были богатыми: у них было больше коз, чем у других женщин клана.

Вачера страшно тосковала по своему мужу, поскольку после избрания на должность вождя он проводил большую часть времени на плантации белого человека. Она влюбилась в Матенге Кабиру, услышав, как он играет на дудке. Когда созревало просо, его нужно было защищать от птиц, поэтому молодые люди ходили по полям и играли на бамбуковых дудках. Матенге, высокий для мужчины племени кикую — благодаря своим предкам из племени масаи — и красивый, с длинными заплетенными в косички волосами, ходил по деревням, восхищая людей своими мелодиями. Сейчас же дудка Матенге безмолвствовала: обязанности, возложенные на него белым человеком, умчали его вдаль.

— Теперь пришло время, — сказала пожилая женщина, помешивая банановый суп, — послушать рассказ про твою известную прародительницу, великую леди Воириму, которую белые люди сделали своей рабыней.

Кикую не знали письменности, поэтому история их народа передавалась из уст в уста. С древних времен каждый ребенок учил наизусть перечни поколений и без труда цитировал их. Молодая Вачера знала историю своей семьи со времен Первой женщины. «Первое поколение называлось поколением Ндеми, — говорила она, — потому что они были неуправляемыми и вели войны; их дети назывались поколением Матати, потому что жили в пещерах; их дети назывались поколением Мэйна, потому что пели и танцевали под песни кикую; после них шло поколение Мвонги, потому что они бродили…» Годы обозначались не цифрами, а описательными фразами, поэтому, когда ее бабушка сказала, что леди Воириму жила во время «Мутима ва Нгай» — «трепещущей болезни божественного происхождения», — молодая Вачера поняла, что ее прародительница жила во время эпидемии малярии, случившейся пять поколений назад.

Она, затаив дыхание, слушала рассказ о том, как леди Воириму, украденная у мужа и привезенная в цепях к «огромному полю воды, на котором плавали гигантские хижины», сбежала от белых рабовладельцев и вернулась на землю кикую, сражаясь по дороге со львами и питаясь остатками вареных побегов банановых деревьев.

Именно Воириму впервые рассказала Детям Мамби о людях с кожей цвета турнепса, и именно тогда слово «мутунгу» стало означать «белый человек», так как в те дни оно значило «странный и необъяснимый».

Молодая Вачера вспомнила, когда впервые увидела мутунгу. Это было два урожая назад, когда она была беременной сыном. В деревню пришел белый человек, и женщины в ужасе разбежались по хижинам, сама же она бросилась в хижину своей бабушки.

Но Матенге не испугался чужака. Он вышел вперед и сплюнул в знак приветствия на землю. Женщины, следившие за происходящим из укрытий, наблюдали, как двое мужчин вытворяли странные вещи, в результате чего Матенге получил бусы и «американи», а белый человек отпечаток большого пальца руки Матенге на чем-то, похожем на большой белый лист. Позднее, сидя вокруг огня и попивая пиво из сахарного тростника, он сказал Вачере и двум другим женщинам, которыми он владел, о какой-то «продаже земли» и «соглашении», на котором он поставил отпечаток своего пальца.

Белые люди озадачивали молодую Вачеру. После того случая она видела их несколько раз, когда они вырубали лес на холме над рекой; но сегодня утром она увидела, что приехали еще люди, и это испугало ее. Затем она увидела призрак в белом, смотрящий на нее с вершины холма. Сейчас, слушая конец рассказа о героических приключениях леди Воириму, Вачера подумала о том, что это мог быть вовсе и не призрак, а белая женщина.

Когда рассказ подошел к концу, она произнесла: «Йо-у! Гур-рай!», но старая женщина прервала ее печальными словами:

— К несчастью, леди Воириму схватили второй раз и увезли прочь по полю воды, простирающемуся до края земли. Больше она никогда не возвращалась на землю кикую.

Девушка была очарована рассказом. Бедная Воириму! Какие чувства должна была она испытывать? Какая судьба ждала ее на другом краю большой воды?

Ребенок за спиной Вачеры пошевелился, и она, отложив в сторону корзину, которую плела, взяла его и поднесла к груди. Ребенка звали Кабиру. По традиции кикую, души предков продолжали жить в их детях, поэтому первенца мужского пола всегда называли именем деда. По этой же причине бабушка и внучка носили одно и то же имя

Вачера, означавшее «Та, которая приходит к людям». Это имя из поколения в поколение передавалось от бабушки к внучке от первой Вачеры, которая, будучи знахаркой клана, ходила по людям.

Бабушка улыбалась, наблюдая за тем, как молодая мать кормит ребенка. Старая женщина знала, что предки довольны этой молодой кикую, которой она передавала секреты и знания клана. Она была умной, расторопной и уважительной. Старший сын Вачеры хорошо воспитал свою дочь: молодая Вачера была образцовой женой — содержала хижину Матенге в чистоте, занималась огородом, всегда была приветливой и веселой и говорила только тогда, когда к ней обращались. Все любили милашку Вачеру, а матери ставили ее в пример своим дочерям.

Говорили, что во время обрезания юная Вачера, которой на тот момент было всего шестнадцать лет, ни разу ни дрогнула под ножом. Свидетельницами этого мужественного поведения были все женщины клана. Поэтому никто не удивился, когда красавец и храбрец Матенге Кабиру подошел к старухе Вачере и выкупил у нее внучку. Он заплатил за нее шестьдесят коз — цену, о которой до сих пор говорили в народе.

Сердце бабушки преисполнилось гордостью. Молодая Вачера забеременела практически сразу. Несомненно, эта девочка произведет на свет кучу детей, чем обеспечит бессмертие своих предков. Если в семье кикую рождалось менее четырех детей, то один из предков — дедушка или бабушка — не обретал бессмертия.

Старшая Вачера, углубившись в свои мысли, замолчала. В хижине стало тихо, было слышно лишь, как по крыше барабанил дождь. Воздух наполнился запахами сырой земли, вареных бананов, дыма и коз. Для этих двух женщин время перестало существовать. Они сидели так, как когда-то их прабабки: кикую жили согласно традициям, обычаям и законам, установленным Нгай, их богом, жившим на горе Кения, поэтому изменения и перемены не касались жизни этого народа. Рядом на полу лежала тыквенная бутыль старухи Вачеры, которую та использовала для своих прорицаний. Тыква была выпотрошена, высушена и наполнена магическими знаками, столь древними, что даже сама Вачера не знала, какая из ее прабабок сделала их. Эта бутыль была символом власти Вачеры; с ее помощью она читала будущее, излечивала больные тела, общалась с умершими

предками. Когда-нибудь эта бутыль перейдет к молодой Вачере, благодаря чему ее бабушка будет продолжать жить точно так же, как сейчас жила ее собственная бабушка.

Под звуки барабанной дроби дождя старшая Вачера думала о своем клане, живущем на другой стороне реки.

Сорок урожаев назад на Детей Мамби обрушилось ужасное проклятие. Сначала пришла засуха, затем голод, а затем болезнь, пронесшаяся по племенам кикую и масаи и унесшая жизни каждого третьего человека. В то время старшая Вачера жила со своим мужем и его другими женами в большом поселении за рекой. Вачера была не в силах спасти свой клан от чудовищной болезни, но предки сказали ей, что она сможет спасти свою маленькую семью, если они переберутся на другую сторону реки, где земля была благословлена Нгайем и где не было злых духов болезни.

Члены клана лишь посмеялись над этой «глупой» идеей. «В численности наша сила», — говорили они. Однако Вачера, ставшая к тому моменту вдовой, — болезнь забрала ее мужа к праотцам, — без сожаления покинула деревню, проклятую Богом, — она нисколько не сомневалась в этом, — и повела свою семью к новой земле.

Там она нашла магамо, священное фиговое дерево, которое подтвердило правдивость ее видений. Жители других племен, живущих на этой земле, называют то время годом Нгаа Нер — годом Великого Голода (белые люди именуют этот период эпидемией оспы 1898 года), жители же ее деревни, те, кому удалось выжить, и их потомки называют Годом, когда леди Вачера переселилась за реку.

Она думала о них: о своей сестре, бездетной бедняжке Таате, чье имя означало «бесплодная», зарабатывающей себе на жизнь изготовлением горшков; о Нагайро, которая со дня на день должна была родить. И хотя женщины племени кикую не считали нужным готовиться к родам, мертворожденный ребенок считался дурным знамением и напрасной тратой времени, Вачера держала свой остро заточенный нож наготове.

Потом знахарка подумала о Кассе, своем брате, который был одним из старейшин племени. До нее дошли известия, что он подался на север, к горе Кения, и нанялся на работу к белому человеку. Теперь Касса пас коров, и это очень беспокоило Вачеру. Она чувствовала, что грядут великие перемены, которые на сей раз не пройдут мимо Детей

Мамби. Перемены уже вошли в их жизнь, но пока они были несущественны и ничтожны. В целом жизнь племени протекала точно так же, как в дни предков. Разве что несколько женщин носили своих детей в чужеземной ткани, и старик Камау, принявший Бога белого человека, звался сейчас Соломоном. Но в целом старые традиции и порядки строго соблюдались.

Вачера заглянула внутрь себя.

Перемены грядут, она была уверена в этом, и эти перемены коснутся ее собственной маленькой семьи. Матенге был прирожденным воином, но белые люди запретили кикую носить копья, поэтому он больше не устраивал набеги на деревни масаи. Вачера с тоской вспомнила о тех временах, когда масаи воровали женщин и скот. Некоторые женщины были не против похищения, так как за воинами племени масаи закрепилась репутация потрясающих любовников…

В сердце Вачеры зашевелилась тревога. Она знала о приходе белого человека, о предстоящих переменах задолго до того, как тот ступил на землю кикую.

Это случилось много урожаев назад, еще до рождения молодой Вачеры. Во сне к Вачере пришел Нгай, бог света. Он забрал ее в свое царство, расположенное на вершине горы, и показал ей будущие события. Когда она рассказала об этих событиях клану, все страшно перепугались.

Вачера говорила о людях, которые выйдут из Великой воды, о том, что кожа этих людей будет похожа на кожу бледно окрашенных лягушек, а одежды — на крылья бабочек; о том, что эти мутунгу принесут с собой копья, изрыгающие огонь, и что будут они ездить по земле на гигантской железной многоножке.

Чтобы обсудить предсказания Вачеры, в экстренном порядке был созван совет старейшин. На совете было решено, что Дети Мамби не пойдут на чужеземцев войной, а встретят их с учтивостью, но без доверия.

Вскоре белые люди действительно пришли. Дети Мамби увидели, что они миролюбивы и не хотят им вреда, а хотят только пройти через их землю. Многие члены племени считали, что воцунгу искали для себя землю, где можно было бы обосноваться навсегда, и что скоро, не

успев собрать и несколько урожаев, белые люди покинут землю кикую и никогда больше не вернутся.

Вачера успокаивала свою встревоженную душу поговоркой: «Мир похож на улей: все мы входим в него через одну дверь, а живем в разных сотах».

Раскат грома вывел обеих женщин из состояния задумчивости. Они не оторвались от своих занятий, даже не повернулись в сторону открытой двери, так как глядеть на деяния бога было строжайше запрещено, поэтому пожилая женщина помешивала свой суп, а молодая укладывала ребенка за спину.

Когда гром утих, молодая Вачера сквозь пелену дождя посмотрела на хижину своего мужа, которая стояла на расстоянии полета двух копий от хижины ее бабушки. Она вновь почувствовала, как защемило сердце от тоски. Это было похоже на неутолимый голод: ей так хотелось лежать в объятиях Матенге, чувствовать тепло его сильного тела слушать его глубокий смех. Но мужу запрещалось лежать рядом с женой, кормящей ребенка грудью, поэтому Вачере нужно было запастись терпением. Она подняла корзину и снова начала плести, забивая себе голову планами насчет участка кукурузы, думами о дожде, фантазиями о своем собственном будущем, о том дне, когда она будет сидеть в своей хижине, такой же как эта, и передавать знания внучке.

Мысли о будущем неожиданно вернули ее к настоящему, словно между этими двумя мирами существовала некая мистическая связь, и Вачера вновь подумала о белой женщине, которую видела утром на холме.

5

Услышав шелестящие звуки, Грейс подумала, что снова начался дождь.

Она распаковывала и расставляла вещи в своей палатке, в то время как мужчины собрались в обеденной палатке, чтобы пропустить по рюмочке-другой. Готовясь к ужину, Грейс надела свою военно-морскую форму. Ее взгляд упал на лежащий в бархатной коробочке «Крест за отличную службу» — медаль, которой ее наградили за проявленный на войне героизм.

Снова услышав за стенами палатки тихое шипение и опять подумав о том, что пошел дождь, Грейс подошла к брезентовой двери и выглянула наружу. Дождя не было, только стоял густой туман. Она обвела взглядом лагерь — призрачные очертания палаток, небольшие островки света, падающего от фонарей, и прислушалась. С закатом солнца лес оживал: то тут, то там слышались крики птиц, стрекот сверчков, кваканье древесных лягушек. Вдруг Грейс поняла, что звук, который она ошибочно приняла за шум дождя, на самом деле являлся не чем иным, как человеческим плачем, звук шел из соседней палатки.

Надев тяжелый форменный плащ, Грейс поспешила по доскам, положенным на землю на случай слякоти, к палатке своей невестки.

Роуз, положив голову на руки, сидела за туалетным столиком.

— Что случилось, Роуз? Почему ты плачешь?

Роуз выпрямилась и промокнула глаза кружевным платком.

— Все ужасно, Грейс. Я так надеялась, что больше не увижу эти лагеря. Мечтала о том, что буду жить в нормальном доме.

Грейс окинула взглядом палатку Роуз. Обставлена она была более элегантно, чем ее собственная. На кровати лежали атласные подушки, над туалетным столиком возвышалось красивое с золотым обрезом зеркало. И простыни были не просто белые, а розоватых и голубоватых цветов, присущих семье Тривертонов. Грейс увидела, что ее брат сделал все, чтобы сделать приятной жизнь своей жены. Вдруг до нее дошло, что в палатке нет личной служанки Роуз.

— Где Фэнни?

— В своей палатке. Она говорит, что хочет назад, в Англию! Грейс. — Роуз перешла на шепот. — Пожалуйста, скажи ему, чтобы он

ушел.

Грейс посмотрела на африканца, стоявшего возле входа в палатку с бутылкой воды и льняным полотенцем. Он был одет в длинную, белую, доходящую до босых стоп канзу и турецкую феску.

— А чем он тебе не угодил, Роуз?

— Он пугает меня!

Мужчина заговорил:

— Меня зовут Джозеф, мемсааб. Я христианин.

— Пожалуйста, оставьте нас.

— Бвана Лорд велел мне заботиться о мемсааб.

— Я все объясню лорду Тривертону. Можете идти, Джозеф.

Когда они остались одни, Роуз с мольбой в глазах посмотрела на свою золовку и прошептала:

— Грейс, ты должна кое-что сделать для меня.

Грейс вгляделась в лицо Роуз. Щеки у нее пылали, губы дрожали. Несколько прядей светлых волос выбились из прически.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила Грейс.

— Это… Валентин. Понимаешь, я не могу — я не готова… — Роуз отвернулась и завертела в руках свою серебряную расческу. — Ты врач, Грейс. Он послушает тебя. Скажи ему, что после рождения ребенка прошло слишком мало времени.

Грейс молчала. Она не знала, что говорить.

— Помоги мне, Грейс. Я не перенесу этого. Не сейчас. Сначала я должна привыкнуть, — она махнула рукой, — ко всему этому.

— Хорошо. Я поговорю с ним. Не переживай из-за этого, Роуз. Теперь пошли, нас ждут мужчины.

Обе женщины испытали настоящий шок, стоило им переступить порог обеденной палатки.

— Валентин! — удивилась Грейс. — Как тебе это удалось?

— Было немного рискованно, старушка, война и всякое такое. Иногда чертовски удобно быть богатым! — сказал он, шагая им навстречу в черном смокинге и накрахмаленной белой рубашке. Лорд Тривертон поцеловал сестру в щеку и одарил жену сияющей улыбкой. — Ну, что скажешь, дорогая?

Взгляд Роуз блуждал по английским стульям из красного дерева, искусно украшенным резьбой в готическом стиле, по кружевной скатерти, серебряным подсвечникам и фарфоровой посуде.

Граммофон играл вальс; хрустальные бокалы для шампанского сверкали в свете лампы; в воздухе пахло жасмином.

— Ох, Валентин, — прошептала она. — Здесь чудесно…

— Позвольте мне представить вас нашему гостю, — сказал он, указывая на незнакомого мужчину. Это был командующий округом Бриггс, тучный мужчина за шестьдесят, одетый в отутюженную униформу цвета хаки, подпоясанную ремнем с отполированной до блеска пряжкой. Валентин налил аперитив, и все выпили за процветание Британской Восточной Африки.

— Я надеялась познакомиться с вашей женой, сэр Джеймс, — сказала Грейс, сев за стол рядом с ним. Она находила его весьма привлекательным в элегантном хорошо скроенном белом смокинге.

— Люсиль с большим удовольствием познакомилась бы с вами. Она уже много месяцев не видела белую женщину. Но, боюсь, ее положение не позволяет ей совершать столь длительные поездки. Через несколько недель ей предстоит рожать нашего третьего ребенка.

— Хочу сказать, — произнес севший напротив них офицер Бриггс, — вы, милые леди, являете собой поистине восхитительное зрелище! Все белые мужчины, какие только есть в округе, стремглав устремятся сюда, чтобы только взглянуть на вас!

Леди Роуз, откинув голову назад, рассмеялась. В волосах сверкнул украшенный горным хрусталем ободок; единственное перо рассекло воздух. Жена Валентина была одета по последней моде послевоенных лет: узкое платье с квадратным вызывающе глубоким вырезом, на шее длинные нитки жемчуга.

Блюда, а их, как положено, было восемь, подавались безмолвными, одетыми в длинные белые канзу африканцами, которые появлялись с серебряными подносами в руках из задней части палатки.

— Все не так хорошо, как бы мне хотелось, — начал Валентин, наливая шампанское.

— Из-за войны у нас здесь в протекторате чудовищные проблемы.

Офицер Бриггс с жадностью зачерпнул ложкой суп, словно это был последний суп в его жизни.

— Проклятые немцы! Гоняли нас, как гончие лис. Фермы были брошены на произвол судьбы, урожаи оставлены гнить на полях, железная дорога разрушена, никаких медикаментов. Мы потеряли

пятьдесят тысяч человек, леди Грейс. Не только у вас там, в Европе, были трудные времена, знаете ли.

— Во время войны я не была в Европе, мистер Бриггс, — тихо сказала Грейс. — Я служила на плавучем госпитале в Средиземноморье.

Внезапно все стихло, за исключением шума леса, доносившегося из холодного тумана. Затем сэр Джеймс произнес:

— Мы можем только надеяться на то, что дожди действительно начнутся. Мы и так находимся в кризисном положении и не можем позволить себе присовокупить к этому еще и голод.

— Но сегодня был дождь, — сказала леди Роуз.

— Вы имеете в виду небольшой дождичек утром? — спросил офицер Биггс. — Да, это капля в море! Если это все, на что он способен, то мы можем попрощаться со всеми фермами в округе. В Восточной Африке, леди Роуз, если мы говорим «дождь», мы имеем в виду настоящий ливень.

— Видите ли, — сказал сэр Джеймс, — у нас здесь нет времен года, есть только период дождей и период засухи. В Европе вы сажаете, а затем собираете урожай. В Британской Восточной Африке вы сажаете, а вот соберете вы урожай или нет, никому не известно.

— Вы так много знаете об этой стране, сэр Джеймс. Вы здесь уже давно?

— Я здесь родился. На побережье, в Момбасе. Моя мать была миссионеркой; отец — кем-то вроде искателя приключений. Они были абсолютно разные, как день и ночь. Мне сказали, что их история любви заслуживает звания легенды.

Грейс посмотрела на него. У сэра Джеймса был выразительный профиль, с прямым носом и квадратными впалыми щеками.

— Звучит романтично, — сказала она.

— Мой отец был исследователем. Он встречал Стэнли в Судане и в Лондоне во время похорон Дэвида Ливингстона. Эти люди чем-то привлекли моего отца. Он приехал в Африку с мечтой открыть Черный континент.

— И как, открыл?

Сэр Джеймс взял бокал с шампанским.

— В какой-то степени, да. Он был одним из первых белых людей, ступивших на эту землю. Это было более тридцати лет назад. Когда

аборигены увидели его, они в страхе разбежались. Они никогда не видели человека с таким цветом кожи.

— Как же вашему отцу удалось преодолеть это?

— Он был умным. В 1902 году он приехал исследовать эти территории, а местные аборигены — кикую — преградили ему путь, заявив, что не пропустят его, если он не вызовет дождь. Через переводчика отец ответил, что считает такую плату вполне разумной, и ушел обратно в лагерь ждать дождя. В скором времени пошел дождь, и мой отец снискал за это уважение и доверие африканцев.

Грейс рассмеялась.

— А вы участвовали вместе с отцом в его охотничьих экспедициях?

— Когда был маленьким, нет. Он был слишком занят поисками славы и бессмертия, чтобы возиться с ребенком. Мой отец заявлял, что первым обнаружил долину Великое ущелье, но слава досталась кому-то другому. Он мечтал, чтобы в его честь назвали что-нибудь великое, но в этом ему катастрофически не везло. Так он стал охотником, и с этого момента я стал ездить с ним на сафари.

— Сэр Джеймс, — спросила леди Роуз, — а почему охота называется «сафари»? Что это означает?

— На языке суахили это означает «странствование».

Пока подавали котлеты из газели, Грейс поймала себя на том, что думает о сидящем рядом человеке.

Сэр Джеймс очень заинтриговал ее; от него веяло таинственным и интересным.

— А вы, сэр Джеймс, когда-нибудь выезжали за пределы Восточной Африки?

Он одарил ее еще одной застенчивой улыбкой, словно думал в эту минуту о чем-то своем.

— Пожалуйста, зовите меня Джеймс, — попросил он, и Грейс вспомнила одно из писем Валентина, где говорилось о том, что Джеймс Дональд, владелец скотоводческой фермы, получил за свои военные заслуги звание рыцаря.

— Один раз я был в Англии, — ответил он. — Это было в 1904 году, когда мне было шестнадцать. Отец умер, и я уехал к своему дяде в Лондон. Я прожил там шесть лет, но потом вернулся назад. Англия

оказалась для меня слишком скучной, слишком безопасной и слишком предсказуемой.

— Нам повезло, что он вернулся, — сказал Бриггс, собирая хлебом с тарелки остатки подливы.

— Превосходное знание этих мест и аборигенов сделало сэра Джеймса поистине бесценным кадром в кампании против немцев.

— Ой, только не надо рассказов про войну, пожалуйста, — вдруг быстро произнес Валентин.

Но Бриггс продолжил:

— Рассказ о том, как один человек спасает жизнь другому, стоит того, чтобы его послушали.

В памяти Грейс снова всплыли строчки из письма ее брата: «Я решил купить землю возле ранчо Джеймса. Это тот парень, с которым я познакомился во время военной кампании».

Грейс ничего не было известно о том, чем занимался ее брат во время войны. Единственное, что она знала, — что он приехал в Восточную Африку в чине офицера вместе с генералом Сматцем, влюбился в эту страну и решил остаться там. Почувствовав за столом некоторую неловкость и напряжение, Грейс поняла, что дружба между Валентином и сэром Джеймсом зародилась во время какого-то героического эпизода. Но, поскольку ни один из мужчин ничего не рассказывал, ей оставалось только догадываться, почему ее брат так нервничал при упоминании об этом. Может быть, он не любил, когда ему напоминали о том, что он в неоплатном долгу перед сэром Джеймсом?

— Так вы врач, леди Грейс, — сказал Бриггс. — Должен сказать, что работы у вас здесь будет невпроворот. Ваш брат говорит, что вы планируете открыть здесь что-то вроде миссии. Здесь у нас подобных заведений предостаточно, на мой взгляд. Никогда не мог понять, почему все так стремятся образовывать этих черномазых.

Грейс холодно улыбнулась ему и повернулась к сэру Джеймсу.

— Насколько я поняла, вы превосходно знаете местных жителей. Может быть, вы мне подскажете, как завоевать их доверие?

Валентин ответил за друга.

— Никто не знает кикую лучше, чем Джеймс. Его отец был удостоен чести стать кровным братом вождя племени. Мог даже присутствовать на некоторых таинственных церемониях. Они

называли его Бвана Мкубва, что означает «большой начальник». Они даже Джеймсу прозвище дали.

— Какое?

— Они называют его Мурунгару, что в переводе означает «прямой». Несомненно, он получил его за свою осанку и характер. — Валентин дал знак слугам убрать со стола. — Это говорит о том, что аборигены знают его так же хорошо, как и он их!

— Они вообще как, дружелюбные?

— У нас с ними нет проблем, — сказал сэр Джеймс. — Раньше кикую были очень воинственным народом, но британцы положили этому конец.

— Вон то копье, — сказал Валентин, указывая на стену, — подарил мне Матенге, местный вождь. Он теперь работает у меня.

— И что, они на самом деле стали миролюбивыми?

Сэр Джеймс качнул головой.

— Трудно сказать. Чисто внешне они не выказывают никаких недовольств по поводу новых правил, установленных нами. Но никто не может сказать, что у африканца на уме. Когда мой отец и ему подобные пришли сюда, местные жители ничем не отличались от людей каменного века. У них не было алфавита, были лишь какие-то допотопные орудия труда, которыми они возделывали землю, и эти орудия не улучшались со времен их предков. Удивительно, но эти люди даже не додумались изобрести лампу, пусть даже самую простенькую, какую использовали древние египтяне. Теперь миссионеры изо всех сил пытаются втащить их в двадцатый век. Африканцев начали учить читать и писать, носить обувь, пользоваться во время еды ножом и вилкой. От них ожидают, что они в один день начнут думать и вести себя как британцы, у которых за плечами две тысячи лет развития. Кто знает, что из этого получится? Возможно, лет через пятьдесят мы пожалеем о том, что устроили африканцам это экспресс-обучение. Может быть, однажды миллионам образованных туземцев наскучит доминирование кучки белых, и начнется чудовищная война, на которой прольется море крови. — Сэр Джеймс замолчал, медленно покручивая свой бокал на кружевной скатерти, а затем более тихим голосом добавил: — А может быть, это произойдет гораздо раньше.

Все смотрели на вращающийся бокал, на его сверкающие в свете свечи грани, на колышущееся в нем светло-желтое шампанское.

— Этого никогда не произойдет! — резко сказал Валентин и махнул рукой, чтобы подавали десерт.

Принесли тарелки с фруктами и сыром. Офицер Бриггс, потянувшийся к еде одним из первых, сказал:

— Странный они народ, эти черномазые. Узнали от нас, какой может быть реакция на боль и смерть. Но их ничто не волнует. Их с младых ногтей учат не показывать своей слабости. Они с такой невозмутимостью принимают чудовищные вещи. Болезнь, смерть, голод — все это для них шаури йа мунгу, воля Божья.

— Они верят в одного бога? — спросила Грейс, адресуя свой вопрос сэру Джеймсу.

— Кикую очень религиозные люди. Они поклоняются богу Нгаю, создателю мира. Он живет на горе Кения, и мало чем отличается от Иеговы.

— Богохульство, — пробурчал Валентин.

Сэр Джеймс улыбнулся.

— Кикую не политеисты. Чтобы стать христианами, им не приходится от многого отрекаться, наоборот, они даже больше приобретают. Вот почему миссионерам сопутствует успех.

— Получается, что кикую — народ крайне простой?

— Напротив, они очень непросты. Вот тут-то многие белые люди и совершают ошибку. Структура общества кикую очень сложна, как, собственно, и их менталитет. На одно только перечисление всех их табу у нас уйдет не один час.

— Не стоит волноваться, — сказал Валентин, потянувшись к третьей бутылке шампанского. Взгляд его пылающих огнем глаз то и дело останавливался на леди Роуз.

— Джеймс, сегодня днем вы, кажется, упомянули о местной знахарке, Вачере. Она вождь племени? — спросила Грейс.

— Слава богу, нет. Женщины племени кикую не могут стоять у власти. Их едва за людей считают. Они собственность мужчин. Их продают отцы, и покупают мужья. Кстати, само слово «муж» на языке кикую на самом деле означает «хозяин». Слово же «мужчина» — мурум — означает «могущественный», «достойнейший», «хозяин и

господин», в то время как слово «женщина» — мука — переводится как «подчиненный», «льющий слезы по пустякам» и «склонный к панике». Также слово «мука» имеет значение «трус» и «предмет, не имеющий ценности».

— Это ужасно!

— Осторожнее, — сказал Валентин. — А то моя сестра попытается сделать из них суфражисток.

— Женщины кикую не считают свое положение ужасным, — сказал сэр Джеймс. — Они почитают служение мужчине настоящей честью.

— Тебе есть чему у них поучиться, старушка, — сказал Валентин. Он положил руки на стол. — Надеюсь, леди извинят нас, если мы попьем кофе здесь? Боюсь, у нас нет помещения, куда бы джентльмены могли удалиться с сигарами.

— Бог мой, — произнесла леди Роуз, — вы же не собираетесь курить здесь?

Он легонько сжал ее руку.

— Мы не дикари, моя дорогая. В Африке каждый должен быть готов к каким-либо жертвам. Мы отказались от сигар.

Даже сидя через стол от нее, Грейс заметила, как леди Роуз отреагировала на прикосновение Валентина: ее зрачки расширились, щеки вспыхнули. Когда Валентин начал отстраняться от нее, Роуз положила свою руку на руку мужа, в ее глазах читалось желание.

— Дорогой, — произнесла она тихим, слегка запинающимся от выпитого голосом, — может быть, нам стоит вернуться в город и пожить в том маленьком необычном отеле?

— В «Белом носороге»? Ни за что в жизни, любовь моя. Его стены настолько тонки, что можно услышать, о чем думает твой сосед!

— Если бы ты только знал, как бы мне хотелось пожить там, пока не построят дом.

— Это невозможно. За этими обезьянами нужен глаз да глаз, иначе они перестанут работать. Стоит мне только отвернуться, как они тут же убегают в лес и начинают распивать пиво.

Выражение сомнения мгновенно испарилось с лица леди Роуз, когда в комнату внесли серебряный кофейник и фарфоровые чашки. Она одобряюще улыбнулась слуге-африканцу в белых перчатках, называвшему ее «мемсааб». Сервировка была безукоризненной, на

столе лежали правильные ложки, граммофон играл Дебюсси. От выпитого шампанского у Роуз закружилась голова. Ее предупреждали о коварстве этого напитка, но она забыла об этом и выпила слишком много. Впрочем, ей это даже нравилось. Роуз наслаждалась разливающимся по телу теплом, необычными ощущениями. Как она могла переживать из-за этих своих постельных страхов? Она очень надеялась, что ночью Валентин посетит ее палатку.

— Знаете ли вы, что слово «кофе», — говорил в это время ее муж, — происходит от арабского слова «кваве», которое изначально означало «вино»?

Тем временем сэр Джеймс повернулся к Грейс и спросил:

— Когда вы сможете приехать к нам на ранчо? Люсиль не терпится познакомиться с вами.

— Когда вам будет удобно, сэр Джеймс. Я хочу сразу приступить к работе, буду строить возле реки свой собственный дом.

— Посмотрим, позволит ли погода. Я хотел бы пригласить вас в гости уже на следующей неделе.

— Если вы пришлете кого-нибудь за мной, я с удовольствием приму роды у вашей жены.

— В этом можете не сомневаться! — Он одарил Грейс долгим внимательным взглядом. — Жаль, что мне придется с первыми лучами солнца возвращаться домой. В этих краях встреча с новым человеком — редкое удовольствие. Но я беспокоюсь о некоторых своих коровах, они, видимо, заболели, а я не могу определить чем.

— Здесь нет ветеринара?

— Есть, в Найроби. Но я не видел его уже несколько недель. У него масса работы, и ему приходится ездить по всем углам и закоулкам чудовищно огромной территории. Мне придется самому взять у них кровь и отправить ее в Найроби на анализ.

— Если вам нужно, у меня есть микроскоп.

Сэр Джеймс уставился на нее во все глаза.

— У вас есть микроскоп? Бог мой! — Он коснулся ее руки. — Грейс, вы просто посланец Божий! Я могу взять его у вас на несколько дней?

— Конечно, — ответила она, глядя на сильную, загорелую руку, которая сжимала ее руку и закрывала кольцо Джереми.

Вдруг в тишине ночи раздался рев, взорвавший лес какофонией криков и воя.

— Что, черт возьми, это было? — прокричал Валентин, вскакивая на ноги.

Снова раздался дикий рев, который мгновенно отрезвил находившихся в обеденной палатке. Валентин выскочил на улицу, Бриггс и Джеймс последовали за ним. Женщины, оставшиеся за столом, услышали лай собак, крики африканцев и тихий плач ребенка.

— Мона! — произнесла Грейс и, встав, направилась к брезентовой двери. Выглянув наружу, она увидела, что действие разворачивается в стороне, противоположной той, где обитали Мона и няня. Она вгляделась в туман. Бегали люди, горели факелы, выли собаки — от их дикого воя в жилах стыла кровь.

— Что случилось? — спросила за ее спиной Роуз.

— Я не знаю… — Тут она увидела Валентина, решительно шагающего к своей палатке с грозным выражением лица. Он вошел внутрь и через несколько секунд вышел оттуда с хлыстом в руке. — Валентин? — позвала она.

Он не ответил.

Грейс попыталась разглядеть сквозь туман, что происходит на другом конце лагеря. Собаки словно сошли с ума: даже грозные команды хозяев не могли успокоить их. Среди всего этого шума отчетливо слышался громогласный голос лорда Тривертона, отдающего приказания.

Грейс вышла из палатки. Людские голоса стихли, в данную минуту тишину нарушало повизгивание собак. Она, дрожа от холодного тумана, пошла вперед, изо рта белой струйкой шел пар. Вдруг она услышала резкий звук наподобие выстрела, и поняла, что это был звук удара хлыста.

Она поспешила на звук, не зная, что леди Роуз идет следом за ней. Обогнув палатку с провизией, Грейс остановилась.

Мужчины — африканцы в шортах цвета хаки, слуги в канзу, и трое белых мужчин — стояли вокруг дерева. А в центре этого круга, привязанный к дереву, был мальчик из племени кикую с обнаженной спиной. Он не дернулся, не закричал, вообще не издал ни одного звука, когда хлыст, опустившись на его спину, оставил на ней кроваво-красный след.

Грейс в ужасе смотрела на происходящее.

Лицо Валентина, вновь замахнувшегося хлыстом, было каменным. Она видела, как напряглись под его рубашкой мышцы плеч. Он снял смокинг; спина была мокрой от тумана и пота. Хлыст с силой обрушился на спину несчастного. Мальчик, обняв дерево, стоял неподвижно, словно высеченный из черной древесины. Валентин, шире расставив ноги, вновь поднял руку. На мгновение его лицо озарил свет факела. Грейс увидела в его взгляде какое-то странное исступление, силу, которая испугала ее.

Когда хлыст вновь опустился на мальчика, она закричала, но это не остановило его. Хлыст методично со свистом взмывал вверх и опускался вниз, оставляя на теле жертвы очередную красную полосу.

Грейс бросилась к дереву.

— Валентин! Прекрати! — Она схватила брата за руку, но тот оттолкнул ее. Сэр Джеймс подхватил ее, и она набросилась на него.

— Как вы можете так спокойно смотреть на это?

Бриггс ответил:

— Обязанностью мальчишки было следить за псарней. Но он напился и уснул. Туда забрался леопард и задрал одну из гончих.

— Но… это всего лишь собака!

— Это неважно. Ему могли бы поручить охранять вас или няню с ребенком. И что тогда? Ему нужно преподать урок. Если не будет дисциплины, можно собираться и уезжать назад, в Англию!

Хлыст, просвистев в воздухе в последний раз, застыл в руке у Валентина, и тот свернул его кольцом.

— Это необходимо было сделать, Грейс. Мы все сгинем в этой богом забытой стране, если здесь не будет закона и порядка. А не можешь смириться с эти — уезжай из Африки.

Сказав это, он зашагал прочь. Слуга с тканью и водой бросился к мальчику, круг людей разомкнулся.

— Можно обойтись без жестокости и насилия, — тихонько сказала Грейс.

Сэр Джеймс ответил:

— Это единственный язык, который они понимают. Дикари считают доброту проявлением слабости, а слабость презирают. Ваш брат поступил правильно, как настоящий мужчина, и за это они будут его уважать.

Разозленная, Грейс повернулась и, к своему ужасу, увидела в тумане возле палатки с провизией леди Роуз, которая стояла, словно каменное изваяние; ее глаза, как две дыры, зияли на бледном лице.

— Пошли в палатку, Роуз, — сказал Грейс, взяв ее пол руку. — Ты вся дрожишь.

— Ты помнишь, что обещала мне, Грейс? — прошептала Роуз. — Он не должен дотрагиваться до меня. Валентин не должен и близко подходить ко мне…

6

Чем же Дети Мамби так прогневали Нгая? Повелитель света не давал пролиться ни единой капле дождя, в результате чего на землю кикую пришла засуха, а следом и голод, который принесет с собой злых духов болезни.

День выдался не по сезону жарким; молодая Вачера, мокрая от пота, работала в лесу. Работала она не одна. Недалеко от нее, на расстоянии полета копья, старшая Вачера, также согнувшись дугой, собирала лекарственные травы и коренья. Множество бус и медных браслетов на руках и ногах, позвякивая и постукивая, создавали музыку при каждом движении ее тела.

Обе женщины собирали листья лантаны и кору тернового дерева. Первые использовались для остановки кровотечений; последняя — для лечения желудка. Старшая Вачера научила внучку распознавать эти чародейные травы, собирать, готовить и использовать их. Процесс сбора трав и приготовления снадобий не менялся со времен их прабабушек: сегодня, как и в стародавние времена, знахарки уходили в лес и искали целебные травы. Бабушка учила молодую Вачеру, что земля была Великой Матерью и что она произвела на свет все хорошее: еду, воду, снадобья, даже медь, которой они украшали свои тела. Мать нужно было чтить и почитать, вот почему обе Вачеры во время работы нараспев читали священные заговоры.

Внешне бабушка была спокойна. Эта грациозная пожилая африканка, скромно закутанная в мягкие козьи шкуры, с бритой, блестящей на солнце головой, проворными коричневыми пальцами быстро перебирала, сортировала, отбрасывала и собирала листья и веточки, отличая опытным глазом хорошую траву от плохой. Ее священные заговоры были похожи на песни, на бессмысленное мурлыкание; глядя на нее со стороны, можно было подумать, что в душе этой женщины нет ни малейшей тревоги, а в ее голове — ни единой мысли.

На самом же деле, в голове старшей Вачеры стремительно неслись мысли, которые, как и ее пальцы, сортировавшие растения, перебирали и искали решения многих проблем: как излечить Гачику от бесплодия; какой рецепт использовать для приготовления любовного

снадобья для Ванжоро; что нужно подготовить для ритуала посвящения и церемонии вызова дождя. Ведь в хорошие времена люди благодарили и восхваляли Бога, а в плохие протаптывали дорогу к хижине знахарки.

Только сегодня утром к ней приходила леди Найагудгии, горшечница клана, жаловаться на то, что ее горшки начали необъяснимым образом биться. Вачера достала свой Мешок с вопросами и бросила к ногам женщины божественные палочки. Она прочитала по ним о том, что было нарушено табу, что мастерскую Найагудгии посетил мужчина. Горшечное дело было занятием сугубо женским, так как Первую женщину завали Мунби, что означало «Та, кто делает горшки». Весь процесс изготовления горшка — от откапывания глины до его лепки, сушки, обжига и продажи — находился исключительно в руках женщин. Закон кикую запрещал мужчинам как прикасаться к материалам, используемым в этом ремесле, так и присутствовать во время изготовления горшков. То, что новые горшки Найагудгии таинственным образом бились, могло означать лишь одно: на запретную территорию, намеренно или по незнанию, ступил мужчина. Теперь возле священного фигового дерева нужно будет принести в жертву козу, только после этого мастерская горшечницы будет считаться очищенной.

Но сильнее всего тяготила Вачеру мысль о засухе. Что вызвало ее? Как умилостивить Нгайя и вызвать дождь?

Она посмотрела на скудное содержимое своей корзины: несколько хрупких листьев и сухая, как солома, трава. Ее снадобья окажутся бессильными, и болезнь снова поразит землю кикую. Почва под ее ногами была похожа на пыль. Великая Мать отчаянно нуждалась в воде. Кукурузные поля в деревне высохли и, собранное зерно превратилось в труху, ветки сбросили листья и печально наклонились к земле. Вачера вновь подумала о той работе, которая, не прекращаясь, кипела на холме у реки. Огромные металлические монстры срубали деревья и выкорчевывали пни; гигантские металлические челюсти, влачимые волами, ранили землю; белый человек, сидя верхом на лошади, грозил сыновьям Мамби хлыстом и заставлял их трудиться под безоблачным небом, словно те были женщинами! Вачера слышала недовольные голоса своих предков.

Вдруг ей пришла в голову мысль, что на ее народ обрушилось таху — напасть или грех. Это проклятие оскверняло землю и воздух, могло наслать на человека болезнь и смерть, уничтожить урожай, сделать овец и коров бесплодными, наслать на женщин дурные сны.

Лес был населен духами и призраками: Дети Мамби знали, что они должны ступать по лесу осторожно, иначе могут обидеть древесного человечка или духа реки. Они ведали, что демоны цепляются за черный плащ ночи, а добрые проявления Нгая летают на крыльях утра. Магия была повсюду: в каждом листочке и веточке, крике птицы, тумане, что скрывал от взора людского Бога Посвящения. И поскольку существовал этот второй невидимый мир, с его законами и наказаниями, Дети Мамби незыблемо чтили его. Убирая урожай, они никогда не вынимали из земли последний клубень, не осушали колодец до конца, не ломали без нужды ветки деревьев и не переворачивали камни. Если же кто-нибудь нарушал спокойствие царства духов, он приносил извинения или искупал свою вину дарами. Однако если кто-нибудь по неосторожности наносил обиду и не просил за это прощения, на него и всех Детей Мамби насылалось таху.

Но что же навлекло на них эту «напасть»?

Таху было самой могущественной силой на земле, кикую знали это. Наслать на члена племени проклятие было наихудшим злодеянием, более чудовищным, чем даже убийство. Человека, наславшего таху, живьем сжигали на костре, а жертву этого проклятия ничто уже не могло спасти от неминуемой гибели. Старшая Вачера была свидетельницей того, как сошел с ума член ее собственной семьи, после того как какой-то человек, позавидовав большому стаду овец ее дяди, наслал на него таху. Вачера была тогда маленькой девочкой; она видела весь тот сложный ритуал, с помощью которого колдунья-знахарка пыталась снять проклятие. Но все оказалось тщетным. Таху было сильнее, чем снадобья и заклинания человека; насланное проклятие снять было практически невозможно, поэтому Дети Мамби относились к таху с серьезностью и осмотрительностью.

Собрав лекарственные травы, женщины начали искать хворост. Они связали сухие ветки в огромные вязанки, взвалили их себе на спины и прикрепили завязками к головам. Ноши были настолько тяжелыми, что бабушка и внучка шли, согнувшись до самой земли, глядя себе под ноги. Бабушка, имея за плечами семидесятилетний

опыт ношения тяжелых грузов, шла впереди. Обе женщины медленно брели по пыльной тропинке обратно в деревню, которая находилась на расстоянии полета множества стрел, — такой путь белый человек называл пятью милями.

Пока они шли, молодая Вачера думала о своем муже. Придет ли Матенге сегодня в деревню? В последний раз она видела его после родов его третьей жены. По законам кикую, муж мог увидеть ребенка только после того, как приносил его матери козу. И Матенге пришел, высокий и стройный, одетый лишь в красную накидку, завязанную на одном плече.

Он больше не носил копья, потому что закон белого человека запрещал это делать; вместо него у него была трость для ходьбы, которая придавала ему важный вид.

Занимаясь домашними делами — запасая воду из отдаленных закутков высохшей реки, собирая чахлые луковиц и ссохшиеся початков кукурузы, доя коз, сшивая шкуры, убирая хижину и чиня крышу, — Вачера наблюдала за мужем. Он часто сидел под тенью дерева и разговаривал с другими мужчинами племени кикую; иногда она слышала, как он смеется, беседуя с белым человеком. А когда он приходил домой, то отдыхал в своей холостяцкой хижине, куда женщинам вход был запрещен, и развлекал своих братьев и кузенов рассказами о новой шамбе мцунгу.

Чужеземцы все больше интересовали Вачеру. Иногда она прерывала свою работу и наблюдала за странной мцунгу, возводившей у реки какое-то непонятное сооружение из четырех столбов и соломенной крыши. Одета белая женщина тоже была крайне забавно. Ни кусочка ее кожи не опаляли лучи солнца, не обдувал ветер. Она была с головы до ног укутана в ткань; только ее черная юбка развевалась на ветру и волочилась по грязи. Очень непрактичная одежда для такой погоды.

Мцунгу отдавала приказы работавшим на нее мужчинам, членам клана Вачеры, которые когда-то были воинами, а сейчас строили для белой женщины хижину и называли ее мемсааб дактари — госпожа доктор.

Вачера пыталась угадать, к какой возрастной группе принадлежала эта дактари. Ее собственная возрастная группа называлась китингитиа, так как она прошла обряд посвящения в год

Пухнущей Болезни, которую белые люди называли инфлюэнцей 1910 года. Атак как они были примерно одного возраста, рассуждала Вачера, дактари могла пройти обряд посвящения в тот же год, что и она. Если так, то не делало ли это их кровными сестрами?

Но не только этим мемсааб дактари удивляла Вачеру: судя по всему, она была одной из жен белого мужчины, но при этом у нее не было детей. Вся деревня судачила о том, каким богатым человеком был Бвана Лорди, учитывая размер его шамбы и количество жен, которых было, по их подсчетам, не менее восьми. Кикую не знали, что они зачислили в жены лорду Тривертону его сестру, личную служанку его жены, няню Моны, двух горничных, швею и повариху — иными словами, всех привезенных из Англии женщин. Так много жен, недоумевали африканцы, и только один тото, один ребенок. И ни одной женщины с животом! Неужели все его жены были бесплодными? Если да, то почему он не вернет их обратно отцам?

Какие бесполезные создания! Несомненно, в этом были повинны злые духи. Бвана Лорди нужно поискать другую знахарку-колдунью.

Была еще одна вещь, которая озадачивала молодую Вачеру больше всего. Она знала, что между двумя племенами вацунгу была жестокая война, которая длилась восемь урожаев.

Бвана Лорди вернулся с войны, возвел свою тряпичную хижину и срубил железными монстрами лес. Теперь вот приехали его жены; наверняка некоторых из них он забрал в качестве добычи у своего врага. Но… где же скот? Кто же из воинов возвращался с войны без вражеского скота?

Вачера вновь подумала о своем муже.

Как ей вернуть его? Несмотря на скудный урожай и худосочных коз, она приготовит для него настоящее пиршество. Она отдаст ему последние запасы своего самого хорошего пива, будет вести себя кротко и покладисто. Только бы он пришел! Она хотела попросить бабушку дать ей какого-нибудь любовного зелья, чтобы тайно подмешать его Матенге, но решила, что у той сейчас есть дела поважнее.

Возле священного фигового дерева предстояло провести церемонию вызова дождя.

Вачера помнила последнюю такую церемонию, так как сама участвовала в ней. Только чистые и невинные члены клана могли

принимать участие в этой церемонии: старики, пережившие все земные желания и думавшие уже только о духовном; женщины, уже вышедшие из «романического» возраста и поэтому не являвшиеся провокаторшами похотливых мыслей; дети до восьми лет, чистые душой и незапятнанные грехом.

Церемония проходила у подножия того самого фигового дерева, которое росло в самом центре деревеньки Вачеры. Это было очень древнее дерево, доказавшее свою священность, спасшее ее семью от болезни и голода в год, когда «леди Вачера переселилась за реку». Молодая Вачера не сомневалась, что после проведения этой церемонии предки, живущие в этом почитаемом фиговом дереве, пошлют им дождь.

Женщины дошли до реки и направились в сторону своей деревни, расположенной на северном берегу. Когда они миновали деревья, старшая Вачера испустила вопль ужаса. Гигантский металлический монстр с человеком на своей спине рубил хижину третьей жены.

Старшая Вачера закричала на управляющего монстром человека, мужчину из племени масаи, одетого в шорты цвета хаки, но тот не обратил на пожилую женщину никакого внимания; молодую же он окинул заинтересованным взглядом. Когда железное чудовище, пыхтя и недовольно рыча, вонзилось в хижину, старуха Вачера встала у него на пути. Масаи остановил зверя и утихомирил его рев.

— Что ты делаешь? — спросила Вачера.

Он ответил ей сначала на масаи, потом на суахили и, наконец, на английском, но ни один из языков женщины не поняли. Потом он сказал: «Матенге» и махнул в сторону холма.

Оттуда на них смотрел высокий и красивый воин. Рядом с ним, также глядя на них, стояла белая бвана.

7

— Прошу прощения, мемсааб доктори, — обратился к Грейс главный кикую. — Квадратный дом — это плохо. В его углах будут жить злые духи. Только круглый дом безопасен.

Грейс посмотрела на наконец-то начавшееся — спустя семь месяцев строительство ее дома и спокойно ответила:

— Все в порядке, Самюэль. Я предпочитаю квадратный дом.

Он отошел, покачивая головой. Несмотря на то что Самюэль Ваиро, мужчина из племени кикую, был христианином и одним из немногих, кто носил европейскую одежду и говорил на английском языке, он не мог понять поведения белых людей.

Грейс смотрела ему вслед, думая о том, какими ходячими парадоксами были эти обращенные в христианскую веру африканцы. Внешне они практически ничем не отличались от европейцев, но в их разуме и душах по-прежнему жили древние суеверия кикую.

Она посмотрела на первые бревнышки своего будущего дома и внутренне возликовала. Тогда, в марте, когда она поселилась в лагере Валентина, она и подумать не могла, что пройдет столько времени, прежде чем она начнет строить собственный дом. Казалось, все взбунтовалось против прогресса: засуха, которая требовала, чтобы вся рабочая сила сконцентрировалась на кофейных полях Валентина; частые праздники и возлияния кикую, в результате которых рабочие пропадали по нескольку дней подряд; в те же дни, когда они действительно работали, ее безумно раздражал медленный темп. Наконец-то ее маленькая клиника была построена — четыре столба и соломенная крыша, плюс большая квадратная хижина для пациентов, которых она планировала наблюдать. И теперь можно было приступить к строительству дома.

Она нарисовала рабочим несложный план, которому они должны были следовать, почти каждое утро приходила из лагерного городка и следила за ходом строительства. Столь жесткий контроль с ее стороны принес свои плоды: в тихие ранние утренние часы всю прибрежную округу оглашал грохот молотков и пил; пилились и подтачивались бревна, закладывался фундамент, прорубались окна и двери.

На вершине холма уже стоял первый этаж дома Валентина, и сейчас рабочие день и ночь трудились над вторым этажом. Шум с рабочих площадок был столь оглушительным, что Грейс почти уверовала в то, что две бригады строителей соревновались, кто из них работает громче.

Она посмотрела на грязную дорогу, спускающуюся от горного хребта: сэр Джемс сказал, что заедет за ней на своем новом грузовичке сразу после рассвета, а было уже почти семь часов.

Грейс собиралась в Найроби на встречу с главным военным врачом, обсудить, что можно сделать для того, чтобы научить африканцев правильному питанию и гигиене. Семь месяцев назад, когда она приехала сюда с Роуз и младенцем, Грейс взяла переводчика и пошла знакомиться с жизнью местных жителей. То, что она обнаружила — плохое питание, привычку спать с козами, несметные полчища мух, — испугало и шокировало ее. Грейс приехала в Британскую Восточную Африку с чемоданчиком, полным лекарств, бинтов и нитей для зашивания ран, прекрасно понимая, что это мало чем поможет ей в борьбе с неправильным питанием, эндемической болезнью и ужасным общим состоянием людей.

Здесь, решила она, должна начаться ее работа с людьми племени кикую — не в клинике с градусниками и шпателями для языка, а непосредственно в их хижинах. Африканцам нужно было открыть глаза на то, что их собственный образ жизни, а не злые духи, был повинен в их болезнях и страданиях.

И хотя главный военный врач сказал ей в своем письме, что из-за нехватки специалистов ей придется решать эти проблемы самостоятельно, Грейс решила все же поехать в Найроби и выпросить помощь.

Она услышала рычание мотора и увидела столб пыли за грузовиком сэра Джеймса. В кузове ехали четыре африканца; они будут прорубать для грузовика путь, прокладывать его через препятствия и болотистые места и охранять от хулиганов на улицах Найроби. Если им повезет, они проедут девяносто миль до Найроби до заката.

Залезая в машину сэра Джеймса, Грейс увидела молодую африканку — внучку знахарки, стоявшую на краю расчищенной от леса поляны и наблюдавшую за ней.

Лошади стремительным галопом неслись по холму, грохотали подковы, всадники, изогнувшись дугой, ловко управлялись с уздами и стременами. Лорд Тривертон, одетый в красную куртку, белые ездовые бриджи и черный цилиндр, скакал в первых рядах.

Ему казалось, что он парит над землей. Утро было прохладным и бодрящим; роса, словно сверкающее одеяло, лежала на светло-коричневой траве. Ее пульс участился: он был жив и ощущал себя непобедимым.

Бригадир Норих-Гастингс, большой специалист по части охоты, скакал впереди всех, следом за сворой из сорока охотничьих псов; рядом с ним, вцепившись в стремена босыми ногами, подпрыгивал в седле охотник, мужчина из племени кикую по имени Кипая, одетый в красную рубашку и черную бархатную шляпу. Обученный Норихом-Гастинсом древним охотничьим «кличам», Кипая контролировал собак голосом и медным рожком. Трое доезжачих не позволяли своре собак разбегаться в стороны раньше времени. Эти мужчины — тоже африканцы — также были одеты в престижную красно-белую охотничью униформу. Следом за ними ехали гости бригадира Нориха-Гастингса, «умы» Британской Восточной Африки, которые галопировали по равнине Ати, лежащей вблизи Найроби, словно по родным английским просторам. Охота и впрямь мало чем отличалась от традиционной английской охоты на лис — с конюхами, загонщиками, егерями, псарями и терьерами. Все как положено, разве что преследовали они не лисицу, а шакала.

Они выступили на рассвете, встретившись на лужайке перед домом Нориха-Гастингса, где их потчевали горячим чаем и печеньем. По команде хозяина собаки бросились на поиски добычи. Почуяв шакала, они громким лаем оповестили об этом охотников, и Норих-Гастингс, крикнув «Ату!», бросился в погоню. Сливки общества Британской Восточной Африки бросились следом за сворой собак. Большинство проклинали лишнюю бутылку шампанского, выпитую накануне, но тем не менее пребывали в превосходном расположении духа и святой уверенности своего превосходства над всем живым.

Валентин скакал на Экскалибуре, привезенном с собой арабском жеребце. Рядом с ним галопировал его превосходительство губернатор, следом — граф Душинский, выходец из Польши. Роуз не принимала

участия в охоте; она вообще в этот раз не поехала с ними в Найроби, упросив мужа разрешить ей остаться дома, где она могла, по ее словам, укрыться от невыносимой сентябрьской жары. Валентин очень хотел, чтобы она поехала с ним, но не стал настаивать на этом. Даже дома, в Англии, Роуз не любила ездить на охоту, испытывая невероятную жалость к бедняжкам лисам. Любовь Роуз к животным стала распространяться и на оставшихся без родителей лесных обитателей, которых она превращала в домашних животных.

Лошади и пони бежали все быстрее. Нервное напряжение нарастало; появился отчетливый привкус опасности. Только в прошлое воскресенье собаки загнали на дерево исходящегося рыком леопарда, и хозяину, который всегда носил с собой револьвер, пришлось застрелить его. И хотя здесь не было живых зеленых изгородей и рвов с водой, как в Англии, африканская охота на лис была не менее опасной: в прошлом мае лошадь полковника Мэйшеда угодила ногой в вырытую кабаном яму, а наездник, перелетев через нее, ударился головой о землю и отправился к праотцам.

Было уже около девяти часов; первые лучи начали озарять и согревать желтую, выжженную солнцем равнину. Жара и отсутствие дождей превратили некогда зеленые территории в унылую, богом забытую землю белеющих скелетов, голодающего скота и засохших растений. Тем не менее охота была хорошей, компания — живой и остроумной, а завтрак, который ждал их по окончании этого мероприятия, — вкусным и сытным.

Внезапно собаки остановились и попятились назад. Когда охотники приблизились к обескураженным псам, они увидели огромного страуса, вышедшего из сухих зарослей.

Он расправил крылья и побежал на собак, которые с повизгиванием ретировались. Кипая и бригадир попытались успокоить псов, но их попытки не увенчались успехом: страус, делавший угрожающие выпады в сторону своры, запугал их окончательно.

— Смотрите! — закричала леди Больсон.

Из кустов вышла небольшая стайка страусят. Лорд Боль-сон залез во внутренний карман пиджака, вытащил «Кодак» и немедленно сделал несколько снимков.

Спустя мгновение появилась страусиха. Родители окружили своих птенцов, и пернатое семейство чинно удалилось, оставив за собой

посрамленных собак и смеющихся охотников. На том охота была завершена.

Столы накрыли на веранде большого дома Нориха-Гастингса; фарфор, хрусталь и белоснежные скатерти светили словно маяки и указывали путь уставшим, но счастливым охотникам. Слуги-африканцы под зорким контролем жены бригадира, леди Маргарет, стояли наготове в своих длинных белых канзу и обернутых вокруг талии алых поясах. Когда гости поднялись по ступенькам на веранду, вытирая лбы и смеясь над историей со страусами, слуги немедленно начали отодвигать стулья, подавать салфетки и разливать чай. Затем из дома принесли еду — серебряные подносы с нарезанными кусочками папайей и бананами, тарелками с горячей кашей, блюдцами с поджаренными яйцами и хрустящим беконом, — и компания погрузилась в оживленную беседу.

— На прошлой неделе на меня напал буйвол, — вещал громогласно Дрейпер, капитан полка Королевских африканских стрелков. — Один из моих парней из племени вакамба заявил мне: это якобы свидетельствует о том, что у моей жены есть любовник. Коли так, ответил я ему, то отправляться в сафари во время проведения скачек в Найроби, должно быть, чертовски опасно, так как все джунгли должны просто кишеть разъяренными буйволами!

Его собеседники взорвались смехом, в то время как за соседним столом вели более серьезный и трезвый разговор.

— Столько шума вокруг того, чтобы наделить этих азиатов правом голоса. Большинство из них требуют, чтобы им разрешили селиться на этих землях! Я считаю, что протекторат — это белая дочь Британии, а не внучка Азии.

— У них уже есть Индия. Пусть едут туда, если им что-то здесь не нравится. По моему мнению, Британская Восточная Африка должна быть местом, где обязаны превалировать британские идеалы, традиции, культура и образ жизни. Иными словами, эта земля должна принадлежать белым!

Валентин слушал вполуха. После бешеной скачки сердце продолжало отчаянно колотиться. Ему едва удавалось усидеть на месте: не терпелось поскорее отправиться домой и удивить своим приездом Роуз. Население — рабочие, приехавшие из Индии в 1896 году строить Угандскую железную дорогу, а впоследствии оставшиеся

работать в офисах и магазинах, — не интересовало графа. Азиаты завалили правительство Его Величества требованиями предоставить им в протекторате равные права с белыми и возможность селиться на лучших территориях Восточной Африки, которые простирались от Найроби до земель за пределами поместья Тривертонов. Горстка европейцев боролась за то, чтобы не допустить этого.

— Чтобы решить этот вопрос в нашу пользу, мы должны настаивать на статусе колонии, — сказал молодой мужчина в мягкой фетровой шляпе, одно поле которой было поднято вверх и приколото форменным значком. Лорд Деламер прав. Если мы получим статус колонии, то официально будем считаться территорией Британии, что даст ей законное право распоряжаться этой землей по своему усмотрению. Со статусом протектората мы самые настоящие сиротки. Только получив статус колонии, мы заставим прислушиваться к себе.

Валентин щедро намазал мармелад на свой тост. На столе были свежее масло, сливки и сыр, даже кофе и чай! В это послевоенное время в Англии вовсю действовала пайковая система; здесь, в протекторате, цены на продовольствие были заоблачно высокими, импортные товары — настоящим дефицитом, а простые фермеры изо дня в день боролись за свое существование. Однако в поместье бригадира Нориха-Гастингса дела шли хорошо, поэтому отставной офицер мог позволить себе устраивать щедрые застолья.

Валентин сожалел, что сэр Джеймс не поехал с ним. Его друг мог бы прекрасно отдохнуть и прилично поесть. Жизнь на Килима Симба, ферме Дональдов, была простой и тяжелой. Его жена Люсиль от заката до рассвета возилась с детьми — двумя маленькими сыновьями и крошкой-дочерью, пекла печенье, варила варенье, чтобы продать их и заработать несколько дополнительных рупий, штопала одежду, которую, по мнению Валентина, следовало бы пустить на тряпки, в то время как ее муж проводил целые дни в седле, мотаясь по своей обширной территории, следуя за огромными стадами, борясь со стремительно исчезающим запасом воды, проводя дезинфекцию скота, дабы предотвратить возникновение эпидемии, и контролируя работников, чтобы они трудились, а не прохлаждались в тени деревьев, попивая пиво.

По меркам лорда Тривертона, сэр Джеймс не был богачом, он был самым честным и трудолюбивым человеком, которого Валентин когда-

либо встречал в своей жизни. Если бы в том страшном происшествии вблизи границы Германской Восточной Африки Господь Бог призвал к себе Джеймса, — а то, что он остался в живых, военные врачи назвали настоящим чудом, — если бы сэр Джеймс умер, то Восточная Африка понесла бы огромную потерю. За проявленный во время войны героизм Джеймса Дональда наградили званием рыцаря, чего, по мнению Валентина, было явно недостаточно.

— Этот парень был капитаном команды по крикету, — слышался голоса бригадира Нориха-Гастингса. — Как-то они проводили игру против Кисиму. Он выиграл право первой подачи, ударил по мячу и открыл счет броскам. Ко времени вечернего чаепития он все еще делал перебежки.

Валентин слушал историю и смеялся вместе со всеми. Настроение у него было превосходное, так как ему удалось договориться о встрече с доктором Гэар, который согласился, несмотря на воскресный день, принять его у себя в клинике. Валентин очень надеялся, что этот человек поможет ему решить проблему с Роуз.

Накладывая себе омлет и приготовленные с пряностями почки, слушая вполуха застольный разговор о росте кофейных кустов, Валентин думал о том, что, по сути, он виноват в том, что их сексуальные отношения с Роуз зашли в тупик.

В конце концов, решил он, для такой тонкой и благородной леди, как его жена, было непросто оставить комфортную жизнь в Англии и переехать жить в палаточный лагерь на краю земли! В отличие от Грейс, которая, казалось, наслаждалась трудностями, повстречавшимися в Африке, Роуз боялась этой страны. Рядом с ней не было других леди ее круга и образа мыслей, которые могли бы оказать ей необходимую поддержку. У Люсиль Дональд не было времени на общение с Роуз; кроме того, эти женщины не имели ничего общего друг с другом. Роуз не волновала ни пробравшаяся в курятник гиена, ни то, как в домашних условиях приготовить клей из копыт буйвола. А Люсиль, в свою очередь, не проявляла ни малейшего интереса к стилю и моде или к тому, где любит отдыхать королевская семья.

Роуз большую часть своего времени проводила в одиночестве, так как Валентин вынужден был дни напролет следить за тем, чтобы тоненькие молодые кофейные деревья на плантации получали должный уход, а Грейс сначала с головой ушла в строительство

клиники, а потом зазывала туда местных жителей. Роуз, казалось, была вполне довольна жизнью.

— У меня сейчас плодоносят пять сотен акров кофейных деревьев, — говорил мужчина из Лимуру, — но из-за засухи бобы очень маленькие, очень много дефектных и вообще деревья выглядят чертовски плохо. — Он повернулся к Валентину: — А как ваши посевы?

— Весьма неплохо.

Никого за столом это сообщение не удивило. Все в Восточной Африке только и говорили о невероятном везении и богатстве графа. Казалось, все, к чему он прикасался, превращалось в золото.

— Я слышал, вы перегородили реку плотиной?

— Да. В марте, когда поняли, что не дождемся дождей. Тогда-то я и решил отвести от нее канал и поливать поля между рядами.

— Должно быть, черномазики несказанно удивились, когда увидели, что реку повернули в другую сторону! Они совершенно не думают о завтрашнем дне. Никогда не выращивают еды больше, чем могут съесть сегодня, никогда не задумываются о том, что будут делать, когда наступит засуха. Для них все это шаури йа мунгу.

— Чертовы черномазые, — вмешался в разговор мужчина с красным от солнца лицом и пушистой светловолосой бородой. — Ничто не в силах заставить их работать! Только и делают, что сидят на своих черных задницах и ждут, когда «американи» дадут им масло и сахар, при этом даже ни на секунду не задумываются о том, что нужно трудиться, чтобы получить их!

— Можно вытащить обезьяну из джунглей, — сказал мужчина из Лимуру, — но нельзя вытащить джунгли из обезьяны!

Помешивая чай, Валентин украдкой бросил взгляд на часы:

— Вам понравилась охота, лорд Тривертон?

Он посмотрел на улыбающееся лицо леди Маргарет.

— Как поживает ваша очаровательная супруга, графиня? — вставила она, прежде чем он успел ответить. — Нам бы хотелось видеть леди Роуз в Найроби намного чаще!

«Это были моменты, когда жизнь возвращалась к ней», — думал Валентин. Те несколько случаев, когда леди Роуз приезжала в Найроби. Сначала на великолепный бал, устроенный в честь короля Швеции, а затем на помпезную церемонию озеленения территории перед домом

правительства. Роуз тогда пожертвовала несколько черенков своих драгоценных роз. В Найроби она была живой и веселой, находясь в центре всеобщего внимания и восхищения. Если бы не длительность поездки из центральной провинции в Найроби, а также езда в фургоне и ежедневная ночевка в палатке, она бы ездила туда гораздо чаще, Валентин был уверен в этом.

— Поблагодарите ее за чай, — сказала леди Маргарет. — Очень интересный вкус.

Роуз привезла с собой из Англии особый чай — смесь индийского и цейлонского, которую пили в ее семье на протяжении многих поколений. Когда запасы чая закончились, то, вместо того чтобы заказать его у своего обычного поставщика в Лондоне, Роуз нашла в Найроби фирму, которая продавала местный чай, выращиваемый в более прохладных регионах возле озера Виктория, и заменила им цейлонский. В результате чай приобрел новый уникальный, приятный вкус. Во время своего прошлого визита в Найроби, на ужине в честь дня рождения короля, Роуз упомянула об этом леди Маргарет, которая очень заинтересовалась этим, и Роуз послала ей пакетик своего чая.

— Надеюсь, графиня не будет возражать, если я тоже закажу ей немного чая? — спросила жена бригадира. — Я думаю, он намного лучше чая леди Лондондерри!

Только Валентин открыл рот, чтобы ответить, как она поспешно продолжила:

— А у меня для леди Роуз тоже есть маленький подарочек. Я наконец-то получила нитки для вышивания, которые заказала почти год назад! Там есть нитки чудесного зеленого цвета, которые идеально подойдут для вышивки леди Роуз.

В апреле, желая сделать Роуз приятное и хоть ненадолго вызволить ее из палаточного лагеря, Валентин решил отвезти ее к горе Кения и показать тамошние красоты. Он постарался сделать это путешествие максимально приятным: всю дорогу леди Роуз провела в сооруженном им с помощью двух шестов и парусины гамаке, который несли африканцы. Роуз просто влюбилась в эти джунгли. Ее настолько поразило увиденное, что, едва вернувшись домой, она немедленно достала из своего кедрового сундука отрез льна, вытащила из чемодана иголки и нитки и принялась переносить на ткань все то, что видела во время путешествия. И хотя работа была еще в начальной

стадии, уже можно было видеть, каким красивым и похожим выходил на ткани тропический лес: насыщенно-зеленая трава, усыпанная точечками ярко-оранжевых, желтых и синих цветов; длинные и крепкие, как канаты, лианы, свисавшие с влажных, перекрученных деревьев; изумрудный мох, гигантские папоротники и бегонии; даже низкий горный туман был вышит нежной жемчужно-голубой шелковой нитью, а сбоку Роуз оставила место для притаившегося в засаде желтоглазого леопарда.

За этим занятием она и проводила все свое время — только и делала, что вышивала, сидя на небольшой полянке в центре эвкалиптовых деревьев, укрывшись от жаркого солнца в беседке, которую построил для нее Валентин, в компании одомашненных обезьян, попугаев, миссис Пемброук и малышки Моны.

— Вы останетесь у нас ночевать, лорд Тривертон? — спросила леди Маргарет.

Из-за огромных расстояний между соседними имениями и отсутствия гостиниц в Британской Восточной Африке повелся обычай предлагать ночлег гостям, друзьям и просто путникам.

Но Валентин очень спешил. Ему еще нужно было сделать в Найроби две вещи: навестить доктора Гэара и организовать сюрприз для Роуз.

8

— Есть одно возможное объяснение холодности вашей жены, лорд Тривертон. Медицинский термин этого явления — диспареуния. Это означает… — доктор Гэар постучал ручкой по столу, — что женщина испытывает болезненные ощущения во время полового акта. Леди Роуз жаловалась на боль?

Валентин озадаченно посмотрел на врача. Боль? Он никогда не думал об этом. Разве такое возможно? Было ли это причиной того, что она уклонялась от его объятий? Валентин откинулся на спинку стула, не обращая ни малейшего внимания на яркий солнечный свет, озарявший небольшой кабинет доктора Гэар. Грейс ничего не говорила ему про боль. Она была очень деликатна, упомянула лишь о тяжелых родах, неудобном вагоне поезда и отсутствии нормальных условий жизни.

В душе у Валентина затеплилась надежда. Неужели все объяснялось так просто? Роуз просто боялась боли? Если это была истинная причина, чисто физиологического характера, а не проблема, как он боялся, с их взаимоотношениями, то, несомненно, этому можно помочь!

— Что вызывает боль, доктор Гэар?

— Чтобы определить это, я должен обследовать вашу супругу.

Валентин задумался. Ему и самому было непросто заставить себя прийти к этому человеку; как же он мог доверить обследование Роуз незнакомцу? Валентин выбрал доктора Гэара, потому что другие врачи, а их в Восточной Африке не так-то много, были частью общества, поэтому риск распространения сплетен становился очень велик. Доктор Гэар же был здесь новеньким: он только что приехал из Америки и еще не успел обзавестись дружескими связями.

— Шесть месяцев назад она родила ребенка, — сообщил Валентин. Он не хотел признаться себе в том, что холодность Роуз началась задолго до рождения Моны; не понимал, что хватается за соломинку.

За двадцать лет своей медицинской практики доктор Грэа провел множество таких частных консультаций. Все они были похожи друг на друга как две капли воды: жена не отвечает на сексуальные ласки или

вообще противится им; муж погружается в самокритику и сомнения насчет своей мужской состоятельности.

Ну и женщины пошли! Только и говорят, что о контроле рождаемости и праве голоса. К чему противиться своему единственному предназначению на этой земле — рождению детей? Они поднимают вокруг родов много шумихи, хотя их создали исключительно для этой цели!

— Вы сможете ей помочь? — спросил Валентин, молясь, чтобы ответ будет простым.

Врач начал что-то писать на листе блокнота. Ему хотелось признаться, что он сам сделал бы на месте графа: заявил о своем законном праве мужа и наплевал на ее протесты. Но вместо этого доктор Гэар сказал:

— Я выписал легкое снотворное. Оно позволит ей расслабиться. Большинство проблем в таких случаях возникают из-за напряжения в… тазу. Несколько доз лекарства помогут избавиться от проблемы. — Он вырвал страницу из блокнота и протянул ее Валентину.

Выйдя из здания, обшитого вагонкой и рифленым железом, Валентин закрыл глаза рукой, защищаясь от яркого экваториального солнца, и глубоко вздохнул. Он готов был кричать от радости.

Он упивался уникальным воздухом Восточной Африки, светом, который, как казалось, делал более отчетливыми контуры, детали и цвета. Из-за того, что Найроби располагался на расстоянии пяти тысяч футов выше уровня моря, воздух был кристально чистым; его не отравляли ни промышленные выбросы, ни выхлопные газы автомобилей — те несколько автомашин, что ездили по грязным улицам Найроби, были не в счет.

Когда граф приехал сюда сражаться с немцами, он был просто зачарован этим светом — не только ярким, но и невероятно легким, просто невесомым. «Свет, — думал Валентин — должен иметь плотность, как любой другой предмет. Например, солнечный свет в Англии утяжелялся туманами и дымками, соленым морским воздухом. Но здесь, в Британской Восточной Африке, солнечный свет был чистым, прозрачным, невесомым, придающим окружающим его предметам, даже самым невзрачным почти сверхъестественную четкость. Убеленные сединами старики-старатели на своих тощих ослах, отдыхающие под дневным солнцем запыленные чернокожие

африканцы и прозаичные старые дома из дерева и железа, покрытые пылью и грязью, — все, казалось, купалось в этом неописуемом великолепии.

Валентин Тривертон любил Найроби. Будучи однажды ослепленным светом этого зарождающегося под солнцем города, он понял, что никогда больше не сможет жить в Англии.

Но Найроби привлекал его не только своим светом. Это был живой, дышащий, пульсирующий город с великолепным — Валентин был уверен в этом — будущим. И хотя война уже закончилась и войска королевской армии были отосланы домой, новая волна поселенцев осаждала берега Восточной Африки: бывшие английские солдаты, получившие от правительства дарственные на землю, буры из Южной Африки со своими крытыми фургонами и длинными вереницами мулов; пробивные дельцы и их собратья-жулики, ищущие способы быстро разбогатеть; индийцы в тюрбанах со своими смуглыми женами и выводками детей; белые поселенцы, приехавшие в поисках новой жизни; надменные молодые чиновники в чистых отутюженных униформах цвета хаки, в больших пробковых шлемах с блестящими кокардами впереди и длинными, похожими на хвосты выдр полями сзади; и, наконец, посреди всего этого, с безмятежным и непроницаемым выражением лица, кому, казалось, нечем было заниматься, кроме как сидеть в пыли и наблюдать за происходящим, — африканцы, которые жили на этой земле задолго до того, как другим пришла в голову мысль приехать сюда.

Найроби был небезопасным местом, где почти каждый человек носил оружие, где постоянно вспыхивали пожары, переполненный и грязный индийский базар был очагом эпидемий. Этот шумный город был наводнен телегами, запряженными волами, всадниками на лошадях, рикшами и редкими автомобилями. Но это был единственный город на земле, где граф Тривертон чувствовал себя как дома.

Достав из кармана рубашки сигару и закурив ее, Валентин, думая о том, где ему искать работающую в воскресный день дюка ля дава, аптеку, наблюдал за формированием колонны, отправляющейся в охотничью экспедицию.

Такие колонны были уже вчерашним днем, и в скором времени им предстояло совсем исчезнуть с лица земли, по крайней мере, в

Восточной Африке: людей постепенно заменяли машины. Сотня аборигенов получала свои ноши. Меньше чем через час колонна выползет из Найроби, словно черная многоножка. Завершал процессию белый охотник-профессионал, следом за которым шли потеющие богатые клиенты. Носильщики несли свои ноши на головах, как это делают африканские женщины, поскольку носить груз на спине считалось для них унизительным. Ноши имели ограничения по весу: для людей — 60 фунтов, для ослов — 120 фунтов. Но для нош африканок, носивших их на головах, никаких ограничений не предусматривалось.

Валентин повернул голову и посмотрел на отель «Король Эдуард». Как приятно было вспоминать, что пятнадцать лет тому назад здесь не было ничего, кроме палаток и болота. А до этого — всего лишь крошечная речушка и несколько разбросанных по разным местам кланов масаи.

Найроби родился всего несколькими годами позднее, чем сам Валентин; граф был решительно настроен взрослеть и стареть вместе с этим городом.

Миранда Вест положила ложку, вытерла руки о передник, подошла к окну и выглянула на улицу. Лорд Тривертон предупредил ее о том, что сегодня остановится у нее, перед тем как отправиться на север, на свою плантацию.

Она хлопотала на кухне своей маленькой гостиницы, готовясь к воскресному вечернему чаепитию, на подготовку которого у нее ушло практически полдня: к таким вещам она подходила со всей тщательностью и ответственностью. Слава о чаепитиях, устраиваемых в гостинице Миранды Вест, доходила даже до Уганды, и многие поселенцы проделывали длинный путь, чтобы только посидеть за одним из ее столиков. Сегодня, как обычно, все будет забито до отказа, так что придется накрывать столы на веранде и даже на улице. Если граф не приедет в ближайшее время, ей не удастся побыть с ним наедине. А это было единственное, ради чего Миранда Вест жила.

Количество эмигрантов, приезжавших в Восточную Африку, было бесчисленным; столь же бесчисленными были и мечтания, и замыслы, с которыми они приезжали. У каждого был разработан свой план. Одни приезжали для того, чтобы заняться земледелием или добычей полезных ископаемых, другие — продажей слоновой кости или

предоставлением каких-либо особых услуг другим. Но и тех и других объединяла одна-единственная идея: заработать деньги. Разнообразию и гениальности этих планов не было предела. Например, близнецы-ирландцы Пэдди и Шон моментально разбогатели на разведении страусов, перья которых пользовались большим спросом у модниц Англии и Америки. Потом вдруг, как это часто бывает, приобрели популярность автомобили, ездить в которых, имея на голове большие, с пышным оперением шляпы, стало практически невозможным. В результате в моду вошли маленькие аккуратные шляпки, и Пэдди и Шону не оставалось ничего другого, как выпустить своих ставших бесполезными птиц на волю. Затем был Ральф Снид, который хвастал тем, что буквально озолотится на выращивании в Рифтовой долине миндаля. Он потратил все свои сбережения, вплоть до последнего пенни, на покупку и посадку миндальных деревьев, чтобы в конечном счете обнаружить, что из-за отсутствия в Восточной Африке как таковых времен года деревья только цветут, но не плодоносят. Ральф Снид вернулся в Восточную Африку опозоренный и нищий. И, наконец, непутевый супруг самой Миранды, Джек Вест, которого в последний раз видели направляющимся к озеру Виктория со спальным мешком, сменой белья и бутылкой хинина, чтобы, как он сказал, отыскать скелеты гиппопотамов и превратить их в костную муку для удобрений; он потом намеревался продать ее фермерам за огромные деньги. Это было шесть лет назад — с тех пор Джека никто больше не видел.

Таким образом, у каждого в Найроби был свой план обогащения. Миранда Вест до недавних пор собиралась наживаться на тоске по дому.

В 1913 году Миранда Пембертон откликнулась на объявление в одной из манчестерских газет, данное одним джентльменом, живущим на тот момент в Британской Восточной Африке. Он искал порядочную женщину с определенным положением для создания семьи и помощи в различных «сулящих выгоду предприятиях». Миранда, работавшая тогда поварихой и прислугой всех мастей у одного скупердяя, незамедлительно написала ему ответ на листе дорогой бумаги, который она украла у своего работодателя. Она скостила себе пять лет и утроила цифру сбережений, лежащих на ее банковском счете. Давший объявление джентльмен, которого звали Джек Вест, выбрал ее

письмо из шестидесяти, пришедших на его имя, и выслал ей денег, чтобы она могла приехать к нему.

Он встретил ее в порту города Момбаса, где, оправившись от первоначального шока — он оказался несколько ниже и моложе своей будущей супруги, — они решили, что их брак, несмотря ни на что, может стать вполне успешным.

Но это предприятие с треском провалилось. Миранда пришла в ужас при виде грязного Найроби и палатки, которую ее новоиспеченный супруг определил в качестве дома, а Джек почувствовал себя обманутым, когда вскрылась правда об истинном состоянии ее счета. В течение нескольких месяцев они отчаянно боролись за свое существование, пытаясь заработать на покупке продукции у местного населения и перепродаже ее за более высокую цену богатеям, снаряжающимся в охотничьи экспедиции, пока в один прекрасный день, вернее, ночь, Джек не смылся, прихватив с собой остатки их сбережений и серьги Миранды с фальшивыми нефритами.

К величайшему своему счастью, Миранда прослышала про некоего шотландца по имени Кинни, который искал европейку для «помощи по дому» в его пансионе возле железнодорожной станции. И хотя она понимала, что в действительности ей придется выполнять всю работу, у нее по крайней мере будет крыша над головой и десять рупий в месяц. Преимущество Миранды перед другими соискательницами заключалось в белом цвете ее кожи, и Кинни нанял ее. Клиентами шотландца были эмигранты среднего класса, которые останавливались в его пансионе, пока выискивали какие-либо перспективы или ждали, когда придут их документы на землю. Женам его постояльцев нравилось иметь в услужении белую женщину, а не чернокожую африканку, а когда она продемонстрировала свои кулинарные способности, в частности умение печь овсяные лепешки и стряпать английские трюфели, за которые его истосковавшиеся по дому постояльцы готовы были платить бешеные деньги, Миранда стала просто незаменимой.

В городе, где женщин было намного меньше, чем мужчин, где большинство этих мужчин были холостяками, а вновь прибывшие женщины, многие из которых даже не были молоды или хороши собой, пользовались большой популярностью, Миранда выглядела несколько странновато. Она была замужем, хотя мужа при ней не

было, но, несмотря на это, была очень общительной, позволяла угощать себя виски и смеялась с клиентами. Однако она мягко пресекала все попытки постояльцев познакомиться с ней поближе.

В конечном счете Кинни проникся к Миранде расположением и постепенно передал бразды правления пансионом в ее руки. Если она видела, что деньги тратятся излишне расточительно, она урезала расходы, высчитывала более «сжатый» бюджет; экономила там, где клиенты не могли этого заметить.

Она удвоила стоимость аренды комнат, заявив, что белые люди будут платить за чистоту и уют, и оказалась права. Доходы пансиона возросли.

Затем разразилась война. Кинни вступил в армию и в скором времени погиб. К своему большому удивлению, Миранда обнаружила, что Кинни, правда, не имевший семьи или других друзей, оставил пансион ей. Она взяла в банке ссуду и превратила пансион в полноценный отель. В скором времени Найроби начали наводнять английские войска, и город превратился в военный лагерь. Солдаты потянулись к заведению Миранды, которому она дала весьма напыщенное название «Король Эдуард», чтобы насладиться ее лепешками и поговорить о доме.

Война продолжалась. Хитрая и предприимчивая Миранда, изучив сложившееся положение, сосредоточенно искала пути решения: она поняла, что ей нужно сделать, чтобы гарантировать себе беспроблемное существование.

Женщина нуждалась в заботе и покровителе, но Миранду больше не интересовал брак. Увидев лорда Тривертона в военной форме, она решила, что он станет ее следующей ступенькой на пути к лучшей жизни. Она не планировала горбатиться в этом отеле до конца своих дней, обливаясь потом в жаркой кухне, пытаясь угодить причудам капризных жен поселенцев, приехавших в протекторат и вообразивших себя знатными дамами. Миранда решила захомутать этого графа и заручиться его поддержкой и заботой.

Там, в Англии, где входы и выходы во все слои общества наглухо закрывались воротами, исполнение этого желания было немыслимым. Но здесь, в Британской Восточной Африке, каждому, кто имел терпение и решимость взобраться наверх, предоставлялись приставные лестницы. Первое, что сделала Миранда, — оделась

надлежащим вдове образом. Слово «вдова» звучало гордо и уважительно. Она могла надеть на себя это звание, словно новую шляпку, и носить его, не боясь всяческих расспросов. В Найроби было много таких, кто присвоил себе различные титулы и звания. Так, полковник Волдейм, молочник из Германии, ни дня в своей жизни не служил в армии; профессор Фредерикс, местный учитель, не имел на самом деле никаких ученых степеней, поэтому в сравнении с ними стать вдовой Вест было делом безобидным и простым. Титулы присваивались в ту самую минуту, как нога прибывшего ступала на землю Момбасы — порта, где все искатели новой жизни сбрасывали с себя старые лица и классовые принадлежности. Миранда Вест была теперь не низкосортной служанкой из перемазанного сажей Манчестера, а почтенной особой, вдовой человека, погибшего на берегах озера Виктория; тем самым она избавила себя от попадания своего имени в колонку местных новостей и от поползновения мужчин. Она положила свой хитрый глаз на лорда Тривертона и уповала на то, что Джек Вест не надумает как-нибудь объявиться.

Она увидела графа, входящего в индийскую аптеку, и у нее перехватило дыхание.

Лорд Тривертон был самым красивым мужчиной, которого Миранда когда-либо видела в своей жизни, — полной противоположностью всех этих фермеров и ковбоев, одетых в измятые костюмы цвета хаки и круглые шлемы. В белой шелковой рубашке, хорошо сшитых бриджах и шляпе, тулью которой опоясывала лента из леопардовой шкуры, он выглядел словно молодой бог.

Миранде нужно было поторопиться. Она обещала ему приготовить партию девонширских печений, которые только что поставила в печку между противнем с приобретающими золотисто-коричневый оттенок половинками фруктов и противнем с булочками-колечками, которые уже достаточно подрумянились. Печенье, Миранда знала, предназначалось леди Роуз. Валентин Тривертон никогда не уезжал из Найроби, не купив для жены вкусных гостинцев. Особенно неравнодушна графиня была к миндальному печенью, которое сейчас остывало на полке.

Миранда вернулась к топленым сливкам, приготовленным накануне вечером, и сняла ложкой толстый слой пенки. Она не собиралась давать их графу с собой; они бы непременно скисли в

дороге. Миранда приготовила их в надежде, что граф задержится у нее на несколько минут и отведает парочку ее имбирных печений с топлеными сливками. «Путь к сердцу мужчины лежит…» — сказала она себе.

Посетители стали наполнять обеденную комнату, столы которой были украшены белыми скатертями и симпатичными чайничками. Именно внимание Миранды к подобным мелочам и ценилось больше всего у этих людей. Стряпня была выше всяких похвал. Всем рассказывали легенду о том, что Миранда Вест некогда служила кухаркой французской маркизы и славилась своими кулинарными талантами. Это была неправда, но не имело значения, научилась она кулинарному мастерству у знатной француженки или по газетным рецептам: торты, пирожные и печенья Миранды были просто божественными. И чистота, конечно, была самым главным и ценным качеством ее обеденной комнаты. Любая мемсааб, которая имела в прислугах африканку, могла засвидетельствовать это.

Миранда накрыла сливки крышкой и подошла к буфету, где мальчик-поваренок резал тоненькие сандвичи. Выглянув в окно, она увидела Валентина, выходящего из аптеки с небольшим конвертом, который он тут же положил в карман рубашки. Сейчас он пойдет к ней. Вытирая руки о передник, женщина выскочила из кухни, побежала на второй этаж, где располагалась ее квартира, и поспешно причесала волосы.

Валентин окинул взглядом улицу. Перед индийским магазином бакалейных товаров африканцы грузили на ослов тюки, готовясь к отправлению домой.

К последнему животному крепили большой сверток, в котором лежали ножки от пианино леди Роуз, прибывшие наконец-то с последним кораблем из Лондона. Это будет для нее первым сюрпризом. Второй — коробка превосходного печенья от Миранды Вест, которые так полюбились Роуз. А третий сюрприз, из-за которого Валентин был готов немедленно вскочить на своего коня и гнать во весь опор домой, лежал в конверте в кармане рубашки. Чайная ложка этого белого порошка, добавленная в чашку с шоколадом леди Роуз, по словам доктора Гэара, должна будет сотворить чудеса.

Валентин увидел припаркованный за вереницей его ослов грузовик. Это был один из новеньких «шевроле», раздобыть которые в протекторате было невероятно сложно. Грузовик принадлежал сэру Джеймсу. Автомобиль использовался всего два месяца, но, несмотря на это, был изрядно разбит и потрепан. Аргументом против использования в Британской Восточной Африке автомобилей была их недолговечность; аргументом за использование — то, что они обладали иммунитетом против мух цеце и ящура. Сэр Джеймс невероятно гордился своим новым приобретением, из-за чего Валентин любил подшучивать над ним, спрашивая, с какой стати производитель машин решил назвать свою компанию «козьим молоком» [1].

Валентин увидел выходящую из магазина Грейс, чему вовсе не удивился: она проводила все больше времени с семьей Дональдов, особенно с сэром Джеймсом. Одной причиной был микроскоп, который она охотно предоставляла Джеймсу, помогая ему выявлять болезни скота. Второй причиной была дружба Грейс с Люсиль Дональд. Обе были членами Лиги женщин Восточной Африки и участвовали в таких мероприятиях, как распространение мешков с кукурузой среди голодающих африканцев. Валентин знал, что привело Грейс в Найроби: она в очередной раз встречалась с главным врачом, требуя, чтобы тот послал в район Найэри еще одного районного врача. Грейс занималась всем, чем только можно было: боролась за право женщин участвовать в голосовании, поддерживала лорда Деламера в его требованиях предоставить протекторату статус колонии, собирала у поселенцев, самих страдающих от засухи и экономического упадка, одежду и еду для африканцев, которые находились в еще худшем положении. Раньше Валентин и не знал, что его сестра такая деятельная, такая пробивная женщина. За прошедшие месяцы он увидел ее в новом свете; даже стал восхищаться ею.

Откуда у Грейс такая стальная закалка? Валентин вспомнил их мать Милдред, графиню с огромным бюстом и уравновешивающим его столь же огромным турнюром. Она двигалась по дому как локомотив, правила в их семье, поэтому после ее смерти внутри этих древних стен образовалась большая пустота.

Грейс была похожа на мать — теперь Валентин это понял, а следовательно, похожа на него. И это не могло не радовать его.

Валентину было невероятно странно видеть Грейс, одетую в этот костюм, вызывающий недоумение у окружающих, который она сама для себя придумала: широкие брюки для езды верхом цвета хаки, строгую белую блузку и широкополую, гораздо шире ее плеч, шляпу, задрапированную длинной белой вуалью, которая волнами ниспадала по спине до самой талии. Сейчас было забавно вспоминать, что эта женщина была когда-то застенчивой девушкой, которую всего одиннадцать лет назад их тетя, графиня Лонгфорд, придворная дама королевы, вывела в свет и представила ко двору. Какой торжественной, скромной и благочестивой была Грейс в белом платье с длинным шлейфом; как застенчиво держала она за руку красивого молодого офицера, галантно поддевшего ее шлейф кончиком своей шпаги. А спустя два года она уже препарировала трупы в медицинском колледже!

Грейс стала настолько привычным зрелищем в Найроби, что можно было подумать, что она там и родилась. Восьмидневная поездка с плантации в город ничуть не пугала ее; она спокойно, словно местный житель, относилась к джунглям и кочевой жизни. У нее не возникало никаких проблем с ночевкой во время пути из Найэри в Найроби. Грейс, путешествующая с двумя кикую и тремя мулами, останавливалась на уединенных фермах. Ее приветствовали с распростертыми объятиями, так как она была врачом и всегда имела при себе сумку с медицинскими инструментами и лекарствами. В прошлом месяце она остановилась на ночлег на одной весьма отдаленной от дороги ферме, где ей пришлось в срочном порядке провести операцию по удалению аппендикса прямо на кухонном столе.

Единственное, чего никак не мог понять Валентин, — почему его сестра не проявляла никакого интереса к мужчинам. Грейс всегда была вежливой и дружелюбной с ними, но не более того: не заигрывала, не кокетничала. Единственный мужчина, с которым она дружила, был сэр Джеймс.

Поставщик чая в Найроби наживался на имени Тривертонов. Когда по городу пошли слухи о том, что у леди Роуз есть особая смесь чая, приготовленная ею самой, и о том, что сама леди Маргарет Норих-Гастинг заказывала ее, то те, кто мог позволить себе такую роскошь, тоже захотели купить этот чай. Так же, как в 1720 году популярный чай «Эрл Грей» был назван в честь приготовившего его сэра Джона Грея,

чай, завоевывающий сейчас популярность в протекторате, стал называться чаем «графини Тривертон». Небольшая, аккуратно написанная табличка в окне отеля «Король Эдуард» гласила о том, что там подавался этот чай.

Войдя в обеденную комнату, Валентин снял шляпу. Все повернулись в его сторону. Заведение Миранды Вест предназначалось для респектабельных представителей среднего класса. Там имелся детский сектор, где подавались сандвичи с бананами и сливками; длинный стол, предназначенный исключительно для фермеров-холостяков, приходивших отведать сдобный пирог с изюмом или пирог с яйцом и беконом. Аристократы же шли в отель «Норфолк» или клуб «Мутайга».

— Лорд Тривертон, — сказала Миранда, выходя ему навстречу. Она надела свое самое лучшее платье, на груди приколола веточку сирени. — Как вы сегодня себя чувствуете?

— На вершине мира, Миранда! У меня такое хорошее настроение, что я готов скупить весь твой товар!

Миранда не могла наглядеться на графа. Казалось, непослушные волосы лорда Тривертона ничто не могло удержать на месте: черная прядь упала на бровь, и это сделало его еще более привлекательным.

— У меня сегодня топленые сливки, Лорд Тривертон, если вы хотите…

— Сегодня не могу, Миранда, нет времени. Меня уже неделю нет дома, и еще почти столько же мне добираться до плантации. Где гарантия, что мои рабочие трудятся, пока меня нет? Не сомневаюсь, что мне придется дня два бегать по лесу и собирать их.

Миранда постаралась скрыть свое разочарование. Но она была реалисткой. И не питала иллюзий на свой счет. Она прекрасно понимала, что, когда лорд Тривертон смотрел на нее, он видел перед собой лишь платную прислугу, кем она являлась на самом деле. Но у Миранды был план. Вся Восточная Африка знала о том, что брак лорда Тривертона был не очень удачным; поговаривали о том, что его жена не могла родить сына, которого так отчаянно хотел граф. Миранда Вест решила, что она подарит ему сына. Взамен он будет заботиться о ней до конца ее жизни.

Граф не возражал против того, чтобы пройти в кухню, — таким простым человеком он был. Лорду Тривертону не было нужды

задирать нос и изображать сноба; он был благороден до мозга костей и джентльменом до кончиков ногтей. «Такой великодушный человек, как граф, несомненно будет хорошо заботиться о своей любовнице», — думала Миранда, пока вела его через обеденную комнату, величаво шествуя под пристальными взглядами посетителей. Все, что ей нужно сделать, это провести с ним одну ночь, и она подарит ему столь вожделенного наследника. Многие аристократы в Англии имели любовниц и незаконнорожденных детей; Тривертон тоже мог пойти на это, она была в этом уверена.

— Дайте мне знать, когда достроят дом, — сказала она, вручая графу коробки с печеньем. — Я испеку по такому случаю свой фирменный торт.

— Надеюсь, справим новоселье уже в декабре. Сейчас рабочие достраивают второй этаж, а терраса уже готова.

— В декабре! — воскликнула она. — Вы еще не знаете, какой вкуснейший рождественский пирог я пеку. С марципаном и сахарной глазурью! — Миранда повернулась к столу, на котором остывала выпечка, взяла несколько усыпанных цветным сахарным горошком печений, завернула их в бумагу и протянула Валентину. — А это для вашей маленькой дочери. Моны, правильно? — сказала она.

— Буду иметь тебя в виду, Миранда, когда придет время готовить праздничный ужин. Я планирую устроить настоящее пиршество. Наша первая ночь в большом доме. Будет не меньше трехсот гостей, так что можешь начинать печь уже сейчас!

— Я напишу название нового дома на торте.

— Белла Два, — сообщил он. — Д-В-А. У меня есть один парень из племени суахили в Момбасе, который пообещал мне выгравировать название дома на каменной плите и установить ее над воротами. Обязался привезти мне ее к Рождеству.

На прощание Валентин попробовал одно из ее имбирных печений с топлеными сливками, после чего съел еще два. Ему нравилась Миранда Вест, и его удивляло, почему она не выйдет замуж еще раз. Вряд ли дело было в отсутствии предложений или в ее возрасте; если тридцать пять лет считались во всем остальном мире возрастом старых дев, то здесь, в Британской Восточной Африке, это было даже большим плюсом, гарантией того, что женщина уже мудра и опытна и что не сбежит вся в слезах назад в Англию при первой же возникшей

трудности. И уж, конечно, вряд ли дело было в ее внешности; она была красива простой, но яркой красотой, с этими ее рыжими волосами и симпатичным круглым личиком, не испорченным экваториальным солнцем. К тому же она превосходно готовила и являлась владелицей самой лучшей кондитерской во всей Восточной Африке. Миранда Вест скоро падет перед чарами какого-нибудь счастливчика, в этом граф нисколько не сомневался.

Наконец Валентин, которому не терпелось отправиться в дорогу домой, покинул отель «Король Эдуард». Пока лорд Тривертон седлал своего арабского скакуна, Миранда Вест наблюдала за ним из окна своей кухни.

9

Гепард низко пригнулся к земле; уши прижаты к голове, хвост меланхолично качался из стороны в сторону. Взгляд золотых глаз упал на окно: в серо-голубой дымке рассвета он увидел поднятую оконную раму, развевающуюся штору. Внутри, в безопасном мраке коттеджа, спала безмятежным сном Грейс Тривертон.

Из горла гепарда вырвалось рычание, мышцы напряглись. Кошка прыгнула на подоконник, на мгновение задержалась там, а затем бесшумно соскочила на пол. Она остановилась, нюхая воздух и слушая размеренное дыхание спящей в кровати женщины. В темноте ночи, которая до сих пор царила в стенах этой спальни, несмотря на то что снаружи небо уже начинало проясняться и светлеть, животное без труда различало угловатые контуры столов и стульев. Ее ноздри улавливали запах лежащих на полу звериных шкур, еды в мисках, человека в постели.

Гигантская кошка выжидала, наблюдала и слушала. Сильные мышцы напряглись под желтой, усыпанной черными пятнами шкурой. Небольшая голова гепарда переходила в толстую шею, по которой шла от ушей до изгиба спины короткая грива. Это была молодая самка. И она была очень голодна.

Внезапно кошка прыгнула, изогнувшись красивой дугой, взметнулась в воздух и с диким рычанием приземлилась на кровати.

Грейс закричала. Затем она произнесла: «Ой, Шеба!» и обвила шею кошки руками.

Шеба несколько раз лизнула хозяйку, а затем спрыгнула на пол в поисках завтрака.

— Еще так рано вставать, — вздохнула Грейс. — Мне снился сон. Она лежала на спине и глядела в соломенный потолок. Она ощущала некоторую неловкость: сон был эротический, и в нем присутствовал сэр Джеймс.

Он снился ей уже не первый раз; но впервые за все это время сон так взволновал ее. К тому же он был таким реальным. Вспомнив о ярких подробностях сна, о том, как они занимались любовью под звездным небом, Грейс почувствовала, что ее тело напряглось. Это смутило ее: она не должна предавать память Джереми и дружбу

Люсиль, жены сэра Джеймса, с которой они так сблизились. Содержание сна, несомненно, было тревожным, но волновало Грейс не это: больше всего ее беспокоили те чувства и ощущения, которые она испытывала после пробуждения: вожделение, неописуемое желание.

«Я не должна, — сказала себе Грейс, резко сев на кровати и подставив лицо прохладному утреннему воздуху. — Я не должна допускать этого. Он мой друг, не более».

Грейс осторожно умылась и оделась, экономно расходуя воду в своем дебе, небольшом бочонке, в котором когда-то хранили парафин. Некоторое время назад Валентин запрудил реку, создав небольшой резервуар, которым пользовались во время засухи как он сам, так и живущие поблизости кикую. Но и этот запас воды таял на глазах. Если в ближайшее время не пойдут дожди…

Первое время Грейс очень удивлял тот факт, что температура на экваторе может опускаться так низко. В то время, когда в Найроби было жарко, в девяноста милях к северу от нее уже следовало одеваться весьма тепло. Причиной этого явления, как объяснил сэр Джеймс, было высокое месторасположение, а также окружающие заснеженные горы и тропические леса. Центральная провинция была самым сырым и холодным местом в протекторате, с тяжелыми туманами летом и ежедневными ливнями в другие времена года. По крайней мере, так ей говорили. Сама же она еще ни разу не видела настоящего дождя, засуха продолжала изнурять Восточную Африку. Грейс не переставала восхищать неизменность длительности дня. Зимние дни не укорачивались, а летние не увеличивались: двенадцать часов света, двенадцать часов тьмы.

Грейс умылась приготовленным в домашних условиях мылом и надела чистую одежду. Жизнь в джунглях означала постоянную борьбу за чистоту тела и опрятную внешность, особенно во время нехватки воды. Многие женщины, казалось, проигрывали эту борьбу. Они появлялись в Найроби в измятых платьях, бывших некогда белого, а теперь серого цвета, и в солнцезащитных шлемах с толстым налетом красной пыли. Грейс скребла свой шлем каждый вечер; она тщательно стирала и гладила все свои блузки. На это занятие у Грейс уходил практически весь вечер, но иначе она поступить не могла — у нее были свои принципы. В результате она, к всеобщей зависти окружающих, выглядела свежо и нарядно.

Нельзя сказать, что у нее было много свободного времени, которое она могла посвящать этому занятию. Грейс, как и все другие женщины, живущие в протекторате, не только занималась домашним хозяйством, но и собственноручно изготовляла многие продукты домашнего обихода, которые были в Восточной Африке большим дефицитом.

Люсиль Дональд научила ее делать масло в старых бутылках из-под индийских приправ, свечи из бараньего жира с помощью велосипедного насоса и готовить по рецепту кикую картофельные дрожжи. Предприимчивая Люсиль даже показала ей, как можно использовать старые чайные листья для полировки дерева и стекла. Чтобы овладеть этими знаниями и набить руку, требовалось время, которое необходимо было отыскать между поливкой и прополкой огорода, охраной своего участка от антилоп и гиен, обучением Марио, мальчика-слуги, попытками привить ему навыки гигиены и порядка и, наконец, разъездами по деревням кикую в надежде завоевать их доверие и дружбу. Грейс старалась выделить себе немного времени и на личные дела: заполнение дневника, чтение газет шестимесячной давности, отправка писем друзьям, миссии в Суффолке, правительству. Самым ценным уроком, который преподал ей медицинский колледж, было умение делать несколько дел одновременно.

День понемногу оживлялся чириканием птиц. Дрозды и малиновки наполняли утро своим пением, жаворонки приветствовали солнце своими трелями, а любопытная кукушка, сидевшая на ветке дерева, повторяла свое неизменное «ку-ку». Именно из-за птиц Грейс и назвала свою хижину «Домом поющих птиц».

Она отнеслась к выбору места для своего будущего дома с полной ответственностью, с которой, впрочем, подходила к выполнению всех дел. Зная, что низменность таит опасность заражения малярией, а возвышенность означает, что придется постоянно носить воду из реки вверх по крутому холму, Грейс отметила на краю своих тридцати акров, большую часть которых по-прежнему занимал непроходимый лес, клочок земли, где широкий, равнинный берег реки переходил в едва видимый холмик. Почва здесь была твердой, с хорошим дренажем, а главное — доступ к реке Чания был легким и быстрым. Там она построила для себя бунгало, которое представляло собой гибрид африканской хижины и английского коттеджа. Дом был

длинным и низким, с соломенной крышей и верандой, тянущейся по всей длине дома. Перед ним оказалась небольшая лужайка, обрамленная маргаритками, маками и шалфеем. Внутри стояли несколько предметов мебели, которые она привезла с собой из Англии: симпатичный старый комод с зеркалом, кровать с пологом на четырех столбиках, кухонный стол и два кресла перед огромным каменным камином. Пол, в качестве которого выступала плотно утрамбованная земля, обработанная особой жидкостью, отпугивающей белых муравьев и песчаных блох, был покрыт шкурами зебры и антилопы. На стене над камином висела шкура леопарда, которого убил Валентин: он считал, что зверь таскал его охотничьих псов.

«Стулья» вокруг обеденного стола, за которым она сейчас завтракала и читала учебник грамматики языка кикую, на самом деле были упаковочными корзинами.

За ее спиной стоял шкаф с медицинскими принадлежностями, полки которого были заставлены аккуратными рядами банок, бутылок и коробок. Большую часть их ей пока так и не довелось использовать.

Жизнь была тихой и спокойной — в какой-то степени даже раздражающе спокойной. Грейс приехала в Восточную Африку не для того, чтобы печь хлеб и варить мыло. Она хотела лечить и обучать, одним словом, нести свет во мрак каменного века. Но чтобы лечить, нужны были пациенты; чтобы обучать, нужны были ученики; чтобы нести свет, нужно было этот свет чем-то подпитывать.

Почему африканцы сторонились ее?

— Они согласились работать на моего брата, — сказала Грейс сэру Джеймсу. — Почему же тогда они не соглашаются идти ко мне в клинику?

— Валентин для них — бвана, — объяснил ей Джеймс. — Это статус, который они понимают и уважают. Он строг с ними, иногда даже бьет их, этим и снискал у них почтение и доверие. В понимании кикую, Грейс, ты не женщина. У тебя нет мужа, нет детей. Какой от тебя толк, думают они.

— Но они же ходят в миссию в Найэри.

— Чтобы получить новые имена. Африканцы считают, что власть в их стране принадлежит людям, носящим имена Джозеф и Джордж. Они узнали, что могут получить эти имена, если пойдут в миссию и примут христианскую веру. Туземцы становятся в очередь за именами

мцунгу, веря, что это уравнивает их с белыми людьми. Но ты, Грейс, не проповедуешь и не обращаешь в христианство. На крыше твоей клиники нет креста, и ты не даешь новые имена. Они не видят причин ходить к тебе.

Наставления и крещение должны были лечь на плечи Джереми. Они с Грейс составили бы отличную команду: врач и проповедник. Без Джереми, Грейс поняла это, ей придется очень туго.

— Я дам тебе один хороший совет, — сказал Джеймс. — Завоюй расположение их вождя, Матенге, и остальные пойдут за ним.

Матенге! Человек, который мало чем отличался от живущих в лесу диких зверей! Воин, с презрением взиравший на изменения окружающего мира, сидя в тени деревьев и наблюдая за тем, как гнут свои спины под палящим экваториальным солнцем его женщины.

— Если я смогу завоевать расположение Матенге, — сказала Грейс, — я смогу сделать все, даже вызвать дождь!

Джеймс рассмеялся, и загорелая кожа вокруг его глаз собралась складочками. «У него был красивый голос, — думала Грейс, — интеллигентный, вежливый, такой, какой должен бы звучать со сцены шекспировского театра».

Джеймс…

Шеба была его подарком. Он нашел животное во время охоты на гепарда, убивавшего его скот. Пуля его ружья сделала сиротой детеныша гепарда, и он решил принести малыша Грейс в качестве домашнего питомца.

Взгляд Грейс упал на страницу учебника грамматики, которую, как предполагалось, она должна штудировать, и она поняла, что думает совсем о другом.

«Неужели все мысли теперь будут вести к Джеймсу? — удивилась она. — Неужели это так и должно быть?»

С Джереми все было совершенно по-другому. Они встретились на плавучем госпитале и влюбились друг в друга с первого взгляда. Война не располагала к романтике и длительным ухаживаниям. Она не грезила им наяву. Они влюбились друг в друга и уже через несколько дней строили совместные планы на будущее.

Сейчас же Грейс нередко задавала себе вопрос: насколько хорошо она знала Джереми? В течение трех недель, что они провели вместе на борту корабля, они говорили и говорили. Но вот о чем они говорили?

Грейс нахмурилась, пытаясь вспомнить. Даже черты его лица она представляла уже крайне смутно. Что касается сэра Джеймса, она помнила каждое сказанное им слово, каждую черточку его привлекательного лица. Да и знала она о нем намного больше, чем о Джереми Мэннинге.

Впервые Грейс посетила Килима Симба, ранчо Дональдов в восьми милях к северу, в мае, когда приехала принимать роды у Люсиль — у той появилась чудесная малышка Гретхен. Сэр Джеймс приехал вместе со своими двумя мальчиками Ральфом и Джеффри на повозке, запряженной пони. В тот день Грейс обнаружила, что леса Найэри заканчивались сразу за имением Тривертонов, постепенно уступая место обширным просторам саванны, которая простиралась, словно янтарное море, вплоть до подножия горы Кения. Бескрайняя золотистая равнина то тут, то там покрывалась островками широколистных деревьев и вечнозеленых кустарников; воздух был пыльным и сухим, а небо — насыщенного темно-голубого цвета. Грязная дорога шла мимо небольших стад местного скота, пасшегося под наблюдением молодых людей, которые опирались на длинные палки. Их волосы были заплетены в сотни тугих косичек. Они были одеты в шуки, накидки, завязанные на одном плече узлом, а мочки ушей оттягивались под тяжестью деревянных колец. Высоко в небе кружились ястребы и стервятники; черные тучи висели над вершинами жадной горы, которая отказывалась послать на землю дождь; повсюду царила невероятная тишина…

Грейс часто поглядывала на мужчину, сидящего рядом с ней, наблюдала за легкими ударами его хлыста, которыми он подгонял пони. Джеймс был слегка худоват, но это лишь придавало ему очарования; с кожи не сходил загар. Он был дитя Африки, такой же африканец, как и воины, опирающиеся сейчас на палки, но в сердце его было благородство, которого не знали воинственные сердца аборигенов. Словосочетание «Килима Симба», объяснил он ей, переводилось с суахили как «львиный холм», где «симба» значило «лев», а «килима» — «маленький холм». В Восточной Африке было много мест, названия которым давались на языке суахили; наиболее известным из них была самая высокая на континенте гора Килиманджаро — Маленький холм Нджаро.

Ранчо Дональдов располагалось в еще более уединенном месте, чем имение Тривертонов, поблизости от которого по крайней мере находился небольшой городок. Оно располагалось посредине желтой саванны — восемь тысяч акров безводной земли и выжженной травы, с огромным стадом молочного скота, гибридов айрширской и боранской пород, тремя сотнями привезенных овец-мериносов и одинокой фермой в центре.

Едва Грейс слезла с телеги, как тут же поняла, до какой степени истосковалась Люсиль по общению с белой женщиной. Она увидела Люсиль, леди Дональд, — с тех пор, как ее мужу было даровано звание рыцаря, — стоявшую возле настежь распахнутой двери и обхватившую руками огромный, колышущийся от схваток живот.

Сэр Джеймс целый день занимался бесчисленными делами на ранчо, в то время как Грейс заботилась о Люсиль. Четырехлетний Ральф и семилетний Джеффри играли в саду с собаками, а затем с шумом прибежали домой на ужин, который состоял из консервированной ветчины, кукурузных лепешек и варенья. Затем пришел Джеймс, помылся, переоделся и сел возле жены, где и просидел до полуночи, пока маленькая Гретхен не появилась на свет. Как только Грейс взяла на руки ребенка, она подумала: «Она станет лучшей подругой Моны».

Пока Люсиль, обняв ребенка, спала, Грейс и Джеймс сидели в уютной гостиной, где камин с горящими в нем сосновыми дровами оттеснял прочь холод ночи. Той ночью они говорили о многих вещах: о последнем дожде, неустойчивой экономике протектората, проблемах с местным населением; он расспрашивал ее о медицинском колледже, войне, будущих планах, связанных с Британской Восточной Африкой; рассказывал много о себе, проведенном в Момбасе детстве, о сафари в неизведанных местах, на которых он побывал вместе со своим отцом, о шоке, который он пережил в шестнадцать лет, когда приехал в Англию, и невероятной тоске по дому, похожей на болезнь.

Интимная атмосфера, навеваемая потрескивающим в камине огнем, холодом ночи и тишиной за задернутым занавеской окном, так и побуждала Грейс задать вопрос, волновавший ее все это время. Как он получил ранение, в результате которого сейчас хромал, и как спас жизнь ее брату? Но тут Грейс вспомнила о той ночи, когда их корабль, подбитый вражеской торпедой, шел ко дну, о часах, проведенных в

ледяной воде, о криках тонущих людей и поняла, что никогда не сможет рассказать об этом кому-нибудь; точно так же, возможно, и сэр Джеймс хотел сохранить этот эпизод своей жизни в тайне.

Тем не менее она продолжала думать об этом, о нем и о том, через какое чудовищное испытание пришлось пройти им с Валентином во время битвы у границы Танганьики.

Грейс посмотрела на учебник, освещенный лучами утреннего солнца. Завтрак совсем остыл; грамматика еще не выучена.

Предаваться мечтаниям во время дела было крайне несвойственно Грейс Тривертон. Железная дисциплина — вот что выносил человек из учебы в медицинском колледже, и что позволяло женщине преуспевать в мире мужчин. Теперь она находилась в дикой африканской глуши, пытаясь наладить дружеские отношения с воинственным племенем, которое еще вчера бегало по лесу с копьями, но, вместо того чтобы сконцентрироваться на уроке, который ей было необходимо выучить, она сидела и грезила о человеке, который никогда не будет для нее кем-то большим, чем просто другом.

Она изучала существительные, относящиеся ко II классу. «Лев, — гласил учебник грамматики, — относится к классу, к которому он не должен, по сути своей, относиться, — к классу, стоящему ниже людей, но выше других животных. Причиной этого является страх кикую, что, если лев услышит о том, что его относят к III классу, он обидится и убьет человека, посмевшего поставить его на одну ступень с другими животными».

Грейс вздохнула и перелистала страницы. Каким парадоксальным был этот язык! Невероятно сложный, что касалось грамматики, в котором насчитывались, приблизительно, пять настоящих, несколько будущих и целая куча прошедших времен, кикую, тем не менее был самым простым из всех существующих языков. В нем было всего три слова, обозначающих цвет: светлый, темный и красно-коричневый. Если нужно было сказать, что предмет голубой, говорили просто «цвета неба». С числительными тоже было сложно: ими правили магия и суеверия, что с лихвой объясняло тот факт, почему мальчишки, пасшие скот Джеймса, не могли сосчитать его коров. Поскольку кикую запрещалось работать больше шести дней подряд, работать на седьмой день, традиционный день отдыха, означало накликать на себе таху. И так как они уверовали в то, что седьмой месяц беременности был

самым опасным и грозил выкидышем, кикую боялись числа «семь» как огня. Они никогда не сажали по семь семян, только по шесть или восемь, и никогда не останавливались, сделав семь шагов, обязательно делали еще один. Даже само слово «семь» никогда не произносилось. Как сказал ей сэр Джеймс: чтобы понять психологию кикую, нужно для начала понять их язык.

Опять Джеймс!

Грейс закрыла книгу и встала. Перед тем как выйти из дома, она несколько минут придирчиво изучала себя в зеркале.

Ее брюки вызвали много толков в протекторате. Женщина в брюках! Некоторые же углядели в этом наряде практичность и заказали себе такие же. Грейс посмотрела на свое лицо. У нее были правильные черты, не испорченная солнцем кожа, красивые густые волосы. «Что, — размышляла она, — думал Джеймс, глядя на меня?»

Наконец Грейс приколола к воротнику бирюзовую брошь, которую ей подарила врач из Америки по имени Саманта Харгрэйв.

Известная своей борьбой в Америке против «чудодейственных» снадобий, доктор Харгрэйв навещала раненых в лондонском военном госпитале, где и встретила Грейс, которая все еще находилась на излечении после той трагической ночи в море. Обе женщины долго разговаривали: пятидесятисемилетний врач с огромным опытом врачебной практики и новоиспеченный медик, закончивший медицинский колледж всего три года назад. Перед тем как уйти, доктор Харгрэйв сняла с шеи подвеску, бирюзовый камень размером с кружок лимона, и протянула Грейс. «На удачу», — сказала она. Камень был невероятно голубым; когда он принесет своему обладателю удачу, его цвет потускнеет, и его нужно будет передать кому-нибудь другому.

В центре камня шли причудливые прожилки, очень похожие на двух обвивших дерево змеек, всемирный знак медицины, или на женщину с распростертыми руками. Едва камень коснулся ее ладони, перед глазами Грейс промелькнуло видение: она словно бы смотрела на мир глазами другой женщины. Она увидела нос корабля, а вдалеке мраморные своды и колонны города. Ей показалось, что каким-то образом дух этой женщины, давным-давно жившей на земле, на мгновение вошел в нее.

Грейс вышла на веранду и втянула в себя свежий бодрящий воздух. Каждое утро ей казалось, что она просыпается все ближе к

солнцу. Ближе к Богу, сказали бы некоторые. В этот октябрьский день воздух был чистым и влажным, обещал дождь. Вдалеке сквозь камфарные деревья и высокие кедры Грейс видела гору Кения, где жил древний бог кикую. В очередной раз он отказывался послать на землю дождь, собрав вокруг себя все черные тучи. Часто какая-нибудь тучка отрывалась и проплывала по небу; казалось, что вот-вот пойдет дождь, но туча рассеивалась и исчезала. Каждый раз африканцы и европейцы в надежде поднимали лица к небу, объединенные одной отчаянной жаждой: жаждой дождя.

Затяжные ливневые дожди, которые должны были начаться в прошлом марте, так и не начались. Теперь все молились о коротких дождях, намеченных на следующий месяц. Грейс смотрела на скалистую гору, словно та на самом деле была зловредным стариком, отказывающимся послать своим людям благодать. Там стоял ее враг: гора Кения, символ всех болезней и невежества в протекторате. Гора держала своих людей в суеверном страхе, и Грейс знала: чтобы спасти их, ей нужно победить эту гору.

В ожидании Марио Грейс любящим взглядом окинула свою маленькую шамбу.

На ветках деревьев, словно жирные лимоны, сидели и чирикали ткачики, темно-голубые перламутровые скворцы играли с маленькими астрильдами, которые были мышиного серого цвета, за исключением алых головок и клювов. В воздухе витал сладкий аромат дикого жасмина и дыма от костров африканцев, на которых те готовили еду. Над ней, на вершине холма, все еще продолжалось строительство большого дома Валентина. Она слышала стучавшие в тишине молотки и долота.

Запахивая на груди кардиган, Грейс обратила внимание на то, что чего-то не хватает. Четыре стула на веранде — на них снова не было подушечек! Наверняка работа друзей Шебы. Ночью молодые гепарды приходили к дому и хулиганили, срывая с веревок белье, утаскивая с веранды подушки. Коврик у входной двери, исчезнувший несколько недель назад, позднее был найден на дереве.

Жизнь в Доме поющих птиц означала постоянную борьбу за цивилизацию. «Конечно, — думала Грейс, — было бы намного легче отказаться от всех правил: позволить животным беспрепятственно бегать по дому, уступить соломенную крышу белым муравьям,

превратить свою одежду в лохмотья, а волосы в паклю, позабыть о ежевечернем умывании; что, собственно, и делали жители отдаленных районов. Каменный век был недалеко — стоило лишь позабыть о вилке или метле.

Из дома вышел Марио. В руках он нес теплый горшок с едой и мешок с зерном, на плече висела гирлянда лука. Это был умный молодой кикую, обученный святыми отцами из Италии в католической миссии; там его обратили в христианскую веру и по сложившейся традиции назвали именем священника, крестившего его. Повзрослев и пройдя через обряд посвящения в мужчины — обрезание, он отправился искать работу у белого человека, как и многие другие африканские мужчины, которым в связи с запретом на ведение войн больше нечем было заняться. Прежде всего африканцы отдавали предпочтение скотоводческим фермам, так как пасти скот считалось для мужчин делом древним и достойным; Джеймс никогда не испытывал недостатка в пастухах. Что касается работы в поле — посадки и сбора урожая, — то они избегали ее, поскольку это была сугубо женская работа, а посему унизительная для них. Марио не мог присоединиться к строительной бригаде, возводившей дом Валентина, — он был из другого клана, а следовательно, чужим, поэтому Грейс взяла его на работу к себе. Платить много она не могла, но предоставляла ему хорошую еду и ночлег в сарайчике за домом.

Этот молодой кикую, носящий имя римского священника, говорил по-английски с итальянским акцентом и носил шорты и рубашку цвета хаки, как местные новобранцы Королевского полка африканских стрелков.

— Все готово, мемсааб дактари, — сказал он и показал ей на горшок.

Рагу из чахлых овощей и кукурузы тушилось всю ночь. Мяса в нем не было, поскольку кикую не ели дичь, а зарезать одну из своих собственных овец Грейс не могла себе позволить; что же касается куриного мяса, то оно тоже не годилось, поскольку считалось едой исключительно женской и ни один уважающий себя мужчина к нему бы даже не притронулся. Единственное, что добавила в него Грейс накануне, была ржавая подкова, традиционное превентивное средство против анемии.

Она начала кормить африканцев месяц назад, когда закончились их запасы зерна, а огороды не принесли никакого урожая. Люди стали голодать, так как кикую не делали запасов продовольствия на будущее. Они выращивали ровно столько, сколько им нужно было на пропитание и для обмена, наивно веря, что завтрашний день принесет пищу. По этой же причине им никогда в голову не приходила идея запрудить реку, как это сделал Валентин, чтобы обеспечить себя водой на время засухи. Имея в своем распоряжении резервуар с водой, они даже не потрудились подумать о том, как эту воду можно доставить к своим засыхающим участкам. Каждое утро женщины и девочки племени кикую шли к сотворенному человеком пруду, наполняли свои бутылки из тыквы-горлянки и несли воду в деревню, сгибаясь под тяжестью своих нош. Отвести канал, чтобы избавить своих женщин от этой ежедневной каторги, значило бы изменить что-либо в жизни, а изменять что-либо было строжайше запрещено.

Грейс и юноша покинули веранду и пошли по тропинке, ведущей от дома Грейс. Справа от них тоненькой струйкой бежала река; слева возвышался травянистый холм с остатками не до конца вырубленного леса. С этой тропинки, глядя вверх, Грейс могла видеть только крышу дома Валентина.

Восемь месяцев прошло с тех пор, как Грейс и Роуз приехали в Африку. Валентин был одержим идеей закончить строительство дома к Рождеству. День и ночь он «пас» своих рабочих, маршируя по строительной площадке с хлыстом, крича, раздавая приказания и затрещины каждому, кого заставал бездельничающим. Сейчас вся его жизнь была посвящена претворению одной мечты: вовремя построить дом и устроить по этому поводу празднество, которым он хотел ознаменовать официальное открытие. Праздник обещал быть большим. Предполагалось, что все будут продолжать жить в палаточном городке вплоть до праздничного вечера, на который съедутся со всего протектората, чтобы принять участие в торжественном пиршестве, более двух сотен гостей. Будет музыка и танцы, а потом, после того как всех гостей удобно разместят на ночлег в импровизированных хижинах и палатках, Валентин введет свою жену в дом и отведет в новую спальню.

Примыкающая к южной границе владений Грейс поляна, на которой жил Матенге и его семья, превращалась под чутким

руководством Валентина в поле для игры в поло.

Вождь приказал своим женам перебираться жить за реку, к остальному клану, но две женщины отказывались подчиниться его приказу: старуха Вачера, бабушка его жены, и молодая Вачера, находящаяся в ученицах у старой знахарки. Из семи хижин, расположенных на поляне, две продолжали стоять.

Несколько недель назад Грейс наблюдала странную перепалку между Матенге и бабкой его жены. Пожилая Вачера вежливо поведала молодому вождю о том, что кто-то сносит их хижины; в свою очередь, Матенге столь же учтиво объяснил, почему это происходит, и велел ей перебираться за реку. Старуха тихо, почти робко, напомнила ему о священности — из-за растущего на ней древнего фигового дерева — земли, на которой они жили, а молодой воин более уверенно, но не менее обходительно попросил ее подчиниться его приказу.

Это был необычный разговор. Было понятно, что эти двое ругались. В племени кикую пожилые люди настолько почитались, что произносить их имена было запрещено, особенно имя знахарки, которая говорила по повелению предков. Но молодые воины — особенно воин, получивший звание вождя и статус мцунгу, — почитались не менее ревностно. В результате никто из них не уступил, и каждый остался при своем мнении. Вачера вернулась в свою хижину, чтобы остаться там навсегда, как она сказала, а Матенге продолжал стоять с гордым непроницаемым лицом.

Валентин тем не менее заявил, что его планы осуществятся и что, если понадобится, он прикажет вытащить эту старуху силой.

Когда Грейс и Марио протискивались сквозь шелестящие заросли бамбука, чтобы выйти на тропинку, ведущую в деревню за рекой, их остановило внезапное появление Матенге. Он, не заметив их, решительно шагал в сторону плантации.

Грейс затаила дыхание. Это был ее противник, человек, которого она должна была победить, в руках которого была ее дальнейшая судьба — ее успех или полный провал. Человек, которого она боялась. И в то же время самое красивое человеческое существо, которое она когда-либо видела в своей жизни.

Матенге был очень высоким, с широкими округлыми плечами и удивительно узкими бедрами и талией. Он носил шуку из американи, которая завязывалась на одном плече узлом и во время ходьбы

приподнималась и демонстрировала его стройные ноги и рельефные ягодицы. Волосы по моде масаи заплетены двумя рядами косичек, спереди и сзади, и напомажены красной охрой. Такая прическа требовала много времени на свое создание и свидетельствовала о тщеславии человека. Его лицо также говорило о честолюбии. Высокие скулы, узкий нос и крутой подбородок отчетливо указывали на присутствие в родословной Матенге масаи. Его поведение было сдержанным, выражение лица не то чтобы надменным, но горделивым, как у человека, которого не волнуют мелочи жизни.

Грейс наблюдала за ним, за его плавной походкой, за грациозно двигающимися длинными руками и вдруг осознала, что смотрит на него, затаив дыхание.

Кикую не любили прямые тропы, предпочитали более извилистые. Мозги кикую работали по такому же принципу: они никогда не говорили напрямую, а только намекали и ходили вокруг да около, оставляя за человеком право самому делать выводы. Они боялись прямых заявлений, словно ядовитых стрел. Точно так же они боялись и прямых дорог; по этой причине Грейс и Марио шли сейчас в деревню по извилистой, запутанной тропинке, пролегавшей параллельно древней звериной тропе, покрытой свежими следами гигантских кабанов и антилоп, что свидетельствовало о том, что животные ходили на водопой к резервуару Валентина. Из-за засухи многие из них смело выходили из леса; среди деревьев можно было увидеть новых для этих мест птиц: хохлатых журавлей, египетских гусей, аистов. Марио заявил, что он даже слышал, как ночью через деревья проламывался носорог.

Пробираясь между можжевеловыми и мимозовыми деревьями, среди ветвей которых сверкал своим ярким красно-желтым оперением попугай, Грейс чувствовала, что идет по земле, имеющей душу. Здесь был пульс, которого она никогда не ощущала в Суффолке. Здесь природа дышала, от земли шло живое тепло, растения, казалось, шептались, наклонялись к ней, в воздухе ощущалось ожидание, предвкушение чего-то…

Вход в деревню был спрятан среди деревьев и лиан, чтобы запутать злых духов и таким образом отвести их от деревни. За зеленой аркой лежала поляна, на которой располагалось около тридцати хижин, круглых, сделанных из коровьего помета, с

соломенными крышами. От треугольных крыш сизыми спиралями поднимался дым: огонь в доме поддерживался день и ночь. Если он гас, это считалось дурным знаком и сигналом того, что хижину нужно уничтожить. Это была простая незатейливая деревенька, так как кикую, не знающие ни искусства, ни архитектуры, не украшали свои дома скульптурами или резьбой. Несмотря на скудность урожаев и испанский грипп, подкосивший клан, в деревне кипела бурная деятельность. Работали все: самые маленькие девочки пасли коз, замужние женщины толкли ничтожные пригоршни проса, старухи, вытянув перед собой худые ноги, плели корзины. Все это подтверждало правдивость изречения, что никто и никогда не видел праздно сидевшую женщину кикую.

В жестких от жира и грязи кожаных фартуках унизанными побрякивающими бусами и медными браслетами руками они дубили козьи шкуры, помешивали жалкие рагу и лепили примитивные горшки без гончарного круга, обжигая их на солнце. За исключением нескольких молодых женщин, на головах которых красовались небольшие прядки волос — что говорило о том, что они не замужем, — все были обриты наголо, и их головы сверкали на солнце, как коричневые бильярдные шары.

Мужчин в деревне не было. Они либо работали на стройке Валентина, либо наслаждались пивом в тени деревьев. Как однажды в шутку сказал сэр Джеймс: «Женщины — трудоголики, мужчины — алкоголики».

Когда несколько детишек заметили Грейс, они побросали свои дела и нерешительно пошли ей навстречу. Быть окруженным роем мух считалось у кикую свидетельством высокого положения в племени, поскольку это напрямую указывало на наличие у этого человека коз. Чем больше мух, тем больше коз и, следовательно, больше богатства и почета в племени. Отмахиваться от мух было нельзя: это считалось серьезным нарушением этикета. Но Грейс было не до этикета, когда она увидела подошедших к ней детей, лица которых были облеплены мухами. Она махнула рукой и прогнала мух.

Прежде чем раздать пищу людям, нужно было соблюсти протокол. Все женщины робко улыбались Грейс и ждали, когда вперед выйдет старуха Вачера. Ее почтенное дряхлое тело было практически полностью скрыто под гирляндами раковин каури и нитками бус. Она

ступала с достоинством и улыбалась, демонстрируя зияющие пустоты вместо передних зубов, которые в ее девичестве принесли жертву красоте. Она протянула Грейс бутыль из тыквы-горлянки с зеленоватой смесью из кислого молока и шпината, которую Грейс тут же выпила. Она прекрасно знала, как мало еды было у семьи, но также знала, что, отказавшись, обидит их. Вачера произнесла: «Мвайга», слово, которое переводилось целым предложением: «Все хорошо, заходи или ступай с миром», — начальную и конечную фразу всех разговоров кикую. Знахарка, будучи самой старой и почитаемой женщиной в деревне, говорила робко, но с достоинством. Во время разговора она не смотрела на Грейс, так как это считалось крайне невежливым.

Диалог изгибался и вихлял, как тропа в деревню, с намеками на засуху, предположениями о возможном голоде. Иногда Грейс терялась с ответами, но Марио тут же приходил ей на помощь. Она не могла сразу заговорить о еде, которую принесла, поскольку это было бы нарушением правил хорошего тона. Грейс старалась не выказывать своего нетерпения. Голодные дети со вспученными животами тянули тоненькие, словно палочки, ручки в сторону горшка с едой.

Наконец Вачера намекнула на то, что если бы с горшка сняли крышку и некоторое количество рагу покинуло горшок, она бы не возражала. Но даже тогда дети не бросились к еде. Их матери, хихикая и прикрывая рты руками, поскольку они не привыкли к присутствию в их деревне белого человека, спокойно подошли к горшку и без сутолоки и суеты раздали еду. Никто из взрослых не прикоснулся к еде, пока не были накормлены все дети. Затем Грейс велела Марио отдать Вачере мешок с зерном. Взяв в руки тяжеленный мешок и с легкостью закинув его себе на спину, старуха Вачера бросила на Марио презрительный взгляд, что тот сам принес его в деревню.

Грейс получила официальное приглашение в деревню и разрешение свободно разгуливать по ней. Первым делом она пошла в хижины женщин, которых считала своими пациентками. Она мало что могла сделать для них, больных испанским гриппом, от которого не было излечения. Она могла лишь поговорить с ними, проверить пульс и сердцебиение, проследить, чтобы за ними правильно и хорошо ухаживали. В хижинах было темно и дымно, в воздухе висел тяжелый запах козьей мочи, так как на ночь коз загоняли в хижины, роились бесчисленные мухи. Грейс опускалась на колени возле каждой

женщины, осматривала ее и бормотала слова ободрения. В ее глазах стояли слезы, вызванные как висевшим в воздухе зловонием, так и собственным бессилием. Если бы только эти женщины пришли к ней в клинику! Она уложила бы их в чистые постели, следила бы за ними, кормила бы их питательной едой.

Одна женщина лежала возле порога своей хижины: это означало, что она умирает.

Грейс наклонилась к ней и пощупала сухой лоб. Жить ей оставалось максимум несколько часов, и женщина сама знала это. Кикую феноменально чувствовали приближение смерти: они заранее выносили умирающего человека на улицу. Им было запрещено оставлять человека умирать в хижине и прикасаться к трупу, поэтому человека переносили, пока тот был еще жив. Они оставляли человека умирать возле хижины, а затем ждали, когда придут гиены и съедят его тело, так как кикую не хоронили мертвых.

Грейс знала, что ничем не может помочь этой женщине, поскольку ей было строжайше запрещено вмешиваться в такие дела. Один раз она попробовала вмешаться, чем вызвала такое неистовое негодование клана, что ей запретили появляться в деревне в течение нескольких дней.

— Давай хотя бы перенесем ее в тень, — попросила она Марио. Юноша колебался: страх нарушить табу племени был сильнее его.

— Марио, — прошептала она. — Возьми ее за ноги, а я возьму ее за руки. Мы положим ее под то дерево.

Он не двинулся с места.

— Черт возьми, Марио! Вспомни об Иисусе Христе и расскажи про доброго самаритянина.

На черном лице отобразилась борьба эмоций. Наконец, напомнив себе, что это всего лишь низменные кикую, не обращенные в христианскую веру, а посему не достойные уважения, он решил показать, что не боится их, в частности старуху-знахарку, поэтому сам поднял женщину и перенес ее в тень.

Перед другой хижиной Грейс увидела молодую мать, посасывающую макушку своего ребенка. Из-за того, что младенец не получал достаточного количества жидкости, его мозги сжались и мягкий пятачок, «темечко» ввалилось. Молодая мать была достаточно

умна, чтобы понять, что это дурной знак, но ничего не могла с этим поделать: ее метод лечения не помогал.

— Скажи ей, что ребенку требуется больше воды, — сказала Грейс Марио. — Скажи, чтобы давала ребенку больше молока, больше жидкости.

Он перевел. Молодая женщина улыбнулась и кивнула головой, словно все поняла, а затем вновь вернулась к своему занятию.

Грейс выпрямилась и обвела взглядом деревню. Ее горшок был пуст, а жители опять занимались своими делами. Зерно, которое она принесла, скармливалось козам. Этими животными кикую измеряли богатство и почет. Женщина, имеющая тридцать коз, могла с презрением смотреть и насмехаться над женщиной, имеющей всего пять коз. По слухам, у старухи Вачеры было больше двухсот коз, что возводило ее в клане до статуса королевы. Но зерно было принесено для людей, а не для коз!

— Прямо как англичанин, — пробурчала себе под нос Грейс, — который спасет сначала свое золото, а уже потом свою жизнь.

— Мемсааб?

— Пойдем теперь навестим Гачику. Она должна вот-вот родить.

Но не успела Грейс сдвинуться с места, как ее кто-то окликнул.

Она обернулась. Это был сэр Джеймс.

10

Джеймсу Дональду пришлось снять свою широкополую с двойной тульей фетровую шляпу и нагнуться, чтобы пройти через увитую зеленью беседку, являющуюся входом в деревню.

— Привет, — крикнул он Грейс и помахал пачкой писем.

Ее сердце бешено заколотилось. Надежда на мечту вновь вернулась к ней. Разбитый под звездный небом лагерь, его крепкое тело, его рот…

— Почта пришла, — сообщил он, улыбаясь. — Решил занести тебе твою.

Он был одет в хлопковые шорты, тяжелые ботинки, гольфы, доходящие до колена, и охотничью рубашку, слегка расстегнутую и открывавшую взору загорелый V-образный уголок на его груди.

— Я знал, где тебя искать, — сказал он, протягивая ей конверты.

Грейс почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Она надеялась, что широкие поля шляпы скроют ее смущение. Позади Джеймса шла Люсиль, которая несла за плечом холщовый мешок. Грейс показалось, что Люсиль хмурилась. Что это — гримаса недовольства или неодобрения? Однако потом черты лица Люсиль смягчились, она улыбнулась:

— Привет, Грейс. Я тебе кое-что принесла.

Передавая Грейс письма, Джеймс наблюдал за ее реакцией. Каждый раз она была одной и той же: дрожащими руками девушка поспешно перебирала конверты, с полным надежды взглядом, а потом на лице появлялось разочарование, и она полностью теряла интерес к почте. Она словно что-то искала. Письмо? Но от кого?

— Как продвигаются твои дела, Грейс? — тихо спросил он.

Она обвела взглядом деревню. Вся работа в ней остановилась: женщины смотрели на них во все глаза, и все из-за того, что на их территорию зашел мужчина.

— Не знаю, что мне делать, Джеймс, — пролепетала она. — С таким отношением ко мне далеко не уедешь. Если я приношу еду, они позволяют мне приходить и осматривать их, но не принимают мои лекарства и не позволяют лечить их. В их понимании лекарство — это та ужасная отрава, которую варит им Вачера.

Джеймс взглянул на грозного вида старую женщину, неприветливо глядевшую на него.

— Старуха держит в руках всю власть, — сказал он. — Тебе не удастся одержать над ней победу. Матенге — вот кого тебе нужно переубедить.

Грейс не сказала Джеймсу, что молилась о том, чтобы больше не встречаться с молодым вождем лицом к лицу. Вместо этого она произнесла:

— Правительство пообещало миссиям выплачивать по три сотни фунтов в год, если те согласятся работать с местным населением. Но районный врач заявил, что я не заслуживаю этих денег, потому что моя клиника стоит пустая. Он как-то приехал со мной в эту деревню, но у них здесь проходила какая-то тайная церемония, и они даже не впустили меня. Это его не переубедило. Он сказал, что мне нужно работать лучше, если я хочу получить эти три сотни фунтов. Но, Джеймс, мне так нужны эти деньги!

Грейс была очень обеспокоена: ее наследство таяло на глазах. Скоро придется рассчитывать только на деньги от миссии в Суффолке.

— Жаль, я ничем не могу помочь тебе, — сокрушенно произнес Джеймс. — Мы сами живем за счет банка, как, собственно, и все сейчас!

Она улыбнулась.

— Я разберусь с этим. Вы что, проехали восемь миль, чтобы только отдать мне почту?

— Я вернул тебе твой микроскоп. Он у тебя дома.

— Помог?

Его лицо омрачилось, что придало ему еще больше привлекательности.

— В какой-то степени, да. Он подтвердил мои самые худшие опасения. У них лихорадка. Я изолировал больных животных и сейчас провожу дезинфекцию остальной части стада. В довершение всех проблем пересохла еще одна скважина. — Он посмотрел на небо.

— Если в ближайшем времени не пойдет дождь, мы тут все умрем от жажды.

Несколько минут они слушали перезвоны козьих колокольчиков, затем Люсиль сказала:

— Я принесла тебе подарок, Грейс.

— Ой, не нужно было, — начала Грейс, но мгновенно умолкла, увидев в своих руках книгу.

— Это переведенная на язык кикую Библия. Умный ход, правда?

Грейс уставилась на черную кожаную обложку, на которой было напечатанное золотом название.

— Спасибо, — неуверенно произнесла она. — Но я не думаю, что это мне сильно поможет.

— Проповедуй Слово Господне, Грейс. Только так ты сможешь завоевать доверие этих людей.

— Матенге не хочет и слышать о христианстве. Он не позволит, чтобы я проповедовала в деревне.

Внезапно утреннюю тишину нарушил чей-то крик из хижины Гачику. Грейс побежала туда, следом за ней Джеймс и Люсиль.

Марио остался стоять снаружи, так как входить в хижину рожающей женщины мужчинам строго-настрого запрещалось.

Грейс подошла к лежавшей молодой женщине и, когда ее глаза привыкли к темноте, увидела большой живот, содрогающийся от сокращений.

— Все в порядке, — успокаивающе сказала она на языке кикую. — Твой ребеночек выходит наружу.

Она вышла из хижины и сказала об этом муциаритиа, повитухе, которой была в таких случаях старуха Вачера. Но знахарка не двинулась с места.

— Гачику вот-вот родит, — перешла на крик Грейс. — Ей нужна ваша помощь. Марио, объясни ей.

Но не успел он произнести ни слова, как Вачера подняла вверх руку, давая ему знак замолчать. Презрение, испытываемое ею к этому молодому человеку, который не только не был воином, но и променял бога света на христианского Бога, не позволяло ей разговаривать с ним. Вачера повернулась к сэру Джеймсу, который, как она знала, понимал их язык и которого она уважала, и сказала:

— С ребенком Гачику беда. Он не родится. Она рожает уже три дня, но ребенок не выходит. Это таху. Предки решили, что этот ребенок не должен жить на этом свете.

Когда Джеймс перевел слова старухи, негодованию Грейс не было предела:

— Вы это серьезно! Вы что, дадите Гачику умереть?

Вачера снова заговорила, и Джеймс перевел:

— Она говорит, что это воля Божья.

— Но это же чудовищно! Мы должны что-то сделать.

— Конечно, ты права. Но это небезопасно. Если духи их предков решили, что кто-то должен умереть, они и пальцем не пошевелят, чтобы помочь ему. Это строжайшее из всех табу. Они верят, что на Гачику лежит проклятие и что снять его невозможно.

— Я не боюсь проклятий. Марио, беги ко мне домой и принеси набор со стерильными инструментами.

Он нерешительно затоптался на месте.

— Живо!

Юноша посмотрел на сэра Джеймса, который сказал:

— Делай как она говорит, парень.

— Да, бвана.

— И еще, — крикнула она ему вслед, — захвати парочку простынь с моей кровати!

Она вернулась в хижину. Все медицинские обследования африканцев сводились к ощупыванию лба и подсчитыванию пульса. Женщины племени кикую были очень скромными, поэтому прятались от глаз посторонних. Но поскольку Гачику в силу своего положения не могла воспротивиться осмотру, Грейс положила руки на распухший живот и нащупала ребенка.

Ребенок лежал поперек родового канала. Чтобы достать его — а сделать это нужно было как можно быстрее, — Грейс должна перевернуть его рукой. Она подняла кожаную юбку Гачику и в шоке уставилась на женщину.

Почувствовав, как хижина закружилась вокруг нее, она вскочила и выбежала на улицу.

— Бог мой, — прошептала она, когда Джеймс остановил ее, схватив за руку.

— Что случилось?

— В жизни не видела ничего подобного! Гачику… изувечена.

К ее удивлению, Джеймс сказал:

— Да, но это не врожденное увечье.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты ничего не знаешь об этом? Об обрезании — ритуале посвящения?

— Ритуале посвящения?

— Все молодые люди, достигнув определенного возраста, проходят ритуал посвящения. Мальчикам обрезают крайнюю плоть, а девочкам…

Она в ужасе посмотрела на него.

— Это было сделано специально?

— Все женщины в юности проходят через это. Это их пропуск в племя, а также своего рода проверка на храбрость и способность переносить боль. Девочка, которая дернется под ножом или заплачет, будет проклята и изгнана из клана.

Грейс прижала руку ко лбу. Она почувствовала руку Джеймса, крепко сжимающую ее, и немного успокоилась. «Не удивительно, что она не может родить. Возможно, это не позволит ей…»

— Многие женщины кикую умирают во время родов из-за этого увечья. Миссионеры пытаются запретить такую практику, но все безрезультатно: африканцы делают это на протяжении сотен лет.

— Я должна что-то сделать, как-то помочь ей, Джеймс. У меня очень мало времени. Вы с Люсиль поможете мне?

— Что ты можешь сделать?

— Кесарево сечение. Я сделаю разрез в животе и выну ребенка.

Он отпустил руку Грейс.

— Ты же обещал помочь мне!

— Грейс, есть границы, за которые нам нельзя переходить. Если ты рискнешь сделать что-нибудь в этом духе, ты настроишь против себя весь клан.

— Я хочу рискнуть.

— Я помогу тебе, Грейс, — сказала Люсиль и сбросила с плеча холщовый мешок.

— Вы совершаете большую ошибку, — предупредил женщин Джеймс.

— Пусть кто-нибудь найдет мне мужа Гачику. Я спрошу у него разрешения. С его согласием клан не сможет распять меня.

Джеймс приблизился к Грейс и сердито сказал:

— Не вмешивайся в это дело!

— Я не собираюсь стоять в сторонке и ждать, когда она умрет, черт подери!

— Хорошо, предположим, ты получишь разрешение мужа. Если ты прооперируешь Гачику и она умрет, он убьет тебя, Грейс. И уверяю тебя, никакая сила и власть не смогут помочь тебе.

— Но если я ничего не сделаю, она точно умрет!

— Но за это никто не будет винить тебя. Оставь ее, и клан позволит тебе уйти с миром. В противном случае тебе не видать их доверия и твоя клиника будет всегда стоять пустой.

Она пристально посмотрела на него.

— Пожалуйста, узнай, кто ее муж. Я поговорю с ним. Я смогу его убедить. Джеймс, спроси их, кто хозяин Гачику.

Он спросил Вачеру и, когда та произнесла имя, Грейс уже не требовался переводчик: Гачику была второй женой вождя клана.

Матенге.

Грейс хотела перевезти Гачику в свою клинику, где был операционный стол и хорошее освещение, но, поскольку Вачера не разрешала трогать женщину и к тому же времени было слишком мало, Грейс решила оперировать роженицу прямо в хижине, полагаясь на опыт, который она получила в военные годы. Тогда ей приходилось делать операции на борту обстреливаемого корабля, при мерцающем свете и с единственным помощником в виде страдающего морской болезнью корреспондента.

Джеймс стоял возле хижины, в то время как Грейс и Люсиль работали внутри. Таинственным образом женщины из соседних деревень прослышали о том, что происходит, и начали стекаться к хижине Гачику. Прослышал об этом и сам Матенге, который, широко шагая, проходил сейчас под аркой входа.

Женщины и дети, словно море, расступались перед молодым вождем, пропуская его вперед, а затем снова смыкали ряды. Он шел неторопливым шагом, с непроницаемым лицом. Джеймс внутренне напрягся. Матенге не был похож на тех миролюбивых кикую, которые посещали миссионерские школы.

Они поприветствовали друг друга обычным сложным ритуалом с упоминанием предков и урожаев, словно два старинных приятеля. Время от времени из хижины доносились стоны и всхлипы Гачику, но Матенге не обращал на это никакого внимания.

Наконец он опустился на корточки и жестом показал Джеймсу сделать то же. Женщины наблюдали за тем, как их вождь и белый

бвана приступили к обсуждению происходящего.

— Ты сидишь перед хижиной моей жены, — сказал Матенге.

— Это так, — ответил Джеймс на языке кикую. Он почувствовал, как между лопатками побежала струйка пота.

— Есть ли кто-нибудь сейчас рядом с женщиной, которой я владею?

«Проклятье, — подумал Джеймс. — Ты же прекрасно знаешь, что происходит сейчас внутри этой хижины».

— Мать матери моей первой жены сказала, что предки наложили таху на мою вторую жену. Возможно, мемсааб доктори этого не знает.

Джеймс взял в руку горсть сухой земли и неспешно пропустил ее сквозь пальцы. В этой ситуации главное было не показать своего испуга. Матенге давал Грейс шанс без проблем выйти из положения, шанс, который позволил бы им двоим сохранить лицо. Но Джеймс знал, что Грейс не воспользуется этим шансом.

Они продолжали сидеть в тишине, которую не нарушали даже перезвоны козьих колокольчиков. Солнце начинало нещадно припекать. Глаза всех женщин были прикованы к двум мужчинам. Матенге сидел спокойно и неподвижно, словно статуя, в то время как Джеймс слышал, как отдавался в ушах его собственный пульс.

В той хижине была Люсиль…

— Она моя любимая жена, — сказал Матенге.

Встревоженный, Джеймс поднял глаза и на долю секунды встретился со взглядом бесстрашного воина. Матенге отвел глаза, словно смутившись, что его поймали на проявлении чувств, и тихо сказал:

— Меня беспокоит, что на Гачику лежит проклятие.

Джеймс схватился за спасительную соломинку.

— Может быть, Вачера ошиблась? — спросил он. — Может быть, нет никакого таху?

Матенге покачал головой. Он любил свою вторую жену, но страх перед знахаркой был сильнее этого чувства.

— Мемсааб доктори должна остановиться.

«Боже, — подумал Джеймс. — И он хочет, чтобы ее остановил я!»

— Я не вправе ее останавливать.

Вождь окинул его презрительным взглядом.

— Бвана не может контролировать своих женщин?

— Эта мемсааб принадлежит не мне. Она принадлежит бвана Лорди.

Матенге на секунду задумался. Затем он повернулся и что-то рявкнул толпе: тут же послышалось шлепанье убегающих босых ног.

Он сказал Джеймсу:

— Вторую жену трогать нельзя. На ней таху.

— Таху кикую не может навредить мемсааб доктори.

— Таху может навредить каждому, бвана. Ты знаешь это. Таху кикую убьет мемсааб.

Джеймс сглотнул. Матенге приказал своим людям привести воинов, которые строили дом лорда Тривертона. Напряжение достигало апогея: казалось, даже воздух начал электризовываться и потрескивать.

Джеймс очень надеялся, что действия Грейс не сыграют роль пускового механизма.

Внезапно Матенге встал. Женщины попятились назад. Джеймс тоже встал и, будучи такого же роста, вождь посмотрел ему прямо в глаза:

— Клянусь богом Нгай, Матенге, мемсааб всего лишь пытается спасти жизни твоей жены и ребенка. Если ты заставишь ее уйти, Гачику умрет.

— Предки сказали, что она должна умереть. Но если она умрет от руки мемсааб, эта смерть будет позорной и я буду требовать отмщения.

— А если Гачику выживет?

— Она не выживет.

— Медицина мемсааб очень сильна. Пожалуй, даже сильнее, чем медицина Вачеры.

Глаза Матенге сузились. Он прошел мимо Джеймса и вошел в хижину. Все замерли, затаив дыхание; даже в хижине стало подозрительно тихо. Джеймс нахмурился. Он не слышал голосов ни Грейс, ни Люсиль. Даже Гачику не издавала ни звука. Что там произошло?

Наконец вождь вышел из хижины и сказал толпе:

— Моя женщина мертва.

— Что?! — Джеймс развернулся и бросился в хижину. То, что он увидел, заставило его остановиться на полпути.

Люсиль сидела у изголовья Гачику, держа над ее лицом конус с эфиром, в то время как Грейс, склонившись, колдовала над телом женщины. Она уже сделала разрез; простыни были насквозь пропитаны кровью.

— Ты загородил свет, — сказала Грейс, и Джеймс отошел в сторону.

Ему доводилось и раньше видеть кровь, наблюдать за работой военных хирургов, даже присутствовать на родах, тем не менее увиденное потрясло его до глубины души.

Руки Грейс действовали быстро и проворно. Мелькали резиновые перчатки, она брала инструменты, использовала и бросала их, хватала полотенца, губки, резала и шила. Воздух в хижине, пропитанный эфирными парами, был горячим и опьяняющим. Люсиль спокойно регулировала подачу анестезии, в то время как Грейс работала в таком напряжении и с такой концентрацией, что ее блузка промокла от пота.

Джеймсу казалось, что операция тянулась многие часы, хотя на самом деле она была сделана очень быстро — иного выхода не было. Как только извлеченный из утробы матери ребенок оказался в руках Люсиль, нужно было заняться остановкой кровотечения и сделать все, чтобы Гачику выжила. Джеймс с восхищением наблюдал за быстрой и слаженной работой двух женщин: складывалось впечатление, что они проделывали подобное вместе уже сотни раз. Головы были склонены над роженицей, руки энергично двигались. Когда последний шов был сделан и Люсиль похлопала Гачику по лицу, пробуждая ее от наркоза, Джеймс осознал, что простоял всю операцию, вжавшись в грязную стену хижины, из-за чего у него ужасно болела спина.

Наконец Грейс повернулась и посмотрела на него. В ее глазах стояли слезы: что их вызвало, он не знал.

— Джеймс, — прошептала она, и он бросился к ней.

— Она выживет?

Грейс кивнула головой и прижалась к нему. Она дрожала в его объятиях; от ее кожи пахло йодом и лизолом. Затем она взяла себя в руки и вышла на солнечный свет. Толпа в ужасе забормотала: было нарушено самое грозное табу.

— У тебя дочь, — сказала Грейс Матенге, — и твоя жена жива.

Он отвернулся.

— Да послушай же меня! — закричала она.

— Ты лжешь!

— Пойди и посмотри собственными глазами.

Матенге метнул взгляд в сторону хижины, а затем снова посмотрел на Грейс. Сейчас он должен был продемонстрировать свое превосходство над этой сующей свой нос куда не следует мцунге, которая нуждалась в хорошей порке. Он пристально смотрел на Грейс, доходившую ему до плеча, сверху вниз, пытаясь испугать ее своей силой. Во времена великих войн его отец похитил много женщин из племени масаи и подчинил их себе, используя тот же метод, что Матенге сейчас, стремясь сломить эту мемсааб.

К его величайшему негодованию, она отвечала ему тем же.

В это время Люсиль вымыла ребенка и укутала его в маленькое одеяльце. Когда она направилась к двери, Джеймс остановил ее:

— Почему бы не показать ребенка отцу? Когда Матенге увидит…

— Он убьет его. Отец должен сам войти в хижину. Это древняя традиция кикую.

Люсиль поднесла ребенка к спящей Гачику и положила его на грудь. Выйдя на улицу, Джеймс и Люсиль увидели подбегающих к хижине мужчин, в руках которых были пилы и топоры.

Джеймс почувствовал, как встали дыбом волосы.

— Боже милосердный, — прошептал он, — нам нужна полиция.

В толпе произошло какое-то движение, люди расступились, и в середину вышла старуха Вачера. Она медленно подошла к Грейс и, уставившись на нее злым взглядом, прокричала:

— Хижина проклята! Ее осквернили, и теперь ее нужно сжечь!

— Что? — воскликнула Грейс. — Вы же не собираетесь…

— Это место проклято! Несите огонь!

Она повернулась к мужу своей внучки и сказала:

— Ты должен сжечь хижину вместе с телами твоей жены и не родившегося ребенка. А потом ты должен убить этих двух мемсааб, которые осквернили это место.

— Подождите минутку! — произнес Джеймс, выходя вперед. — Женщина и ребенок живы! Идите и проверьте сами, леди Вачера. Вы увидите, что я не лгу.

— Они не могут быть живы. Ребенок не смог выйти из матери. Я сама ощупывала ее живот.

— Я вынула ребенка, — сказала Грейс.

— Никто не может сделать этого.

— Медицина белого человека может. Слышите?

Все повернулись в сторону хижины. Из нее доносился тоненький плач новорожденного ребенка.

— Но Гачику умерла! — заговорил Матенге. — Я видел это собственными глазами. Ее живот был разрезан!

— Она не умерла, а всего лишь спала. Иди и проверь. Она скоро проснется. Твоя любимая жена, Матенге!

Он колебался.

— Ты не можешь возвращать мертвых к жизни.

— Могу и возвращаю, — неожиданно произнесла Грейс.

— Даже всемогущий Нгай не в силах этого сделать, — сказал он, но в его голосе послышались нотки неуверенности.

Тут заговорила Люсиль, ее голос звенел:

— Наш Бог в силах! Наш Бог умер и воскрес!

Матенге задумался; в его взгляде читалось недоверие и подозрительность. Он повернулся к Марио.

— Ты, жаба, поклоняешься белому Богу. То, что она говорит, правда? Он возвращает мертвых к жизни?

— Святые отцы в миссии говорили, что так оно и есть.

Матенге повернулся к Грейс.

— Докажи.

— Зайди в хижину, и ты сам все увидишь.

Но молодого вождя не так-то просто было одурачить. Он знал, что, если он войдет в хижину, это будет означать, что он согласен с тем, что медицина белого человека лучше, чем его собственная.

— Мы убьем кого-нибудь, — сказал он, — а ты вернешь его обратно к жизни.

Перед взором возбужденных зрителей Матенге жестом приказал Марио выйти вперед. Молодой человек не шелохнулся. Тогда двое мужчин схватили его и бросили на землю.

— Убейте его, — приказал Матенге.

Один из мужчин замахнулся топором, и Грейс закричала:

— Стойте! Я сделаю это сама.

— Ты?

— Ты же испытываешь мою медицину. Это я заставила Гачику спать мертвым сном, и я воскресила ее. Ты хотел доказательства моей

силы, Матенге.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза. Потом он кивнул, и Грейс пошла в хижину за конусом и бутылью эфира.

Марио дрожал как осиновый лист, закатывая в страхе глаза.

— Не бойся, — сказала Грейс по-английски и успокаивающе улыбнулась. — Ты только заснешь; а потом я тебя разбужу.

— Я боюсь, мемсааб доктори.

Люсиль сказала:

— Доверься Богу, Марио. Он не оставит тебя.

Она всунула ему в руки Библию, и тот, вцепившись в книгу обеими руками, лег.

Деревня погрузилась в неестественную тишину. Грейс опустилась у изголовья Марио, вынула пробку из бутылки, поднесла конус ко рту и носу и медленно налила эфир. Когда люди почувствовали резкий запах эфира, то в страхе попятились.

Они видели, как закрылись глаза Марио, как обмякло его тело и вывалилась из рук книга. Наконец Грейс поднялась и сказала:

— Он спит. Так же, как спала Гачику.

Матенге осмотрел неподвижное тело. Затем велел принести раскаленную головешку и, прежде чем Грейс успела остановить его, прижал горячее дерево к шее Марио. Молодой человек не шелохнулся.

Толпа зашепталась. Матенге приказал принести ему нож.

— Нет, — твердо произнесла Грейс. — Больше никаких проверок. Ты получил доказательство. Он не чувствует боли. Сейчас его сон гораздо глубже, чем ночной.

— Теперь разбуди его, — приказал вождь.

Грейс закусила губу. Когда она наливала эфир, ее рука дрогнула, и в конус упало несколько лишних капель…

— Почему он не просыпается?

— Он скоро проснется, — ответила она.

Прошло несколько минут: Марио по-прежнему не двигался.

— Я не вижу, чтобы он возвращался к жизни.

— Он вернется. — Грейс наклонилась и приложила ухо к груди Марио. Сердцебиение было, слабенькое и медленное. Неужели она очень сильно переборщила с дозой? Может быть, африканцам в силу каких-либо причин нужно давать меньше наркоза?

Матенге приказал принести факел, и Вачера торжествующе улыбнулась.

— Подождите, — сказал Джеймс. — Это требует времени. Он должен пройти через царство духов и только потом вернуться в царство живых.

Матенге задумался. Когда ему принесли высоко и ярко горящий факел, он взял его в правую руку и приготовился. Марио по-прежнему лежал неподвижно.

Джеймс опустился на колени рядом с Грейс.

— С ним все будет в порядке? — тихо спросил он по-английски.

— Я не знаю. Возможно, эти люди слишком чувствительны к анестезии…

— Разбудите его немедленно! — прозвучал резкий голос Матенге.

Грейс похлопала юношу по щекам и позвала его по имени.

— Вот вам медицина белого человека! — закричала Вачера, и толпа одобрительно загудела.

Из хижины донесся плач ребенка. Когда Матенге повернулся в ее сторону, Вачера сказала:

— Это обман! Это плачет злой дух, чтобы заманить тебя в проклятое место. Ребенок мертв, сын мой!

— Ребенок жив!

— А как же мальчишка, что у тебя под ногами?

Грейс взглянула на лицо Марио. «Пожалуйста, очнись, — думала она. — Открой глаза. Покажи им, какой властью мы обладаем».

— Марио! — громко позвала она юношу. — Проснись!

Джеймс взял юношу за плечи и потряс его. Тот не реагировал.

— Боже мой, — прошептала Грейс. — Что же я наделала?

— Давай, Марио, — произнес Джеймс, с силой ударив его по щеке. — Проснись! Хватит спать!

С презрением на лице Матенге отвернулся и уверенно направился к хижине, держа факел над головой.

Грейс вскочила на ноги.

— Нет! — крикнула она. — Твоя жена жива! Иди и посмотри сам!

— Ты солгала. Твоя медицина бессильна. Предки наложили на нас таху.

Не осознавая, что делает, Грейс бросилась к Матенге, ударила его по руке и выбила факел. Шокированный Матенге смотрел на нее во

все глаза. Чтобы женщина ударила мужчину, вождя…

— Мемсааб доктори, — раздался слабый голос.

Все взгляды устремились к Марио. Его голова качалась из стороны в сторону.

— Молодец, — сказал Джеймс, продолжая трясти его за плечи. — Просыпайся, парень! Покажи этим людям, что мы не лжем.

Глаза Марио полностью открылись. Он сфокусировал взгляд на Матенге. Затем он внезапно перевернулся, и его вырвало на землю.

— Видишь? — прокричала Грейс. — Я не обманула тебя. Моя медицина сильнее твоей.

Молодой вождь посмотрел сначала на Грейс, потом на знахарку, затем снова на Грейс. Впервые за все это время на его красивом лице появилось выражение неуверенности.

Когда он наконец направился к хижине, Вачера бросилась вперед и преградила ему путь.

— Не слушай эту вацунгу, сын мой. Это означает таху!

— Если их бог может творить такие чудеса, то моя новая дочь жива и там нет никакого таху!

Вачера медленно выпрямилась, гордо подняла голову и отошла в сторону. Матенге вошел в хижину.

Все смотрели и ждали.

Наконец молодой вождь вышел на улицу: в его руках лежало обнаженное тельце его новорожденной дочери.

— Она жива! — прокричал он, поднимая ее высоко над головой. — И моя жена тоже жива! Она вернулась из царства мертвых!

Толпа разразилась ликующими криками.

Матенге подошел к Грейс, на его лице вновь была написана гордость. Он передал ей ребенка, затем нагнулся и поднял с земли запылившуюся Библию. Взвесив ее в руке, Матенге сказал:

— Вы расскажете мне о своем Боге.

Старуха Вачера, знахарка племени, скрылась во мраке хижины.

11

Дом был готов.

Делая последние стежки, Роуз не могла сдержать своего возбуждения. Сегодняшний день был просто волшебным, потому что завтра она переезжает в новый дом!

Она, напевая себе под нос, сложила рамку для вышивки и вручила ее девочке-африканке. Миссис Пемброук усадила десятимесячную Мону в коляску и любовно подоткнула под нее одеяльце. Двумя другими членами этой компании были два африканских мальчика, один из которых нес корзину с едой, а другой заботился об обезьянке и двух попугаях. Роуз несла сумку с нитками. Все направились назад, в лагерь.

На поляне звучала музыка из шелеста сухих эвкалиптовых веток, шепота ветра, гуляющего среди верхушек кустов, чириканья и пения птиц, мелькающих яркими пятнами высоко в листве. Обычно Роуз с большой неохотой покидала эту поляну, скрытую и защищенную окружавшим ее лесом, и симпатичную белую беседку, которую построил для нее Валентин, но сегодня ей не терпелось поскорее приступить к последним приготовлениям к переезду.

У Валентина была страсть к церемониям! Вот уже целую неделю дом стоял полностью готовым для проживания: была расставлена мебель, на окнах висели занавески, на полах лежали ковры, в декабрьском воздухе витал запах свежей краски. Но он настоял на официальном открытии. Слуги репетировали целую неделю: улыбающиеся африканцы в белых длинных канзу и красных пиджаках учились выстраиваться шеренгой по обеим сторонам лестницы, ведущей к центральной входной двери. Даже красная ковровая дорожка была приготовлена! Первой с букетом в руках должна будет войти Роуз, рядом с ней будет идти Валентин, затем Грейс и Дональды, в то время как гости, собравшись полукругом, будут стоять перед домом и аплодировать.

Роуз дрожала от нетерпения. Ее платье, сшитое по последнему писку моды — такое носила сама королева, — прибыло из Парижа еще две недели назад.

Глаза всех двухсот гостей просто вылезут из орбит — Роуз в этом нисколько не сомневалась, — когда они увидят ее в этом платье, выходящей из запряженной украшенными пони кареты и идущей по лестнице.

Она еще не была внутри дома, поэтому сгорала от нетерпения поскорее попасть туда. У Валентина была потрясающая способность устраивать сюрпризы, он умело придумывал и организовывал их. Именно из-за этого она и влюбилась в него, когда он еще только ухаживал за ней.

Роуз бросила взгляд через плечо.

— Поторапливайтесь, миссис Пемброук. Вы еле ползете! — сказала она няне.

— Прошу прощения, ваша светлость, — ответила пожилая женщина, везя коляску по грязной бугристой тропе.

Несмотря на сильную тряску, Мона сидела абсолютно спокойно и смотрела большими глазками на окружающий их лес. Она была спокойной, не капризной, к большому облегчению миссис Пемброук, и очень хорошенькой в своем платьице с оборками и подходящем к нему чепчике. И очень умной, как думала няня. Мона уже пыталась произносить слова и ходить без посторонней помощи. И это в десять-то месяцев! Однако родители не обращали на это никакого внимания. Когда леди Роуз изъявляла желание позаниматься с дочерью, она делала это совершенно по-детски: играла с Моной, словно с куклой. Что касается его светлости, то догадаться о том, что у него есть ребенок, по нему было совершенно невозможно!

Как много еще нужно было сделать! Основную часть вещей Роуз уже перенесли в дом, однако следовало упаковать личные вещи: косметику, туалетные принадлежности, ночные вещи. Ну и конечно, необходимо было посадить розы. И волосы уложить. Грейс предложила ей услуги парикмахера и пообещала сделать прическу со страниц одного американского журнала. Они собирались шокировать публику новым стилем — горячей завивкой волос.

— Ну, поторапливайтесь же, миссис Пемброук, — снова сказала Роуз.

Она была одета в бледно-розовое кисейное платье с глубоким круглым декольте, обрамленным большой оборкой. Светлые волосы, которые в скором времени собирались коротко обрезать и завить, были

собраны на макушке; только вокруг лица струились несколько прядок. Когда Роуз выходила на островки света, пробивающегося сквозь деревья, она становилась похожей на прозрачную лесную фею.

Когда эта живописная маленькая компания вышла из леса на поляну, они увидели внизу Дом поющих птиц, незамысловатую клинику, к которой вела уже проторенная тропа, а чуть подальше — поляну с одинокой хижиной и древним фиговым деревом.

Роуз окликнула и помахала Грейс, но та ее не услышала.

Под соломенной крышей клиники толпились люди: беременные женщины, больные дети и страдающие зубной болью мужчины. После той памятной операции, проведенной в деревне два месяца назад, репутация Грейс распространялась по земле кикую как лесной пожар. Каждое утро теперь она просыпалась и видела ожидающих ее африканцев. Три раза в неделю к ней приезжала Люсиль Дональд и читала детям Библию.

Все было замечательно! Роуз чувствовала себя парящей над землей. Давно прошел шок, который она испытала в прошлом марте, когда приехала и увидела здесь удручающую картину. Несмотря на отсутствие дождей и ухудшающуюся экономику, на что жаловались все поселенцы, сейчас она не видела причин чувствовать себя несчастной.

Роуз замедлила шаг. Она отказывалась верить своим глазам: пожилая женщина и ее внучка снова были там. Они вновь отстраивали свою хижину! Какой по счету раз? Четвертый? Валентин снес все хижины, и семья Матенге переселилась за реку. Только эта знахарка и ее молодая преемница упрямо отказывались подчиниться его приказу: каждый раз, когда трактор сносил хижину, они возводили ее заново. Для Роуз это было загадкой.

Ей вспомнился последний визит этих двух женщин в лагерь. Впереди с гордо поднятой головой, увешанная бусами, медными украшениями и раковинами, шла старуха; следом двигалась молодая женщина с маленьким мальчиком на руках. Они кланялись, робко улыбались и говорили так тихо, что их едва было слышно. Мальчишка-слуга Грейс перевел: они никого не хотели обидеть, только предупредить бвана, что по какой-то неведомой причине их хижина продолжала рушиться и что они желают, чтобы их хижина стояла там, где она стоит, поскольку это было место, где они жили и где должны

были продолжать жить, чтобы выполнять свой святой долг и служить предкам, которые обитали в этом фиговом дереве.

И это был их четвертый визит! Терпение и стойкость двух женщин кикую поразили Роуз. Все четыре раза они приходили с дарами в виде коз и бус, убеждали Валентина в том, что они никого ни в чем не обвиняют и не хотят проблем, а только желают напомнить духам ветра о том, что хижина стояла на священной земле и что ей никак нельзя было разрушаться.

Какими любопытными существами были для Роуз эти две женщины, очень похожие друг на друга, за исключением того, что бабушка была меньше и темнее, как и все пожилые женщины кикую. В них было море достоинства; даже мальчик, сидящий на бедре у матери, почтенно молчал, словно понимая важность ситуации.

Валентин напомнил им, что это его земля, поскольку он купил ее у вождя Матенге, и отослал их домой с мешками зерна и мешком драгоценного сахара.

И вот они снова трудились — старуха-знахарка и ее внучка, — возводя новую хижину, самостоятельно, спокойно и безмолвно. «Интересно, — подумала Роуз, — знают ли они о том, что Валентин назначил на завтра выкорчевку фигового дерева, чтобы построить на его месте поле для игры в поло?»

Чуть дальше, за палаточным лагерем, стоял символ незыблемого оптимизма Валентина — новенький пульпер — протирочная машина, только что привезенная из Вест-Индии. Несмотря на то что эта машина понадобится ему только через два или три года, когда созреет первый урожай кофе, она была уже готова и ждала того момента, когда сможет снять с первых плодов мягкую красную оболочку и отделить от нее кофейные зерна.

Пока миссис Пемброук укладывала Мону спать, Роуз решила пойти в импровизированную теплицу и собрать черенки, которые она привезла с собой из Англии.

Они не только смогли пережить дорогу из Суффолка прямо в сердце африканской засухи и смену климата, но и цвели сейчас буйным цветом. Она приказала садовнику водрузить их на тележку и отвезти к дому.

На месте перехода грязной разухабистой тропы в дорогу, ведущую к их имению, стояли большие величественные ворота с

каменной аркой, на которой были выгравированы герб семьи Тривертон и название имения.

Леди Роуз улыбнулась, вспомнив выражение лица Валентина, когда тот увидел привезенный камень. Резчик по камню, представитель племени суахили, вложил в свое творение всю душу: буквы были одного размера, утолки украшены резными вензелечками. Это было настоящее произведение искусства — все согласились с этим, — и, несомненно, стоило больше, чем заплатил за него Валентин. Был только один маленький недостаток: название имения было написано неправильно.

«Белла Два» — велел высечь на камне Валентин в память о Белла Хилл, своем родовом имении в Англии. «Смотри только ничего не напутай: БЕЛЛА Д-В-А, то есть «второй дом». Понял?»

Мужчина заверил его, что он все превосходно понял, и в течение четырех месяцев старательно высекал на камне неправильное слово.

На лице Валентина было такое выражение… Все прыснули со смеху. Сэр Джеймс быстро сориентировался и попытался исправить положение, сказав:

— Очень умно, Валентин. Как ты догадался придумать такое?

На огромном камне была увековечена надпись: «БЕЛЛА-ДА». На языке суахили, как поспешно объяснил сэр Джеймс, это означало что-то вроде «целиком и полностью Белла».

Чтобы сделать путь к дому максимально эффектным, Валентин приказал посадить вдоль длинной подъездной дороги кустарники пуансеттии. Для их орошения использовались и без того ничтожные запасы драгоценной воды, и все ради того, чтобы обеспечить их цветение во время гала-торжества. Лепестки, словно языки пламени, рдели на каждой ветке и покрывали сухую бесплодную землю, словно пурпурный ковер. Именно по этой дороге и пойдут завтра гости, после того как их сначала разместят во временных палатках и хижинах, возведенных специально для них на ближайшем от дома поле. Там была построена целая деревня — небольшой чистый городок из времянок, который исчезнет сразу после того, как гости разъедутся по домам. Но на время торжеств там будут устраиваться вечеринки и охоты на лис, будет звучать смех и литься рекой шампанское. В протекторате всегда так делалось гости, чтобы попасть на какое-либо

торжество, вынуждены были преодолевать огромные расстояния и поэтому приезжали вместе со своими слугами и животными.

Роуз боролась с искушением хоть одним глазком взглянуть на интерьер дома. Но Валентин, будучи великим конспиратором, зашторил все окна, чтобы ни одна живая душа не увидела, что там внутри. Он даже не позволил ей взглянуть на цвет краски, которую собирался использовать для покраски стен.

Снаружи дом был великолепным и непохожим на монументальные дома Англии.

Двухэтажный остроконечный дом, с окружающей большой верандой отличала тропическая роскошь, грациозность. Это был совершенно новый, инновационный стиль, созданный специально для Восточной Африки. Высокие, от пола до потолка, двери столовой, расположенной в задней части дома, выходили на многоуровневую, вымощенную плоскими каменными плитами террасу. Цветочные клумбы пестрели яркими свежими цветами; Роуз понимала, что такая красота во время засухи стоила Валентину целого состояния. Свои же розы она собиралась высадить перед домом.

В июне прошлого года в Найроби проводилась одна торжественная церемония, на которой леди Роуз торжественно презентовала городу несколько своих розовых кустов, среди которых установили табличку:

«РОЗА ФРАНЦУЗСКАЯ ОФФИЦИНАЛИС»

Считалось, что эти розы, привезенные из садов имения «Белла Хилл» в Суффолке, произошли от роз, посаженных там после войны Алой и Белой роз, когда Генри Тюдор в 1485 году даровал землю своему преданному солдату в награду за то, что тот сражался на стороне династии Ланкастеров. В честь своего короля новый граф Тривертон посадил в своем имении алые розы — символ династии Ланкастеров.

Леди Роуз, графиня Тривертон, привезла розовые кусты в Британскую Восточную Африку в феврале 1919 года.

Это был один из тех случаев, когда Роуз, подобно своим цветам, расцветала: устраивалась торжественная церемония, подавалась правильная еда, соблюдался необходимый протокол, собирались

правильные люди. Тогда она раскрывалась, светилась и чувствовала себя живой, влюбленной и любимой.

Валентин пригласил на торжество в честь открытия их дома все сливки общества. Некоторые приедут издалека: из Уганды, Судана, побережья и даже Танганьики, которую британцы отвоевали у немцев. Здесь будут королевские офицеры в парадных мундирах, под руку с дамами; титулованные особы; богатые и влиятельные люди протектората; не очень богатые, но не менее интересные и гламурные: окруженный легендой белый охотник, исследовавшие Конго братья, известный писатель и две киноактрисы. Этот прием станет событием года, возможно, даже десятилетия, и Роуз, которая наконец-то нашла свое место в этой необычной стране, будет править всем этим балом.

Роуз заторопилась. «Дом! — думала она. — Наконец-то у меня есть настоящий дом! Больше не будет всех этих палаток, насекомых и ящериц. А будет настоящая кровать в настоящей спальне». И спальни с Валентином у них разные. Все прошедшие месяцы муж уважал ее желания; малоприятное занятие было совершенно позабыто. Он ни разу не приблизился к ее кровати и, скорее всего, больше никогда и не приблизится.

Она посадила первый розовый куст.

Трактор взял курс на фиговое дерево.

— Срубите это проклятое дерево, — сказал бвана, — и я смогу наконец-то избавиться от этих надоедливых особ.

Двое крепких африканцев уже подпилили многовековой ствол дерева, и сейчас все ждали, когда трактор повалит его и выкорчует пень. Бвана лорд хотел, чтобы с деревом было покончено к полудню. Вацунгу уже начали прибывать: кто в фургонах, кто в машинах, кто верхом, и Валентин желал, чтобы поле для поло было готово.

Дух реки был в ярости — вот почему молодая Вачера и ее бабушка вынуждены были теперь ходить за водой в такую даль, вставать до рассвета и идти в самое сердце незнакомого леса, к горным склонам, расположенным на расстоянии полета многих стрел, где еще бежали несколько тоненьких ручейков. Теперь женщины шли по земле диких животных. Две кикую были здесь гостьями, поэтому они, не желая обидеть духов животных или духов, обитавших в камнях и деревьях на этой далекой от дома земле, пели и оставляли по дороге подношения: кукурузную кашу и пиво.

Дух реки сердился из-за стены, построенной бвана поперек его горла: она не давала ему дышать, заставляла воду застаиваться, подниматься и образовывать пруд, которого никогда раньше не было на этом месте. Это делается во благо людей, чтобы помочь им выжить во время засухи, сказал бвана. В то время как другие кланы умирали от жажды, семья вождя Матенге имела воду. Но так было неправильно, сказала знахарка своей преемнице. Дети Мамби не должны обижать духов природы, чтобы удовлетворить свои эгоистичные желания и потребности. Над рекой надругались, и поэтому на землю кикую было ниспослано таху.

Женщины принесли с собой большие бутылки из тыкв-горлянок и спокойно сидели, ожидая, пока они наполнятся водой. Молодая Вачера опечалилась, подумав о своем муже.

После рождения дочери Гачику Матенге зачастил в миссию белого человека. Там он слушал рассказы про чудесного Бога по имени Иисус, который умер, а затем воскрес из мертвых, который пообещал такое же чудесное воскрешение всякому, кто будет поклоняться ему. В миссии Матенге околдовали. Он увидел вещь, которую белые люди называли велосипедом, и захотел иметь такую же. Он проехал в автомобиле и пал под его чарами. Ему показали монеты, и он узнал, насколько они ценнее, чем козы. Его научили произносить написанные на бумаге символы и сказали, что в этом умении заключена вся власть над миром. В деревне белого человека мировоззрение Матенге изменилось: он увидел могущество белого человека в его оружии, его сапогах, его жестянках с едой. И Матенге вернулся к своей семье за рекой совершенно другим человеком.

— Белый человек живет по лучшим законам, жена моя, — сказал Матенге молодой Вачере вечером, перед тем как покинуть ее навсегда. Он пришел в хижину в одежде белого человека, потому что святые отцы из миссии сказали ему, что нагота противна Богу Иисусу. — На земле новый век. Мир меняется. Нгай на своей горе мертв; теперь есть новый Бог. Неужели Дети Мамби должны исчезнуть с лица земли из-за того, что они отказались поклоняться новому Богу и следовать его учениям? Вспомни пословицу, которая гласит: «Красивая девушка всегда проходит мимо дома бедняка.

Неужели ты хочешь, чтобы другие племена этого мира прошли мимо двери дома какую?»

Вачера слушала мужа в тишине: она сдерживала слезы, чтобы не заплакать и тем самым не опозориться перед мужем. Маленький Кабиру, их сын, ползал рядом, не подозревая о том, что его отец уходит от его матери навсегда.

— Меня выбрали вождем, жена моя, и значит, мой долг заботиться о своем народе. Вспомни пословицу: «Стадо, ведомое хромым вожаком, никогда не достигнет зеленых сочных лугов». Я научусь читать, как это делает белый человек, и буду следовать заветам Бога Иисуса. Святые отцы из миссии показали мне изображение плохого бога, которого они называют Сатана: цвет его кожи такой же, как цвет кожи кикую. Они показали мне, что черный цвет есть зло, а я не хочу быть злом. Они помазали мне лоб и нарекли меня Соломоном, теперь это мое новое имя. Отныне я такой же, как и белый человек, я ему ровня. И мой сын, которого назвали Кабиру в честь его прадеда, пойдет в миссию, помоет лоб, получит новое имя и тоже станет равным белому человеку.

Матенге ушел, взяв с собой сына. Его не было шесть закатов, после чего он вернулся с ребенком и сказал:

— Теперь его зовут Дэвид, и он христианин. Белый человек будет относиться к нему как к брату. — Затем добавил: — Бог Иисус говорит, что я совершаю большой грех, имея больше одной жены. Ты огорчила меня, жена моя, тем, что отказалась подчиниться мне и переехать на другую сторону реки, как я приказал. Поэтому ты мне больше не жена. Отныне я буду жить как добропорядочный христианин, с Гачику и Нджери, моей дочерью, которую Иисус воскресил из мертвых. И когда придет мое время умирать, я воскресну, как обещает Иисус.

Когда он ушел, Вачера прижала сына к груди и зарыдала, оплакивая Матенге, словно тот умер. Для женщины кикую быть изгнанной мужем — самое страшное из несчастий, которые только могли обрушиться на ее голову. Следом за этим ее изгоняли из клана, и она теряла всю свою семью. Вачера оплакивала не только потерю любимого мужчины, но и пустоту своего чрева, на что была обречена все последующие годы. Она стиснула Кабиру и плакала, поливая его слезами, словно хотела смыть с него крещение белого человека, но потом, поскольку это было желанием человека, которого она отчаянно любила, назвала своего сына Дэвидом. Когда ее хижину снесли в

пятый раз, она не стала ее восстанавливать, а пошла жить в хижину своей бабушки, где все трое жили в любви и согласии.

Бутылки были наполнены; пришло время возвращаться назад. Поскольку молодая Вачера несла еще и Дэвида, у старухи Вачеры было больше бутылок, и поэтому ее ноша была тяжелее. Согнувшись, почти уткнувшись лицами в землю, они молча брели через незнакомый лес к своей хижине возле резервуара Валентина.

Вечерний воздух был наполнен запахом дыма: мужчины жгли то, что осталось от гигантского фигового дерева; тишину реки оглашали скрежет пил и рев мотора трактора.

Вачера и ее бабушка вышли из леса как раз вовремя, чтобы увидеть, как древние корни, будто шишковатые старческие пальцы протестующей руки, вылезли из земли и взметнулись вверх, разбрасывая комки грязи. Обе женщины замерли на месте и уставились на происходящее. Бригада из десяти мужчин оттаскивала в сторону огромный пень и засыпала землей образовавшуюся яму. О массивном стволе и огромных ветках священного дерева напоминали лишь связки свеженарубленных дров.

Старуха Вачера медленно сняла бутылки со спины.

— Дочь моя, — сказала она, — отведи меня в лес. Пришло время мне умереть.

Молодая Вачера уставилась на нее во все глаза.

— Ты заболела, бабушка?

Знахарка говорила спокойно, однако в ее голосе слышались нотки усталости, чего молодая Вачера никогда раньше не замечала в голосе своей бабушки.

— Дом наших предков разрушен. Священная земля осквернена. Теперь здесь лежит великое таху. Время, отпущенное мне для жизни на этом свете, подошло к концу. Отведи меня в лес, внучка.

Ее протянутая вперед рука была твердой. Вачера поставила бутылки на землю, пересадила Дэвида на другое бедро и взяла руку бабушки. Они повернулись спинами к одетым в одежды белого человека мужчинам кикую, которые рубили священное дерево, и пошли назад в лес.

Они брели молча; только маленький Дэвид, которому было всего год и два месяца и который не осознавал обрушившейся на них катастрофы, гукал и ворковал. Несмотря на то что молодая Вачера

отказывалась принять это, она знала, что ее бабушка на самом деле вот-вот умрет.

Они достигли безлюдного места. Бабушка села на грязную землю, усыпанную ветками и сухими листьями. Впервые за всю жизнь ее движения были похожи на движения старой женщины. Молодая Вачера изумилась тому, как быстро постарела ее бабушка. Уставшие суставы скрипели; руки и ноги не гнулись, а ведь менее часа назад, неся бутылки, знахарка была почти такой же проворной и бодрой, как и ее внучка, которая была на пятьдесят лет моложе ее.

Старуха Вачера сидела на земле, вытянув перед собой ноги.

— Скоро меня заберет к себе бог света, — тихо произнесла она. — И я буду жить с нашими первыми родителями, Кикую и Мамби.

Посадив Дэвида на землю, молодая Вачера сидела напротив своей бабушки и ждала. Случилось что-то ужасное, что молодая женщина представляла крайне смутно, что было выше ее понимания, но что однажды — она верила в это — она обязательно поймет.

— На землю кикую пришла печаль, — наконец произнесла старшая Вачера, ее дыхание становилось все тяжелее и тяжелее. — Пришло время перемен. Теперь я знаю, что родилась, чтобы увидеть закат кикую. Дети Мамби отвернутся от Нгайя, от своих предков, от законов племени. Они будут жить по законам белого человека, желая стать ему ровней. Древние традиции умрут и позабудутся. Матенге никогда не вернется к тебе, дочь моя. Белый человек приворожил его. Но мужчина, который когда-то владел тобой, не будет счастлив в своей новой жизни. Как гласит старая пословица, нож, однажды заточенный, режет и своего обладателя. Но его нельзя винить в этом, так как есть и другая пословица: «Сердце человека питается тем, что ему нравится».

Она замолчала. Солнечный свет начал медленно выползать из леса, оставляя позади длинные тени, похожие на змей, которые тянулись к женщинам кикую.

— Ты знаешь, дочь моя, что мы живем в своих потомках. Мужчина должен иметь много жен и много детей, чтобы наши предки могли жить вечно. Однако белый человек учит нас, что это неправильно. Мужчины кикую уже начали бросать своих жен. Скоро будет мало детей, и они не смогут принять все души умерших прародителей, поэтому духи наших предков будут бродить по земле

неприкаянными. Скоро не останется ни одного фигового дерева, никого, кто будет общаться с нашими первыми матерями и отцами. Они канут в никуда.

Дрожащими руками знахарка сняла с запястья браслет — он был сплетен из ресниц слона и поэтому заключал в себе великую магическую силу — и протянула его внучке. Когда она заговорила вновь, ее голос стал еще тоньше, дыхание — еще более прерывистым и тяжелым. Казалось, что жизнь вытекает из ее старых косточек, точно так же, как вытекала она из корней умирающего фигового дерева.

— Сейчас ты съешь клятву, внучка. А потом оставишь меня.

С каждой минутой лес становился все более темным и зловещим. Из-за множества таящихся опасностей и злых духов кикую никогда не отходили ночью далеко от дома. Но молодая женщина хотела остаться со своей бабушкой до конца, покуда смерть не заберет ее.

— Я не позволю им забрать тебя, пока ты жива, — решительно сказала она, имея в виду гиен, которые уже начали приближаться к женщинам.

Старуха Вачера покачала головой.

— Я не боюсь того, что они будут поедать мою плоть, пока я еще жива. Гиен нужно уважать и почитать, дочь моя. Я не закричу и не заплачу. Ты должна уйти, но прежде ты съешь клятву.

Вачера была в ужасе. Этот обряд был самой могущественной формой магии кикую; он привязывал душу человека к данному им слову. Нарушить такую клятву означало немедленную и ужасную смерть.

— Поклянись мне, внучка, землей, которая есть наша Великая Мать, что ты будешь защищать старые традиции и хранить их для будущих времен. — Старая женщина взяла в руку немного земли. Выводя над землей магические знаки, она закрыла глаза и сказала: — Когда-нибудь Дети Мамби отвернутся от белого человека и изгонят его с земли кикую. Когда это произойдет, они захотят вернуть традиции своих отцов. Но кто научит их?

— Я научу, — прошептала молодая Вачера.

Знахарка пересыпала землю в руки внучки.

— Поклянись землей, нашей Великой Матерью, что ты сохранишь законы и обычаи племени кикую и всегда будешь общаться с нашими предками.

Вачера поднесла руки ко рту и взяла немного земли. Проглотив ее, она сказала:

— Клянусь.

— Поклянись также, Вачера, что ты станешь для наших людей хорошей знахаркой и будешь продолжать магические ритуалы наших матерей.

И снова Вачера проглотила землю и поклялась.

— И пообещай мне, дочь моя… — У старой женщины перехватило дыхание: было видно, что она сражалась за каждый вздох. Казалось, ее тело уменьшалось и сморщивалось прямо на глазах. — Пообещай мне, что отомстишь тому белому человеку на холме.

Вачера пообещала отомстить мцунгу и проглотила клятву, глядя, как умирает ее бабушка.

12

Она шла по ночному лесу без страха, так как знала, что дух ее бабушки идет рядом с ней. Вачера ступала решительным шагом, не замечая вокруг себя теней, не слыша криков гиен, раздирающих человеческую плоть. Она протискивалась между деревьями, прижимая сына к своему крепкому молодому телу. Решительность и храбрость увеличивались в ней с каждым шагом, словно сила бабушки наполняла ее и растекалась по венам. С каждым оставленным позади деревом робость и мягкость Вачеры исчезали; с каждой треснувшей под ее ногами веточкой и отброшенным камнем ее страхи и неуверенность, свойственные молодым людям, покидали ее. Вачера взрослела с каждым шагом и духом, и телом. Она помнила все слова, произнесенные старшей Вачерой, и будет помнить их до конца своих дней.

Наконец она вышла на поляну, где когда-то росло священное фиговое дерево, а сейчас стояла лишь одинокая залитая лунным светом хижина. Крепко прижимая к себе ребенка, первое и последнее в свой жизни дитя, молодая Вачера, теперь знахарка клана, посмотрела на стоявший на холме большой каменный дом.

— Прямо коронация какая-то!

Это сказал его превосходительство губернатор, который в силу своего высокого положения в протекторате стоял прямо возле лестницы в дом. Возбуждение, витавшее в ночном воздухе, казалось, можно было потрогать. Вдоль изогнутой подъездной дороги вплоть до разухабистой грязной тропы, куда все еще продолжали прибывать припозднившиеся гости, горели факелы. Собравшиеся у дома гости оживленно перешептывались, взбудораженные зрелищем, которое устроил для них лорд Тривертон. В лунном свете сверкали бокалы с вином; в высоких стаканах искрился джин. Публика с нетерпением ждала приезда графа и графини: им хотелось поскорее увидеть убранство нового дома и начать пировать.

— Говорят, он весь залит светом лампочек. Тривертон установил что-то вроде генератора. Первое электричество в протекторате.

— Я слышал, завтра будет игра в поло, — сказал кто-то в толпе. Это был Харди Акрес, управляющий крупнейшего в Найроби банка, у

которого в должниках ходили практически все поселенцы.

— Если погода позволит, — добавил мужчина, стоящий рядом с ним.

Все взоры обратились к ночному небу, на котором сверкали звезды и луна. Несмотря на это, некоторым гостям все же показалось, что воздух необычно влажен. Не было ли это предвестником бриза? Все, что требовалось для счастья жителям протектората, это хороший ветер, который бы сдвинул тучи с вершины горы Кения и принес долгожданный дождь.

— А вот и они! — раздался голос.

Валентин Тривертон понимал, что в Британской Восточной Африке хороший вкус можно было с легкостью заменить зрелищностью, что он с успехом и делал: это было одной из прелестей жизни в протекторате. Как и другие, Тривертон оказался во власти экваториального солнца: стиль превратился в показуху, торжественность — в пародию. Но все это принимали и любили. Поэтому, когда на подъездной дороге появились фургон, запряженный украшенными кисточками и бубенчиками пони, карета, убранная лентами и цветами, африканец-возничий, одетый в ливрею с гербом семьи Тривертонов и зеленый бархатный цилиндр, гости зааплодировали. Жителям Восточной Африки нравились хорошие шоу.

Все понимали, что критерии и правила здесь совершенно иные и зачастую для каждого места свои. Выходные дни, проводимые за охотой, выпивкой и стрельбой по мишеням, помогали забыть о том, что на полях гибнут посевы, что от голода и болезней умирают африканцы, что многим маячит перспектива собирать чемоданы и отправляться назад, в Англию.

«Боже, благослови лорда Тривертона», — думал каждый из собравшихся. Как и всегда, Валентин оказался на высоте положения и оправдывал ожидания своих гостей. За это они его и обожали.

Леди Роуз, вышедшая из кареты, выглядела просто потрясающе. В руках она держала букет белых лилий. Где Тривертону удалось раздобыть их в такую засуху? А волосы графини! Все женщины уже мысленно поклялись себе обрезать волосы и сделать завивку — прическу, которая вызвала большой переполох и скандал в Европе, но которая, с легкой руки леди Роуз, вдруг стала очень приличной. Поднимаясь по лестнице, она улыбалась и кивала гостям, ее волосы

сияли в свете факелов, как отполированная платина. Валентин, гордый и величественный, шел рядом с ней; он, несомненно, был самым привлекательным мужчиной в округе. Следом за ними шла доктор Грейс Тривертон, одетая более консервативно, нежели ее невестка; рядом с ней — миссис Пемброук с десятимесячной Моной на руках. Замыкали процессию сэр Джеймс и леди Дональд — лучшие друзья и самые почетные гости семьи Тривертонов.

Двое улыбающихся слуг открыли двери, и Валентин впервые ввел жену в ее новый дом.

Это была сказка! На каждом шагу Роуз поджидали маленькие сюрпризы, приготовленные мужем: в старинном комоде на высоких ножках красовался ее споудский фарфор, который почти год пролежал в ящике, в гостиной стояли красивые дедушкины часы, на стене в столовой висел портрет ее родителей, присланный втайне от нее. Но самый лучший, самый большой сюрприз ждал ее впереди: посреди гостиной, украшенная разноцветными свечами, мишурой и расписными игрушками, стояла рождественская елка. Под ней лежали сугробы искусственного снега.

Роуз была вне себя от счастья. Она повернулась к мужу и со словами «Валентин, дорогой», бросилась к нему в объятия. Они поцеловались, что вызвало бурю восторженных возгласов и аплодисментов со стороны всех гостей, за исключением слуг-кикую, которые, будучи членами племени, не знавшего, что такое «целоваться», никак не могли понять, зачем мемсаааб и бвана прижались друг к другу ртами.

Миранда Вест, приехавшая из Найроби накануне дня торжества и начавшая хлопотать на кухне еще до наступления рассвета, следила за правильной сервировкой и подачей ее шедевров. Так как не представлялось возможным усадить две сотни гостей за один стол, банкет принял форму фуршета. Еду разносили африканцы, одетые в красные, расшитые золотом жилеты, белые длинные канзу и белые перчатки. Жареные картофельные лепешки, приготовленные Мирандой, подавались к жареной газели, радужной форели, пойманной в скудеющем резервуаре Валентина, к запеченной в меду куропатке и ветчине; ячменные лепешки ели со сливочным маслом и джемом; консервированный лосось намазывался на ломтики домашнего хлеба; даже пунш был домашнего приготовления; из

хрустальных чаш с ковшиками в подходящие стаканы разливались крюшоны из известных красных вин. Еда вызвала восторженные возгласы и приступы меланхолии у истосковавшейся по дому толпе: каждый отведал кусочек старой, доброй Англии и вспомнил о том, что ему пришлось оставить ради этой новой неопределенной жизни. Здесь были даже музыканты со скрипками и аккордеоном, которые играли рождественские песни. Дом, одиноко стоявший на вершине холма, сверкал в ночи, словно королевство, оживающее раз в сто лет. Вокруг него на расстоянии многих миль трясущиеся от страха перед мраком африканцы, сидя в своих темных, продымленных хижинах, прижимая к себе детей и коз, слушали смех и музыку вацунгу. Где-то недалеко, на склоне горы, протрубил слон, словно хотел напомнить путешественникам о том, где они находились.

Гости разбрелись по лужайкам, а некоторые даже тайком взобрались наверх, чтобы взглянуть на спальни. Валентин ни на секунду не оставлял Роуз. Они казались очаровательной парой, от которой исходил невероятный магнетизм и благодать. Успехи лорда Тривертона стали в протекторате настоящей легендой; в то время как посевы других поселенцев гибли от недостатка воды, его деревца оставались сильными и зелеными. Ему даже каким-то удивительным способом удалось наладить контакт с африканцами, которые относились к нему с явным уважением и никогда не отлынивали от работы. Люди толпились вокруг графа и его красавицы-жены в надежде «заразиться» от них хоть капелькой удачи и счастья.

Грейс вышла на террасу, встала возле подстриженных кустов и взглянула вниз, на реку.

— Я думаю, твой брат превзошел сам себя, — сказал подошедший к ней сэр Джеймс. — Эта ночь будет темой для разговоров не один год.

Она рассмеялась и отпила шампанское.

— Как, черт возьми, Валентин смог позволить себе все это? — спросил Джеймс.

Грейс не ответила. Она знала, что ее брат тратил на строительство почти весь доход, получаемый с «Белла Хилл», и очень надеялась на то, что здравый смысл подскажет ему, когда следует остановиться. Имение в Суффолке не было бездонным денежным колодцем.

Мимо них прошли трое мужчин в белых смокингах, которые яркими пятнами выделялись в тусклом лунном свете.

— Когда я на сафари, — говорил один из них, — я предпочитаю спать под открытым небом. Небо служит хорошей крышей, если, конечно, эта крыша не течет!

Джеймс поднял свой бокал с бренди и улыбнулся Грейс. Она завороженно смотрела на его улыбку, на морщинки вокруг его глаз.

Один из трио, скрывшегося за живым забором, слегка глотая слова, произнес: «Я слышал, возле озера Рудольф видели слона с чудовищно огромными бивнями», после чего разговор, который становился все тише, стал вращаться вокруг охоты на слонов.

Джеймс о чем-то задумался.

— Что-то случилось? — спросила Грейс.

— Я просто вспомнил… — Он поставил бокал на краешек мраморной купальни для птиц. — Мой отец охотился за слоновой костью. Когда я подрос, он стал брать меня с собой на сафари. Я помню, что мне как раз исполнилось шестнадцать, когда мы отправились на озеро Рудольф.

Джеймс говорил, не глядя на нее; его голос казался каким-то далеким. — Это было в 1904 году. Мы шли по следу старого буйвола, которого мой отец ранил первым выстрелом. Я остался в лагере, а он пошел за ним и наткнулся на этого монстра.

Слон кинулся на моего отца, но тот даже не успел выстрелить, у него заело ружье. Он повернулся и бросился бежать, гигантская тварь ринулась за ним. По словам оруженосца, который прибежал за мной, когда слон начал настигать отца, тот резко метнулся в сторону. Слон повернул, пошел назад и попытался достать его своими бивнями. Когда я прибежал туда, то увидел, что зверь топчет его ногами. Я всадил в слона несколько пуль и повалил его, но отец был уже мертв. Этот путь домой стал для меня самым долгим. Всю дорогу я не находил себе места от волнения, думая о том, что мне придется принести эту страшную весть матери. Но, приехав в Момбасу, я узнал, что она умерла от гемоглобинурийной лихорадки. — Он посмотрел на Грейс. — Тогда-то я и отправился в Англию, чтобы жить с родственниками. Когда я вернулся в Британскую Восточную Африку, мне было двадцать два года и я был уже женат. Я купил землю в районе Килима Симба, завез айрширских коров и скрестил их с местными боранскими быками. С тех пор я не испытываю ни

малейшей тяги к охоте. — Он изучающим взглядом посмотрел на нее, а затем спросил: — Ты действительно счастлива здесь, Грейс?

— Да.

— Я рад. Люди, которые не любят Восточную Африку, не имеют права жить здесь. Это единственный мир, который я знаю. Я родился здесь и умру здесь. Те другие, — он махнул рукой в сторону шумного дома, — они преступники. Те, кто не любит эту землю, должны покинуть ее и возвратиться домой.

— Это место теперь мой дом, — тихо произнесла Грейс.

Джеймс улыбнулся и тихим голосом процитировал:

Здесь, на большой и солнечной земле,
Где справедливость и любовь — законы,
Я руку протяну тебе,
И вместе мы преодолеем все препоны.

Он замолчал. Было видно, что он хотел сказать что-то еще, как вдруг за их спинами раздался голос.

— Вот вы где!

Они повернулись и увидели стоящую в дверях Люсиль.

И снова, как уже было не раз за прошедшие десять месяцев, Грейс показалось, что она увидела на лице жены Джеймса выражение недовольства, даже боли. Но каждый раз, как и сейчас, это выражение моментально сменялось широкой улыбкой.

— Боюсь, там стало слишком шумно, — сказала она. — Кто-то даже танцует шотландскую удалую!

Джеймс рассмеялся.

— Представляете, как эти гуляки будут завтра утром вставать, чтобы поиграть в поло?!

— Уж мой брат постарается, чтобы они встали! Он целый месяц тренировал своих пони. Так что мы увидим захватывающую игру. На кого поставишь, Джеймс?

— Боюсь, — опередила его ответ Люсиль, — мы не увидим игру. Мы уезжаем рано утром.

— Уезжаете?

— Люсиль хочет поехать в методистскую миссию в Каратине на рождественское богослужение.

— Но завтра приедет отец Марио из католической миссии! Мы устроим прекрасную мессу на лужайке перед домом.

Люсиль натянуто улыбнулась.

— Я не хочу присутствовать на римской службе. Я приезжаю в Каратину только четыре раза в год, и это очень плохо. Знаешь, Грейс, было бы мудро с твоей стороны написать в миссионерское общество и попросить их прислать священника, а не сестер милосердия, о которых ты постоянно их просишь.

— Но мне нужны эти сестры, Люсиль. Очень. Как я ни старалась, я не могу заставить кикую прикасаться к больным.

— Ты подходишь к проблеме не с той стороны. Священник выкорчует из этих дикарей нелепые предрассудки и превратит их в христиан. Вот тогда-то ты и получишь столько помощников, сколько пожелаешь.

Грейс с изумлением уставилась на нее.

— Послушайте! Они играют «Тихую ночь», — сказал Джеймс.

Постепенно смех и гул голосов стих, и ночь наполнилась звуками скрипки. Вскоре весь дом и его окрестности погрузились в тишину, и только рождественский гимн, звучащий вдали от дома, летел к холодным экваториальным звездам. Несколько свинцовых туч, словно поддавшись искушению узнать, что там происходит, отделились от горы Кения и поплыли по небу.

Грейс стояла между Джеймсом и Люсиль. Они смотрели на залитые ярким светом окна дома, на большую разношерстную толпу, которую объединяла сейчас одна-единственная милая их сердцам песня. Голоса один за другим присоединялись к поющим. Некоторые даже пытались следовать мелодии. Слуги-африканцы с непроницаемыми лицами взирали на вацунгу, которые несколько минут назад кричали и буянили, а сейчас стояли смиренно, с глазами, полными печали и ностальгии.

Миранда Вест вышла из кухни и окинула взглядом гостиную. Она увидела лорда Тривертона, стоящего возле елки и поющего рождественскую песню. Его зычный баритон явственно выделялся из хора голосов. Миранда думала о новом 1920 годе, и о том, что он сулил

ей. Был только один способ сделать графа своим — дать ему то, чего он хотел больше всего на свете: сына.

Валентин волею судеб размышлял о том же, только в несколько ином контексте. Держа во время пения руку Роуз в своей руке, он думал о том, что доктор Гаэр нашел неверное решение его проблемы, посоветовав ему подсыпать в шоколад Роуз снотворное. Порошок, который он добавлял в ежевечерний шоколад, погружал Роуз в глубокий сон, а он не хотел, чтобы она спала. Он желал, чтобы она отвечала на его ласки, занималась с ним любовью. Жизнь в палатках — вот что мешало, на его взгляд, их полноценной супружеской жизни. К тому же Роуз была такой скромной и застенчивой… Но сегодняшняя ночь все поставит на свои места: сегодня они впервые будут спать в своей спальне, под балдахином фамильной кровати семьи Тривертон, и начнут нормальную супружескую жизнь.

Люсиль, стоявшая на террасе рядом с мужем и поеживавшаяся от прохладного ночного воздуха, изо всех сил старалась изгнать веселым пением таящиеся в ее душе горечь и гнев. Леди Дональд, жившая уже десять лет в протекторате, преданная жена фермера, заботливая мать, скрывала в своем сердце страшную тайну: она ненавидела Британскую Восточную Африку и проклинала тот день, когда покинула Англию.

— Мемсааб! — из-за живой изгороди до Грейс донесся взволнованный шепот: — Мемсааб!

Грейс повернулась и увидела Марио; его глаза были круглыми от страха.

— Пойдемте быстрее, мемсааб! Случилось очень плохое!

— Где? Что случилось?

— С вождем Матенге. Пойдемте же!

Грейс и Джеймс обменялись взглядами.

— Оставайся здесь, дорогая. А я пойду с Грейс, — сказал он Люсиль.

Они пошли за Марио: сначала вниз по вьющейся серпантином тропе, затем по краю леса, потом вдоль берега реки. Он вел их к дому Грейс.

— Что случилось, Марио? — спросила Грейс, когда они повернули за угол дома. — Где вождь Матенге?

— Он на заднем дворе, мемсааб.

Войдя через ворота и очутившись на территории маленького огородика, Грейс и Джеймс встали как вкопанные. Во мраке ночи они увидели распластанное на земле, среди бобов и кукурузы, тело.

— Принеси факел, Марио, — велела Грейс, подбегая к Матенге.

Молодой вождь лежал на спине; казалось, он просто спал. Грейс опустилась рядом с ним на колени и попыталась нащупать его пульс. Безрезультатно. Кожа была холодной. Джеймс, опустившийся на колени с другой стороны от лежащего мужчины, вопросительно посмотрел на Грейс.

— В чем дело? Что с ним произошло?

— Я не знаю…

Ее взгляд скользил по телу Матенге. Она не видела ни ран, ни крови. Было слишком темно, чтобы разглядеть хоть что-нибудь. Черные тучи скрыли луну.

Когда Марио принес факел и Грейс поднесла его к лицу Матенге, ее рука застыла на полпути.

— Боже мой, — вырвалось у сэра Джеймса.

Марио вскрикнул и отпрыгнул назад.

Грейс смотрела на красивого спящего человека, пол-лица которого было скрыто эфирным конусом. Она осветила факелом все тело и увидела в правой руке Матенге пустую бутылку из-под эфира.

— Боже мой, — снова пробормотал Джеймс. — Как это произошло? Кто это сделал?

Грейс взглянула на уснувшего вечным сном Матенге и почувствовала, как похолодело и одеревенело ее тело. Следов насилия не было видно: одежда в целости и сохранности; волосы, все еще уложенные на манер воинов племени масаи, аккуратными косичками лежали на лбу. Он выглядел так, будто пришел в сад и прилег ненадолго вздремнуть.

— Я не думаю, что это сделал кто-то, — медленно произнесла Грейс. — Он сам это сделал.

— Это невозможно. Кикую не кончают жизнь самоубийством.

Он посмотрела на Джеймса влажными от слез глазами.

— Он и не планировал кончать жизнь самоубийством. Он не собирался умирать. Он думал, что он воскреснет, как Марио…

— Боже милосердный, — пробормотал сраженный этим открытием Джеймс, — он хотел познать секрет силы белого человека!

— Сегодня Рождество, — всхлипывая, произнесла Грейс, — рождение нового бога. Он верил, что… — Она разрыдалась.

Джеймс подошел к Грейс, поднял ее с колен и прижал к себе. Пока она плакала на его плече, еще несколько туч отсоединились от горы Кения и, поглотив звезды, затянули собой небо. Ночь стала еще темнее.

— Это моя вина! Это я виновата!

Джеймс прижал ее к себе еще крепче.

— Это не твоя вина, Грейс! Ты не в ответе за поступки невежественных африканцев.

Она поплакала еще какое-то время, затем отстранилась от Джеймса и вытерла залитые слезами щеки. Возле ее ног лежало тело красивого, гордого вождя, чье копье отнял белый человек. Дрожа в объятиях Джеймса, Грейс посмотрела на темную фигуру и поняла, что произошло нечто более ужасное, чем гибель человека. Нелепая смерть унесла жизнь последнего истинного африканского воина. И что-то еще…

— Это повлечет за собой много проблем, как ты считаешь? — спросила она Джеймса, когда они шли назад к дому Валентина.

Джеймс считал, что нет. В гибели вождя никто, кроме него самого, повинен не был, поэтому не было причины мстить и развязывать войну против другого клана. Матенге тихо похоронят, и на его место назначат нового вождя.

Когда они зашли в дом, Харди Акрес, розовощекий плотненький банкир, одетый в костюм Санта Клауса, раздавал подарки из огромного мешка. Грейс просочилась сквозь толпу и подошла к брату, который, словно король, горделиво восседал, взирая на распределение своих даров. Каждый подарок был завернут в красивую бумагу и снабжен именной карточкой: для леди — духи, кружевные платки или серебряные расчески; для джентльменов — охотничьи ножи, шелковые галстуки или бумажники из крокодиловой кожи.

Грейс подошла к нему сзади и начала шептать на ухо.

— Не сейчас, старушка! — весело сказал он.

— Ты не слушал меня. Я сказала, что произошел несчастный случай.

— Ты врач, ты и разбирайся с этим.

Несколько забавных подарков, гуляющих по толпе, то тут, то там вызывали взрывы хохота. Затем грохот, слишком громкий для смеха, заставил всех замолчать и посмотреть наверх. Прогремел раскат грома.

— Вы же не думаете, что… — начал Харди Акрес.

— Валентин, — сказала Грейс, воспользовавшись временным молчанием толпы, — ты должен пойти со мной. Вождь Матенге…

— Куда подевался этот парень? Я же пригласил его на торжество.

— Боже милосердный, — произнес сэр Джеймс. — А его жену ты тоже пригласил?

Грейс, как и все находящиеся в комнате гости, повернула голову к входной двери. В комнате повисла гробовая тишина: две сотни пар глаз в шоке смотрели на новую «гостью».

Под хрустальным канделябром прихожей, словно статуя, стояла Вачера. Казалось, будто она просто материализовалась из воздуха. Она взирала на море белых лиц, на экзотическую фигуру из красного дерева, служащую вешалкой для шляп, на латунную подставку для зонтов. Вачера была одета для особого случая.

Кожаное платье и фартук покрывали ее сильное стройное тело. Бусы, нитка за ниткой, лежали на ее груди и плечах и поднимались по шее вплоть до самого подбородка. В ушах, которые были проколоты от мочки до верхней части, висело множество крупных колец из бус. Руки до локтей и ноги до колен были унизаны бусами, медными кольцами и кожаными браслетами с нашитыми на них раковинами каури. Нитки бус крест-накрест пересекали лоб; медные обручи обрамляли черный бритый череп; в центре лба до переносицы свешивался унизанный тремя бусинками тонкий кожаный шнурок. Ее большие миндалевидные глаза смотрели на остолбеневшую толпу.

Оправившись от первоначального шока, Валентин резко поднялся:

— Какого черта она здесь делает?

Вачера сделала шаг вперед, и толпа расступилась.

В эту минуту Грейс увидела маленького мальчика, Дэвида, сына Матенге, полностью обнаженного, если не считать нитки бус, вцепившегося в руку матери.

Валентин жестом приказал слугам вывести непрошеную гостью, но те даже не шелохнулись. Несмотря на христианские имена и беглый английский, несмотря на перчатки белого человека, которые они

носили, слуги были и оставались кикую, которые до смерти боялись знахарку клана.

— Чего ты хочешь? — наконец произнес Валентин.

Вачера направилась к нему. Когда до Валентина осталось всего несколько футов, она остановилась и впилась в него взглядом.

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга, затем лорд Тривертон медленно сел.

«Несомненно, — думал он, — это уже не та робкая и неуверенная в себе девушка, которая приходила к нему в лагерь, униженно кланялась и предлагала дары». Валентин прищурился и окинул взглядом комнату. Где же ее бабка?

Вачера заговорила, и теперь это было не робкое бормотание, а речь гордого и уверенного в себе человека. Вачера произнесла слова на языке кикую: из присутствующих ее понимали только несколько человек, поэтому Джеймс взял на себя роль переводчика.

— Ты осквернил священную землю, — сказала знахарка. — Ты уничтожил дом наших предков. Ты совершил злодеяние против бога света. И за это ты будешь наказан.

— Что, черт возьми, она несет? — в недоумении спросил Валентин.

Вачера продолжала:

— Я призываю духов ветра. — Она сняла с пояса божественную бутыль, в которой лежали священные магические амулеты, собранные безымянной прародительницей много веков назад, и с шумом потрясла ее. — Предки наложили таху на это греховное место! — Она повернулась, потрясла бутылкой в направлении всех углов комнаты и произнесла: — Злые духи живут там. И там. И там. — Она подняла бутыль над головой. — И под крышей. До тех пор, пока эта земля не вернется к Детям Мамби, ты будешь знать лишь болезни, бедность и горе. До тех пор, пока эта земля не вернется к Детям Мамби, хамелеон будет приходить в этот нечистый дом.

— Хамелеон! — воскликнул Валентин, в нетерпении ерзая на стуле. Если слуги сейчас же не уберут эту женщину, то, Бог свидетель, он сделает это сам.

Джеймс пояснил:

— Для кикую хамелеон является символом самого большого несчастья. Приглашая хамелеона в твой дом, она желает тебе…

— До тех пор, пока эта земля не вернется к Детям Мамби, — произнесла она зловещим голосом, — твои дети будут пить росу.

— А что, черт возьми, эта чушь означает?

— Это пословица кикую. Выпить росу означает сгинуть.

— Все, — сказал Валентин, вставая. — С меня довольно. Убирайся из моего дома.

— Таху! — закричала Вачера. — До тех пор, пока эта земля не вернется Детям Мамби, на тебе и твоих потомках будет лежать проклятье!

— Я сказал, убирайся! — Он огляделся. — Куда, черт возьми, делся Матенге? Я думал, эти люди держат своих женщин в узде! Вы, там! — Он обратился к двум насмерть перепуганным африканцам. — Покажите этой женщине, где здесь выход.

Но мужчины не тронулись с места: они были скованы страхом. Завтра утром они планировали быть как можно дальше от этого дома, на котором лежало таху.

— Очень хорошо! — взревел Валентин. Он решительным шагом направился к Вачере и протянул руку, чтобы схватить ее за плечо. В этот самый момент дом содрогнулся от сильнейшего раската грома. Через несколько минут по крыше застучали капельки дождя.

— Эй! — воскликнул один из гостей. — Дождь пошел!

Толпа ринулась к окнам и дверям, а затем высыпала на улицу, прямо под ливень. Люди подставляли лица и руки под долгожданную влагу, обнимали друг друга и вопили от восторга.

Дождь барабанил по крыше и стучал по окнам, наполняя влагой обезвоженную долину.

— Ну и ну! — триумфально воскликнул Валентин. Он стоял с Вачерой лицом к лицу, ноги на ширине плеч, руки на поясе. — Если это и есть твое проклятье, то я не имею ничего против! — Он запрокинул голову и рассмеялся. Затем резко развернулся, взял за руку Роуз и повел ее на веранду к веселящейся под дождем толпе.

Только сэр Джеймс и Грейс остались в доме, а также малышка Мона в своем высоком стульчике. Вачера одарила всех троих долгим взглядом, затем повернулась и пошла прочь, крепко держа за руку Дэвида.

— Подожди! — остановила ее Грейс. — Мне нужно тебе что-то сказать. Это касается Матенге.

Вачера остановилась и смерила Грейс уничижающим взглядом.

— Мой муж умер, — произнесла она на языке кикую, и, хотя она не добавила: «И ты убила его», это можно было прочесть в ее глазах.

Завтрашнюю игру в поло и охоту на лис придется отменить: поле, на котором стояли гостевые палатки, превратится к утру в грязевое болото по колено глубиной; для тех, кто жил далеко от плантации Валентина, поездка домой будет практически невозможной и чертовски неприятной. Но никто не выражал неудовольствия. Наконец-то начался столь долгожданный дождь: он лил так рьяно, так беспрерывно и так беспросветно, что ни у кого ни осталось ни малейшего сомнения в том, что урожай и капиталовложения будут спасены.

Грейс вернулась домой и обнаружила, что тело Матенге утащили дикие звери. «Что ж, — с грустью подумала она, — он и сам, скорее всего, предпочел бы такой исход».

Она спала в кровати вместе с прижавшейся к ее шее Шебой, большой, храпящей самкой гепарда. Сэр Джеймс и Люсиль комфортно разместились в одной из гостевых комнат большого дома, впрочем, как и губернатор, а также лорд и леди Деламер. Остальные две сотни гостей вынуждены были ночевать в блаженном неудобстве протекающих палаток и сырых хижин. Только один человек остался недоволен таким исходом вечера: леди Роуз, сидящая за туалетным столиком и расчесывающая свои недавно обрезанные волосы, была очень озадачена.

После безумного веселья под дождем они с Валентином пожелали гостям спокойной ночи и удалились на второй этаж, где их ждала горячая ванна. Она была приятно удивлена, увидев, с каким вкусом и толком Валентин обставил и украсил верхний этаж дома: ванны с кранами для холодной и горячей воды, водопровод, керамическая сантехника, турецкие ковры на кедровом полу, картины и фотографии на стенах. Здесь было так уютно, так по-домашнему, особенно сейчас, когда за окном бушевала непогода. Но все же…

Роуз чувствовала неясное беспокойство. Валентин, напевая какую-то мелодию, принимал ванну. Он привел ее в эту спальню и сказал, что скоро присоединится к ней. Здесь Роуз увидела свои распакованные чемоданы, развешанные и разложенные по местам

вещи, лежащую на туалетном столике косметику. Несомненно, это была ее спальня. Тогда где же спальня Валентина?

Он вышел из ванной комнаты в шелковой пижаме с монограммой и халате, его мокрые черные волосы кудрявились надо лбом.

— Счастливого Рождества, дорогая, — сказал Валентин, вставая у нее за спиной. — Ты хорошо провела время?

Роуз взглянула на его отражение в зеркале. Сквозь шелковый пеньюар она почувствовала тепло его тела. Каким красивым он был, каким совершенным. «Прежде чем лечь спать, позволю ему немного пообнимать себя».

— Все было чудесно, Валентин. Даже лучше, чем я могла мечтать. Только вот этот дождь нарушил все наши планы на завтра. Я с таким нетерпением ждала завтрашнего обеда на лужайке. Миссис Вест собиралась устроить нам королевское чаепитие.

Он положил руки ей на плечи.

— Этот дождь нужен нам до безумия, дорогая. Теперь скот сэра Джеймса не умрет, наш кофе не погибнет от засухи, а мистеру Акерсу не придется лишать должников права выкупить свое заложенное имущество. — Валентин обошел ее и опустился рядом с ней на колени. — У меня есть для тебя подарок, — сказал он.

В ее глазах блеснул огонек. Шампанское, высота…

Он вручил ей маленькую коробочку, обернутую красивой бумагой. Роуз тут же развернула ее, открыла и восторженно вскрикнула, увидев ожерелье из изумрудов и жадеита.

— Сокровища четырех континентов понадобились, чтобы сделать его, — сказал ей муж. — Тебе нравится?

Роуз обвила руками шею мужа.

— Валентин, дорогой! Оно изумительно! А я еще не упаковала твой подарок. Я планировала подарить его тебе только утром.

— Это может подождать. — Он обнял ее за талию. — Ты счастлива?

Она уткнулась лицом в его шею.

— Это самый счастливый день в моей жизни. Дом просто чудо, Валентин. Спасибо.

Он готов был кричать от радости. Все шло именно так, как он и планировал. Все эти долгие месяцы тяжкого труда, бесконечного надзора за ленивыми африканцами, удручающе длительных поездок в

Найроби, неукротимого вожделения к своей жене, желания обладать ею…

Его губы нашли ее.

Валентин поцеловал ее нежно и целомудренно, Роуз не имела ничего против такого поцелуя. Когда же его поцелуй стал более страстным и требовательным, она отодвинулась и рассмеялась.

— Сегодня был такой день, дорогой! Я очень сильно устала.

— Тогда пошли в постель.

Он откинул с кровати покрывало, свернул к подножию стеганое пуховое одеяло и наклонился, чтобы снять с Роуз домашние туфли. Она села на краешек кровати и томно вздохнула. «Как могло случиться, — думала она, — что я вышла замуж за человека, о котором мечтала с детства? Он такой галантный, такой учтивый, настоящий рыцарь в блестящих доспехах».

Он снял с нее халат и повесил его на спинку стула.

— Дорогой, что ты делаешь? — спросила она.

— Я знаю, у меня вошло в привычку засиживаться допоздна после трудного дня, — сказал он, откидывая покрывало с другой стороны кровати. — Но сегодня я сделаю исключение.

Роуз сидела на кровати, натянув простыню до самого подбородка. Она понятия не имела о его привычке засиживаться допоздна; за последние десять месяцев они с Валентином вообще редко видели друг друга в вечернее время. Единственное, что ее сейчас беспокоило: почему он ложится в ее постель?

— Я действительно очень устала, — осторожно сказала она. — Может быть, тебе лучше пойти в свою спальню?

Он рассмеялся.

— Дорогая, это и есть моя спальня. Она смотрела на него во все глаза.

Валентин стоял возле кровати и не отводил от нее взгляда.

— Когда мы жили в палатках, иметь раздельные спальни было разумным решением. Но сейчас мы в своем собственном доме, дорогая. И мы женаты.

— Ох, — вырвалось у Роуз.

— Все будет хорошо, — с нежностью в голосе произнес Валентин. — Вот увидишь. Просто нам нужно снова привыкнуть друг

к другу. И все будет как прежде, как тогда, когда мы жили в «Белла Хилл».

«Белла Хилл»! Роуз вжалась в подушку. В «Белла Хилл» он надругался над ней, унижал, и она ненавидела его за это. Эти десять месяцев, что они прожили в Британской Восточной Африке, исправили положение дел. Наверняка он не собирался… Наверняка Грейс все объяснила ему…

— Что случилось? — спросил Валентин. Он протянул руку к Роуз, чтобы дотронуться до нее, но та в ужасе отпрянула. Где-то вдалеке прогремел раскат грома.

— Я думала, у тебя будет своя, отдельная спальня.

Он увидел, как исказилось от страха ее лицо, как сжалось ее тело. Гром ударил еще раз, и дом содрогнулся. «Боже, — подумал Валентин, — опять! Опять то же самое!»

— Роуз, ты должна уяснить, что я твой муж, а не брат или дядя. Я имею право спать с тобой в одной постели.

Роуз начала бить дрожь. Ее глаза расширились от ужаса, как у газели, которую он собирался подстрелить. Он видел этот взгляд много раз во время охоты и не заслуживал того, чтобы лицезреть его в своей собственной спальне.

— Проклятье, Роуз! — выругался Валентин, хватая ее за руку.

— Нет! — крикнула она.

— Роуз, что, черт возьми…

— Нет! Пожалуйста… — В ее глазах заблестели слезы.

— Ради Бога, Роуз.

— Оставь меня!

Ударившая рядом с домом молния озарила комнату. Роуз была бледна как привидение, кожа под его пальцами стала холодной. Снова ударил гром, на этот раз значительно ближе. Воздух наэлектризовался: казалось, ураган каким-то образом проник в комнату. Валентина захлестнула волна злости и желания.

— Я больше не собираюсь этого терпеть! — прокричал он. — После рождения ребенка прошло десять месяцев. С тобой все в порядке.

Она высвободилась и попыталась убежать, но Валентин схватил ее и бросил на кровать. Одной рукой он прижал ее к кровати; второй

разорвал пеньюар. Треснувший шелк обнажил ее белое тело, и Роуз снова закричала.

— Кричи, — прорычал он. — Пусть твои чертовы друзья обо всем узнают. Мне наплевать на это.

Она боролась, пытаясь вырваться. Высвободив одну руку, она вцепилась ему в шею.

— Я хочу то, что принадлежит мне по праву, — четко проговорил Валентин. — И если ты не дашь мне этого, я возьму сам.

Небо над горой Кения пронзила молния, осветив на секунду скалистую вершину неприступного жилища Нгая. Стены и фундамент дома Валентина пошатнулись; деревья в лесу, высокие эвкалипты, окружающие маленькую полянку Роуз, неистово застонали. Ураган обрушился на имение Тривертонов как наказание: дождь вымывал почву, топил слабенькие кофейные деревья, обращал реку в бешеный поток, который сметал все на своем пути.

Вачера, знахарка племени кикую, сидела в хижине, которой предстояло быть ее домом в течение последующих семи десятилетий, и смотрела на окна дома белого человека. В одном из них на втором этаже свет погас.

Часть вторая
1920

13

— Превосходно! — произнесла Одри Фокс, проверяя мыло, которое сварила в горшке: оно было сухим и холодным. — Нас наконец-то узаконили! Отныне мы не протекторат, а настоящая колония! Конечно, мне не очень нравится название, которое ей дали: Кения. Кажется, на языке местного племени это слово означает «страус», да? Не поэтому ли они назвали гору Кенией, что она похожа на самца страуса? Мне больше по душе, если бы нас назвали Британской Восточной Африкой: это звучит как-то по-британски. Кения — слишком уж африканское название.

Мэри Джейн Симпсон, которая держала своего извивающегося ужом сына, пока Грейс осматривала его ухо, поддержала подругу, а затем закричала:

— Лоуренс! Говорю тебе в последний раз: оставь этого кота в покое!

Они сидели на кухне Люсиль Дональд на их ранчо на Килима Симба — пятеро женщин и целая свора шумных детей. Миссис Фокс катала шарики из мыла, которое она варила все утро из бараньего жира и золы банановых листьев, а Сисси Прайс проверяла пеленки двух малышек, играющих в детском манеже. Мона была сухой, а Гретхен — мокрой. Расчистив на заставленном кухонном столе небольшое пространство, Сисси положила Гретхен на стол и начала менять ей пеленки. Несмотря на холодный июньский день, в кухне было очень жарко, и лица всех пяти женщин блестели от пота.

— Это поможет, — сказала Грейс, окуная вату в кунжутное масло и запихивая ее в ухо мальчика. Отныне, Мэри Джейн, следи за тем, куда он засовывает свою голову.

Переходя к другому ребенку, Грейс не смогла удержаться, чтобы не бросить быстрый взгляд из окна кухни. Сэр Джеймс еще не вышел из коровника.

Утром он сообщил ей, что у него есть для нее сюрприз, нечто особенное, что он хотел бы показать ей, и попросил ее не уходить сразу домой, а подождать его. Однако потом прибежал рабочий, который сказал, что одна из коров никак не может отелиться, и Джеймс

умчался в коровник, оставив Грейс гадать, что же за сюрприз он ей приготовил.

— Статус колонии существенно облегчит нашу жизнь, — произнесла Люсиль.

Она месила тесто и раскладывала его по формам для выпечки. Вечером, когда ее гостьи соберутся по домам, каждая из них уедет со свежеиспеченным хлебом. Она, в свою очередь, получит немного домашнего мыла от Одри Фокс, а также немного шерсти, которую привезла со своей овцефермы Мэри Джейн Симпсон, чтобы обменять ее на хлеб, мыло и медицинские услуги. Грейс приехала со своим медицинским саквояжем.

Следующим в очереди на оказание врачебных услуг был малыш Рональд Фокс, подцепивший песчаных блох.

— Раньше, — сказала Люсиль, проверяя температуру печи, — роль врача играл мальчик-поваренок. Он был большим спецом по части вытаскивания блох.

— Я бы лучше умерла! — заявила молоденькая Сисси, которая приехала в провинцию Наньюки всего месяц назад и уже отчаянно желала вернуться в Англию. Так же как и две другие женщины, прибывшие вместе с ней на ранчо Дональдов, Сисси приехала в Африку вместе с мужем, который был награжден правительством дарственной на землю. Ведомый мечтами и иллюзиями, он посадил свою семью в крытый фургон и привез ее сюда, в Британскую Восточную Африку, где им приходилось сейчас отчаянно бороться за свое существование на ферме. Такие сборища и посиделки — типичные для жителей Кении — были для них единственным видом развлечения и общения и давали возможность обмениваться друг с другом товарами, которые они производили или имели в изобилии.

Сисси поменяла пеленки Гретхен и посадила ее обратно в манеж, где обе девочки, шестнадцати и тринадцати месяцев от роду, тихо играли.

— А что вы делаете в чрезвычайной ситуации, по-настоящему чрезвычайной? — спросила Сисси.

— Молимся, — ответила Люсиль, ставя формы с тестом в печь.

Грейс, занятая ногой Рональда, практически не обращала внимания на разговор. Женщины, казалось ей, говорили хором, дети

вопили, орали и бегали по дому, играя в «стрелялки». Одним словом, царил настоящий бедлам, а Грейс нужно было подумать.

С самого утра ей не давали покоя свалившиеся на нее проблемы.

Прошедшая неделя изобиловала различными церемониями и торжествами, устраиваемыми в честь провозглашения Кении Британской колонией. Валентин и Роуз, словно королевские особы, присутствовали в Найроби на всевозможных мероприятиях, кульминационным из которых было торжественное открытие бронзовой статуи короля Георга V, подаренной колонии Валентином. Затем была неделя скачек, охоты, вечеринок и выступлений.

В Найроби Валентин с женой останавливались в отеле «Норфолк».

Номера тем не менее брали раздельные. Чтобы как-то объяснить это окружающим, они придумали целую легенду: якобы Роуз поняла по ночам приступами астмы и не хотела мешать мужу спать. Все принимали это объяснение с понимающим и сочувствующим видом. В Восточной Африке сохранить что-либо в секрете было практически невозможно. Когда Роуз поняла, что забеременела после той рождественской вечеринки в их доме, то в течение недели об этом узнали все, даже те, кто жил в Танганьике. А когда спустя три месяца она потеряла ребенка, это тоже стало достоянием гласности, включая и тот факт, что ребенок был мужского пола. После этого по Африке пошли слухи о том, что в силу сложившихся обстоятельств граф и графиня предпочитают спать порознь.

— Скажи ему, Грейс, — произнесла еще не оправившаяся от выкидыша Роуз. — Скажи Валентину, чтобы он больше не прикасался до меня. Никогда. — Роуз умоляла ее об этом уже не в первый раз, но впервые она говорила об этом на удивление честно и открыто. — Я нахожу эту обязанность отвратительной. Теперь я понимаю, почему спальню называют комнатой хозяина. Радуйся, что ты не замужем, Грейс.

Что Грейс могла ответить на это? Что она думала совершенно иначе? Что она мечтала о том интимном контакте, который происходил между любовниками? Что в своих фантазиях она занималась любовью с сэром Джеймсом? Роуз никогда бы этого не поняла.

Перевязывая палец Рональда, Грейс снова бросила украдкой взгляд в окно.

— Как идут дела в клинике, Грейс?

Отослав Рональда играть с остальными детьми, строго-настрого наказав ему носить на улице обувь, Грейс начала приводить в порядок свои инструменты. Сегодняшний визит обошелся без серьезных происшествий: она дала бутылочку аспирина страдающей периодическими болями Сисси; быстро осмотрела горло двенадцатилетнего Генри, которое болело, на ее взгляд, не от болезни, а от чрезмерного оранья; принесла лосьон для потрескавшихся рук Люсиль; проверила, как протекает беременность Мэри Джейн; выслушала несколько незначительных жалоб от детей. Она закончила свои дела и теперь могла собираться и идти домой. Но Джеймс просил ее подождать. У него был сюрприз для нее.

— Дела хорошо идут, спасибо, — ответила Грейс, заканчивая мыть свои инструменты.

Иногда Грейс думала о том, замечают ли женщины, каким замкнутым человеком она была, что она никогда не участвовала в их женских разговорах. Они сидели на кухне и говорили о менструации и детях, о проблемах в спальне и супружеских тайнах, о странных снах, о предчувствиях и предостережениях; они пили чай, обсуждали погоду и сравнивали болезни своих детей.

Во время таких разговоров Грейс в основном молчала, если же и принимала в них участие, то только как врач. Она никогда не говорила о своих личных переживаниях и чувствах. Возможно, они не ждали от нее этого и относились к ней как к доктору и советчику, а не как к приятельнице. А быть может, все объяснялось гораздо проще: у нее не было ни мужа, ни детей.

«Я могла бы рассказать вам о многих вещах, — думала она, вытирая инструменты и складывая их в саквояж. — Я могла бы рассказать вам о солдатах, которых встречала на военных кораблях, и о признаниях, которые она делали, о предложениях, которые я получала, о галантных офицерах, которые стучались по ночам в дверь моей каюты. Я могла бы рассказать вам о своих мечтах и нуждах, о своем одиночестве. О любви, которая растет и крепнет во мне, словно нежеланный ребенок, — любви к мужчине, который никогда не станет моим».

Было ли чувство, которое она испытывала к сэру Джеймсу, любовью? Грейс думала об этом днями и ночами, пытаясь

определиться в своих ощущениях. Радость от его прикосновений, постоянные мысли о нем, чтобы она ни делала, еканье сердца, когда он неожиданно появлялся перед ее глазами… Было ли это признаками любви? Или это лишь результат ее одиночества, неудовлетворенных желаний? Если второе, если она была всего лишь неудовлетворенной старой девой, то, пожалуй, ей стоило принять ухаживания какого-нибудь из мужчин, проявляющих к ней интерес. Некоторые из них были настоящими очаровашками, возможно, она даже могла бы влюбиться. Однако единственным мужчиной, о котором она могла думать, был сэр Джеймс.

Она бросила взгляд на свою левую руку, на сверкающее на ней колечко с бриллиантом. Все женщины, несомненно, заметили его, но Грейс не считала нужным объяснять им что-либо. «Пусть гадают, — думала она. — По крайней мере это кольцо — свидетельство того, что и меня однажды желал мужчина».

Грейс уставилась на руку и задумалась. Откуда у нее было такое чувство, что она носит это кольцо в качестве флага, которым размахивает перед жалеющими ее людьми? Неужели это действительно так?

— Как идут дела на плантации графа, Грейс? — спросила Мэри Джейн Симпсон, чей муж владел мясной фабрикой.

«Неужели я ношу это кольцо? — Грейс накрыла левую руку правой и закрыла глаза. Кажется, скоро она будет бояться собственных мыслей. Неужели я ношу это кольцо в качестве брони, как защиту от той мысли, что сэр Джеймс никогда не посмотрит на меня как на женщину?»

— Грейс?

Она подняла глаза и увидела одутловатое из-за беременности лицо Мэри Джейн, ее выцветшее широкое платье, в котором она ходила уже седьмую беременность. На долю секунды, сама не зная почему, Грейс возненавидела ее.

— Дела на плантации идут хорошо, — ответила она.

— Я слышала, рождественский ливень уничтожил большую часть посадок.

— Да, но Валентин купил новую партию саженцев и сразу же посадил их. На самом деле, дела идут даже лучше, чем мы ожидали.

— Очень странно, — сказала Люсиль, подбрасывая в печь дрова, — если учесть то проклятие, которое наслала на его дом та знахарка.

— Ой, Люсиль! — воскликнула Сисси. — Неужели ты веришь в это?

— Та женщина — посланец Сатаны. Попомните мои слова, — без тени улыбки произнесла Люсиль.

В памяти Грейс всплыла круглая хижина, стоявшая на южном краю поля для игры в поло. В течение девяти месяцев, прошедших после первого сноса хижин и переезда семьи Матенге за реку, молодая знахарка проявляла нечеловеческую стойкость. Когда она в очередной раз отстроила свою хижину после рождественского открытия дома, Валентин попросил власти что-нибудь сделать с ней. Офицер Бриггс с двумя аскари выдворили Вачеру за реку и сожгли ее хижину. На следующее утро она вернулась назад и начала заново строить ее. Разгневанный Валентин решил изолировать вдову Матенге и приказал возвести вокруг поля для игры в поло высокий забор из металлических звеньев. В конечном счете он принял решение игнорировать ее, посчитав, что участвовать в играх с африканской знахаркой ниже его достоинства.

Грейс же не могла игнорировать Вачеру Матенге. Несмотря на возрастающую популярность клиники Грейс, Вачера продолжала заниматься магией и, на взгляд Грейс, колдовством и выдавать это за медицину. Тот факт, что вождь Матенге принял белого доктора, повлиял на некоторых африканцев, и они начали обращаться за медицинской помощью к Грейс. Однако большинство людей упорно продолжали ходить со своими проблемами к знахарке. Грейс боялась, что до тех пор, пока Вачере будет позволено заниматься, как называла это Грейс, Мамбой-юмбой, африканцы будут оставаться невежественными и темными. Она даже начала требовать от властей официально запретить знахаркам заниматься лечением людей.

Задняя дверь с грохотом раскрылась, и на пороге кухни возникли двое взлохмаченных мальчишек.

— Ма, телка родилась! — закричали они, хватая грязными руками остывающие на противне пирожные с джемом.

— Ведите себя прилично, — сказала Люсиль. — Посмотрите, кто к нам пришел.

— Привет, тетя Грейс, — сказали восьмилетний Джеффри и пятилетний Ральф, запихивая в рот пирожные. Они несколько минут рассеянно бродили среди женщин, а затем с яростными криками понеслись по дому.

— Дикари, а не дети, — сказала Люсиль. — Жду не дождусь, когда мы отправим их в европейскую школу в Найроби. Иногда они меня очень тревожат. У меня нет времени, чтобы заниматься их воспитанием. Я же не могу делать все одновременно.

— Мальчики как мальчики, — произнесла Сисси.

Люсиль опустилась на стул и рукой, выпачканной в муке, откинула с лица волосы.

— Джеймс уходит еще до рассвета и возвращается домой, когда мальчики уже спят. Я весь день вожусь с Гретхен и пеленками, к тому же на мне домашнее хозяйство. Мы не можем выращивать здесь овощи, в почве слишком много соды, а вода годна лишь для скота, а не для посевов. Поэтому мне приходится садиться в фургон и ехать на ближайший рынок, где они дурят меня, как ребенка.

Женщины молчали: в словах Люсиль они слышали свои собственные истории.

— Вы знаете, чем я занималась в Англии? — тихим голосом спросила Люсиль.

Все подались вперед. Здесь люди редко говорили о своей прошлой жизни, о том, что они делали до того, как приехали в Восточную Африку, словно до Кении у них не было никакой жизни.

— Я владела маленьким магазинчиком в Воррингтоне. — Ее голос стал еще тише, взгляд тоскливым. — Я продавала ленты и нитки. Торговля не приносила мне больших доходов, но обеспечивала приличную и комфортную жизнь. Над магазинчиком у нас была небольшая квартирка, где жили мы с мамой. Я встречалась с парнем, который работал клерком на металлургическом заводе. У нас была тихая и размеренная жизнь, с ежевоскресными походами в церковь, чаепитиями с викарием и просаживающим на тотализаторе каждую лишнюю гинею Томом.

Грейс уже слышала историю о том, как изменилась жизнь Люсиль, после того как Джеймс Дональд переступил порог ее магазина. Она без памяти влюбилась в него и поехала за ним в Африку.

Когда бы Люсиль ни рассказывала об этом, Грейс всегда слышала в ее голосе нотки сожаления.

«Знал ли об этом Джеймс?» — думала Грейс. Глядя на понурые плечи и безжизненно лежащие руки Люсиль, она думала сейчас и о том, знал ли он, какой уставшей выглядит в последнее время его жена.

— Как бы там ни было, — произнесла Люсиль, поднимаясь со стула и возвращаясь к горячей печи, «фермерская жизнь — это честная и праведная жизнь, на которую нас всех благословил милосердный Господь.

Последние слова напомнили Грейс об одной из ее проблем: письме, лежащем в ее кармане.

Оно пришло неделю назад. Уведомление из миссионерского общества Суффолка, в котором говорилось о том, что все денежные субсидии прекращаются до полной инспекции ее миссии.

Дверь снова распахнулась, и на пороге на этот раз возник сэр Джеймс. Он снял с головы широкополую шляпу, сбил с ботинок грязь и сказал:

— Здравствуйте, леди. — Когда его взгляд упал на Грейс, его улыбка стала еще шире. — Ты здесь. Я надеялся, что ты еще не ушла. Я хочу тебе что-то показать.

Они вышли на улицу и вдохнули освежающий холодный воздух. За парочкой деревьев, защищающих дом, широкая саванна, зеленая после продолжительных дождей, тянулась к голубеющим вдали горам. На огромных пространствах свежей зеленой травы пасся скот; работники, напевая, обрабатывали поля с кормовыми культурами. Небо было пронзительно голубым и чистым, только над вершиной горы Кения висели несколько белых пушистых облачков. Грейс почувствовала, как ее душа воспарила к бледно-желтому солнцу.

Она шла рядом с Джеймсом и мечтала о том, чтобы это происходило каждый день ее жизни.

— Мальчики оповестили нас о рождении теленка, — сказала она.

— Да, одна из наших молочных коров отелилась. Они всегда требуют к себе повышенного внимания во время отела. Теленок шел задними ногами вперед; я его перевернул, и все обошлось без проблем. Слава богу, у меня самый лучший скотник в протекторате.

— Ты не слышал? Мы уже колония.

Он рассмеялся.

— Да, я и забыл. Мне понадобится целая вечность, чтобы привыкнуть к этому. Для меня так король Эдуард все еще жив и царствует!

По дороге от дома до молочной Грейс то и дело окликали и приветствовали пастухи и работники фермы. Все знали ее: она была частой гостьей на Килима Симба. Приезжая в гости к Люсиль или привозя Джеймсу микроскоп, она часто оказывала некоторым из них медицинскую помощь. На ферме Дональдов царили шум и суета: слева от нее работники прогоняли через помывочную зону мясной скот; справа топтался молочный — выстроенные в ряд коровы ожидали начала доения. В небольших загонах резвился молодняк; в кормушки накладывали сено; трое африканцев пытались справиться с норовистым гернзейским быком. Килима Симба была одной из крупнейших животноводческих ферм в Кении; она снабжала мясом и молочными продуктами большую часть Восточной Африки. Но несмотря на это, Джеймс Дональд, как и многие другие фермеры, продолжал ходить у банка в должниках.

— Смотри под ноги, — сказал он, беря ее под руку.

— Что ты хотел мне показать?

— Увидишь!

— Ты такой таинственный.

— Это сюрприз. Что-то, над чем мне пришлось немного поработать. Не хотел говорить тебе об этом раньше, ждал, пока закончу. Думаю, тебе это понравится.

Они обогнули угол молочной, где на грузовик Джеймса грузили бидоны с молоком, которым предстояло отправиться на рынки Найэри и Каратины.

— Это здесь, — произнес Джеймс, открывая дверь в молочную. — Будь осторожна: тут скользко.

Внутри маленького каменного здания было прохладно и темно. Джеймс прошел через все помещение к другой двери, которая вела в пристроенный к молочной сарайчик с бревенчатыми стенами и крышей из рифленого железа. Два окна пропускали солнечный свет и свежий воздух; грязный пол покрывал старый ковер. Онемевшая Грейс стояла посредине маленького, шесть на шесть футов, помещения.

— Я тебя удивил? — спросил Джеймс.

— Да…

Две стены от пола до потолка были увешаны полками; возле третьей стоял верстак. Каждый пятачок был заставлен банками и коробками, бутылками и книгами. Верстак смахивал на аптекарский: на нем находились куча пробирок, сосуды для выращивания микроорганизмов, баночки с химикатами; а в центре всего этого великолепия возвышался блестящий новенький микроскоп.

— Ну, что скажешь?

Комната была такой маленькой, не больше чулана, что Джеймс стоял практически вплотную к ней.

Грейс обвела комнату взглядом.

— Просто замечательно.

— Потребовалось немного времени, чтобы собрать все это, — сказал Джеймс, проводя рукой по гладкой поверхности верстака и любовно касаясь предметов лабораторного оборудования, словно они были священными реликвиями. — Доставку ждал целую вечность. Веришь или нет, но большая часть оборудования пришла из Уганды. У них весьма развита научно-исследовательская деятельность.

— Ты молодец, — тихо произнесла Грейс, думая обо всех тех моментах, произошедших за последние четырнадцать месяцев, когда она, получив от Джеймса послание, в котором он просил одолжить ему микроскоп, бросала все, вскакивала на лошадь и мчалась к Килима Симба, где он ждал ее с широкой улыбкой на лице и бесчисленными словами благодарности. В течение часа они стояли, склонившись над предметным стеклом микроскопа; затем диагностировали последнюю напасть, поразившую его скот; и, наконец, в течение еще одного часа, самого замечательного времени, сидели перед потрескивающим огнем и потягивали бренди. Грейс жила этими встречами.

— Мир совершенствуется, Грейс, — продолжал он. — Дни животноводческих ферм, управляемых по старинке, прошли. Сегодня всем этим нужно управлять с помощью микроскопа и шприцев для подкожных вспрыскиваний. Я же не могу постоянно пользоваться твоими.

— Я не возражаю.

— Я знаю. Ты очень добра. Но теперь у меня есть своя лаборатория, и я больше не буду донимать тебя своими просьбами.

Грейс молчала. Она стояла, повернувшись к нему спиной, наблюдая через окно за тем, как пастухи метили уши только что

привитых коров.

Джеймс стоял так близко, что она чувствовала тепло его тела.

— Грейс, — тихо окликнул он ее. — Тебя что-то беспокоит?

— Нет, — ответила она слишком поспешно. Затем добавила: — Вообще-то, да.

— Что случилось?

— Ничего такого, с чем бы я не смогла справиться.

Он положил руки ей на плечи и развернул лицом к себе. За исключением тех кратких моментов, когда она плакала в его объятиях — над телом бедняжки Матенге и в хижине Гачику, после кесарева сечения, — Грейс никогда не находилась в такой близости от Джеймса.

— Ты такая скрытная, Грейс, — произнес он с легкой улыбкой на лице. — Никогда ни с кем не поделишься своими проблемами. Думаешь, тебе так лучше?

— Я делюсь ими со своим дневником. Когда-нибудь, после моей смерти, кто-нибудь найдет его, прочитает и не на шутку озадачится.

— Расскажи мне о своих проблемах, Грейс.

— У тебя и своих хватает.

— Получается, тебе не нужны друзья?

Его руки по-прежнему лежали у нее на плечах; как бы ей хотелось, чтобы они лежали там вечно.

— Что ж, хорошо, — ответила она, вынимая из кармана юбки письмо. — Ты знаешь, что я писала в миссионерское общество в Суффолк и просила их прислать мне квалифицированных медсестер. Каждый месяц эта организация выдает мне чек на небольшую сумму, которую составляют пожертвования из различных приходов в окрестностях «Белла Хилл». Эти деньги плюс три сотни фунтов, которые я ежегодно получаю от правительства, и мой собственный доход от наследства — вот все, что поддерживает на плаву мою клинику. Но из-за сложной экономической ситуации и нескольких неудачных капиталовложений моего отца мой доход с его имущества значительно сократился. Я и так не знала, как буду сводить концы с концами, а тут еще пришло это письмо.

Джеймс взял протянутое письмо и, нахмурившись, прочитал его.

— Они не будут присылать тебе денег до тех пор, пока не приедут и не проведут полную инспекцию твоей клиники? Какого черта? Они что, думают, что ты их обманываешь?

Грейс повернулась, достала из-под стола табуретку и села на нее.

— Есть здесь парочка-другая миссионеров, которые жалуются на то, что я не веду дела как следует. Что у меня нет священника, что я не провожу богослужения, что я не обращаю туземцев в христианскую веру. Думаю, кто-то из них написал об этом в Общество, и теперь они делегируют сюда своих людей, чтобы проверить все это и решить, заслуживаю ли я их подаяний. Джеймс, если Общество прекратит свои субсидии, то правительство решит, что моя миссия — вещь незаконная и никому не нужная и тоже отберет свои три сотни, тогда я потеряю все!

— Этого не случится.

— Откуда ты знаешь? Эти лицемерные святоши ничего ни хотят понимать. Формалисты! Исчисляют свой успех количеством спасенных душ! Они заявили, что просто лечить и обучать африканцев правилам гигиены и здорового образа жизни — недостаточно, мне еще, оказывается, нужно во время этого проповедовать им Евангелие! Вот они изумились, когда я отказалась клясть бога кикую, и сказала, что слово «Нгай» практически эквивалентно словосочетанию «Боже Всемогущий»!

Джеймс посмотрел на нее. Глаза Грейс блестели, на щеках играл румянец. Светло-каштановые волосы, недавно подстриженные и завитые по последней моде, выглядывали из-под солнцезащитного шлема. Его губы расплылись в улыбке.

— Ты прямо так им и сказала, Грейс?

Она посмотрела на его улыбку и кивнула головой.

— Да, черт побери, — ответила она, смеясь, — и получила от этого огромное удовольствие!

Они оба рассмеялись, и Грейс поразилась тому, насколько легче стало у нее на душе.

— Я рада, что у тебя теперь есть своя лаборатория, Джеймс, — сказала она искренне. — Ты будешь творить здесь чудеса. Возможно, ты даже найдешь бактерию, которую назовут твоим именем.

— Уж не хотелось бы! — Он протянул руку, и Грейс взяла ее. — Кроме того, — добавил он тихим голосом, — я очень надеюсь на тебя, Грейс. Ты должна будешь прийти и научить меня пользоваться всеми этими штуками.

— Если я еще буду здесь.

Когда они вышли из лаборатории и очутились в прохладной темноте молочной, Джеймс сказал:

— Ты будешь здесь, Грейс. Все будет хорошо. У тебя ведь много друзей в Кении.

— Я ненавижу ходить и выпрашивать деньги.

— Ты можешь попросить о помощи Валентина?

— Ни за что. Он будет последним на этой земле человеком, к которому я обращусь с этой просьбой и распишусь в своей беспомощности, иначе мне придется выслушивать монологи на тему «Я же тебе говорил» до конца своей жизни.

— Ты слишком независима, да, Грейс? Предпочитаешь все делать сама. Тебе никто не нужен. По крайней мере, ты хочешь, чтобы люди так думали. Осторожно, здесь вода…

Нога Грейс резко скользнула по мокрому бетону, и она потеряла равновесие. Джеймс подхватил ее. Долю секунды они стояли обнявшись: его руки крепко сжимали ее тело. Затем он отпустил ее, и они снова рассмеялись.

Позднее, когда подруги Люсиль грузили в фургоны поклажу и детей, Джеймс долго стоял на краю подъездной дороги и смотрел вслед Грейс, скачущей на лошади по направлению к Найэри, с привязанным к седлу медицинским саквояжем и поблескивающим в лучах вечернего солнца шлемом.

Он думал о другой вещи, которую планировал показать ей, но не показал, чему сейчас был очень рад. Это была страничка из старого номера «Таймс». Старым он был для остального мира, для Кении же, куда заморские газеты приходили редко, а если и приходили, то с большим опозданием, он был наисвежайшим. Эта газета уже прошла через множество рук тоскующих по Англии людей, и после того, как ее прочтут на Килима Симба, она отправится дальше, к другим ранчо района Наньюки, перейдет через горы Абердере и окажется, в конечном счете, у поселенцев Рифтовой долины. Джеймс вынул из заднего кармана страничку, которую решил оставить себе. То, что он сделал — вырвал страницу и скрепил газету скрепкой, — считалось в Кении настоящим кощунством: у поселенцев существовало неписаное привило: сохранять газету в первозданном виде до тех пор, пока ее не прочтет последний желающий. Но эту страничку, на которой были

напечатаны частные объявления, Джеймс был обязан — долгом и честью — спрятать от посторонних глаз.

Все дело было в маленьком объявлении в середине последней колонки. Крошечное сообщение в рамке гласило:

«Джереми Мэннинг,

Ты можешь найти меня в провинции Найэри, Кения, Восточная Африка.

Грейс Тривертон».

Грейс уже давно скрылась из виду, и на землю опустилась мгла, а Джеймс все стоял возле ворот и смотрел на пустынную дорогу.

14

Валентин рассмеялся и бросил карты на стол. Затем он собрал выигрыш, подошел к ведущей на веранду лестнице и кинул деньги стоящим вдоль дороги рикшам. Вернувшись в бар отеля «Норфолк», где его похлопывали по плечу и поздравляли, Тривертон заказал выпивку для всех, включая шампанское для гостей в обеденной комнате. Сегодняшний вечер после недельного празднования основания новой колонии был его последним вечером в Найроби; завтра они с Роуз отправятся в молчаливую поездку домой.

Роуз сейчас спала в собственном гостиничном номере. Предлогом для отдельного проживания была «астма ее светлости». Широкая улыбка на лице Валентина скрывала боль, невидимую для глаз друзей: боль от того, что горячо любимая жена презирала его, боль, которую не могло заглушить никакое количество алкоголя.

Но он старался изо всех сил. Спиртное лилось рекой, счет увеличивался. Доверие к лорду Тривертону было незыблемым на территории всей Восточной Африки. Его богатству не было предела. К тому же ему нравилось тратить деньги, ему становилось хорошо от этого. Когда он раздавал деньги другим, он чувствовал себя менее важным.

Валентин, несмотря на количество выпитого, держался хорошо. Он никогда не шатался и не падал, не терял самоконтроля, ему никогда не было плохо. С каждым стаканом он становился лишь более веселым и щедрым. Вот почему спустя полчаса, идя по улице к заведению Миранды Вест, Валентин радушно приветствовал прохожих, раздавал рупии чернокожим детям и думал о том, чего бы такого хорошего сделать Миранде.

Все прошедшие месяцы она была ему хорошим другом. Ей первой он рассказал о выкидыше Роуз. Она всегда внимательно слушала его, никогда не делала замечаний, не давала советов и не осуждала. Она вообще говорила мало. Но не только это нравилось ему в Миранде. Во-первых, она никогда ничего у него не просила, как это делали многие другие. Он предложил ей денег на новую мебель для вестибюля своей гостиницы; сказал, что замолвит за нее словечко в конторе по распределению земельных угодий, чтобы она смогла выкупить участок

земли, примыкающий к ее гостинице. Миранда отказалась от всего. Эта женщина уверенно стояла на ногах и не бегала к другим с призывами о помощи и в этом очень походила на Грейс. Во-вторых, что очень ему симпатизировало, она никогда не флиртовала с ним, не строила из себя жеманницу, не играла во все эти женские игры. Миранда была честной и прямой; у нее не было времени на то, чтобы строить глазки Валентину, как это делали многие женщины при каждой встрече с ним. Она не горела желанием залезть к нему в постель, он знал это; никогда не ждала от него комплиментов или внимания, которых обычно ждали от него другие женщины. Общаться с ней было приятно, легко и просто, поэтому, перед тем как уехать из Найроби, он решил выразить ей свою признательность и благодарность.

Пустынный вестибюль утопал в полумраке; в закрытой обеденной комнате было темно. Подметавшая лестницу африканка, увидев его, сказала:

— Я позову мемсааб, бвана.

— Нет, не нужно. Я хочу сделать ей сюрприз.

Но визит Валентина не стал для Миранды сюрпризом. Она видела его из окна своей комнаты. Миранда хорошо знала графа, поэтому сразу заметила небольшие изменения в его походке. Ее опытный глаз мгновенно определил, что он навеселе. Итак, Валентин был пьян и шел… к ней.

— Лорд Тривертон! — воскликнула она, открыв дверь. — Какой приятный сюрприз!

— Надеюсь, я не помешал вам.

— Нисколечко. Пожалуйста, входите. Могу я предложить вам что-нибудь выпить?

— Что за неделя выдалась, Миранда! — произнес он, опускаясь в уютное мягкое кресло. Он бывал в ее квартире нечасто, но это не мешало ему чувствовать себя в ней как дома. Он взял бокал с виски и осушил его одним залпом. — Жаль, что поезда не ходят до Найэри. Терпеть не могу эти долгие поездки, — сказал он. Поездка до дома занимала восемь дней: мало того, что каждую ночь они вынуждены были распрягать волов и разбивать лагерь, так тут еще Роуз отказывалась разговаривать с ним. Все это выводило его из себя.

— Когда-нибудь они пойдут туда, лорд Тривертон, — успокоила она его, вновь наполняя стакан.

Валентин сидел, положив длинные ноги на табуретку, и смотрел на стакан. Что он только ни делал, чтобы протянуть линию железной дороги до Найэри. Экономическое положение колонии начало улучшаться, процветание было уже не за горами, но, несмотря на то влияние, которое он оказывал на Законодательный совет, несмотря на все переговоры, которые он вел с секретарем министерства по делам колоний, конечным пунктом упорно оставался городок Тика. А Валентину позарез нужно было, чтобы этот чертов поезд шел до его владений!

Во время короткого перерыва между двумя периодами дождей, обрушившихся на Кению в январе, Валентину пришлось выкорчевать погибшие от чрезмерных осадков саженцы и купить новые по очень высокой цене.

Затем пришли мартовские дожди, и за пятнадцать дней его деревья покрылись красивыми белыми цветами, запах которых был очень похож на запах цветов апельсиновых деревьев. Еще три-четыре года — и можно будет собирать первый урожай кофе, а железной дороги как не было, так и нет, и неизвестно, когда будет. Благодаря дороге Валентин сможет быстро и без проблем перевозить свой товар и продавать его по максимально высоким ценам, в противном же случае ему придется полагаться на фургоны: таким образом, он будет приезжать на рынки Найроби последним, после того как все выгодные сделки уже будут заключены.

— Я надеялась, что вы заглянете ко мне сегодня вечером, — сказала Миранда, подходя к буфету из красного дерева, заставленному всевозможными безделушками и фотографиями королевской семьи. — Я отложила это специально для вас. — Она подошла к нему и протянула круглую жестяную коробку. — Имбирные пряники с ромом для леди Тривертон.

Валентин смотрел на коробку и думал о том, с какой, должно быть, заботой готовилось лежащее внутри угощение. «Как, черт возьми, ей удалось выкроить для этого время в своем напряженном рабочем графике?» — думал он. Внезапно его захлестнули эмоции. Вдова Вест была хорошей женщиной. Наверняка ее муж погиб, потому

что ни один здравомыслящий мужчина не захотел бы уйти от такой женщины, как она.

Миранда села в кресло напротив и сложила на коленях руки.

— Ты изменила прическу, — сказал он.

— Еще три месяца назад! Так нынче модно.

Лицо Валентина омрачилось. Все белые жительницы Кении обрезали волосы вслед за Роуз. Платья подчеркивали природные изгибы тел, юбки укорачивались. Женщины наконец отвоевали для себя право голоса; некоторые из них начинали покуривать табак. Современные женщины! Разве ради этого они сражались с Германией?

Веселое настроение Валентина начало улетучиваться. Будучи по природе человеком оптимистичным, не позволяющим себе унывать и испытывать по отношению к самому себе жалости, человеком, который лишь однажды за все время своего пребывания в Восточной Африке по-настоящему впал в отчаяние — в ту ночь, когда он набросился на Роуз, — граф Тривертон позволил меланхолии завладеть им. Допив виски, он спросил:

— Куда катится этот мир, Миранда?

Она сочувственно улыбнулась, слыша в его голосе знакомые нотки, видя в его глазах взгляд, который так часто замечала в глазах многих одиноких мужчин. Она вновь наполнила его стакан.

— Чего хотят женщины, Миранда? Можешь мне сказать.

— Я могу только сказать, чего хочу я, лорд Тривертон. Не все женщины хотят одного и того же.

— Я хочу сына, — тихо сказал он. — Это все, чего я когда-либо по-настоящему хотел. У меня есть огромный дом, пять акров земли, а мне некому передать все это. Мне нужен наследник. Но моя жена… врачи говорят, что она не сможет больше иметь детей.

Миранда знала, что это было неправдой. По слухам, леди Роуз не то чтобы не могла иметь детей, она не хотела иметь детей.

Неожиданно Валентин посмотрел на нее и сказал:

— Тебе нужен мужчина, Миранда. Ты не должна быть одна.

— У меня есть гостиница. Есть работники и клиенты. Я никогда не бываю одна.

— Я имею в виду ночью, Миранда. После того как все дела переделаны, а клиенты спят в своих уютных кроватях. В такие минуты ты не тоскуешь по мужчине?

Она опустила взгляд и уставилась на свои руки.

— Иногда.

— О тебе, Миранда, много говорят.

— Обо мне?

— Во всей Восточной Африке не найдется мужчины, который мог бы похвастать тем, что был близок с тобой.

— Я намерена и дальше продолжать в этом же духе.

— Почему? Потому что ты замужем?

— О, нет. Джек погиб, я уверена в этом.

— Тогда почему? Бог свидетель, ты могла бы иметь кучу поклонников.

— Я должна беречь свою репутацию. Вы же знаете, что женщина не может позволить себе спать со всеми.

— Я не имел в виду спать со всеми, — тихо произнес он. — Я имел в виду… с одним мужчиной.

— И кого же мне выбрать? У меня есть гостиница, она приносит мне неплохой доход. Как же мне найти мужчину, которому нужна буду я, а не мои деньги?

— В Кении полно мужчин, кому нет дела до твоих денег.

— Может быть. Но никто из них мне не нравится. А я не могу лечь в постель с мужчиной, к которому не испытываю чувств.

Его черные глаза пристально смотрели на нее. «Она похожа на Роуз, — подумал он. — Не в смысле внешности или характера: просто она так же рьяно, как и Роуз, охраняет свою добродетель».

Эта мысль пробудила в Валентине желание. Алкоголь наконец-то начал давать о себе знать. В голове заметались мысли; в комнате стало невыносимо жарко. Боль, которая терзала его в течение шести месяцев, начала отпускать.

— Тебе кто-то нравится, не так ли? — тихим, вкрадчивым голосом спросил он.

Миранда молчала.

— Кто он?

Она подняла глаза и так же пристально посмотрела на него.

— Тебе кто-нибудь нравится, Миранда?

Она кивнула.

— Кто?

— Я уверена, вы сами знаете, кто, — прошептала она.

Он встал со своего места и склонился над ней.

— Я хочу услышать это, Миранда, услышать от тебя имя того единственного мужчины, с которым ты легла бы в постель.

У нее закружилась голова. Лицо пылало. Она прошептала:

— Вы прекрасно знаете, кто этот человек. Это вы…

Валентин нагнулся к ней, рывком поставил ее на ноги и жадно впился губами в ее губы.

— Не говори мне «нет», Миранда, — хриплым голосом произнес он. Он целовал ее лицо, губы. Затем расстегнул блузку и поцеловал ложбинку на груди. Когда его рука скользнула ниже, он прошептал: — Не отказывай мне, Миранда!

И Миранда, уступив его поцелуям и объятиям, пробормотала:

— Никогда, Валентин. Никогда.

15

«Чувствую себя белкой в колесе, — писала Грейс в своем дневнике. — Лечу одни и те же недуги снова и снова, зачастую у одних и тех же людей. Они приходят ко мне с лихорадкой, инфлюэнцей, простудой, кишечными паразитами, малярией, столбняком, стригущим лишаем и прочими заболеваниями, которые даже не поддаются лечению. Они считают те элементарные средства, которыми я пользуюсь, — горькую соль и хинин, — настоящим чудом, но мне от этого не легче. Я должна заставить их изменить тот образ жизни, который они ведут. Отучить их жить в этих ужасных хижинах, где нет даже вентиляции, спать вместе с козами, пить воду, в которой только что вымылись сами и искупали своих животных! А их несчастные маленькие дети! Их обжигает огонь, на котором они готовят еду. Их постоянно оставляют без присмотра! Они приходят ко мне, я даю им лекарства, и они снова возвращаются в свои грязные дома и продолжают вести тот же антисанитарный образ жизни, который вели до этого. В результате через неделю я снова вижу их на пороге своей клиники: одни и те же люди, с одними и теми же проблемами. Впрочем, не все возвращаются ко мне: некоторые из них все же умирают от своих ставших хроническими недугов. А я не могу донести до них мысль, что недостаточно просто приходить ко мне за лечением, когда возникает болезнь, что им нужно изменить условия своей жизни и что прежде всего они должны устранить причины, вызывающие их болезни!»

Грейс положила ручку и помассировала затекшую шею. Она сидела за обеденным столом и писала при свете керосиновой лампы. За окном властвовала тихая африканская ночь. Воздух наполнился запахом дикого жасмина; где-то вдалеке уныло ухала одинокая сова.

Она была одна в коттедже. Марио был в деревне на каких-то церемониальных танцах, а Шеба отправилась на ночную охоту. Грейс смотрела на прячущиеся по углам комнаты тени и думала о тех делах, которые ждали ее: скатать в валики бинты, написать письма друзьям в Англию, починить кое-что. Но было десять часов вечера. Она

проснулась на рассвете, и уже через несколько часов ей нужно будет вставать и готовиться к следующему долгому дню.

Она взяла ручку и написала:

«Мне ужасно нужны помощники. Мне нужны учителя. Я не могу лечить африканцев от болезней, вызванных паразитами и плохим питанием, если они не изменят свои привычки и образ жизни. Одной мне этого мне не сделать: просто-напросто не смогу охватить их всех. Я должна оставаться в клинике и следить за людьми, которые туда приходят.

А тут еще эта знахарка со своими отравами! Вачера — просто наказание Господне! Она больше всех мешает моему продвижению вперед: подбивает народ жить по-старому, соблюдать обычаи и традиции древних. Люди боятся и уважают ее; они делают так, как она велит им. Лишь в тех случаях, когда знахарство Вачеры оказывается бессильным, они приходят ко мне. Но сначала они идут к ней. К ее хижине протоптана дорожка множеством босых ног. Они идут к ней за приворотными зельями, за отгоняющими болезни амулетами. Она проводит среди кикую древние религиозные обряды, веря, что напрямую связывает их с богом и предками. До тех пор, пока Вачере будет позволено заниматься своим шаманством, я не смогу завоевать доверие у местного населения.

Как жаль, что Валентину не удалось переселить ее за реку, что он не настоял на этом! Каждый раз, когда он ее прогонял, она возвращалась на это место у реки, и Валентин сдался, не желая связываться с ней всерьез. Он уже привык к шалашу, стоящему возле южных ворот поля для поло, но для меня эта хижина является не чем иным, как насмешкой и постоянным напоминанием о моей беспомощности!

Я попросила Люсиль Дональд возобновить занятия: она прекратила преподавать детям христианские заповеди в январе, сославшись на то, что дождь сильно размыл дорогу и сделал поездки крайне небезопасными. Однако когда дорога высохла, она не вернулась, заявив, что у нее слишком много дел на ферме, чтобы проделывать столь долгий путь и учить нескольких детей, удосужившихся прийти на занятия. Но Библия — это не то, что им нужно. Я сказала Люсиль, что детей следует учить чему-нибудь более полезному, например чтению и правописанию, правилам безопасности

и здорового образа жизни, в результате чего мы с ней крупно поспорили. Это было в апреле; с тех пор Люсиль не приезжала сюда. Теперь я понимаю, что она обиделась намного сильнее, чем я поначалу думала, когда сказала ей, что в моей миссии христианству будет отводиться роль второго плана!

Однако, возможно, мне придется изменить свою точку зрения. На следующей неделе из Англии приезжает комиссия, и мне нужно подготовиться к их приезду. Я не собираюсь терять то, что мне удалось достичь. Я не позволю им заставить себя отказаться от своей мечты. Я придумала план, который, я очень надеюсь, сработает. Но для этого мне нужна будет помощь Люсиль…»

Грейс закрыла дневник и положила его в ящик. Она набросила на плечи шаль и открыла дверь. В нескольких шагах от ее веранды стояла холодная темнота. Вокруг единственного керосинового фонаря, висевшего над дверью, кружились бражники и императорские бабочки.

Справа от нее из леса раздавалась ритмичная дробь африканских барабанов; слева, высоко над ней, располагался дом Валентина, из которого доносились звуки пианино — Роуз снова играла, пытаясь заглушить царящую в доме тишину.

Грейс вздрогнула: кто-то двигался по тропинке, ведущей к ее дому.

Схватив висевшее на крыльце ружье, она попыталась вглядеться в темноту.

Судя по всему, это был человек. Он прихрамывал. Джеймс!

— Привет, — сказал он. — Вижу, ты еще не спишь.

Грейс укуталась в шаль. Он никогда еще не приходил к ней в столь поздний час.

— Я не надолго, — сообщил он, поднимаясь по ступенькам. — Я знаю, уже очень поздно. Просто я возвращался домой после встречи с командующим округом и решил заскочить по дороге к Валентину, чтобы обсудить с ним кое-что. А его не оказалось дома — он снова уехал на сафари. Я подумал, что, возможно, ты не спишь, посмотрел на твой дом и увидел в окнах свет. Вот, — он протянул ей пару куропаток. — Это тебе.

— Спасибо! Пожалуйста, входи.

Когда высоченный Джеймс вошел в ее крошечную гостиную, Грейс осознала, каким маленьким был ее коттедж.

— Хочешь чашечку чая? — спросила она.

Он колебался. Грейс зажгла еще несколько ламп и заметила в его поведении некоторую нервозность. Она поставила воду кипятиться и положила в фарфоровый чайник три чайные ложки заварки.

— Это новый сорт чая от графини Тривертон. Очень дорогой, но Роуз дает мне его пакетами. Пожалуйста, присаживайся.

— Ты точно не собиралась ложиться спать, когда я пришел?

Она села во второе кресло, сложила на коленях руки и увидела, что Джеймс не просто чувствовал себя неловко: его что-то тревожило.

— Мне еще рано думать о сне, — ответила она. — У меня миллион дел, которые нужно переделать. Ты ездил к командующему округом по делу?

— Да. До меня дошли слухи, что какие-то парни воруют скот из карантинной зоны и водят его этим путем. Если их не поймать, они распространят чуму со скоростью ветра. Может погибнуть все мое стадо! В общем, было решено снарядить патруль. Надеюсь, их скоро поймают. Да, пока не забыл. — Он протянул ей кожаную седельную сумку. — Это тебе от жены командующего округом. Как она сказала, в знак благодарности за прекрасно удаленный зуб.

Грейс с энтузиазмом и радостью ребенка, получившего подарок на Рождество, открыла сумку и заглянула внутрь.

— Дай бог ей здоровья! — воскликнула она, достав оттуда жестяную коробку с печеньем, сливовый пудинг и баночки с консервированным имбирем, джемом и медом.

Положив гостинцы на стол, Грейс протянула сумку Джеймсу. Она заметила на его лице тревожное выражение.

— Джеймс, что-то случилось?

Он перевел взгляд на холодный, темный камин и задумался на секунду.

— Несколько моих работников слегли с дизентерией, а у меня закончился рыбий жир. Я подумал… — выдавил он из себя.

Она встала и подошла к шкафу с медицинскими препаратами. Достала оттуда бутылку и поставила ее на столик между их креслами.

— Для тебя все что угодно, Джеймс.

— Спасибо, — поблагодарил он и снова замолчал.

Несколько минут они сидели молча, слушая ночь. Грейс гадала об истинной причине его визита. Наконец Джеймс произнес:

— Как дела в клинике?

— Справляемся. Вот только с преподаванием у нас беда. Я столько писем написала, прося, чтобы нам прислали медсестер и учителей. Но вместо этого прибудет инспекционная комиссия. Знаешь, Джеймс, — сказала она, наклонившись к нему, — я придумала план. Может быть, Люсиль согласится мне помочь, пока здесь будет комиссия. Приедет, проведет несколько занятий. Расскажет библейские истории. Это должно помочь, я думаю. Что скажешь, если я попрошу ее?

Он посмотрел ей прямо в глаза, и Грейс поняла, каким будет его ответ, еще до того, как он произнес:

— Люсиль не поможет тебе, Грейс.

— Почему?

— Потому что это она написала на тебя жалобу в миссионерское общество.

Грейс уставилась на него во все глаза.

Джеймс отвел взгляд.

— Я узнал об этом сегодня утром. Она сама мне сказала.

Ночь подступала к коттеджу все ближе, казалось, она хотела просочиться через щели окон и дверей. Олеандровые кусты, растущие вокруг веранды, зашелестели; затем послышалось возбужденное урчание гиен, кружащих возле падали. В довершение всего засвистел чайник. Грейс встала и направилась к нему. Она вылила половину содержимого чайника в фарфоровый заварник, затем поставила чайник на стол и вернулась в гостиную.

— Но почему, Джеймс? — прошептала она. — Почему она это сделала?

— Боюсь, я не знаю ответа. Я был так же шокирован, как и ты. Я не могу объяснить, что происходит с Люсиль. — Он с несчастным видом посмотрел на Грейс. — Когда мы только приехали в Восточную Африку десять лет назад, после того как поженились, она, казалось, пришла в восторг от того, что будет здесь жить. Отец Люсиль умер, когда она была еще маленькой девочкой, ни сестер, ни братьев у нее не было. Когда я с ней познакомился, она жила вместе с матерью над магазинчиком, они души друг в друге не чаяли. Мы уезжали из Англии

с плохим чувством. Люсиль рассталась с матерью не очень хорошо: миссис Роджерс не хотела, чтобы ее дочь становилась женой поселенца. — Джеймс достал из кармана рубашки трубку. Он наполнил ее табаком, раскурил и продолжил свой рассказ: — Мы решили, что лучшим вариантом для всех нас будет привезти мать Люсиль в протекторат, после того как устроимся сами. Восточная Африка — прекрасное место, чтобы провести там старость, при условии, конечно, что у тебя есть хороший дом и комфортные условия проживания. Мы начали копить деньги и планировать. Миссис Роджерс должна была жить вместе с нами на Килима Симба. Я думаю, что справиться с тем шоком, который испытала Люсиль при первом знакомстве с жизнью поселенцев, помогла ей ее мечта. А шок действительно был. Когда она увидела ранчо, то проплакала несколько дней. Но потом начала переписываться со своей матерью, посылать ей брошюры про протекторат, и матери идея с переездом понравилась. В этом году она должна была переехать к нам.

— А почему не переехала?

— Она умерла, неожиданно и скоропостижно. Ей было только пятьдесят лет. Люсиль чуть с ума не сошла от горя. Это случилось два года тому назад; шла война, и Люсиль не смогла поехать в Англию на похороны. Мне кажется, именно тогда она и начала меняться.

— Меняться? Как?

— Незаметно, настолько незаметно, что я только сейчас, оглядываясь назад, понимаю это. Она привезла из дома их старую семейную Библию и начала читать ее по вечерам. Затем стала наведываться в методистскую миссию в Каратине. Когда она услышала, что сестра Валентина едет в Африку с целью открыть там миссию, она прямо возликовала.

— Понятно, — отозвалась Грейс, затем встала и пошла на кухню. Налив в чашку чай и подав ее Джеймсу, она тихо спросила: — Она не сказала тебе, что именно написала в своей жалобе?

— Нет. — Джеймс в задумчивости мешал чай, наблюдая за круговыми движениями ложки. — Теперь мне кажется, что я совершил большую ошибку, привезя Люсиль в Восточную Африку. Ей было всего девятнадцать, мне двадцать два. Она была полна романтических надежд. Когда мы наконец приехали на Килима Симба, она даже онемела от разочарования.

— Многие жены, да и мужья тоже испытывают чувство шока, когда в первый раз видят свое новое место жительства.

— Я должен был предвидеть это. Я родился и вырос здесь. Я обязан был понять, как отличается эта жизнь от той, к которой она привыкла. — Джеймс поставил чашку и подошел к камину. Его привычную спокойную манеру держаться нарушали резкие движения и едва сдерживаемое волнение. — Грейс, если бы ты только знала, как ужасно я себя чувствую из-за всего этого.

— Я думала, что нравлюсь Люсиль, — тихо произнесла она.

— Ты очень нравишься ей, — выпалил он и более тихим голосом добавил: — Нам обоим нравишься.

Грейс не могла заставить себя посмотреть на него, позволить себе поддаться его тону, его мужественной внешности. Она была ужасно зла и в то же время удручена и обижена предательством подруги.

— Что же я буду делать, когда приедет комиссия?

— Я с радостью помогу тебе.

Она покачала головой.

— Боюсь, ты ничем не сможешь мне помочь. Я ошибалась, думая, что обманом решу свою проблему. Люди Суффолка считают, что делают пожертвования в христианскую миссию. Они имеют право знать, на что идут их деньги. — Она встала и расправила плечи. — Мне просто нужно найти способ, как умаслить их, или убедить в необходимости того, что я делаю, или, на худой конец, подумать о том, как обойтись без их помощи. Я не знаю.

Джеймс подошел к ней и посмотрел прямо в глаза.

— Грейс, скажи мне, что это не повредит нашей дружбе.

У нее сжалось горло.

— Ничто на свете не в силах сделать это, Джеймс.

— Ты по-прежнему будешь приезжать к нам на ранчо?

Она колебалась с ответом.

Он резко развернулся и ударил кулаком по ладони.

— Как такое могло случиться? Я думал, она счастлива. Она казалась такой. — Он нервно заходил по комнате. — Она превосходно справлялась с хозяйством и детьми. За десять лет ни разу не пожаловалась. — Он резко остановился и посмотрел на Грейс: в его глазах затаилась боль. — Люсиль хорошая женщина, я не знаю, что бы я без нее делал. Но… Я был вне себя от гнева, когда она сказала утром

мне о письме, и накричал на нее. Наговорил кучу неприятных вещей. Я не хотел ее обидеть или оскорбить — единственное, о чем я думал в ту минуту, была… — Он понизил голос. — Грейс, ты самое лучшее, что случалось со мной. Единственное, о чем я мог думать, — это о том, что, если Люсиль каким-то образом разрушила нашу дружбу…

В соломенной крыше шелестели белые муравьи, по стенам ползали ящерицы. Дом был живым: таким же живым, как сад и лес рядом с ним. Двое в коттедже стояли молча, слушая звуки окружающего их мира, глядя друг другу в глаза, наслаждаясь близостью тел и интимностью момента.

— Уже очень поздно. Тебе нужно ложиться спать, Грейс, — наконец произнес Джеймс.

— Ты же не поедешь сейчас домой?! Это опасно!

— Роуз предложила мне переночевать у них в доме.

Грейс хотела сказать: «Не уходи! Останься со мной!» — но вместо этого сняла с крючка фонарь и протянула Джеймсу.

— Тропа отсюда до дома Валентина ночью тоже небезопасна. Пожалуйста, будь осторожен, Джеймс, — тихо попросила она.

Она открыла дверь, и он вышел на веранду. Надев на голову свою широкополую шляпу, Джеймс повернулся и посмотрел на нее:

— Я обещаю, Грейс, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

16

Пиони сидела, закрыв лицо руками; ее худенькие плечики содрогались от рыданий.

— Я не знаю, что мне делать! — заголосила она. — Я покончу с собой!

— Да тише ты, — шикнула Миранда, протягивая девушке бокал бренди. — На, выпей и успокойся. Ревом делу не помочь.

Служанка подняла распухшее от слез лицо.

— Помочь! Как этому можно помочь?

— Есть способы.

Глаза девушки округлились.

— Ой, нет, мэм, — проскулила она. — Я не смогу этого сделать.

Миранда сидела за столом и барабанила пальцами по зеленой учетной книге. Что за день у нее выдался! Сначала обнаружилось, что кто-то из работников кухни крадет, и ей пришлось долго выяснять, кто именно. Потом один из постояльцев слег с лихорадкой, чем довел до паники всех остальных. Теперь вот это.

Пиони, служанка Миранды, была бледной девушкой, не так давно приплывшей из Англии вместе со своим женихом, который вскоре после этого умер в Момбасе от гемоглобинурийной лихорадки. Миранда решила взять ее к себе на работу. В течение восьми месяцев, что Пиони служила у нее, она прекрасно справлялась со своими обязанностями, работала прилежно и старательно, откладывая деньги на то, чтобы вернуться назад, в Англию.

— Какой у тебя срок? — спросила Миранда.

— Около двух месяцев.

— А отец ребенка? Он знает об этом?

Лицо Пиони сделалось еще несчастнее.

— Не знает, мэм. Он уже давно отсюда уехал. Я… я даже не знаю, как его зовут.

Миранда с отвращением покачала головой. Ну и девицы пошли! Приезжают в Кению и сходят с ума при виде такого количества мужиков. Ни стыда у них, ни совести. Жена одного из поселенцев в районе Лимуру уже озолотилась на абортах.

Миранда встала и подошла к окну. Каждый раз, когда она выглядывала из окна, у нее возникало такое чувство, что в Найроби становится все многолюднее.

Она не знала: то ли это ее воображение разыгралось, то ли действительно стоило ей на минутку отвернуться, как появлялось пять новых автомобилей, сто новых мужчин, ищущих приключений, и двадцать новых женщин, гоняющихся за богатыми мужиками. Она начинала ненавидеть Кению.

После той единственной ночи, которую они провели вместе, Валентин ни разу не зашел к ней.

Через дорогу остановился фургон, полный фермеров-датчан. Целый день они будут делать покупки, торговать, собирать почту, а затем вновь отправятся к своим ничтожным акрам на забытых богом задворках тму-таракани. «Боже правый, — думала Миранда. — Почему они расхаживают с таким гордым видом? Что почетного в том, чтобы пахать грязь, на которой ничего не растет, кроме малярии и сонной болезни?»

Валентин даже не удосужился оставить ей записку. Наутро после той ночи он потихоньку выскользнул из постели и вернулся домой, к своей жене. За все это время он ни разу не зашел к ней. А ведь он был в Найроби. Миранда видела его.

Пиони снова заголосила, чем разозлила Миранду еще сильнее. Какой же несправедливой была порой эта жизнь! Вот эта девица билась в истерике из-за того, что забеременела после одной-единственной ночи с каким-то неизвестным мальчишкой, а Миранда и рада была бы забеременеть, но не могла.

Она уставилась в окно. Какая-то беременная женщина, выпятив живот, фланировала по улице. Времена изменились. Теперь уже никто не считал нужным скрывать свою беременность от окружающих. Война покончила со старыми предрассудками и модой. Теперь женщины носили специальные платья для беременных и гордо ходили животом вперед.

«Все, кроме меня, — подумала Миранда, с ненавистью глядя на молодую женщину на улице. — Это я должна так ходить по улице, а не она». По городу бы поползли слухи о том, что она носит под сердцем ребенка графа; он бы поселил ее в каком-нибудь милом местечке, где она жила бы как императрица, в то время как кто-нибудь руководил

гостиницей вместо нее и клал получаемые деньги на ее банковский счет. Однако, чтобы осуществить эту мечту, ей нужен был ребенок, а для этого необходимо было еще раз завлечь Валентина в свою постель.

Миранда погрустнела: все это было ни к чему, она не нужна Валентину. Любой дурак понял бы это. Просто он был пьян, а когда протрезвел и понял, что сделал, то очень пожалел об этом.

— Я не хочу делать эту операцию, — рыдая, произнесла Пиони. — Я католичка!

Миранда повернулась к девушке и смерила ее презрительным взглядом.

— Ты должна была вспомнить об этом до того, как прыгать в постель к мужчине. Если ты не хочешь избавиться от ребенка, значит, ты хочешь оставить его себе?

От испуга глаза Пиони стали круглыми, как плошки.

— Нет-нет, мэм! Что я буду с ним делать? Я ведь даже не любила того парня, с которым переспала. Он для меня ничего не значит. Мне не нужен ребенок. Но я не могу… убить его.

— А какой у тебя есть выбор?

Пиони затеребила край фартука.

— Я думала, может быть, кто-нибудь усыновит его.

Миранда уставилась на нее.

В большом мягком кресле Пиони выглядела маленькой и хрупкой; ее костлявые плечики выпирали через тонкую ткань дешевого платья. Но она была девушкой здоровой, Миранда знала это. А значит, ребенок тоже будет здоровым.

Миранда прищурилась: в голову ей пришла интересная идея.

— Говоришь, парень не знает о ребенке?

— О нет, мэм! Я с тех пор его даже не видела.

— А вообще, кто-нибудь знает об этом?

Пиони замотала головой.

Миранда улыбнулась.

— Тогда я помогу тебе.

— Ой, спасибочки…

— Но ты должна будешь пообещать мне, что сохранишь это в секрете. Вот что мы сделаем…

Роуз написала ему записку.

— Порцию миндальных печений миссис Вест. И бристольский пирог, пожалуйста.

Так они сейчас общались: либо через миссис Пемброук, няню Моны, либо через записки. Он нашел эту у себя в гардеробной, когда собирался в Найроби. Самой Роуз, конечно же, в доме уже не было, она отправилась в свою любимую эвкалиптовую рощу.

Валентин хотел притвориться, что не видел этой записки или что миссис Вест уже не работала на кулинарном поприще, но понимал, что ложь не спасет его. Он поступал не по-мужски. Как бы неловко ему ни было, он должен был увидеться с Мирандой и поговорить с ней; нельзя же избегать ее вечно.

Миранда выплыла из кухни с распростертыми объятиями и, к его огромному удивлению, очень тепло с ним поздоровалась.

— Давненько вас не было видно, лорд Тривертон, — сказала она и жестом подозвала к себе одного из официантов, накрывающих столы к чаю. — Два пива, — заказала она на суахили и повернулась к Валентину. — Должно быть, у вас дел невпроворот: шутка ли, обработать пять тысяч акров кофе. Только и слышу от земледельцев о том, как они прореживают, мульчируют и подрезают.

Валентин огляделся вокруг. Он думал, что в обеденной комнате будет много посетителей, однако она оказалась пустой. Персонал тихонько работал в другой части комнаты.

— Извини, что не заходил к тебе, Миранда. Я просто не знал, что тебе сказать.

— Все в порядке, — тихо ответила она.

— Обычно я так себя не веду. Чувствую себя подлинным мерзавцем. Я не хотел, чтобы все зашло так далеко. Просто я тогда слишком много выпил.

— Конечно. Я все понимаю.

— Хорошо, — с облегчением произнес Валентин и положил руки на стол. — Должен сказать, Миранда, ты заставила меня попотеть!

Она рассмеялась.

— А чего ты от меня ждал? Я же в конце концов не юная девочка, не знающая, что к чему. Я очень рассчитываю на твою порядочность, ведь мне нужно думать о своей репутации.

— Даю тебе честное слово.

— А тебе — защищать свою.

— Да, конечно.

— Особенно сейчас.

— Сейчас?

Принесли пиво, и Миранда начала разливать его по стеклянным кружкам. После того как официант ушел на кухню, она сказала:

— Очень хорошо, что ты пришел сегодня. А то я уже собиралась разыскивать тебя.

Он с тревогой посмотрел на нее.

— Разыскивать?

Она сделала глоток.

— Ой, боюсь, официант принес холодное пиво. Я начала держать часть пива на льду — для американцев. Они пьют его холодным, представляешь?

— Миранда, почему ты хотела меня разыскивать? Ты же понимаешь, что то, что между нами произошло той ночью, больше не повторится.

— Я даже и не думала об этом. Просто я хотела сказать тебе одну вещь.

— И какую же?

— Что я беременна.

— Что?

В дверях кухни появился официант. Миранда махнула ему, чтобы он исчез.

— Пожалуйста, лорд Тривертон, тише: мы должны быть осторожны.

— Ты беременна?! — переспросил он.

— Да.

— Ты уверена?

Она вздохнула.

— Да.

— К чему ты мне это говоришь?

— К тому, что это твой ребенок.

— Мой?

— Можешь быть в этом абсолютно уверен.

Валентин впился в нее взглядом. Затем произнес: «Бог мой!» и встал. Он сделал несколько шагов и резко развернулся.

— Что ты собираешься делать?

— Делать? Рожать, конечно же.

— В Лимуру есть женщина. Некая миссис Бэйтс…

Миранда решительно покачала головой.

— Я никогда не пойду на это. А ты смог бы? Зная, что это твой ребенок? Кстати, высока вероятность, что это мальчик. В нашей семье часто рождаются мальчики. — Она на минуту замолчала, давая ему возможность осознать полученную информацию, затем сказала: — Я ничего не прошу у тебя. Я не из таких женщин и сама позабочусь о нем, сама воспитаю. Никто не узнает, что ты его отец. Просто я подумала, что ты должен знать об этом, вот и все.

Валентин бросил на нее тяжелый, задумчивый взгляд. Она с честью выдержала его.

Валентин подумал о своем отце, старом графе. По Лондону ходили слухи о женщине и маленьком мальчике. Отец Валентина поселил их в квартире на Бедфорд Сквер.

Мальчик. Сын…

Он подошел к столу и сел.

— Извини, Миранда, — произнес он серьезным тоном. — Я не хотел, чтобы это произошло.

— Я тоже, но что поделаешь? Что произошло, то произошло. Я столько лет оберегала свою репутацию, и вот минутная слабость — и все рухнуло.

— Это моя вина.

— Мы оба виноваты.

— Конечно же, я помогу тебе.

— Я не прошу об этом.

— И все же… — Мозг Валентина начал лихорадочно работать. Он вспомнил о членах клуба, которые со знанием дела обменивались взглядами, стоило ему войти в комнату, о разговорах, которые резко обрывались. Валентин знал, что вся колония говорила о них с Роуз, сплетничала об их семейных проблемах. Граф Тривертон не может родить наследника.

— Когда должен родиться ребенок? — спросил он.

— В марте.

— Превосходно, — сказал он и достал из кармана бумажник. — Это будет началом.

17

Невозможно было найти худшего времени для визита в Кению, чем сейчас: накануне периода дождей, когда трава была добела выжжена солнцем, поля стояли пустыми и голыми, и вся страна выглядела заброшенным, богом забытым местом.

«Такая же участь ждет и меня, — думала Грейс, — если я не постараюсь сегодня».

Комиссия прибыла днем раньше. Она остановилась в гостинице «Белый носорог» в Найэри и в скором времени должна была приехать в коттедж «Поющие птицы», чтобы приступить к инспектированию. Чувствуя себя ответственным за произошедшее, Джеймс предложил ей свою помощь, но Грейс отказалась. Она считала, что сама должна разобраться с комиссией и справиться с возникшей проблемой.

Утро было ранним и прохладным: она шла по тропинке к небольшому огороженному двору, примыкающему к клинике. По земле все еще стелился ночной туман; на листьях, словно стеклянные бусинки, блестели капельки росы. Грейс заметила, как высоко в деревьях мелькнула райская мухоловка, ее длинный ярко-рыжий хвост сверкнул в лучах утреннего солнца. Над тропинкой пролетел светло-коричневый пчелоед. Воздух был наполнен птичьим щебетом и трелями. За рекой над деревьями висел сизый дым, подымающийся от костров кикую.

Миссия Грейс состояла из трех сооружений: отделения для приема пациентов, роль которого играли четыре столба и соломенная крыша; школы, где в качестве скамеек выступали бревна, лежащие перед оливковым деревом с прибитой к нему доской; стационара для серьезно больных и пострадавших, являвшегося обычной хижиной. Грейс уже ждала безмолвная толпа первых посетителей: женщины с младенцами за спинами; старики, сидящие на корточках в грязи и играющие в бесконечную игру с мелкими камешками.

Когда комиссия, состоящая из трех мужчин и двух женщин, наконец прибыла, Грейс уже вовсю занималась своими обычными делами.

Поскольку Грейс виделась с членами комиссии впервые, как, собственно, и они с ней, первые минуты встречи ушли на знакомство.

Возглавлял комиссию преподобный Сэнки, который приехал в Кению не один, а в сопровождении своей жены Иды. Первое время они не задавали вопросов, а просто наблюдали за тем, как Грейс с помощью Марио оказывает медицинскую помощь африканцам, которые шли сплошным потоком.

Как обычно, среди пациентов были обожженные дети: она обрабатывала пораженные участки солью марганцевой кислоты, накладывала на них чистые повязки и отсылала детей к матерям, предупреждая последних об опасностях разведения открытого огня в хижинах. Был также мужчина с зобом, которому Грейс не могла ничем помочь; человек с тяжелым случаем слоновой болезни, которого она отправила в католический госпиталь в Найэри; мужчина, поранивший несколько дней назад руку, в которую, из-за того что рана не была продезинфицирована, попала инфекция. Многие пациенты уже приходили к ней с этими же самыми проблемами, некоторые даже по нескольку раз. Эти проблемы возникали из-за антисанитарии, в которой они жили, и, хотя Грейс, как заведенная, каждый раз повторяла одни и те же предостережения о том, чтобы они соблюдали чистоту в своих жилищах, держали коз на улице, регулярно мылись, носили сандалии, отгоняли от лица мух, все ее советы полностью игнорировались.

Мистер Сэнки и его компаньоны молча наблюдали за ее действиями, время от времени делая записи в своих блокнотах. Они осматривали клинику, проверяли имеющееся на столе оборудование — ларингоскоп, молоточек для проверки рефлекторных реакций, шприцы для инъекций, шпатели для языка, хирургические щипцы и скальпели, — читали этикетки на бутылочках, рассматривали ее таблицы, слушали.

Старик, все тело которого было покрыто язвами, увидев, что Грейс потянулась к шприцу, начал что-то громко тараторить. Марио перевел:

— Он говорит, что ему уже делали укол, мамсааб. Вчера, в католической миссии.

— Понятно, — сказала Грейс, наполняя шприц жидкостью из бутылки с надписью «Неосальварсан». — Ему укололи именно это лекарство?

— Он говорит, что да, мемсааб.

— Спроси его, сделали ли ему укол от тучевой инфекции.

Мужчины обменялись парой фраз, и Марио ответил:

— Говорит, что сделали, мемсааб.

— Очень хорошо, Марио. Подержи его, пожалуйста.

Несмотря на протесты старика, Грейс уколола его в руку.

— Позвольте спросить, — произнесла миссис Сэнки, когда старик, громко жалуясь, покинул клинику. — Что это было?

— У этого мужчины фрамбезия. Ему необходимо было сделать укол, — ответила Грейс, заглядывая в рот следующей пациентки.

— Но он сказал, что ему уже сделали этот укол.

— Эти люди до смерти боятся уколов, миссис Сэнки, — сообщила Грейс, беря в руку щипцы. — И они скажут что угодно, лишь бы избежать их.

— А откуда вы знаете, что этот человек говорил неправду? — спросила миссис Сэнки, глядя, как Грейс извлекает изо рта женщины гнилой зуб.

— Потому что он настаивал на том, что ему сделали укол от тучевой инфекции, а такой инфекции в природе не существует.

— Вы обманываете их?

— Марио, пожалуйста, скажи женщине, чтобы она пополоскала рот этой жидкостью и сплюнула. — Грейс вымыла руки в тазике с мыльной водой и ответила: — Просто это помогает выяснить, говорят они правду или лгут. Если бы он сказал, что ему не делали укол от тучевой инфекции, я бы могла предположить, что ему сделали укол неосальварсана. У меня были и такие, кто утверждал, что им сделали прививки от шоколадной болезни.

Преподобный с женой обменялись взглядами.

— А зачем вы отдали этой женщине удаленный зуб? — раздался голос одного из членов комиссии.

— Я должна была это сделать, иначе она бы подумала, что я смогу использовать его против нее в черной магии.

— Доктор Тривертон, — спросила вторая женщина, — почему у вас морфий красного цвета? Насколько я знаю, морфий не бывает красным. Да и все эти растворы… — она указала рукой на стоящие на столе бутылки, — бесцветны, а у вас они все разноцветные. Почему?

Грейс взяла ребенка у матери и начала обрабатывать ожог на его ноге.

— Выяснилось, что эти люди считают бесцветные жидкости водой, и поэтому не верят, что они могут помочь. Стоило мне добавить в лекарства красители, кикую изменили свое отношение к ним и поверили в их чудодейственную силу. Так же обстоит дело и с таблетками: если они горькие, то к ним больше доверия. В этом отношении африканцы ничем не отличаются от англичан, те ведь тоже считают, что чем дороже врач, тем он лучше.

— Доктор Тривертон, вы справляетесь со всеми заболеваниями, с которыми к вам приходят?

— С большинством. Я лечу по принципу «Снаружи — вазелин, внутрь — хинин». Это помогает мне выходить победительницей из многих ситуаций. В остальных случаях я отсылаю больных в католический госпиталь.

На этот раз обменялись взглядами все пятеро. Мистер Сэнки попросил:

— Не могли бы вы уделить нам немного времени, доктор Тривертон?

— Конечно.

Грейс отдала перевязанного малыша матери, напомнив о том, что необходимо приглядывать за ребенком, когда в хижине горит огонь, прекрасно осознавая, тем не менее, что это ее наставление останется не услышанным; затем помыла руки и велела Марио, дабы избежать краж, присматривать за теми, кто остался ждать приема.

— Эти люди у вас воруют, доктор Тривертон? — спросила миссис Сэнки, когда они шли по тропинке к реке: комиссия изъявила желание посмотреть на ближайшую деревню кикую.

— Да, бывает.

— Получается, у них нет ни малейших моральных принципов.

— Напротив. Кикую — высокоморальные люди, со своим собственным сводом строгих законов и наказаний. Просто они не понимают, что воровать у белого человека плохо.

Миссис Сэнки, которая шла рядом с Грейс, сказала:

— Наблюдая за вашей работой, мы видели ложь, мошенничество и веру в суеверия, причем с вашей стороны, доктор.

— Только так с ними и можно общаться. Иначе они просто не поймут.

— Кто там живет? — спросила Ида Сэнки, указывая на одинокую хижину, стоящую на краю поля для игры в поло.

— Местная знахарка по имени Вачера.

— Я думала, эта колдовская практика уже запрещена законом.

— Так и есть. Вачеру оштрафуют или посадят в тюрьму, если ее поймают за этим занятием. Поэтому люди ходят к ней тайно.

— Я надеюсь, доктор Тривертон, что вы, зная об этих тайных посещениях, доложили об этом властям.

Грейс остановилась возле построенного Валентином деревянного пешеходного мостика, который вел через реку в деревню.

— Доложила, миссис Сэнки, поверьте мне. Я уже столько времени пытаюсь положить конец тому, что делает эта женщина. Она самое большое препятствие на пути африканцев к просвещению.

— А вы не можете поговорить с нею? Переубедить ее?

— Вачера со мной и разговаривать не хочет.

— Но она же должна понимать, что наши методы гораздо лучше, чем ее!

— Наоборот. Она спит и видит, когда британцы соберут свои пожитки и уедут из Кении.

— Я читал кое-что про африканцев, — сказал молодой человек из комиссии. — Это правда, что жены спят с друзьями мужей?

— Это древний обычай кикую, возникший из-за сложной системы возрастного деления. Это делается открыто, с согласия жены и одобрения мужа.

— Прелюбодействуют, иными словами.

Грейс повернулась к священнику.

— Нет, это не прелюбодеяние. Сексуальные нравы кикую отличаются от наших. Например, в их языке нет слова, которое бы означало такую вещь, как изнасилование. Их взгляды на секс могут показаться нам весьма фривольными, но это не так, у них есть очень строгие табу…

— Доктор Тривертон, — жестко сказал мистер Сэнки, — то, что эти люди вам глубоко симпатичны, мы уже поняли. Также мы прекрасно поняли, что вы пытаетесь сделать для этих людей. Тем не менее нам кажется, что вы идете несколько не тем путем.

— То есть?

— В клинике, когда вы оказывали медицинскую помощь тем людям, вы ни разу не упомянули о Боге, ни разу не сказали, что ваша сила была дарована им. Вы не попытались привести кого-нибудь из них к Иисусу, хотя у вас была возможность сделать это.

— Я не проповедник, мистер Сэнки.

— Вот именно в этом и заключается ваша главная проблема. Вы игнорируете их духовные потребности, поэтому африканцы и продолжают проводить свои чудовищные обряды. Например, у них есть обряд, во время которого хирургическим путем увечатся молодые девушки. Что вы сделали, доктор Тривертон, будучи миссионером, чтобы запретить эту практику?

— Чтобы лечить этих людей, мистер Сэнки, мне необходимо их доверие и дружба. Если я начну проповедовать и клясть их традиции, они перестанут ходить в мою клинику. Католическая миссия потеряла много своих прихожан из числа африканцев из-за того, что священники вырубили священные фиговые деревья.

— Надеюсь, вы не одобряете это их поклонение священным деревьям.

— Нет, но…

— Понимаете, доктор Тривертон, — произнес пожилой член комиссии, — первостепенная задача медицинской миссии — это проповедь. Мы хотели создать здесь клинику, которая бы не только лечила их тела, но и приводила этих людей к Иисусу.

— Я уже сказала, что я не проповедница.

— Тогда вам нужен проповедник.

— Ради всего святого, пришлите мне его, — попросила Грейс. — Но вместе с ним пришлите еще и медсестер!

— Кажется, вы и сами превосходно справляетесь, доктор, — сказала миссис Сэнки. — К чему вам так много помощников?

— Чтобы учить африканцев самим заботиться о себе.

— Самим заботиться? — переспросил священник.

Грейс поспешила изложить свою мысль.

— Моя истинная цель — это научить африканцев самим заботиться о себе. Если бы у меня была группа помощников в деревне, кто-нибудь, кто мог бы научить кикую здоровому образу жизни, то поток моих пациентов значительно уменьшился бы. Если бы я смогла

научить кикую оказывать первую медицинскую помощь и основам элементарного врачевания, как я обучила Марио…

— То есть вы хотите сделать этих людей полностью независимыми.

— Да.

— Тогда как они придут к Иисусу? Если африканцы смогут обходиться без нашей помощи, они не захотят приходить к христианским докторам, а посему процесс обращения в христианство остановится.

Грейс смотрела на пятерых человек, выглядящих здесь крайне неуместно в своих застегнутых на все пуговицы смокингах, галстуках и корсетах, будто они собрались не в африканские джунгли, а на прием к королеве.

Внезапно Грейс вспомнила о Джереми и их разговоре, который они вели однажды вечером, гуляя по палубе. «Первое, что мы должны построить, дорогая, — это клинику для лежачих больных, — говорил он. — Ходячих пациентов очень сложно удержать, тем же, кто прикован к кровати, деваться некуда, им придется внимать принципам духовного учения».

Странно. Она никогда не думала об этом раньше, о том, какую большую роль отводил Джереми религиозному аспекту их миссии. И чем чаше она сейчас вспоминала об этом, тем больше понимала, что, будь здесь сейчас Джереми, он бы стоял по другую от нее сторону, среди членов этой комиссии.

Она думала о деньгах, участь которых решала сейчас эта комиссия, о ежемесячных денежных поступлениях из миссионерского общества в Суффолке. Они оставались ее последней надеждой, эти пять человек, которые были недовольны — и это было заметно невооруженным глазом — ее методами работы. Она не пойдет за помощью к Валентину, особенно сейчас, когда Миранда Вест разгуливала по Найроби в одежде для беременных и вся Восточная Африка шушукалась о том, чьего ребенка она носит под сердцем. У Грейс не было ни малейшего желания стать такой же содержанкой брата, какой была его любовница.

— Я буду рада проповеднику, мистер Сэнки, — тихо сказала она. — Его помощь придется очень кстати.

Священник улыбнулся.

— Мы понимаем, через что вы прошли здесь, доктор. Вам, должно быть, очень нелегко. А так как вам пришлось еще и обходиться полтора года без наших субсидий, неудивительно, что курс вашей работы несколько отклонился от поставленной цели. У меня есть на примете один человек; сейчас он работает в Уганде. Преподобный Томас Мастерс. Он как раз тот, кто нам нужен. Попросите своих людей построить для него дом, я пришлю его со следующим поездом.

— Он привезет с собой медперсонал?

— Мистер Мастерс сначала оценит необходимость привлечения помощников.

— А разве не я должна оценивать эту необходимость?

— Теперь во главе вашей миссии будет стоять мистер Мастере, доктор. Отныне принятие всех решений будет за ним.

Грейс взглянула на мистера Сэнки.

— Во главе! Но… это моя миссия!

— Построенная на наши деньги, доктор. Настала пора взять власть в свои руки.

Мистер Сэнки окинул взглядом бурлящую реку, дикий лес, вершины соломенных крыш, проглядывающих сквозь деревья, и увидел землю, подходящую для такого человека, как преподобный Томас Мастерс, — человека с несгибаемым характером и незыблемой праведностью, который уже изгнал Сатану из трех африканских стран.

18

Дожди закончились три дня назад, и Найроби заиграл яркими красками. Миранда Вест шла по улице к отелю «Король Эдуард» мимо стен, увитых алыми, оранжевыми и розовыми бугенвиллиями, мимо частных садов, в которых пестрели свежие душистые цветки герани, гвоздики и фуксии. Деревья, которые росли вдоль грязных улиц Найроби, покрылись ярко-красными, фиолетовыми и белыми цветами. Было Рождество, и земля, подпитанная короткими ноябрьскими дождями, возрождалась к жизни и наполнялась новыми силами. Пышная фигура Миранды Вест, весело махавшей рукой людям, также была воплощением возрождения. Она уже шесть месяцев с радостью демонстрировала свой округлый живот всем окружающим.

Войдя в гостиницу, она зашла на кухню, взяла поднос с супом и бутербродами, затем поднялась к себе в квартиру и вытащила из-под платья подушку. Набросив халат и убедившись, что ее никто не видит, Миранда поднялась по лестнице на мансарду.

Пиони сидела на кровати и читала журнал.

— Как мы сегодня себя чувствуем? — спросила Миранда, ставя поднос.

Стены комнаты были оклеены обоями в цветочек, на полу лежал ковер, на окнах висели занавески. Были в ней и такие предметы интерьера, заказанные Пиони, как книги, граммофон и кресло-качалка. Комната была достаточно уютной, Миранда сделала все, чтобы проживание в ней было максимально комфортным для ее гостьи, но, несмотря на все ее усилия, она оставалась тем, чем по сути, и являлась, — тюрьмой. Пиони начинала ужасно тяготиться своим положением.

— Через два дня Рождество, — сказала она. — Сидя тут, я пропущу праздник.

— Не пропустишь. Я принесу тебе гуся и рождественского пудинга. К тому же у меня есть для тебя подарок.

Пиони взглянула на поднос с едой и сказала:

— Что? Опять бутерброды с паштетом?

— Мои клиенты платят большие деньги за этот паштет.

— С гораздо большим удовольствием я бы съела бутик с джемом.

Миранда подавила в себе раздражение. Она понимала, как нелегко приходится этой девушке: двадцать четыре часа в сутки сидеть в запертой комнате, не видя никого, кроме Миранды. Но это все с лихвой окупится.

— Девочка моя, осталось потерпеть всего три месяца, и ты с полными карманами денег вернешься назад в Англию.

Пиони начала капризничать.

— А вы уверены, что те люди не обманут? Ну, те, которые хотят усыновить ребенка?

— Уверена.

— А почему они ни разу не пришли посмотреть на меня? Я думала, им будет интересно увидеть мать.

— Я же тебе говорила, они не хотят себя раскрывать.

— Тогда в их интересах сдержать обещание и выполнить свою часть сделки до конца.

Миранда села на край кровати и похлопала девушку по руке.

— Тебе не о чем волноваться. Как только они возьмут ребенка, ты получишь билет до Англии.

— И пять сотен фунтов?

— Наличными. А теперь давай посмотрим, как у нас дела.

Пиони послушно легла на кровать.

— А почему вы всегда говорите «мы»? — спросила она.

— Так всегда медсестры говорят, разве нет? А я ведь твоя медсестра.

Пиони с подозрением посмотрела на нее.

— Вы же позовете принимать у меня роды настоящего врача, да?

— Я уже говорила тебе. Пара, которая усыновит твоего ребенка, уже нашла врача. Как только у тебя начнутся роды, я пошлю за ним. Теперь скажи мне, как ты себя чувствуешь.

Это повторялось изо дня в день: Миранда приходила, измеряла живот Пиони, ощупывала его, задавала вопросы типа «У тебя хороший аппетит? Ничего у тебя не болит? Как вел себя сегодня малыш?» Измерив лентой живот девушки, Миранда поняла, что ей нужно будет немного увеличить объем подушки.

— Больше не тошнит по утрам?

— Уже пять дней. Думаю, что больше и не будет.

Первые несколько месяцев Пиони чувствовала себя весьма скверно: стоило ей что-нибудь съесть, как ее тут же начинало тошнить, в результате чего она проводила немалую часть времени, согнувшись над тазом. Поэтому Миранда решила временно не кормить ее завтраками и обедами. Сама же она с большим удовольствием жаловалась любому, кто был согласен ее слушать, на мучившую ее по утрам тошноту.

— Спина болит, — сказала Пиони.

— Где?

— Здесь. И я постоянно бегаю в туалет!

Миранда улыбнулась. «Нужно будет запомнить это», — подумала она.

— Спишь хорошо?

— Вроде бы неплохо. Вы можете принести мне рыбу? Умираю, как хочется рыбы.

— Какой?

Пиони пожала плечами.

— Просто рыбы. Беременность творит странные вещи — я ведь ненавижу рыбу!

Миранда встала с кровати:

— Будет тебе рыба, причем самая лучшая, которую только можно купить за деньги. Что-нибудь еще?

— Хотелось бы более свежий журнальчик, а не этот, шестимесячной давности!

— Ты просишь невозможного. Но я посмотрю, что смогу сделать.

— Вы же знаете, как мне не нравится здесь сидеть. Не нравится до чертиков. Я с ума сойду, если не выйду отсюда.

Миранда, взявшись рукой за дверную ручку, стояла у двери.

— Пока это невозможно, — сказала она.

— Просто погулять! Разве беременные женщины не должны делать упражнения и все такое?

— Пара не хочет, чтобы тебя видели.

— Никто не узнает. Пожалуйста, мэм. Выпустите меня отсюда хоть ненадолго. Я не наделаю никаких глупостей, обещаю вам.

— Пиони, мы закрыли эту тему еще в августе. Ты согласилась выполнять все требования, на которых приемные родители твоего ребенка будут настаивать. Выйдешь из этой комнаты, и договор

расторгается. Сможешь пойти на все четыре стороны: без денег, но с животом. Это понятно?

Пиони теребила прядь волос.

Миранда улыбнулась и ласково произнесла:

— Все твои страдания будут хорошо оплачены. Вот увидишь. Но только в том случае, если ты все будешь делать так, как тебе говорят.

Взяв наконец бутерброд и откусив от него большой кусок, Пиони прошамкала:

— Хо-о-шо. Я никуда не пойду.

Выйдя из комнаты, Миранда заперла ее на ключ.

«По утрам меня больше не тошнит, зато появилось непреодолимое желание есть рыбу! — писала Миранда в письме своей сестре в Лондон. — Болит спина, и мне приходится часто бегать в туалет; но ничего — еще три месяца, и все будет прекрасно. Лорд Тривертон строит для меня потрясающе красивый дом. Я перееду туда сразу, как только родится ребенок. Ты приедешь ко мне, и мы будем жить вместе. Как хорошо мы заживем!»

Миранда отложила в сторону ручку, сложила лист и всунула его в конверт вместе с фотографией, на которой она была изображена в платье для беременных.

Затем она стала размышлять, когда ей лучше заняться увеличением подушки — сегодня или завтра, как вдруг услышала за дверью какой-то звук.

Миранда замерла. Ее квартира располагалась на верхнем этаже прямо над кухней; в нее вела отдельная лестница, поэтому она была изолирована от остальной части гостиницы и недоступна для гостей. Она посмотрела на часы. Была полночь. За ее дверью кто-то стоял.

Пиони! Ей удалось открыть замок и выбраться из комнаты!

Миранда вскочила, побежала к двери и резко распахнула ее, надеясь застать врасплох и схватить девчонку, пока ее никто не увидел. Но тут Миранду ждало потрясение: на пороге стоял ее муж, Джон Вест!

— Привет, дорогая, — произнес он.

Она попятилась.

— Выглядишь так, словно привидение увидела. Что, не узнаешь собственного мужа?

— Джек! — прошептала она. — Я думала, ты погиб.

— Ага, мне было нужно, чтобы все так думали. Ты даже не пригласишь меня войти?

Коренастый рыжеволосый мужчина с бородой до груди в выцветшей, с разводами от пота, рубашке цвета хаки прошел мимо нее. Он окинул взглядом квартиру. — Хорошо устроилась, Миранда. Просто чудненько.

Она быстро закрыла дверь.

— Что ты здесь делаешь?

Он повернулся и поднял вверх свои рыжие кустистые брови.

— Что я здесь делаю? Ты что, дорогая, забыла, я твой муж. Разве у меня нет права здесь находиться?

— Нет! Ты ведь бросил меня.

— Бросил! Я же сказал тебе, что поехал на озеро Виктория искать гиппопотамов.

— Это было семь лет назад. За все это время от тебя не было ни слуху ни духу.

— Что ж, вот он я — слушай и нюхай сколько тебе влезет. Не предложишь мне чем-нибудь смочить горло?

Мозг Миранды лихорадочно заработал: спрятанная на мансарде девушка, подушка под платьем, лорд Тривертон. Она налила Джеку виски и спросила:

— Где ж ты пропадал все это время?

Он сел в кресло, в котором шесть месяцев назад сидел лорд Тривертон, и положил ноги в грязных ботинках на подлокотник.

— То здесь, то там. С гиппопотамами не вышло, но мне удалось немного заработать на войне. Шпионил для англичан, разведывал для немцев. Потом браконьерствовал в Судане — добывал слоновую кость.

— А что привело тебя в Найроби?

— До меня дошли слухи, что в Найанце нашли золото. Решил вот податься в старатели.

Миранда говорила осторожно, тщательно подбирая слова.

— То есть ты не планируешь остаться здесь?

— Пока там есть золото, нет! — Он залпом осушил стакан и протянул его Миранде, чтобы она снова наполнила его. — Около озера Виктория под известняком были обнаружены залежи кварца. А говорят, где кварц, там и золото. Знаешь, сколько нынче дают за унцию золота? Четыре фунта!

— Тогда почему ты здесь, а не там?

Он выпил второй стакан и протянул руку за третьим.

— Мне нужно как следует подготовиться. Мне нужна парочка надежных черномазых и пять здоровых крепких мулов. Плюс оборудование. За этим я и приехал в Найроби. — После третьего выпитого стакана щеки Джека вспыхнули огнем, и он, задумчиво поглаживая бороду, сказал: — Но понимаешь, у меня нет на это денег. Поэтому, когда я услышал, что моя собственная жена держит в городе гостиницу и делает это с большим успехом, я решил…

Миранда резко повернулась и направилась к небольшому сейфу, стоящему возле ее кровати.

— Сколько ты хочешь? — спросила она.

— Тише, тише, — произнес он, вставая на ноги. — К чему такая спешка? Я не могу принимать такие решения в столь поздний час. Деловая часть нашей встречи может подождать и до утра.

Миранда похолодела. Она повернулась к нему и сказала:

— Джек, мы больше не муж и жена.

— С чего бы это! — Он направился к ней. — Клянусь Богом, пока меня не было, ты стала настоящей красоткой!

Миранда попятилась от него. Ее планы, такие хрупкие, такие ненадежные… Джек мог все разрушить.

— Когда ты уезжаешь на поиски золота? — спросила она.

— Завтра. Как только все подготовлю, сразу и уеду. Но сейчас у меня на уме кое-какие другие поиски!

Миранда остановилась, позволяя ему приблизиться к себе. Она знала, что поиски золота в Кении могли занять годы. Как только он уберется из города, она займется разводом, которым ей стоило заняться еще несколько лет назад. Никто не должен знать, что он вернулся в город, что она видела его и что он вообще жив. Она сделает так, как он хочет, а затем отправит его восвояси.

Он подошел к ней так близко, что она чувствовала исходящий от него запах виски. Когда он дотронулся до нее, она не протестовала. Она позволила ему это сделать. Закрыв глаза, она думала о том, как много поставлено на кон.

19

Грейс была в отчаянии.

Шесть дней она бегала по Найроби в поисках источника финансовой помощи, но безрезультатно. И хотя Лига женщин Восточной Африки заверила ее в своей поддержке, а губернатор и другие заинтересованные лица пообещали делать пожертвования, большинство людей считали, что сестра одного из богатейших людей в Восточной Африке не нуждается в их помощи. Достаточно было лишь взглянуть на великолепный каменный дом, который Валентин построил для своей любовницы и внебрачного ребенка, чтобы понять, что он может позволить себе финансово поддержать сестру. Если бы только они знали! Грейс уже ходила к Валентину, но он отказал ей.

Ей было нелегко обратиться к нему за помощью. Она была ужасно зла на него из-за Миранды. До бедняжки Роуз, несмотря на ее изолированность от общества, продолжали доходить слухи о его похождениях налево. Однажды вечером она пришла к ней в состоянии полнейшей истерии и заявила, что это ее вина, что она плохая жена Валентину, что она способна производить на свет только девочек или выкидыши. Грейс дала невестке успокоительное и отвела назад в дом, в то время как Валентин был в Найроби в гостях у той женщины.

Грейс посмотрела на низко нависшее небо. Стоял март, скоро должен был начаться сезон дождей. Она знала, что должна вернуться домой до того, как дороги превратятся в непроходимые болота, но сперва нужно было вернуть себе миссию.

Преподобный Томас Мастерс из Уганды оказался препротивнейшим человеком.

Едва приехав, он начал спасать души, брызгать святой водой и внимать рассказам о безграмотности африканцев. Он давал им имена белых людей и обещал вечную жизнь взамен на произнесение нескольких слов на языке, который они не понимали.

Африканцы шли к нему ради магии и силы имени белого человека, в результате деревня наполнялась Томасами, Джонами и Рейчелами. Они с трудом повторяли за ним слова молитвы и считали себя равными белому человеку.

Священник также взял на себя контроль над денежными средствами, присылаемыми миссионерским обществом. Он требовал от Грейс письменных заявок на покупку того или иного медицинского средства; ей приходилось отчитываться за каждый дюйм бинта, за каждый стежок нитки. И если он считал действия Грейс расточительными, то заставлял ее ограничиваться меньшими тратами.

Глядя через пенсне, на длинном тощем носу, мистер Мастерс находил все новые поводы для бесконечных придирок к Грейс Тривертон. Особенно насчет Вачеры. Он заявил, что не понимает, почему Грейс не разобралась с этой проблемой давным-давно.

— Не нужно ее просто игнорировать, — заявил он. — Приведи ее к Иисусу. Как только она встанет на путь истинный, она отречется от своих колдовских проделок и народ пойдет за ней.

Ради финансовой поддержки от миссионерского общества Грейс терпела все занудства мистера Мастерса до тех пор, пока он не стал лезть к ней с расспросами о ее отношениях с Джеймсом Дональдом, женатым человеком.

Как-то поздним вечером Джеймс заехал к ней и привез пару куропаток, сыр и масло со своей молочной фермы. Уже зашло солнце, а они продолжали сидеть и разговаривать. Священник, пришедший к Грейс для разговора, увидев в ее гостиной сэра Джеймса, застыл в дверях как вкопанный. Следом за этим последовала лекция о необходимости вести себя так, как подобает благочестивой христианке, чтобы служить хорошим примером для подражания африканцам, на что Грейс ответила преподобному, что тот должен заниматься своими делом и не совать нос в чужие дела. Об этом разговоре, она была в этом уверена, будет доложено в миссионерское общество.

Именно тогда Грейс и решила обратиться за помощью к Валентину.

Она нашла его в северной части плантации, верхом на коне и с хлыстом в руке, следящим за мульчированием и прореживанием посадок. Со дня на день должны были начаться затяжные дожди, и он спешил закончить работы на полях до их наступления. Пока Грейс излагала ему суть своей проблемы, Валентин не сводил глаз с работников: полностью позабыв о своей воспитанности, он то и дело прерывал ее, отдавая приказания направо и налево. Бессонные ночи

отразились на его лице; он горел желанием создать богатейшую плантацию на территории Кении.

— Побыстрее, Грейс, — с нетерпением в голосе сказал он. — Дожди начнутся со дня на день, а ты отнимаешь у меня драгоценное время.

После того как она сообщила ему о цели своего визита, он произнес:

— Я давал тебе два года, Грейс. И вот пожалуйста: ты в Кении два года, и ты потерпела фиаско.

— Я не потерпела фиаско. Мне просто нужна помощь.

— Ты клялась и божилась, что обойдешься без меня. Ты обещала мне, что не будешь лезть ко мне с этой своей затеей. Вахиро! — крикнул он. — Принеси еще удобрений. И скажи им, чтобы на этот раз они распределяли его как следует!

— Валентин…

— Лечить их — это одно, Грейс. Я не имею ничего против этого. Но учить их, образовывать — это уже совсем другое дело. Где бы я был, если бы эти парни возомнили себя хозяевами? Дай им образование, и они захотят взять власть в свои руки. А нам придется собирать вещи и возвращаться назад, в Англию, несолоно хлебавши. Ты этого хочешь?

Грейс была вне себя от гнева. Она хотела высказать ему все о Миранде и ребенке, напомнить о бедняжке Роуз и Моне, которой было уже два года, но которая не видела от отца ни любви, ни ласки, попрекнуть его тем, в какой хаос он превращал свою собственную жизнь. Но она знала, что этим она добьется только безобразной сцены и отдалит от себя брата еще больше. Поэтому она решила рискнуть съездить в Найроби невзирая на сильные дожди, которые в скором времени сделают дороги не просто непроходимыми, а очень опасными; не один фургон исчез в пучине внезапно появившегося грязевого болота вместе с людьми. Ее друзья в Найроби были последней надеждой. Она должна была избавиться от мистера Мастерса.

Но сейчас даже ее друзья не могли предложить ей достаточной финансовой помощи. Единственное, что ей оставалось, это обратиться в банк и взять ссуду, но как она будет ее отдавать, она не имела ни малейшего понятия.

Грейс проводила взглядом запыленный автомобиль, проехавший мимо нее, затем перешла дорогу и вошла в банк Харди Акреса.

* * *

Миранда склонилась над керамической чашей: ее вырвало.

Тело сотрясалось от дрожи, поэтому, чтобы не упасть, она вцепилась за края стола. Затем обессиленно опустилась в кресло и отрешенным взглядом посмотрела на окно, по которому стекали струйки легкого дождика. Она не испытывала никаких эмоций — ни радости, оттого что наконец пошел дождь, который принесет Кении еще один благословенный год, ни отчаяния, оттого что у нее появится много хлопот с уборкой гостиницы. Она вообще ни о чем не думала. Ее самые худшие опасения подтвердились: она беременна.

Первое подозрение у нее возникло еще в феврале, когда в назначенный срок у нее не начались месячные.

Она тешила себя надеждой, что это просто задержка, — надеждой, которую таила с каждым днем, с каждым приступом тошноты. Но сегодняшний день развеял все ее сомнения и разрушил все ее чаяния. Та информация, которую она получала от Пиони, расспрашивая ее о самочувствии, позволила ей безошибочно определить собственное состояние.

Ее отчаянный взгляд блуждал по комнате: с окна — на лежащее на столе смятое письмо, полученное день назад от золотоискателя, компаньона Джека, который сообщал ей о трагической гибели ее мужа от раненого носорога, на валявшуюся на кровати несуразную подушку — набитую тряпками наволочку, имитировавшую девятимесячный живот беременной. И наконец, взгляд Миранды переместился на потолок: там, наверху, в мансарде, лежала Пиони, которая уже считала часы до родов.

Миранде не оставалось ничего другого, как ехать к миссис Бэйтс в Лимуру. Ни для кого в Кении ее грязные делишки не были секретом; Миранда могла назвать имена по меньшей мере трех женщин, которым миссис Бэйтс на своей кухне помогла избавиться от плодов их ошибок. Проблема была в другом: когда туда можно поехать. Миссис Бэйтс не делала аборты тем, у кого срок беременности превышал четыре

месяца. У Миранды было уже более трех. Ей нужно ехать как можно быстрее. Но вот когда?

Пиони должна вот-вот родить, поэтому Миранда не могла оставить ее одну. Она солгала девушке про врача, который якобы должен будет прийти, как только начнутся роды: Миранда планировала принимать их сама. Секретность была превыше всего. Она возьмет ребенка, выбросит подушку и посадит Пиони на первый же поезд до побережья.

Теперь вот возникла новая проблема.

Миранда взглянула на часы. Было около пяти — время чаепития. Она не заходила к Пиони с самого утра.

В ее голове роились вопросы. Когда ей поехать к миссис Бэйтс? А если Пиони ошиблась в сроках и ребенок родится не раньше, чем через две-три недели? Получится, что Миранда родит ребенка лорда Тривертона и останется по-прежнему беременной!

Она бросила взгляд на поднос, который приготовила для Пиони. На нем лежал журнал, полный романтических историй и сплетен об американских кинозвездах. На последней странице были напечатаны объявления о продаже «дефицитных» товаров. Рекламодатели указывали номера своих почтовых ящиков, требовали предоплату и обещали быструю и надежную доставку «препаратов — регуляторов женского цикла», качество которых они гарантировали.

Миранда устало поднялась и взяла поднос.

Она ничего не знала о том, как принимать роды, но решила, что с легкостью справится с этим, что это будет простым, естественным процессом. Она нашла книгу «Роды на дому», которая оказалась совершенно бесполезной, так как была издана двадцать лет назад, на рубеже веков, и оказалась настолько целомудренной, что все рекомендации сводились к тому, чтобы «поставить вокруг роженицы ширму».

Поэтому Миранда решила полагаться на собственные инстинкты. В тумбочке Пиони лежала стопка новых полотенец и простынь, мыло, бутылка со стерильной водой, таз для умывания, а также чайные полотенца с безопасными булавками по бокам на послеродовой период. Все будет хорошо, сказала себе Миранда, открывая дверь на мансарду: через день-два у нее появится ребенок, Пиони, живая и

здоровая, будет трястись в поезде, и она избавится от своей проблемы, выкроив время для визита на ферму миссис Бэйтс.

Войдя в комнату на мансарде, она закричала, выронив из рук поднос.

Быстренько заперев за собой дверь, Миранда подбежала к кровати и начала щупать пульс Пиони. Первые секунды ей не удавалось уловить его, но потом она ощутила слабую пульсацию.

— Пиони? — позвала она. — Пиони?

На мертвенно-бледном лице не дрогнул ни один мускул. Миранда глянула на сочащуюся на матрас кровь, покрывающую ноги и платье Пиони, и постаралась взять себя в руки. Девушка еще жива. Миранда быстро сняла с Пиони одежду, постелила под нее чистую простыню и попыталась остановить кровотечение.

Что произошло?

Миранда начала дрожать. Она не имела ни малейшего представления, что ей делать. Ощупала живот девушки. Ребенок был жив, он двигался. Затем мышцы живота сократились, и кровотечение усилилось.

Миранда выбежала из мансарды и стала спускаться вниз по лестнице. Она вбежала в кухню, до смерти перепугав мальчика-поваренка.

— Доктори! — прокричала она, выпихивая его на улицу. Остальные работники прервали работу и наблюдали за происходящим.

— Быстро!

— Доктори Гэар?

— Любой доктор! Быстрее! Скажи ему, что это вопрос жизни и смерти!

* * *

Кабинет мистера Акреса, представлявший собой простую решетчатую клетку, располагался в задней части крошечного банка, состоявшего из небольшого квадратика пола и кассы с решеткой и окошком для кассира, где молодой индус считал деньги.

— Доктор Тривертон! — воскликнул мистер Акрес, вставая и одергивая жилет. — Я никоим образом не хотел вытягивать вас из дома

в такую погоду. Это могло бы подождать до окончания дождей.

— Прошу прощения?

— Вы ведь приехали из-за моей записки?

— Какой записки?

— Надо же, какое совпадение. — Он пододвинул к ней стул и сел за стол. — Я послал записку в Найэри, командующему округом, чтобы тот передал ее вам. Это насчет вашего банковского счета.

Она удивленно посмотрела на него.

— Какого банковского счета?

Он покопался в лежащих на столе бумагах, прочистил горло и достал гроссбух.

— На ваше имя, доктор Тривертон, был открыт счет. — Он наклонился вперед и открыл книгу. — Вот, пожалуйста. Видите? Это сумма, которая была положена на ваш счет, — пятьсот фунтов. Вы можете снимать с него так часто, как пожелаете, при условии, что не превысите сумму расходов в течение двенадцати месяцев.

Грейс растерянно смотрела на аккуратные столбики цифр, на строчку, где были напечатаны ее фамилия и имя.

— Я ничего не понимаю.

— Что ж, по правде сказать, я предполагал, что вы сильно удивитесь. Понимаете, этот счет был открыт человеком, который будет пополнять его ежегодно на пятьсот фунтов. Этими деньгами вы сможете распоряжаться по своему усмотрению.

Она уставилась на него.

— Все равно ничего не понимаю. Каким человеком?

— Я не имею права разглашать эту информацию, доктор. Личность вкладчика должна оставаться для вас тайной.

Грейс посмотрела на него. Дождь стучал по железной крыше маленького банка, заполняя помещение грохотом. С потолка начала капать вода: молодой индус быстро схватил ведро и подставил его под течь.

— Мистер Акрес, я даже не знаю, что сказать…

— Могу представить. Пятьсот фунтов — большие деньги.

— И вы не скажете мне, кто это сделал?

— Анонимность вкладчика — одно из условий соглашения. Если эта информация каким-нибудь образом раскроется, вкладчик закроет

счет. Я даже не могу сказать вам, откуда пришли эти деньги: из Кении или какого-либо другого места.

Грейс как завороженная смотрела на страницу гроссбуха, на строчку со своей фамилией и внушительными цифрами. Из Кении или какого-либо другого места. Кто, черт возьми?..

Вдруг в ее голове зазвучал голос: «Грейс, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе». Сэр Джеймс произнес эти слова в тот вечер, когда рассказал ей о том, что Люсиль написала письмо в Общество. «Обещаю тебе, я сделаю все, чтобы помочь тебе».

— Но он не мог себе этого позволить.

Мистер Акрес посмотрел на нее поверх очков.

— Вы что-то сказали, доктор?

Она покачала головой. Конечно, он бы захотел, чтобы вкладчик оставался неизвестным, и, конечно, она будет уважать его за это.

Первое, что она сделает после того, как отправит мистера Мастерса первым же поездом на Момбасу, — поедет на Килима Симба и поделится с Джеймсом хорошими новостями.

— Мемсааб доктори! Мемсааб доктори! — завопил насквозь промокший поваренок, вбегая в банк.

Харди Акрес вскочил на ноги.

— Это что еще такое!

Кассир-индус попытался схватить забрызганного грязью паренька, но тот ловко увернулся.

— Доктори! — запыхаясь, произнес он. — Мемсааб срочно нужна ваша помощь. Она сказала, это вопрос жизни и смерти. Харака, харака!

— Что случилось?

— Пойдемте! Что-то плохое!

— Кто тебя послал?

— Мемсааб Вести!

Грейс и банкир обменялись взглядами. Затем она сказала:

— Передай миссис Вест, что я заеду сначала за своими медицинскими инструментами. Я остановилась у Милфордов на Гавермент Роуд.

* * *

Грейс, сбросив с себя плащ и откинув зонтик, поспешила по ступенькам лестницы. Когда она влетела в комнату на мансарде, то увидела Миранду, мечущуюся возле кровати, на которой, на первый взгляд, лежал труп. За те мгновения, что Грейс закрывала дверь и шла к кровати, ее опытный глаз отметил две важные детали: что лежащая на кровати девушка не могла разродиться и что вдова Вест, что было очень неожиданно, больше не беременна.

Грейс присела на край кровати, раскрыла саквояж с инструментами и вынула из него стетоскоп.

— Что случилось? — спросила она, слушая сначала грудь, потом живот Пиони.

— Утром у нее начались роды…

— Сейчас вечер. Почему вы не позвали врача сразу?

Миранда, в глазах которой застыл ужас, молчала.

Бросив на женщину свирепый взгляд, Грейс продолжила обследовать Пиони.

Она поняла, что ситуация безнадежная: плацента разлагалась, и бедняжка истекала кровью. Для госпитализации или операции было уже слишком поздно; еще повезет, если она сможет спасти ребенка. Но за это придется бороться.

— Спасти девушку не удастся, — сказала она, поспешно приготавливаясь к извлечению ребенка. — Но я попытаюсь спасти ребенка. — Она взглянула на Миранду. — Это ведь то, чего вы хотели, не так ли? Этого ребенка?

Миранда сглотнула и кивнула головой.

«Валентин! — подумала Грейс, торопливо разворачивая стерильные инструменты. — Какой же ты глупец!»

Ночь становилась все темнее: на стенах в свете лампы-«молнии» дрожали тени двух женщин. По окнам хлестал бесконечный дождь, погружая Найроби в кладбищенскую тишину. Грейс работала быстро, используя инструменты, простыни и полотенца. Нужно было справиться с пуповиной, обмотавшейся вокруг шейки ребенка, и кровотечением, таким же сильным и непрекращающимся, как дождь. Миранда ассистировала ей; они сидели рядом, склонив друг к другу головы, и делали всю работу, потому что Пиони уже ничем не могла им помочь.

Девушка умерла, не дожив несколько минут до первого крика своего ребенка.

— Это мальчик, — сказала Грейс, и Миранда, как подкошенная, упала в глубокий обморок.

20

Командующий округом Бриггс чувствовал себя крайне неловко.

— Все, э-э, очень странно, лорд Тривертон, — сказал он, стараясь не смотреть Валентину в глаза. — Весьма загадочное дельце.

Они сидели на веранде дома Валентина за утренним чаем и наслаждались солнцем, столь редким в последнее время из-за частых дождей. Тучи уже начали сгущаться над плантацией Валентина, чтобы снова пролить свою благословенную живительную влагу на пять акров кофе.

— Судя по всему, э-э, это произошло четыре дня назад, — продолжал Бриггс. — Один из мальчишек, работавших на кухне, сказал, что миссис Вест послала его за врачом. Для девушки по имени Пиони Джонс, которая приехала из Англии пятнадцать месяцев назад и работала служанкой в гостинице миссис Вест. Ваша сестра подтвердила события той ночи. Она дала свидетельские показания в полиции на следующее утро и подробно написала о том, что произошло.

Валентин сидел с каменным выражением лица, совершенно позабыв о чашке с чаем.

Офицер заерзал на стуле, мысленно ругая все и вся за то, что разбираться в этом щекотливом деле выпало на его долю.

— Итак, э-э, как я сказал, машина миссис Вест была найдена на дороге в Лимуру, недалеко от фермы Бэйтсов. Доктор Тривертон сказала, что она ничего не знает об этом, а в своем отчете она написала, что, приняв роды у Джонс, она сразу же уехала. Вероятно, миссис Вест решила поехать на машине в Лимуру после того, как умерла ее служанка. Нам ничего не известно о цели ее поездки. — Бриггс бросил взгляд на Валентина, который, не мигая, смотрел в одну точку, и продолжил: — С ней находился младенец, скорее всего, тот, которого приняла ваша сестра. Он все еще был в руках миссис Вест, когда ее нашли; оба утонули в грязи. Судя по всему, ее машина застряла, и миссис Вест решила идти пешком под сильнейшим дождем, но это оказалось для нее невыполнимой задачей.

Валентин смотрел вдаль, за ряды зеленых, покрытых белыми цветами кофейных кустов. Там, окутанная тайной и величием, стояла

гора Кения.

— Но, э-э, самое странное во всем этом деле то, что, э-э, ребенок… которого нашли с миссис Вест, был полукровкой, э-э, наполовину черным. Медэксперт дал заключение, что служанка состояла в сексуальной связи с африканцем.

Валентин и глазом не моргнул. Он словно был под гипнозом.

— Есть еще одна загадочная вещь, лорд Тривертон. Медэксперт также написал в своем отчете о том, что миссис Вест на момент своей смерти была беременной… около трех месяцев.

Валентин перевел взгляд на командующего округом.

— А к чему вы мне все это рассказываете? Я не имею никакого отношения к миссис Вест.

Бриггс пристально посмотрел на него, затем отвел взгляд в сторону. Взяв шляпу и трость, офицер встал, что-то пробурчал и поспешил прочь.

Дожди шли всего неделю, однако каштаны уже вовсю цвели буйным розовым цветом, а алоэ пестрели среди скал яркими красными пятнами. Куропатки выводили музыкальные гаммы, а певчие птички отвечали им своими трелями.

Роуз пела вместе с природой. Она сидела в своей любимой беседке и вышивала пейзаж. В бледно-розовом кардигане, светло-коричневой шерстяной юбке и зеленом шарфе, она, казалось, сама была творением дождя. В беседке она находилась не одна. Миссис Пемброук и Мона расположились рядом и рассматривали книжку с картинками; девочка-африканка сидела на корточках возле корзины с провизией, готовая в любую минуту накормить горячими пирожками и шоколадом; трое мужчин кикую стояли на страже среди эвкалиптовых деревьев. Домашние питомцы Роуз также были рядом со своей хозяйкой. Черномордая зеленая мартышка лежала, свернувшись калачиком, у нее на коленях, а рядом, привязанная к столбу, лежала Дафна, маленькая антилопа, которую Роуз спасла, когда та была не больше кошки.

На толстой раме была растянута белая канва, которая стала для Роуз смыслом ее жизни. Она вышила на ней контуры будущего рисунка, сделала своего рода вышивку-эскиз. На одной стороне начинала материализовываться гора Кения со скалистой вершиной и

нависшим над ней облаком, вышитым жемчужно-белой ниткой; холмы, которые будут вышиты флорентийским стилем персидскими нитками; джунгли с их веревками-лианами и зарослями кустарников начинали медленно оживать с помощью вышивального шелка и французских узелков. В мыслях Роуз видела свою картину — готовую, дышащую, живую. На ней оставалось только одно незанятое место: немного в стороне, между двух искривленных деревьев. Остальная часть пейзажа была завершенной: каждое место имело свой предмет, и каждый предмет имел свое место.

За исключением этого загадочного пространства. И как бы она ни изучала его и ни старалась чем-нибудь заполнить, ничего не выходило. Оно было единственным пустым местом в вышивке Роуз, которое невозможно было чем-либо заполнить.

Миссис Пемброук выразительно прочистила горло. Роуз подняла голову и, к своему огромному удивлению, увидела идущего между деревьев Валентина.

Он поднялся по ступеням беседки, стряхнул с себя дождевые капельки и сказал:

— Я бы хотел остаться с женой наедине, если вы не возражаете.

Никто не двинулся с места. Удивленная Роуз внимательно посмотрела на мужа, пытаясь угадать его настроение. Затем кивнула няне, и та вышла, прихватив с собой Мону и девочку-африканку.

Оставшись с женой наедине, Валентин опустился рядом с ней на одно колено.

— Я тебе помешал? — тихо спросил он.

— Ты никогда раньше не приходил сюда, Валентин.

Он взглянул на вышивку. Пунктирные контуры, сделанные разноцветными нитками, казались ему полной бессмыслицей, тем не менее он похвалил жену. Затем спросил:

— Ты счастлива здесь, Роуз?

Его лицо находилось на одном уровне с ее лицом; она видела, сколько нежности и любви было в его глазах.

— Да, — прошептала она. — Я счастлива здесь, Валентин.

— Ты же знаешь, что это все, чего я хочу, — чтобы ты была счастлива.

— Я знаю.

— Той ночью, во время рождественской вечеринки, Роуз, то, что я сделал…

Она прикоснулась кончиками пальцев к его рту.

— Мы не должны говорить об этом. Никогда.

— Роуз, мне необходимо поговорить с тобой.

Она кивнула.

— Я слышала о том, что случилось с миссис Вест, Валентин, мне очень жаль.

В его взгляде появилось страдание. Он с силой сжал спинку ее стула.

— Я люблю тебя, Роуз, — сдавленным голосом произнес он. — Ты веришь мне?

— Да, Валентин.

— Я понимаю, что после всего я не могу рассчитывать на твою любовь, но…

— Я очень люблю тебя, Валентин.

Он заглянул в ее светло-голубые глаза и понял, что она говорит правду.

— Мне нужен сын, — тихо сказал он. — Ты должна понять это. Мне нужен сын, чтобы он унаследовал то, что я создал.

— А разве Мона не сможет этого сделать?

— Конечно нет, дорогая. Ты же это знаешь.

— Ты хочешь, чтобы я родила тебе сына? — спросила она.

— Да.

— Это пугает меня, Валентин.

— Я не сделаю тебе больно, Роуз. Я никогда не заставлю тебя страдать. Больше мне не к кому обратиться с такой просьбой, — он склонил голову. — Если ты сделаешь это для меня, я дам тебе обещание. Роди мне сына, Роуз, и я больше никогда не войду в твою спальню.

Она прикоснулась холодной, тонкой рукой к его щеке. В ее глазах появились слезы. Валентин вернулся к ней; и он любил ее.

— Тогда я согласна на это, — решила она.

12 августа 1922 года лорд Тривертон наконец получил долгожданного сына и наследника. Роуз выполнила свою часть сделки. А Валентин — свою.

Часть третья
1929

21

Мона только что решила, что готова к побегу. Ей лишь нужно было выбрать подходящий момент.

Ее мрачный взгляд блуждал по заполненным людьми улицам Парижа, которые проносились за стеклом их лимузина, направляющегося к вокзалу. Она разглядывала пешеходов на тротуарах, затем обернулась, чтобы рассмотреть замершую на минуту процессию из блестящих на солнце лимузинов. Мона ехала вместе с матерью в первой машине, в следующей была Сати, индианка — няня Моны, личный секретарь леди Роуз и маленькая африканская девочка по имени Нджери. Еще две машины, заполненные многочисленным багажом и коробками с покупками Роуз, с сидящими в них двумя служанками, следовали за ними. Все вместе эти блестящие черные машины с задернутыми занавесками на окнах, скрывающими пассажиров от посторонних взглядов, представляли собой редкое зрелище. Весь кортеж направлялся к площади Согласия.

Мона чувствовала, как тяжело у нее на душе. За эти восемь недель, проведенных в Париже, преимущественно в стенах отеля «Георг V», потому что шум и толпа раздражали Роуз, Мона так и не смогла отговорить свою мать от поездки в Суффолк. Теперь же они направлялись на вокзал, где должны были пересесть на паром, который доставит их в Англию. Мону оставят там.

Какой же это отвратительный город с гротескными зданиями и обнаженными статуями, странными мостами, переброшенными через холодную широкую реку. Первый взгляд на Париж ужаснул Мону. Она никогда прежде не видела такого множества людей, никогда не слышала такого шума. Небо едва проглядывало в разрывах между крышами. Это напоминало ей ульи, которые делало племя Вакамбы. Все в Париже куда-то спешили. Люди торопливо бежали по тротуарам с поднятыми воротниками, их лица были покрасневшими и измученными. Они перебегали с одной стороны улицы на другую, шли по асфальту от одной каменной стены к другой. Здесь не было ничего природного, естественного, все было спланированным и организованным. Из окон и дверей домов раздавались звуки джаза, дико разряженные американские девушки приглашали своих кавалеров

посидеть в уличных кафе, демонстрировали всем свои сигареты и шелковые чулки. Мона хотела вернуться домой, назад в Белладу, в миссию тети Грейс. Ей хотелось снова свободно носиться, сбросить с себя эти ужасные тряпки, которые мать купила ей в каком-то месте, которое называлось салоном. Она мечтала вновь оказаться рядом с друзьями — Гретхен Дональд и Ральфом, которому было уже четырнадцать лет и который был так хорош собой, что Мона по уши влюбилась в него.

Почему, почему ей надо уехать из Кении?

— Мама, — она бросила пробный шар.

Роуз не подняла головы и не оторвалась от романа Скотта Фицджеральда, который читала в этот момент.

— Да, дорогая?

— Не могли бы мы на некоторое время отказаться от этого? Пока я немного не подрасту?

— Ты будешь в восторге от интерната, дорогая. Лично я была в восторге, — мягко улыбнулась Роуз.

— Но почему я должна ходить в школу-интернат в Англии? Почему я не могу ходить в школу-интернат в Найроби?

— Я уже объясняла тебе это, дорогая. Мы хотим нечто лучшее, чем интернат в Найроби. Ты дочь графа, ты должна получить достойное образование, которое будет соответствовать твоему статусу.

— Но Гретхен и Ральф ходят туда!

Роуз отложила в сторону книгу и улыбнулась дочери. Бедный ребенок! В десять лет вряд ли можно ожидать от нее понимания.

— Ты должна быть воспитанной. Как настоящая леди, Мона. Гретхен Дональд станет женой фермера. А это большая разница.

«Но я не хочу становиться леди! Я хочу жить в Белладу и выращивать кофе!» — хотелось закричать Моне. Она знала подлинную причину, из-за которой ее везли в Англию: родители не любят ее.

— Мамочка, обещаю тебе, я буду хорошо вести себя, всегда делать то, что мне говорят, обращать внимание на уроки, и я больше не буду сердить тебя и папочку!

Роуз с удивлением взглянула на нее.

— Что такое? Мона, дорогая, кто внушил тебе такие глупые представления? Школа-интернат — это не наказание. Ты должна радоваться тому, что едешь туда!

Она подняла руку, и Мона подумала, что мама хочет коснуться ее. Но этот жест был направлен только на то, чтобы поправить вуаль, скрывающую глаза Роуз. Книга снова очутилась в руках мамы, которая опять с головой ушла в чтение.

Мона шмыгнула носом. Она не могла вспомнить, чтобы родители когда-нибудь гладили ее или похлопывали по плечу. Она всегда пребывала в окружении нянек, которые возвращались в Англию или находили себе мужа в Кении. Потом на смену им пришли гувернантки, бесконечная череда молодых женщин, которым быстро становилось скучно жить в полной изоляции в Белладу. Вот почему Роуз наконец отказалась от них и наняла Сати, первую няню-индуску для Моны. Няни, компаньонки из африканок или индианок были общепринятым явлением в Кении, потому что там для этих целей трудно было найти англичанок. Тривертоны были последними, кто еще сопротивлялся этому обычаю. Теперь постоянной компанией для Моны стала молодая девушка из Бомбея, которая носила яркие сари и пользовалась тяжелыми насыщенными пряными духами, которая была единственной, кто проявлял к Моне хоть какое-то подобие ласкового участия.

Когда они прибыли на вокзал, люди вокруг останавливались, замирали и разглядывали элегантную и загадочную даму, выходившую из лимузина. Эти восемь недель в Париже были первой встречей Роуз с миром моды за более чем десятилетний срок; она сразу же восприняла все новомодные тенденции. Черная фетровая шляпка плотно охватывала ее головку, скрывая лоб и брови, из-под нее сверкали глаза, на которые было наложено слишком много туши, что делало Роуз особенно загадочной и притягательной. На ней был черный костюм от Шанель с поднятым вверх воротником из лисы, который скрывал нижнюю часть ее лица так, что она отчасти напоминала яркий образ Полы Негри, популярной кинодивы.

Мона знала, что все думают, что ее мать — кинозвезда, в магазинах Парижа люди часто обращались к леди Роуз за автографом. Мона ощущала болезненную неловкость, стоя рядом с матерью, которая привлекала всеобщее внимание, и наблюдая за тем, как из машин выгружают их многочисленные чемоданы и кофры на тележку для багажа. Когда Сати и Нджери вышли из второго лимузина, в толпе французов пронесся гул удивления.

Несмотря на надетое на ней модное платье и туфли на завязках, девятилетняя Нджери произвела сенсационное впечатление: у нее были коротко обритые волосы на голове, множество серег с бусинами, свисающими с ушей. Служанки Роуз, обе африканки в черной униформе, и ее личный секретарь мисс Шеридан, на которой также была тесная шляпка и поднятый вверх воротник, скрывающий часть ее лица, сомкнулись вокруг своей хозяйки, защищая ее от толпы. Все вместе они поспешили за багажной тележкой, мечтая поскорее очутиться в вагоне.

Толпа переместилась за ними на платформу, начала посылать поцелуи, выкрикивать прощальные слова и махать. Мона была стиснута со всех сторон меховыми пальто и оглушена быстрой французской речью. Она теснее прижалась к матери, в то время как мисс Шеридан направилась на поиски носильщика, который мог бы помочь им.

Когда Мона заметила, как Нджери, напуганная толпой на вокзале, прижимается к леди Роуз, ее обида на маленькую африканскую девочку еще больше усилилась.

Нджери впервые привлекла внимание Роуз в прошлом году, когда случайно оказалась на поляне среди эвкалиптовых деревьев и стояла там тихая и напряженная, как газель; она рассматривала хозяйку, сидящую под газибо. Мона с детской ревностью заметила, что мать тронул вид маленькой девочки, одетой в какие-то тряпки, и что она воспринимает ее так же, как диких животных, потому что она заманила Нджери под свод газибо миндальным печеньем. На следующий день маленькая девочка вернулась… со своим братом! И ревность Моны превратилась в гнев, когда она увидела, что ее мама угощает их обоих конфетами.

Дэвид — одиннадцатилетний сын Вачеры, женщины-лекарки — после этого никогда больше не приходил, но Нджери возвращалась каждый день, и Роуз, очарованная малышкой, которая, казалось, жаждет внимания и определенно благоговеет перед хозяйкой, позволила ей остаться.

Когда было решено отправиться в Европу, Роуз попросила тетю Моны Грейс, чтобы та добилась разрешения у Гачику взять с собой Нджери «в качестве компаньонки Моны», как тогда сказала Роуз. Но Мона знала правду: Карен фон Бликсен вызвала бурю сенсаций, когда

пустилась в путешествие по Европе в сопровождении маленького африканского мальчика в качестве свиты; леди Роуз хотела того же.

Мона, получавшая гораздо меньше, чем положено, внимания со стороны матери, отчаянно возмущалась вторжением Нджери. На самом деле ее приводили в негодование все африканские дети. Они удостаивались внимания со стороны ее тети Грейс в миссионерской школе, и они же по причине их бедности часто получали ношеную одежду леди Роуз, которую та раздавала в качестве благотворительной помощи. Но больше, чем кого-либо другого, Мона ненавидела брата Нджери Дэвида, считая его самым заносчивым мальчишкой: однажды у реки он заявил Моне, что его мама объяснила ему, что эта земля — его земля и что настанет день, когда все белые люди покинут Кению.

Вот почему Мона просто не может поехать в академию в Англии. Ей надо вернуться в Кению, чтобы доказать Дэвиду Матенге, что это ее земля.

Итак, как только представится первый удобный случай, она убежит.

Машины медленно ползли по гравийной дорожке в сторону величественного особняка, перед которым выстроились в линейку слуги: лакеи в ливреях, служанки в форме, старый Фицпатрик — дворецкий, который сбежал из Кении спустя три месяца после приезда в 1919 году. Мартовский ветер раздувал юбки, как знамена, двадцать слуг молча ожидали приезда хозяев. Они никогда прежде не видели африканцев, поэтому темнокожие красавицы в лимонно-желтом шелке выглядели в их глазах так, будто сошли со страниц сказок «Тысяча и одна ночь». Сати — ее няня — была не столь изумлена, ей доводилось видеть британские поместья и раньше, но две служанки кикую с выбритыми головами, чувствующие себя неловко в своих туфлях и форме, уставились на трехэтажный дом с его башенками и множеством окон, раскрыв от изумления рот.

— Моя дорогая Роуз! — произнес Гарольд, спускаясь по ступенькам навстречу. Он взял ее руку в перчатке и заглянул в глаза, почти скрытые вуалью и меховым воротником. — Ведь это же Роуз, не правда ли?

Гарольд располнел. Он совершенно не был похож на своего старшего брата Валентина, который в сорок один год был все еще

атлетически сложен и у которого седина лишь начинала подступать к вискам.

— Тебе, конечно же, не стоило тащить с собой всю Африку! — сказал он в своей шутливой манере. Затем добавил: — Пойдем скорее. Эдит просто сгорает от желания увидеть тебя!

Элегантный отель «Георг V» в Париже привел Мону в трепет своим большим залом при входе и канделябрами. Но этот дом… Это был просто дворец! У нее перехватило дыхание, когда она ступила в темный холл, по сторонам которого располагались средневековые рыцарские доспехи и оружие. На стенах висели гобелены и потемневшие портреты давно умерших людей. Все это заставляло ее думать о Белладу как о каком-то сельском доме. Именно этот дворец мог бы быть ее родным домом, если бы отец не влюбился в Восточную Африку одиннадцать лет назад.

Эдит Тривертон была в художественной мастерской вместе с другой женщиной и двумя девочками и с преувеличенным радушием поприветствовала свою невестку, представила ее леди Эстер и одной из девочек — ее дочери, благородной девице Мелани Ван Ален. Другая девочка была дочерью Эдит, Шарлоттой, кузиной Моны.

— Роуз, как прекрасно видеть тебя вновь после стольких лет! — провозгласила Эдит, целуя воздух у щеки Роуз. — Мы все были совершенно уверены, что вы с Валентином приплывете на первом же корабле, возвращающемся в Англию! Как ты выносишь эту жизнь в джунглях?

Мона с чувством собственного достоинства уселась на обитый парчой стул и тайком принялась разглядывать двух девочек, которые на вид были чуть старше ее. Обе были одеты очень стильно в платья с заниженной талией. Ее тетя Эдит и дядя Гарольд не производили большого впечатления, они выглядели совсем не так, как ее отец или тетя Грейс.

Пока взрослые разговаривали, младшие сидели и хранили вежливое молчание. Шарлотта и Мелани держали в руках чашки и блюдца с исключительным изяществом. Они обучались, как вскоре узнала Мона, в Фарнсвортской академии, той самой, куда на следующий день должна была отправиться и она.

— Шарлотта поможет тебе и все объяснит, — сказала Эдит. — Ей уже тринадцать, и у нее свой круг друзей, конечно. Но вы же кузины.

Шарлотта с подругой тайком обменялись удивленными взглядами, а Моне захотелось исчезнуть или слиться с обивкой.

— Ты знаешь, Роуз, — произнес Гарольд, который недовольно нахмурился, глядя на африканскую девочку, стоящую в дверях, — я не ожидал, что ты привезешь с собой негритянку. Где она сейчас?

— Спит у дверей Моны.

Эдит взглянула на своего мужа:

— Может быть, лучше поместить ее среди слуг? Твое письмо было таким туманным, Роуз, что мы просто не знали, чего нам ждать.

Разговор стал скучным и взрослым: о тех, кто умер, переехал, женился, вышел замуж, завел детей. Все новости Суффолка, о которых упоминалось в разговоре, совершенно не интересовали Мону и были ей непонятны. В то время как Шарлотта и Мелани начали перешептываться и хихикать, Мона вперила взгляд в окно и раздумывала о том, наступил ли уже в Кении сезон дождей.

Обед, как она обнаружила к своему неудовольствию, должен был проходить раздельно: мама обедала с дядей Гарольдом, тетей Эдит и леди Эстер, а она — с двумя тринадцатилетними девочками.

— Но, мамочка, — попыталась протестовать Мона, когда ее устраивали в спальне, большой, холодной и темной, — мы всегда обедали вместе. Почему я должна есть в детской?

Роуз рассеянно раскладывала вещи Моны.

— Потому что здесь так принято, Мона. Это надлежащие манеры, так положено в обществе.

— Но я думала, что мы в Белладу ведем себя подобающим образом.

Роуз вздохнула, и по ее лицу пробежала тень озабоченности:

— Боюсь, что мы с годами предоставили всему плыть по течению и позволили себе расслабиться. Я просто не заметила этого. Африка влияет так на любого. Теперь нам следует исправить все это. Вот почему, Мона, тебе нужно поступать в Академию Фарнсворт. К тому времени, когда ты выйдешь из нее, ты станешь блестящей молодой леди.

Мона совсем пала духом:

— И когда же это будет?

— Когда тебе исполнится восемнадцать.

— Но это так долго! Я просто погибну, живя так долго вдали от Кении!

— Ерунда, ты станешь приезжать домой на каникулы. И ты скоро заведешь себе друзей среди милых девочек в школе.

Мона расплакалась. Роуз подошла к ней, села рядом на кровать и сказала:

— Ну что ты, что ты, Мона! — Она обняла девочку за плечи, Моне ее рука показалась легкой, как туман. Духи матери обволакивали ее, и ей страстно захотелось почувствовать тепло ее кожи. — Послушай, крошка, — спокойно произнесла Роуз, — когда я вернусь домой, я снова примусь за гобелен. Почему бы тебе не подумать, что ты хочешь увидеть на нем? Почему бы тебе не сказать, что мне вышить на пустом месте? За десять лет я была не в состоянии придумать, что бы там изобразить. Я хочу, чтобы ты думала об этом, я полагаюсь на тебя. Как тебе эта идея?

Мона постаралась сдержать слезы и отодвинулась от матери. Все было бесполезно. Не было никакой возможности заставить ее родителей понять, какая боль пронизывает ее сердце, как мучит ее сознание того, что ее отсылают из дома. Все это определенно говорило о том, что ее никогда не любили и что они на самом деле рады избавиться от нее. «Ах, если бы я была умной или красивой, — думала она, — они бы тогда любили меня. А если бы я вдруг исчезла, то они бы поняли, как сильно скучают по мне».

— А как это — жить среди голых дикарей? — спросила Мелани Ван Ален, нахальная девчонка с короткой стрижкой и глазами, как у нашкодившей кошки.

— Они не голые, — ответила Мона, водя ложкой по тарелке.

Все трое сидели за столом в комнате, которая называлась детской и где им прислуживал один из лакеев. Нджери сидела в углу за маленьким столиком и ела в полном молчании.

— Я как-то читала, — сказала Шарлотта, — что все они каннибалы и не верят в Бога.

— Они верят в Бога, — заметила Мона.

— Да, теперь, когда из них сделали христиан.

— Ты правда играешь с ней? — спросила Мелани, указывая на негритянку, сидящую за отдельным столиком.

— Нет. Ее просто взяли со мной за компанию.

— А что, у тебя нет белых друзей?

— Есть, Гретхен Дональд. И Джеффри, и Ральф — ее братья. Они живут на коровьей ферме, которая называется Килима Симба.

Шарлотта что-то шепнула на ухо Мелани, и обе захихикали.

— Ральф очень красивый! — заявила Мона и гордо выпрямилась.

Мелани наклонилась над столом, глаза ее загорелись:

— А вы охотились на львов и тигров?

— Мой отец охотился. Но в Африке нет тигров.

— Да нет же, конечно, есть! Ты не очень хорошо знаешь свою родную страну, не так ли?

Мона зажала уши руками и закрыла глаза, представив Белладу. Она увидела золотистый солнечный свет и цветы; Артура, своего младшего брата, с постоянно поцарапанными коленками; силуэт отца на коне, закрывающий голубое небо. Она услышала приветствия толпы болельщиков на матчах поло, которые проходили на поле возле реки. Ощутила аромат жареного мяса быка, которого готовили на вертеле в канун Нового года, а затем делили между африканцами, работавшими в поместье. Мона почувствовала тепло солнца на своих обнаженных руках, красную пыль у себя под ногами, ветер с гор, играющий ее волосами. Она вспомнила вкус печенья из проса Соломона и пиво матушки Гачику из сахарного тростника. Ее мысли были похожи на калейдоскоп из английского, суахили и кикуи. Она страстно желала сидеть не здесь, у этого отвратительного стола, а в коттедже тети Грейс, скатывать бинты и затачивать иглы. Она подумала о Ральфе Дональде, храбром и стремительном брате Гретхен, который бегает быстро, как антилопа, и увлекательно рассказывает истории джунглей.

— Должна заметить, твои манеры просто ужасны.

Мона взглянула на Шарлотту.

— Я к тебе обращаюсь. Ты что, глухая? — Шарлотта обернулась к Мелани и произнесла страдальческим тоном: — И это моя кузина! Предполагается, что я должна познакомить ее с порядками в школе! Что они подумают о ней? А обо мне?

Мелани рассмеялась:

— Труди Грейстоун поспорила со мной, что твоя кузина будет в юбке из травы, с носом, насквозь проколотым большой костью.

Мона содрогнулась.

— Кения вовсе не такая.

— А тогда какая же? Ты живешь в хижине?

— У нас большой дом.

— Белладу, — сказала Шарлотта. — И что же должно означать это название?

Мона нахмурилась. Название имело что-то общее с этим домом, Белла Хилл; она знала, что они как-то связаны друг с другом. Это также было связано с тем, что этот великолепный дворец гораздо в большей степени является ее родным домом, а не Шарлотты, что ее дядя, и тетя, и кузина здесь были только гостями, домоправителями, как однажды сказала Роуз. Но все это было слишком сложно для Моны.

— Ну, хорошо, — произнесла Шарлотта со вздохом мученицы, — тебя научат хорошим манерам в академии. Они это умеют!

Мона нашла Нджери спящей на раскладушке возле своей двери, разбудила ее и прошептала:

— Вставай! Мы убегаем!

Нджери терла глаза.

— Что случилось, мемсааб Мдого? — сонно спросила она, называя ее по имени, как того требовала Роуз, которое означало «маленькая хозяйка».

— Вставай! Мы убегаем!

На Моне был костюм для верховой езды: красный бархатный жакет и белые бриджи. Ей показалось, что этот костюм больше подходит для побега, чем платье. В руках она держала узел с вещами, сделанный из наволочки, там были ее расческа и щетка для волос, мочалка, полпакета конфет и несколько смен одежды.

— Куда мы направляемся, мемсааб Мдого? — спросила Нджери, поднимаясь с раскладушки и дрожа.

— Просто подальше отсюда. Они не должны найти нас как можно дольше. Они должны думать, что я умерла. А когда они найдут меня, они даже не подумают о том, чтобы снова увезти меня из Кении.

— Но я не хочу убегать.

— Ты должна делать то, что я говорю. Ты слышала, как мой дядя назвал тебя? Негритоска! Ты знаешь, что это значит?

Нджери покачала головой.

— Это значит — «глупая». Ты же не собираешься быть глупой, ведь так?

— Но я не хочу убегать!

— Успокойся и пошли. Сначала мы пойдем на кухню, возьмем немного мяса и кукурузной муки. Мы уйдем надолго, и нам понадобится еда.

Несчастная Нджери последовала за ней вниз в темный холл, она в ужасе шарахалась от теней и с испугом смотрела на плоских людей на стенах. Мона несла факел, который высвечивал на ковре впереди них небольшое пятно. Их шаги заглушала толстая ковровая дорожка. Дом спал в ночной тишине.

В дальнем конце холла свет факела на минуту выхватил что-то, что привлекло внимание Моны. Она остановилась и взглянула вверх на портрет, осветив факелом знакомое лицо.

— Ой, — выдохнула она, — это же тетя Грейс! Она здесь такая красавица!

Нджери тоже взглянула вверх, заинтригованная ее словами. Она узнала хозяйку-доктори.

— Но какое на ней смешное платье! — воскликнула Мона. Потом она поняла, что это вовсе не ее тетя, а лишь женщина, которая была очень похожа на нее.

Мона отвела факел в сторону и продолжила движение вниз, в холл, так и не осознав две вещи: что на портрете, которое она только что видела, была изображена ее бабушка Милдред, которую она не знала, мать Грейс, Валентина и Гарольда, и что ее черты удивительно напоминают ее собственное лицо.

Когда они свернули за угол, Мона остановилась на мгновение, и Нджери врезалась в нее.

— Кто-то идет! — шепотом сказала Мона. Девочки осмотрелись по сторонам и быстро забрались в альков.

Двое детей, дрожа от страха и холода, наблюдали, как полная фигура в халате приблизилась к закрытой двери. Это был дядя Гарольд. Он постучал. А потом вошел, закрыв за собой дверь.

Услышав голоса внутри комнаты, Мона подползла ближе и прижала ухо к деревянной панели. Она узнала голос своего дяди, а затем матери.

— Прости, что побеспокоил тебя в такой час, Роуз, — произнес Гарольд, — но я должен сообщить тебе нечто важное и не могу ждать до утра. Поэтому сразу перейду к делу. Роуз, тебе следует сказать Валентину, чтобы он обуздал свою расточительность.

— О чем это ты говоришь?

— Он не ответил ни на одно из моих писем. Следующее письмо поступит уже от адвоката семьи, ты можешь сказать ему, что это от меня. Роуз, пожалуйста, перестань зевать и взгляни на меня.

Послышалось бормотание, а затем Гарольд выпалил:

— С той скоростью, с какой Валентин тратит деньги, скоро не останется ничего от Белла Хилл! Он распродает земли направо и налево. Поместье теперь едва дотягивает до половины того, каким оно было десять лет назад.

— Но он владеет Белла Хилл, Гарольд! — раздался мягкий голос Роуз. — Он может делать с ним все, что ему захочется. В конце концов это не твой дом.

— Роуз, я прекрасно сознаю тот факт, что мой брат позволяет мне жить здесь. Но я не могу стоять в стороне, когда он разрушает собственность семьи и наш семейный очаг. Ты должна сказать ему, чтобы он сократил свои расходы.

— О, Гарольд, у тебя разыгралось воображение.

— Роуз, ферма по выращиванию кофе убыточна. Так было с самого начала.

Мона услышала, как ее мать рассмеялась.

— Какая глупость! У нас приемы каждую неделю, у нас полно гостей. Нас вряд ли можно назвать обнищавшими, Гарольд!

Он глубоко вздохнул.

— И еще одна вещь, — сказал он. — Вот, прочти. Это письмо от Грейс. Она хочет, чтобы ты немедленно вернулась домой. Это имеет отношение к твоему сыну.

— Бедный маленький Артур. Он никак не перестанет быть нескладным мальчишкой. Ты знаешь, он постоянно падает, разбивает голову, обдирает локти. Валентина это просто бесит.

— Роуз, это очень серьезно. Прочти письмо.

— Гарольд, я смертельно устала, не сейчас.

— Есть и еще одна вещь, Роуз. Ты не сможешь отдать Мону завтра в Фарнсворт.

— Почему же?

— Потому что такие расходы Валентин не может себе позволить. Я не разрешу ему продать еще кусок земли от Белла Хилл только для того, чтобы послать дочь в дорогую школу.

— Ну разумеется, мы можем позволить себе послать Мону в Фарнсворт!

— Роуз, ты живешь в раю для дураков. Разве Валентин не говорил тебе ничего о вашем финансовом положении? Эта ферма существует на банковский кредит, который пополняется за счет продаж Белла Хилл! Это просто вопрос времени, все это предприятие рухнет!

— Мона поедет в академию, и покончим с этим.

— Боюсь, что нет, Роуз. Для того чтобы ее приняли в эту школу, у нее должен быть спонсор здесь, в Англии, который станет отвечать за нее. Это одно из правил. Я заберу свое предложение и откажусь быть ее опекуном. Ты должна забрать Мону с собой обратно в Кению и отплыть первым же пароходом. Насколько я понимаю, дело закрыто.

— Тогда я найду кого-нибудь другого, кто сможет быть ее спонсором.

— Кого? У тебя никого не осталось из семьи, Роуз. Будь же благоразумна. Держи ребенка в Кении, где вы сможете быть рядом с ней. Я точно знаю, что племянница леди Ашбери посещает европейскую школу в Найроби и что эта школа имеет очень хорошую репутацию. Подумай, Роуз. Это лучшее, что можно сделать.

По другую сторону двери двое детей посмотрели друг на друга. Затем Мона оперлась на стену и улыбнулась.

Она поедет домой.

22

— Доктори! Доктори!

Грейс подняла голову и увидела Марио, вбегавшего во двор. Он пронесся по ступенькам ее новой, крытой тростниковой крышей клиники вверх, миновал толпу пациентов, ожидающих своей очереди на веранде, и ворвался внутрь.

— Мемсааб доктори! — закричал он, задыхаясь от бега. — Пошли скорей!

За годы, проведенные вместе с мальчиком, она впервые видела ее таким взволнованным.

— Что такое? — спросила она, передавая ребенка, которого осматривала, няне.

— Моя сестра! Она умирает!

Схватив свою медицинскую сумку и тропический шлем, Грейс поспешила за Марио вниз по ступенькам веранды. Через двор, образованный шестью домами, крытыми тростником, они бежали мимо веревок, на которых недовольная медсестра развешивала матрасы и постельное белье для просушки, миновали загон для коз. Пробежали мимо нескольких хижин, в которых размещались десять ее наемных работников, и выскочили за ворота ограды, окружавшей миссию Грейс Тривертон. Пересекли поле для поло, прошли мимо хижины Вачеры, через деревянный мостик и вверх по холму, где женщины собирали урожай зрелых бобов и останавливались, чтобы посмотреть, куда мемсааб бежит так быстро, что развевается ее белая юбка и мелькает хорошо знакомая всем черная сумка в ее руках.

Марио вел свою хозяйку по извилистой тропе среди полей кукурузы, которая поднималась вверх выше их роста, через поля с бататом и тыквами, напоминавшие ковер со спутанными нитями. Они миновали одну деревню, затем другую, пока Грейс совсем не задохнулась и не схватилась за сердце.

Наконец они добрались до деревни Марио, расположенной на холмах над рекой Чания. Это была группа круглых глиняных домиков с коническими крышами из папируса с дырой в потолке, через которую струился сизый дымок. Когда они вошли в деревню, Грейс заметила, что никто не работает; люди собрались группами, и вокруг царила

странная тишина. Грейс протиснулась сквозь толпу и с удивлением заметила священника из католической миссии, молодого человека по имени отец Гвидо, который вынимал что-то из сумки на своем велосипеде.

— Что случилось, святой отец? — спросила она, подходя ближе.

Его лицо под широкими полями шляпы выглядело сильно разгневанным, черная сутана была покрыта пылью и под мышками виднелись пятна от пота: он тоже очень торопился добраться сюда.

— Здесь снова проводили тайную инициацию, доктор, — сказал он. Грейс увидела, что он вынимает из своей сумки предметы, которые использовались для отправления ритуала по усопшим.

— Боже мой! — прошептала она и последовала за ним.

Несколько взрослых преградили им путь, матери и тети подняли руки вверх и взывали с плачем к вацунгу, чтобы они не вмешивались.

— Кто там с ней? — спросила Грейс отца Гвидо.

— Вачера Матенге, знахарка.

— Откуда вы узнали об этом?

— От Марио. Эта деревня почти полностью католическая. Девушку зовут Тереза, она посещает нашу школу. Квенда! — обратился пастор к мужчинам с вымазанными грязью лицами. — Дайте мне войти! Тереза принадлежит Богу!

Грейс изучала застывшее выражение лиц мужчин и женщин, законопослушных кикую, которые обычно признавали авторитет священника. Но эта ситуация была необычной.

Миссионеры многие годы пытались запретить практику обрезания девушек, которая представляла собой хирургическое удаление клитора. Официально в Кении это было запрещено законом и каралось штрафом или тюремным заключением любого, кто был замечен в совершении этого ритуала. Внешне казалось, что эти ритуалы больше не проводятся, но на самом деле их просто стали совершать тайно. Грейс знала, что эти дикие обряды происходят в тайных местах, куда местная полиция не имеет доступа или не может узнать об их совершении.

— Пожалуйста, пустите меня к ней, дайте мне осмотреть ее, — уговаривала Грейс на языке кикую. — Может быть, я смогу помочь.

— Таху! — выкрикнула старая женщина, которая, должно быть, была бабушкой Терезы.

Грейс почувствовала, как отец Гвидо нервно вздрогнул, стоя с ней рядом. Практически все население деревни собралось вокруг них в плотный тесный круг; в воздухе царили напряжение и злоба.

— Когда проходило обрезание? — спокойным голосом спросила она священника.

— Не знаю, доктор Тривертон. Я знаю только, что двенадцать девушек были подвергнуты этому и что Тереза умирает от инфекции, занесенной в рану.

Грейс обратилась к старейшинам:

— Вы должны пропустить нас!

Бесполезно. Несмотря на образованность и обращение в христианство, эти люди все еще были крепко связаны своими старинными традициями и ритуалами. Каждое воскресенье они ходили в церковь в миссию отца Гвидо, а затем отправлялись в лес для совершения древних варварских ритуалов.

— Мне позвать местного офицера полиции? — спросила Грейс. — Всех вас могут посадить в тюрьму! Он заберет ваших коз, сожжет дотла ваши дома! Вы этого добиваетесь?

Старики остались неподвижны. Они загораживали собой вход в дом, держа наготове оружие.

— То, что вы сделали, неправильно! — закричал отец Гвидо. — Вы совершили тяжкий грех в глазах Господа нашего!

Наконец один из старших заговорил.

— А разве Библия не учит нас, что Господь Иисус прошел обрезание?

— Да, это так. Но нигде не говорится, что он благословил свою мать Марию, чтобы она сделала обрезание!

Несколько пар глаз прищурились. Одна из старых тетушек кивком указала куда-то через плечо.

— Разве мы не учили вас, что старые привычки плохие? Разве вы не почувствовали на себе любовь Иисуса Христа и не доверились его воле, не обязались соблюдать его законы? — Отец Гвидо указал пальцем на небо. Его голос разносился над головами собравшихся. — Вас не допустят в рай за то, что вы сделали! Вы будете гореть в адском огне злобного Сатаны за свои страшные грехи.

Грейс заметила, что застывшие лица начали оживать. Затем Марио выступил вперед и стал умолять своих родственников, быстро говоря

на своем языке, пропустить святого отца и мемсааб в хижину Терезы.

Наступила тишина, в которой семь старших кикую встретились глазами с двумя белыми людьми; затем старая бабушка отошла в сторону.

Отец Гвидо и Грейс вошли в хижину и увидели Терезу, лежащую на постели, застеленной свежими зелеными листьями; в темноте слышалось жужжание множества мух и чувствовался запах церемониальных трав. На коленях возле девушки стояла Вачера.

Пока отец Гвидо опускался на колени по другую сторону, открывал свою маленькую сумку, вынимал шелковое покрывало и святую воду — принадлежности для проводов в последний путь, Грейс наклонилась, чтобы осмотреть девушку.

Рана была обработана тем, что, как ей было известно, считалось соответствующим ритуалу, точная формула хранилась и веками передавалась из поколения в поколение. Особые листья определенного растения окунались в масло, которое служило антисептиком, а затем помещались между ног. Их часто меняли на свежие, и не было никаких сомнений, что специально для этого была призвана <медсестра», которая зароет использованные листья в тайном укромном месте — табу, куда никакой посторонний человек не сможет забрести случайно. Терезу, должно быть, кормили особой священной едой, связанной с проведением этого ритуала, насколько знала Грейс, и она должна была употреблять пищу, поданную на листьях банана.

Весь процесс посвящения девушки в женщину был священным и тайным обрядом, лишь немногим белым удалось присутствовать при нем. Это было так же свято и полно глубокого смысла для каждого в племени кикую, как и поклонение у алтаря для любого католика. Но этот жестокий и бесчеловечный ритуал был связан с жестокой болью и страданиями, потерей крови и деформациями, которые позднее вызывали проблемы у женщин в их взрослой жизни, тяжелейшие роды. Грейс присоединилась к миссионерам в их борьбе за запрещение этого ритуала.

Сестра Марио была очень хорошенькой. Грейс видела это, несмотря на скудость освещения, проникавшего сквозь потолок. Ей было на вид около шестнадцати лет, черты лица были изысканными, и в них проглядывала невинность и нетронутость. Глаза Терезы были

широко раскрыты. Грейс мягко закрыла их, потому что девушка уже умерла.

Пока отец Гвидо старательно читал молитвы, связанные с похоронами, Грейс опустила голову вниз и старалась побороть подступившие слезы.

Она не молилась и лишь плотно сжала зубы от ярости и чувства собственного бессилия. Тереза была уже четвертой девушкой, умершей от заражения крови после инициации, которую видела Грейс. Само обрезание производилось знахаркой специальным ножом. Она также слышала о других девушках, умерших от заражения крови, которое можно было бы вылечить, если бы европейские доктора были приглашены вовремя.

Грейс подняла голову и встретилась взглядом с Вачерой.

Воздух внутри хижины, казалось, пронзил заряд; в нем столкнулись силы двух соперниц — Вачеры и Грейс. Было такое ощущение, что глиняные стены домика не вынесут этого накала страстей и разлетятся на мелкие кусочки.

Затем Грейс произнесла на языке кикую:

— Я хочу увидеть, как твоим дьявольским ритуалам будет положен конец. Я знаю, что ты занимаешься черной магией, слышала это от своих пациентов. Я слишком долго терпела твое присутствие. Из-за тебя и таких, как ты, этот ребенок умер.

Грейс дрожала от гнева, а на лице знахарки застыла неподвижная маска. Вачера была все еще прекрасна — высокая, тонкая, с обритой головой, рядами бусин и браслетов, украшавших ее длинные руки, закутанная в мягкие складки своего одеяния. Она была живым анахронизмом среди обращенных в христианство кикую, призраком из прошлого их племени. Она неподвижно смотрела на Грейс Тривертон с презрением и гордостью, затем поднялась и покинула хижину.

Грейс вернулась в миссию и заметила Валентина, который нервно прохаживался взад и вперед перед зданием клиники. Когда она увидела, что у него в руках, а также маленького мальчика, который в ужасе прижался к ступенькам веранды, она поняла, зачем пожаловал ее братец.

— Взгляни на это! — закричал Валентин, швыряя в нее чем-то. Вещь ударилась ей в грудь и упала на землю. Она подняла ее и

увидела, что это была одна из кукол Моны. — Я застал его за тем, что он играл с ней!

— Ох, Валентин! — вздохнула она. — Ему всего семь лет. — Грейс последовала за своим братом и присела на корточки возле Артура, который, как она заметила сразу же, получил очередные родительские наставления в виде порки.

— Я не позволю тебе баловать его! Вы с Роуз превращаете моего мальчика в неженку!

Грейс положила руку на голову Артура, тот расплакался.

— Бедный малыш, — пробормотала она, гладя его по волосам.

— Черт возьми! Грейс! Послушай меня!

Она взглянула на него:

— Нет, это ты меня послушай, Валентин Тривертон! Я вижу ребенка, который совершенно уничтожен и подавлен, и я не стану слушать, как ты выкрикиваешь всякие глупости. Еще одна девочка умерла из-за инициации, и я не смогла спасти ее. Что ты сделал, чтобы прекратить эти варварские обряды, Валентин? Это твои люди. Ты должен заботиться о них!

— Какое мне дело до того, чем занята кучка черных? Меня беспокоит только мой сын. Я не позволю ему играть в кукол!

— Нет, — медленно произнесла она. — Тебя вовсе не волнует, чем заняты африканцы. И ты больше беспокоишься о себе самом, чем о своем сыне!

У Валентина внезапно покраснела шея, он бросил сердитый взгляд на свою сестру, потом развернулся и ушел.

Войдя под крышу дома, который служил Грейс клиникой, она успокоила Артура. Плечи и шея мальчика были покрыты свежими шрамами.

— Привет, — прозвучал мягкий голос, и в открытых дверях появился силуэт.

Грейс пригляделась. Ее сердце забилось сильнее.

— Джеймс! Ты вернулся!

— Я приехал прошлой ночью и сразу же поспешил увидеть тебя. Что тут у вас происходит?

— Да снова Валентин.

Джеймс вошел в комнату:

— Привет, Артур!

— Привет, дядя Джеймс!

— Мой брат думает, что может битьем и угрозами превратить своего сына в мужчину, — спокойно сказала Грейс, пытаясь сдержать свой гнев и не выдать себя голосом, чтобы не напугать мальчика. — Я собираюсь положить конец этим поркам, я должна… С тобой все будет хорошо, Артур. Ты не очень сильно пострадал.

— Ты написала Роуз об этом?

— Она должна вернуться со дня на день. Ее письмо было не очень точным, ты же знаешь Роуз.

— Стало быть, Мона уже в школе в Англии?

— Да. В академии, куда Роуз ходила, когда была девочкой.

— Ты ведь скучаешь по Моне, не так ли?

— Да, очень.

Грейс поцеловала своего племянника в макушку, потом усадила его на пол. Мальчик был слишком мал для своего возраста и унаследовал мечтательный характер матери.

— Иди, дорогой, — ласково сказала Грейс. — Иди, поиграй.

— А куда мне идти? — поинтересовался он, смущенно глядя на нее своими большими голубыми глазами.

— А куда бы ты хотел пойти, Артур?

Он изобразил задумчивость, а затем спросил:

— Могу я пойти посмотреть малышей?

Она улыбнулась и подтолкнула его в нужную сторону. Валентин запретил Артуру заходить в хижину для родов в клинике Грейс, но она решила не подчиняться приказам своего брата.

— Джеймс! — с восторгом сказала она, когда они вышли из клиники. — Как прекрасно снова видеть тебя, это такой сюрприз для меня!

Грейс удивилась, как солнечный свет превращает темные каштановые волосы Джеймса в золотисто-рыжие, она ощутила знакомое чувство любви и трепета, которое никогда не покидало ее. Всякий раз, когда он уезжал, ей казалось, что часть ее самой уезжает вместе с ним. Когда он возвращался, она снова становилась самой собой.

— Я скучала по тебе, — призналась она.

Они направились по тропинке, ведущей к ее дому, мимо новых хижин, которые она велела построить. Одна из них была новым

отделением для родов, где Артур проводил большую часть своего времени, разглядывая новорожденных младенцев.

Когда Джеймс и Грейс вошли на веранду ее коттеджа, она спросила:

— Что нового в Уганде?

— Все как обычно. Сонная болезнь, малярия. Ничего нового. А ты как, Грейс? Как шли дела в миссии эти четыре месяца?

Она вошла в дом и вернулась с двумя стаканами лимонада. Передавая один Джеймсу, она заметила:

— Тебя не было пять месяцев. У нас новый курятник и новая доска в классе.

Он улыбнулся:

— Итак, за кур и образование, — произнес он, и они выпили.

Джеймс внимательно разглядывал Грейс. Она выглядела такой же аккуратной и хрупкой, как всегда. Несмотря на многочисленные обязанности, которые налагало на нее ведение клиники и школы, Грейс всегда носила белую юбку и блузку, ее короткие волосы были аккуратно уложены. «И она стала еще более прекрасной, — подумал он, — с тех пор, как я последний раз видел ее».

— Тебя что-то беспокоит, Грейс?

— Была еще одна инициация. Сестра Марио умерла. — Она села в кресло-качалку. — Мне надо быть строже с этими людьми, Джеймс. Я хочу заставить их понять, что их древние родовые обычаи приносят большой вред. На дворе уже двадцатый век. Современная медицина достигла таких высот, которые были недоступны ей в предшествующие века. В наши дни мы умеем творить чудеса. И все же, когда они напуганы, они сначала бегут к своим знахарям и шаманам.

— Народная медицина вовсе не так плоха, Грейс.

— Да нет же. Она слишком проста, примитивна и замешена на колдовстве. Кто знает, что эта женщина кладет в свои зелья! — Грейс махнула рукой в сторону поля для поло и хижины, стоявшей позади него.

Жилье Вачеры теперь, спустя столько лет, стало привычной деталью пейзажа, и не требовалось дополнительных пояснений к жесту Грейс. И все же множество европейских ферм теперь имели вкрапления из низеньких хижин — небольших поселений африканцев,

которые лишились своих доходов и пропитания и решили пойти работать к белым людям и жить в качестве арендаторов на их земле. Поэтому присутствие Вачеры в дальнем конце поля для поло больше не воспринималось как нечто из ряда вон выходящее, как это было раньше. Молодая знахарка, и это было известно Грейс, вела странный образ жизни, тайно занимаясь своим древним ремеслом. Но Грейс знала о ее занятиях — пациенты рассказывали об этом.

Вдова Матенге руководила охотой за духами, когда на племя обрушивалась эпидемия, проводила церемонию перед посадкой растений перед началом сезона дождей, она изготавливала магические амулеты, которые защищали детей, принимала роды, смешивала любовные напитки, разговаривала с духами мертвых, предсказывала будущее. Она также, как подозревала Грейс, орудовала ножом во время обряда обрезания девочек.

— Я полагаю, — спокойно произнесла Грейс, — что окружной уполномоченный действует неправильно. Перевести что-то в ранг незаконного не значит, что само явление исчезнет. Что нам надо сделать — это добиться, чтобы все последователи этих варварских обрядов считались вне закона. Вачера и такие люди, как она, должны быть изгнаны — тогда древние обряды отомрут сами по себе.

— И как же ты предлагаешь избавиться от нее? Валентин пытался, но ему это не удалось.

— Не знаю. Мне стоит съездить в Найроби и попросить миссии действовать сообща. Надо африканцев убедить в том, что их традиционная медицина плоха и что только белый доктор — тот человек, к которому они должны обращаться.

Джеймс достал свою трубку и раскурил ее.

— Боюсь, что я не соглашусь с тобой, Грейс. Я все еще убежден, что в традиционной медицине много хорошего. Вспомни, когда была вспышка дизентерии среди моих ребят, а закончилась горькая соль и касторовое масло, именно старое зелье из ревеня, которое всегда готовили кикуи, спасло их.

Она покачала головой.

— Мы никогда не брали мазков, Джеймс. Мы ни разу не делали анализы под микроскопом. Ты не можешь с уверенностью сказать, была это дизентерия или гепатит.

— Не все можно диагностировать с помощью современной медицины, Грейс. Видишь ли, есть еще такая вещь, как односторонность восприятия.

— Ты бы не стал так говорить, если бы видел сегодня эту бедную девочку.

Неожиданно из-за угла дома, где располагалась классная комната, выбежала толпа мальчишек, которые смеялись и оглядывались назад через плечо. Когда они заметили, что на веранде сидит Грейс, они сейчас же изобразили серьезность на своих лицах и напустили на себя безразличный вид.

— Джамбо, мемсааб доктори! — проговорили они и зашагали прочь, как маленькие черные солдатики.

— Господи Боже, — пробормотала она, поднимаясь из кресла, — что еще они устроили?

За длинным зданием, в котором располагалась школа, она разглядела фигурку маленькой девочки, лежащей на земле и покрытой грязью.

— Ваньиру! — окликнула Грейс, приближаясь к ней.

Она помогла девятилетней девочке подняться на ноги, стряхнуть грязь с ее платья и спросила:

— Ваньиру, ты не ударилась?

Девочка, едва сдерживая слезы, покачала головой.

— Хочешь пойти домой?

Та замотала головой еще сильнее.

— Ну вот и хорошо. Пойди разыщи мемсааб Памми и скажи ей, что я велела дать тебе конфету.

Девочка смущенно пробормотала «Асанте сана», потом развернулась и побежала ко входу в здание школы, где мисс Памела пила чай в перерыве между уроками.

— Это одна из твоих учениц? — спросил Джеймс, когда они вновь пошли к «Дому певчих птиц». — Я и не знал, что у вас есть и девочки-ученицы.

— Она первая девочка в моей школе, и боюсь, что ей приходится переживать ужасный период в своей жизни. Ты знаешь, какую борьбу мне пришлось выдержать, чтобы попытаться привлечь девочек в школу. Три месяца назад женщина из деревни привела свою дочь в школу, и мы приняли ее.

— Это требует большой смелости.

— Разумеется! Эта женщина — вдова с девятью детьми. У нее очень тяжелая жизнь, и она рассказала мне, что хочет, чтобы ее Ваньиру досталась лучшая доля. Она первая африканская женщина, от которой я услышала хоть какое-то выражение собственных чувств. Конечно, я просто дрожала от восторга, что у меня будет учиться девочка, но мальчики жестоко издеваются над ней. Они насмехаются над ней, говорят, что она никогда не выйдет замуж, что она будет таху, потому что занимается мужским делом. И все же она приходит изо дня в день, еще более решительно настроенная, чем раньше. К тому же она очень прилежная ученица, что среди мальчиков встречается не так часто.

Когда они подошли к веранде, Грейс сказала:

— Надо что-то с этим делать, Джеймс. Ты знаешь, у нас было нападение саранчи два месяца назад, и мужчины обвинили в этом женщин. Они говорили, что это произошло потому, что женщины стали надевать короткие юбки, и Бог наслал саранчу в качестве наказания. — Она обернулась к нему: — Джеймс, я как-то раз взвесила груз, который переносят эти женщины. Одна из них несла больше ста восьмидесяти фунтов! И при этом у них высокая рождаемость. Ты видел, что у многих женщин по восемь-десять детей, они трудятся на своих фермах в одиночку, потому что их мужчины ушли работать на белого человека. А теперь, когда молодые африканцы получают образование, они больше не хотят оставаться в деревнях, а желают работать в городах. Они приезжают домой только в гости, делают своих женщин беременными и снова исчезают. И они очень сильно настроены против того, чтобы их жены и дочери получили образование.

Джеймс взглянул на ее лицо, смуглое от загара, на морщинки вокруг глаз и упрямый подбородок, подчеркивавший, что она стала еще более решительной, чем раньше. Это было лицо, которое он часто представлял себе, которое являлось ему во сне.

— Мы можем прогуляться, Грейс?

Африканцы, работавшие в миссии Грейс, больше не носили шкуры овец и шука, они надевали одежду европейского покроя, больше не брили головы, а носили очень короткие стрижки, оставлявшие кудрявые завитки волос на голове. В ушах у многих все

еще были вставлены деревянные цилиндры, на руках и ногах звенели браслеты из бусин, но у большинства единственным украшением был небольшой крестик на цепочке.

Грейс остановилась у деревянного навеса, чтобы проверить ряды горшков для фильтрации воды, которые были подготовлены для раздачи крестьянам. Каждый фильтр состоял из двух круглых глиняных горшков, меньший горшок располагался в отверстии верхнего горшка. Она продемонстрировала Джеймсу, как работает эта конструкция.

— В верхнем горшочке лежит слой чистого песка, слой чистого гравия и, наконец, слой мелких осколков кирпича. Воду наливают сверху, и, когда она проходит через все эти слои в нижний горшок, она очищается от примесей, в первую очередь от червей — ришт. Я пытаюсь снабдить этим каждую хижину в деревнях и стараюсь объяснить, насколько жизненно важно очищать воду.

— Это будет ценным вкладом в твою книгу, — сказал Джеймс.

Грейс засмеялась. Джеймс постоянно оказывал на нее давление, чтобы она написала руководство по здоровому образу жизни для сельских рабочих, не имеющих медицинского образования.

— Да где же мне найти время писать книгу?

Они прошли мимо ряда развешанных на веревках для проветривания матрасов, набитых высушенными очистками от кукурузы на американский манер, которые служили своего рода фильтром, а это было уже изобретением самой Грейс.

Они взобрались по тропинке вверх в гору, и перед ними открылся вид, достойный быть запечатленным на картине: ряды зеленых кофейных кустов, отягощенные зрелыми ягодами, занимающие пять тысяч акров земли. Местность здесь была не равнинной, а поднималась и равномерно опускалась волнами, как будто это было застывшее спокойное море, яркая зелень перемежалась с полосками красной земли и длинными высокими палисандровыми деревьями, на которых распускались пурпурные цветы. Теперь был май, и сезон долгих дождей закончился, женщины и дети двигались вдоль рядов, собирая кофейные плоды и наполняя мешки. Тележки ждали их в конце каждого ряда у кромки поля, мужчины переправляли плоды к сушилкам и барабанам, которые находились внизу у реки. Гора Кения охраняла дальнюю границу этого прекрасного вида, она была острой и

темной на фоне чистого неба, ее заснеженные вершины сверкали под солнцем. Прямо напротив горы через долину расположилось поместье Белладу, устремленное вверх посреди идеальных зеленых лужаек и террасных садов.

Несколько блестящих автомобилей были припаркованы на подъезде к дому. Грейс узнала одну из них, принадлежащую бригадиру Норих-Гастингсу. Другие, за исключением двух олдсмобилей Валентина, являлись имуществом постоянных гостей дома ее брата.

Белладу никогда не было тихим местом. Теперь, когда машины стали обычной вещью для Кении, а дорога, хотя все еще грязная и непроезжая во время дождя, доходила до самого поместья, да и поезда теперь добирались до городка Найэри, это место было всего в одном дне пути от Найроби. Дом Валентина стал центром светской жизни Кении; здесь постоянно устраивались приемы, охота на лис, матчи по поло, на которые сюда выбирались самые богатые люди Восточной Африки и быстро оседали здесь на кофейных плантациях. Вокруг Белладу ходило множество легенд. Для тех, кто когда-либо удостаивался чести хотя бы издалека взглянуть на этот великолепный дом, он казался местом, в котором люди всегда оставались молодыми и прекрасными, занимались изысканным времяпрепровождением, пили шампанское, и среди гостей были только богатые люди и аристократы. Двадцатые годы были временем расцвета для джентльменов, поселившихся в Кении. Кофе Тривертона корабли развозили по всему миру, и на него был огромный спрос. Брат Грейс правил, как король, и никогда не оставался один.

Грейс пристально посмотрела на дом, слушая, как шумит ветер, раздаются музыка и смех.

Она была возмущена тем, как Валентин обращается с Артуром, стараясь запугать его, чтобы тот поскорее превратился в мужчину. Мальчик подвергался жестокой порке больше, чем кто бы то ни было, если его заставали за игрой в куклы сестры. А его неуклюжесть и постоянные травмы были вовсе не следствием его невнимания, как считал Валентин, а возможно, проявлениями скрытого нервного заболевания. Грейс умоляла своего брата отправить Артура к специалистам для осмотра, но Валентин велел ей не вмешиваться в его дела и заниматься своими. У него не могло быть слабого или больного

сына, и любое проявление слабости или изнеженности он выбивал из него.

«Когда же Валентин так изменился?» — думала Грейс. Это был постепенный процесс. Наверно, еще с момента того ужасного дела с Мирандой Вест, а потом перемены с рождением Артура. Любой в Кении знал, что Валентин содержит любовницу-негритянку в Найроби в том самом доме, который он построил специально для Миранды. Она была прекрасной женщиной из племени меру, носившей очень дорогие наряды и водившей машину.

Джеймс нагнал Грейс. Красная глина рассыпалась под его ботинками и поднималась пыльным столбом в лучах солнца. Она смотрела на его большое могучее тело, на то, как он сорвал полоску коры с эвкалипта и принялся сворачивать ее, глубоко погрузившись в свои мысли. Его частые поездки в Уганду в последнее время были связаны с Люсиль, она же привила ему любовь к внутренним районам Африки, но все это было совсем неинтересно Грейс, предпочитавшей проводить долгие дни в тяжелой работе. Она вдруг стала скучать по нему, когда он находился за много миль от нее, в таких опасных местах, она теряла аппетит, ворочалась в постели всю ночь и не могла уснуть. Но, когда он был дома в Килима Симба, она была довольна и спокойна, потому что знала, что он здесь, лишь в нескольких милях от нее. Она испытывала постоянное недовольство из-за его неожиданных приездов. Именно они позволяли им продолжать жить так в течение последних десяти лет, они давали ей энергию, чтобы пережить эти дни, полные сознания собственного бессилия и неудач. Каждый раз, когда Грейс покидала свою клинику, Джеймс стоял у выхода, покрытый пылью и потом от долгого пути, обычно с подарком — чем-нибудь из молочного магазина и непременно в горшочке. Потом они усаживались на веранде и долго и тихо говорили. Как старые друзья, делились своими проблемами, предлагали друг другу помощь, давали советы, смеялись или просто сидели в тишине, очень близко, но не касаясь друг друга, пока африканский день не клонился к закату и не переходил в ночь.

Потом он уезжал, а Грейс лежала в своей постели и так страстно мечтала о нем, что иногда не могла уснуть совсем.

— Грейс, — сказал он, — я должен сказать тебе нечто важное.

Она взглянула на него.

— Мы с Люсиль решили переехать в Уганду и остаться там жить. Навсегда.

23

Грейс пристально посмотрела на него. Затем резко отвела взгляд.

— Мне жаль, — сказал он, — мы решили это совсем недавно, в мой последний приезд.

— Когда ты уедешь?

— Сразу же после того, как организую доставку наших вещей. Люсиль останется до этого момента. Она в Энтеббе, приводит в порядок наш новый дом.

Грейс сделала несколько шагов в направлении эвкалиптового дерева, чтобы успокоиться. Тень дерева, казалось, поглотила ее; день сразу стал мрачным, как будто облака полностью скрыли солнце.

— А как же ранчо и дети? — произнесла она наконец.

— Я оставляю управление ранчо на Свена Торсена. Он работал со мной два года и вполне справится сам. Джеффри останется в Килима Симба. Ему уже семнадцать лет, и он очень увлечен работой на ранчо. Но Ральф и Гретхен поедут с нами.

— А что ты будешь делать в Уганде?

— Люсиль устроится там работать в шотландской миссии. Она хочет посвятить себя этому делу.

— А что же ты?

— Мне предложили пост администратора в Энтеббе.

Она обернулась и взглянула на него. Солнце освещало мужчину с загорелыми руками, тело которого за много лет, проведенных на свежем воздухе, стало поджарым и сухим.

— Ты станешь работать в конторе? — уточнила она.

— Грейс, мне уже сорок один год, и я не становлюсь моложе. Люсиль считает, что мне надо постепенно уменьшить свой пыл. К тому же на ранчо во мне нет никакой нужды, как это было раньше. Дела идут без моего участия и очень хорошо. Свен сможет присмотреть за ним.

Грейс знала, что финансовое положение Дональдов весьма стабильное. И те дни, когда у них был перерасход кредита, уже в прошлом. Для нее не стала сюрпризом в прошлом году информация Харди Акреса о том, что на ее счет поступила крупная сумма денег в качестве выплаты по депозиту.

— Я буду скучать по тебе, — произнесла она.

— А я по тебе. — Он подошел к ней, встал рядом и опустил глаза. — Мне было трудно принять такое решение, Грейс. Но ты знаешь, какой несчастной чувствовала себя Люсиль.

— Да.

— В Уганде она становится совершенно другим человеком. Там она абсолютно счастлива, я не могу отказать ей в этом.

— Конечно.

Все ее чувства обострились: запах его тела, шероховатая ткань грубой куртки-сафари, звук его голоса, одновременно властного, нежного и со скрытой усмешкой; вся его всеобъемлющая близость. Джеймс всегда был для нее если не любовником, то человеком, которого можно было любить; он был ее тайной страстью, которая лучше, чем отсутствие всяких страстей. Мечты о нем делали ее ночи не столь одинокими, а постель не такой пустой; его спокойная надежная сила помогала ей жить, преодолевать разочарования и неудачи; он разделял с ней ее успехи. Между ними не было и не могло быть физической любви, которой она так страстно желала, и она всегда знала об этом. Но были случайные прикосновения его пальцев к ее руке, объятия под деревьями, защищающие от дождя, приезды домой на все десять праздников Нового года…

Много лет назад Грейс сняла с руки обручальное кольцо Джереми Меннинга; место в ее сердце занял Джеймс Дональд, и она хранила его там, как тайного друга своей души. Но теперь страшная дверь была открыта, и он уходил. Впервые Грейс осознала, сколько ей лет. Внезапно оказалось, что возраст — это очень важно. Ей исполнится сорок в следующем году.

— Я буду скучать по тебе, — повторила она.

— Я заеду завтра, чтобы попрощаться.

«Завтра?» — подумала она. Она начала осознавать, что одиночество стремительно приближалось к ней. Она видела мысленным взором, какими длинными станут ее ночи, как рельсы на заброшенной маленькой железнодорожной станции без света и без жизни. Она видела себя в будущем сидящей на веранде, напряженной и строгой, глядящей в темноту на миссию, которую она создала. Она окинула взглядом поле для поло, где, как она поняла, стояла маленькая

хижина, в которой другая одинокая женщина — Вачера — сидела у своего котелка и бесконечно мешала ложкой отвары и зелья.

Грейс отступила назад:

— Попрощайся со мной сейчас, Джеймс. Я не знаю, что сказать тебе завтра.

Он опустил руки ей на плечи. Его объятие было крепким и сильным, он наклонил голову, чтобы поцеловать ее.

— Тетя Грейс! Тетя Грейс!

Они обернулись: маленькая, похожая на паучка фигурка стремительно неслась по дорожке через калитку от того места, где стояла с открытой дверцей одна из машин Тривертонов. Это был какой-то чертик с невероятной прической в необычной одежде, повторяющей взрослые наряды, который летел как на крыльях, широко раскинув руки в стороны, чтобы скорее обнять свою тетю Грейс и повиснуть у нее на шее.

— Ох, тетушка! — взвизгнула Мона. — Как же я соскучилась по тебе!

Все это произошло слишком быстро, горе сменила радость. Грейс упала на колени, в отчаянии тесно прижимая к себе племянницу. Девочка немедленно принялась рассказывать о кораблях и поездах, об ужасных кузенах во Франции, потом воскликнула:

— Не плачь, тетушка Грейс. Теперь я вернулась и больше никогда не покину Кению!

— Мона, — произнесла Грейс сдавленным голосом, — что ты здесь делаешь? Что случилось в академии?

— Дядя Гарольд сказал, что я не могу туда поступить! Тетушка Грейс, с тобой все в порядке? Почему ты плачешь?

— Просто я очень счастлива видеть тебя, дорогая. Взгляни-ка на себя, ты теперь настоящая маленькая леди!

— Мне было девять, когда я уезжала, а теперь мне уже десять лет и четыре месяца. Англия ужасна, тетя Грейс. Я так счастлива, что смогла вернуться!

Заметив приближающуюся к ней Роуз, Грейс встала и направилась навстречу своей невестке.

— Добро пожаловать домой, Роуз! — сказала она.

— Как прекрасно вернуться домой! — протягивая руку, произнесла Роуз. Они подошли к краю выступа и стали смотреть на

быстрое течение реки. Отмели густо заросли зеленью и дикими цветами всевозможных оттенков.

— Как я скучала по этим местам! Я так мечтала поскорее вернуться к своему гобелену!

Грейс, онемев от всего происшедшего, двигалась скованно, как неумелый актер. Она заметила маленькую Нджери, смущенно вышедшую из машины. Девочка стояла рядом с Роуз, стараясь держаться к ней как можно ближе, как будто бы боялась чего-то. Грейс взглянула на нее с внезапным приливом чувств: Нджери была одной из новорожденных, появившихся на свет из лона Гачику с ее помощью.

— Нджери, — спросила она, наклоняясь, — разве ты не хочешь пойти домой к маме?

Девятилетняя девочка отодвинулась назад и отрицательно покачала головой.

— Боюсь, что она очень привязалась ко мне, — смеясь, заметила Роуз, поглаживая девочку по голове. — Не так ли, Нджери? Тебе стоило бы увидеть, какое внимание ей оказывали в Европе. И она очень пригодилась мне. Нджери может сходить домой и позже. Она хочет остаться и помочь мне разобрать мои новые нитки.

Мона наблюдала за ними. Ей пришлось подавить свою ревность. Чтобы утешиться, она взяла тетю за руку.

Грейс изумленно смотрела на Роуз. Все это было совершенно невероятно. Роуз была здесь после восьмимесячного отсутствия, а вела себя так, будто просто зашла на чай! Почему она ничего не спрашивает об Артуре? О Валентине? И почему Мона вернулась с ней, вместо того чтобы остаться в академии?

Голова Грейс начала гудеть от боли. Она совершенно не была готова ко всему этому — возвращению домой Моны и расставанию с Джеймсом.

— Тетя Грейс, — отвлекла ее Мона, дергая за руку, — ты плачешь из-за меня?

Она взглянула на свою племянницу и ответила:

— Я счастлива, потому что ты снова дома, и мне грустно оттого, что дядя Джеймс уезжает. Они с тетей Люсиль собираются переехать жить в Уганду.

Мона подняла голову вверх и посмотрела на Джеймса, округлив глаза.

— А Гретхен и Ральф тоже уезжают?

— Боюсь, что так, — сказал он.

Теперь загрустила и Мона, и у нее на глаза набежали слезы.

Грейс опустилась на колени и взяла лицо девочки в руки.

— Не переживай, Мона, — мягко сказала она. — Мы с тобой все равно будем вместе. — А сама подумала: «Ты сможешь переехать ко мне и жить у меня. Все это так странно. Твоя мать выглядит еще более отрешенной от всего, еще более оторванной от реальности, чем когда-либо раньше. Я удочерю тебя, Мона; ты станешь дочерью, которую никогда не выносит мое тело и которой у меня никогда не будет. Тебе не хватает любви, дорогое дитя, и у меня внутри такая же пустота. Мы нужны друг другу».

— А где Валентин? — неожиданно спросила Роуз.

— Говорю же тебе, Тривертон, Лондон следует хотя бы выслушать! — Бригадир Норих-Гастингс снял очки и вперил взгляд в окно, за которым открывался изумительный вид на гору Кения. — Нам необходимо, чтобы хотя бы один из нас отправился туда и изложил наше дело персонально правительству Ее Величества.

— Хью — правильный выбор, — заметил Харди Акрес, удобно устроившийся в кресле в углу.

Валентин сидел за своим столом, стул был отодвинут далеко назад. Он вытянул руки и вертел в руке стакан, наблюдая, как виски вращается в нем по кругу.

Четвертым человеком в кабинете Валентина был Малколм Дженнингс, он был фермером из Рифт Валей, который владел сотнями тысяч акров земли в Центральной провинции и у которого был, таким образом, собственный интерес в колониальной политике. До сих пор он молчал, но теперь произнес:

— Южная Африка сделала правильный ход. Мы должны последовать ее примеру и создать объединение стран с белым правительством. Ну, скажем, Уганда, Кения и Танганьика. Может быть, даже Северная Родезия. Нам нужно усилить политику правления белого населения в Восточной Африке, напомнить этим черным, кто здесь хозяин.

— Мне очень жаль, что это вообще было опубликовано, — сказал Акрес. сбрасывая кенийские газеты на пол. Его друзья понимали, что

он имеет в виду: «белые газеты», которые время от времени издавались в Лондоне лордом Пассфилдом, новым секретарем по колониальным вопросам. В них он отказывался поддержать требования белых колонистов в Кении и утверждал, что «целью Британии в колониях является создание такого правительства, которое представляло бы электорат, где были бы представлены все слои общества. Голосование должно проходить по принципу полного демократизма и равенства всех голосов». И все это сопровождалось комментарием о том, что этого невозможно достичь в стране, где избирательным правом пользуется менее одного процента населения!

— Если черные прочтут это, — проговорил Акрес, — начнутся большие проблемы.

— Они уже начались, — сурово произнес бригадир. — Люди Пассфилда запретили губернатору вводить ограничения на собрания Центральной ассоциации кикую. Он прямо-таки предлагает им начать революцию! Пока они просят фанты на земли на высокогорье. И раньше, чем вы успеете спохватиться, черные получат разрешение на выращивание кофе!

Трое мужчин с ожиданием посмотрели в сторону своего хозяина. Казалось, Валентин даже не слушает их. Его темные глаза неподвижно смотрели на фотографию в серебряной рамке на столе.

Он думал об Артуре. Не следовало так сильно избивать его, но мальчишка временами приводил его буквально в бешенство. Откуда у этого ребенка взялись всяческие странности? Теперь май, а он даже не дотронулся до подарков, которые отец приготовил ему еще на Рождество: набор игрушечных солдатиков с миниатюрной пушкой, ружье, охотничий нож.

Он взял в руки фотографию и тяжелым взглядом уставился на нее. Его сердце рвалось на части при виде невинного ангельского личика Артура, мягкой нежной улыбки. «Мой сын, — кричал измученный голос в голове Валентина. — Ты то, для чего я живу, для кого построил этот дом. Я не хотел причинять тебе вред, просто хочу, чтобы ты вырос и стал настоящим мужчиной».

— Тривертон? — окликнул его Харди Акрес.

«Я заглажу свою вину перед тобой, мой сын. Мне жаль, что я избил тебя. Обещаю, что больше не стану этого делать…»

— Валентин? — произнес Малколм Дженнингс. — Ты еще с нами?

Он оторвал взгляд от фотографии.

— Простите, я что-то пропустил? — Он поставил фотографию на место, поднялся и направился к столику с напитками. — Меня не беспокоит восстание. Все мои парни хотят только одного: сидеть под деревом и пить пиво.

— Да ты просто слеп, Тривертон, — заметил Дженнингс. Валентин пропустил эту нахальную реплику мимо ушей.

Все его мысли были заняты Артуром, он думал о том, что, может быть, настало время взять мальчика на его первую охоту-сафари.

— Мы собрались здесь, чтобы услышать твое мнение по этому вопросу, — сказал бригадир Норих-Гастингс. — Поговори с нами, Валентин.

— О моих работниках никто никогда так не заботился, как теперь, — рассеянно заметил Тривертон. — Я дал им всем мопеды и велосипеды, которые они так хотели получить. Они покорны, как овечки. И они останутся такими, пока я буду продолжать вести себя с ними так же, как теперь.

Трое мужчин обменялись взглядами. Бригадир оборвал его:

— Валентин, раскрой глаза! Некоторые из этих черномазых начинают ворчать, что плоскогорье принадлежит им и что они никогда добровольно не отдадут эти земли!

Валентин налил себе выпивку, задумчиво посмотрел на него, осушил стакан одним глотком и обернулся к своим компаньонам.

— Кого вы думаете послать в Лондон?

— Мы думали тебя, Валентин.

— Меня?!

— В конце концов у тебя есть пост в Палате лордов. Твое имя имеет определенный вес и влияние. К тому же ты прекрасный оратор. Они выслушают тебя.

Валентин почесал грудь. Мысли о возвращении в Англию нисколько не привлекали его. В последний раз он был там на выставке в 1924 году, когда представлял кофе из Найроби, называемый теперь кенийским кофе. И в одном из писем из Суффолка Роуз описывала Англию такой же холодной, сырой и неприветливой, как всегда.

— Ну что? Что ты скажешь на это?

— Возможно… — Он может взять Артура с собой. Забрать мальчика подальше от влияния Роуз и Грейс, которые слишком мягко с ним обращаются.

— У нас совсем мало времени. Ситуация становится все более серьезной с каждым днем. Если мы собираемся удержать свои земли, то нам понадобится поддержка со стороны правительства Ее Величества.

— Послушай, — произнес Харди Акрес, поднимаясь на ноги, — это не твоя машина? Та, которую ты посылал на железнодорожную станцию?

Валентин подошел к окну и выглянул. «Кадиллак» остановился на дорожке, ведущей к дому, но в нем не было никого, кроме шофера-африканца.

Он вышел на веранду и прикрыл глаза рукой от солнца. Легкий бриз гулял по пяти тысячам акров пышных кустов кофе и развевал его волосы. Это было то самое место, где он стоял десять лет назад и рассказывал о своих мечтах Роуз и Грейс. Вид, который открывался его взору теперь, был именно таким, каким он видел его в мечтах в тот далекий день.

— Где мемсааб? — спросил он водителя.

— Она ушла с мемсааб доктори, бвана, — ответил тот, указывая рукой в направлении реки.

— Привет! Добро пожаловать домой! — выкрикнул он, снимая шляпу и махая Роуз и Грейс.

Роуз в ответ тоже помахала рукой, а потом сказала своей родственнице:

— Ох уж этот глупый Гарольд. Что за мысли приходят ему в голову!

— Что ты имеешь в виду?

— Взгляни на Белладу! Разумеется, у нас есть деньги!

Озадаченная Грейс смотрела на Роуз, которая изящно спускалась вниз по тропинке к тому месту, где Валентин ждал ее и поприветствовал, поцеловав в щеку.

— Мне недоставало тебя! — сказали они в один голос.

Маленькая фигурка выбежала далеко внизу под холмом из дверей родильного отделения.

— Мама! — закричал Артур, быстро перебирая своими пухлыми ножками.

Валентин тоже взглянул вниз.

— Что ты там делаешь! — закричал он, и голос его разнесся над рекой. — Я же велел тебе больше никогда не заходить туда!

Артур резко остановился и стал смотреть, как отец быстро спускается вниз с холма.

— Ты делаешь все просто мне назло! — сказал Валентин, когда подошел к нему. Он схватил Артура за воротник и встряхнул.

Сверху, стоя на холме, Грейс и Джеймс наблюдали за ними. Когда они заметили, что Артур неожиданно упал на землю, извиваясь всем телом и взбрыкивая ногами, Грейс вскрикнула и побежала вниз по тропинке.

К тому времени как Джеймс и Роуз нагнали ее, Грейс успела всунуть палочку между крепко сжатыми зубами Артура. Он содрогался и извивался в грязи на земле, глаза у него закатились, изо рта вырывались странные звуки. Взрослые с ужасом взирали на него; Мона подошла неслышно.

Все кончилось так же быстро, как и началось. Грейс стала поднимать мальчика, лежавшего без сознания, но Валентин отодвинул ее. Он прижал его к своей груди и понес следом за сестрой в клинику, где Грейс осмотрела Артура.

Наконец она произнесла:

— Эпилепсия.

Валентин вскрикнул:

— Нет!

— Я говорила тебе раньше, чтобы ты показал мальчика специалистам, — заметила Грейс. — Теперь ты должен сделать что-нибудь!

— С моим сыном все в порядке!

— Черт возьми, Валентин, ты что, не видишь? Если ты не отвезешь его на осмотр, то это сделаю я!

Он в упор посмотрел на свою сестру, глядя, как пульсирует кровь в ее венах от негодования и упрямого желания сделать все так, как она считает правильным. Плечи его неожиданно опустились.

— В Европе есть специалисты, — более мягко произнесла Грейс, — люди, которые занимаются исследованиями в этой области.

— Ты имеешь в виду помешательство?

— Эпилепсия не имеет ничего общего с психическими расстройствами. Она не имеет ничего общего с помешательством. И эпилепсия вовсе не то, чего следует стыдиться. Она была у Юлия Цезаря. Ею страдал Александр Македонский.

Валентин перевел злобный взгляд на Роуз.

— Это у него от твоего семейства, — произнес он таким тоном, который шокировал всех. Потом сгреб в охапку безжизненное тело сына, крепко прижал к себе и приложился губами к его волосам цвета грейпфрута, которые были мокрыми от пота. Артур казался таким маленьким и хрупким. «Мой сын. Мой единственный сын, который когда-либо будет у меня».

Когда Роуз потянулась к мальчику, Валентин отступил назад и приказал:

— Не прикасайся к нему!

А Грейс он сказал:

— Я заберу его в Англию. Я покажу его всем специалистам в Лондоне, я поеду на континент, если понадобится. Я потрачу все пенни… — Его голос прервался.

Они наблюдали, как он спускается по ступенькам с веранды, поднимается по тропинке вверх и направляется в сторону дома. Руки и ноги Артура раскачивались при движении, как у куклы. Роуз пошла по другой тропинке, что вела через лес к ее эвкалиптовой роще; она двигалась очень быстро, со стороны казалось, что она летит. Маленькая Нджери бежала трусцой рядом с ней, как щенок, в то время как Мона скрылась в тени веранды, не зная, что ей делать. Затем она двинулась в том же направлении, что и мать.

Оказавшись снова на солнечном свету, Грейс отбросила волосы с лица назад, сделала глубокий вдох и осмотрелась вокруг. Она обвела взглядом маленькую группку домишек под соломенными крышами, которые и были ее миссией. Сзади подошел Джеймс и встал рядом с ней.

— Ты как, в порядке? — спросил он.

— Да.

Он взял ее за руку и крепко сжал в своих ладонях.

— Я задержусь, Грейс, до того момента, пока Валентин не уедет в Англию с мальчиком.

Но она обернулась к нему и сказала:

— Нет, Джеймс. Ты больше не принадлежишь этому месту. Твоя жизнь теперь далеко на западе, Люсиль и твои дети ждут тебя. Ты нужен им больше, чем нам.

— Я хочу, чтобы ты всегда помнила, Грейс, — тихо проговорил он, — если я когда-нибудь понадоблюсь тебе, просто напиши мне хотя бы одно слово и я приеду. Обещай мне это.

Она посмотрела на заходящее солнце и кивнула.

— Давай простимся сейчас, Джеймс. Тебе пора собираться в путь. До Уганды очень далеко.

24

— Вся эта земля, сын мой, все, что ты видишь вокруг и гораздо дальше, принадлежит Детям Мамби и никому другому.

Дэвид сидел и слушал слова матери, которая разговаривала с ним во время приготовления ужина. Два больших батата, завернутых в листья банана, постепенно размягчались под действием пара; зерна проса набухали в кипящей воде и превращались в кашу. Хотя многие женщины в деревне за рекой уже приняли европейский обычай есть три раза в день, Вачера продолжала соблюдать старинную традицию долгого плотного ужина в конце дня.

— Дети Мамби были обмануты вацунгу, — сказала знахарка, — они отказались от своих земель. Белый человек не понимает наших путей. Он видит лес, в котором нет жилищ, и забирает его себе, потому что считает, что здесь никто не живет. Он не понимает, что наши предки жили здесь или что этот лес будет когда-нибудь расчищен для жилищ детей наших детей. Белый человек не думает о прошлом, не думает о будущем, он видит только что, что есть сегодня.

Дэвид с обожанием смотрел на свою мать. Она была самой прекрасной женщиной из тех, что он когда-либо видел. Теперь, когда он приближался к возрасту возмужания и вскоре должен был пройти обряд посвящения в мужчины, он начал замечать, как мужчины и женщины смотрят на нее. У первых взгляд был голодным, Дэвид знал, что мужчины мечтают о его матери и что она часто получает предложения выйти замуж. А женщины смотрели на нее с завистью, потому что тайно завидовали свободной жизни Вачеры, у которой не было мужчины-хозяина. И все относились к знахарке с почтением и благоговением.

Хотя у нее и не было мужа, — лишь только один ребенок, при других обстоятельствах ей следовало бы посочувствовать, Вачера была уважаемым членом клана, потому что она была хранительницей традиций. Дэвид видел, как важные люди приходят в их дом в течение всего года; его детство представляло собой одну бесконечную хронику посещений вождей и старейшин, советовавшихся с его матерью, чередой женщин, раскрывающих перед ней свои тайны и приносящих плату за приворотные зелья и защитные амулеты, мужчин,

предлагающих ей себя. Маленькая хижина, в которой жили Вачера и Дэвид, оглашалась воплями отчаяния и смехом Детей Мамби, которые приходили сюда поговорить многие месяцы под многими полными лунами, сменявшими друг друга. Дэвид гордился своей матерью, он готов был умереть за нее.

Но было еще многое, чего он не понимал. Ему было одиннадцать лет, и он нетерпеливо ожидал наступления своего возмужания и знаний, которые оно принесет с собой. Он хотел, чтобы она говорила быстрее, рассказывала больше, бросила свет на темные тайны, которые мучили его молодую душу.

Дэвид приблизился к опасной черте. Он все еще в значительной мере был ребенком, и лишь малая толика мужественности прорезалась в его характере. Но ребенок, которым он был, мечтал поскорее стать мужчиной и боялся, что это может никогда не случиться. Но он был из племени кикую и с завистью смотрел на богатство белого человека: велосипеды, телеграф, оружие. Дэвид Кабиру Матенге страстно желал обладать всеми этими вещами, иметь такую же силу, быть принятым в это элитарное общество. Много лет назад его отец крестил его. Теперь Дэвид принадлежал Господу Иисусу, так говорили вацунгу. И все же он не был им настоящим братом, как они обещали, не был им ровней. Поэтому он был в обиде на них.

— Не надо любить вацунгу, — часто говорила ему мать. — Не надо их уважать, признавать их закон. И все-таки, сын мой, нельзя не принимать их всерьез. Постарайся запомнить пословицу: «Умный человек встречает быка с осторожностью».

— Теперь можем поесть, — наконец сказала Вачера, зачерпывая кашу и раскладывая ее по банановым листьям. — Ты перечислишь мне всех предков до прародителей. Потом мы пойдем в лес, где проходит тайное собрание. Великий человек придет, чтобы поговорить с Детьми Мамби. Ты будешь слушать, Дэвид Кабиру, и запоминать его слова так же, как ты запомнил всех предков.

Ваньиру задержалась в школе допоздна, чтобы помочь мемсааб Памми. Она делала это не из любви к учительнице и не из чувства долга перед школой; девятилетняя девочка всегда искала предлог, чтобы избежать возвращения в деревню вместе с мальчиками, которые

шли по той же тропинке, что и она, и жестоко издевались над ней по дороге.

Она совсем не боялась их; Ваньиру не боялась ничего. Кроме хамелеона, которого опасались все кикую. Причина была в ее матери, которой приходилось так много и тяжело трудиться, чтобы быть уважаемой женщиной, и платья Ваньиру, изорванные или запачканные руками мальчишек, доставляли ей большое огорчение.

Завершив все дела, Ваньиру сказала учительнице «ква хери» — «до свидания» — и вышла из классной комнаты. Солнце садилось. Девочке надо было поторопиться, если она хотела попасть домой до наступления темноты. Когда она проходила через ворота, на которых была прикреплена табличка «Миссия Грейс Тривертон», Ваньиру замешкалась. Перед ней простиралась ровная лужайка с сочной травой, которая приводила их всех в недоумение своей бесполезностью. Здесь не паслись животные, не выращивались овощи. И все же за ней старательно ухаживали садовники, и ее проверял бвана, который носил кнут. Однажды Ваньиру видела лошадей, скакавших по полю с белыми людьми в седлах, которые размахивали длинными палками, в то время как по сторонам в тени камфарных деревьев и олив сидели мемсааб в белых шляпах и платьях и вскрикивали так, будто их мужчины были воинами.

Но она пристально вглядывалась не в поле для поло, а в хижину на его конце, где, как она могла хорошо видеть в свете угасающего дня, два человека заканчивали ужин.

Она знала их. Мама Ваньиру часто ходила к знахарке, когда болели дети. А однажды вдова легендарного вождя Матенге приходила в деревню Ваньиру, чтобы поговорить с людьми о предках, и семьи отмечали этот день, распивая пиво. Вачера притягивала маленькую девочку. Даже несмотря на то что вацунгу запретили знахарке заниматься ее древним ремеслом, она продолжала это делать, ее непослушание заставляло всех людей в клане испытывать перед ней страх и трепет. Мальчик, которого, как ей было известно, звали Дэвид Кабиру, сравнительно недавно начал ходить в школу мемсааб доктори. Его мать отправила его туда узнать о путях белого человека, как он хвастался, чтобы подготовиться к тому дню, когда Дети Мамби смогут снова заявить права на земли кикую и получат их обратно.

Ваньиру заметила, что мать с сыном собираются отправиться в лес. Она слышала, как Вачера говорила с Дэвидом очень серьезным голосом. Маленькая девочка почувствовала, что они хотят заняться чем-то необычайно важным, ее мучило любопытство, и она решила проследить за ними.

Путь был долгим, всю дорогу их сопровождало множество злых духов, чьи золотистые глаза сверкали сквозь заросли. Ваньиру старалась не отставать от них, двигаясь как можно ближе и скрытнее. Ее мысли то и дело возвращались к тому, что ее мама будет волноваться. Но она не могла отказаться от преследования таинственной матери и ее сына.

Неожиданно знахарка вывела сына на поляну, где, к большому удивлению Ваньиру, сидело в молчании множество мужчин. Она узнала нескольких из свой родной деревни. Большинство были одеты в шукасы и покрывала, в руках держали копья, но некоторые были в европейской одежде, потому что работали в миссии. Маленькая девочка наблюдала за ними сквозь ветки кустов.

На собрании не было ни одной женщины, но никто из мужчин не возражал против присутствия знахарки. Напротив, ей освободили место и передали сосуд из тыквы с пивом. Как будто бы она была мужчиной! Так подумала Ваньиру, и ее глаза расширились от удивления.

Постепенно подошло еще несколько мужчин. Они тихо появились из темноты. Нигде не горел огонь, поляна освещалась лишь светом полной луны. Это было время, когда совершались важные дела. Мужчины сидели на земле, на булыжниках, на поваленных стволах деревьев, передавали друг другу пиво из тростника, некоторые жевали листья мираа, чтобы сохранять бодрость, а другие пускали по кругу бутылку колобаха. Ваньиру знала, что представлял собой этот напиток, его очень ценили мужчины племени кикую, потому что это был ликер белых людей, незаконно раздобытый африканцами у хозяев. Поэтому его называли «баром для цветных».

Ваньиру видела, как мужчины сидят здесь с типично африканским терпением. Никто из них не носил часы, и никого не интересовало, сколько прошло времени. Ваньиру не знала, что все они собрались здесь из любопытства: весть о том, что человек по имени Джонстон придет сюда сегодня ночью, передавались из уст в уста. Он

собирался поговорить о Центральной ассоциации кикую. Именно по этой причине поляна охранялась мужчинами, которые спрятались вокруг на деревьях. Каждый мужчина, пришедший на собрание, дал священную клятву в том, что сохранит в тайне все, о чем здесь будет говориться, чтобы секретные информаторы правительства не прознали об этом. То, ради чего все собрались здесь этой ночью, считалось незаконным.

Сейчас лишь странный звук, напоминающий ворчание в брюхе у слона, нарушал тишину леса. Поначалу этот звук раздавался далеко, затем стал приближаться и становиться все громче и громче. Некоторые мужчины даже вскочили на ноги, готовые бежать. Но это был тот самый человек — Джонстон; он подъехал к поляне на своем мотоцикле.

Те, кто слышал его выступления раньше, призвали всех к молчанию и представили его как Джонстона Камау. Высокий, крепкого телосложения кикую с сильным голосом и пронзительным взглядом носил, как это заметили все, украшенный орнаментом пояс их племени, который назывался мукуби ва киньята. Он прошел в центр круга.

Мужчины сидели как завороженные, пока он говорил о судьбе коренных африканцев, о необходимости объединения и получения образования. Вачера и ее сын слушали. Слушала и маленькая Ваньиру.

— Согласно старинным законам жизни африканского общества, — говорил Джонстон Камау, — несмотря на все его недостатки, мужчина был мужчиной и имел свои права, свободу изъявлять свою волю и действовать в том направлении, которое больше всего подходило для осуществления его целей и целей его племени. Но теперь африканец — независимо от его положения в жизни — все равно что лошадь: она двигается только в том направлении, которое указывает ей ее наездник… Африканцы могут подняться на более высокий уровень, если будут достаточно свободны, чтобы уметь выразить свои пожелания, чтобы разбираться в экономике, политике, жизни общества и принимать участие в работе правительства своей страны.

Когда он закончил, все молчали. Он оглянулся вокруг, всмотрелся в лица людей, на минуту задержал взгляд на прекрасном лице знахарки в родовом наряде. Затем произнес:

— Мы можем говорить здесь свободно.

Муриго из деревни Ваньиру сказал:

— О чем ты говоришь нам? О том, что мы должны выгнать белых людей с земли кикую?

— Я говорю не о революции, а о равенстве, мой брат. У кого из вас есть чувство, что он такой же, как его белый лорд или хозяин?

Другой человек, Тимоти Минджир, произнес:

— Вацунгу дали нам так много! До того как они пришли сюда, мы жили в грехе и темноте. Теперь у нас есть Иисус. Мы стали современными людьми в глазах всего мира.

Несколько человек согласно закивали головами.

— Но что мы отдали за это? — спросил Джонстон. — Мы отдали им нашу землю, а они дали нам Бога. Разве это честная сделка?

— Бвана хорошо относятся к нам, — сказал Муриго. — Наши дети стали более здоровыми, мой сын учится читать и писать, у моей жены для готовки много масла и сахара. До того как пришли бвана, у нас не было всего этого.

— Но мы были людьми. Можешь ли ты сказать так о себе теперь?

В круге начали переглядываться. Один из стариков поднялся, важно посмотрел на молодого Камау и ушел в темноту, несколько других также вскочили с мест и последовали за ним. Те, кто остался, продолжали с подозрением разглядывать выскочку.

— Нас миллионы, а их только тысячи, — пророкотал Джонстон. — И все же они управляют нами!

— Разве не маленькая кучка стариков управляет всем племенем кикую? — возразил один из мужчин.

Джонстон бросил на него резкий взгляд:

— А тысячи гиен могут управлять миллионами львов? — Он вытащил газету из бокового кармана и помахал ею, как дубинкой. — Читайте! — выкрикнул он. — Читайте собственные слова белого человека. Он признает, что один процент населения нашей страны принимает все законы и что именно этот процент составляют иностранцы, предки которых происходят из других стран.

Вокруг зашумели.

— Они отняли у нас копья и наши боевые барабаны, — продолжал Джонстон. — Они сделали из наших мужчин женщин. А теперь они хотят еще и запретить священное посвящение девушек и

вместо этого научить их читать и писать, чтобы сделать из наших женщин мужчин. Вацунгу поставили кикую с ног на голову! Они медленно уничтожают Детей Мамби! А вы, как покорные овечки, целуете руку, которая убивает вас! Проснитесь, сыновья Мамби! Действуйте, пока еще не слишком поздно! Вспомните пословицу, что семья, в которой все говорят: «Я это сделаю», всегда проигрывает той, в которой говорят: «Я это сделала».

Он пересек поляну и остановился возле старика, сидящего на земле. На нем было покрывало, а в руках оружие; на шее висел небольшой металлический предмет.

— Мзии, — обратился к нему Джонстон уважительным тоном, — что означает это украшение, которое ты носишь?

Старик внимательно и с опаской посмотрел на него:

— Ты знаешь, что это. Ты и сам носишь такое же.

— Да! — воскликнул Джонстон. — Это кипанде, знак, который вацунгу заставляют нас носить. Но из-за того, что большинство наших мужчин не носят одежды, в которой есть карманы, как у меня, вам приходится носить свои опознавательные значки на шее, как ошейник для собак!

Слушатели замерли, легкий озноб, казалось, пробрал группу мзии, и их глаза засверкали, как головешки костра. Минуту спустя величавый старик поднялся с земли и сказал тихим и суровым тоном:

— Белый человек пришел и вытащил нас из темноты. Он показал нам весь большой мир, о котором мы ничего не знали. Он принес нам лекарства и Бога, дороги и книги. Он дал нам лучшую жизнь. Этот кипанде, который я ношу, сообщает другим людям, кто я такой. Мне не стыдно носить его. И я не обязан слушать тебя.

Он медленно повернулся спиной и с чувством собственного достоинства удалился сквозь проход между расступившимися перед ним людьми, как будто покидал тронный зал. Остальные старейшины тоже поднялись и ушли вслед за ним. Но молодые остались, и именно к ним обратился Джонстон:

— Прошло уже семь лет после кровавой резни нашего народа из-за ареста Гарри Тхуку в Найроби. Тхуку все еще в тюрьме за свою деятельность вхуру, за свою борьбу за независимость. Сто пятьдесят безоружных мужчин и женщин были расстреляны на улице, как животные. Неужели мы позволим, чтобы это так и продолжалось?

Он осмотрел всех слушателей, заглянул в глаза каждого, используя свой природный магнетизм, и смотрел так долго, пока они не стали отводить глаза.

— Я говорю вам, — с нажимом произнес он, — если среди вас есть те, кто работает на белого человека, они не африканцы. Вы слышите меня?

— Да, — произнесли несколько человек. — Да.

— Разве наше достоинство не стоит больше, чем сахар и масло?

— Стоит, — раздалось немного громче.

— Мы так и будем продолжать ездить в вагонах третьего класса, в то время как белые люди ездят первым классом? Мы так и будем терпеть унизительное правило, что каждый, кто хочет пойти в другую деревню, должен получить на это разрешение? Мы так и будем страдать от их законов, которые запрещают нам курить в присутствии белого человека или поднимать шляпу, когда встречаешь его, стоять смирно, когда он проходит мимо? Или мы станем жить, как подобает мужчинам?

— Да! — выкрикнули вокруг.

Ваньиру почувствовала, как сильно бьется в груди ее сердце. Он яркий человек, этот Джонстон Камау, в самом голосе которого чувствовалась какая-то завораживающая магия. Она мало поняла из того, что он говорил, но сила убеждения, которая звучала в его словах, заставила ее кровь быстрее бежать в жилах. Она смотрела широко раскрытыми глазами, почти не мигая, как вдруг еще несколько человек, не желавших действовать решительно и опасавшихся вмешиваться в политику, поднялись и ушли. Она видела, как оставшиеся бросали друг на друга нервные, возбужденные взгляды, мужчины неуверенно заерзали на своих местах. Некоторые что-то говорили в поддержку оратора, другие молчали. Она подумала о том, что Джонстон похож на палку, которой помешивают угольки в костре, чтобы тот сильнее разгорелся. Старые остывшие угольки откатились в сторону, слабо тлеющие остались по краям, зато свежие, красные и горячие были собраны в самом центре костра прямо под кипящим котелком. Эти последние были молодыми мужчинами, Ваньиру видела молодежь в шортах цвета хаки, которые научились читать и писать, но в карманах у которых не было ни гроша. Это были недовольные

молодые люди, и на них зажигательные речи Джонстона Камаи подействовали, как огонек спички, поднесенный к спирту.

К своему большому удивлению, Ваньиру заметила, что знахарка медленно поднимается на ноги и приближается к молодому мужчине. Вся группа затихла. Она подошла к нему, и они обменялись приветствиями в знак взаимного уважения. Затем Вачера, вдова легендарного Матенге, произнесла:

— Мне было видение, сын Мамби. Предки показали мне твое будущее. Ты поведешь людей назад к старым традициям. Ты освободишь нас от рабства вацунгу. Я заглянула в твой завтрашний день и увидела, кем ты станешь однажды: ты станешь факелом Кении, ты станешь Кения таа.

Глаза Джонстона засияли, лицо озарилось. Потом он улыбнулся, кивнул и посмотрел вслед уходящей женщине.

Когда Вачера вернулась к своему сыну, она взяла его за руку и сказала:

— Запомни эту ночь и этого человека, Дэвид.

Ваньиру услышала это. Она тоже запомнит его.

25

Разразилась гроза. «Дом певчих птиц» заливало светом от вспышек молний. Грейс взяла в руки письмо от Роуз. Оно начиналось так:

«Моя дорогая Грейс!

Здесь ужасная, отвратительная погода, и я просто схожу с ума от необходимости постоянно сидеть в доме. Белла Хилл — это такое мрачное место! Когда Валентин находится дома (он проводит очень много времени в Лондоне, выступая в парламенте от имени белого населения Кении), он так яростно ругается с Гарольдом, что я делаю все возможное, чтобы остаться в здравом уме.

Но я занята прекрасной вышивкой! Я нашла совершенно изумительный оттенок красного цвета в одном из деревенских магазинов и хочу использовать его для бутонов гибискуса. Я говорила тебе, что решила вышить гибискус на своем гобелене? Не знаю, растут ли они на склонах горы Кения, но они кажутся мне очень подходящими в картине. А что ты думаешь по поводу одной из разновидностей венгерского стежка для неба? Или это будет слишком? Я все еще в большом затруднении по поводу пустых мест, никак не могу найти для них достойный сюжет, меня это просто мучает. Гора получается очень мило; у некоторых деревьев уже вышила кору. Теперь я собираюсь переключиться на леопарда, выглядывающего из зарослей. Вне всякого сомнения, понадобится целый год или даже два года моей жизни, чтобы завершить работу! Но чем же, боже мой, мне заполнить пустые места?

В ответ на два твоих последних письма могу сообщить, что по поводу состояния Артура мне

нечего сказать тебе. Ты не должна ругать меня, Грейс. Только из-за того, что я не упомянула о нем, не следует считать, что мне все равно. Один из специалистов на Гарли-стрит набрался смелости и сказал Валентину, чтобы тот сводил Артура к какому-нибудь фрейдисту! Не представляешь себе, какую бурю это вызвало!

Почему в ноябре в Англии всегда так уныло? Наступили ли уже дожди в Кении? Я молюсь об этом. Моим розам и дельфиниумам дождь просто необходим. Сегодня на почте я получила письмо от Люсиль Дональд из Уганды. Она не может писать ни о чем, кроме своей замечательной работы.

Похоже, мы вернемся домой не раньше Рождества. Даже после того как мы покинем Англию, придется добираться еще шесть недель. Мое сердце осталось в Кении, рядом с вами.

Любящая вас, Роуз».

Грейс вздохнула и отложила письмо. Оно было написано изящным почерком на тонкой двухцветной гербовой бумаге нежно-розового цвета с голубым — цветами Тривертонов, со львами и грифонами наверху страницы. Украшенные завитушками буквы заполняли весь лист, но там не говорилось ничего определенного, как обычно, а всего лишь описывались мысли Роуз.

Грейс бросила взгляд на нижнюю часть крыши своего дома, услышав новые раскаты грома со стороны горы Кения. Ветер трепал сухие листья папируса, и этот звук дополнял треск огня. Грейс была одна, если не считать Марио, который спал в своем сарайчике, и Моны, лежащей в своей кровати в недавно пристроенной комнате. Пока Валентин и Роуз были в Англии, их дом был заперт.

Грейс попыталась думать об опустевшем Белладу. Но это напомнило ей о ее собственном одиночестве.

Она налила себе вторую чашку чая и прислушалась к ветру. У нее была Мона. Если бы не она, Грейс оказалась бы полностью поглощенной своим одиночеством.

Стараясь отвлечься от мрачных мыслей, готовых завладеть ею, она попыталась сосредоточиться на новых проблемах, которые требовали принятия решения. Прежде всего, это был вопрос о вакцине оспы, которую привозили из Англии в неактивной форме, потому что она плохо переносила доставку; прививка была просто жестом отчаяния. Был еще и проект с пеленками, который ей приходилось осуществлять с большим трудом: она направляла сестер в деревни, чтобы они показывали африканским женщинам, как необходимы пеленки малышам. Все еще оставались нерешенными вопросы с детьми, которые получали ожоги, свалившись в огонь очага, проблема обезвоживания новорожденных, которые не успевали получить лекарства вовремя; нужно было проверить работу фильтров для воды в каждой хижине, чтобы посмотреть, пользуются ли ими. Снова началась вспышка дизентерии, паразиты становились все большей заботой, несмотря на то что их стало меньше; проблемой становилось и недоедание из-за резкого увеличения прироста населения. Новорожденные продолжали умирать от столбняка из-за антисанитарных условий при родах. Список проблем казался бесконечным.

Грейс боролась с двумя постоянными препятствиями: недостатком образованности среди африканцев и по-прежнему существующим предпочтением племенных знахарей. Первое, она знала, постепенно удастся решить с помощью школ, книг и учителей; а второе едва ли получится преодолеть. Несмотря на усиливающееся воздействие на африканцев со стороны миссий, чтобы отвратить их от обращений к местным лекарям и знахаркам, традиционная медицина просто переходила на нелегальное положение. Многие ночи, когда Грейс не могла уснуть и стояла на веранде, чтобы подышать свежим воздухом, она видела в лунном свете неясные фигуры, входившие в хижину Вачеры.

Здесь был ее враг. Вачеру следовало остановить.

Отложив письмо Роуз в сторону, она потянулась к другому, которое получила от Джеймса. Грейс слышала, что гроза постепенно приближается. Джеймс писал:

«У нас здесь, в Уганде, те же самые проблемы, что и у тебя. Деревни располагаются слишком

далеко друг от друга и так глубоко в джунглях, что миссионеры-медики не могут осмотреть всех и каждого. Эти люди умирают от простейших вещей! Диарея, обезвоживание, недоедание, инфекции — все, чего можно было бы избежать с помощью обычной профилактики, если бы была какая-то возможность просветить африканцев по вопросам здоровья. Грейс, я так много и часто бывал в деревнях, видел ненужные страдания и думал, что людям могло бы помочь какое-нибудь руководство для персонала, не имеющего медицинского образования, для таких, как я или Люсиль, или даже для самих аборигенов, к которому они могли бы обращаться за помощью! Ты тот человек, который должен написать такую книгу, Грейс. Мы будем молиться, чтобы однажды это случилось».

Ее глаза увлажнились, она отложила письмо в сторону. Книга вместо доктора. С простыми объяснениями и рисунками. Это именно то, что представлял себе Джеймс. Грейс засмотрелась на огонь, погрузившись в раздумья и слушая, как приближается буря.

— Ты ведь совсем не боишься грозы, не так ли? — спросила Мона.

Дэвид постарался придать своему лицу стоическое выражение. Ему хотелось сбежать в хижину, где спала его мать. Но это выглядело бы как трусость, а он должен показать дочери бваны, что ничего не боится.

Она дразнила его, заставляя сделать это.

В тот день они встретились возле реки, и Мона смело заявила, что вернулась в Кению навсегда. А Дэвид резко возразил ей, что это ненадолго. Они продолжали спорить друг с другом о том, кому принадлежит эта земля. Для Дэвида авторитетом была его мать, а для Моны — ее отец. Во время спора и возникла эта идея. Девочка принялась подзадоривать его встретиться в полночь на месте табу. Тот, кто окажется храбрее, тот и есть полноправный хозяин этой земли.

Поэтому Дэвид и пришел сюда в столь поздний час. Он стоял, прижавшись к стене хижины, в которой располагалась хирургическая операционная, чтобы доказать Моне свою смелость. Холодный ветер проникал сквозь его тонкую рубашку. Небо разорвала вспышка молнии, осветившая тяжелые черные тучи, которые несли дождь. Он не любил гроз, никто из кикую не любил их. Но это был необычный дождь, и Дэвид знал это. Жестокие бури, такие, как приближающаяся, случались здесь довольно редко. Они заставляли Детей Мамби задумываться о том, чем они прогневили Бога. Но не того мзунгу Бога Иисуса, для которого они пели песни по воскресеньям и которому молились в хорошие времена, а Нгаи — древнего божества кикую, к которому они обращались, когда пробуждались их первобытные страхи.

Ветер растрепал короткие черные волосы Моны. Ее комбинезон цвета хаки, под который была надета рубашка с длинными рукавами, раздувался, как шар. Она отправилась в постель полностью одетой, о чем ее тетя Грейс не узнала, потому что, когда она заходила, чтобы поцеловать ее и пожелать ей спокойной ночи, Мона натянула одеяло до самого подбородка.

— Давай посмотрим, какой ты смелый воин, — сказала девочка. — Предлагаю тебе войти внутрь! — И указала на дверь, ведущую в операционную.

Это был небольшой домик, чуть больше хижины, в которой Дэвид жил с матерью. Здесь не было веранды, в проеме висела деревянная дверь, которую Дэвид толкнул ладонями. Дверь со скрипом отворилась перед ним, сверкнувшая молния залила на мгновение ярким светом деревянный пол внутри, шкафы, электрическую лампочку, свисающую с потолка, и грубый стол для операций.

Это была самая чистая из всех хижин Грейс. Она была избавлена от насекомых и грызунов настолько, насколько это вообще было возможно в крытых тростником хижинах. Здесь Грейс производила операции, которые могла сделать на месте, не отправляя людей в большой госпиталь в Найроби. Дэвид никогда не был внутри, работники миссии с большим страхом и трепетом относились к этому месту, потому что мемсааб доктори занималась здесь своей очень мощной магией. И конечно, сам приход сюда был для него табу!

— Иди вперед! — шепотом говорила Мона, двигаясь следом за ним. — Вызываю тебя!

Дэвид сглотнул. Во рту у него пересохло, пульс участился. Каждый удар грома, казалось, заставлял содрогаться землю. Вспышки молний озаряли выглядевшие зловещими здания миссии. Деревья по периметру двора неистово размахивали ветками, громкий шум и свист постепенно приближался со стороны горы, как будто Нгай задыхался от бешенства.

Дэвид замер, его сковал страх.

— Вперед! — прикрикнула Мона, и ветер сорвал слова с ее губ и унес их в сторону — Или ты трусишь?

Плотно прижав кулаки к бокам, дрожа всем телом от страха и холода, Дэвид закрыл глаза и сделал еще один шаг.

— Вперед! Вперед! Не останавливайся!

Хижина содрогнулась от удара грома, и ветер завертелся волчком вокруг них. С крыши начал облетать тростник. Большими клубами поднялась пыль, засыпая им глаза. Яркие полосы огня пронзили темное небо. Рядом в лесу молния ударила в дерево, и оно загорелось.

Мона подтолкнула Дэвида сзади. Он упал вперед на четвереньки. Она снова пихнула его; ветер налетел на нее сзади и плотно захлопнул дверь в хижину.

Оба закричали.

Стены хижины сотрясались от ветра, который срывал со стен и крыши снопы папируса и стебли кукурузы. Дэвид и Мона посмотрели наверх.

Крыша загорелась.

Дети подбежали к двери и попытались открыть ее, но она не поддавалась.

Они попали в ловушку.

Почувствовав запах дыма, Грейс отложила в сторону дневник и подошла к окну.

Три хижины были охвачены огнем.

— О Господи! Марио! Марио! — Она выбежала наружу, вниз по ступенькам, мимо каморки мальчика, откуда он как раз выходил, на ходу натягивая шорты.

Один за другим начали появляться работники миссии. Еще не вполне проснувшись, они щурились, а затем бегом бросались к горящим домам. Когда Марио направился к домику с операционной, Грейс выкрикнула:

— Нет! Брось инструменты! Спасай людей!

Они направились прямиком к самому большому строению, где располагалась палата для больных, и заметили, как две ночные сиделки выводят людей во двор. Две стены уже были охвачены огнем; постепенно разгоралась и крыша.

Ветер перебрасывал искры огня с одной крыши на другую, и вот уже горели все здания. Пламя взметнулось к небесам, пока рабочие выносили кресла-каталки и мебель. Грейс пыталась перекричать вой ветра и шум огня, но толпу охватила паника. Мужчины бросались в горящие здания, чтобы спасти столы и стулья и оказывались в ловушке. Взорвались баллоны с кислородом, стекла разлетались на мелкие кусочки, перекрывая адский шум. Люди бегали взад и вперед, размахивали руками, кричали, Грейс ловила их, отдавала приказы, пыталась управлять процессом эвакуации пациентов в безопасное место.

— Мемсааб! — закричал Марио, хватая ее за ночную рубашку. — Взгляните!

Она обернулась, ее дом тоже был охвачен огнем.

— Мона!

— Марио! Где Мона? Ты видел ее?

Он побежал в сторону коттеджа, но был отброшен назад, когда пламя неожиданно вырвалось из хижины. Грейс подняла мальчика с земли и оттащила в безопасное место, затем побежала в сторону своего дома, выкрикивая имя Моны. Когда она пробегала мимо операционной, которая уже наполовину была охвачена огнем, ей показалось, что внутри кто-то зовет на помощь.

Она подбежала к двери и прижалась к ней ухом. Дым пробивался сквозь щели. Крыша казалась столбом огня. Грейс различила детские голоса, которые были еле слышны.

— Мона! — Грейс попыталась открыть дверь.

Подбежали мужчины с листьями банана. Они стали сбивать языки пламени, выбивающиеся сквозь стены. Кто-то начал швырять комья

грязи. Грейс надавила на дверь всем телом, один из африканцев оттолкнул ее в сторону и попытался выбить дверь.

Хижина начала заваливаться внутрь. Криков детей больше не было слышно.

Вскоре все строение превратилось в сплошной столб огня, и африканцы в страхе отступили.

Грейс кричала и ломилась в дверь. Искры и пепел сыпались прямо на нее. Жар опалял ее лицо и легкие.

— Мона! — кричала она.

Наконец дверь поддалась, и из нее повалил густой дым. Прикрывая лицо, Грейс опустилась на колени и поползла внутрь. Потолок вот-вот должен был рухнуть. Она нащупала чью-то ногу, вцепилась в нее и потянула изо всех своих сил. Появилось тело Дэвида, и в тот же момент на это место упал сноп горящего папируса. Он ударил женщину по голове. Она тащила Дэвида за собой, пока он не оказался в безопасности. Затем, борясь с жарой и дымом, Грейс побежала обратно за Моной.

И тут полил дождь.

Он вырвался из низких туч и смыл адское пламя. Языки пламени съежились, воздух наполнился шипением. Гром грохотал, молнии все так же озаряли небо; дождь полил сплошным потоком.

Грейс барахталась в грязи, запутавшись в своей ночной сорочке. Тростник, уже занявшийся, теперь пропитывался влагой и становился все тяжелее. Она протискивалась сквозь снопы обгоревшего папируса и поднимающиеся клубы пара, скользя и оступаясь, и упрямо продолжала разыскивать Мону.

Африканцы отошли, а потом исчезли где-то в потоках воды.

Грейс нашла Мону: та лежала, придавленная сверху шкафом с инструментами. Грейс еще не успела добраться до нее, как в этот момент крыша рухнула от резкого и мощного порыва ветра, похоронив под собой девочку. Грейс яростно принялась копать, разрывая пропитанную влагой крышу на части, пока не ободрала руки в кровь. Мона лежала неподвижно, одна бледная рука торчала вверх и была неестественно вывернута.

Дождь обрушился на Грейс с пугающей силой, прибивая волосы к лицу. Она попыталась поднять шкаф, но не смогла. Она стала звать на помощь, а ветер швырял пригоршни воды ей в рот. Грейс почти ничего

не видела перед собой. Дождь лил стеной. И от него обуглившийся пол быстро превращался в озеро. Мона была на волосок от гибели, она могла умереть от ожогов или утонуть, если Грейс не удастся вовремя вытащить ее.

— Помогите! — кричала женщина. — Кто-нибудь! Марио!

Она в отчаянии осмотрелась вокруг. Двор был пуст, черные руины хижин и больничной мебели, остывая, шипели под струями дождя.

— Помогите! — выкрикнула она. — Где вы все?

Она заметила неясную тень, которая появилась за густой завесой дождя и теперь медленно приближалась.

— Пожалуйста, помогите мне, — заплакала Грейс. — Моя маленькая девочка застряла. Может быть, она еще жива.

Вачера смотрела на нее сверху вниз с каменным выражением лица.

— Черт возьми! — крикнула Грейс. — Не стой просто так! Помоги мне поднять шкаф!

Знахарка произнесла лишь одно слово:

— Таху.

— Нет, это вовсе не ваше гнусное таху! — закричала Грейс, пытаясь сдвинуть шкаф. — Это всего лишь буря! Помоги мне!

Вачера не шелохнулась. Она стояла в воде, ее платье из кожи пропиталось водой, струи дождя стекали с бритой головы.

Грейс вскочила на ноги.

— Черт возьми! — кричала она. — Помоги мне спасти эту девочку!

Взгляд знахарки быстро пробежал по торчащей из-под шкафа руке. Уровень воды вокруг безжизненного тела Моны неуклонно поднимался.

— Я спасла твоего сына! — выкрикнула Грейс.

Вачера повернула голову. Когда она увидела Дэвида, который постепенно приходил в сознание, лежа в грязи, выражение ее лица изменилось. Она перевела взгляд с мальчика на белую женщину, затем вниз на шкаф. Не говоря ни слова, наклонилась и взялась за угол. Грейс ухватилась за другой, и они вместе, упираясь и надрываясь, сдвинули тяжелый шкаф с тела девочки в сторону.

Грейс упала на колени и осторожно перевернула Мону. Она отвела волосы, отерла от грязи побелевшее лицо девочки и позвала:

— Мона! Мона, дорогая, ты слышишь меня?

Грейс нащупала пульс на шее. Она приложила щеку к ее серым губам и ощутила слабое дыхание. Жива. Но едва жива.

Она постаралась сосредоточиться, села, прижав к себе девочку, и осмотрела двор. Где же все?

Как будто бы прочитав ее мысли, Вачера сказала:

— Они все покинули тебя. Они боятся таху Они боятся гнева Нгай.

Грейс пропустила ее слова мимо ушей. Прижимая к себе безжизненное тело девочки, она безумно оглядывалась по сторонам в поисках укрытия. Все строения были разрушены; ее собственный дом уничтожен, ветер и дождь гуляли по тому, что осталось. Ее голова отказывалась думать, она не могла рассуждать спокойно и ясно. Она сидела в грязи, пытаясь прикрыть лицо Моны от дождя.

— Мои инструменты, мои лекарства, мои перевязочные материалы…

Все пропало.

Потом она подумала о Белладу. О его спальнях и сухих постелях. Там должны быть какие-то медикаменты в одной из ванных комнат, бинты можно сделать из тряпок.

Грейс попыталась встать. От полученной травмы у нее закружилась голова. Кровь залила правый глаз. Нужно попасть в дом, но дорога стала непроходимой!

Сквозь струи дождя она видела свой «форд», завязший в непролазной грязи. Дорога в Найэри тоже превратилась в сплошное болото. Никто, это она знала точно, не сможет проехать по ней.

По-прежнему прижимая к себе Мону, Грейс сделала новую попытку встать, но поскользнулась и упала. Затем заметила ужасную глубокую рану на ноге девочки и попыталась нащупать пульс Моны.

— Она умирает!

В третий раз Грейс удалось устоять на ногах. Она начала медленно двигаться сквозь дождь в сторону тропинки, которая поднималась вверх на холм. Мона в ее руках лежала как мертвая; мир, охваченный бурей, вокруг нее накренился в сторону, земля, казалось, поднялась ей навстречу.

Грейс расплакалась. Она брела по колено в грязи, ее ноги еле двигались, туго стянутые подолом ночной рубашки, дождь колотил по

спине, тело Моны становилось все тяжелее. Она должна добраться до дома, или обе они утонут здесь, в этой грязи…

Неожиданно две руки, черные и блестящие от дождя, протянулись вперед, и ноша Грейс вдруг исчезла. Вачера легко подняла Мону и пошла прочь. Грейс посмотрела ей вслед.

Она заметила мальчика, который шел следом за матерью; они направлялись в сторону поля для игры в поло.

— Подожди, — прошептала Грейс. Голова ее куда-то поплыла. Она приложила руку ко лбу, а когда отняла ее, рука была в крови.

Замерзшая, мокрая и раненая, Грейс, спотыкаясь, брела среди руин вслед за африканской знахаркой, которая направлялась в сторону своей хижины.

26

Грейс открыла глаза.

Она попыталась пошевелиться: болело все тело. В голове был туман, она никак не могла вспомнить, где находится и что произошло.

Грейс лежала смирно и прислушивалась к тому, как дождь шелестел по тростниковой крыше, принюхивалась к запахам. Они были знакомыми и в то же время совершенно чуждыми. Кто-то разговаривал. Она снова попыталась пошевелиться. Хижина закружилась. Ей стало хуже.

«Я ранена и должна двигаться медленно».

Туман в мозгу начал рассеиваться, и ее мысли постепенно обрели ясность. Дождь. Была буря. И пожар… Мона!

Грейс резким движением села. Хижина накренилась набок. В темноте она заметила свечение горячих камней в очаге и силуэты трех людей — одного сидящего и двоих лежащих. Грейс узнала Вачеру, черты ее лица, как будто выкованного из меди, застыли от глубокой сосредоточенности. Здесь был Дэвид, спящий на постели из банановых листьев, укрытый козьей шкурой. Напротив него лежала смертельно бледная Мона.

Грейс попробовала говорить. У нее пересохло во рту, и было трудно произнести что-либо.

— Мона…

Знахарка подняла руку вверх, призывая ее к молчанию, и сказала:

— Ты не очень здорова. У тебя тяжелое ранение. Ложись.

— Я должна осмотреть Мону.

— Я позаботилась о ней. Она жива. Теперь она спит.

— Но… у нее было кровотечение.

Вачера поднялась со своего места возле очага и подошла к девочке. Она приподняла накидку их козьей шкуры и указала на раненую ногу.

Грейс вперила взгляд в то, что видела. Голень Моны была совершенно чистой, повязка с травами и листьями была привязана к раненому месту с помощью кожаного ремешка.

— Нужно наложить швы… — сказала Грейс, чувствуя, как ее голова снова пошла кругом.

Вачера протянула руку к круглой стене дома, где, как теперь увидела Грейс, висело множество разных выдолбленных тыкв и кожаные мешочки. Взяв один из них, Вачера высыпала что-то на ладонь и передала Грейс, чтобы та посмотрела. На коричневой ладошке лежали металлические иглы разных размеров, кусочки овечьих кишок и полоски коры.

— Рана закрыта, — сказала Вачера. Затем она положила все обратно в мешочек и повесила его на крючок.

Грейс следила за ней глазами, которые отказывались фокусироваться на одной точке. Образ молодой знахарки начал расплываться; казалось, что она отступает куда-то по длинному тоннелю. Грейс услышала поющий голос, и поняла, что это ее собственный голос. Почему она поет? Нет, не поет… стонет.

Грейс упала на постель из листьев банана. Ей показалось, что из ее тела ушла вся сила. «Мои пациенты, — подумала она. — Где все? А Марио?» Ее голова снова начала раскалываться. Она приложила руку к виску и почувствовала биение пульса, потом закрыла глаза и потеряла сознание.

Вачера сидела на корточках возле девочки и бормотала магические заклинания, снимая листья и проверяя состояние раны. Вокруг была сильная краснота; это означало, что злобные духи пробрались в кожу, поэтому знахарка взяла несколько листьев из мешочка у себя на поясе, положила их в рот, разжевала, а затем прилепила к ране, которая была зашита волокнами коры. Когда свежие сухие листья были прикреплены на место, Вачера проверила состояние ожога на спине девочки. В тыкве было достаточно много сока алоэ для еще одной примочки; позже ей придется послать Дэвида за соком. Но где он сам?

Дождь все лил. Потоп не прекращался ни на минуту. Весь мир вокруг стал серым и залитым водой.

Вачера снова укрыла девочку теплой шкурой козы и повернулась к мемсааб, которая все еще была без сознания. Вачера внимательно разглядывала ее. Она никогда еще не видела белую женщину так близко, никогда не прикасалась ни к одной из них. Она уставилась на удивительно бесцветную кожу, на каштановые волосы, тонкие, как волокна кукурузного листа. Она подняла руку врача вверх и

изумилась, не заметив на ней мозолей. Эта мцунга была как новорожденный козленок, такая же белая и мягкая. Вачеру поразила мысль, что такая хрупкая женщина смогла выжить на земле кикую. А они выживали, и каждый день приезжали все новые со своими шлемами, которые были шире их плеч, со своей одеждой, которая защищала каждый кусочек их ранимой кожи.

Что заставляло их приезжать сюда? Почему они жили здесь?

Вачера подсела к спящей мемсааб и приложила руку к прохладному сухому лбу. Биение жизни было заметно на шее мемсааб, это пробивалась энергия духа ее рода, а он был сильным. Она выздоровеет, будет жить. Но наполовину ослепнет. Вачера ничего не могла сделать, чтобы мемсааб не потеряла зрение.

Вошел Дэвид, стряхнул капли дождя, присел на корточки возле огня и украдкой бросил взгляд на белую девочку, спящую в его постели: он хотел, чтобы она умерла.

Подбрасывая какие-то корешки и кусочки коры в кипящий на огне котелок, Вачера велела своему сыну сходить к реке и принести три лилии «цвета козлиного языка». Но он даже не должен пытаться перебраться за реку, чтобы пойти в деревню, предупреждала она, потому что вода все прибывает и духи могут утащить его под воду. Она обняла Дэвида, поблагодарила Нгай за его спасение и посмотрела, как он снова выходит под дождь.

Вернувшись к изготовлению лекарства, Вачера заметила, что мемсааб очнулась и смотрит на нее.

— Как Мона? — спросила она.

Вачера кивнула: все в порядке.

Грейс попыталась сесть. Она была удивлена, когда заметила, что на ней сухая ночная сорочка, а сама она чистая. Тогда она поняла, что знахарка вымыла ее.

В хижине было темно и дымно. Свет дня, проникавший сквозь дверной проем, был бледным, завеса дождя казалась сплошной. Грейс попыталась сориентироваться, моргая в полном замешательстве. И только теперь поняла, что с ее зрением что-то не так.

Читая по ее лицу, Вачера сказала:

— Ты получила удар по голове. Вот сюда, — добавила она, указывая на свой висок.

Грейс почувствовала, что с правой стороны на лбу у нее наложена повязка из листьев. Она совсем не помнила, как на нее рухнула горящая крыша. Вытянув руку со стороны правого глаза, она не увидела ее.

— Я не могу спасти твое зрение, — произнесла Вачера.

Грейс удивленно взглянула на нее:

— Откуда ты знаешь, что я не вижу этим глазом?

— Это древние знания. Когда человека ударят по голове в это место, он теряет зрение. — Она протянула руку к пустой тыкве, налила в нее отвар и передала Грейс.

— Что это?

— Это укрепит тебя. Выпей.

Грейс взглянула на горячий напиток. Его густой аромат не был неприятным, но она не доверяла знахарке.

— Что это? — переспросила она.

Вачера не ответила. Она отвернулась от мемсааб и подошла к маленькой девочке, которая пошевелилась. Обняв Мону руками, она поднесла к ее сухим губам тыкву, помогая ей напиться. Мона выпила, но глаза ее оставались закрытыми, а тело безвольным. Грейс захотелось оттолкнуть знахарку в сторону от племянницы и самой ухаживать за девочкой. Но она снова почувствовала головокружение и легла, поставив тыкву рядом на земляной пол.

Грейс знала, что удар в висок может повредить сетчатку, подобное ранение получил адмирал Нельсон. И не было никакого средства, чтобы вылечить это. Но откуда эта африканская женщина знает об этом?

Грейс попыталась понять причину своей странной слабости. «Я должна получить помощь. Я должна подать о себе известие…» Она подумала о работниках миссии, о своих пациентах, о Марио. Их надо вернуть назад в миссию, восстановить клинику. Она представила себе «Дом певчих птиц» таким, каким видела его в последний раз, — обгоревшим, рухнувшим, насквозь пропитанным водой. Все погибло.

Она прислушалась к дождю. Он баюкал ее. Грейс наблюдала за тем, как знахарка терпеливо поит чаем не вполне пришедшую в себя Мону.

Резкий запах отвара пропитал весь дом. Казалось, что он становится все сильнее и пары его проникают повсюду. Что было в

этом чае? Грейс протянула руку к тыкве, но уронила сосуд, и черный чай выплеснулся и впитался в пол.

Вачера работала молча и медленно. Она повернула Мону набок, снова осмотрела повязки, затем подоткнула со всех сторон козью шкуру. Вернувшись к горящему огню, Вачера подняла тыкву, опрокинутую Грейс, наполнила ее отваром, подошла и присела возле мемсааб. На этот раз, когда Грейс попыталась подняться, Вачера обняла ее своей сильной рукой за плечи и поддержала. Знахарка поднесла чай к губам Грейс, и та выпила.

— У тебя что-нибудь болит? — спросила Вачера.

— Да. Голова…

Вернулся Дэвид. Он положил три лилии и отошел к стене, уселся, скрестив ноги, и принялся наблюдать. Вачера оставила мемсааб и занялась цветами. Она отделила корни и листья, затем бросила лепестки в емкость с горячей водой, размешала и дала закипеть. Грейс беспомощно лежала, наблюдая за процессом изготовления отвара. Ее голова трещала. Она снова почувствовала себя совершенно больной.

Когда новое зелье остыло, Вачера вернулась к Грейс, помогла ей сесть и поднесла к губам тыкву. Но Грейс отодвинула голову назад.

— Водяные лилии? — слабо спросила она. — Я не могу выпить это.

— Это от головной боли.

— Но… ведь это яд.

— Это не отрава.

Грейс взглянула в лицо темнокожей женщины, которое было совсем близко. Глаза Вачеры были как коричневые камешки на отмели реки. Они казались бездонными. Грейс взглянула на розоватый чай и выпила его.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Вачера через некоторое время, начав готовить кашу из проса на костре.

— Мне лучше, — ответила Грейс. Боль в голове утихла, и ей показалось, что силы возвращаются в тело.

Теперь она могла сосредоточиться, разобраться в своих мыслях. Она посмотрела на мальчика, сидящего с угрюмым видом у стены, задумалась о том, что они с Моной делали в хирургическом отделении, затем спросила Вачеру, нельзя ли послать весточку о том, где она находится.

Вачера мешала кашу, браслеты из бусин на ее руках тихо позвякивали.

— Дождь очень плохой. Мой мальчик не сможет идти. Я не могу идти. Когда дождь прекратится, мы попробуем.

Грейс представила себе, как выглядит мир за этими глиняными стенами; ей уже доводилось видеть бури, подобные этой. Реки вышли из берегов, их бурные воды сметают все на пути, дороги и тропинки превратились в сплошное месиво грязи. Где бы ни были люди, они все оказались в трудном положении. А те несчастные, кого дождь застал в пути, вряд ли смогут спастись и, скорее всего, утонут.

Когда ей снова принесли тыкву, Грейс почувствовала, что у нее проснулся аппетит, и она с удовольствием поела. Вачера сначала накормила Мону, которая до сих пор пребывала в полубессознательном состоянии. Потом положила еду себе и села, повернувшись спиной ко всем находящимся в доме.

Грейс проснулась первой. Она уперлась взглядом в потолок, прислушалась к непрекращающемуся дождю, затем медленно села.

Вачера еще спала рядом с Дэвидом, ее тело было изогнуто, как ложечка, вокруг тела ребенка, руками она обнимала сына, словно защищая его. Грейс поборола головокружение, затем попыталась сползти с кровати из листьев. Она подошла к Моне и проверила ее состояние. У Моны был жар.

Встревоженная Грейс развернула повязку из листьев на бедре девочки и с изумлением воззрилась на следы аккуратного шва. Рана покраснела, но гниения не было. Затем она осмотрела ожог на спине. Здесь останется шрам, но, так как Вачера действовала быстро, никаких признаков инфекции не наблюдалось.

Стало быть, температура у Моны поднялась по каким-то другим причинам. А это могло быть что угодно: простуда от холодного дождя, прием таинственного зелья знахарки, что-то занесенное в кровь с укусом насекомого, которых было невероятно много в этой хижине.

Моне нужно дать что-то снижающее жар, и быстро. Без нормального градусника Грейс не могла определить точную температуру, но знала, что у девочки смертельно опасный жар. Грейс встала и направилась к дверному проему. В большом доме, в спальне

Роуз, должен быть аспирин. Но дождь лил стеной, преграждая путь от хижины Вачеры к холму, и все тропинки, ведущие в Белладу, исчезли.

Услышав какой-то звук, Грейс обернулась и заметила, что молодая африканка проснулась и потянулась за своей кожаной одеждой. Вачера, казалось, еще не поняла, что мемсааб нет в кровати и что она стоит в дверях. Знахарка автоматически подсыпала корешков из мешочка и начала растирать их двумя камнями. Затем ссыпала порошок в одну из тыкв, налила чистую холодную дождевую воду и поднесла это Моне. Когда она подняла тыкву к губам девочки, Грейс сказала:

— Стой!

Вачера проигнорировала ее.

Веки Моны задрожали, рот приоткрылся, и капля настоя попала внутрь.

Грейс подлетела к Вачере и выхватила у нее тыкву.

— Что ты даешь ей?

— Акацию, — ответила знахарка, воспользовавшись названием дерева на языке кикую. — Это изгонит огонь из ее тела.

— А как мне понять, что это не убьет ее? Откуда мне знать, что ей плохо не от твоих снадобий?

Вачера бросила на Грейс холодный твердый взгляд, затем протянула руку и ухватилась за сосуд со снадобьем.

— Мои зелья не делают детей больными. В ее тело забрались злобные духи болезни.

— Ерунда! Нет такой вещи, как злобные духи.

— Они существуют.

— Покажи их мне!

— Их нельзя увидеть!

— А я говорю тебе, что их просто нет. Мона больна из-за того, что в ее тело попали микробы. Это маленькие существа, которые мы называем микробами, и они делают ее больной.

— Покажи мне этих микробов.

— Они слишком малы, чтобы их можно было увидеть. — Грейс закрыла глаза. Затем позволила Вачере взять тыкву и смотрела, как Мона пьет лекарство, так и не проснувшись.

Когда тыква опустела, Вачера добавила еще корешков акации. Смешала их с холодной дождевой водой и накрыла Мону шкурой. Взяв

в руки кусок мягкой замши, она протерла дрожащее от озноба тело девочки с головы до ног.

Они сидели друг напротив друга по обе стороны костра для приготовления еды, Грейс завернулась в козью шкуру, спасаясь от холода и сырости, Вачера помешивала кашу из проса. Грейс часто поглядывала за дверь, где могла видеть поле для поло своего брата, которое превратилось в озеро. Она взглянула на спящего сына Вачеры, на Мону, которая металась в горячке, и, наконец, на знахарку.

Грейс еще никогда не была так близко от нее, поэтому толком не разглядела ее. Но теперь она заметила то, чего не видела раньше: женщина племени кикую была прекрасна, на ее теле не отразился ни возраст, ни тяжелый труд, в глазах была целеустремленность. И еще там было то, что очень удивило Грейс, — сострадание.

Грейс следила за ее ловкими коричневыми руками, которые добавляли кусочки овощей в кашу. Медные браслеты мерцали в свете костра, мочки ушей оттягивали тяжелые кольца серег с бусинами, которые доходили ей до плеч. Вачера жила в этой хижине в полном одиночестве уже девять лет, избегая общества деревенских жителей и храня безопасность деревни. Она устроилась на этом не имеющем большой ценности клочке земли со своим единственным компаньоном — маленьким мальчиком. Как она выносила все это? Грейс задумалась. Вачера еще была молода и определенно очень привлекательна для мужчин своего племени. Как она могла отказываться от всего ради тщетной борьбы, в которой была совершенно одинока?

«Ты сама по себе, Грейс, — внезапно всплыл в памяти голос Валентина. — Я не стану помогать тебе с твоей миссией. Ты сама сделала выбор и приехала в Африку, чтобы позаботиться о кучке местных, которые совершенно точно не станут испытывать к тебе благодарности. Я не одобряю то, что ты делаешь. Ты не получишь от меня никакой помощи».

Потом Грейс представила себе собственный маленький коттедж и тени в нем, которые были единственными ее компаньонами.

Вачера посмотрела вверх. Их взгляды встретились. Во взгляде знахарки читался невысказанный вопрос; Грейс видела ее все возрастающее любопытство, ее желание узнать о чем-то и поняла, что этот взгляд, как в зеркале, отражает ее собственный.

Наконец Вачера тихо спросила:

— Почему ты приехала?

— Приехала?

— На землю кикую. Это из-за того, что сюда приехал твой муж?

— У меня нет мужа.

Вачера замерла:

— Тот, кого они называют бвана лорди…

— Это мой брат.

— Тогда кто твой хозяин?

— Я ничья, я никому не принадлежу.

Вачера уставилась на нее. Эта мысль была для нее совершенно чуждой. Они говорили на языке кикую, и в нем не было слова, чтобы передать смысл выражения «старая дева». Только слишком молоденькие девушки не были замужем. В племени кикую все женщины были замужем.

— Ты тоже никому не принадлежишь, — сказала Грейс.

— Это правда. — Вачера считалась в своем племени очень странной. И если бы она не была знахаркой и вдовой великого Матенге, она была бы отверженной. Взглянув на Мону, она спросила:

— Это твоя дочь?

— Она дочь жены моего брата.

Глаза Вачеры расширились:

— У тебя нет собственных детей?

Грейс покачала головой.

Каша начала пузыриться, порывы ветра трясли бамбуковую раму двери и опоры хижины. Молодая африканка погрузилась в глубокую задумчивость.

— Я знала твоего мужа, — тихо произнесла Грейс. — Я уважала его.

— Вы убили его.

— Не я.

— Не своими руками, — уточнила Вачера жестким тоном. — Сначала вы отравили его мозг.

— Я не отвращала Матенге от путей кикую. Мы не все одинаковые, мы — вацунгу — так же, как и все кикую, не одинаковые. Я была против уничтожения священного фигового дерева. Я просила своего брата не трогать его.

Вачера задумалась над ее словами. Потом вновь посмотрела на Мону, которая начала приходить в себя, и приблизилась к ней. Обе женщины осмотрели ожог и рану, а когда Вачера начала обмывать и то и другое соком из тыквы, Грейс спросила:

— Что это?

— Это кровь растения агавы.

Грейс наблюдала за тем, как длинные пальцы работают быстро и со знанием дела. В ее собственной клинике дело могло закончиться серьезной инфекцией, если бы она вовремя не обрабатывала раны йодом или марганцовкой. У знахарки не было ни того, ни другого, и все же раны Моны были совершенно чистыми.

Грейс осмотрела хижину, тыквы-горлянки, кожаные мешочки, травки, висящие на стенах, магические амулеты, корешки, пояса, усыпанные ракушками каури, расшитые бусами ожерелья. Все вещи выглядели так, словно им было сотни лет. Она попыталась отыскать предметы, связанные с ритуалами черной магии, которой, как ей казалось, здесь занимались.

— Леди Вачера, — обратилась к ней Грейс, используя самую уважительную форму обращения на языке кикую, — ты прокляла моего брата и его потомков. Почему теперь ты заботишься о его дочери?

Вачера подняла Мону, прижав к своей груди, и поднесла ей тыкву с холодным травяным чаем, чтобы она попила.

— То, чем я занимаюсь здесь, не имеет никакого отношения к таху. Будущее этой девочки очень плохое. Я видела это.

Грейс взглянула на бледное лицо Моны, на дрожащие веки, бледные губы. И какое же именно будущее ждет эту девочку? Грейс поймала себя на том, что размышляет об этом. Родители Моны вовсе не были для нее близкими людьми, в ее большом каменном доме не нашлось даже небольшой доли любви к ней. А наследство Тривертонов перейдет к Артуру. И что же ждет Мону впереди? Грейс попробовала представить ее подростком, девушкой, женой, матерью, но видела лишь пустой белый лист. Куда Мона будет ходить в школу, за кого выйдет замуж, где будет жить, как сможет пробить себе дорогу в мире? Грейс раньше никогда не задумывалась об этом, а теперь это ее очень огорчило.

Чувство глубокой привязанности и собственничества охватило ее. Она хотела забрать девочку у знахарки и возродить ее к жизни. «Я дала тебе жизнь, — думала Грейс, глядя, как девочка ложится спокойно и засыпает. — В поезде, идущем из Момбасы, я чуть не потеряла вас обеих. У твоей матери не хватало сил, чтобы родить тебя; только моя воля и желание помогли тебе появиться на свет. Ты принадлежишь мне».

— Я спасла дочь твоего брата, — спокойно произнесла Вачера, — потому что ты спасла моего сына.

Грейс взглянула на Дэвида, стоящего в дверном проеме, вглядывающегося в струи дождя. Он был долговязым, тощим задумчивым мальчиком и в один прекрасный момент станет очень привлекательным мужчиной, как его отец.

— Мы не должны становиться врагами, ты и я, — наконец произнесла Грейс, обращаясь к Вачере и удивляясь тому, какое при этом испытала облегчение.

— Это невозможно.

— Но мы же похожи!

Вачера бросила на нее подозрительный взгляд.

— Мы одно и то же, — с жаром произнесла Грейс. — Разве нет такой пословицы, в которой говорится, что и крокодил и птица оба вылупились из яйца?

Знахарка посмотрела на мемсааб долгим задумчивым взглядом, затем протянула руку, развязала кожаный ремешок, который удерживал листья на лбу Грейс. Почувствовав легкое прикосновение пальцев Вачеры и зная заранее, что ее рана хорошо затягивается, Грейс попыталась подумать о словах, которые могли бы выразить то, что так внезапно и неожиданно пришло ей на ум и запало в сердце.

— Мы обе служим Детям Мамби, — тихо сказала она, пока Вачера смазывала рану соком агавы, следя за тем, чтобы ни одна капля не попала в поврежденный глаз Грейс. — Мы обе служим жизни.

— Это не твоя земля. Твои предки не отсюда.

— Но мое сердце здесь.

Они вместе распили тыкву пива, молча, передавая ее друг другу. Обе вслушивались в шум дождя и смотрели на разбухающую кашу. Постепенно к шороху дождя добавились и другие звуки: рев ослов,

выкрики мужских голосов и рычание мотора автомобиля. Грейс узнала голос Марио, который приближался к хижине.

Когда она попыталась встать, Вачера помогла ей и поддержала ее рукой.

— Двадцать урожаев назад, — сказала она, — ты вытащила Нджери из живота Гачику. Гачику была любимой женой моего мужа. Нджери была радостью для его глаз.

Грейс ждала.

— Таху, которого вы так боитесь, никогда не придет. Нджери, которая приходится сестрой моему сыну, принесет честь нашему роду.

— Мемсааб! — раздался снаружи голос Марио. Послышались чавкающие звуки его шагов. — Вы здесь, мемсааб?

— Леди Вачера, — тихо произнесла Грейс. — Я никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты сделала. Ты спасла жизнь моей маленькой девочке. Я навечно в долгу перед тобой.

Их глаза встретились в последний раз.

— До свидания, мемсааб доктори, — ответила Вачера.

27

«Шевроле» мчался вниз по грязной дороге, камни и галька разлетались в стороны, на дороге оставался длинный пыльный след. Джеймс Дональд вцепился в руль так, что у него побелели костяшки пальцев. Он внимательно всматривался вперед, чтобы вовремя объезжать глубокие рытвины и крупные камни, потому что мчался на предельной скорости. Когда его машина с громким ревом, скрипом тормозов и шасси неслась вниз по холму, женщины на полях выпрямлялись, оторвавшись от своей работы, а мужчины, строящие новый каменный дом для миссии Грейс Тривертон, прикрывали глаза рукой, как козырьком, и переговаривались между собой, что вацунгу всегда куда-то торопятся.

Наконец джип остановился, подняв вверх тучу песка и веток, и мотор заглох. Джеймс выскочил из кабины и побежал. Несколько африканцев, узнавших его, помахали и поприветствовали его, но он их не заметил. Длинные ноги несли его через двор вверх по ступенькам на веранду, в недавно отремонтированный «Дом певчих птиц». Задыхаясь от быстрой ходьбы, он спросил у изумленного Марио:

— Где мемсааб?

И прежде, чем тот успел ответить, что Грейс в деревне, сэр Джеймс уже сбегал вниз по ступенькам и вон со двора в сторону реки.

Его ботинки громко протопали по деревянному мостику, но и появившись у входа в деревню, он не замедлил шаг. Люди оборачивались и с удивлением смотрели, как стремительно несется белый человек прямо к центру их поселка, спрашивая всех о мемсааб доктори.

Он нашел Грейс в центре круга сидящих женщин, она объясняла им, как оказывать первую помощь и накладывать шину при переломе. Она подняла глаза, когда он ворвался в этот круг.

— Джеймс!

— Грейс! Благодарю тебя, Господи, что я нашел ее! — Он взял ее за руку.

— Что…

— Ты должна пойти со мной! Срочно! — Он вытолкнул ее из круга и побежал, крепко сжимая ее руку.

С головы Грейс сорвался пробковый шлем, она попросила:

— Джеймс, подожди!

Но он продолжал бежать, таща ее за собой.

— Моя медицинская сумка осталась там, — задыхаясь от бега, с трудом произнесла Грейс.

Джеймс не ответил. Они пробежали под естественной аркой вниз по тропинке в лесу.

— Что случилось? Почему ты вернулся обратно в Кению?

Он внезапно рванулся в сторону от тропинки и забрался в заросли, по-прежнему крепко держа ее за руку. Они продирались сквозь кусты и мелкую поросль, птицы отлетали в сторону, обезьяны кричали над их головами.

— Джеймс! — закричала она. — Скажи мне…

Неожиданно он остановился, развернулся, обнял ее и поцеловал.

— Грейс, — пробормотал он, целуя ее лицо, волосы, шею, — я думал, что потерял тебя. Они сказали, что ты умерла. Они говорили, что ты погибла во время пожара.

Они жадно целовались, Грейс обхватила его шею руками, тесно прижимаясь к нему.

— Я гнал машину от самого Энтеббе, — сказал он. — Потом я попал в Найроби, и мне сказали, что ты жива.

— Вачера…

— Бог мой, я думал, что потерял тебя. — Он зарылся лицом в ее волосы, сильные руки прижимали ее так крепко, что она едва могла вздохнуть.

Они опустились на землю среди диких цветов, бамбука и кедровых деревьев. Он накрыл ее своим тяжелым телом, она видела только синее африканское небо сквозь ветки у себя над головой. Лес шумел вокруг них, Джеймс бормотал:

— Я не должен был покидать тебя.

А потом слова больше были не нужны.

Они лежали в ее кровати, переговаривались. Приближался рассвет, вскоре миссия оживет от звуков стучащих молотков и стамесок, голосов детей, поющих в своем классе прямо под открытым небом. Теперь Джеймс и Грейс пытались растянуть часы уходящей

ночи, наслаждаясь друг другом и каждой минутой, проведенной вместе.

— Я был в джунглях, когда узнал новости, — произнес Джеймс. Грейс лежала в его объятиях, и он гладил ее волосы. — Всю дорогу сюда я думал, что еду на твои похороны.

— Первые несколько дней после пожара я провела в хижине Вачеры. Буря отрезала нас от всех.

— Больше я никогда не оставлю тебя, Грейс.

Она грустно улыбнулась, положила руку ему на грудь. Даже если в ее жизни больше ничего не будет, у нее есть эта единственная ночь.

— Нет, Джеймс, ты должен вернуться. Твоя жизнь там, где Люсиль и твои дети. У нас нет права.

— У нас есть право. Потому что мы любим друг друга.

— И как же мы сможем жить?

— Я вернусь в Килима Симба. — Но даже произнеся это, Джеймс почувствовал неискренность в своих словах. Боль утраты, которую он при этом ощутил, заставила его прижать Грейс к себе еще сильнее. — Я любил тебя десять лет, Грейс. Потом были времена, когда для меня было пыткой просто находиться рядом с тобой. Я думал, что отъезд в Уганду сделает мою жизнь легче. Но я думал о тебе каждый день с тех пор, как мы уехали.

— Я тоже думала о тебе. Я никогда не перестану тебя любить, Джеймс. Моя жизнь и моя душа принадлежат тебе.

Он приподнялся на локте и посмотрел на нее. Он старался запомнить каждую черточку ее лица, ее волосы на подушке, изгиб ее ключиц. Этот образ отправится вместе с ним назад, в джунгли Уганды.

— Я собираюсь написать эту книгу, — сказала она, — руководство по медицине для сельских работников. Я хочу посвятить ее тебе, Джеймс. — Она протянула руку и дотронулась до его щеки. Морщины на его лице обозначились глубже, кожа стала еще более загорелой. Она знала, что он никогда не будет более красивым, чем теперь, в этот момент.

Джеймс поцеловал ее, и они начали все снова… в последний раз.

Часть четвертая
1937

28

Дэвид Матенге проснулся на рассвете. Он выглянул наружу, бросил взгляд на дом своей матери, где она все еще спала, и подумал об угали, которое осталось от их ужина накануне вечером.

Он был голоден. Ему казалось, что в эти дни он постоянно хочет есть, он испытывал муки голода, но, по сути дела, не из-за еды, его томил другой голод. Он мечтал о свободе, о возможности изменить свою жизнь, о случае, который позволит сделать пылкую и неприступную Ваньиру его собственностью. Дэвиду Кабиру Матенге было девятнадцать лет, и его снедал голод. Длинное, гибкое тело пылало огнем и жаждой деятельности, которую он едва мог контролировать. Всякий раз, просыпаясь на рассвете, он поднимался и выходил из своей холостяцкой хижины, которую построил себе сам, и ему казалось, что мир немного уменьшился за ночь. Он чувствовал себя так, будто его сдавливало со всех сторон. Дэвид хотел вырваться из этого давящего пространства, этого тесного мира, и сбежать в большой мир, сможет дышать свободно, где почувствует себя мужчиной.

Ваньиру!

Он не мог спать, постоянно думая о ней, он сходил по ней с ума. Какими чарами она приворожила его? Почему его сжигает такое пламя и страстное желание овладеть ею? Но Дэвид знал, что вовсе не магический приворот заставляет его смотреть на Ваньиру голодным взглядом, а она сама.

Возможно, эту девушку нельзя было назвать физически очень привлекательной. У нее было круглое простоватое лицо, но тело было желанным для мужчин. Она была высокого роста с большой грудью и крепкими, сильными ногами. Однако Дэвида воспламенял не ее вид, а ее дух, холодный огонь в ее глазах, жар ее голоса, ее нежелание быть послушной и робкой даже в присутствии мужчин. Особенно в присутствии мужчин! Ваньиру срывала не одно мирное политическое собрание под фиговым деревом, громко и смело высказывая свои мысли, пытаясь спровоцировать мужчин на более решительные действия, вместо того чтобы произносить слова, слова и слова, как она заявляла. Они, конечно, возмущались. Мужчины не любили Ваньиру,

старались избегать ее, потому что она ходила в школу, умела читать и писать и, хотя они и не желали этого признавать, знала гораздо больше них о колониальной политике. Она была отверженной в своем клане за то, что открыто не подчинялась британцам, и за свое упрямое стремление повысить статус африканских женщин. Ваньиру раздражала молодых людей, которые были друзьями Дэвида, заставляла их чувствовать себя неловко. Они нервно хихикали, когда она проходила мимо, и отпускали грубые шутки. Но в глазах многих из них было вожделение, и Дэвид замечал это всякий раз, когда она появлялась.

Ваньиру была одновременно и радостью, и проклятьем для него. Мысли о ней окрыляли его дух, но и пригибали его к земле, как тяжкий груз. Он поймал себя на том, что все чаще мысленно обращается к старинной традиции нгвеко, которая все еще практикуется в деревнях, но постепенно умирает из-за влияния миссионеров.

«Нгвеко» на языке кикую означает «ласкать», это одна из форм ритуализованных сексуальных контактов между молодыми людьми до свадьбы. Парни и девушки собираются на танцы и вечеринки, разбиваются на пары. А затем удаляются по двое в разные хижины. Оставшись одни, молодые люди снимают с себя одежду, девушки снимают верхнюю часть наряда, оставив на себе кожаный фартук, который просовывают между ног и закрепляют, чтобы все было благопристойно. Затем пара ложится на кровать лицом друг к другу, они переплетают ноги, нежно касаются груди и тела друг друга, беседуют о любви и ласках, пока не уснут. Нгвеко не заканчивается сексуальным контактом, который является табу, девушке также запрещается касаться детородного органа юноши, снимать или сдвигать фартук. А если парень все-таки сделает девушку беременной, то он должен заплатить штраф из девяти коз ее отцу, а девушка обязана устроить праздничное угощение для всех мужчин своего возраста.

Дэвид и ночами в постели думал о Ваньиру. В его фантазиях она должна была неожиданно прийти в его тхингира, его холостяцкий дом, с едой и пивом из сахарного тростника. Они лягут в постель лицом друг к другу, как того требует традиция, и будут ласкать друг друга. В его мечтах они занимались этим часто и долгое время, так что теперь ему разрешалось положить свой пенис между ее бедер и испытать

облегчение, не пытаясь полностью войти в нее. Но в его фантазиях это было не так уж и обязательно. Дэвид будет удовлетворен хотя бы оругане ва ниондо — «теплом ее груди», что для кикую является племенным способом любить кого-то.

Если бы Ваньиру была такая же, как другие девушки кикую, он бы отправился к ее отцу, предложил ему цену и купил ее. Потом он бы привел ее сюда, построил для нее хижину рядом с домом своей матери и посещал ее в постели, когда ему захочется. Но Ваньиру была не такая, как другие девушки. Первая проблема заключалась в том, что у нее было образование. Она была единственной образованной девушкой среди всех, кто окружал Дэвида, хотя он знал, что в Кении есть и другие и что число их растет. Ваньиру была, таким образом, табу, она не подходила на роль жены, а покупка ее сделала бы Дэвида отверженным в глазах его друзей. Вторая проблема касалась его матери. Вачера не одобрит Ваньиру, потому что та сидела в классной комнате с мальчиками, носила европейское платье и разговаривала в компании мужчин. Но самая большая проблема для Дэвида с Ваньиру была в том, что она просто не замечала его.

Из своей хижины вышла его мать, поздоровалась с ним и направилась вниз к реке с горшком для воды. Он с гордостью наблюдал за ней.

Вачера выстояла перед ветром перемен и европеизации, и, поскольку не подчинялась законам белого человека, продолжая заниматься своим знахарским ремеслом, жила одна, без мужа, ее мистический статус и благоговение перед ней со стороны других только возросли с годами. Теперь она превратилась для кикую в живую легенду.

В мысли Дэвида непрошенно ворвалась Нджери.

Как отличалась сводная сестра от этих двух женщин в его жизни! Она носила такие же платья, которые отдавала им жена бвана лорди, как и Ваньиру, но в ней не было такого огня и духа. Ей тоже было семнадцать лет, она была послушной и никогда не жаловалась на традиции, но она ненавидела их и всячески демонстрировала свое унизительное обожание вацунгу.

Нджери страстно хотела стать белой, Дэвид знал об этом. Она презирала себя за свой цвет кожи и была уверена, что белые люди лгут, когда говорят о достоинстве ее собственной расы. Она цеплялась за

мемсааб Мкубва, как будто сама ее жизнь зависела от этого, проводила все дни в эвкалиптовой роще, сопровождая свою мемсааб. Куда бы ни пошла мемсааб, Нджери всегда устремлялась за ней вслед так же, как делала это с момента поездки в Англию восемь лет назад. Дэвиду было стыдно так думать о сестре. Она пронзала ему сердце так, как этого никогда не сможет сделать Ваньиру. Однажды он наткнулся на Нджери, идя вниз по течению реки, где она терла свое тело пемзой, пока не растерла до крови, пытаясь смыть с себя черноту.

Постепенно наступало утро, запели птицы, обезьяны расселись по веткам деревьев, обмениваясь новостями, Дэвид отогнал от себя мысли о трех женщинах в свой жизни и напомнил себе о том, что вскоре должна состояться важная встреча.

Когда он получил неожиданный ответ на свое письмо, которое послал в «Таймс» в Англию, Дэвид созвал на митинг весь Альянс кикую — политическую организацию, которую он со своими друзьями сформировал два года назад. Сегодняшняя встреча должна была служить сразу двум целям: пустить по кругу петицию, которую он написал, с требованием, чтобы правительство открыло университет для африканцев в Кении, и показать своим братьям письмо, которое он получил от Йомо Кеньята.

Это имя стало знаменитым в Кении. Йомо в настоящее время находился в Англии, где учился в университете, регулярно писал статьи для «Таймс», которые попадали в руки молодых кикую с горячей кровью из центральных провинций и находили дорогу к их сердцам. В своих статьях, адресованных англичанам, Йомо описывал племенные традиции своего народа, объяснял некоторые тайны африканцев и отваживался обращаться к народу Британии с речами в защиту независимости негритянского населения. В Англии ему дали прозвище Агитатор. Для кенийской молодежи он стал символом борьбы.

Все знали, что имя этого человека — Джонстон Камау, но почему он сменил его и что означает его теперешнее имя, было никому не известно и поэтому стало предметом постоянных спекуляций. Преобладало мнение, что он назвал себя Кеньята по названию пояса с орнаментом, который он постоянно носил, но Дэвид знал подлинную историю. Он прекрасно помнил ту ночь, когда мать взяла его с собой в лес, где молодой Джон-стон Камау обращался к тайно собравшимся

слушателям. Она сообщила молодому человеку о своем видении, о том, что однажды он станет факелом Кении — Кения тао.

Теперь, вспоминая ту встречу, Дэвид видел, что она бледнеет по сравнению с тем, что теперь происходит в Кении повсеместно. Появилось чувство национального достоинства, самосознание африканцев пробудилось и начало распространяться во все стороны. Искра, брошенная Кеньятой той ночью восемь лет назад, разгорелась и вызвала пожар, который британцы больше не могли погасить. Во всех уголках колонии — от народа луо на озере Виктория до суахили на побережье, — в племенах росло и ширилось политическое самосознание.

Дэвид создал Молодежный альянс кикую, потому что он и его друзья находили Организацию лояльных патриотов кикую слишком умеренной, а в Центральную ассоциацию кикую принимали только взрослых. Молодежи нужен был какой-то выход, нужен был свой лидер. Они выбрали Дэвида Кабиру по трем причинам: он носил имя Матенге, которое прибавляло сил каждому кикую, он был блестящим оратором, он не боялся высказывать свое мнение. Но главным было то, что он был признан самым образованным и умным среди молодежи.

Четыре года назад он перешел из начальной школы Грейс Тривертон в школу второй ступени для мальчиков и девочек в Найэри. Это была высшая школа, открытая местным советом по делам коренного населения. Причиной ее создания стало недовольство семей давлением со стороны миссионеров. Священники боролись за запрет обрезания девушек и новый закон о том, чтобы никто из африканцев, прошедших обряд инициации в своем племени, не мог посещать миссионерские школы. Таким образом, их дети были изгнаны из этих школ, и это объединило людей для создания своей собственной школы. Дэвид покинул маленькую школу Грейс, где он был лучшим среди учеников. Мемсааб доктори, заметив его живой ум и желание, с которым он учился, стала сама давать ему дополнительные уроки и дарить книги на праздники. Дэвид жадно набросился на эти книги.

Он поступил в высшую школу, уже намного обогнав всех остальных мальчиков, поэтому директор составил для Дэвида Матенге особый курс обучения, который тот проходил со все возрастающим успехом, изумлявшим его белых учителей. А когда он сдал выпускные экзамены, его результаты были лучше, чем у многих, посещавших

Школу принца Уэльского — лучшую европейскую школу. Теперь Дэвид получил нулевой уровень сертификата школы в Кембридже и направил документы в престижный университет Макерере в Уганде, из которого теперь с нетерпением ждал известий.

В Уганде Дэвид собирался изучать сельское хозяйство. Мать обещала ему, что однажды земли Тривертонов перейдут в его собственность, и он хотел подготовиться к этому.

Но ожидание давалось нелегко. Дэвид спешил стать кем-нибудь, чтобы достичь еще более высоких успехов. Когда он окончил высшую школу со своим драгоценным сертификатом, отчетливыми представлениями о будущем, головой, забитой разнообразными идеями и жаждой знаний, он обнаружил, что его вовсе не ожидает какой-то высокий пост. Немногие африканцы, занимающие престижные места в офисах или носящие отличительные знаки белых, получили их за взятки и раболепство. Дэвид Матенге был всего лишь еще одним образованным «боем». Мемсааб Грейс дала ему работу, которую он теперь выполнял за двенадцать шиллингов в месяц, работая клерком ее брата, как раб, в деревянной лачуге рядом с навесами для переработки кофе вверх по реке. Дэвид усаживался за стол на двенадцать часов каждый день, делая пометки в гроссбухе. Он записывал данные о производстве кофе, заполнял рабочие карточки африканцев. У него не было перерывов, поэтому он приносил свой завтрак, завернутый в лист банана, и ел его во время работы; он никогда не имел дела с деньгами, и всякий раз, когда в его лачугу заходил белый человек, он должен был вставать.

Он не хотел этой работы, но мать поощрила его взяться за это, напомнив о том, что говорилось в одной из пословиц кикую: «Только хорошо накормленный лев может изучить стадо».

Дэвид не мог слышать звука моторов на гребне горы. Уборка урожая шла на южном склоне, плоды поступили в сушилки, от шума которых он ничего не слышал весь день. Вверху на этом гребне женщины и дети племени кикую, согнув спины, кровоточащими от работы пальцами собирали красные ягоды кофе с трех четвертей миллиона деревьев и наполняли ими мешки.

Дэвид поднял лицо к бледно-голубому небу и подумал: «Это моя земля».

Но он хотел больше, чем просто землю: чтобы ему и всему его народу вернули достоинство.

— У нас нет равноправия с белыми! — выкрикивал он на последнем политическом собрании: образ его отца — военного вождя освещал его, словно свет лампы. — В Найроби для нас выделены особые места, в которых мы можем появляться. Городом управляют белые люди, нам же не разрешается даже пересекать Ривер Роуд. Если мы проходим мимо, белый человек не поднимает шляпу, чтобы поприветствовать нас, у него есть право толкнуть нас в спину, пнуть ботинком. На магазинах и ресторанах висят таблички: «Собакам и африканцам вход воспрещен». Нам не разрешается носить обувь или длинные брюки, мы обязаны ходить босиком и в шортах, как маленькие мальчики, потому что они учат нас, что мы не должны стремиться к тем вещам, которые не в состоянии купить. Белый человек берет себе в любовницы и превращает в проституток наших женщин. Но если африканец пожмет руку белой женщине даже в знак дружбы и с ее согласия, ему это грозит тюрьмой! Да и в загробной жизни мы не равны, потому что нас хоронят на разных кладбищах!

А потом, когда толпа молодежи уже разгорячилась, поскольку Дэвид Матенге заставил их кровь закипеть, он совершил одну фатальную ошибку.

— Время пришло, — воскликнул он, — для того чтобы забрать бразды правления из рук бездействующих и бесполезных вождей и передать их нам — образованным молодым людям!

Он произнес это в тот момент, когда вождь Джон Мачина — единственный человек во всей Кении, которого боялся Дэвид, пришел и положил конец митингу.

Дэвид ненавидел Джона Мачину. Он разжирел от предательского сотрудничества с господами империалистами. Он был слугой двух господ: своих соплеменников успокаивал строительством нескольких дорог, школ там и сям, а перед белыми занимался лизоблюдством. Удачно лавируя между этими двумя сторонами, он становился все богаче. Джон Мачина был одним из старейшин кикую из региона Каратина, у него было девятнадцать жен, пять тысяч голов скота, каменный дом и автомобиль. Он был тем, кого белые называли «хороший ниггер», и как управляющий районом Найэри имел полномочия, чтобы отправить Дэвида Матенге в тюрьму.

Но Дэвид не был глупым человеком. Когда он созывал людей на сегодняшний митинг Ассоциации молодых кикую, то предварительно убедился в том, что управляющий Джон Мачина должен был уехать в Найроби к комиссару по делам местного населения.

Дэвид большими шагами шел по пыльной земле в сторону хижины своей матери, чтобы забрать тыкву с козьим молоком, когда заметил двух лошадей, которые внезапно появились на поле для игры в поло бвана лорди. Когда они приблизились, Дэвид узнал наездников и немало удивился. Бвана Джеффри не был чужим в поместье Тривертона, но мемсааб Мона училась в школе в Найроби. Дэвид не видел ее три года; теперь он уставился на нее, на ту самую девочку, которая отважилась вызвать его на спор и заставила забраться в хирургическое отделение.

— Передай мне, Мона! — воскликнул Джеффри, высоко поднимая свою клюшку в воздух. — Уступи чемпиону!

Мона галопом проскакала вперед и осадила свою лошадь в самый последний момент, заставляя пони Джеффри отступить. Она взмахнула клюшкой и послала мяч вверх. Затем поскакала вниз по полю в сторону ворот на северном конце, а следом за ней, почти нагнав ее, скакал Джеффри. Они подняли страшный шум в борьбе за мяч. Это был тот конец поля, который примыкал к землям Грейс Тривертон. По другую сторону от изгороди проходила новая дорога, ведущая к воротам миссии. За воротами стояли дома из шлакоблоков с металлическими крышами, которые виднелись сквозь деревья. В одном из этих каменных бунгало работали две современные операционные и лежали пациенты на сотне коек.

Теперь Джеффри направил лошадь в сторону своих ворот, Мона преследовала его, держа клюшку наготове для удара. Они смеялись, задыхаясь, выкрикивали какие-то подначки, признавая способности и мастерство друг друга. Джеффри Дональд, которому было двадцать пять лет, вел со счетом четыре и был третьим среди лучших игроков в своей команде. Мона занимала первое место, и ее счет составлял минус один, но ей было всего восемнадцать лет, и она играла в эту игру первый год. Она делала большие успехи и создавала себе прекрасную репутацию в женском поло. Эти недели после выпуска из

школы она занималась подготовкой к большому турниру, который должен был состояться во время Недели скачек в Найроби.

Они достигли южного края поля, где Дэвид Матенге наблюдал за ними сквозь изгородь. Мона чуть было не попала в ворота, когда лошадь Джеффри неожиданно дернулась влево, испугав ее арабского скакуна и заставив его встать на дыбы. Изумленная Мона упала ничком на землю.

Джеффри немедленно оказался рядом.

— Мона! — Он обнял ее. — Мона, как ты?

Ее веки затрепетали, она перевела дыхание и улыбнулась.

— С тобой все в порядке?

— Думаю, что да. У меня просто перехватило дух. Ничего не случилось.

Он помог ей подняться. Чувствуя легкое головокружение, Мона оперлась на него.

— Ты уверена? — спросил он. И когда она подняла свое лицо вверх, чтобы ответить ему, он поцеловал ее.

Это застало ее врасплох. Мону еще никто не целовал, и она даже не думала, что Джеффри Дональд будет первым, кто это сделает. Так что она позволила ему сделать это. Это был долгий поцелуй, он обнял и прижал ее к себе. Но когда его язык коснулся ее сжатых губ, она резко отклонилась назад.

— Джеффри! — смеясь, сказала она.

— Я люблю тебя, Мона. Выходи за меня замуж.

— Джеф…

— Ты знаешь, это то, чего от нас ждут. Обе наши семьи давным-давно решили, что мы с тобой должны пожениться.

Мона внезапно почувствовала раздражение, высвободилась из его объятий и начала отряхивать траву со своих бриджей. Да, она знала об этой договоренности между двумя семьями, но никогда не задумывалась над этим. Мона понимала, что ее родители не позволят ей выйти замуж просто за «кого-то». Она была дочерью лорда, и Джеффри Дональд был безошибочным выбором, потому что был очень богат, а его отец был посвящен в рыцари за храбрость, проявленную во время войны. Никаких разговоров о браке по любви не возникало. Никто не спрашивал Мону, чего хотела она?

Но даже если бы Мону и спросили, она не знала бы, что ответить.

В течение шести лет она посещала школу-интернат для девочек в Найроби. Всякий раз, когда она приезжала домой на каникулы, все встречи и контакты с мальчиками происходили в Белладу, когда устраивался грандиозный прием и поместье было набито людьми. У Моны не было возможности установить особо дружеские отношения с мальчиком или пережить страстное школьное увлечение. За эти шесть лет она изредка встречалась с Джеффри Дональдом, грубо сложенным, неотесанным охотником, хозяином ранчо, который работал в Килима Симба, когда чувствовал в том потребность, а потом на целые месяцы уезжал на сафари. Когда они встречались, он был вежливо-равнодушен с ней и видел в ней просто одну из неуклюжих девиц с огромными глазами и торчащими коленками, которые сидели, вцепившись руками в тарелку с куском пирога, как незваные гости. И вдруг в прошлом году все изменилось. Джеффри приехал на ее семнадцатилетие, вовсе не собираясь порадовать Мону, а просто потому, что его пригласили ее родители, у которых и так дом был полон гостей. И вдруг он взглянул на нее так, как если бы они никогда прежде не встречались. К большому изумлению Моны, после этого она получила от него два письма: одно из Судана, где Джеффри производил осмотр скота, другое из Танганьики, где охотился на львов в Серенгети. Когда же несколько недель назад она приехала из школы домой навсегда, Джеффри тотчас появился у них.

Мона была польщена. На нее еще никто никогда не обращал такого пристального внимания. Джеффри был очень хорош собой, правда, не так красив, как его отец, сэр Джеймс, но все равно чертовски привлекателен. Он вел романтическую, полную приключений жизнь, владел очень преуспевающей фермой, и все просто обожали его. Но Мона не была влюблена в него.

— Я спрашиваю, — сказал Джеффри, — кто это?

Мона взглянула сквозь ворота на Дэвида Матенге, который стоял между двумя хижинами, примыкавшими к ограде вокруг поля.

— Так, никто. Просто один из парней отца.

— Должен сказать, очень сердитый парень. Не думаю, что могу позволить ему смотреть на нас таким образом.

— Да брось, Джеффри. Давай вернемся домой.

Но Джеффри не двинулся с места.

— Готов поспорить, что мы шокировали его своим поцелуем! Они не целуются. Ты же знаешь. И они даже не понимают, чего лишаются!

Мона внезапно почувствовала себя неловко. Дэвид стоял в дымном свете раннего утра, его голая грудь и длинные конечности напоминали телосложение воинов масев, которых она видела в Найроби.

— Не шокировать ли нам его еще раз? — предложил Джеффри.

Мона слишком быстро ответила:

— Нет, — а затем: — да, — и обняла Джеффри за шею.

«Они не знают, чего лишаются» — так сказал Джеффри. Неожиданно Мона вспомнила один из вечеров в коттедже своей тети несколько дней назад. Грейс подружилась с двумя археологами — бессребрениками и теперь пыталась раздобыть деньги, чтобы профинансировать их раскопки в Кении. Она заварила хороший индийский чай, изрядно приправив его патокой для Лики, и во время небольшого приема Луис Лики со знанием дела и небрежно принялся рассуждать об африканцах.

— Это просто отвратительно, — говорил он, — что муж-африканец не доставляет своей жене полного сексуального удовлетворения. Накануне свадьбы молодой человек получает инструкции о том, что он должен делать и чего не должен, а его невесте мать объясняет, какие позы лучше принимать и что необходимо для достижения возбуждения и благополучия в сексуальной жизни.

«Сомневаюсь, что Дэвид Матенге шокирован нашим поцелуем, — думала Мона. — Нашим холодным, бесстрастным поцелуем».

Джеффри оторвался от нее, но продолжал держать за руки, прижимая к себе. Он заглянул в ее глаза и спросил:

— Ты ведь выйдешь за меня замуж, Мона?

Она почувствовала, что внутри у нее вновь поднимается раздражение. Это так он представляет себе роман? Потом подумала: «Но чего же все-таки хочу я сама?» Мона еще никогда не испытывала сексуального возбуждения, она не мечтала о киногероях так, как это делали девочки в школе. Она никогда не погружалась в сладкие мечтания и не испытывала удар, как от электрического заряда «от его прикосновения». Все, что Мона чувствовала внутри, — своего рода

отчужденность, и может быть, некоторую неприязнь ко всему этому. И такое ощущение начало беспокоить ее.

Точнее сказать, все это ее испугало. Она постепенно становилась похожей на свою мать.

— Что ты скажешь, дорогая?

— Я… не знаю, что сказать, Джеффри. — Его близость странно действовала на нее. У нее слегка кружилась голова, и в то же время ей было неприятно. Мона не привыкла к физическим контактам с другими. Ее отец никогда не обнимал ее, а мать делала это очень редко. И только двое — тетя Грейс и брат Артур — касались ее. Теперь же она чувствовала рядом с собой тело Джеффри и просто не знала, нравится ей это или нет.

— Мне нужно время, — сказала она, наблюдая, как грумы уводят лошадей, которые оставляли за собой на поле четкие отпечатки копыт. Она осознала, что день разгорается и что за ней наблюдает Дэвид Матенге.

Мона вдруг обиделась на него, на того самого мальчика, который спорил с ней несколько лет назад из-за земли. Обиделась на те злобные взгляды, которые Дэвид бросал на нее, когда Мона лежала в хижине его матери, залечивая раны после пожара. Ни с того ни с сего Дэвид Матенге стал для нее символом всех ее несчастий, источником страданий. Ему не надо было приходить в операционную в ту ночь. Если бы не его упрямство, она бы не получила тяжелых травм на пожаре, которые теперь напоминали о себе отвратительными шрамами. Из-за него она теперь не могла надеть купальник и боялась, что любой мужчина отвернется от нее с отвращением. Он был причиной ее несчастий — Дэвид Матенге, который всегда так гордо смотрел вокруг, хотя ему совершенно нечем было гордиться в этом мире.

Она резко вырвалась из рук Джеффри, приложила руки к губам и крикнула:

— Чего уставился?

Джеффри обернулся.

— Он все еще здесь? Я быстро прогоню его.

— Нет, я сама. Он один из наших людей. — Мона подошла к ограде и сказала: — Ты хотел поговорить с нами?

— Нет, — спокойно ответил Дэвид.

— Что нет? — спросил Джеффри, подойдя сзади. — Прояви ко мне уважение, парень.

— Нет, мемсааб Мдого.

Мона вздернула подбородок:

— Тогда не лучше ли будет вернуться к работе?

Их взгляды скрестились, между ними пробежала волна холода и невысказанной угрозы. Затем он произнес:

— Да, мемсааб Мдого, — и ушел.

— Жутко нахальный парень, должен заметить, — пробормотал Джеффри. — У него вид человека, который сам нарывается на неприятности. Я переговорю с твоим отцом. Этого парня нельзя здесь держать.

Когда они вышли с поля, Мона, обернувшись через плечо, заметила, что Дэвид снова стоит, глядя на них. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок, взяла Джеффри за руку и крепко сжала ее.

Дэвид смотрел, как они шли. Он думал о земле, которую попирали их белые ноги. Это место мать часто показывала ему: много лет назад именно здесь росло священное дерево. Дэвид дал клятву, что однажды здесь вырастет новое фиговое дерево, которое он посадит там, где теперь ходят вацунгу.

29

У Ваньиру не было зеркала, чтобы осмотреть мочки ушей и определить, хорошо ли они заживают.

Из-за давления со стороны миссионеров, которые призывали к запрету любых истязаний тела, лишь немногие молодые женщины ее возраста начинали возвращаться к старинным обычаям прокалывания ушей. Но Ваньиру гордилась своими свежими ранами. Это был знак ее предков, который к тому же доказывал, что она может терпеть боль.

Прокалывание ушей было жестоким испытанием. Первые две дырочки — ндугира в хряще в верхней части ушной раковины — делали в детстве; затем, когда девочка становилась подростком, прокалывали более крупные дырочки в мочках ушей. Ей надо было спокойно лежать, растянувшись на спине на земле, а знахарь или знахарка прокалывали уши заостренными палочками. Ей надо было носить эти палочки в течение трех недель, стоически перенося боль. Палочки из ушей Ваньиру недавно были вытащены, и Вачера Матенге — знахарка, живущая вниз по реке, промыла дырочки особым заживляющим раствором. Уши Ваньиру все еще болели и не были готовы к ношению серег из бусин и меди.

Но это было сущей мелочью по сравнению с тем, какое испытание ждало ее в самое ближайшее время.

Готовилось тайное посвящение. Оно устраивалось в первый раз после очень длительного перерыва, и девочки в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет должны были собраться из всех окрестных деревень, чтобы пройти обрезание согласно древним традициям. Теперь они не могли целыми неделями заниматься церемониальными приготовлениями к этому событию, которые могли бы придать храбрости и физически подготовить к тому, чтобы лечь под нож, не испытывая страха. Эти ритуалы были запрещены. Тем не менее Ваньиру проходила подготовку к своему обрезанию сама.

Большинство девочек были в ужасе от того, что им предстояло, многие должны были пройти обряд из-за давления со стороны своих родителей и братьев. Но Ваньиру ждала предстоящего обрезания с нетерпением, она приветствовала проверку силы духа болью и кровью.

Однако теперь она думала о более срочном деле и готовилась спешно покинуть хижину, в которой жила со своими двумя незамужними сестрами. Митинг Ассоциации молодежи кикую был созван в самую последнюю минуту Дэвидом Матенге, и Ваньиру не хотела пропустить его.

Дело было не в том, что мужчины хотели бы видеть ее там, скорее наоборот. Женщинам никогда не разрешалось участвовать в политических собраниях, а те из них, кто все же присутствовали на таких сходках, всего лишь приносили еду для своих мужчин, сидели и слушали, храня уважительное молчание, стараясь остаться незамеченными. Ваньиру, напротив, собиралась принять самое активное участие.

Дэвид Матенге раздражал ее. Она натянула платье через голову и от злости неправильно застегнула пуговицы.

Он был уродом, болваном, трусом. У вспыльчивой Ваньиру просто не укладывалось в голове, как такой умный образованный парень может быть таким медлительным, таким слепым, таким… слабым. Если бы она была на его месте и если бы у нее было такое влиятельное имя и сертификат нулевого уровня, если бы она получала двенадцать шиллингов в неделю, если бы только она была мужчиной, — Ваньиру знала, что могла бы свернуть горы. «Почему, — думала она, прощаясь со своей матерью, перекапывающей их маленький огород, — почему же мужчины не используют силу, которой обладают? Если бы у женщин была эта сила и власть, это был бы совершенно другой мир!»

Это была та же дорожка, по которой Ваньиру восемь лет назад вышла из миссии Грейс Тривертон. В те дни мальчишки очень жестоко обходились с ней, пытаясь запугать ее так, чтобы она перестала ходить в школу. Теперь она знала, что все это они делали потому, что одно ее присутствие в классе заставляло их сомневаться в своем превосходстве над девочками. Мужчины могли так и пребывать в полной безопасности с этой стороны до тех пор, пока женщины остаются безграмотными и постоянно беременеют, но образованные независимые женщины путали их, заставляя беспокоиться и метаться, как стадо, почуявшее запах льва. Ваньиру знала, что она угрожает их мужскому достоинству, и нарочно вела себя так, чтобы заставить их действовать.

Именно это больше всего раздражало ее в Дэвиде Матенге. Он умел говорить, но не действовать. И неужели он думает, что может обмануть кого-то, созвав этот митинг тогда, когда всем вокруг известно, что вождь Джон Мучина находится в Найроби? Разумеется, Дэвид хотел избежать ареста, все слышали рассказы о том, что происходило с африканскими агитаторами в тюрьме. Но Ваньиру не уважала парня, который стоял и произносил прекрасные речи только тогда, когда это было безопасно, а затем, когда появлялись представители властей, тихо исчезал.

Она прошла мимо нескольких мальчишек, своих сверстников в накидках, которые гнали по грязной дороге стадо овец. Они уставились на нее — Ваньиру-чудачку.

Девушка гордо выпрямилась и с достоинством прошла мимо них — грудью вперед, покачивая бедрами, шлепая босыми ногами по грязи, свободно болтая длинными сильными руками.

Семнадцатилетняя Ваньиру прекрасно осознавала, кто она такая и что собирается делать в жизни. И почти всем, чем владела, она была обязана своей матери, которая, оставшись без мужа с девятью детьми на руках и чахлым огородиком, нашла в себе отвагу изменить будущее. Она выбрала одну из своих дочерей — Ваньиру и стала внушать ей, что она не должна принадлежать мужчине. Когда Ваньиру окончила начальную школу Грейс, ее мать позаботилась о том, чтобы дочь одной из первых приняли в новую школу для девочек-африканок в Найэри, где девочки переходили на более высокую ступень образования. Эти школы получили наименование кирири по названию той части хижины, в которой спали девочки племени кикуи. Ваньиру только что окончила эту школу и собиралась поступить в Гражданский госпиталь для коренного населения в Найроби в качестве студентки. Все это предусматривала новая программа обучения африканских девушек профессии медсестры.

Толпа на митинге была огромной. Дэвид выбрал известное всем — у самого края поселка Найэри — место: прежде там возвышалось священное фиговое дерево. А для того чтобы еще больше привлечь к себе сердца своих слушателей и полностью овладеть их вниманием, Дэвид взобрался на гигантский пень, оставленный католическими священниками, после того как спилили само дерево. Не было среди

присутствовавших ни одного, кто бы не угадал, какой подтекст был в действиях молодого Матенге.

Когда появилась Ваньиру, Дэвид уже начал свою речь. Она пробралась сквозь ряды расставленных велосипедов, самого ценного имущества африканцев, и стала слушать.

— Когда белые люди впервые приехали сюда, — говорил Дэвид, — мы думали, что они приехали ненадолго. Нашим отцам и многим присутствующим здесь они показались людьми, блуждающими по свету в поисках своей родины. К сожалению, мы позволили им остаться, радушно приняли их и щедро поделились с ними дарами земли кикую. Но белые люди стали жадными, а мы теперь знаем, что они прибыли сюда, чтобы остаться. Сначала они ввели налог на хижины, который не имел ничего общего с нашими традициями. И единственная плата, которую они готовы были принять, — это деньги, которых у нас не было, единственным же способом получить эти загадочные деньги оказалась работа на белого человека или обмен на нашу собственную землю. Потом они ввели унизительную систему кипанде и заставили нас носить на шее значки с нашими именами, такие же, как носят их собаки! Наконец, они пытаются расколоть наш племенной союз, превращая бесценные древние традиции, такие как знахарство и обрезание девушек, во что-то незаконное. Когда мы жалуемся, белый человек говорит нам, что делает это ради нашего собственного блага, как будто мы дети! Он говорит, что учит нас ценности регулярной работы, что показывает нам все преимущества современной европейской жизни. Однако он учит нас думать только о себе и повернуться спиной к своим семьям и предкам!

Толпа заволновалась, люди согласно кивали головами. Ваньиру заметила, что в то время как молодые люди жадно вслушивались в зажигательную речь Дэвида, большинство старших в накидках стояли в стороне, опираясь на свои длинные копья. Сама того не желая, Ваньиру увлеклась убедительной и яркой речью Дэвида.

— Белый человек привез Бога и церкви на земли кикую и стал проповедовать равноправие. Но я что-то не видел, чтобы африканцы и белые работали рядом друг с другом. Белые люди преданы вовсе не нам, а идее дальнейшей колонизации Африки. Они нанимают нас на работу за нищенскую оплату, а нам не разрешается даже показываться,

когда они принимают пищу, мы можем сделать это только в качестве слуг. Говорю вам, братья, что любая форма многонационального правления в Кении все равно будет похожа на союз наездника и его лошади, который поддерживается только до тех пор, пока послушная лошадь несет своего хозяина к победе на скачках!

В толпе послышался одобрительный гул.

— Братья мои, — продолжал Дэвид, — нам рассказывали, что Великобритания постоянно протестует против того, как в современной Германии обращаются с евреями. Но я спрашиваю вас, разве с евреями в Германии обращаются хуже, чем с африканцами во всех колониях на этом континенте?

— Нет! — выкрикнули все.

— Подожди! — воскликнул один из стариков с дальнего края толпы. — Ты не прав, Дэвид Матенге! Белый человек принес нам любовь Господа Иисуса, и за это мы должны быть вечно благодарны ему!

— А Карл Маркс говорит нам, что религия — это опиум для народа, — выкрикнул Дэвид в ответ. — Ваш дух и мужество стали слишком слабыми из-за этого Господа Иисуса!

Толпа в ужасе замерла.

Он продолжил, и его голос гремел над склоненными головами слушателей.

— Сейчас белые люди добывают золото там, где оно зарыто возле озера Виктории, отвозят его в Европу! Они пользуются им, чтобы украшать своих жен. Мы тоже хотим украшать наших жен, и эта земля, в которой зарыто золото, принадлежит нам!

— Но чего же ты от нас хочешь? Что мы должны сделать? — воскликнули друзья Дэвида. — Как мы можем изменить то, что уже существует? У нас нет силы, которая сможет выступить против Британии.

— Мы должны требовать, чтобы для нас открывали лучшие школы и университет для коренного населения Кении. Мы должны двигаться медленно, становиться образованными, бороться за свои права в глазах наших колониальных хозяев. Мы должны помнить пословицу: «Плетеная сумка рвется сначала снизу…»

— Пословицы! — раздался ироничный голос откуда-то из толпы. Все головы повернулись в ту сторону, потому что это был голос

женщины. — Ты прекрасно описываешь наши проблемы, Матенге, — выкрикнула Ваньиру, — но ты не предлагаешь нам решения, а всего лишь ссылаешься на ничего не стоящие пословицы!

Дэвид нахмурился. У Ваньиру была несносная привычка не показываться, когда это было нужно, и, наоборот, появляться, когда не надо! Девушке срочно нужен муж, решил он, который будет держать ее в узде. Он сделал вид, что не заметил ее.

— Я написал петицию, — сказал он, обращаясь к толпе, подняв вверх лист бумаги, — с требованием к правительству, чтобы оно открыло для нас университет в Найроби. Я передам ее по кругу, а вы все проставите там свои имена, и потом…

— А британцы подотрут им свои задницы!

Все снова обернулись к Ваньиру. На этот раз она с помощью локтей проложила себе дорогу в передние ряды, изумленные мужчины отходили в сторону, чтобы дать ей пройти. — Спрашиваю тебя во второй раз, Матенге. Какое решение ты предлагаешь кроме бесполезных пословиц и бумаг?

Он взглянул на нее сверху вниз.

— Мы победим. Если будем действовать сообща и с помощью слов.

— Объединение и сила! — выкрикнула она.

Дэвид почувствовал, как кровь в его жилах закипела. Гнев и похоть поднялись в нем одновременно. Он мог придумать только единственный способ разобраться с этой девушкой, но теперь был не самый подходящий момент, не на виду у тысячи глаз.

— Мы будем вести борьбу за свободу мирным путем! — сказал он.

— Нельзя говорить «мирная борьба», Матенге. Эти слова противоположны по смыслу и противоречат друг другу.

— Только через мирное противодействие мы сможем показать наше превосходство над белым человеком, как это делает Ганди в Индии.

Ваньиру сплюнула на землю.

— Разве лев показывает свое превосходство шакалу мирным противодействием? — Она обернулась к толпе и подняла руки вверх. — Британцы не поймут мирных переговоров, потому что они

сами украли нашу землю с помощью силы. Насилие — это единственный язык, который они понимают!

Ряды слушателей зарокотали, как прилив. Одни хотели немедленно начать действовать дубинками и копьями; другие же нервно оглядывались по сторонам, опасаясь присутствия доносчиков и полиции. По иронии судьбы, первыми были старики и взрослые мужчины, а вторыми — молодежь.

Ваньиру взобралась на гигантский пень, придвинулась ближе к Дэвиду и протянула руки вперед. Почти в самое ухо она шепнула ему:

— Я была здесь в ту ночь, когда ты впервые слушал Йомо Кеньята в лесу! Ты забыл его слова! А я нет!

Глаза Дэвида широко раскрылись от удивления. Он уставился на нее, совершенно ошеломленный ее словами. Его пальцы до боли впились в бицепсы. Ее глаза, которые сейчас находились всего в нескольких сантиметрах от него, казалось, прожгли его мозг насквозь. Сейчас. Он хочет ее прямо сейчас, немедленно.

— Митинг окончен, — раздался низкий авторитетный голос. — Расходитесь по домам, вы все.

Ваньиру и Дэвид посмотрели вниз и увидели вождя Джона Мачину, который прокладывал себе путь в толпе своей серебряной тростью и аскеров-солдат, сопровождавших его.

— Спускайся вниз, Дэвид Кабиру, — приказал Мачина. — Ступай домой и забудь обо всех этих глупостях.

Дэвид вперил взгляд в грозного вождя. Краем глаза он заметил, что толпа начала расходиться, но был совершенно уверен, что его друзья ждут от него указаний. К тому же он почувствовал плотную грудь Ваньиры, которая прижалась к его голой спине.

Дэвид сказал:

— Я не нарушаю закон, мзии.

Вождь хохотнул и покачал головой.

— Ты молодой и беспокойный, Дэвид Кабиру, такой же, каким был твой отец много лет назад. Прими во внимание пословицу, в которой говорится: «При большой спешке много клубней батата остается в земле, а если работаешь медленно, то сумеешь выкопать весь урожай».

Дэвид спрыгнул вниз и встал лицом к лицу со старым вождем. Они представляли странную пару — красивый мускулистый молодой

парень, на котором были только шорты цвета хаки, и толстый седой вождь в длинной белой канзу и шкуре леопарда на плечах.

— Пословицы, — повторил Дэвид, — это все, что ты нам предлагаешь?

Люди вокруг нахмурились. У Ваньиру, стоящей на пне, перехватило дыхание.

Глаза Мачины сузились от гнева.

— Я же сказал, чтобы ты шел домой, мальчик, сейчас же, до того как окажешься в серьезной опасности.

Дэвид подумал о девушке, стоявшей позади него, она следила за ним надменным взглядом. Он собрал силы и заговорил жестким тоном:

— Мы все в опасности, мзии, с вождями вроде тебя.

Показалось, что вся Африка на мгновение замерла, а потом как будто бы весь континент повернулся к этому мальчишке, осмелившемуся бросить вызов вождю и стоящей за его спиной Британской империи. Но никто не заметил, что в это августовское утро на краю Найэри Дэвиду Матенге грозит серьезная опасность. Он знал, на какой риск идет, слышал о «несчастных случаях», происходивших в тюрьмах с мужчинами, которые осмеливались возражать Мачине. Однако здесь стояла Ваньиру, следила за ним, слушала, сомневаясь в мужестве Дэвида и его отваге. Ему надо было спасти свое лицо в глазах этой девушки; выстоять против Мачины, как если бы он был воином прежних времен, выслеживающим своего первого льва. Никто из присутствующих не подозревал о том, какой холод сжимает живот Дэвида, как пересохло у него во рту. Они заметили только внезапное и непонятное рождение нового, так необходимого им героя.

Джон Мачина кипел от злобы. Пока тянулись секунды, он пытался взвесить все аспекты создавшегося положения. Политические выскочки становились все более и более досадными явлением, как этот заморский агитатор Йомо Кеньята, они угрожали его удобному положению при британцах. Старый Джон Мачина ненавидел это новое поколение образованных людей. Они были умными, яркими, произносили прекрасные речи, а он не умел ни читать, ни писать и никогда не ходил в школу.

— Ты хочешь что-то сказать мне, мальчик? — спросил он тихим голосом с затаенной угрозой.

Тысячи ушей ждали ответа Дэвида. Ваньиру, возвышающаяся над ними, как черная статуя Свободы, хотела сказать что-то, но даже она сообразила, что должна хранить молчание в присутствии вождя.

Все тело Дэвида покрылось испариной.

— Это все, что я хотел сообщить вам, — произнес он, стараясь голосом заглушить громкий стук своего сердца. — Я говорю, что британцы, которые назначили вождей в племени кикую, сделали это совершенно произвольно, не учитывая компетентность или желание этих вождей помогать своему народу. Я говорю, что люди, назначенные белым человеком, недостаточно хорошо представляют интересы своего народа в правительстве, не защищают наших древних традиций, что они выступают в роли, которая чужда жизненному укладу народа кикую. Их единственный интерес состоит в соблюдении статуса кво.

Мачина сжал челюсти.

— Стало быть, ты говоришь и о своем родном отце, вожде Матенге.

— Да, это так, именно из-за его глупости и глупости наших отцов мы лишились своей земли. У них не было права продавать наше наследие белым людям.

Если Дэвид хотел оскорбить вождя, он не смог бы нанести ему большего оскорбления, чем это. Джон Мачина был из того же поколения, что и отец Дэвида, и он тоже продал свою землю белому человеку в обмен на табличку с указанием должности.

— Твой бесстыдный язык доведет тебя до тюрьмы, парень, — сказал Мачина, понизив голос так, чтобы его мог слышать только Дэвид. — Если я отправлю тебя за решетку, ты больше никогда не увидишь света дня.

Дэвид подавил дрожь, обернулся к толпе и сказал мощным громким голосом:

— Взгляните на вашего вождя, который пытается одновременно бежать рядом с ланью и охотиться вместе со львом!

Мачина дал знак аскари. Те начали приближаться.

Дэвид, весь дрожа от возбуждения, поймал на себе взгляд Ваньиру и выкрикнул:

— Наши вожди как собаки! Они лают, когда лают другие собаки, но ходят на задних лапках и делают трюки, когда хотят, чтобы их

британские хозяева накормили их!

Когда двое солдат схватили Дэвида за руки, его голос поднялся еще выше:

— Вождь Мачина, ты Иуда Искариот!

— Арестовать его!

Дэвид попытался бороться с людьми, которые схватили его.

— Послушайте меня! — выкрикивал он в толпу, которая все больше волновалась и распалялась. Некоторые мужчины взяли в руки камни, старики неожиданно подняли вверх свои посохи и почувствовали, насколько они похожи на тяжесть копий прежних времен. — Почему мы должны хотеть стать такими, как европейцы? — спрашивал Дэвид. — Скольких европейцев вы видели, которые хотели бы быть как кикую?

— Ни одного! — дружно ответила толпа.

Мачина поднял вверх свою серебряную трость, чтобы призвать людей к молчанию. Когда восстановился порядок, он открыл рот, чтобы заговорить. Но тут раздался голос Дэвида:

— Помните, братья, человек, который не любит свою страну, не любит своих мать и отца, не любит и народ своей страны. А человек, который не любит ни мать, ни отца, ни свой народ, не может любить Бога!

Украшенная серебром трость с силой опустилась на голову Дэвида. Раздался громкий в утренней тишине хруст. Голова Дэвида качнулась назад, но он быстро пришел в себя и бросил злой взгляд на вождя. Они смотрели друг на друга, не мигая, целую минуту, затем Мачина подал знак, чтобы Дэвида увели.

Но собрание неожиданно зашумело. Сначала тихо, затем все нарастая, волна недовольства прокатилась по рядам, пока вождю вновь не пришлось призвать всех к порядку. На этот раз, когда толпа подчинилась, она разделилась на две половины, создав в центре проход.

Там была мать Дэвида — Вачера.

Стоявшие близко к вождю люди заметили легкую дрожь, которая пробежала по его полному телу, как только он увидел знахарку. Ни для кого не было секретом, что Джон Мачина часто хаживал к ней в полночь, чтобы пожаловаться на жизнь и посетить место захоронения

предков, которое было табу для остальных. Если все в провинции боялись вождя Мачину, то сам вождь боялся Вачеру.

Дэвид сфокусировал свой взгляд на матери, стараясь увидеть ее сквозь кровавую пелену, которая застилала ему глаза. Вачера стояла в своем наряде из мягкой кожи и кожаном фартуке, на ней были тяжелые серьги из бусин, ожерелья и браслеты, ножные украшения, церемониальные пояса с магическими амулетами, нашитыми на них. Ее выбритая голова была высоко поднята. Через пространство, отделяющее ее от сына, она говорила с ним взглядами, сообщая вещи, которые никто другой не мог услышать.

И Дэвид в этот момент понял, что его мать не собирается спасать его от тюрьмы и пыток.

«Несправедливость белых станет горном, в котором будет выковано твое мужество, мой сын, — однажды сказала она, а теперь ее глаза повторяли ему это. — Сначала пострадай, и тогда у тебя будут сила и отвага, чтобы вернуть нам нашу землю».

Когда вождь Мачина понял, что Вачера не собирается вмешиваться, он прокричал приказ солдатам и поспешил прочь со своим арестантом, оставив за спиной смущенную толпу, мать, сердце которой наполняли любовь, гордость и боль, и стоящую на высоком пне от фигового дерева всеми забытую Ваньиру. Она прижимала руки к груди и, следя за тем, как солдаты уводят прочь Дэвида Матенге, увидела новую цель своей жизни.

30

Валентин Тривертон молился, чтобы у его сына не начался приступ.

Сегодняшний парад должен был стать самым большим и значительным из всех, которые когда-либо устраивались в Кении, а Артур на нем — самой главной фигурой. Глаза всех обитателей колонии, как будто бы все пятнадцать лет они только этого и ждали, будут обращены на него, когда он будет официально объявлять об открытии недели торжеств. Это станет первым шансом в его жизни утвердить себя.

Красная ленточка была натянута поперек главной улицы Найроби, и в определенный момент Артур, возглавлявший парад верхом, должен был промчаться галопом вниз с высоко поднятой саблей наголо, перескочить ленточку и разрубить ее на глазах сотен зрителей, тем самым обозначая переименование Центральной дороги в авеню Лорда Тривертона.

Артур очень нервничал. Большие трибуны, сооруженные по обеим сторонам дороги между отелем Стенли и почтой, были заполнены официальными лицами и приглашенными почетными гостями. Его мать леди Роуз уже сидела под специальным навесом, безмятежно улыбаясь, как королева. Рядом с ней его отец сидел под портретом короля. Мальчик знал, что отец будет следить за ним критическим холодным взглядом, под которым Артур рос, боясь его и обожая.

Но гораздо более важным для Артура в этот день было не порадовать своего отца, а показать себя Эллис Хопкинс, которая владела вторым по величине ранчо в Кении и поэтому занимала почетное место на одной из трибун, где публика сгорала от нетерпения.

Эллис Хопкинс было двадцать два года, она не отличалась ни красотой, ни шармом, но была чем-то вроде легенды в Восточной Африке, в одиночку справляясь с девяноста тысячами акров земли своего ранчо после внезапной смерти своих родителей шесть лет назад. Тогда все говорили, что ей никогда не удастся управиться с таким огромным хозяйством самостоятельно. В то время

высказывалось много домыслов о том, кто окажется счастливым обладателем этой земли. Валентин Тривертон был одним из предполагаемых покупателей и одним из многих, на кого произвела сильное впечатление борьба Эллис за то, чтобы сохранить свою землю и работать на ней без всякой посторонней помощи, опираясь только на нескольких лояльных африканцев и своего брата Тима, который был младше ее на пять лет. Вопреки неисчислимым трудностям ей удалось сохранить овец и сизаль, она не влезла в долги, не попала в руки охотников за богатым приданым, которые крутились вокруг, и к своим двадцати двум годам оказалась успешной и независимой хозяйкой.

Она поплатилась только одним: своей женственностью.

Это была жесткая и непреклонная Эллис Хопкинс, чье лицо забыло, что такое улыбка. Она сидела в брюках цвета хаки и домотканой рубашке, ее обветренное и загорелое лицо скрывалось под большими полями мужской шляпы, какие обычно носят охотники в джунглях. Именно на нее Артур Тривертон собирался произвести впечатление в этот августовский день, потому что Эллис стояла между ним и ее семнадцатилетним братом, Тимом Хопкинсом, в которого Артур был по уши влюблен.

Местом для проведения фуршета после парада избрали лужайки отеля «Норфолк». На столах были расставлены бокалы с шампанским, а закуски располагались на столиках под деревьями, из граммофонов доносилась веселая музыка. Молодые люди занимались сооружением платформ и теперь готовились везти их. Они вносили дополнительную неразбериху во все, поспешно поправляя на себе костюмы, проверяя моторы машин. Их смех и возбужденные крики наполняли прохладный воздух августовского утра.

— Я хорошо выгляжу, Мона? — спрашивал Артур сестру, поправляя брюки для верховой езды от охотничьего костюма, который они взяли напрокат.

— Ты выглядишь потрясающе! — обнимая его, ободрила Мона.

«Как это великодушно со стороны Харди Акреса, — думала она, — одолжить Артуру свой охотничий костюм». В ту минуту, когда Артур надел его, показалось, что он вырос на целых два фута. Мона молилась, чтобы ее брат прекрасно выступил сегодня — открытие этого парада очень много значило для него.

У Артура не было ни малейшего представления о том, что именно своей сестре он обязан честью перерезать ленточку. Когда она услышала, что эта привилегия будет предоставлена племяннику губернатора, и заметила, как лицо ее брата потемнело от зависти при этом известии, она решила убедить своего отца в том, что честь открытия авеню лорда Тривертона должна в конечном счете принадлежать Тривертону. Валентин уступил не столько из-за того, что был согласен со своей дочерью, или из-за того, что ему были интересны какие-то ее соображения. Он согласился с ней по одной-единственной причине: она могла быть очень надоедливой, когда ей чего-то хотелось, и знала, как управлять своим отцом. Она никогда не пользовалась его расположением как средством для получения чего-то для себя лично, потому что знала, что он не любит ее. Мона всего лишь была очень настойчивой до тех пор, пока он не сдавался, чтобы его оставили в покое.

В конце концов ее отец признался, что вид сына, скачущего вниз по Центральной дороге и размахивающего саблей, нисколько его не впечатляет, но он должен признать, что Артуру для разнообразия нужно совершить некий мужской поступок.

Артур не знал об этом ничего. Мона защищала его от проявлений недовольства им со стороны отца. Все, что было известно Артуру, — по какой-то причине губернатор передумал насчет своего племянника и пригласил наследника Тривертона для открытия церемонии. Это было четыре недели назад, и с тех пор Артур совершенно переменился.

— Я буду на высоте, — пообещал он своей сестре, пока она поправляла ему воротничок.

— Ты будешь просто великолепен.

— А вдруг у меня случится припадок?

— Не случится! У тебя ничего не было целый год. О, Артур, я так горжусь тобой!

Он просиял. Он не мог вспомнить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь гордился им. Наверное, такого просто не было. Он обожал свою сестру, ей всегда удавалось придать ему уверенности в себе. Он был рад, что она уже не учится в школе и теперь всегда будет жить дома. Он втайне надеялся, что она не выйдет замуж за Джеффри Дональда;

что она переедет в Килима Симба, а он снова будет в Белладу совсем один.

— Можешь сделать мне одолжение? — тихо спросил он, оглядываясь на толпу, которая выстраивалась рядами в ожидании начала парада.

— Конечно. — Мона готова была сделать все для своего младшего брата. В конце концов их мать жила своей собственной жизнью в эвкалиптовой роще, их отец редко появлялся дома, и все, что у них было в мире, — это они сами. Мона была рада, что теперь навсегда вернулась домой, и тоже подумывала о том, что ей не хочется выходить замуж за Джеффри Дональда. — Какую услугу, Артур?

Он вытащил конверт из кармана и сунул его ей прямо в руки.

— Передай это Тиму, ладно?

Она засунула конверт за корсаж своего гаремного костюма. Мона была и посредником между братом и Тимом. Она радовалась тому, что у Артура появился друг, несмотря на все перешептывания о характере их взаимоотношений.

— Поцелуй на счастье, — сказала она и чмокнула брата в щеку.

Затем она оглядела его с ног до головы, взглянула на нежное мальчишеское лицо под каскеткой и подумала, что теперь будет заботиться об Артуре всегда, еще раз обняла его и отправилась разыскивать Тима Хопкинса.

Темой красочного карнавального шествия служило открытие Африки белым человеком. Хотя британцы и высадились на берега Кении более сотни лет назад, в качестве точки отсчета, как «день обоснования», был выбран 1887 год, потому что именно тогда было устроено первое поселение миссионеров в Момбасе. Джеффри Дональд, который должен был везти платформу с изображением плавания Васко да Гама, наслаждался особенными почестями, так как его бабушка была в числе тех самых первых миссионеров. Его отец, сэр Джеймс, который родился в 1888 году у женщины-миссионера и ее мужа-исследователя, стал одним из первых белых людей, рожденных в Кении.

Наряженный в елизаветинский камзол и подходящий к нему жилет для большего сходства с португальским путешественником Васко да Гама, Джеффри обходил платформу вокруг и проверял декорацию из папье-маше, изображающую город Малинди, и

подпорки, изготовленные из ствола кокосовой пальмы. Он очень хотел, чтобы отец был рядом с ним во время сегодняшних торжеств. Но в Уганде снова случилось наводнение, и родители находились в джунглях, помогая раненым туземцам.

Джеффри остался доволен платформой, потому что это была лучшая из всех и представляла собой точную реконструкцию исторической встречи Васко да Гама и султана Малинди в 1498 году. Убедившись, что платформа хорошо закреплена, прочно привязана к массивной тележке и сможет проехать вниз правительственной дороге, Джеффри начал искать в толпе Мону.

Она стояла на дальнем конце поля с Тимом Хопкинсом. Они о чем-то разговаривали и смеялись. Джеффри сжал губы. Почему она теряет время с этим парнем, когда ни для кого не секрет, что для Тима существует только ее брат?

Недовольство Джеффри улетучилось, когда он заметил ее костюм.

Под накидкой из ярко-розового шелка виднелся восточный костюм для гарема из настолько прозрачной ткани, что каждый мог видеть ноги Моны. Прилегающий корсаж был таким, какой носили азиатские женщины в Найроби: весь расшитый золотом, с глухим воротом, он оставлял открытой полоску тела на животе. И хотя лицо Моны было прикрыто вуалью, а ярко-розовая накидка, наброшенная на голову, доходила до пят, так что практически ничего не было видно, кроме ног и рук, Джеффри внезапно осознал — и эта мысль почти шокировала его, — что костюм сам по себе был чрезвычайно провокационным.

Тим Хопкинс, наряженный в сафари старого покроя и викторианский пробковый шлем, изображал сэра Генри Мортона Стенли. На платформе, украшенной деревьями и лианами, он участвовал в живой картине вместе с молодым Харди Акресом — доктором Ливингстоном. Они изображали сцену встречи в джунглях исследователя Африки с пропавшим доктором, которая произошла в 1871 году.

Джеффри направился к Моне, чтобы позвать ее к платформе, стараясь уклониться от обмена любезностями с красивым молодым Тимом, который заставлял его чувствовать себя очень неловко. Но это было невозможно. По мере приближения Джеффри Тим постепенно

поворачивался в его сторону и затем с чарующей улыбкой на лице сообщил ему:

— Мы как раз говорили о толпе в Форте Иисуса, Джеф!

— О? Давай, Мона. Парад вот-вот начнется.

— Взгляни на них, Джеф! — произнесла Мона, указывая на телегу, на которой стояла деревянная модель берегового форта. Сцена должна была изображать тот год, когда приехавшие португальцы привезли с собой чуму. Те, кто взбирался сейчас на телегу, выглядели в своих костюмах так, будто собирались сыграть эту сцену максимально реалистично.

— Они выглядят довольно неуклюже, должно быть, вчера перебрали с шампанским, — сказал Тим. — И теперь у них страшное похмелье!

Джеффри взял Мону за руку:

— Твой брат готовится к выезду. Нам лучше забраться на нашу платформу.

— Да он еще даже не сел на лошадь, — ответила Мона, отодвигаясь в сторону и улыбаясь, чтобы скрыть свое недовольство. Чувство собственности, с которым Джеффри обращался к ней, становилось очень утомительным.

— Я должна найти тетю Грейс. У нее есть серьги, которые дополнят мой наряд. Ведь я главная жена султана! — Она быстро отвернулась и, чтобы Джеффри не заметил, сунула за корсаж сложенный лист бумаги, который передал ей Тим для брата.

— Увидимся на сцене, Джеф!

Грейс стояла на веранде отеля, с озабоченным видом посматривая на дорогу и на полицейский участок Кингс Вей.

Там что-то происходило, какая-то непривычная возня вокруг и слишком много полицейских…

Рядом с ней на веранде было совсем немного людей, те, кто не успел занять сидячие места на трибунах, или те, кому не хотелось стоять у дороги, чтобы смотреть парад. Они предпочли удобно сидеть на веранде, потягивая джин, и наблюдать за парадом издали. По-прежнему поглядывая на полицейский участок, Грейс услышала обрывок разговора.

— А я говорю, что вторжение итальянцев в Эфиопию — это лучшее, что могло с нами произойти, — раздался голос хозяина ранчо,

которого Грейс хорошо знала.

— Я получаю деньги слева и справа, снабжая итальянскую армию говядиной. Спроси Джеффри Дональда. Его ранчо еще никогда не приносило таких доходов!

— Да, все мы получаем от этого что-то хорошее, — ответил его собеседник. — Похоже, они решили не продвигаться дальше и не станут вторгаться в Кению.

— Не беспокойся об этом, Чарли.

— Война надвигается на Европу. Запомни мои слова.

Удивленная Грейс посмотрела на обоих мужчин. Война надвигается…

— Если и есть что-то, чего я совершенно не выношу, — произнес еще один голос с дальнего конца веранды, — так это образованные черномазые. Они приезжают из Найроби в костюмах и кричащих галстуках, говорят на рафинированном английском и думают, что знают все обо всем.

Грейс опять посмотрела в сторону полицейского участка. Там за решеткой сидел Дэвид Матенге. Она очень расстроилась, услышав о его аресте на прошлой неделе, потому что знала, насколько сильно вождь Мачина ненавидит этого парня и как обращаются в тюрьме с определенным сортом заключенных. Грейс любила сына Вачеры, видела, как он растет и превращается в умного, образованного молодого человека. Он никогда не допускал в отношении Грейс никакого панибратства. Между ними установилось опасливое уважение друг к другу. Всякий раз, когда Грейс видела его, она вспоминала ночь первого Рождества в Белладу почти восемнадцать лет назад и трагическую смерть вождя Матенге.

«Он такой же, как его отец», — подумала она.

Прямо к полицейскому участку подъехал грузовик, и мужчины в форме забрались в кузов. По мере того как, все ускоряясь, машина уезжала дальше по дороге, Грейс чувствовала, что в ней нарастает беспокойство.

Можно ли заранее почувствовать беду?

В дверях участка появился офицер, поправил фуражку и передал кому-то, находящемуся внутри, приказания. Когда он пошел по улице, Грейс окликнула его.

— Доброе утро, доктор Тривертон, — поздоровался он, подходя ближе.

— Не могли бы вы сказать мне, что происходит, лейтенант?

— Происходит?

— Ваши люди особенно активны в это утро. Конечно, это не из-за парада!

Он улыбнулся:

— Не стоит об этом беспокоиться, доктор. Просто возникло одно небольшое дельце с местными в области высокогорья. Мы с этим справимся.

— Какого рода дельце?

— Мы получили известие, что возле Найроби устраивается собрание народа кикую. Говорят, они собираются отовсюду. Некоторые с дальнего севера, из Найэри и Наньюки. Мы направляемся за город, чтобы присмотреть за ними.

Грейс похолодела. Кикую, прибывающие даже из отдаленного Найэри…

— И как вы полагаете, что бы это значило?

— Уверяю вас, беспокоиться не о чем, доктор. Мы позаботимся о том, чтобы они не помешали параду. Счастливого дня!

Грейс смотрела ему вслед и никак не могла отделаться от ощущения, что за его улыбкой и непринужденными манерами скрывалась глубокая озабоченность.

— Вот ты где! — раздался голос рядом с ней.

Грейс обернулась и заметила, как ее племянница поднимается на веранду в облаке розового шелка, ее глаза под вуалью, закрывавшей все лицо, смеялись. К ней повернулись головы всех мужчин.

— Тебе надо быть возле Стенли, тетя Грейс. Парад вот-вот начнется.

Грейс посмотрела на часы. Она приехала в Норфолк вместе с Моной и Артуром, чтобы помочь им с костюмами и украшением платформ. Для нее было оставлено место на одной из трибун, и нужно поспешить, чтобы проследить за тем, как Артур перережет ленточку поперек авеню Лорда Тривертона.

— В чем дело, тетя Грейс? Ты выглядишь очень угрюмой. Если ты беспокоишься об Артуре, все будет хорошо! Он такой славный. Ты должна увидеть его верхом на коне! А наряд, который он надел,

чудесным образом придал ему уверенности в себе! Я не могу дождаться, чтобы увидеть, какое выражение лица будет у него сегодня вечером, когда он узнает про сюрприз, который я приготовила для него.

— А что это? — рассеянно поинтересовалась Грейс.

— Ружье для охоты на слона!

— Но сейчас я думала совсем не об Артуре. — Грейс пыталась понять необычную активность полиции, вспоминала о собрании кикую за городом и поняла, что не может быть простым совпадением, чтобы подобная встреча происходила как раз в день парада. Африканцы что-то задумывали… — Я думала о Дэвиде Матенге, — сказала она, — который сидит в этой жуткой тюрьме.

Улыбка Моны погасла, когда она посмотрела на здание полицейского участка. Но затем она вновь улыбнулась.

— А что ты думаешь о моем костюме? — спросила она, поворачиваясь кругом.

Грейс заставила себя улыбнуться. Она считала наряд Моны слишком вызывающим. Но затем вспомнила себя и то, что сейчас уже 1937 год; теперешние молодые люди очень сильно отличаются от тех, которых она знала, когда сама была молодой. Кроме того, у Моны практически не было выбора, какую роль ей исполнять на параде. Женщины, участвовавшие в сценах, не могли найти исторических персонажей из прошлого Кении, чтобы изображать их, разве что, как это сделала Суки Кэмэрон, переодеться мужчиной. В истории Африки было более чем достаточно мужчин от султанов до исследователей, торговцев и охотников, но женщины, к сожалению, в истории не упоминались на протяжении многих веков, как будто они вовсе не существовали. Поэтому Мона и ее друзья должны были довольствоваться такими ролями, как женщины в гареме или жены знаменитых людей.

В параде не принимал участие ни один африканец, и ни один из чернокожих исторических персонажей не был представлен.

— Поторопись, — сказала Грейс, поворачиваясь спиной к полицейскому участку и стараясь скрыть все нарастающую тревогу. — Давай пристроим тебя в гарем до того, как Васко да Гама хватит удар!

В тот же самый момент Артур, собиравшийся влезть на своего коня, тоже думал о возможном ударе.

У него не было ни одного припадка уже больше года. Простые препараты на основе брома и успокоительные средства тети Грейс стали чудесной панацеей от его неизлечимой болезни. И все же угроза припадка дни и ночи отравляла существование Артура Тривертона, как меч, висящий над его головой. Он никогда не знал, когда начнется припадок, что является причиной его возникновения, где он будет в этот момент, когда упадет, у кого на глазах опозорит себя. Именно поэтому Артур никогда не посещал школу, не мог отправиться в путешествие в одиночку, ему не разрешалось пользоваться оружием, его никогда не призовут на службу в войска.

Артур не имел ничего против частных учителей, но ему недоставало мальчишеской дружбы, участия в спортивных командах. Он не возражал даже против сиделок, которые присматривали за ним во время сафари, но болезненно переживал отказ отца дать ему оружие. А когда стало ясно, что в армию он не попадет, возникли большие сомнения в умственных способностях Артура. Какой же он сын графа, думал мальчик, если у него нет ни школьной формы, ни охотничьих или спортивных трофеев, нет рогов буйвола или бивней слона, которого он застрелил бы сам, и ни малейшего шанса получить медаль за военную службу? Когда-нибудь Артуру предстояло стать графом Тривертоном, и он знал, что будет чувствовать себя неловко.

Как и теперь в его взятом напрокат костюме. У него никогда не будет своего собственного охотничьего костюма, он не увидит боевых действий, хотя все кругом только и говорят, что вскоре в Европе вновь разразится война. И ему никогда не представится случай показать миру, какой мужчина скрывается в мальчике, страдающем эпилепсией.

Из-за всего этого Артур ненавидел свою физическую немощь и был несчастен. До тех пор, пока не встретил Тима Хопкинса.

Это произошло во время прошлогодней недели Больших скачек. Артур приехал в Найроби с отцом и Джеффри Дональдом, лошади которого были выставлены во всех забегах. Он встретился с Тимом под навесом для отдыха. Знакомство между четырнадцатилетним и шестнадцатилетним подростками началось как-то неопределенно, оба с опаской изучали друг друга, сильно смущались, так как не привыкли к обычному обмену любезностями и болтовне с незнакомцами. Но

затем, после чая и булочек, они постепенно открыли для себя, что у них очень много общего.

После подозрений в том, что Тим убил своих родителей, как об этом болтали пьяные сородичи Вакамбы, его забрали из школы. Он должен был работать рядом со своей упрямой сестрой Эллис, чтобы попытаться спасти ферму. В последующие пять лет Тим получил поверхностное образование от временных учителей, ему был закрыт доступ в клубы и команды, он никогда не ездил на сафари ради трофеев, а теперь еще из-за слабости легких, которая была вызвана годами непосильной работы в детстве, был освобожден от воинской повинности.

Артур и Тим сразу же распознали что-то знакомое и близкое друг в друге и моментально подружились. Но в течение всего прошлого года возникали препятствия, не позволявшие развиваться их отношениям. Сестра Тима Эллис яростно защищала своего брата и ревновала к каждому, кто мог завоевать его любовь и внимание. А отец Артура, Валентин, думал, что Тим Хопкинс слишком груб и низкороден для его сына. Поэтому мальчики ловили моменты для встреч, где только можно: во время празднования дней рождения короля, на каждой неделе скачек в Найроби, в канун Нового года в Норфолке, в прошлом месяце, когда все в Кении отправились к озеру Наиваша, чтобы присутствовать при посадке первого «летающего корабля» имперских авиалиний из Англии.

Они даже переписывались. И именно из-за одного письма отец поколотил Артура палкой и запретил ему когда-либо иметь дело с Тимом Хопкинсом.

Артур думал обо всем этом теперь, взбираясь на своего высокого коня, и ждал удара колокола на церкви, чтобы совершить свой исторический путь по правительственной дороге.

«А если со мной случится припадок? Если я упаду прямо перед Тимом? Будет ли он шокирован? Или испытает отвращение? Я должен был сказать ему…»

Артур любил Тима всей душой. Именно за это он и получил взбучку: отец Артура нашел письмо к Тиму, где неоднократно поминалось слово «любовь». Это вывело его из себя, и он устроил настоящее побоище, которое Артур снес, даже не подняв руки, потому что не понимал, из-за чего его отец так злится, обвиняя сына в каком-

то извращении и используя слова, которых Артур никогда прежде не слышал. Он снес побои без возражений, а расплакался ночью. Он пытался понять, что случилось, и разобраться в этом теперь. Но все, к чему он пришел, была их взаимная любовь с Тимом — восторг, общие узы, сила, которую они черпали друг в друге, и утешение, которое они получили в этом жестоком и непонятном мире. Это единственное, что делало жизнь Артура Тривертона счастливой.

В последние секунды, перед тем как начать скачку в сторону красной ленточки, Артур решил, что ничто в жизни не имеет для него большего значения — за исключением дружбы с Тимом, — чем одобрение отца. Он хотел воспользоваться предоставленным шансом, чтобы показать графу, что он тоже мужчина, а не какой-то «голубой», как обзывал его отец. Артур страстно желал получить возможность совершить нечто более героическое, чем перерезание ленточки.

Услышав какие-то разговоры на платформах, Артур обернулся и заметил, что люди спускаются на землю. Он взглянул на часы и понял, что часы на церкви отстают. Он размышлял в ожидании удара церковного колокола и не заметил, что назначенное время прошло, а звон так и не раздался.

— Что происходит? — спросил он Джеффри Дональда.

— Не знаю. Похоже, что-то случилось. Я пойду, разузнаю.

Артур заметил, что его сестра взбирается на верхушку минарета на своей платформе, розовый шелк развевается на ней, как знамя, она прикрывает глаза ладонью и всматривается куда-то поверх толпы.

— Что там? — спросил он ее.

— Я не могу разобрать. Похоже, что-то происходит на дороге внизу. Полиция…

Злобные выкрики в отдалении заставили замолчать собравшуюся для праздника публику. Люди стали переглядываться, мужчины спрыгнули вниз со своих платформ и выбрались из кабин грузовиков. Затем вдруг прибежал какой-то человек, все узнали в нем церковного старосту, который отвечал за то, чтобы вовремя подать сигнал к началу, ударив в колокол.

— Я видел их! — кричал он. — С колокольни! Черные идут на Найроби! Тысячи, их тысячи!

Началась паника. Артур с трудом удерживал своего коня на месте, когда люди стали убегать от отеля.

— Мона, — позвал он. — Ты видишь что-нибудь?

— Пока нет. Это трудно разглядеть, — она отняла руку ото лба. — Боже мой!

— Что там?

— Они идут вниз по Королевской дороге! Похоже, они направляются к полицейскому участку.

— А зачем?

— Не могу сказать. Но они несут плакаты. Артур, помоги мне спуститься отсюда.

Он подскакал к платформе с декорацией Малинди, которая теперь совершенно опустела: на ней оставалась только одна юная жена из гарема, вуаль которой съехала на сторону, когда она поспешно спускалась вниз со шпиля султанского дворца. Когда она устроилась на крупе лошади позади своего брата, они поскакали по улице перед отелем «Норфолк», где заметили строй полицейских с выставленными вперед ружьями.

Артур и Мона остались позади толпы и с высоты наблюдали, как медленно идущая и спокойная огромная толпа людей поднимается вверх по улице. Когда африканцы приблизились, европейцы поняли, что церковный староста был прав, — их были тысячи.

Мона покрепче обняла брата за талию.

Несмотря на огромное число, кикую были спокойны и соблюдали порядок, твердо шагая в сторону полицейского участка. Некоторые несли в руках плакаты, на которых было написано: «СВОБОДУ ДЭВИДУ МАТЕНГЕ» и «УНИВЕРСИТЕТ ДЛЯ АФРИКАНЦЕВ». Мона была потрясена их организованностью и молчаливым взаимопониманием, она не думала, что африканцы способны на такое. Затем она заметила причину этого: во главе колонны шагала девушка, в которой Мона узнала одну из учениц в школе тети Грейс.

Огромные массы африканцев, в полном молчании следовавшие за Ваньиру, выглядели очень грозно. Объединенные единым делом, чего белые никогда прежде не видели, они представляли собой жуткое зрелище, от которого у полицейских, выстроившихся в линию, стыла кровь в жилах. И, хотя в толпе попадались женщины и дети, ни у одного из них не было оружия и никто не делал угрожающих жестов, они до смерти испугали европейцев, стоявших перед ними в конце улицы.

Мона смотрела как завороженная. Как им это удалось? Какая магическая связь передала новость, достигла самых отдаленных провинций и собрала их вместе ради единой цели? Она пристально всмотрелась в девушку впереди колонны. Та шла гордо, ее лицо выражало храбрость и мятежный дух. Она подняла руку, призвав толпу остановиться, и произнесла лишь три слова:

— Освободите Дэвида Матенге! — В ее голосе прозвучали стальные нотки, чего европейцы прежде никогда не слышали от африканцев.

Повисло молчание. Полицейские стояли, держа оружие наготове. Европейцы наблюдали, африканцы ждали.

Затем издали послышался звук мотора автомобиля, который быстро приближался по улице. Он остановился перед европейцами. Артур отвел коня немного в сторону; люди расступились, чтобы пропустить губернатора и Валентина Тривертона. Мона посмотрела на своего отца, когда тот проходил мимо них. Ее поразило, как он безрассудно, бесстрашно и храбро стремился в самый центр противостояния!

Губернатор поднялся по ступенькам полицейского участка и нахмурился, оглядывая море африканцев, как отец, который сердится на своих детей.

— Так-так, — произнес он. — В чем же дело?

Ваньиру вышла вперед:

— Отдайте нам Дэвида Матенге! — выкрикнула она.

Губернатор был потрясен. Эту толпу вела девушка.

— А теперь послушайте меня. Вы знаете, что не можете требовать этого. Идите по домам, вы все!

— Освободите Дэвида Матенге! — повторила Ваньиру. Валентин подошел к губернатору и оглядел толпу:

— Вы думаете, что так делаются дела?

Ваньиру подошла к подножию лестницы, положила руки на бедра и сказала:

— Мы говорим с вами единственным языком, который вы понимаете! Сила — это единственное, что вы можете понять! — Она говорила убежденно, с твердым и мелодичным британским акцентом образованных африканцев. — Вот как кикую голосуют. Мы не опускаем клочки бумаги в опечатанные ящики, как это делаете вы,

боясь высказать свое мнение вслух. Мы делаем это открыто. Мы голосуем не прячась. И мы голосуем за то, чтобы Дэвид Матенге был освобожден.

— Он был арестован на законных основаниях, — сказал губернатор.

— Нет, это не так! — Ваньиру вытащила лист бумаги из кармана и помахала им перед лицами двух белых мужчин. — Вот чем занимался Дэвид Матенге, когда Мачина арестовал его. Это петиция об открытии университета для африканцев в Кении! Дэвид Матенге действовал мирно и в соответствии с законом, когда Мачина увел его в наручниках! У вас нет права держать его!

Мона почувствовала, как у нее участился пульс от слов Ваньиру, от ее голоса. Она поняла, что девушка влюблена в Дэвида.

Осматривая лица черных, которые заполняли улицу из конца в конец и тянулись вдаль, насколько хватал глаз, Мона чувствовала себя в опасности, и это возбуждало ее. Девушка понимала, что присутствует при каком-то исключительно важном событии.

— Дайте нам университет! — выкрикнул кто-то в толпе кикую.

Головы согласно закивали, тихий, нарастающий рокот пронесся по замершей в нервном ожидании толпе.

— Великий Боже! — тихо сказал Артур сестре. — Сомневаюсь, что эта девушка сможет их сдерживать и дальше. Немного надо, чтобы зажечь эту толпу; как только они выйдут из-под контроля, прольются реки крови.

Губернатор подал сигнал офицеру, стоявшему на крыльце, и что-то шепнул ему. Тот поспешил прочь.

— Повторяю в последний раз, — обратился губернатор к толпе, — пришлите ко мне делегацию. Выберите троих или четверых мужчин, и я выслушаю ваши жалобы. Я не собираюсь стоять здесь вечно!

— Но вы угрожаете нам! — крикнула Ваньиру. — Вы грозите нам вашей полицией, вашими законами и вашими налогами! У вас нет права запрещать наши родовые обряды. У вас нет права запрещать нам поклоняться священному фиговому дереву или проводить обрезание девушек! Вы угрожаете уничтожить наш образ жизни! Вы угрожаете уничтожить нас как отдельную расу! Если вы не дадите нам то, чего мы требуем, мы объявим всеобщую стачку. Каждый африканец в

Кении будет сидеть сложа руки. Вы, — она указала пальцем прямо на Валентина, — проснетесь завтра утром и прикажете: «Бой, подай мне мой чай!» — но чая не будет!

Губернатор опустил руки.

— Белые люди придут в свои офисы, — голос Ваньиру звенел, — но там не будет клерков, которые исполняют свою работу для них. Мемсааб станет звать своих служанок, но в доме не будет ни одной африканки.

— Даю вам одну минуту, чтобы вы освободили улицу!

— Мона, — очень тихо позвал Артур, — посмотри вверх.

Она взглянула и увидела, как солдаты занимают места на крыше полицейского участка и за стенами строения. Тихо подъехал грузовик, на котором был установлен пулемет.

— Боже мой! — прошептала она.

— Нам лучше убраться отсюда.

— Взгляни, Артур! Что-то происходит сзади.

Он обернулся и заметил то, чего не увидел никто из европейцев и полицейских: какие-то подозрительные фигуры двигались за зданием тюрьмы.

— И что это значит, как ты полагаешь? — спросила Мона.

— Я думаю, что они собираются освободить Дэвида Матенге из тюрьмы.

Затем Артур увидел еще кое-что: Тим Хопкинс в костюме Стенли с ружьем в руках медленно пробирался в сторону входа в тюрьму.

Теперь Мона действительно пришла в ужас.

— Не предупредить ли нам полицию?

— Нет. Это может привести к кровавой бойне. У Тима хорошая идея.

Артур потянул повод и стал отводить коня обратно к отелю «Норфолк», где высадил свою сестру на веранду.

— Что ты собираешься сделать? — прошептала она.

— Ступай внутрь, Мона. Если начнется стрельба, не выходи. Слышишь меня?

— Артур, останься здесь, пожалуйста! Не лезь в это!

— Я собираюсь помочь Тиму. Мы можем остановить их и избежать столкновения.

Она посмотрела на него долгим взглядом:

— Артур, пожалуйста, не уезжай!

Он развернулся и поехал прочь.

Она видела, как он перевел коня в легкую рысцу, стараясь не привлекать к себе внимания. Внезапно брат показался ей слишком юным и слишком взрослым одновременно. Его лицо было гладким и свежим, еще совершенно не мужским, но взгляд его глаз и тон голоса подсказали ей, что в эту самую минуту ее брат возмужал.

Она следила за тем, как он объезжает толпу европейцев, незаметно направляясь к воротам тюрьмы. Одновременно она вслушивалась в горячий диалог между Ваньиру и губернатором. Мона внезапно поняла все. Именно это и было целью девушки: отвлечь внимание на себя, в то время как ее люди освободят Дэвида.

Напуганная и беспокоящаяся о своем брате, Мона плотно обернула вокруг себя розовую накидку, осмотрелась вокруг, чтобы убедиться, что никто ее не видит, и направилась вслед за братом к воротам тюрьмы.

В то время как семнадцатилетняя Ваньиру продолжала изумлять собственный народ и европейцев красноречием, Дэвид Матенге совершал первые шаги к свободе.

Поскольку большинство полицейских были направлены на улицы, друзьям Дэвида было легко снять нескольких часовых, добраться до камеры и освободить его. Но тут они столкнулись с еще одной трудностью: Дэвид не мог идти.

Его пытали. Не здесь, в тюрьме белого человека, а далеко на севере, в Каратине, в хижине на земле вождя Мачины. Раны на его ногах, которые тюремный врач перевязал, не задавая вопросов, не давали ему ходить. Двое друзей взяли его за руки и побежали, волоча его за собой, прямо к воротам, где четверо полицейских, африканцев на службе короля Георга, лежали без сознания. Несколько молодых кикую, вооруженных ножами и дубинками, нервно переминались с ноги на ногу по другую сторону ворот, следя за переулком, в конце которого виднелась толпа африканцев, стоявших вокруг Ваньиру.

Воздух, казалось, искрился от напряжения. Слова Ваньиру разжигали в людях кровь. Молодежь следила за корпусом, где находились камеры, ожидая Дэвида и его друзей. Время от времени

они посматривали на солдат на крыше, нацеливших свои ружья на толпу на улице.

Они слышали, как губернатор снова приказал разойтись, угрожая при этом стрельбой по африканцам, если они не подчинятся.

Маленькая группа людей в воротах тюрьмы беспокойно топталась на месте. Они должны были быстро и незаметно вытащить Дэвида Матенге из тюрьмы и доставить его в заранее подготовленное убежище в горах. Но горячие молодые люди все больше поддавались древнему зову боевого духа. Это были молодые африканцы, которые никогда не знали боевых сражений, родились слишком поздно, чтобы пережить гордость и волнение настоящих воинов. А теперь вдруг неожиданно для себя ощутили ненависть к этим белым людям, которые отняли у них наследие их отцов.

Вот почему, заметив, как один молодой европеец осторожно пробирается по переулку с ружьем в руках, они утратили контроль над собой.

Несколько событий произошло одновременно. Группа молодых людей напала на Тима Хопкинса с дубинками и ножами в тот момент, когда Дэвид Матенге был уже у самых ворот. И тут же в конце переулка появился с саблей наголо Артур Тривертон, чтобы разрезать ленточку.

Возникло некоторое замешательство. Позже никто из участников не мог объяснить властям, как Артур, заметив, что Тим упал под ударами, набросился как сумасшедший на кучку африканцев.

Дэвид Матенге выкрикнул:

— Стойте! — и заметил, как упал второй белый мальчишка.

Вырвавшись из рук тех двоих, что поддерживали его, Дэвид попытался шагнуть в сторону дерущихся и остановить их. Друзья подхватили его, он увидел, как поднялся и опустился кинжал, попытался перехватить его, но не сумел, упав на колени рядом с телом Артура. Потрясенный Дэвид увидел, что кинжал вонзился в спину мальчика. Он протянул к нему руку и вытащил его.

Крик в конце переулка заставил всех обернуться.

Белая девушка, одетая как арабская мемсааб, стояла в конце переулка с круглыми от ужаса глазами, зажав руками рот.

Все бросились врассыпную. Два человека перебрались через стену, остальные проскочили мимо Моны и растворились в толпе. Она

с ужасом смотрела на двух белых мальчишек, лежащих на земле, и на Дэвида Матенге, который стоял на коленях рядом с ее братом, держа в руках окровавленный кинжал.

Их взгляды скрестились.

Дэвид Матенге и Мона Тривертон, застыв в молчании, смотрели друг на друга. Затем, внезапно придя в себя, два компаньона Дэвида подбежали и подняли его на ноги.

В глазах Моны застыла боль. Он открыл рот, но не мог говорить. Друзья потащили его в сторону. Мона осталась возле тела брата.

31

Грейс опустила скальпель и протянула руку за очередным инструментом. Она взглянула на операционную сестру.

— Ребекка! Зажим!

Женщина осмотрела столик с инструментами и удивленно воззрилась на Грейс. Затем с многочисленными извинениями передала ей тампон и вложила зажим в протянутую руку, быстро отведя глаза в сторону.

Грейс нахмурилась. Это было не похоже на Ребекку, которая никогда не была рассеянной во время операции. Она была одной из лучших операционных сестер в больнице, бдительной и преданной. Ребекка гордилась тем, что была единственной африканкой в провинции, имевшей навыки операционной сестры. Но в это утро, когда они работали при свете октябрьского солнца, Ребекка казалась совершенно невнимательной.

— Еще один тампон, пожалуйста. Я не должна просить их.

— Извините, мемсааб доктори.

— Что-то не так, Ребекка? Хочешь, я отпущу тебя?

— Нет, мемсааб доктори.

Грейс попыталась прочесть что-нибудь в глазах сестры. Большую часть ее лица закрывала белая хирургическая маска, но глаза избегали встречаться с взглядом Грейс.

Еще одной причиной, по которой Грейс выбрала среди кикую именно Ребекку для обучения на операционную медсестру, был ее ровный характер и способность сохранять спокойствие в самых сложных ситуациях. Но в это утро женщина казалась слишком возбужденной, и это всерьез озаботило Грейс.

— Шелковую нить, Ребекка, — сказала она, протягивая руку за тем, о чем не надо было прежде напоминать. Это была самая обычная операция по удалению матки. Грейс и Ребекка настолько слаженно работали вместе на множестве подобных операций, что часто по ходу дела Грейс не произносила ни слова: все и так делалось вовремя и точно.

Но теперь со все возрастающим изумлением и озабоченностью Грейс вдруг услышала, как Ребекка признается в том, что забыла

подготовить нитки на подносе с инструментами.

— Должно быть, ты отложила их в сторону, — сказала Грейс, одновременно подавая знак другой сестре-негритянке. Она была простой сестрой, которая не стоит у стола со стерильным инструментом.

— Быстро принеси немного шелковых нитей, — велела ей Грейс. — А потом поспрашивай, не сможет ли кто-нибудь подменить Ребекку.

— Ребекка, — сказала Грейс, снимая белый хирургический халат и перчатки, — я хочу поговорить с тобой.

Медсестра убирала операционную, ее движения были резкими, а работа небрежной. Замены ей так и не нашлось; Ребекка должна была остаться на всю операцию, во время которой сделала слишком много ошибок.

— Ребекка! — снова окликнула ее Грейс.

— Да, мемсааб доктори, — ответила та, не обернувшись.

— У тебя что-то случилось дома? Проблемы с детьми?

У Ребекки было четверо мальчиков и три девочки, самому старшему было четырнадцать лет, а младшему один год. Муж бросил ее, когда она была беременна, и уехал в Найроби. Все годы работы в миссии Грейс, во время обучения у Грейс и при операциях Ребекке удавалось вести себя так, чтобы ее личная жизнь не мешала работе. Но сейчас Грейс подозревала, что ответственность, которую она взвалила себе на плечи, оказавшись в положении матери-одиночки, сломила ее.

Наконец Ребекка повернулась лицом к Грейс и произнесла:

— Нет, мемсааб доктори. Дома нет никаких трудностей.

Грейс задумалась. Она припомнила, что это утро было не единственным, когда Ребекка вела себя так странно. Неожиданно она поняла, что Ребекка сильно изменилась примерно в те дни, когда произошла грандиозная демонстрация протеста в Найроби, — два месяца назад. Теперь, вспомнив об этом, Грейс пришла к выводу, что именно тогда Ребекка стала вести себя так, после того страшного дня, когда произошло убийство Артура Тривертона и чудесное вызволение из тюрьмы Дэвида Матенге. Может быть, именно это тяготит Ребекку? Возможно, ее совесть мучает безрассудный поступок нескольких представителей ее народа?

Ребекка Мбугу была преданной христианкой. Она каждое воскресенье посещала церковь в Найэри, занималась разнообразной благотворительной деятельностью. Все ее дети были крещенными и посещали школу в миссии. Многие кикую так же, как Ребекка, были потрясены, испытывали чувство стыда за жестокую расправу с Артуром Тривертоном и трусливый побег Дэвида Матенге. После того дня Ваньиру утратила часть своего влияния, а африканцы спокойно вернулись на свои фермы.

Этот день, по-видимому, оказал на Ребекку сильное воздействие. Вполне возможно, что она была одной из участниц этой демонстрации на Королевской дороге.

Грейс подошла к ней, положила руку на плечо и сказала:

— Если тебе нужно поговорить со мной, Ребекка, или нужна помощь, знай, что моя дверь всегда открыта для тебя.

Когда Грейс выходила из операционной, она не заметила, как обменялись взглядами две медсестры-африканки.

Миссия Грейс Тривертон занимала почти двадцать акров земли, теперь в ней были каменные здания начальной и средней школы, больница, бесплатная амбулатория, спальня для медсестер и навес для транспорта. В центре этого скопления домов, которое напоминало небольшой городок, стоял элегантный дом Грейс. Его построили на том месте, где когда-то стоял «Дом певчих птиц».

Грейс, проходя через заросшую лужайку, которая разделяла дома, махала рукой людям, здоровавшимся с ней, и слышала, как дети в классе поют:

— У старого Макдональда была шамба…

Затем она вспомнила, что поступило сообщение о вакцине желтой лихорадки, которую только что изобрели в США, и начала обдумывать свой эксперимент с использованием хлорала при лечении столбняка, а также необходимость нанять технический персонал для лаборатории. Грейс решила съездить во Французскую Экваториальную Африку на Рождество. Джеймс Дональд по пути в Габон в прошлом году встретился с доктором Альбертом Швейцером и передал ему копию книги Грейс «Когда ты должен быть врачом». Швейцер написал письмо, в котором высоко оценил работу Грейс и пригласил ее приехать и посетить его в клинике в Ламбарене. И именно потому, что она была так занята своими мыслями, Грейс не заметила ничего

дурного в это октябрьское утро. Кроме одного: на территории миссии было неестественно тихо.

Она поднялась по ступенькам на веранду, где доставленные из Калифорнии фуксии только выпускали первые листочки, и с удивлением оглянулась по сторонам. У нее была привычка пить чай по утрам на веранде и просматривать почту. Марио никогда не забывал приготовить стол, накрыть его и поставить чашку. Но стол был пуст, на нем не было даже белой скатерти и ежедневной почты.

— Марио! — позвала она.

Ответа не последовало.

Она вошла в тишину своей просторной гостиной комнаты.

— Марио!

В доме было тихо.

Грейс пошла на кухню и заметила, что чайник не стоит на плите. Она налила воды и поставила чайник на огонь, затем вернулась назад в гостиную, где на большом богато инкрустированном столе заметила свою почту.

Раздумывая о том, куда же делся Марио, который был надежен, как солнечный рассвет, Грейс начала просматривать письма.

За прошедшие восемь лет Джеймс Дональд так и не приобрел привычки писать Грейс хотя бы раз в месяц, но его последнее письмо сильно запаздывало. И в сегодняшней почте от него ничего не было.

Однако Грейс была приятно удивлена, когда обнаружила чек на авторский гонорар от своего издателя в Лондоне и приложенное письмо. В нем говорилось о том, что, учитывая успехи медицины и науки за последние годы, Грейс стоит подумать о новом переработанном издании книги.

Утренняя почта принесла еще одно приятное сообщение: сообщение из банка уведомляло о том, что на ее счет, который в течение нескольких лет не пополнялся, поступил ежегодный анонимный взнос, и теперь общая сумма увеличилась вдвое. Ферма Дональда под руководством такого специалиста, как Джеффри, приносит хороший доход.

Отложив все остальное на стол рядом со своим журналом, Грейс еще раз позвала Марио. Но его не было в доме.

Она вернулась на кухню, чтобы заварить себе чай и заметила на столе газету, последний выпуск «Восточноафриканского Стандарта»,

который доставили только сегодня утром и который она еще не читала. Увидев заголовок на первой странице, она поставила чашку и схватила газету.

— Боже мой! — пробормотала она. Затем, вспомнив о Моне, свернула газету и поспешила прочь.

Она вошла в большой дом через заднюю дверь и удивилась, заметив, что кухня совершенно пуста, а плита холодная. В парадной гостиной старые дедушкины часы старательно тикали в давящей тишине. Гостиная была оформлена в темных мрачных тонах, головы импал и буйволов смотрели вниз на стулья и диваны, на которых уже многие недели никто не сидел. Отполированные крышки мебели и поблескивающее серебро были единственным указанием на присутствие в доме человека с тряпкой, который все же изредка протирал их.

Грейс остановилась и вслушалась в тишину. Она знала, что Валентин, горюющий из-за смерти сына, уехал на озеро Танганьика охотиться на львов. Роуз переживала тяжелую утрату по-своему: удалилась в «монастырь» — свою эвкалиптовую рощу. Но где же Мона?

Она услышала какой-то звук. Обернувшись, Грейс заметила в гостиной человека: Джеффри Дональд поднялся с кожаного дивана и сказал:

— Привет, тетя Грейс. Надеюсь, я не напугал тебя.

— Где слуги?

Он пожал плечами:

— Понятия не имею. Никто не подошел к двери, когда я стучал. Я сам вошел.

— Где Мона?

— Наверху. Я видел ее в окно. Она не хочет спускаться вниз и разговаривать со мной.

— Ты это видел? — Грейс передала ему газету.

Брови Джеффри поднялись от удивления:

— Вот это да! Отличная новость, не так ли?

— Надеюсь, что и Мона так решит. Возможно, это немного успокоит ее. Я поднимусь, повидаюсь с ней, Джеф. Поставь чайник на огонь, я приведу ее вниз.

«Когда мертвые забыты, они умирают дважды».

Где она читала это? Мона никак не могла вспомнить. Это было не очень важно, но было правдой. И вот почему она никогда не сможет забыть о своем брате.

Мона сидела у окна в кресле в комнате Артура, осматривая бесконечные ряды кофейных кустов, тянущиеся в сторону горы Кения. В руках она держала стихотворение, написанное Тимом Хопкинсом, которое он передал ей утром в тот день, когда должен был состояться парад. Ей так и не представился случай передать его брату. Она читала его столько раз, что выучила наизусть.

— Мона! — окликнула ее Грейс, стоя в дверях. Войдя в комнату, она вздрогнула от холода и удивилась, что племянница не замечает его. Подойдя ближе, Грейс с тревогой стала рассматривать девушку. Мона унаследовала красивые черты лица своего отца и его смуглую кожу, но за прошедшие несколько недель ее кожа стала совсем бледной. Обычный для всех британских колонистов в Кении загар сошел и превратился в нездоровую бледность, которая контрастировала с ее черными глазами и волосами. Она сильно похудела, платье висело на ней.

— Мона! — повторила Грейс, устраиваясь напротив нее в большом кресле у окна. — Джеффри внизу. Почему ты не хочешь его видеть?

Но девушка не ответила.

Грейс вздохнула. Она знала, Мона считала себя виновной в смерти брата. Она считала, что, если бы не настояла на том, чтобы именно его выбрали перерезать ленточку, он мог бы сидеть в полной безопасности на одной из трибун в тот момент, когда произошло несчастье. Она обвиняла и Джеффри Дональда, который не сделал ничего в тот момент, когда был убит ее брат. Валентин тоже был виновен в том, что не обошелся с африканцами как-то иначе, и еще в том, что позволил Дэвиду Матенге сбежать. Даже леди Роуз в глазах Моны была большей преступницей, потому что никогда не была для Артура хорошей матерью.

И наконец, Мона обвиняла Дэвида Матенге в смерти своего брата.

Грейс показала ей газету.

— В конце концов он не виновен, — сказала она, пока девушка читала. — Это другой парень — Мэтью Муноро. Он сам пришел в

полицию и признался в том, что нанес удар ножом Артуру. Это был не Дэвид, как выяснилось.

Мона довольно долгое время читала статью. Грейс вдруг поняла, что она вовсе не читает, а просто смотрит на страницу.

— Очевидно, — принялась объяснять Грейс, — на него было оказано сильное давление со стороны народа, чтобы найти подлинного убийцу, который должен был заявить о себе и восстановить честь Дэвида. Они хотели, чтобы сын Вачеры выбрался из убежища, где скрывается, но он не мог этого сделать до тех пор, пока находился в розыске по обвинению в убийстве. Они говорят, что вождь Мачина попал под силу таху и теперь смертельно болен. Могу представить себе: этот парень Мэтью решил, что для него будет лучше предстать перед судом белого человека, чем рисковать получить проклятие от Вачеры.

Мона смотрела в сторону, ее взгляд был прикован к морю зеленых кофейных кустов, простирающемуся до самого подножия горы.

— Дэвид Матенге все равно виновен, — спокойно произнесла она.

— Но ты же сама сказала полиции, что не была свидетельницей удара ножом. А еще одним свидетелем был Тим, который потерял сознание и утверждает, что не видел ничего. Мона, этот парень признался.

— Дэвид Матенге, — тихо продолжила Мона, — виновен в смерти моего брата потому, что это был его побег из тюрьмы, из-за которого погиб Артур. Возможно, не он нанес смертельный удар ножом в спину моего брата, но смерть Артура на его совести. И однажды Дэвид Матенге заплатит за это.

Грейс откинулась назад. Это чудовищное несчастье разделило семью Тривертонов. Мона, погруженная в пучину горя, отчаяния и самобичевания, сидела здесь. Валентин сбежал и пытается излить свой гнев и беспомощность на беззащитных животных долины Серенгети. Роуз стала еще более незаметной и скрылась под сень своих драгоценных деревьев, а ее единственным компаньоном в отшельничестве по иронии судьбы стала Нджери — сводная сестра Дэвида.

— Мона, пожалуйста, спустись вниз и поговори с Джеффри.

— Я не желаю его видеть.

— И что же ты собираешься делать? Больше никогда ни с кем не встречаться до конца своей жизни? Это горе пройдет. Обещаю тебе. Тебе всего восемнадцать. Все твое будущее впереди — замужество, дети.

— Я не хочу выходить замуж или иметь детей.

— Ты не можешь так говорить сейчас, Мона, дорогая. Впереди еще так много времени. Все меняется. Если ты не выйдешь замуж, как ты собираешься жить?

— Ты никогда не была замужем.

Грейс замерла, глядя на племянницу.

— Ты любила когда-нибудь, тетя Грейс?

— Да, однажды… очень давно.

— Почему же ты не вышла за него замуж?

— Мы… не могли. Мы не были свободны.

— Я объясню, почему спрашиваю об этом, тетя Грейс. Я знаю, что не способна любить. Я много думала и поняла, что мы с Артуром были не такими, как все остальные люди. Теперь я ясно понимаю, что я такая же, как моя мать, родилась неспособной испытывать любовь. Она никогда не любила никого из нас. Когда я пытаюсь представить себе свою мать, я не вижу ее, тетя Грейс. — Мона расплакалась. — Она просто тень. Она не настоящая женщина. Так же, как и она, я никогда не смогу никого полюбить, а теперь, когда Артур умер, я буду одинока в этой жизни.

Мона расплакалась, и в голове Грейс возникли воспоминания: страшная февральская ночь восемнадцать лет назад, когда она помогла родиться почти задохнувшемуся ребенку прямо в вагоне поезда; первая улыбка и первые шаги Моны; похожая на обезьянку нескладная девочка, которая выскочила из «кадиллака» с криком: «Тетя Грейс! Мы вернулись домой! Я больше никогда не должна буду ездить в Англию!»

Внезапно перед Грейс пронеслась вся ее сорокасемилетняя жизнь.

— Мона, послушай меня, — сказала она, взяв ее руки в свои. — Кинжал, который опустился в тот день, все еще продолжает рвать сердце на части. Он вырвал из тебя жизнь и любовь. Не дай ему убить себя, Мона. Выйди из этой комнаты. Закрой ее и попрощайся с призраком, который живет в ней. Ты пока в мире живых. Артур не хотел бы, чтобы это было иначе. И совершенно точно в твоей жизни будет тот, кого ты сможешь полюбить, обещаю тебе.

Мона утерла слезы тыльной стороной руки. Взгляд ее аспидно-черных глаз стал суровым, голос звучал безнадежно.

— Я знаю, что мне предстоит, тетя Грейс. Теперь, когда мой брат умер, я окажусь наследницей Белладу Однажды все это станет моим, и эти плантации станут моей жизнью. Я научусь ухаживать за ними, выращивать кофе, быть независимой. Хозяином для меня станет Белладу И это станет той единственной вещью, которую я буду любить всегда.

В глазах Моны светился огонь, который неожиданно напомнил Грейс эпизод из прошлого. Она с Валентином стоит на том самом месте, на бесплодном холме, где будет построен дом, и слушает, как он рассказывает о планах преобразования этого дикого уголка природы. Грейс слышала в его голосе убежденность, видела странные огоньки в его темных глазах, когда он описывал ей свои мечты о будущем. Неожиданно для себя Грейс отметила, что вновь видит то же самое в глазах его дочери.

— Это будет очень одинокое существование, Мона, — грустно произнесла она. — Ты одна в этом большом доме…

— Я не буду одинока, тетя Грейс, потому что я буду очень занята.

— Ради единственной цели в жизни — кустов кофе?

— У меня есть кое-что, ради чего стоит жить.

— И что же это?

— Надежда увидеть, как Дэвид Матенге расплатится за свое преступление.

— Мона, — прошептала Грейс, — оставь это. Дай своему горю утихнуть. Месть еще никого не спасла!

— Однажды он вернется сюда. Он вылезет из своего укрытия, где бы ни был, и вернется сюда. А когда это случится, я позабочусь о том, чтобы Дэвид Матенге заплатил сполна за убийство моего брата.

Внизу хлопнула дверь. Раздались громкие шаги, и по комнатам разнесся голос Марио:

— Мемсааб доктори!

— Господи помилуй, — произнесла Грейс, вставая, — я здесь, Марио.

Он ворвался в комнату.

— Мемсааб! В лесу! Вы должны пойти.

— Что там?

— Посвящение, мемсааб! Очень большое! Очень секретное!

— Где? Посвящение для кого?

— В горах. Вон там. Для девочек, мемсааб.

Грейс моментально поняла странное поведение своих медсестер, отсутствие слуг в Белладу, вспомнила, что двор миссии выглядел слишком пустынным. Они собирались на большую тайную инициацию, первую за многие годы. Церемония обрезания девочек — удаление клитора — была запрещена, из-за этой операции умерла сестра Марио.

— Мемсааб, — сказал он, — девушка Нджери Матенге…

Грейс побежала вслед за ним в холл.

Мона осталась сидеть в кресле у окна, слушая, как постепенно затихает звук их шагов. Она выглянула из окна и заметила, что Грейс и ее слуга быстро пересекают лужайку и исчезают на дорожке, ведущей вниз, к миссии.

Не прошло и минуты, как появилась служебная машина, которая приближалась к дому с противоположной стороны. Когда Мона увидела, что из нее выходит местный офицер, она поднялась из кресла и спустилась вниз.

Джеффри встал, когда она вошла в гостиную.

— Что происходит? — спросил он.

— Только что подъехал полицейский. Должно быть, это связано с посвящением.

Но офицер приехал вовсе не по этой причине. Он привез телеграмму, которую передал Моне в руки.

— Это для доктора Тривертон, но никто в миссии, кажется, не знает, где она. Я прошу вас передать ей это.

Мона хмуро уставилась на желтый конверт. Она заметила, что телеграмма из Уганды, и быстро распечатала ее.

Она была от Ральфа, брата Джеффри, и в ней говорилось:

«Тетя Грейс. Серьезная вспышка малярии. Мама умерла. Папа умирает и просит вас приехать. Приезжайте немедленно. Привезите Джеффри».

— Господи! — вскрикнула она.

Джеффри взял телеграмму, но прежде, чем он успел прочесть, Мона выскочила на веранду и сбежала по ступенькам в сторону реки.

Когда она добралась до холма, откуда была хорошо видна вся миссия, поле для игры в поло и хижина Вачеры, то нигде не заметила своей тети.

32

Обряд назывался ируа и состоял из тех этапов: удаление клитора, подрезание половых губ и дезинфекция входа во влагалище.

Целью этого обряда было лишить девушку сексуального влечения, воспрепятствовать ее желанию поменять партнера и сделать мастурбацию невозможной. Считалось, что, когда та часть гениталий, которая отвечает за сексуальное влечение, будет вырезана, а вход во влагалище уменьшен настолько, чтобы в него проходил только мизинец, девушка будет надежно защищена от попыток испытать какие-то сексуальные ощущения до брака. Позже каждая девушка должна была пройти еще специальную проверку, чтобы будущий муж мог убедиться в ее невинности, только после этого делался надрез, который открывал доступ к матке.

Ируа был одним из древнейших и самых почитаемых ритуалов среди кикую, он отмечал официальное принятие девушки в клан и превращение ее в женщину. Те, кто прошел обряд ируа, считались уважаемыми лицами внутри клана, те же, кто не проходил его, были отверженными.

Вачера готовила свои инструменты и снадобья в течение нескольких дней.

Прошло много урожаев с тех пор, когда она в последний раз проводила священную ируа, поскольку ее народ боялся репрессий со стороны белых людей, которые запретили большинство важных ритуалов кикую. Поэтому она ощущала гордость за то, что делает это сегодня. Предки были довольны, они говорили ей это, так же как рассказали о тайном месте, где скрывается ее сын: в стране, где солнце ложится спать.

Однако они не сказали ей, когда он вернется домой.

Но Вачера была терпелива. Она верила в своего сына и в то, что настанет день, когда он возвратится на землю кикую и займет свое место вождя других людей. В этот день, Вачера была уверена, Дэвид предъявит права на свои земли, украденные белыми людьми, и изгонит их с земель кикую.

Разве ее таху не действует?

Ужасное проклятие, которое Вачера много урожаев назад произнесла в большом каменном доме бваны, наконец начало сбываться: оно унесло жизнь единственного сына бваны. Остальная часть таху подействует, когда наступит время, знахарка знала это точно. Проклятие уничтожит всю семью человека, который срубил священное фиговое дерево.

И все же плоды отмщения нисколько не притупляли той боли, которую Вачера дни и ночи носила у себя в груди — боли за собственного единственного сына, тоски по нему, беспокойства о его безопасности и счастье. Однако ее все же утешала мысль о том, что Дэвид проходит особое испытание на прочность, чтобы набраться мужества и стать настоящим воином, как это делали все в древние времена. Какие бы страдания он ни пережил, находясь в руках вождя Мачины и в тюрьме белого человека, какие бы трудности ни встретились теперь на его пути в землях на западе, Вачера знала, что ее сын вернется закаленным бойцом, подлинным Матенге.

Она прервала свои последние приготовления, чтобы послушать, как поют девочки: песня означала, что они уже идут от реки, готовые к проведению операции.

Никто не помогал знахарке в ее тайной работе. Ируа как тайный священный обряд требовал особого сосредоточения, чистоты помыслов и духа. Далеко не каждый умел обращаться с острым хирургическим ножом, и никто не должен был видеть самого процесса. Только женщины, сами прошедшие обрезание, выдержавшие его достойно и являвшиеся уважаемыми членами племени, могли наблюдать за этим. Мужчинам присутствовать было запрещено.

Вачера знала: то, что она собирается сделать сегодня, белые люди осуждают. Для них это было нарушением законов, но сколько бы ни старались миссионеры отвратить людей от древних ритуалов, им так и не удалось объявить их официально стоящими вне закона. И все же они пытались действовать другими путями, чтобы заставить Детей Мамби отвернуться от их родовых традиций: например, детей, участвовавших в древних ритуалах, исключали из школ. Миссионерские школы были лучшими, и поскольку большинство родителей хотели, чтобы их дети росли и получали привилегии и образование как у белых, кикую заключали сделки с миссионерами,

отказываясь от древних традиций, чтобы получить крохи со стола белых хозяев.

Так чувствовали себя все жители земель кикую до того дня, когда Дэвид Матенге был арестован.

Но с тех пор благодаря убедительным речам Ваньиру и других, похожих на нее, дети Мамби стали все больше задумываться о том, какую несправедливую сделку они заключили со своими белыми угнетателями. В день большого протеста в Найроби, когда Дэвид скрылся и солдаты начали стрелять по безоружной толпе, глаза кикую наконец раскрылись. Один за одним они стали приходить к Вачере и спрашивать ее, что им делать. И она отвечала:

— Вернитесь к традициям наших предков, духи которых очень опечалены.

Но и тогда многие кикую не согласились и отказались принять участие в сегодняшнем обряде ируа. Они верили миссионерам, которые называли этот обряд чудовищным и варварским, но подлинные Дети Мамби привели своих сестер и дочерей в лес для обрезания.

Вачера снова прислушалась к пению.

В то время как знахарка работала в полном одиночестве в хижине для обрезания, девочки со всей провинции от девяти до семнадцати лет купались в реке. Старшие женщины несли караул на отмелях реки, чтобы убедиться, что никто из их мужчин или мужчин другого племени не подглядывает за ними. Девушки дрожали в воде от холода, который на время лишал их чувствительности, поскольку при операции не использовалось никакой анестезии. Они распевали церемониальные песни и опускали в воду листья, как символ того, что детские духи покидают их. Они оставались в ледяной воде так долго, пока не перестали чувствовать нижнюю часть тела, затем направились по тропинке к специально построенному дому в лесу.

Вачера выкупалась в реке до рассвета и обрила себе голову. Теперь она раскрашивала свое тело священными значками — белым мелом и охрой. Она читала нараспев молитвы, произносила священные слова, которые превращали мел и охру в мощное лекарство против злых духов. Когда все это было сделано, она снова проверила подготовленные снадобья, отгоняющие злых духов и инфекции, смесь молока и трав, которая должна быть вылита на свежую рану. Сладко

пахнущие листья были сложены отдельно в стороне для последнего этапа операции, когда их вложат между ног каждой девочки перед тем, как отвести ее в хижину, где она будет ждать заживления раны. В последнюю очередь Вачера проверила свой стальной нож. Очень немногие из ее девочек чувствовали боль во время операции или умирали от заражения крови.

Пение девушек вдалеке заставило Вачеру подойти к двери недавно отстроенной специально для обряда хижины. Она увидела матерей, которые сосредоточенно сооружали церемониальную арку из банановых листьев, сахарного тростника и священных цветов у входа во временное жилье. Эта арка была средством общения с духами предков никто, кроме тех, кто проходит обряд посвящения, не имел права проходить под ней. Другие женщины раскладывали новые коровьи шкуры на земле, девочки должны были сидеть на них во время операции. А еще одна группа готовила угощение из барана, зажаренного на вертеле, и тростникового пива, которым должно было закончиться суровое испытание.

Ируа было одним из самых священных, но радостных событий для кикую. Сердце Вачеры готово было выпрыгнуть из груди от радости, что ее народ вновь объединяется и следует заветам предков. Бог ясности будет доволен! Этот возврат к традициям предков был знаком для белого человека, который вскоре покинет земли кикую! И значит, ее сын Дэвид вскоре вернется домой.

Вачера Матенге в первый раз за много лет почувствовала себя совершенно счастливой.

Грейс не пришлось спрашивать Марио, где находятся девочки. Она слышала их пение внизу у реки.

До того как они успели приблизиться, дорогу им преградили мужчины — отцы и братья девушек, проходящих обряд посвящения, как объяснил ей Марио; они передавали друг другу тыквы с тростниковым пивом. Мужчины были вежливы с мемсааб доктори, но не позволили ей пройти. Тут же появился офицер, помощник суперинтенданта Шеннон, он оставил свою машину на дороге и пробрался сквозь кусты с двумя африканскими аскари. Одновременно с Грейс появились два миссионера из методистской церкви в Найэри и очень взволнованная группа священников из католической миссии.

— Здравствуйте, доктор Тривертон, — произнес помощник суперинтенданта, подходя к ней. Он был высоким, поджарым человеком, следил за порядком в провинции и знал, как вести дела с «местными». — Боюсь, что дальше этого места они нас не пропустят, — сказал он, кивком указывая на основательно выпивших отцов и братьев. — Девочки в реке. Но они пройдут по этой тропе. Это будет ваш единственный шанс увидеть их.

— А где же состоится сама церемония?

— Здесь, выше по холму, за этими деревьями. Много недель назад они подготовили временное убежище.

— Я не ожидала увидеть вас здесь. Вы собираетесь остановить это?

— Я пришел не для того, чтобы вмешиваться, доктор. Я должен проследить, чтобы это событие не вылилось во что-то плохое. — Он обращался не столько к ней, сколько к миссионерам, которые сердито поглядывали на него и готовы были затеять спор.

— Поверьте, — спокойно сказал офицер, — я не потворствую тому, что делают местные жители, но у меня нет права прекратить совершение этого обряда. И я бы не стал пытаться сделать это, даже если бы у меня на то было право. Эти африканцы по численности во много раз превосходят скромные возможности моего отряда, к тому же они хорошо выпили. Их легко воспламенить любому бойкому агитатору. Этих людей становится все труднее контролировать.

— Я не слышала ни единого слова обо всем этом!

— Никто из нас не знал. Они держали все в секрете. Все это как-то связано с делом Дэвида Матенге.

— А у вас есть какие-то соображения о том, где он находится?

— Только слухи. Одни говорят, что он на Танганьике, другие — что в Судане. У губернатора не хватает людей для того, чтобы обыскать ради него всю Восточную Африку, а теперь, когда другой парень признался в убийстве вашего племянника, думаю, что всем глубоко наплевать на то, где находится Дэвид Матенге.

— Ми скузи. Синьор, — обратился к нему седовласый священник со страдальческим выражением лица, — вы должны прекратить эту омерзительную процедуру!

— Они не нарушают никаких законов, святой отец. И я советую не вмешиваться. Если вы попытаетесь сделать это, боюсь, мне

придется взять вас под стражу.

— Но это же просто возмутительно! Мы же не участвуем в безбожном ритуале! Ради спасения бедных девочек это нужно остановить!

— Отец Витторио, — терпеливо произнес Шеннон, — вы так же, как и я, хорошо знаете, что эти люди не послушаются меня. И если я попытаюсь остановить их, то произойдет кровавая стычка. Подождите до воскресенья, святой отец, а затем покарайте их со своей кафедры.

Пожилой священник посмотрел на полицейского, затем обернулся к Грейс.

— Синьора дотторесса, — сказал он, — но вы ведь наверняка хотите прекратить это?

Да, Грейс хотела прекратить это. Она испытывала такой сильный протест против обряда ируа, что шесть лет назад даже поехала в Женеву, где при содействии Фонда спасения детей проводилась конференция по поводу африканских детей. Грейс вместе с несколькими делегатами из Европы высказалась против варварских обычаев, заявила, что правительства тех стран, где совершаются эти ритуалы, должны объявить их уголовным преступлением. Удаление клитора производилось не только в Кении, но и по всей Африке и на Ближнем Востоке. Сотни племен — от бедуинов в Сирии до зулу в Южной Африке — заставляли маленьких девочек страдать от болезненного и травмирующего ритуала, который позднее создавал в их жизни ряд проблем, особенно при рождении ребенка. Грейс рассказала делегатам конференции о Гачику и родах Нджери с помощью кесарева сечения.

Однако участники конференции не смогли полностью согласиться с запретом священного и глубоко укоренившегося в их народах обряда и настаивали лишь на необходимости просветительной работы среди этих народов, которая поможет им отказаться от подобных практик по собственному желанию.

Насколько Грейс было известно, ритуал ируа в этой провинции не проводился уже несколько лет. Если правда то, что, как говорит офицер Шеннон, этот ритуал до некоторой степени связан с арестом Дэвида Матенге, тогда сегодняшнее событие имеет куда более серьезное значение, чем просто исполнение обычая племени.

Оно должно означать пощечину белому человеку.

— Вот они идут, — произнес один из методистов.

Во всем ритуале это был единственный момент, когда посторонние могли смотреть на проходящих обряд посвящения. Девочки медленно двигались по тропинке, ведущей от реки к хижине, они были совершенно голыми, на них оставались только ожерелья. Своими чистыми голосами они пели древние песни, полные скорби. Девочки шли парами, прижав локти к ребрам, подняв руки вверх. Пальцы были сжаты в кулаки, большой палец просунут между двумя другими пальцами руки наподобие кукиша, что является у африканцев знаком готовности перенести боль.

Грейс была потрясена до оцепенения. И святые отцы, и миссионеры также замерли, потому что оказались не готовыми к такому зрелищу.

Девочки были суровы и сосредоточенны, пели очень красиво и слаженно, головы их были выбриты, голые тела поблескивали от речной воды. Они не смотрели по сторонам, на дорогу или друг на друга, потому что это была плохая примета, которая могла принести несчастье. Они не замечали мужчин своего племени, которые теперь, вдруг протрезвев, стояли на приличном расстоянии. Они не замечали европейцев, которые глазели на них, утратив дар речи. Девочки шли, слегка раскачиваясь во время ходьбы, как будто находясь в трансе, и сами себя гипнотизировали своими протяжными мелодичными песнями.

Грейс прикинула, что на вид девочкам было от восьми до семнадцати лет. Такая большая разница в возрасте в прежние времена была почти невозможна, но поскольку ируа не проводилась несколько лет, более старшие присоединились к младшим. Она знала большинство этих девочек. Здесь была Ваньиру — борец за свободу, которая организовала побег Дэвида Матенге из тюрьмы; три дочери медсестры Ребекки; Нджери — сводная сестра Дэвида и компаньонка Роуз.

Грейс была не в состоянии сдвинуться с места или произнести слово.

Когда они организовали все это? Как им удалось сохранить все в секрете? Во всей этой процессии было не меньше сотни девочек! Почему же ни один из белых ничего не слышал об этом?

Грейс вдруг стало холодно. В первый раз за восемнадцать лет, которые она провела в Восточной Африке, она испытала странный трепет. Было что-то ужасающее в этих невинных голых девочках, что-то грубое и первозданное. У Грейс появилось ощущение, что она заглядывает в давнее прошлое. Это было похоже на то, как если бы она наблюдала за девушками, которые жили сотни лет назад и шли на древнее испытание силы, смелости и выносливости.

Она испугалась.

Когда процессия пропала из виду, мужчины племени кикую перекрыли тропинку, с угрозой поглядывая на европейцев.

— Почему бы вам всем не пойти по домам? — спокойно спросил офицер Шеннон миссионеров. — Вы ничего не сможете здесь сделать.

Постепенно оправившись от шока, отец Витторио обернулся к офицеру:

— Вы так и будете стоять здесь, зная, через что предстоит пройти всем этим бедным девочкам?

Шеннон кивком указал на африканцев, затем изобразил на лице улыбку.

— Будьте осторожны, святой отец. Они наблюдают за нами. Все они — родственники девочек. Если вы сделаете хотя бы одно неверное движение, я буду не в состоянии спасти вас от них.

Священник взглянул на африканцев. Он знал многих. Один был старостой в его церкви, другой заботился о его облачениях. Все эти мужчины, которые регулярно посещали мессы, стояли на коленях перед алтарем, чтобы принять святое причастие. Они крестили своих детей, давали им христианские имена, но теперь, как понял священник, оказались чужаками.

Отец Витторио прикрыл глаза. Он испытал внезапное озарение, которое по некоторым причинам испугало его: дикая Африка все еще билась и жила в сердцах его католиков.

Пока европейцы продолжали спорить о том, что делать, и поглядывали на африканцев, которые перекрыли им путь к хижине, где должен был совершаться обряд, Грейс незаметно отошла от группы и стала пробираться сквозь заросли кустов. Ни одному из белых, насколько ей было известно, никогда не удавалось присутствовать при самом ритуале ируа. Сама она видела только последствия: умершую сестру Марио и Гачику, которая не могла разродиться.

Она пробиралась в том же направлении, куда вела тропинка, и сквозь деревья могла видеть арку, украшенную цветами. Несколько мужчин из племени кикую стояли на страже неподалеку. Грейс продолжила свой путь, углубившись в лес, двигаясь в обход места, расчищенного под хижину для проведения обряда. Наконец она добралась до большого камня, окруженного плотными зарослями каштановых деревьев, и, взобравшись на валун, увидела, что отсюда открывается вид на поляну внизу, в то время как ее саму снизу не видно.

Она следила за происходящим, затаив дыхание.

Помощник суперинтенданта Шеннон был прав. Одно дело — помочь при родах Гачику, и совсем другое — вмешаться в сам священный и мрачный ритуал. Грейс знала, что она не в состоянии остановить их, так же, как и офицер со своими аскари. И кикуи это тоже понимали. К самому ритуалу ируа белое руководство страны относилось с презрением. С момента срыва Недели праздников, когда тысячная толпа туземцев была унижена прямо на глазах своих белых хозяев, африканцы стали осторожны и нашли способ огрызнуться в ответ.

Это было проявлением активного неповиновения, и все понимали это.

Девочки постепенно вышли на поляну, где их уже ждали матери. Грейс очень мало знала о правилах и ритуале. По традиции у девочки должен быть спонсор — другая женщина из племени, которая становилась своего рода второй матерью для нее. Но девочки, которых она видела, подошли к своим настоящим матерям. Возможно, в племени просто не нашлось достаточного количества незанятых женщин. Наконец Грейс поняла, что, какой бы большой ни казалась ей эта группа собравшихся, она представляла далеко не всех кикую их провинции. Большинство поступили мудро и уклонились от участия в ритуале.

Девочек вызывали группами по десять человек, в то время как остальные становились в круг, чтобы закрыть их. Со своего возвышенного места Грейс могла видеть все поверх голов женщин. Каждая девочка садилась, раскинув ноги, а ее мать пристраивалась рядом с ней и упиралась своими ногами в ноги дочери, чтобы они не двигались и оставались расставленными в стороны. Девочка

откидывалась назад, мать удерживала ее в объятиях, головы их были запрокинуты назад, чтобы смотреть только в небо. Когда девочки занимали такое положение, пожилые женщины обходили их, брызгая на них ледяной водой, как подозревала Грейс, на гениталии девочек. Это должно было сделать место менее чувствительным и уменьшить кровотечение, но Грейс знала, что от этого мало проку.

Удерживаемая подобным образом своей матерью, каждая девочка должна была держать глаза широко открытыми и не двигаться и даже не моргать во время операции. Считалось, что любое постороннее движение или звук приносят бесчестье самой девушке и всей ее семье.

Грейс не удивилась, увидев Вачеру, раскрашенную в белые и черные цвета. Та появилась из дверей хижины.

Первой была Ваньиру. Она лежала на руках матери и, насколько могла видеть Грейс, не только не проявляла признаков страха, а наоборот, выглядела такой гордой, как будто бы с радостью подвергалась этому ужасному испытанию. И когда нож Вачеры совершал свою работу, Ваньиру сохраняла невозмутимость.

Грейс закрыла глаза.

Когда она снова взглянула вниз, Ваньиру уже уводили в хижину, где она должна была находиться до заживления раны.

Грейс наблюдала за тем, как вели себя другие девочки. Маленькие плакали, некоторые вскрикивали. Не так много было таких стойких, как Ваньиру.

Грейс казалось, что время замерло. Женщины пели. Это была древняя пугающая и очень красивая мелодия, она соединяла их с матерями, бабушками, прабабушками и всеми женскими предками особыми связями, которые со временем не изменились. С каждым следующим обрезанием Грейс чувствовала, как влияние европейской цивилизации растворяется в воздухе и исчезает. Она слушала женщин, носящих христианские имена и поющих песни, восхваляющие Нгай — бога горы Кения. Она ощущала, что цепенеет и ее охватывает чувство полного бессилия.

Но когда следующая группа девочек подошла к коровьим шкурам и она заметила среди них напуганную Нджери, лежащую между ног Гачику, Грейс вдруг ожила.

Вачера производила операцию быстро и сноровисто, она уже проделала все необходимое с четырьмя девочками, прежде чем очередь

дошла до Нджери. Когда Грейс увидела страх и ужас в глазах семнадцатилетней девушки, вырывающейся из рук матери, когда она вспомнила день, когда помогла малышке явиться на свет, то выкрикнула:

— Стой!

Бегом она спустилась вниз с камня. Пение прекратилось. Женщины обернулись к ней.

Это было святотатством: женщина не из племени кикую и, насколько они разбирались в делах белых, не прошедшая обрезания, появилась среди них. Вторжение Грейс накладывало таху на весь обряд ируа. Но женщины были слишком шокированы, чтобы реагировать должным образом. Они расступались, когда она прокладывала себе путь к центру круга.

— Подожди! — выкрикнула Грейс, задыхаясь от спешки, приблизившись к стоящей на коленях знахарке: — Пожалуйста, остановись!

Вачера села на пятки, держа в руке нож, замерла на мгновение, затем встала и в упор взглянула на Грейс. Она не казалась удивленной, увидев мемсааб среди своих; в сущности, как поняла Грейс, Вачера даже обрадовалась ее вмешательству. «Так, как будто бы ей наконец представился шанс сразиться со мной», — подумала Грейс.

— Прошу тебя, не делай этого, Вачера, — сказала Грейс на языке кикуи. — Пожалуйста, отпусти эту девочку. Посмотри, как она напугана.

— Она не может опозорить свою семью.

Грейс обратилась к матери девушки:

— Гачику, разве это не твой любимый ребенок? Разве она не дочь твоего обожаемого Матенге? Как ты можешь делать это с ней?

— Я делаю это, потому что люблю ее, — ответила Гачику сдавленным голосом, избегая взгляда Грейс. — И в честь моего умершего мужа.

— Ты хочешь, чтобы твоя дочь мучилась при родах так же, как ты?

Гачику не ответила.

— Отдай мне эту девочку, — попросила Грейс Вачеру. — Она принадлежит мне! Я дала ей жизнь, когда все остальные оставили ее

умирать. Твоя бабушка, старая Вачера, готова была дать ей погибнуть. И вождь Матенге тоже. Я спасла Нджери. Но не для этого!

— Она принадлежит племени кикую. Она должна стать подлинной дочерью Мамби.

— Прошу тебя, Вачера! Умоляю тебя!

— Умоляешь? Как моя бабушка умоляла бвану твоего брата не рубить наше священное фиговое дерево?

— Мне стыдно, Вачера, мне правда жаль. Но я не могу отвечать за действия своего брата.

— Где мой муж? — крикнула Вачера. — Где мой сын, Дэвид? Где все мои не родившиеся дети? Если бы твой брат не приехал на землю кикую, вся моя семья была бы сегодня рядом со мной. А вместо этого я одна. Уходи. Тебе не место на землях кикую. Возвращайся туда, откуда вышли твои предки.

И прежде чем Грейс смогла ответить, Вачера опустилась на колени и быстро совершила свою страшную работу над Нджери.

Крик девушки разнесся вокруг, всполошив птиц на ближайших деревьях.

Вачера полила сок из трав на Нджери, а затем приложила листья для заживления. Она сказала:

— Теперь эта девушка — подлинная дочь Мамби.

Грейс взглянула вниз. Она задрожала от криков Нджери, которые отдавались у нее в мозгу. Всю свою оставшуюся жизнь Грейс так и не сможет этого забыть.

Пока Гачику помогала своей дочери добраться до хижины, Грейс обернулась к следующей женщине, сидящей на коровьей шкуре.

— Ребекка, — сказала она ровным голосом, — я обучила тебя хирургии. Я объясняла тебе, как важна стерильность и что такое инфекция. Ты знаешь: то, что ты делаешь здесь сегодня, очень опасно и вредно. Ты знаешь, что подвергаешь своих дочерей большому риску. Дай им уйти. Потому что, если ты не сделаешь этого, ты больше никогда не будешь работать рядом со мной.

Женщина-кикую с маленьким крестиком на шее неподвижно смотрела на белую женщину.

— И я говорю вам всем, — обратилась Грейс к остальным, по очереди оглядывая каждую, — если вы не прекратите это опасное и

вредное дело сейчас, я больше не увижу вас в своей миссии. Если вы заболеете, не приходите в мою клинику. Я не приму вас там.

Женщины смотрели на нее.

— Они не станут слушаться тебя, — произнесла Вачера, — потому что я сказала им, что твоей клинике скоро здесь не будет. День, когда белые люди покинут земли кикую, уже не за горами. Мы возвращаемся к обычаям наших предков, а вы будете забыты.

Грейс разглядывала черно-белое лицо, покрытое краской, лицо женщины, которую, как ей казалось, она хорошо знает, но которая, как теперь оказалось, была совершенно чужда ей. У Грейс появилось недоброе предчувствие, оно было холодным и мрачным, как облако, которое на минуту закрывает яркое солнце. Она подумала о нескольких тысячах белых, которые управляют миллионами африканцев, вспомнила слова офицера Шеннона о том, что с этими людьми с каждым днем все труднее справляться. Затем перевела взгляд на шкуры и внезапно без всяких сомнений поняла, что перед ней распахнулся какой-то ужасный, неотвратимый путь.

С большим трудом ей удалось скрыть свой гнев, боль своей души. Грейс повернулась спиной к знахарке и пошла прочь с поляны. Приблизившись к священной арке предков, она услышала сзади вздох облегчения и стройное пение африканских женщин.

33

Мона потянулась и взяла тетю за руку, не потому что боялась лететь, а потому что Грейс была смертельно бледна.

Это не было приятным путешествием — они направлялись на похороны.

Мона внимательно рассматривала четкий профиль своей тети. Казалось, Грейс совершенно забыла о сидящей на соседнем кресле племяннице. Мона объясняла это тем, что она находилась со стороны незрячего глаза тети. Многие из тех, кто не был хорошо знаком с Грейс Тривертон, не понимали, что она их не видит, и становились или садились слева от нее. Слегка похлопав тетю по руке, Мона повернулась к иллюминатору.

Моноплан летел низко, над самыми вершинами деревьев. С высоты Африка казалась Моне еще более дикой и пугающей, чем с земли, но от этого вида захватывало дух, он был прекрасным и завораживающим. Черный континент был для нее родным домом, его реки текли в ее жилах, деревья Африки прорастали корнями сквозь ее кожу. Мона верила, что из-за того, что родилась здесь, она любила Африку с такой страстью, как никто другой. Она любила ее намного сильнее таких людей, как ее отец, которые были пришельцами в стране, которую они едва ли понимали. Моне хотелось вытащить стекло из окна и раскинуть руки в стороны, чтобы обнять всю эту землю, чтобы кричать что-то вниз стадам, гуляющим по полям, окликнуть пастухов, опирающихся на свои длинные посохи. Мона верила, что она любит Африку особенной любовью, что та никогда ее не разочарует и никогда не будет раздражать.

Она опять взглянула на свою тетю.

Грейс почти ничего не говорила с того момента, когда три дня назад получила телеграмму от Ральфа Дональда. Мона подозревала, что во время церемонии ируа с ней что-то произошло, но Грейс не станет рассказывать об этом. Единственное, что она произнесла, прочитав сообщение:

— Я зря потеряла время, а Джеймс лежит при смерти.

Теперь она боялась приехать слишком поздно.

Грейс настаивала на том, чтобы они оделись в черное. Светлые тона были более практичными в одежде для экваториального климата. Но они нашли индийского дука в Найроби, который смог снабдить их траурными платьями и маленькими черными шляпками с черной вуалью.

Мона почувствовала, как аэроплан вздрогнул, как его обтянутые парусиной крылья раскачиваются от ветра. Только на прошлой неделе двухмоторный самолет, перевозящий почту в Уганду, разбился при посадке.

Она стала думать о смерти, об Артуре в его одинокой могиле на кладбище возле Белладу, первой могиле на участке земли, который ждет в будущем всех Тривертонов. Он умер всего два месяца назад, а казалось, что прошло уже два года. А теперь еще и дядя Джеймс, которого Мона едва могла вспомнить.

Джеффри Дональд сидел в задней части самолета, там, где салон суживался. Рядом расположились две католические монахини, которые направлялись в миссию в Энтеббе. То, что Джеффри потерял мать, сделало его в глазах Моны более привлекательным, она испытывала к нему необъяснимую нежность. И теперь, когда самолет зашел на вираж перед посадкой, она подумала и о Джеффри Дональде.

Так как Грейс отправила Ральфу телеграмму об их прилете, он ждал их возле посадочной полосы неподалеку от Энтеббе. На рукаве его костюма цвета хаки был повязан траурный бант.

Братья обнялись, затем Ральф обернулся к Грейс.

— Прими мои соболезнования, Ральф, это тяжелая утрата.

Затем Ральф повернулся к Моне и обнял Мону.

— Я рад, что ты приехала, — пробормотал он, и она взглянула на этого мужчину, который выглядел очень усталым и казался каким-то бесцветным по сравнению со своим братом. Она удивилась, что когда-то находила в нем что-то интересное и привлекательное.

— Твой отец… — начала Грейс, стоя у открытой дверцы «шевроле» Ральфа.

— Он принимает по тридцать крупинок хинина в день, но его состояние стабилизировалось.

Грейс покачала головой и прошептала:

— Благодарю, Господи!

— Это был просто кошмар, — продолжал Ральф, — когда практически все вокруг заболели малярией. — Его голос сорвался.

Джеффри положил руку ему на плечо.

Ральф смахнул слезы.

— Это было безумие. Какая-то необычная мутация, как объяснили нам эксперты из медицинского департамента в Макерере. Мама отошла быстро, слава богу! Она была тяжело больна. Следом Гретхен перенесла тяжелейшую болезнь. Теперь она здорова, но, боюсь, вы не узнаете ее.

— Ральф, — тихо сказала Грейс, борясь с комом в горле, — пожалуйста, отвези нас к своему отцу.

Сэр Джеймс сидел в постели и отказывался от чая, выпить который его уговорила дочь. Когда все четверо вошли в спальню, он замер на полуслове, как человек, который не может поверить своим глазам.

Джеффри подошел к нему, присел на край постели и обнял отца.

— Спасибо, что приехали, — поблагодарила Гретхен Мону и Грейс.

Мона была потрясена. Ральф предупреждал ее, что она не узнает свою подружку. Гретхен выглядела намного старше восемнадцати лет.

— Мы приехали так быстро, как смогли, — сказала Мона. — И решили, что на самолете будет быстрее, чем на поезде.

— Вы очень смелые. Меня никакой силой не затащишь на самолет.

— Мне очень жаль, что твоя мама умерла, Гретхен.

На глаза подруги Моны навернулись слезы:

— Но она недолго мучилась, все случилось быстро.

Затем Джеффри поднялся с кровати, и Мона взглянула на свою тетю. Но Грейс, казалось, не могла пошевелиться. Мона сама подошла ближе и смущенно произнесла:

— Привет, дядя Джеймс! Я рада, что тебе лучше.

— Да, спасибо, мне действительно лучше, — ответил он слабым голосом, улыбаясь. — Рад тебя видеть, Мона. Ты выросла и превратилась в прелестную молодую леди.

Джеймс посмотрел на Грейс. Наконец он протянул руку, и она подошла к нему.

Мона увидела, как тетя легко и естественно очутилась в его объятиях, уткнулась лицом ему в шею и тихонько заплакала. Она смотрела, как руки Джеймса гладят ее по спине, по волосам, как он утешает ее. Неожиданно для себя Мона поняла, что это была та самая давняя любовь, о которой тетя однажды говорила ей, тот самый мужчина, за которого она не могла выйти замуж.

Грейс отстранилась и внимательно осмотрела изможденное лицо Джеймса. Годы, трудная жизнь в Уганде и эта тяжелая, изнурительная болезнь изрядно потрудились над чертами его лица: скулы заострились, губы стали тоньше.

— Мы боялись, что потеряли тебя, — сказала она.

— Когда Ральф сказал мне, что вы с Моной и Джеффри приедете, это стало для меня лучшим лекарством. Я сразу же решил не уходить отсюда.

— Мне жаль Люсиль.

— Она была счастлива здесь, Грейс. Она сделала много хорошего и оставила добрую память о себе. Многие люди будут вспоминать о ней с любовью. Умирая, она говорила, что смерть ее не пугает. Она сделала свое дело и направляется к Господу. Если и есть рай, то она теперь там.

Он вздохнул и откинулся на подушку, а потом произнес:

— У меня больше нет дел в Уганде, Грейс. Я хочу вернуться назад, в Кению. Я хочу вернуться домой.

Энтеббе был маленьким портовым городом на северном берегу озера Виктория, он считался административным центром Уганды. Молодой африканец болтался поблизости от зданий администрации, он делал это каждый день в надежде узнать какие-нибудь новости из дома. Когда он увидел, как четверо белых исчезают внутри бунгало комиссара по делам провинций и узнал в двух женщинах Грейс и Мону Тривертон, то отпрянул в тень здания и следил за ними, стоя от них через дорогу.

Дэвид Матенге уже почувствовал сладость мести.

Из-за них и других таких же, как они, ему пришлось бежать со своей родины, жить в изгнании. Его разыскивают за преступление, которого он не совершал, он стал человеком, который потерял честь. Но его мать обещала ему, что земля однажды будет возвращена Детям

Мамби и что ее таху, которым она прокляла семейство Тривертонов, исполнится полностью. Белые люди все еще были хозяевами Восточной Африки, но Дэвид Матенге поклялся, что они не останутся здесь навсегда. Придет день, и он вернется в Кению, когда будет готов, когда научится всему, чему должен научиться. Он позаботится о том, чтобы его месть состоялась.

Часть пятая
1944

34

По радио передавали песню Гленна Миллера, и Роуз еле слышно напевала, перебирая содержимое гардероба и решая, что бы сегодня надеть.

Она посмотрела в окно спальни, пытаясь определить, какая сегодня погода. На улице все было залито яркими лучами солнечного света, в которых нежились распускающиеся цветы. Сегодня Роуз решила, что для прогулки ей подойдет бледно-желтое платье из крепдешина.

В последнее время раздобыть новые платья стало практически невозможно. Война в Европе заставила индустрию моды уйти в тень на неопределенный срок. За последние пять лет ничто принципиально не изменилось — все те же платья с накладными плечиками и длинные юбки ниже колен. Хуже того, в Англии одежда становилась все более рациональной, и единственным новым веянием, как утверждалось, в ближайшее время станет «утилитарный костюм». Роуз находила это просто ужасным. Война превратила форму и рабочую одежду в последний писк моды!

Она села за туалетный столик и позволила Нджери расчесать ей волосы. С тех пор как Роза двадцать пять лет назад постриглась к празднику в Белладу, волосы снова отросли и теперь мягкими волнами нисходили до талии. Они до сих пор сохранили свой насыщенный цвет, переливаясь на солнце. И несмотря на то что леди Роуз Тривертон только что отпраздновала свой сорок пятый день рождения, изморозь седины еще не коснулась ни одного волоска.

Радиоприемник издал неприятный механический стон, стал затихать и вскоре вовсе замолк. Роуз бросила в его сторону недовольный взгляд. Похоже, больше не осталось вещей, на которые можно положиться.

Внизу, на кухне, дела обстояли немногим лучше. Когда она через какое-то время спустилась туда, то увидела, что африканская служанка готовит тосты. Сообщение с Найроби стало ненадежным. Война и так высасывала из страны все соки, и леди Роуз не понимала, почему мирное население должно делиться с неожиданно свалившимися им на голову итальянскими пленными.

Хотя, если бы здесь был Валентин, ее вряд ли заботили бы такие мысли.

Но четыре года назад, когда итальянская армия вторглась в Северную Кению, лорд Тривертон записался в полк Королевских стрелков. Сначала он принимал участие в эфиопской кампании, завершением которой стал разгром итальянцев в Восточной Африке. Теперь же служил офицером разведки и был занят в управлении делами на оккупированной территории на границе Кении и Сомали. За все это время он только раз побывал дома.

«А сейчас по иронии судьбы, — думала Роуз, высыпая содержимое коробочки в заварочный чайник, — после того как столько ребят из Кении погибли в кровопролитных сражениях, а собственный муж чуть не умер от сепсиса, восемьдесят тысяч итальянских военнопленных содержались в многочисленных лагерях по всей стране, и их нужно было кормить и одевать».

Ей было решительно непонятно, почему британское правительство не выгонит их всех обратно в Италию.

— Доброе утро, мама! — сказала Мона, входя в кухню с винтовкой в руках. — Наконец-то убили того леопарда, который задирал свиней. Я сказала охотникам, чтобы они отдали тебе шкуру, когда его освежуют.

Роуз неодобрительно посмотрела на дочь, и причин этого неодобрения было несколько. Во-первых, поведение Моны. Достопочтенная Мона Тривертон не должна прыгать по кустам с винтовкой и охотиться на леопардов. Во-вторых, то, что Мона в отсутствие отца взяла бразды управления плантацией в свои руки и даже работала вместе с африканцами, порой собственными руками чиня вышедшую из строя технику. И в-третьих — что самое важное, Роуз не нравился совершенно неженственный облик дочери.

На Моне были надеты штаны и высокие ботинки, а также блузка защитного цвета, заправленная за пояс. Ее темные волосы, подстриженные «под пажа», перехвачены простым шарфиком. Со своего наблюдательного пункта за столом, откуда Роуз следила за приготовлением тостов, ей было хорошо видно, как дочка моет руки в раковине; они загрубели и почернели от земли.

— Где Тим? — спросила Роуз о человеке, который когда-то был другом Артура и чью жизнь Артур спас несколько лет назад. На

плантации Тривертонов ему удалось стать примечательной фигурой.

— Отправился в Килима Симба, чтобы помочь дяде Джеймсу в поисках итальянцев.

— Каких итальянцев?

— Я тебе вчера уже рассказывала, мама. — Мона заглянула в чайник, наполнила две чашки и присоединилась к Роуз за столом. — Трое заключенных бежали из лагеря, что возле Наньяки. За ними теперь идет настоящая охота.

— Но почему? Итальянцы бегут из лагерей по всей стране. У Джеймса на ранчо работают несколько беглецов. А тетя Грейс держит двоих на больничной кухне.

Мона подхватила со стола кипу нетронутой корреспонденции; она понимала, что мать не соберется заняться ею еще несколько дней.

Отношение Роуз к итальянцам не было секретом для Моны. Это из-за них Валентина столько лет не было дома. К тому же Кении дорого обходилось содержание восьмидесяти тысяч человек, каждому из которых в день требовался фунт мяса. Именно поэтому дикой природе наносился такой чудовищный вред, вызванный излишней охотой. Груженые мертвыми зебрами грузовики, то и дело проезжающие мимо Белладу, только лишний раз бередили ее раны. Повсеместное убийство животных выводило Роуз из себя, и, разумеется, виноваты в этом были итальянцы.

— Это были не простые заключенные, — объяснила Мона, просматривая надписи на конвертах. — Офицеры. Один даже генерал, как мне сказали. Их держали под усиленной охраной. К тому же после их побега одного охранника нашли мертвым, это и вызвало такой резонанс.

Роуз чуть намазала маслом тост, обрезала корочку и подала тарелку Моне.

— Надеюсь, Тим и Джеймс будут осторожны.

— Да, но я прошу тебя, мама, не ходи сегодня в лес. А если уж пойдешь, возьми с собой нескольких парней.

Роуз покачала головой.

— Вряд ли сбежавшие пленные забрались так далеко. Мне кажется, они должны были направиться на север, в Сомали. Может, твой отец их поймает. В любом случае, мне до этого дела нет…

— Мама, не зарывай голову в песок! Этим людям нечего терять, они очень опасны. Убитый охранник… его буквально разорвали на куски. Пожалуйста, побудь дома пока…

Роуз спешно встала из-за стола.

— Ты расстроила меня своими речами, Мона. Я уйду не позавтракав.

— Мама…

— Идем, Нджери.

Нджери Матенге, стоявшая возле стола и собиравшая на обед клубнику со сливками, холодные мясные пироги и кусочки сыра, тихонько отозвалась: «Да, госпожа» — и, подхватив корзинку для пикника, направилась вслед за хозяйкой к задней двери.

Как только Роуз оказалась в саду, на свежем воздухе и под теплыми солнечными лучами, ей стало лучше. Чем дальше она уходила по дорожке, оставляя за спиной постепенно исчезающий за деревьями дом, углубляясь в последний нетронутый человеческой рукой лес, куда не ходил никто, кроме нее и Нджери, тем спокойнее становилось на душе.

Роща почти не изменилась с того дня, когда она открыла ее для себя двадцать пять лет назад. Беседка обветшала, краска во многих местах потрескалась и осыпалась, но деревья все так же сочились зеленью, цветы пестрели яркими пятнами, а птицы и насекомые наполняли жаркий воздух своими непрекращающимися песнями. Этот мир был чужд всему, что происходило за его пределами, где люди убивали друг друга, а дикая природа становилась невольной жертвой этого противостояния. Только здесь Роуз могла забыть о том, что называют суровой действительностью.

Панно было прикреплено к массивной круглой раме, способной двигаться влево и вправо. В ходе работы Роуз повернула одно из креплений, чтобы ткань не касалась земли и не запачкалась. Она почти закончила. Перед ней теперь висело большое, почти со скатерть, полотно, украшенное яркими цветами и причудливыми орнаментами. Оставалось только пустое место посреди раскинувшихся джунглей и лиан, несколько дюймов, которые не давали ей покоя все эти годы. Роуз думала, что поместит туда слона или африканскую хижину.

И что потом? Рукоделие занимало ее двадцать пять лет. Если сейчас начать новое, то, скорее всего, над ним придется работать до

конца жизни. После смерти эти два полотна станут ее наследием, своеобразным памятником ее жизни.

На самом краю расчищенной поляны стояла небольшая оранжерея, расположившаяся между двумя раскидистыми ореховыми деревьями. Ее построили несколько лет назад, когда Роуз решила разнообразить свой досуг, слегка устав от вышивания, и обратилась к цветоводству. Стены оранжереи построили из камня, но крыша была стеклянной и пропускала солнечный свет. В одной из стен имелось окошко, но со временем через мутное стекло стали различимы только неясные очертания растений. Именно здесь Роуз терпеливо выращивала свои цветы. Она заказывала по каталогу семена и саженцы, экспериментировала с выведением новых сортов, рассаживала побеги и разговаривала со своими подопечными, как с маленькими детьми. На ежегодном цветочном фестивале в Найроби Роуз неизменно завоевывала награды, а ее орхидеи считались лучшими в Восточной Африке.

В оранжерее помимо столиков с дельфиниумами, распускающимися ирисами и двумя волшебными в своей красоте нильскими лилиями, чьи голубоватые короны только начинали цвести, стояли раскладные стулья, которые Роуз выносила наружу, когда ей, как сегодня, хотелось поработать под солнцем. Пока Нджери занималась подготовкой полотна, Роуз решила сходить за одним из стульчиков.

Она не обратила внимания на следы свежей крови, ведущие по узкой дорожке прямо к двери в небольшую постройку.

Мона проследила, как мать выходит из расположенного за кухней сада, и подумала, не попросить ли ей кого-нибудь из мужчин на всякий случай отправиться в рощу. Но потом ей показалось, что, наверное, мама была права. С какой стати пленным бежать именно сюда? Скорее всего, они сейчас на полпути к горной цепи Абердар, что на западе, или же и вовсе пошли на север, в Эфиопию. К тому же Джеймс Дональд и Тим Хопкинс проводили поиски к северу от Наньяки, и Мона молила Бога, чтобы с ними все было в порядке. Она знала, что охотиться на людей много опаснее, чем на животных.

Тим занял в жизни Моны место погибшего брата. С того дня как Артура убили — это было семь лет назад, — они с Тимом, как могли, утешали друг друга, разговаривали о нем, стараясь сохранить в себе

как можно больше добрых воспоминаний. Со временем Тим начал различать в Моне лучшие проявления натуры Артура и сам буквально заменил ей брата. Теперь их отношения можно было назвать нежной дружбой, и даже любвеобильная сестрица Тима, Эллис, убедившись в том, что эта привязанность носит исключительно платонический характер, одобрила их.

Когда началась война, бедняга Тим из кожи вон лез, чтобы записаться в добровольцы, но из-за больных легких не прошел медицинскую комиссию. Офицер, занимавшийся вербовкой рекрутов, заверил негодного к службе Тима, что тот может принести огромную пользу Кении, оставшись на ранчо в Рифт Вэлей, обеспечивая солдат продовольствием. В результате Тим и Эллис Хопкинсы — как и Джеймс Дональд в Килима Симба, и Мона Тривертон в Белладу — от войны только богатели.

Возвращаясь к разбросанной на столе кипе бумаг и мыслям о том, что ей предстоит сегодня сделать (надо что-то решать с гадюками, все ближе и ближе подбирающимися к загону для скота, с сорняками, растущими на картофельных грядках, и принципиальным нежеланием людей подчиняться ей в отсутствии отца), Мона взяла свежий номер «Ист Эфрикан Стандарт» и стала рассматривать фотографию на передовице.

Грейс отправилась в Найроби, чтобы представлять Тривертонов на церемонии принятия присяги Элиудом Мату, первым африканцем, выбранным в Законодательное собрание Кении. Это было знаменательным событием, не допустить которое старались очень многие: еще бы, африканец в правительстве! На снимке тетя Грейс сидела между губернатором и мистером Мату. В статье, которую иллюстрировал снимок, говорилось:

«…Также на церемонии присутствовала доктор Грейс Тривертон, известная среди местного населения под именем Ньята».

Да, так Грейс называли африканцы. Ньята на их языке значило «мать всех добродетелей и любви».

Мона потягивала горячий чай и думала о тете. Имя Грейс Тривертон стало в Кении легендарным и теперь планомерно завоевывало остальной мир. Седьмым изданием ее медицинского справочника «Когда ты должен быть врачом», с его ненавязчивым и искренним посвящением на первой странице «Джеймсу» пользовались

солдаты на полях сражений. Моне казалось, что запас энергии предприимчивой тетушки буквально неисчерпаем. В свои пятьдесят четыре года она и не думала сбавлять обороты. Скорее наоборот, Грейс ураганом пронеслась по Восточной и Центральной Африке, распространяя новую вакцину от желтой лихорадки, предоставленную Фондом Рокфеллера, посещая клиники и госпитали, ухаживая за ранеными солдатами в Найроби и произнося речи в защиту дикой природы.

Теперь Мона уже не удивлялась, почему Грейс не вышла за Джеймса. Они долго это обсуждали, когда вернулись из Уганды семь лет назад. Но в конце концов обоим пришлось признать, что их возможный брак выглядел бы по меньшей мере нелогично. Каждый из них вел собственную жизнь, требующую от обоих полной отдачи. Грейс не могла переехать в Килима Симба, а Джеймс — в миссию: постоянные разъезды делали это невозможным. Видеться получалось бы редко, о детях не могло быть и речи, так что о свадьбе пришлось забыть.

И они остались просто хорошими друзьями, стараясь проводить вместе больше времени, а в праздники отправлялись на побережье. Грейс заводила свой старенький «форд» и ехала в Килима Симба на пару дней. В общем, они были счастливы, и этот небольшой гражданский договор казался идеальным решением.

Три письма были из-за границы. Первое — от тети Моны, Эдит, из Белла Хилл.

С тех пор как дядя Гарольд погиб при попадании немецкой бомбы в мужской клуб в Лондоне, а кузина Моны, Шарлотта, «записалась в медсестры» и отправилась на Тихий океан воевать с японцами, тетя Эдит осталась в Белла Хилл совсем одна, если не считать семьдесят восемь детей, эвакуированных из Лондона. Тетя писала:

> *«Они заставляют эти старые мрачные стены наполниться веселым смехом. Я люблю их всех так, словно они мои собственные дети. А у нас была только Шарлотта. Не сомневаюсь, что большинство из моих нынешних гостей остались сиротами; некоторые не получали вестей от родителей с самого начала бомбежек. Что будет с*

ними после войны? Этот огромный дом покажется им таким пустым.

После того как Шарлотта вышла за этого американского летчика, я осталась здесь совсем одна, и это меня пугает: одолевают воспоминания. Это Гарольд все держался за Белла Хилл, как за спасательный круг. Как тебе известно, он двадцать один год спорил с Валентином, когда тот собирался продавать очередной кусок земли в Белла Хилл, чтобы рассчитаться по долгам в Белладу. Сейчас я была бы этому только рада. В конце концов, Роуз, Белла Хилл — это ваш с ним дом. Может, тебе захочется вернуться и пожить здесь? В любом случае, чтобы ты ни решила, после войны, когда все ребята устроятся, я перееду в Брайтон и буду жить там со своей кузиной Наоми. Я буду очень благодарна Валентину, если он выделит мне годовое содержание…»

Второе письмо было от отца Моны. Она раздумывала, стоит ли его открывать, ведь на конверте стояло имя его чернокожего управляющего.

Она знала, что в письме содержатся указания по ведению хозяйства. И это вызвало у нее вспышку гнева. После своего отъезда в 1941-м Валентин регулярно отправлял в Белладу письма с инструкциями по устройству плантации для своих африканских работников. Когда Мона написала ему, что хочет проконтролировать процесс, то получила в ответ очень вежливый отказ. Семь лет назад у Моны появилась мечта — научиться управлять кофейной плантацией, которой так и не суждено было сбыться. Никакие аргументы и бесконечные споры не могли заставить отца переменить свое решение. Направлять дочь по своим стопам он решительно не хотел. Этим должен был заниматься Артур.

Мона показывала управляющим первые письменные указания от отца из Эфиопии — в то время там шли военные действия. Они касались рассаживания кустов, удобрения почвы перегноем, устройства колодцев и организации системы ирригации. Но вскоре

обстоятельства изменились. Кенийских солдат нужно было кормить, не говоря уже о тысячах итальянских военнопленных, которых отец присылал с границы. Правительство потребовало, чтобы фермеры использовали свою землю наиболее практично, и поэтому Моне пришлось отказаться от большей части кофейных посадок и заняться смешанным земледелием.

Она вновь написала отцу, стараясь все объяснить, но он предпочитал не слышать ее и настаивал на том, чтобы они продолжали выращивать только кофе. Тогда Мона разработала собственный план. В кабинете отца нашлась отличная подборка книг по земледелию, собранная за много лет. Мона прочитала и изучила много материалов, выслушала советы других фермеров, отправилась в Найроби и узнала, что ей может понадобиться, а затем вернулась и решилась подделать новый «перечень указаний от отца». Первой культурой, которую предстояло вырастить на очищенных землях, был маис, и ей удалось добиться очень хороших результатов.

Моне помогали сэр Джеймс и Тим, который ходил вдоль грядок вместе с ней и то и дело указывал на те или иные недостатки. К тому же управляющие оказались хорошими фермерами. Они чувствовали, когда начнутся дожди, когда почва пересыхала, когда грозила нашествием саранча, знали, как спасти урожай от полчищ вредителей. В результате этот маленький обман стал своеобразной победой над отцом.

Мона с ужасом ожидала, когда он вернется с войны. Из-за ее поступка разгорится чудовищный скандал, а потом он опять возьмет бразды правления в свои руки, не позволяя ей больше вмешиваться. А она этого не переживет. За эти четыре года у Моны впервые в жизни появилось чувство, что она на своем месте и с уверенностью может назвать Белладу родным домом. Никогда раньше она так сильно не ощущала себя частью этих пятисот акров земли. Во время школьных каникул она приезжала домой на правах гостьи, ночевала в комнате, которая могла принадлежать кому угодно, и ужинала с родителями, которые казались незнакомыми людьми. Но вот сейчас…

Дом в Белладу стал ей родным. И она не собиралась терять его.

Третье письмо было от Джеффри.

Мона налила себе еще чашку чая, прежде чем распечатать его, растягивая удовольствие. Она с нетерпением ждала его писем и в

последнее время просто не могла без них жить.

Джеффри Дональд был в Палестине, занимался «полицейской работой». Он не мог особенно распространяться, в чем она заключается, но Моне удалось получить некое представление из доходящих до нее новостей. Ситуация, в которой оказался Джеффри, казалась довольно опасной: огромное количество европейских евреев бежало от нацистов и нашло убежище в Палестине, а местное арабское население инстинктивно противилось вытеснению и оказывало сопротивление. В ответ на это определенные тайные сионистские общества также вступили в противостояние, напоминая англичанам об их обязательствах по возвращению евреев на историческую родину. В общем, это был не самый спокойный уголок в мире, но Мона радовалась, что Джеффри там, а не, скажем, в Бирме, где кенийские войска несли большие потери. На этот раз он писал:

> *«Война не может продолжаться вечно, и, когда она закончится, мир станет совсем другим. Запомни мои слова, Мона. Все будет по-другому. Наступит новый век, и я собираюсь стать его частью. Когда я вернусь домой, то займусь чем-нибудь принципиально новым. Туризмом, Мона. Война раскрыла наш мир. Она забросила тысячи людей далеко от дома, и они поняли, как велика наша планета. Это зародило в них желание путешествовать. В прошлом туризм был просто развлечением для богачей, но мне кажется, что обычный человек, вернувшийся домой из экзотических стран, где он воевал, захочет вновь посетить их в мирное время. И я намереваюсь поместить Кению на туристическую карту мира. Напиши, что думаешь по этому поводу, ты знаешь, как для меня важно твое мнение.*
>
> *Вчера я купил тебе замечательный сувенир. Старый араб принес его в гарнизон. Заломил страшную цену, но я сторговался. Говорит, что это настоящий предмет старины — кусочек старого свитка, который он, без всякого сомнения,*

изготовил у себя во дворе, но выглядит действительно антикварно. Думаю, будет неплохо смотреться над камином в Белладу. Надеюсь, ты здорова, Мона. Спасибо за шоколад. Ты душка».

Она аккуратно свернула письмо и положила его в карман. В течение дня, в перерывах между обходами своих угодий, она еще несколько раз перечитает его, а позже, ночью, лежа в кровати, станет и думать о Джеффри.

Наконец-то и к ней пришла любовь. Мона слышала, что в военное время такое случалось часто, смерть и опасность сближали людей. К тому же она знала про мимолетный роман тети Грейс на борту корабля в первую войну. Выходя из кухни, чтобы приступить к делам, Мона с удивлением думала о том, как просто зародилось ее чувство. Семь лет назад, стоя в комнате больного сэра Джеймса в Уганде, она глядела на Джеффри и гадала, сможет ли она когда-нибудь полюбить его так же, как тетя любит его отца. Тогда она решила подождать.

«Я не отказываю тебе, — ответила она Джеффри по их возвращении в Кению, когда он в очередной раз предложил ей выйти за него замуж. — Но я только что закончила школу. Дай мне свыкнуться с этой мыслью».

Он согласился, и следующие два года они ходили парой, бывали вместе на вечеринках, являясь неотъемлемой частью местного молодежного бомонда. Они даже целовались; но Мона не позволяла ничего большего, и он, уважая ее волю, не настаивал.

А потом разгорелась война, и все встало с ног на голову. Молодые люди в Кении надевали форму и отправлялись в загадочные части света. Джеффри уехал в палестинский гарнизон, где командовал «цветным» подразделением. Потом от него начали приходить письма, и Мона стала все сильнее скучать по нему, что вскоре сменилось настоящей страстью — первой в ее жизни. И тогда она с огромным облегчением поняла, что все же не похожа на мать и может испытывать сильное чувство.

Мона решила, что, когда Джеффри вернется домой насовсем, она ответит ему согласием.

Роуз остановилась возле входа в оранжерею. Висячий замок был сбит и валялся на земле.

«Опять взломщики, — подумала Роуз, стараясь совладать с нарастающей тревогой. — В четвертый раз за этот год!»

До войны, при Валентине, такого и быть не могло. Но теперь, когда хозяин уехал далеко и надолго, некоторые местные стали забывать о правилах. Обычно они воровали только инструменты — те, которые можно было украсть, но однажды забрали ценные экземпляры растений. Роуз быстро вбежала внутрь. Из-за двери высунулась рука и схватила ее. Ее потянули назад, заломив руку за спину, и она услышала у себя прямо над ухом мужской голос:

— Не двигайтесь, синьора.

Цветы Роуз были нетронуты, но это не принесло ей облегчения, потому как ее горла коснулось холодное лезвие ножа.

35

Роуз замерла, к горлу был приставлен нож, а мужчина за спиной больно сжимал ее руку. Она посмотрела на приоткрытую дверь и подумала о Нджери, которая находилась всего в нескольких метрах и готовила ткацкий станок. Роуз открыла рот — и нож еще сильнее прижался к ее шее.

— Ни звука! — прошептал он.

Она закрыла глаза.

— Не двигайтесь, синьора. Слушайте меня.

Она повиновалась. Мужчина очень тяжело дышал, его тело дрожало. Ладонь на ее голой руке была горячей и влажной.

— Per favore… mi auti… — Хватка начала ослабевать. — Пожалуйста, — шептал он. — Помогите мне…

Вдруг нож перестал давить ей на горло. Она отпрыгнула от незнакомца, который рухнул на колени. Выпавший из его руки нож звякнул о каменный пол.

— Пожалуйста, — повторил он, хватаясь за грудь и склонив голову. — Мне нужно…

Роуз ошарашенно уставилась на него. На ее руке была кровь — его кровь.

Она смотрела, как он корчится на полу, заваливаясь на бок. Его глаза были закрыты, а на лице проступила гримаса боли.

— Ascolti, — выдохнул он. — Chimai un prete. Приведите мне…

Роуз прижалась спиной к стене.

— Пожалуйста, — простонал он. — Я умираю. Пожалуйста, синьора. Приведите мне un prete.

Роуз начало трясти. На его рубашке виднелись пятна крови и следы грязи и зелени, свидетельствующие о том, что ему пришлось продираться через заросли. Он был босым, ступни изодраны в кровь.

— Священника, — сказал он. — Я умираю. Пожалуйста, синьора. Приведите священника.

Роуз в ужасе отшатнулась, споткнулась о глиняный горшок, но продолжала тянуться к двери. Ей вспомнились слова Моны: «Они убили охранника».

А потом она увидела то, что заставило ее остановиться.

На его спине через разрывы рубашки проступали красные полосы крови.

Мысли проносились у нее в голове с бешеной скоростью.

— Кто… — начала она. — Кто вы?

Он не ответил.

— Я приведу полицейского, — сказала она. Она дрожала так сильно, что опасалась, как бы ноги ее не подвели.

Но он молчал и даже не пошевелился.

Продолжая глядеть на кровавые полосы на его рубашке, Роуз нерешительно, словно приближаясь к раненому животному, сделала шаг в его сторону. Потом еще один, и так до тех пор, пока она не застыла прямо над ним.

Незнакомец лежал на боку, свернувшись клубком, и тяжело дышал. Глаза его все так же были закрыты.

— Вы один из сбежавших пленных, да? — спросила она дрожащим голосом.

Он застонал.

Роуз всплеснула руками.

— Ну зачем вы пришли сюда? Я не сумею вам помочь. — Она не могла оторвать взгляд от ран на его спине. Кровь до сих пор продолжала сочиться и все сильнее пропитывала рубашку.

Ей было очень страшно.

— Вы враг, — сказала она. — Как вы смеете просить меня о помощи! Я сообщу людям, которые вас ищут. Они знают, как с вами нужно поступить.

Он прошептал одно лишь слово:

— Священника…

— Да вы с ума сошли, если думаете, что я стану вам помогать! — воскликнула она. — Боже мой… — Роуз видела, что ему очень больно. А потом ее поразила мысль: «Он умирает!»

Осознав, что теперь он не сможет причинить ей вред — да он, похоже, и раньше не хотел, — она опустилась на колени и стала внимательнее разглядывать раны на его спине. Ее переполняло возмущение.

— Вас били кнутом, — пробормотала она.

Вдруг его глаза распахнулись — темные и влажные, очень похожие на глаза подбитой антилопы. Он трясся всем телом и стонал

уже в голос.

— Помогите мне, ради Бога… — И после этого затих.

Роуз закусила губу. А потом вдруг вскочила на ноги.

— Нджери! — позвала она, выходя из оранжереи.

Африканка удивленно подняла на нее глаза.

— Иди домой, — велела Роуз, пытаясь восстановить сбившееся дыхание. — Принеси мыло, воды и полотенца.

Нджери выглядела озадаченной.

— Живее!

— Да, хозяйка.

— И одеяла тоже принеси, — крикнула Роуз вслед поспешно удаляющейся по дорожке девушке.

Сбегая по ступенькам, ведущим на территорию миссии, расположенной неподалеку от леса, Роуз лихорадочно соображала, где может быть в такой час ее золовка. Грейс точно знает, как помочь этому мужчине.

Но, свернув на гравийную дорожку дома Грейс, она вдруг с разочарованием вспомнила, что та сейчас в Найроби.

Роуз остановилась на пересечении трех грунтовых дорог и огляделась по сторонам. Она обхватила себя руками и, заметив на одной из них кровь, вспомнила про лазарет, небольшое здание из шлакоблоков, где лечили легкие раны.

Она нерешительно направилась туда, опасаясь, что ее кто-нибудь увидит, и совершенно не представляя, что будет делать, когда окажется внутри. Но, поднявшись по ступенькам и открыв входную дверь, Роуз кое-что придумала.

Грейс недавно говорила о новом «чудодейственном» лекарстве, которое могло остановить инфекцию и спасти человеку жизнь даже в самом безнадежном случае. Но вот как оно называлось?

Роуз не могла вспомнить.

В лазарете никого не было. Единственная комната была залита солнечным светом и всем своим чистым и опрятным видом выказывала готовность принимать пациентов. Роуз торопливо осмотрелась; фельдшер наверняка появится с минуты на минуту, видимо, он просто вышел позавтракать. Нужно было спешить.

Лекарство, кажется, называлось на букву П. Она направилась к стеклянному шкафчику и стала внимательно изучать его содержимое

через дверцу. Большинство названий было ей незнакомо, хотя попадались и те, которые она знала. И ни одно из них не начиналось на П. Увидев бутылочку с морфием, она решила ее захватить.

Уже собираясь уходить, она наконец-то заметила то, что искала: небольшую коробочку с недавно доставленным лекарством. На стенке коробочки была надпись «Пенициллин». Чудодейственное средство Грейс.

Схватив еще несколько каких-то склянок, но не представляя, понадобятся ли они ей, Роуз завернула все в льняное полотенце и быстро покинула лазарет.

Вернувшись в рощу, она увидела, что в беседке ее уже дожидается Нджери. При ней было ведро воды, бутылка средства для мытья полов, одно полотенце и никаких одеял.

— Мыло для рук, Нджери! — сказала Роуз. — Чтобы руки мыть. И одеяло, и подушку. Быстро! И ни с кем не разговаривай.

Роуз распахнула дверь теплицы и заглянула внутрь. Незнакомец даже не пошевелился. Он все так же лежал в рассеянном солнечном свете, и его измученное тело казалось инородным объектом в этом маленьком царстве распускающихся цветов и растущих в горшках плодовых деревьев.

У нее вдруг возникло сильное чувство, ранее знакомое, но ныне забытое. В прошлом подобные порывы возникали у Роуз довольно часто: ей хотелось спасать раненых или осиротевших животных, выхаживать их, заботиться. Но по отношению к человеку она такого еще не испытывала. И это ее удивляло. Ведь этот мужчина был врагом; а ее муж на Севере сражался с итальянцами. Однако в этом несчастном, исстрадавшемся человеке, лежащем среди цветов, Роуз, как ни хотела, не могла увидеть врага, потому что смотрела на него не глазами, а сердцем, ее сердце говорило, что перед нею живое существо, которому нужно помочь.

Она опустилась на колени возле него. Он еще был жив, но Роуз опасалась, что это ненадолго.

— Вы меня слышите? — спросила она. — Я попробую вам помочь. Я принесла лекарства.

Он лежал на боку и ничего не отвечал.

Роуз на мгновение замешкалась, но потом протянула руку и коснулась его лба. Он был горячим.

Окинув взглядом теплицу, она приметила рабочую скамейку, достаточно широкую, чтобы на ней поместился мужчина. Отложив в сторону сверток похищенных из лазарета предметов, Роуз обошла лежащее тело и подсунула руки ему под мышки. Но сдвинуть его с места у нее не получилось.

— Пожалуйста, — сказала она. — Помогите мне подвинуть вас.

Он застонал.

Ее охватила паника. Он лежал прямо напротив открытой двери. Вряд ли кто-нибудь зайдет в эвкалиптовую рощу, но если это все же случится, незнакомца сразу заметят.

И Роуз поняла, что его нужно спрятать. По-другому нельзя. Сейчас к необходимости заботиться о раненом добавилось желание защитить его от тех, кто на него охотился.

Она в очередной раз огляделась. Возле ближайшей стены выстроились нежащиеся розовые кусты, готовые для пересадки. Роуз спешно один за другим переставила тяжелые горшки и остановилась только тогда, когда убедилась, что ее подопечному хватит места. Потом она вернулась к нему и все же кое-как оттащила раненого от двери.

Предварительно постелив полотенце, взятое из лазарета, она уложила незнакомца среди роз.

На свете не было того, чего бы Нджери не сделала ради своей госпожи. Несмотря на то, что это госпожа Грейс приняла ее в этот мир из чрева Гачику двадцать пять лет назад и что именно госпожа Грейс старалась уберечь ее от страшной церемонии ируа семь лет назад, сестра Дэвида Матенге была искренне предана госпоже Роуз.

Нджери уже не помнила то время, когда она не мечтала жить в большом каменном доме и быть рядом с красивой женщиной, похожей на обретший человеческие черты солнечный зайчик. С ранних лет, когда Нджери в очередной раз убегала из хижины матери, чтобы поглядеть на женщину в роще, она чувствовала особую магию своей госпожи. Приятная грусть наполняла жизнь хозяйки, она шла по жизни источая какую-то едва уловимую меланхолию. Остальные этого, казалось, не замечали, но Нджери, натура чувственная и восприимчивая, ощущала ее всеми фибрами своей души.

Они всегда были вместе — Нджери и леди Роуз. В детстве Нджери убегала от матери, чтобы посидеть с женщиной из рощи. Роуз никогда не спрашивала, почему чернокожая девочка приходила к ней,

но с улыбкой принимала ее и кормила из неизменной плетеной корзины. В то время госпожа Мона, дочка женщины, ровесница Нджери, тоже ходила с ними в беседку и занималась с гувернанткой. Но потом Мона уехала в школу, в Найроби, и госпожа осталась в полном распоряжении Нджери. Госпожа Роза взяла Нджери в дом, назначив личной служанкой и выплачивая ей три шиллинга в месяц, которые Нджери отдавала матери. Тогда девушка зажила великолепной жизнью: носила старые платья госпожи, спала рядом с ее спальней в большом каменном доме, приносила ей по утрам чай, а потом целый час расчесывала ее роскошные волосы.

Нджери не понимала, как ее брату Дэвиду или девушке Ваньиру могли не нравиться вацунгу. Нджери была просто очарована их светлой кожей и необычным образом жизни, ей казалось, что до их прихода земля кикую была вовсе не такой замечательной.

Она семенила по дорожке, нагруженная одеялом, подушкой и набором специально заказанного госпожой лавандового мыла, и не спрашивала, зачем это потребовалось. Нджери никогда не сомневалась в приказаниях госпожи и исполняла их неукоснительно.

Но, войдя в теплицу, Нджери вскрикнула и уронила свою ношу на пол.

— Тихо! — шикнула на нее Роуз. — Иди сюда и помоги мне.

Нджери не могла пошевелиться. Древние табу кикую пригвоздили ее к каменному полу.

— Нджери!

Девушка во все глаза смотрела на лежавшего на полотенце лицом вниз мужчину. Рубашка, которая некогда прикрывала обнаженную спину, сейчас валялась в стороне. Госпожа обмывала его все еще кровоточащие раны.

Роуз вскочила на ноги, подхватила с пола мыло и взяла Нджери за руку.

— Хватит глазеть, лучше помоги мне. Этот мужчина ранен.

На деревянных ногах Нджери приблизилась к нему, но заставить себя коснуться его тела она не могла. Только смотрела, как Роуз обрабатывает еще не зажившие красные полосы на его спине, видела, как изящные белые руки, которые никогда не касались ничего грязного или некрасивого, смывают засохшую кровь и следы земли, бережно подсушивают раны, а затем наносят заживляющую мазь.

Наконец Роуз отстранилась от него и сказала:

— Это должно помочь. Не знаю, что еще можно сделать. Мне кажется, у него очень высокая температура. Он может от нее умереть. В некоторые раны попала грязь, началось заражение.

Взгляд Нджери невольно опустился на спину незнакомца. Она видела то же, что и ее хозяйка: помимо свежих шрамов там были и старые.

— Его наказывали много раз, госпожа.

Роуз изучала бутылочку с пенициллином. Она не имела никакого представления, сколько лекарства вводить больному. Слишком мало — это все равно что не колоть. А вдруг слишком большая доза погубит его? Да и что вообще такое — этот пенициллин?

Дрожащими руками она набрала жидкость в шприц, вспоминая, как это делала Грейс, поместив два пальца в металлические кольца и выдвигая большим пальцем поршень. Это производило довольно пугающее впечатление, а иголка казалась просто огромной.

Набрав препарат в шприц, Роуз посмотрела вниз и неуверенно пробормотала:

— И куда колоть?

Подумав, что вакцины обычно колют в руку, она промыла небольшой участок кожи на тугих мускулах на плече и вонзила иглу.

С его стороны никакой реакции не последовало.

— Боже мой, — молила небеса Роуз, надавливая на поршень. — Главное, чтобы я не ошиблась.

Покончив с инъекциями, Роуз подалась назад и стала наблюдать за незнакомцем. Он крепко спал, как ей казалось, слишком крепко. Она отметила, что у него благородный профиль.

Когда она нащупала у него на шее пульс, ритм ей не понравился. Его сердце работало словно из последних сил, с каждым толчком разгоняя не кровь, а отчаянные мольбы о помощи.

Потянувшись вперед, Роуз убрала с его лба влажные от пота темные волосы.

— Бедняга, — произнесла она сочувственно. — Что же ты натворил, чтобы заслужить такое обращение?

А потом она замолчала, глядя на его черные волосы. Время как будто остановилось; воздух стал влажным, в нем перемешались душистые ароматы цветов и запах земли. В небе промелькнула какая-

то быстрая птица. Солнце клонилось к закату, прячась за высокий эвкалипт и заставляя причудливые тени выползти из своих дневных убежищ и заполнить оранжерею. Две женщины, белая и африканка, сидели по обе стороны от спящего раненого.

Во время своего длительного бдения возле лежащего перед ней мужчины Роуз тщетно пыталась бороться с одолевающим ее ощущением беспомощности. Как же ей хотелось, чтобы ее слабость и нерасторопность куда-нибудь улетучились хотя бы на то время, пока в ее руках находится жизнь другого человека.

Незадолго до захода солнца Нджери напомнила своей госпоже, что начинает темнеть. Роуз боялась ночи и каждый раз старалась попасть домой засветло. Но сейчас она не спешила уходить. Она положила руку на горячую щеку и подумала: «Наверное, ты умрешь здесь в ночи. Один, мучаясь от боли, и некому будет тебя утешить».

Но темнота пугала ее, и Роуз все же решилась покинуть оранжерею. Убедившись, что ему тепло и, насколько это возможно, удобно, она застыла в дверях, вглядываясь в лежащую на полу фигуру.

Она вспомнила о своем рукоделии, в котором до недавнего времени видела смысл своей жизни. Почему-то эта мысль вызвала у нее волну презрения к самой себе.

Незаметно проскользнув в дом, чтобы случайно не наткнуться на Мону, она направилась сразу к себе в спальню. Теперь она сидела на подоконнике в свете ночного фонаря и смотрела на стену темного леса.

Включая радиоприемник, Роуз думала развеять гнетущую тишину какой-нибудь музыкой, но вместо этого из динамика донесся голос диктора, рассказывающего о последних новостях. Она быстро приглушила звук и услышала сообщение, прочитанное без всяких эмоций. «Обнаружены двое военнопленных, сбежавших накануне из лагеря в Наньяки. Третий все еще находится на свободе. Его личность установлена, это генерал Карло Нобили, герцог д'Алессандро».

Так вот как его зовут.

А он сейчас лежит в холодной оранжерее и медленно умирает. Она пыталась представить, что, если его разбудят, какой ужас охватит его в последние мгновения его жизни. Вспомнились и раны на его спине, старые и новые, явные свидетельства жестокого обращения в лагере. Неудивительно, что пленные убежали. Возможно, человек,

которого они убили, действительно заслуживал смерти. Роуз подумала, что наверное, должна была сделать для генерала нечто большее. Но что, что она могла?

Она заплакала, уткнувшись лицом в ладони и всхлипывая. Открылась входная дверь, и на ковер упала полоса света из коридора. На пороге стояла потрясенная и испуганная Нджери, которая еще ни разу не видела, чтобы хозяйка плакала.

Роуз повернулась и посмотрела на служанку.

— От меня никакого толку, — рыдала она. — Почему я такая бестолковая, несуразная? Любая другая на моем месте смогла бы спасти этого несчастного! Если бы Грейс была здесь, а не в Найроби, она бы точно придумала что-нибудь… — Роуз вдруг осеклась и уставилась на свою служанку. — Грейс! — воскликнула она. — Ну конечно! Как же я раньше не додумалась? — И выбежала из спальни.

Нджери спустилась вслед за хозяйкой по лестнице и нашла ее в библиотеке — пыльной комнате, которой пользовались очень редко. Все здесь было отделано кожей и латунью. Огромные стеллажи с книгами высились до самого потолка.

— Она должна быть здесь! — говорила Роуз, лихорадочно осматривая полки. — Помоги мне, Нджери. Она большая и примерно такой толщины, — продолжала Роуз, охватывая руками в воздухе невидимую книгу. — Обложка бумажная, а не кожаная. И она… она… — Роуз теперь ходила вдоль рядов книг, осматривая корешки. — Зеленая книга, Нджери. Шевелись!

Совсем уже ничего не понимающая африканская девушка, которая никогда не умела читать, подошла к одной из стен и начала медленно выискивать среди кожаных и золотистых переплетов зеленый, сделанный из бумаги. За ее спиной раздалось нетерпеливое восклицание хозяйки:

— У нас должен быть экземпляр! Грейс наверняка подарила нам свою книгу. — Роуз ураганом проносилась мимо стеллажей, то и дело приподнимаясь на цыпочки или становясь на колени. И зачем им так много книг?

— Госпожа? — подала голос Нджери.

Роуз обернулась. Увидев справочник в руках девушки, Роуз воскликнула:

— Да, это она. Книга Грейс. Неси сюда, на свет.

Это было четвертое издание «Когда ты должен быть врачом», изданное в 1936 году, но все еще сохранившее подарочный вид, — книгу в доме не открывали ни разу. Впрочем, скопившаяся за все это время пыль портила это впечатление. Роуз пробежала пальцем по оглавлению.

— Вот, — сказала она, открывая нужную страницу. — «Раны, в которые попала инфекция», «Лихорадки», «Как ухаживать за тяжелобольным человеком».

Она вытащила из ящика стола блокнот и ручку и начала писать.

Спустя некоторое время Нджери дрожала от страха, стоя вместе с хозяйкой на крыльце кухни перед темным лесом. Как и большинство кикую, девушка панически боялась ночи.

На этот раз в руках она держала аккуратно уложенные свертки, в которых были вещи, рекомендованные в справочнике для ухода за больным. Термометр и аспирин Роуз обнаружила у себя в ванной, сахар, соль и столовую соду — на кухне. Также они взяли вазелин, вату, часы с секундной стрелкой, три термоса кипяченой воды и два факела — все, что упоминалось в пособии Грейс.

Глядя на темную стену деревьев, начинающуюся в конце сада, куда не доходили лучи света из окна кухни, Роуз чувствовала, как ее охватывает страх. Но потом она вспомнила о лежащем на холодном каменном полу генерале Нобили, и решительность вернулась к ней.

— Пошли, — прошептала она и начала спускаться по ступенькам.

Обернувшись, она увидела, что Нджери застыла на месте.

— Я сказала, идем!

Пока они шли по дорожке, девушка старалась не отставать от своей хозяйки.

— Молись, чтобы он был жив, Нджери, — прошептала ей Роуз, когда они оказались под кронами деревьев. — Молись, чтобы мы не опоздали.

Они бежали по лесу, преследуемые, как им казалось, призраками мертвых и хищными животными со всей округи, и наконец трясущиеся от страха и холода вошли в оранжерею. Роуз сразу же направилась к генералу и с облегчением обнаружила, что тот еще жив.

Нджери высоко держала зажженный факел, ее руки дрожали, и от этого причудливые тени плясали на бледном лице спящего человека.

Роуз открыла справочник на статье «Как обследовать больного» и методично изучила его жизненные показатели.

Пульс был слабым и прерывистым, кожа влажной, а это свидетельствовало, что он в шоке. Роуз повернула мужчину на бок и, приподняв его ноги, положила их на кирпичи. При помощи секундомера Роуз установила, что он дышит шестнадцать раз в минуту, а когда приподняла его веки и направила ему в глаза свет, то убедилась, что зрачки одинаковой формы и реагируют на освещение. Грейс писала, что это хороший признак. Но температура была слишком высокой.

Тогда Роуз, все так же следуя указаниям в книге, обратилась к главе «Очень высокая температура» и прочитала: «Если температуру своевременно не сбить, может пострадать мозг».

Руководствуясь советами в книге, она стянула с него одеяло, чтобы ночной воздух остудил его тело, затем налила в чашку воды и растворила в ней две таблетки аспирина. Приподняв голову генерала, Роуз поднесла к его губам чашку. Но он и не собирался пить. Она попыталась еще раз. Аспирин был необходим, чтобы сбить температуру.

Она вновь обратилась к спасительной книге и наткнулась на надпись жирным шрифтом: «Ни в коем случае не поите человека, находящегося без сознания».

Роуз отставила чашку и, положив голову генерала на подушку, узнала об опасности обезвоживания.

Она посмотрела на часы и установила, что он без сознания уже двенадцать часов.

— Ему нужно попить, — пробормотала Роуз. — Иначе он погибнет от обезвоживания. Но что делать? Я не могу его напоить. Ему нужна вода и аспирин, чтобы сбить температуру. Замкнутый круг какой-то!

Она посмотрела на освещенное факелом бледное лицо. Интересно, сколько ему лет, откуда он родом, есть ли у него семья, которая сейчас не находит себе места от волнения?

Нджери замерзла до того, что у нее начали стучать зубы.

— Возвращайся в дом, — сказала Роуз. — Я останусь с ним.

Но девушка продолжала сидеть на полу, скрестив ноги и крепко обхватив руками факел.

— Если я пошлю за медицинской помощью, — ни к кому не обращаясь, заговорила Роуз, — его отправят обратно в лагерь. Если попытаюсь позаботиться о нем сама, то он может умереть. Что же делать?

Она вновь дотронулась до его лба и почувствовала, что он вроде бы стал прохладнее, чем раньше. После некоторых попыток обнаружив бьющуюся жилку его пульса, Роуз сочла, что он стал медленнее, но более отчетливый.

— Нджери, подай-ка мне корзину. — По рецепту из справочника Роуз приготовила напиток, восстанавливающий количество жидкости в организме: соль, сахар, столовая сода и чистая вода. Она попробовала его, чтобы убедиться, что он «не солонее слез», как писала Грейс, и поставила рядом с чашкой с растворенным аспирином, чтобы подать при первой необходимости. Когда больной придет в себя, она даст ему выпить оба снадобья.

Роуз решила, что, если генерал не очнется до утра, она пойдет за помощью.

* * *

Солнечные лучи ворвались в теплицу, прорываясь сквозь высокие кроны эвкалиптовых деревьев. Роуз потянулась, не вылезая из-под одеяла, в полной мере ощущая последствия ночевки на полу. Она приподнялась и огляделась в поисках Нджери. Наступил новый день, и ее служанка, похоже, ушла.

Роуз посмотрела на раненого. Его глаза были открыты, и он глядел прямо на нее.

Они какое-то время изучали друг друга — завернутая в одеяло Роуз и лежащий на боку генерал.

Вспомнив холодное прикосновение лезвия и то, как больно он вывернул ей руку, Роуз снова заволновалась.

Он хотел что-то сказать, но с его губ сорвался только болезненный хрип.

Роуз схватила чашку с приготовленным накануне вечером снадобьем и поднесла к его рту. Сделав сначала осторожный глоток, он выпил все до дна и откинулся на подушку.

— Вам больно? — тихо спросила она.

Он кивнул.

Тогда она подала ему вторую чашку, с аспирином, который, судя по тому, как он поморщился, был горьким. Но он выпил и эту чашку, а когда голова вновь упала на подушку, задышал легче.

— Кто? — начал он.

— Я леди Роуз Тривертон. И я знаю, что вы генерал Нобили.

В его темных глазах промелькнуло удивление, а потом он спросил:

— Я не сделал вам больно?

Она покачала головой. Во время сна ее волосы выбились из прически и сейчас рассыпались у нее по плечам.

Генерал Нобили изумленно уставился на нее.

— Я знаю, кто вы, — прошептал он. — Вы ангел.

Роуз улыбнулась и положила руку ему на лоб.

— Отдыхайте, я принесу что-нибудь поесть.

— Но где?..

— Вы в безопасности. И можете мне доверять. Я позабочусь о вас и прослежу, чтобы никто больше вам не навредил.

Генерал закрыл глаза.

36

Взрыв прогремел точно в полдень, когда с минаретов раздались призывы к молитве. Сильно пострадал полицейский форт на задворках Иерусалима, погибли пятеро британских солдат.

— Это все чертов Менахем Бегин, — расслышал Дэвид Матенге своего командира, Джеффри Дональда.

А потом началась охота на террориста, из-за которой Дэвиду пришлось встать среди этой холодной сентябрьской ночи и ждать приказов от капитана Дональда.

Дэвид попал в подразделение африканцев в Палестине под командованием Джеффри Дональда случайно. Когда в начале войны он добровольно записался в британскую армию, то не думал, что его направят на постоянную службу в гарнизон. Он хотел сражаться с гитлеровскими нацистами. И уж, конечно, Дэвид не ожидал, что им будет командовать человек, которого он презирал семь лет.

С того самого дня, как он сбежал из тюрьмы в Найроби и был вынужден находиться в изгнании в Уганде, Дэвид Матенге испытывал сильнейшую ненависть к семейству Тривертонов и, следовательно, к их другу, Джеффри Дональду, своему командиру.

Дэвид провел в Палестине уже четыре года и хорошо представлял расклад сил, столкнувшихся друг с другом на этой земле, — арабы, евреи, британцы. Бомба, разорвавшаяся в английской крепости, была заложена группой «Ирган» под командованием Менахема Бегина. Это не могла быть работа Хаганы — тайной сионистской армии, потому что они заранее предупреждали людей об опасности и позволяли им уйти. Война шла за то, чьей родиной будет считаться этот клочок земли. Дэвиду Матенге, который, как и все кикую, был тесно привязан к земле и трепетно относился к разделению территории, казалось, что это был спор племен.

Арабов, которые жили здесь веками, пытались вытолкнуть с их исконных земель евреи, бежавшие из Европы от Гитлера. Иудеи утверждали, что эти территории изначально принадлежали их предкам. Англичане заигрывали и с теми и с другими, пытаясь угодить обеим сторонам, раздавали обещания и тут же нарушали их. Дэвида не удивляло, что Менахем Бегин, пресытившись пустыми

разглагольствованиями Черчилля, направил острие борьбы не против арабов, своих естественных врагов, а против англичан. Поэтому-то и пострадала британская крепость в пригороде Иерусалима.

Дэвид был в полном отчаянии.

Что же случилось? В какой момент его жизненный путь свернул в сторону и все пошло наперекосяк? Когда четыре года назад колониальное правительство объявило общий призыв в Королевские вооруженные силы, Дэвид Матенге, подобно тысячам других молодых африканцев, с воодушевлением встал под ружье — все были уверены, что Гитлер готов напасть на Кению и поработить страну. Молодых людей — выпускников школ, полных энергии и не имеющих занятий — убедили, что они направляются на борьбу с чудовищем, что их ждет слава защитников страны, свободы и демократии, ее самобытности. Дэвид в новенькой форме и шляпе с плюмажем гордо маршировал перед своими белыми командирами. Он ощущал себя настоящим воином, который отправляется на битву, покинул родную землю, чтобы окунуться в мир, оказавшийся гораздо больше, чем он мог себе вообразить. В то время Дэвид думал, что совершил самый верный поступок в своей жизни.

Сейчас стало ясно, что это не так. Самым правильным было остаться в Уганде, когда вождь Мачина — больной и умирающий, по слухам, от порчи, насланной на него Вачерой, — снял с него все обвинения и объявил, что арест был ошибкой. Дэвид мог вернуться в Кению, но предпочел остаться в Уганде, учился в университете, через три года закончил его с дипломом агронома.

Он изучал агрономию и аграрную экономику и сейчас был готов вернуть свои земли, забрать их у Тривертонов.

«Но когда это произойдет?» — спросил он себя, выходя из казармы с винтовкой на плече. Многие годы его мать обещала вернуть их. Неужели она не насылала порчу на Тривертонов? Разве проклятия Вачеры не всегда работают? Дэвиду не терпелось. «Кофейная плантация Тривертонов процветает, — писала Ваньиру в последнем письме. — Ею управляет белая девушка Мона». Совсем не для этого он отправился в Королевскую армию: пока он теряет время в иссушенной, заброшенной стране, где люди вознамерились уничтожить друг друга, а он — британский солдат — оказался между двумя враждующими сторонами, Тривертоны богатеют на его земле!

Дэвида охватило отчаяние.

И чего им далась эта Палестина? Летом здесь смертельная жара, горячий ветер обжигает дыхание; зимой — бесконечные унылые дожди и пронзительный холод, какого никогда не бывает в Кении. Сердце его истосковалось по родине: лесам, дымкам вокруг горных вершин, песням своего народа, маминой стряпне, любви Ваньиру.

Ваньиру…

Она была для него не просто любимой женщиной, на которой он хотел жениться. Она была воплощением всего того, без чего он так страдал. Это была сама Кения, и он безумно хотел очутиться в ее объятиях.

Когда Дэвид увидел, что выстраивается колонна грузовиков с включенными фарами, он догадался, что организована очередная облава. «И где же в этот раз?» — размышлял он, направляясь к одному из автомобилей и завязывая разговор с водителем.

— Петах Тиква, — упомянул тот небольшой городок недалеко от Тель-Авива.

Дэвид кивнул головой и прислонился к бамперу. Власти не уставали повторять: «Петах Тиква — гнездо террористов». И они не ошибались. Британской разведке было известно, что в лесах и рощах, окружающих городок, было полно тайников с оружием и лагерей подготовки повстанцев. Это была опасная территория, где британским солдатам совсем не нравилось находиться.

Дэвиду казалось, что вся его служба в последнее время свелась к облавам на неуловимого Менахема Бегина. Если он не дежурил на пропускных пунктах при дорогах, проверяя каждую машину, направляющуюся в Тель-Авив или покидающую город, то участвовал в проверках на улицах и ночных обысках гостиниц, домов, когда людей буквально вытаскивали из постелей. Интенсивность поисков нарастала — англичанам любой ценой нужно было найти человека, который постоянно наносил вред их учреждениям и коммуникациям. И сейчас, когда Бен-Гурион, главный противник Бегина, стал полностью поддерживать британские войска и фактически объявил ему войну, всю Палестину переворачивали с ног на голову. Даже предлагали вознаграждение: пятнадцать тысяч долларов тому, кто доставит властям Менахема Бегина.

«Он, должно быть, отважный воин», — думал Дэвид Матенге. Четыре года Бегин приковывал к себе внимание британской разведки, успешно осуществлял бесчисленное количество диверсионных актов, надежно держал в узде свою подпольную армию, и при этом ни разу не попался. Дэвиду казалось, что только умный и храбрый человек мог постоянно переезжать с места на место, все время опережая тех, кто его разыскивал. К тому же британцы имели крайне смутное представление о его внешности. Когда дело дошло до тщательного поиска «за каждой дверью», Дэвиду и людям из его отряда велели разыскивать «польского еврея лет тридцати, в очках, с женой и маленьким сыном».

— Надеюсь, на этот раз ублюдка все-таки найдут, — сказал водитель грузовика, закуривая сигарету. — Этот чертов Бегин думает, что мы годимся только для учебных стрельб. А я не хочу ехать в Петах Тиква. В один прекрасный день там все заминируют. Попомни мои слова, Бегин развяжет кровавую гражданскую войну. А арабы будут сидеть и, посмеиваясь, смотреть, как евреи убивают друг друга, довершая дело Гитлера.

Дэвид посмотрел на водителя, круглолицего мужчину с явным шотландским акцентом. Белые солдаты разговаривали с бойцами из подразделения Дэвида только по особым случаям, на посту или же во время караула. По большей же части приходилось считаться с невидимой преградой, спровоцированной в том числе и негласным запретом на общение между представителями разных рас.

Африканцы по прибытии на место несения службы были удивлены тем, что у них в отличие от остального батальона будут отдельные казармы и отдельная столовая. В Кении африканцы тоже особо не контактировали с белыми поселенцами — так уж повелось, — но от армии можно было ожидать большей демократичности. В конце концов, они носили одну и ту же форму и сражались за одно дело. Только на прошлой неделе Дэвиду стало известно, что африканцы получают меньшее жалованье, чем их белые сослуживцы.

Этот факт поразил его до глубины души. Некоторые солдаты его отряда возмутились таким неравенством, утверждая, что рядовой есть рядовой, черный он или белый, и различий в жалованье быть не должно. Но их офицеры, все белые, ответили недовольным, что они

вообще должны быть благодарны уже за то, что их взяли в армию, хотя могли оставить в Кении ковыряться в земле на фермах вместе с женщинами.

Дэвид смотрел на выстраивающиеся в колонну грузовики, на бронетранспортеры, танки, пулеметы, на загораживающие дорогу сооружения. Он знал, что в скором времени они полностью окружат и блокируют Петах Тиква, нагрянув к ничего не подозревающим мирным жителям, и что именно его отряд будет участвовать в непосредственном поиске Бегина.

Тут ему вспомнился случай в Хайфе, где трое солдат подорвались на мине-ловушке. Он находился всего в нескольких шагах от них и чудом избежал гибели.

А если они сейчас направляются прямиком в западню, расставленную Бегином и его армией? И его долгая служба в Палестине закончится сегодня?

Дэвид не хотел умирать, он хотел в Кению, к Ваньиру.

Примостившись на бампере, он достал из кармана ее письмо и, поднеся листок поближе к фаре грузовика, принялся его перечитывать.

> *«Мы молимся, чтобы начались дожди. На прошлой неделе я взяла выходной и пошла навестить твою маму. Мы пошли в лес и нашли старое фиговое дерево, где вместе помолились о наступлении сезона дождей.*
>
> *У твоей мамы все хорошо, Дэвид. Я читаю и перечитываю ей твои письма. Но только не газетные статьи с сообщениями из Палестины. Мы читали про бомбежки, Дэвид, противопехотные мины, убийства и издевательства над британскими солдатами. К чему вся эта война? И что ты делаешь на ней? Если масаи и вакамба начнут войну, кикую никогда не станут встревать в нее. Пусть арабы и евреи сами решают свои разногласия. Это не твоя война, Дэвид. Не понимаю, почему ты там».*

Дэвид поднял глаза от письма и посмотрел на горизонт. Закатное солнце посылало на землю последние оранжевые лучи. Наверное, в Кении сейчас рассвет. Мать, должно быть, набирает в реке воду. А Ваньиру? Лежит в кровати, думая о нем?

«За что я сражаюсь?»

Ему вспомнился еще один эпизод, который также произошел в Хайфе и никак не мог вылететь у него из головы.

Случилось это шесть месяцев назад, когда Дэвид был в патруле. Во время очередного обыска в каком-то отеле он столкнулся с человеком, вид которого поразил его, а также его напарника, Ошинга, так сильно, что они застыли на месте и не могли оторвать взгляд.

Это был мужчина в американской форме в звании капитана. Но он был чернокожим.

— Простите, сэр, — сказал Дэвид американцу. — Обычная проверка.

Они разговорились. Судя по выговору Дэвида, капитан подумал, что он из Англии.

— Нет, из Кении, сэр, — навел ясность Дэвид. Наконец, ему удалось справиться с волнением и спросить: — Прошу прощения, сэр. Но как получилось, что вы стали капитаном? В британской армии нет черных офицеров.

Американец улыбнулся и ответил:

— Дело в том, рядовой, что у меня есть диплом об окончании колледжа.

— У меня тоже, — сообщил Дэвид, и тогда настал черед американца удивиться.

Выражение лица капитана преследовало Дэвида все последующие месяцы. Оно мерещилось ему везде — во сне, в пустыне, в лицах допрашиваемых евреев и не оставляло ни на минуту. Американец не сказал больше ни слова, но за него это сделали глаза. Он испытал стыд…

Но вот по отношению к кому — к самому себе или к чернокожему рядовому? Этого Дэвид понять не смог.

Вдруг все пришло в движение. Солдаты начали строиться, послышались громкие выкрики приказов. Подъехал джип: капитан Дональд поднялся в полный рост, чтобы обратиться к своим людям. Он произнес уже знакомую речь, приправив ее на этот раз несколькими

крепкими словечками. Суть была в следующем: найти Бегина во что бы то ни стало и остановить отсчет смертей британских солдат.

Забираясь в кузов грузовика, Дэвид перевел приказания командира своему напарнику Ошингу, который говорил только на своем родном диалекте, да еще на языке суахили. Объясняя задачу их подразделения — обыскать каждый дом в квартале Хассидоф, — Дэвид подумал, как все же несправедлива жизнь.

Ошинг, безграмотный крестьянин с озера Виктория, почти не понимает смысла того, что ему велят исполнять, но неукоснительно следует приказам, гордится тем, что носит форму, и после войны, как и остальные восемьдесят тысяч африканских солдат, вернется в Кению, чтобы снова вести примитивную жизнь и не задаваться глобальными вопросами. А он, Дэвид Матенге, один из немногих образованных солдат в подразделении, единственный обладатель диплома колледжа, полный амбиций, не получит в отличие от Ошинга ни капельки удовлетворения от своего великого дела. Эти мысли словно напомнили ему американского капитана и выражение его лица. Жалость к себе переполнила его.

«Но, — думал Дэвид, глядя, как колонна грузовиков приходит в движение, — если белые офицеры не выделяют меня из-за цвета его кожи, нужно отличиться другим способом. За голову Бегина назначена приличная награда, а солдат, который обнаружит неуловимого террориста, получит медаль».

Дэвид Матенге собирался отыскать Менахема Бегина.

* * *

Хассидоф был рабочим кварталом, окруженным апельсиновыми деревьями. Танки и бронетранспортеры оккупационной армии совместно с палестинской полицией объезжали район кругами, в то время как солдаты ходили по улицам с громкоговорителями и вещали: «Комендантский час! Всем оставаться в своих домах! Каждый, кто выходит на улицу, рискует жизнью!» Солдаты спрыгивали с грузовиков, желая друг другу «удачной охоты», и облава начиналась. Дэвид и Ошинг направились к первому дому и по дороге увидели, как арабский мальчик-пастушок помахал им.

Через несколько минут всех задержанных собрали вместе и погрузили в грузовик. Некоторые из них все еще подслеповато щурились спросонья на свет, ведь рассвело лишь несколько минут назад. Это были подозреваемые, которых следовало доставить в полицейский участок для допроса. Операция проходила на удивление тихо и без видимых трудностей. Люди смотрели из окон, открывали двери и послушно показывали документы. И это несмотря на то, что местные жители, среди которых, как позже выяснились, все же нашлись боевики подпольной армии Бегина, численностью превосходили прибывших солдат. Но у солдат имелись автоматы, а местные были безоружны.

Дэвид задавал вопросы, а Ошинг стоял наизготовку с автоматом Томпсона.

Нелегко было искать человека только по косвенным признакам, которого никто толком не видел. Но Дэвид был уверен в себе. На листовке с объявлением розыска, что висела на стене казармы, была изображена старая фотография Бегина. Там он был в форме польской армии, а рядом с ним стояла симпатичная молодая женщина, его жена. Дэвид запомнил каждую деталь этого нечеткого изображения: его прическу, размер глаз, изгиб рта. И женщину, Ализу Бегин, тоже.

Дэвиду попадались взволнованные молодые евреи, которых он отсылал к грузовикам, люди, у которых было не все в порядке с документами, а также тех, кто пытался выражать свое недовольство. Он понимал, что большую их часть отпустят еще до конца дня, не получив практически никакой полезной информации.

Дэвид стучался в двери, а Ошинг стоял с автоматом наготове. Они знали, что за каждой дверью в лице очередного «мирного жителя» их может поджидать смерть.

Утро плавно превращалось в день, и напряжение Дэвида росло с каждым часом. Капитан Джеффри Дональд колесил по улицам на джипе, расспрашивая своих людей и давая им какие-то указания. Ошинг тоже не находил себе места. В любую минуту он был готов услышать выстрелы или взрыв бомбы.

Дэвид постучал в дверь небольшого, невзрачного на вид домика. Вскоре на пороге появился невысокий улыбающийся мужчина.

— Руки вверх, — велел Дэвид. Он обыскал мужчину и, не обнаружив никакого оружия, продолжил: — Ваши документы. —

Мужчина протянул ему бумаги.

Его звали Израиль Хальперин. В документах на английском и иврите сообщалось, что он беженец из Польши.

— Род занятий? — спросил Дэвид.

Мужчина улыбнулся, развел руки и произнес что-то на незнакомом Дэвиду языке. Когда Дэвид отошел на шаг назад и сказал: «Вам придется отправиться в полицейский участок», вдруг появился еще один человек, так быстро, словно он стоял за дверью и подслушивал их разговор.

Он был выше мистера Хальперина, носил бороду и был одет в длинный черный плащ. Он сказал, что его имя Эпштейн и что он раввин.

— Мой друг не говорит по-английски. Возможно, я мог бы перевести ему ваши слова?

Внимательно изучив лицо раввина, Дэвид убедился, что на фотографию оно не похоже, и, после того как его обыскал Ошинг, спросил:

— Чем занимается этот человек?

— Он юрист. Здесь в Палестине он готовится к экзаменам.

Дэвид оглядел коротышку с ног до головы. Он немного робел, но доброжелательно улыбался.

— Как давно вы в Палестине? — спросил Дэвид.

Мистер Хальперин ответил, а раввин перевел:

— Четыре года.

— Дэвид! — сказал Ошинг. Он обратился к нему на суахили: — Я видел движение возле той двери!

Дэвид жестом указал другу проверить, что там. Ошинг, продвигаясь осторожно, с автоматом наизготовку, скрылся в дверном проеме. Два еврея наблюдали за ним, явно не понимая, в чем дело. Через мгновение из двери вышла молодая женщина с маленьким мальчиком на руках. Позади, направив на них оружие, стоял Ошинг. Было видно, что ему крайне трудно сохранять самообладание.

— Кто она? — спросил Дэвид.

Мистер Хальперин ответил, раввин перевел:

— Это его жена.

Дэвид вперился взглядом во вновь пришедшую. Что-то в ней показалось ему знакомым. Его сердце заметалось в груди, как раненая

птица. Переведя взгляд на мистера Хальперина, он посмотрел ему в глаза. Если тот и волновался, то никак не выдавал себя. Мог ли этот невнятный низенький человек быть страшным Менахемом Бегином? Вдруг Дэвид обратил внимание на некоторые черты его лица, так похожие на изображение на листовке. Брови, изгиб губ…

С улицы послышались крики и рев моторов. Некоторые жители выкрикивали оскорбления в адрес солдат.

Дэвид и мистер Хальперин долго смотрели друг на друга. Затем Дэвид сказал:

— Вы пойдете с нами.

— Друг мой, — мягко спросил раввин, — но что сделал мистер Хальперин?

Дэвид окинул взглядом дом, стараясь обнаружить кого-нибудь прячущегося там или следы террористической деятельности, но увидел только многочисленные стопки книг.

— Его будет допрашивать полиция.

Затем заговорил мистер Хальперин, и в его голосе послышалась вопросительная интонация.

Раввин Эпштейн перевел:

— Мистер Хальперин хочет узнать, если вы солдат, то за что вы сражаетесь?

Дэвид вдруг подался назад.

— Быстро в грузовик! Женщина и ребенок тоже!

Но Хальперин, до сих пор сохранявший спокойствие и невозмутимость, снова заговорил. А раввин переводил таким же уравновешенным голосом:

— Вы африканец, друг мой, представитель притесняемой расы. Почему вы воюете за англичан? Почему вы сражаетесь за людей, которые поработили ваш народ?

Дэвид замешкался, а миниатюрный человечек продолжал свою тихую речь:

— Вы знаете, что происходит в мире? Я расскажу вам. В моем родном городе в Польше до войны евреев было тридцать тысяч. Сейчас едва ли наберется десять человек. Это был наш дом, но нас оттуда выгнали. А что происходит у вас дома, мой юный африканец? — Темные глаза мистера Хальперина застыли на лице Дэвида, пронизывая его внимательным взглядом. — Что вам обещали

за то, что вы сражаетесь на стороне британцев, друг мой? Индии, за то что она приняла участие в войне, обещали независимость. А вам, африканцам, что-нибудь обещали?

Дэвид посмотрел на Ошинга, которому оставалось только нетерпеливо ждать, направив автомат на женщину и ребенка, ведь он не знал английского. Затем вновь перевел взгляд на мистера Хальперина.

— Если вам не обещали ничего, — продолжал с помощью раввина доносить до него свою мысль тот, — значит, вы сражаетесь ни за что. Вас колонизировали много лет назад, ведь у вас не было оружия и знаний. Но теперь у вас есть и то и другое, так чего же вы ждете?

Дэвид ошарашенно уставился на мужчину, который не доходил ему и до плеч. У него было бледное лицо, редеющие волосы и негромкий голос. Но весь он словно лучился неведомой силой, которая, казалось, околдовала Дэвида.

— Есть вещи более ценные, чем жизнь, мой притесняемый друг, — говорил польский еврей. — И вещи более страшные, чем смерть. Если вы любите свободу, то должны ненавидеть рабство. Если вы любите свой народ, то не можете относиться к тем, кто его притесняет, иначе как с ненавистью. Хочу спросить вас: если вы любите свою мать, то неужели не станете ненавидеть тех, кто желает ей смерти? И неужели вы не будете бороться с ними, поставив на кон собственную жизнь?

В голове у Дэвида пронеслось воспоминание. Ему тогда было семнадцать, он стоял на пеньке фигового дерева и обращался к Джону Мачина. «Если человек не любит свою страну, значит, он не любит свою мать. А если человек не любит свою мать… то он не может любить Бога!»

Дэвид был потрясен. Именно из-за этих слов его арестовали, пытали, а затем отправили в изгнание в Уганду.

Как же он мог забыть?

И тут он вспомнил, какая на нем форма, вспомнил про британский автомат Томпсона за его спиной, про документы мистера Израиля Хальперина у себя в руках.

— Уходите! — тихо шептал еврей. — Возвращайтесь к себе домой и позвольте нам делать здесь то, что мы должны делать!

— Что у вас там, рядовой? — раздался голос из-за спины.

Дэвид обернулся. Его командир привстал в своем джипе. На нем были солнцезащитные очки, при нем щегольская трость; золотистые пуговицы на его форме были начищены и сверкали на солнце.

— Ничего, сэр, — решительно сказал Дэвид, возвращая документы мистеру Хальперину. — Здесь все в порядке. — Он подал знак Ошингу, и тот быстро выскочил из дома. Когда за ним закрывалась дверь, Дэвид услышал, как вслед ему тихо сказали: «Шалом».

37

Все в округе знали, что в оранжерее поселился призрак.

Сидя по вечерам вокруг костра, кикую приглушенными голосами рассказывали друг другу о живущем там духе. Дети в школе пугали друг друга страшной историей. Женщины на рынке шушукались. Весть разнеслась со скоростью лесного пожара, так что никто, даже возможные воры, и помыслить не могли нарушить табу и побывать в запретной оранжерее в роще.

Нджери добросовестно выполнила свою задачу.

Выходя из дома в это прекрасное декабрьское утро, Роуз напевала. Как и вчера, и позавчера, и уже много дней подряд, она долго мучилась со своими волосами и выбором одежды. Она пробовала новые духи, особенно тщательно подбирала украшения. Ей отчаянно хотелось угодить Карло, завоевать его улыбку. Но, честно говоря, это было не сложно, ведь генерал Карло Нобили последние три месяца только тем и занимался, что улыбался, глядя на Роуз.

В октябре в лесу возле Меру были найдены останки белого мужчины. Решили, что он был третьим сбежавшим итальянским военнопленным и нашел свою смерть в зубах диких животных. Останки отправили в его герцогское поместье в Италию, поиски прекратились, а дело было закрыто. Никто — ни Грейс, ни сэр Джеймс, ни Мона, ни Тим Хопкинс — не знал о таинственном жителе в оранжерее, как и о том, что Роуз забросила свое рукоделие много недель назад и ходила в рощу с совершенно другой целью.

Она остановилась на краю дорожки и прикрыла глаза от солнца.

Мона ехала за рулем грузовика, груженного мешками с кофейными зернами. Роуз никак не могла понять, почему ее дочь так увлеклась управлением поместья. Просто какое-то безумие. Она относилась к Белладу и пятистам акрам земли вокруг него так же, как и Валентин, и уж точно была папиной дочкой. Но что будет, когда война наконец-то закончится и Валентин вернется, чтобы управлять своей плантацией?

Мысль о Валентине словно навеяла стужу. Она надеялась, что он никогда не вернется.

Генерал был в оранжерее: подрезал саженцы дельфиниумов. Он посадил их в специальные коробки два месяца назад, и это было первым, что он сделал после выздоровления. Роуз толкнула дверь, чтобы лучше разглядеть его. Он стоял в преломленных стеклянным потолком лучах солнца, и от этого его силуэт казался каким-то размытым, сказочным. Вокруг него все также казалось нечетким. Окружающие его темно-синие и бледно-лиловые цветы словно были нарисованы акварелью; светло-зеленые листья наполняли эту картину свежестью. Сам мужчина, казалось, преобразился: высокий и сильный, он превратился в оливкового цвета бога, гуляющего по саду где-нибудь на Олимпе.

Он поднял глаза. Женщина не издала ни звука, он просто почувствовал, что она стоит там.

— Роза, — сказал он нежно.

Она вошла и поставила на пол корзину, в которой был их завтрак.

— Разве пришло время рассаживать цветы? — спросила она, подходя ближе и заглядывая в коробку. — Еще так рано.

— Только не в Кении! Эта страна просто удивительная, Роза. У вас тут такой мягкий климат — ни зимы, ни весны, ни осени. Природа не спит, цветы благоухают круглый год. — Он улыбнулся ей своей ослепительной улыбкой. — Это рай для садовника.

Карло Нобили, как стало известно Роуз, хорошо разбирался в цветоводстве. У себя в поместье, в Северной Италии, он выращивал цветы, все время экспериментируя, выводя новые виды и гибриды, и развел такой сад, которому, как он хвастался, завидовали даже в Ватикане. Однажды, когда он лежал в кровати и уже шел на поправку, генерал по достоинству и со знанием дела оценил успехи Роуз в цветоводстве. Так они узнали, что у них есть общие интересы. Позже, пока их платоническая и нежная дружба становилась все крепче, они часами обсуждали свое хобби, рассказывая друг другу о своих экспериментах, успехах и неудачах. Он научил Роуз обрезать бегонии, чтобы они цвели дольше. А она рассказала ему, как выращивать опаловые синие дельфиниумы, растущие только в Кении, один из которых она когда-то нашла в лесу и перенесла в свою рощу.

Он смотрел сейчас на нее, охваченную ореолом света, смягчающего яркий цвет ее платья. Оранжерея, запрятанная в сердце леса, казалась герцогу д'Алессандро зачарованной. Он жил в

пронизываемом солнечными лучами сне, под ногами была плодородная земля, на которой росли прекрасные растения с клонящимися книзу листьями и великолепно пахнущими цветами. Каждый день к нему приходила эта красивая женщина, к которой ему очень хотелось прикоснуться и которая, как ему казалось, сошла прямо с картины Боттичелли.

— Вам хорошо спалось, Роза? — спросил он, подходя ближе.

У нее перехватило дыхание.

— Да. А вам, синьор?

— Да вы меня устроили как во дворце, — сказал он, махнув рукой в сторону угла, где размещалось его убежище: соломенный матрас, складной стул и умывальный столик с кувшином и тазом. — И называйте меня Карло.

Роуз покраснела и потянулась за корзиной. Она не могла объяснить, почему не может называть его по имени. Герцогу казалось, что их вынужденная близость, когда она выхаживала его, промывала раны, кормила, как маленького ребенка, помогала делать первые шаги, позволит ей называть его Карло. Но почему-то она этого не делала!

Он наблюдал, как она меняется по мере его выздоровления. Из нежной, но настойчивой медсестры, которая вернула его с порога смерти и делала все, чтобы облегчить его жизнь, она превратилась в стеснительное, пугливое создание, готовое от него убежать. Ему казалось, что чем больше он восстанавливал свои силы, тем меньше их оставалось у нее. Словно он подпитывался жизненной энергией за ее счет. Сейчас она не могла даже смотреть ему в глаза.

Она распаковала корзину, расстелила свежую скатерть и достала горячие пшеничные лепешки, масло, горшочек меда и чайник с чаем «Графиня Тривертон». Пока они ели, Карло тихо рассказывал о своем доме, поместье, где он жил один, потому как его жена умерла пять лет назад во время родов. Они с Роуз обсуждали садоводство, картины, музыку и книги, но никогда не касались темы войны или же его пребывания в лагере для военнопленных. Равно как и любых обстоятельств, связанных с его появлением и пребыванием здесь.

Каждый день Карло видел в ее глазах невысказанный вопрос: «Почему ты остаешься?» Она как будто боялась, что однажды он просто исчезнет. Он и сам часто задавался этим же вопросом, но не

мог найти на него ответа. Было только чувство, что чем дольше он оставался, тем сильнее нуждался в этом.

Сейчас он жил во власти этого чудесного заклятия, которое заставило остановиться время, вырвав его из кровавых будней войны. Прошлого он не помнил, о будущем не задумывался. Но знал, что вскоре нужно будет вернуться в армию, чтобы в полной мере вкусить горечь поражения.

Утро они провели, ухаживая за завоевавшими награду орхидеями Роуз. Они полили их и переставили со света в тень. В ходе этого занятия Карло засыпал ее вопросами.

— Почему вы держите их в таких маленьких горшках, Роза? Мне кажется, в больших они бы росли лучше.

Когда несколько недель назад он впервые спросил ее об этом, она не знала, что сказать. Она попросту разучилась это делать — дома даже африканские слуги не приходили к ней за указаниями — и поначалу растерялась. Со временем она привыкла к его расспросам и поняла, что он действительно слушает то, что она ему говорит. Ей даже начало нравиться что-либо ему объяснять.

— Это южноафриканские орхидеи — орхидеи диза. Они любят цепляться корнями за стенки, и потому их лучше выращивать в маленьких горшочках.

Затем они вымыли руки, и сели пить чай. Нджери сервировала стол и удалилась. Вскоре начал собираться дождь. Ветер гнал по небу темные комья облаков. Когда сверху посыпались первые капли, Роуз сказала:

— Мне пора.

Но Карло вдруг взял ее за руку и возразил:

— Нет, не уходите. Хотя бы раз, Роза, останьтесь со мной.

Ее сердце затрепетало. Она опустила взгляд на смуглую руку, держащую ее запястье, — его первое настоящее прикосновение. Оно взволновало и немного испугало ее.

— Вы боитесь меня, Роза? — спросил он мягко. Карло поднялся на ноги и приблизился к ней почти вплотную. — Оставайтесь, — прошептал он. — Оставайтесь сегодня со мной.

— Нет…

— Но почему? — Он коснулся ее волос свободной рукой. — Вы хотите уйти, Роза?

Она закрыла глаза.

— Нет.

— Тогда оставайтесь.

От его близости у нее закружилась голова. Ароматы сотен цветов, переполнявшие жаркий, влажный воздух теплицы ударили ей в голову. Его пальцы касались ее запястья и волос. Несмотря на то что их отношения были сугубо платоническими, мысли о Карло Нобили занимали ее каждую свободную минуту, не говоря уже о снах. Днем в ее поведении не было и намека на близость, а по ночам она фантазировала.

Почувствовав на своих губах его губы, она открыла глаза и отстранилась. Но он удержал ее и произнес:

— Скажи мне, что ты не любишь меня, Роза. Скажи.

— Синьор, пожалуйста, отпустите меня.

— Меня зовут Карло. Я хочу это услышать. — Он прижал ее к себе. — Ты любишь меня? Если нет, так и скажи, и я тебя отпущу.

Она посмотрела в его темные глаза и утонула в них.

— Да, — прошептала она. — Я люблю тебя.

Он отпустил ее. Улыбнулся и нежно обхватил ее лицо руками. Роуз старалась совладать с собой, но почти не почувствовала его поцелуя.

— Скажи мне, чего ты боишься, дорогая, — шептал он. — Мы здесь одни. Нас никто не увидит. Я хочу любить тебя. Хотел с того самого момента, когда открыл глаза и увидел перед собой ангела.

— Нет…

— Почему?

«Ты возненавидишь меня, — подумала она. — Я разочарую тебя, и ты больше не будешь меня любить. Так же, как Валентин…»

Она склонила голову.

— Потому что… мне это не нравится…

— Значит, я сделаю так, чтобы тебе понравилось. — Он приобнял ее и повел к кровати. Она напряглась и приготовилась сопротивляться ему, но, к ее удивлению, он и не думал ее уложить, а вместо этого предложил сесть.

Дождь сильно барабанил по стеклянной крыше. Карло зажег лампу и сел на кровать рядом с Роуз. Он обнял ее за плечи и подался

назад, так что они оба теперь сидели, прислонясь к стене. Они сидели и слушали шум дождя.

Роуз была в замешательстве. Часть ее естества стремилась к нему, но другая противилась этому. Она испытывала нечто похожее на страсть, но мысленно не была готова к чему-то большему, чем поцелуй или нежное прикосновение. Дальше простиралась полоса страха.

Он начал гладить ее по волосам. Поцеловал в лоб. Зашептал что-то на итальянском. Она чувствовала тепло его тела через шелковую рубашку, его напрягшиеся мускулы, свидетельствующие о недюжинной силе. У Карло хватило бы сил, чтобы принудить ее, как это некогда сделал Валентин. Если бы он поступил так, то все очарование их отношений улетучилось бы навсегда.

Но в действиях Карло не было никакого нажима. Роуз не ощущала настойчивости, которую проявлял Валентин. Охваченная теплом и тусклым светом, заполнявшим небольшую постройку, окруженная зарослями папоротника, вьющихся лоз и тропических цветов, Роуз позволила себе расслабиться. Она прижалась теснее к нему, подобрав ноги и опустив голову ему на плечо. Это становилось похожим на сон — звук его мягкого голоса, прикосновения, его успокаивающая близость.

Затем его рука опустилась на бедро.

— Нет, — сказала она.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Дай мне позаботиться о тебе, дорогая.

Она постаралась расслабиться, привыкнуть к его прикосновению, но его рука двинулась выше, и она запаниковала.

— Роза, — сказал он, почувствовав, что она напряглась. — Посмотри на меня.

— Я…

— Посмотри на меня.

Она подняла голову. Его глаза были в нескольких сантиметрах от нее. Его обожающий взгляд полностью занял ее внимание, в то время как рука продолжала свое нежное путешествие.

— Раздвинь ноги, — прошептал он. — Совсем немного.

— Нет.

— Не бойся меня, Роза.

Его рука пробиралась все дальше.

Она задышала часто и напряглась всем телом.

— Тише, — шептал он. — Не сопротивляйся мне. Расслабься, дорогая.

— Что ты… — начала она, но осеклась на полуслове.

— Продолжай смотреть на меня, Роза. Я люблю тебя. И я говорю тебе, как сильно я тебя люблю.

С ней происходило что-то странное. Роуз от изумления потеряла дар речи. Рука Карло двигалась очень медленно; он смотрел ей прямо в глаза.

С ее губ сорвался стон.

— Иди ко мне, Роза, — сказал он. — Иди же.

Его взгляд словно парализовал ее, она не могла пошевелиться. Но что-то происходило.

— Постой, — прошептала она. — Я сейчас…

— Что? Что ты сейчас?

Его рука продолжала ритмично ласкать ее.

— Да, — шептала она. — О да.

Когда по всему ее телу прокатилась волна, она вскрикнула и, кажется, упала в его объятия.

Карло приподнял ее подбородок и приник к ее губам.

— Карло, — выдохнула она. — О, Карло!

— Расскажи мне о своих мечтах, дорогая. Расскажи мне о них.

В ее глазах заблестели слезы. Однажды у нее была мечта. Много лет назад, когда она только приехала в Кению. Ей хотелось стать настоящей женщиной. Ей казалось, что Восточная Африка позволит ей получить от жизни все. Но вместо этого горные ветры унесли с собой ее энергию.

Но сегодня, укрывшись от дождя, в объятиях Карло Роуз снова начала мечтать.

Она вдруг встала с кровати и направилась к двери.

— Нджери, — позвала она, стараясь перекричать шумящую стихию. Девушка устроилась в беседке и ждала свою госпожу. — Нджери, возвращайся обратно домой. Я остаюсь здесь. Если кто-нибудь позвонит или придет ко мне, скажи, что я лежу в кровати с головной болью и не хочу, чтобы меня беспокоили. Ты поняла?

Девушка слегка удивленно посмотрела на стоящую в дверях хозяйку. Потом сказала:

— Да, госпожа.

Закрыв за собой дверь, Роуз обернулась и посмотрела на Карло, встретив его нежный взгляд.

— Дорогая, — сказал он. — Ты готова помечтать вместе со мной?

— Да.

— И ты больше не будешь бояться?

— Нет, — ответила она. — Я больше не буду бояться.

Она нашла его в роще: он смотрел на луну и звезды. Ветер трепал его волосы, на лице застыло сосредоточенное выражение. Сейчас он показался Роуз особенно красивым. Высокий, без рубашки, лунный свет озарял его накачанные руки и спину призрачным сиянием. В своем великолепии он был похож на только что сотворенное создание, как Адам в райском саду — первозданный, неземной и одинокий.

Подойдя поближе, она увидела шрамы на его спине, и ее сердце наполнилось болью. В течение тех двух месяцев, что они жили вместе, в полной мере наслаждаясь своей любовью, она несколько раз слышала, как Карло кричит во сне. Она успокаивала его, а он плакал, решившись наконец рассказать ей про лагерь и про то, каким издевательствам подвергались его люди. Чувство вины не давало покоя генералу Нобили. Его мучили угрызения совести. Он уверился в мысли, что бросил своих людей, хотя должен был разделить их участь.

Она подошла к нему и коснулась его руки.

— Война заканчивается, — сказала он, и ветер отнес его слова.

— Я знаю.

Он обернулся и посмотрел на нее.

— Настал конец нашему счастью. Так больше продолжаться не может.

Она кивнула.

— Ты останешься с ним? — спросил Карло.

Последние восемь недель они старательно избегали эту тему. Но вопрос не оказался для Роуз неожиданным, она знала, что рано или поздно на него придется ответить.

— Нет, — произнесла она. — Я не останусь с Валентином. Не буду больше жить с ним. Я не хочу быть здесь, когда он вернется.

— А как же твоя дочь? И твой дом?

— Я не нужна Моне. А Белладу никогда не был мне домом в полном смысле этого слова. Просто крыша, под которой я жила. Мой дом — это ты, Карло.

— Значит, ты уйдешь вместе со мной?

— Да.

— Когда бы я об этом ни попросил? И куда бы ни направился?

— Да.

— Я не знаю, что мне теперь делать. Куда пойти. Моя семья думает, что я умер. Не знаю, что ждет меня в Италии. Возможно, я не вернусь домой, а обоснуюсь на новом месте. Тебя не пугает, Роза, что я человек без дома?

— Нет, не пугает, Карло.

Он заключил ее в объятия и прижался лицом к светлым волосам.

— Что я такого совершил в жизни, чтобы заслужить тебя, дорогая? Когда я вспоминаю о долгих годах своей печали, после того как умерла моя жена… и все эти долгие годы одиночества в доме моих предков я думал, что больше никогда не смогу полюбить. До встречи с тобой, Роуз, я жил только наполовину. — Он нежно поцеловал ее. — Я не могу обещать тебе ничего, кроме этого, дорогая. Кроме моей вечной любви и верности.

— Это все, чего я прошу. Это все, что мне когда-либо было нужно. Я оставлю за спиной все, что имею, если ты захочешь этого.

Он кивнул.

— Тогда нужно идти как можно скорее.

В то же самое мгновение Валентин ступил на платформу железнодорожного вокзала в Найроби и гадал, стоит ему позвонить Роуз и предупредить ее о своем преждевременном возвращении или же не делать этого и устроить домашним сюрприз.

Он хотел сделать настоящее представление, как в былые времена, когда все в колонии знали, что Валентин Тривертон умеет удивлять.

Впереди его ждали шесть благословенных недель, когда он сможет жить у себя дома, спать в своей кровати и есть настоящую пищу. После трех лет драки с итальянцами в проклятой пустыне Валентин мечтал только об одном — снова ступить на землю Белладу.

Ему даже хотелось увидеть Роуз. Может быть, после трех лет одиночества она будет с ним более любезной.

Так что, найдя носильщика, который бы позаботился о его сумках, Валентин оставил за спиной телефоны и отправился ловить такси. Он решил появиться неожиданно.

38

Ваньиру танцевала под дождем. Сейчас она лежала на спине на своей новой постели из козьих шкур, ее обнаженное тело было мокрым и блестело. Она была готова предстать перед Дэвидом, когда он войдет.

Ваньиру долго ждала этой ночи. Пять лет назад, когда Дэвид наконец-то вернулся из изгнания в Уганде, у них не было возможности насладиться друг другом. Он записался в армию и уехал почти сразу же, отправился в эту ужасную Палестину, где чуть не погиб.

Дэвид оказался дома до окончания войны из-за ранений, полученных тогда, когда его джип подорвался на мине. После двенадцати недель в госпитале в Иерусалиме и еще четырех в Найроби Дэвид наконец-то был дома, в полном ее распоряжении.

Прошли две свадебные церемонии: гражданская, необходимая для британских властей, и еще одна среди кикую, дань традициям племени. Этим дождливым апрельским вечером они праздновали вторую. Родственники со всей деревни собрались, чтобы разделить радость Вачеры. Дэвид заплатил матери Ваньиру тридцать коз — хороший выкуп за невесту! Они с друзьями построили стены новой глиняной хижины, после чего, согласно обычаю, Ваньиру и женщины утром настелили на них крышу. Две недели назад мать Дэвида сделала на теле Ваньиру церемониальный надрез, позволяющий ей вновь жить половой жизнью, тем самым исправив то, что она совершила с Ваньиру восемь лет назад во время церемонии ируа. Рана зажила, и теперь девушка лежала в ожидании своего мужчины.

Дэвиду казалось, что празднование будет продолжаться вечно.

Ему и хотелось бы заразиться радостью своих танцующих и передающих друг другу бутылочные тыквы с тростниковым пивом соплеменников, однако было не до того. Они были счастливы в своем неведении, сохраняли способность веселиться, но Дэвид, слишком образованный и много думающий о глобальных проблемах, угрюмо сидел в тени, на окраине реального мира.

За свои раны и свою службу британской короне Дэвид получил медаль и почетное досрочное увольнение. И все. Вернувшись домой,

он обнаружил, что для него нет работы. Что в Кении нет места для, как кто-то метко сформулировал, «образованного ниггера». Несмотря на то что существовали учителя «местных» школ, африканские клерки в правительственных учреждениях, а также все увеличивающееся число чернокожих частных предпринимателей, никому, похоже, не был нужен амбициозный двадцатисемилетний парень с дипломом по земледелию.

Кто-то передал ему бутылочную тыкву, и он отхлебнул пива.

Он знал, что Ваньиру пошла в их новую хижину, которую он с друзьями построил рядом с хижиной матери. Но он пока не был готов предстать перед своей невестой. Слишком много было в нем злобы и желчи, а в таком состоянии о любви лучше забыть. Поэтому он опустошил тыкву и потянулся за следующей. С другой стороны костра, вокруг которого танцевали молодые люди, Дэвид заметил свою мать. Она сидела и смотрела на него.

Дэвид подсчитал, что его матери сейчас пятьдесят пять лет. Если бы она перестала брить голову, на ней бы появилось множество седых волосков. Но ее лицо все еще оставалось гладким и прекрасным. Шею ее обвивали многочисленные ожерелья. Она все еще носила старомодное платье из мягких шкур, с огромными петлями, возвышающимися по обе стороны от головы.

Вачера для своего народа была ходячим памятником ныне исчезающих старых обычаев. В глазах Дэвида мать была своеобразной священной иконой, напоминающей окружающим, как все было заведено раньше. Сердце защемило от тоски. Сколько же лет она провела в одиночестве! Одна, без мужа, ждущая единственного сына с войны, она жила в хижине, которую регулярно ломали белые люди и которую она терпеливо отстраивала снова и снова, пока ее наконец не оставили в покое. Мать Дэвида, Вачера Матенге, стала в Кении легендой благодаря своей неуступчивости по отношению к европейцам.

По возвращении Дэвид часами говорил с матерью, а она просто молчала и слушала его. Он рассказал ей о своей непростой жизни в Уганде, где учился без всякой посторонней помощи и закончил колледж лучшим в своем выпуске. Про Палестину, когда единственным его утешением были мысли о возвращении на родину. О

том, какую боль ему приносило осознание того, что он здесь человек второго сорта.

— Они восхваляют нас в своих газетах, — говорил он ей, когда они готовили еду в ее хижине. — И по радио тоже. Правительство гордится своими «цветными солдатами». Парламент называет нас героями. Они внушают нам гордость и уверенность в себе. Они учат нас читать, писать и сражаться ради великой цели бок о бок — и луо, и кикую. Но, когда мы возвращаемся в Кению, нам говорят, что для нас здесь нет места, нас не хотят брать на работу. Возвращайтесь, мол, обратно, на территорию своих предков и сидите там. Мама, все британские колонии получают независимость. Так чем Кения отличается от них?

Дэвид знал, что не он один задается такими вопросами. Несмотря на то что разразившаяся война приглушила нарастающую среди африканцев политическую обеспокоенность, которая зародилась в 1937-м, сейчас эта тенденция вновь начала развиваться. Даже теперь, пока Дэвид допивал очередную тыкву с пивом, в Найроби проходило тайное собрание Кенийского Африканского Союза, на котором его лидеры — молодые, образованные и полные сил люди — обсуждали план того, как Кения обретет независимость. Также ходили слухи, что Джомо Кеньята, знаменитый агитатор, собирается вернуться в Кению после семнадцатилетнего отсутствия. Принимая во внимание все эти процессы, как и неотвратимое возвращение домой семидесяти тысяч кенийских солдат в конце войны, Дэвид был уверен, что жизнь в Кении изменится навсегда.

А это значило, что его земля вернется к нему.

Он неуверенно поднялся на ноги и повернулся, чтобы посмотреть на горную гряду, возвышающуюся за рекой. Над верхушками деревьев виднелись огни Белладу, огромного каменного дома, построенного потом и кровью людей кикую. Подумав о белых людях, живущих там, Дэвид прошептал:

— Скоро…

Мать подошла к нему и сказала:

— Иди к своей жене, Дэвид Кабиру. Она ждет.

Он вошел в хижину и застыл на пороге. Тлеющий огонек костра наполнял воздух дымом. Глиняные стены отлично сохраняли тепло.

Запах дождя и пива наполнил его ноздри. При виде распростертой на кровати обнаженной Ваньиру Дэвиду стало трудно дышать.

Он почувствовал себя тружеником, для которого настал черед платить подать.

Женщина имела право требовать от своего мужа исполнения супружеских обязанностей. По законам кикую, если она не удовлетворена сексуально, если он не дарит ей детей и не может исполнять свой супружеский долг, она имеет право прогнать его и вернуться в свою семью. Дэвид отчаянно хотел показать ей, как сильно любит и желает ее и как хочет доставить ей удовольствие. Но он был без сил. И чувствовал, что у него сегодня ничего не получится.

Ваньиру подняла руки, и он подошел к ней. Усевшись на кровать, Дэвид положил голову на ее большую грудь и попытался сказать ей, что было у него на сердце. Но он выпил слишком много пива. Язык не слушался его, равно как и любая часть его тела.

Сначала Ваньиру была терпеливой, ведь, будучи медсестрой, понимала в мужской природе много больше, чем любая другая молодая невеста. Она ласкала и гладила его. Говорила ему ласковые слова. Соблазнительно двигала телом. Но когда ее усилия не увенчались успехом, она почувствовала, как в ней вновь просыпается, казалось, забытый гнев.

Восемь лет назад ей уже один раз пришлось будить в нем мужское начало, когда он стоял на пне старого фигового дерева и выкрикивал свои решительные слова. И вот ей опять приходится заниматься этим — во время их брачной ночи!

Она села на кровати.

— Дэвид, что-то не так?

Он был раздавлен. Выпитое накануне пиво, унижение, ощущение того, что он не мужчина, — все это нахлынуло на него.

— Проклятье не на них! — закричал он, вскидывая руку в сторону Белладу. — Оно на мне!

Ваньиру была потрясена. А когда она увидела в его глазах слезы, услышала его исполненный жалости к себе голос, потрясение сменилось бешенством. Единственное, что она не могла простить мужчине, — когда он вел себя как женщина.

— Уходи, — сказала она. — И возвращайся в мою постель, когда снова станешь мужчиной.

Дэвид выбежал из хижины. Он посмотрел на своих дядей и племянников, веселящихся вокруг костра, отвернулся и скрылся в ночи.

— Послушайте, — сказал Тим Хопкинс, когда сэр Джеймс присоединился к нему на террасе, — похоже, там что-то творится, возле хижины старой знахарки. Как вы думаете, в чем дело?

Джеймс посмотрел на темное небо и подумал, долго ли осталось до дождя. Оказаться застигнутым бурей на полдороге до Килима Симба было опасно. Он решил, что все же примет приглашение Валентина остаться.

— Валентин говорит, что это сын Вачеры женится. Они построили новую хижину для него и его жены.

— Значит, на краю поля для игры в поло теперь уже три хижины.

— Да, и Вэл просто вне себя. Сказал, что утром сровняет с землей все это хозяйство и на этот раз не оставит даже хижину старухи.

«Хорошо, — подумал Тим. — Надеюсь, что сукин сын сделает это. Тогда кикую больше не станут терпеть и отомстят. Может, на этот раз они скормят лорда Тривертона своим козам!»

Из-за выполненной во французском стиле двери появилась Грейс. Она помедлила, глядя на то, как молодой Тим тихо переговаривается с Джеймсом в окутанной туманом ночи. Грейс носила очки, но из-за того, что ее правый глаз не видел, одна линза была сделана из простого стекла.

— Джеймс, — сказала она, подходя к ним.

Он заметил, что она беспокоится.

— Что случилось, Грейс?

— Роуз мне только что рассказала нечто невероятное! — Она обернулась назад, на столовую, где африканские слуги сервировали стол к ужину. — Я все еще не могу прийти в себя. Она позвала меня к себе и рассказала удивительную историю. Сейчас у нее Мона наверняка слушает все то же самое. Джеймс, Роуз собирается уйти!

— Что значит уйти?

— Она покидает Кению. Уходит от Валентина!

— Что? — спросил он так громко, что Грейс пришлось шикнуть на него.

— Валентин еще не знает. Роуз собирается сказать ему за ужином.

— Глупость какая-то. Может, она пьяна?

— Еще какая трезвая, Джеймс. Понимаешь… у нее есть другой.

Джеймс и Тим ошарашенно уставились на Грейс.

— У Роуз есть любовник, — прошептала она.

— Не может быть, — сказал Джеймс. — Она просто выдумывает.

— Мне так не кажется. Если помнишь, я как-то говорила, что моя невестка в последнее время сильно изменилась. Она вдруг снова ожила, стала более уверенной в себе. Начала раздавать слугам распоряжения. Даже уволила двух девушек. И один раз выступила против меня и сказала, чтобы я не лезла не в свое дело. Мы с Моной обсуждали это и решили, что это у нее возрастное, ведь ей сейчас сорок шесть. И вот теперь Роуз заявляет, что у нее все это время был любовник и что утром они собираются вместе бежать.

Джеймс нахмурился.

— Что-то не верится. Если бы у Роуз был любовник, об этом бы обязательно стало известно. Ты же знаешь что Кения похожа на маленький городок, где все знают все обо всех.

— Но им, похоже, удалось сохранить тайну. Никто из нас не знает его, а она прятала его все это время.

— В каком смысле?

Роуз сказала, что он один из сбежавших итальянских военнопленных, которых искали в сентябре.

— Но это было семь месяцев назад! Если бы этот человек добрался до Найэри и попытался залечь на дно, мы бы его нашли.

— Но только не там, где Роуз держала его.

— И где же?

— В эвкалиптовой роще. В своей оранжерее.

Джеймс и Тим переглянулись.

— Там? — удивился молодой человек.

— Она говорит, что сначала он был ранен. Она выходила его. Потом они переместились в пляжный домик на побережье.

— Но это невозможно, — возразил Джеймс. — Как они могли путешествовать, ведь у него же наверняка нет документов.

— Я сказала ей то же самое, но она отмахнулась и ответила, что это было проще простого. Она представила его как какого-то дальнего иностранного родственника, кажется, племянника. Потому как он был с Роуз, графиней Тривертон, и они даже не пытались скрываться, ни у

кого не возникло и мысли спросить его документы. Они поверили Роуз на слово!

Джеймс покачал головой.

— Немыслимо. Очень не похоже на Роуз. — Он на мгновение задумался и потом добавил: — Не понимаю, как Валентин может об этом не знать. Он же на прошлой неделе встречал ее на вокзале, чтобы сделать ей сюрприз. Разве этот мужчина не был с ней тогда?

— Был. Но она сказала мне, что, когда поезд подходил, она заметила мужа и велела Карло выходить из вагона отдельно от нее. Они встретились позже, в оранжерее.

— Так, значит, этот Карло сейчас там?

— Да, ждет ее в оранжерее, как она мне сказала. Они собираются отправиться в путь с первыми лучами солнца.

Джеймс молча смотрел на Грейс, затем принялся мерить шагами начинающий намокать каменный пол террасы. Снова пошел дождь.

— Ты веришь ей, Грейс?

— Поначалу я не поверила. Но она так спокойна и говорит обо всем этом очень рассудительно. К тому же все эти подробности… В общем, я ей верю.

— Думаешь, мы должны ее остановить?

— Не вижу, как у нас это получится. Она абсолютно уверена в своем решении. Да и к тому же какое право мы имеем вмешиваться?

— Валентин будет вне себя.

Грейс поглубже запахнулась в свой кардиган.

— Я знаю, — согласилась она и заспешила в дом, спасаясь от дождя.

В доме к запаху тлеющих в очаге поленьев уже начал примешиваться аромат жарящегося ягненка. Валентин отошел от раскрытого окна, через которое он слышал каждое слово из их разговора, и, ошарашенный, привалился спиной к стене.

Мона едва притронулась к ужину и удивлялась, как мама, учитывая, что она задумала, вообще могла есть. Но Роуз, как ни в чем не бывало, разрезала на тарелке кусок мяса. Она прямо-таки цвела — дарила всем улыбки и о чем-то непринужденно беседовала с Тимом Хопкинсом.

Грейс и сэр Джеймс ели молча, то и дело переглядываясь через стол, а Валентин вещал.

— Хочешь узнать, за какой культурой будущее? — обратился он к Джеймсу, вновь наполняя свой бокал вином. — За арахисом. Я собираюсь расчистить около трех тысяч акров и посадить арахис.

Мона посмотрела на отца.

— Ничего не выйдет, — сказала она.

— Это почему?

— Для арахиса здесь слишком сильный подъем.

— Откуда ты знаешь?

— Два года назад я пыталась сажать его. Ничего не вышло.

— Значит, ты сделала что-нибудь не так.

Отец продолжал разговаривать с Джеймсом, а Мона почувствовала, что ее щеки наливаются румянцем. Подобное отношение ко всему, что она говорит, начинало ее бесить. Девушка готовилась к ужасному скандалу, когда ее отец вернулся с Севера, и продумала линию своей защиты. Но, к ее удивлению и разочарованию, он спокойно объехал поместье, поглядел на то, как она все тут устроила, и небрежно заметил:

— Тебе повезло. Но, понятное дело, все здесь придется поменять.

Никаких криков или скандалов. Просто унизительное нежелание признать результаты ее трудов. Это было хуже, чем ссора, к которой приготовилась Мона.

— С этого момента ты больше не будешь совать свой нос в мои дела, — сказал отец позже. — Этой фермой управляю я.

— А мне что делать? — спросила Мона.

И Валентин ответил ей:

— Сбавь обороты, девочка! Тебе двадцать семь! Выйди замуж!

Это было неделю назад, но все равно разговор никак не выходил у Моны из головы. «Выйди замуж». Он хотел сказать, избавь меня от своего общества и будь камнем на шее у кого-нибудь другого. Отец даже забыл, сколько ей лет.

Мона подумала о матери. Новость о том, что у той роман с другим и она собирается бежать с ним, явилась для Моны полной неожиданностью. Поначалу она расстроилась, потом усомнилась в душевном здоровье матери. Но вскоре стала завидовать ее новой жизни, тому, что у нее был человек, к которому она воспылала такой

страстью. Нужно было видеть ее лицо, когда она рассказывала о своем дорогом Карло. У Моны защемило сердце от боли, но потом она порадовалась счастью матери. «Да, — сказала она Роуз. — Ты права. Иди за человеком, которого любишь, и уходи от отца. Как бы мне хотелось поступить так же».

Перемешивая содержимое своей тарелки и слушая его рассуждения о делах его плантации, Мона думала о Джеффри Дональде, который в скором времени должен был вернуться из Палестины. Брак с ним отлично вписывался в ее планы. Джеффри больше не хотел работать в Килима Симба. Он решил начать заниматься туристическим бизнесом. Мона подумала, что этим он может заниматься и в Белладу. Вместо того чтобы после женитьбы уехать из Белладу, а именно этого желал ее отец, она привезет сюда своего мужа. Потому что Мона Тривертон никогда не расстанется со своей плантацией. Она не собиралась отдавать ее ни отцу, ни кому бы то ни было другому.

— Джеймс, ты слыхал, — продолжал Валентин, наливая себе еще вина, — что говорят про новую схему устройства солдат? Эта программа призвана подхлестнуть экономику после войны, увеличить количество белых поселенцев благодаря снижению цен на землю.

— До меня дошли такие слухи, но мне кажется, что земли не хватит.

— Они думают переселить местных обратно на их территории. Кикую придется вернуться на земли, которые выделило им правительство изначально.

— Они сделают это так же безропотно, как в старые времена. — Джеймс обменялся взглядами с Грейс. Напряжение за столом нарастало. Непринужденная манера Валентина казалась вымученной, он пил слишком много.

Валентин как раз начал говорить Джеймсу что-то еще, когда Роуз отодвинула стул и поднялась на ноги.

— Я хочу пожелать вам всем спокойной ночи. Но прежде чем уйти, я хочу кое-что сказать.

Гости с ожиданием повернулись к ней. Все они знали, что человек, сидящий на другом конце стола, обладал скверным характером.

Роуз выглядела прекрасно. По такому случаю она надела свое лучшее вечернее платье. Довольно глубокий вырез был украшен горным хрусталем. Волосы убраны наверх и заколоты орхидеей.

— Валентин, — произнесла она. — Я хочу тебе кое-что сказать.

Все замерли в ожидании.

— Я ухожу от тебя, Валентин. Ухожу утром и больше никогда не вернусь.

Повисла пауза. Остальные четверо за столом хотели увидеть его реакцию, но не решались пошевелиться.

Роуз сохраняла самообладание.

— Я встретила человека, который любит меня такой, какая я есть, Валентин. А не потому, что хочет как-то использовать меня. Он заботится обо мне, слушает меня, не ставит себя выше меня. Моя жизнь с тобой кончена. Я начну новую, далеко от Кении. Я не предъявляю никаких прав на твои деньги или на Белладу. И я возвращаю тебе твой титул. Я так и не стала хорошей графиней.

Она замолчала и посмотрела на него через весь стол. Те, кто сидели поближе к Роуз, могли видеть, как бьется жилка на ее шее.

— Нет, Роуз, — сказал Валентин, вздыхая. — Ты никуда не уйдешь.

Грейс посмотрела на брата. В его глазах полыхал огонь, на виске надулась вена.

— Да, Валентин. Я ухожу от тебя, и ты не сможешь меня остановить.

— Я этого не позволю.

— У тебя больше не получится меня запугивать, Валентин. Я больше не боюсь тебя. Этому меня научил Карло. Еще он научил меня любить, хотя мне казалось, что я никогда не буду на это способна, ведь ты убил во мне это чувство много лет назад. Я могла любить тебя так, как ты хотел, но твои нетерпение и пренебрежение оттолкнули меня от тебя. Если бы не ты, я бы смогла полюбить собственную дочь. Что тебе стоило признать ее своей, когда мы приехали сюда с ней? Сделать хоть один жест? Тогда бы и я позволила себе любить ее. Но вместо этого ты заставил меня стыдиться ее. И я наказывала за это и ее, и себя. А твой сын Артур, который всю свою короткую жизнь только и думал, как тебе угодить, — его ты тоже отдалил. Его убили, потому что он хотел показать тебе, какой он смелый, чтобы ты мог им гордиться.

Я нашла новую любовь и не собираюсь с ней расставаться. Я не ненавижу тебя, Валентин. Просто не люблю. И я не хочу больше с тобой жить. — Она посмотрела на остальных, сказала: — До свидания, — и вышла из столовой.

Пятеро за столом сидели без движения, тишину нарушал только мягкий шепот дождя. Грейс мысленно приготовилась к вспышке гнева со стороны Валентина и собралась с силами.

Но он только сказал:

— Уже поздно. Льет как из ведра, так что вам лучше сегодня остаться. Нет никакой необходимости мокнуть!

Они смотрели, как он встает и подходит к столику с напитками. Все медленно поднялись из-за стола. Первыми вышли Тим и Мона, направившись в свои комнаты. Затем Грейс прошептала Джеймсу, что поднимется к Роуз.

Когда двое мужчин остались наедине, Джеймс попытался было что-то сказать.

Но Валентин остановил его вежливой улыбкой.

— Она никуда не уйдет, ты же понимаешь. Она просто бросается словами. У Роуз не хватит духу совершить задуманное.

— Мне кажется, что она готова к этому.

Валентин опрокинул бокал виски и налил себе еще один.

— Может быть, сейчас ей и кажется, что она готова на все, но посмотрим. Наступит утро, и Роуз будет все еще здесь, я это гарантирую.

Джеймс подошел к нему.

— Валентин, — сказал он, — почему бы тебе просто не отпустить ее?

Валентин рассмеялся, мягко и без злобы.

— Ты не понимаешь, Джеймс, — сказал он, положив тяжелую ладонь на плечо другу. — Я построил этот дом специально для нее. Все это — для моей дорогой Роуз. Ты же не думаешь, что она бросит все это? Иди спать, дружище. Завтра мои кофейные деревья будут в цвету. Подумай об этом. Сотни акров белых цветов! — Он улыбнулся. — Спокойной ночи, Джеймс. И не беспокойся за меня и Роуз.

Грейс неожиданно проснулась.

Она моргнула, чтобы глаза привыкли к темноте, и подумала, что же могло ее разбудить.

Потом она поняла, что это звук мотора автомобиля. Она попыталась разобрать, сколько времени. Либо пять минут пятого, либо час двадцать, точнее она сказать не могла. Или же шум мотора ей просто приснился? Может, кто-то действительно выехал из Белладу посреди ночи? Наверное, Тим. Волнуется за оставшуюся на ферме сестру.

Грейс посмотрела на покоящуюся на соседней подушке голову. Звук не разбудил Джеймса.

Прислушиваясь к огромному дому, она подумала: «Дождь закончился».

Снова проваливаясь в сон, Грейс услышала, как скрипнули половицы в коридоре, словно кто-то проходил мимо.

39

Ранним утром, незадолго до восхода, 16 апреля 1945 года акушерка из Европы, работающая в миссии Грейс Тривертон, ехала по пустынной дороге из города Киганджо, где она всю ночь принимала роды. Впереди она увидела машину, припаркованную на правой обочине дороги. Мотор работал, габаритные огни высвечивали в грязи две красные дорожки света. Притормозив и подъехав поближе, она заметила, что на водительском месте сидит человек. Она поравнялась с машиной и увидела спящего мужчину. Узнав в нем графа Тривертона, она окликнула его и поинтересовалась, все ли у него в порядке. Когда он не ответил, она вышла и заглянула в салон через окно пассажирского сиденья.

Граф лежал, прислонившись к двери. В его виске виднелось пулевое отверстие. В руках был пистолет.

Тогда она, не теряя времени, направилась в полицейский участок Найери, где подняла на ноги констебля третьей степени Камау, который, в свою очередь, разбудил дежурного капрала. Взяв двоих охранников, они последовали за госпожой на дорогу до Киганджо, где через милю после съезда с главной дороги на Найэри и обнаружили машину лорда Тривертона.

Полицейские ходили кругами возле освещаемой рассветным солнцем машины и спорили, как им поступить. В это время медсестра заметила в грязи свежие следы велосипедных шин, ведущие к пассажирскому сиденью и заворачивающие обратно в направлении, откуда они, похоже, и тянулись, — в сторону Найэри. Когда капрал вернулся на пост, чтобы позвонить инспектору Митчеллу, живущему в Найэри, и когда тот прибыл на место, все следы велосипеда были безнадежно затоптаны.

— Боже милостивый, — сказал Митчелл, заглянув в машину. — Граф застрелился.

Сообщать такие новости родственникам было делом не из приятных. А сколько шуму поднимется! Ведь граф был одет в военную форму. «Наверное, до него добралась послевоенная депрессия, — думал инспектор, идя по дорожке к дому в Белладу. — Не так уж мало

военных возвращались домой и совершали самоубийства. Но почему в их числе оказался и лорд Тривертон?»

Было девять часов утра, когда инспектор полиции Найэри Митчелл постучал в дверь особняка Белладу и сказал открывшему ему мальчику, что желает говорить с леди Роуз.

Но вместо нее в гостиную спустилась доктор Грейс Тривертон.

— Моей невестки нет дома, инспектор, — сказала она. — Леди Роуз уехала рано утром. Может быть, я смогу вам чем-то помочь?

— Ну, доктор, — сказал он, теребя в руках свою фетровую шляпу. Инспектор Митчелл ненавидел эту часть своей работы. — Это касается его сиятельства графа.

— Боюсь, мой брат еще не спустился к завтраку. Так что пока проснулись только я и сэр Джеймс Дональд.

Инспектор кивнул. Он был хорошо знаком с сэром Джеймсом.

— Ну, доктор, так как вы сестра графа, я могу сообщить вам, а вы передадите потом леди Роуз, когда она вернется.

— Что сообщить, инспектор?

В доме повисла какая-то зловещая тишина. Где-то тикали часы. На стенах красовались охотничьи трофеи — огромные головы животных с внушительными рогами. Инспектор Митчелл хотел бы, чтобы граф Тривертон выбрал для самоубийства какой-нибудь другой округ.

— Боюсь, ваш брат не спустится к завтраку, доктор Тривертон. Его здесь нет.

— Как нет? Но он дома…

— Рано утром его нашли в машине на дороге в Киганджо. Это была одна из ваших акушерок, сестра Биллингс.

— В каком смысле нашли?

— Мне очень жаль, но его светлость ночью выехал на машине и застрелился.

Грейс села, не в силах пошевелиться. Она смотрела на инспектора полиции через очки в золотой оправе. Затем спросила:

— Вы хотите сказать, что мой брат мертв?

— Мне очень жаль, доктор.

— Вы уверены, что это лорд Тривертон?

— Уверен.

Грейс поднялась на ноги.

— Прошу меня простить, — сказала она и вышла из гостиной.

Когда она вернулась мгновением позже, с ней был сэр Джеймс.

— Расскажите мне, что произошло, инспектор, — попросил он и сел на диван напротив полицейского рядом с потрясенной Грейс.

Полицейский повторил свою историю и добавил:

— Когда сестра нашла его, мотор все еще работал. Мы думаем, что он умер незадолго до рассвета. Тело заберут в полицейский участок. Вы можете, гм, увидеть его там.

— Боже мой, — сказала Грейс, и Джеймс обнял ее.

— Спасибо, что пришли, инспектор, — сказал он натянутым голосом, когда полицейский поднялся со своего места. — Чуть позже я приду в участок, чтобы подтвердить его личность.

— Большое спасибо, сэр Джеймс.

Инспектор повернулся, чтобы уйти, но застыл на месте, когда увидел в дверях столовой Роуз Тривертон.

Он удивленно уставился на нее. На ее левой щеке красовался огромный синяк.

— Что случилось? — спросила она.

Джеймс и Грейс подняли глаза.

— Роуз! — воскликнула Грейс. — Ты все еще здесь! — Увидев синяк, Грейс вскочила и, подойдя к невестке, прошептала: — Что у тебя с лицом?

Но когда она протянула руку, чтобы коснуться темно-синей ссадины, Роуз подалась назад.

— Что здесь делает полицейский? — спросила она.

— Роуз, — сказала Грейс, стараясь совладать с собой. — Пожалуйста, присядь. Боюсь, к нам в дом постучалась беда.

Роуз и не подумала сдвинуться с места.

— В чем дело?

Инспектор невольно поежился. Несколько раз до этого он видел графиню Тривертон. В коляске на ипподроме в Найроби, на заднем сиденье машины с шофером. Она всегда была красивой и сохраняла аристократический облик. Сейчас же ее вид поразил его: растрепанные волосы, отчасти заколотые на затылке, отчасти выбившиеся из прически. Ее платье было измято, под глазами залегли темные круги, а синяк на щеке производил удручающее впечатление.

Грейс начала говорить:

— Роуз, случилось… — Она осеклась, не сумев произнести слово «несчастье».

— Кто-то пострадал?

Грейс не могла больше произнести ни слова и повернулась к Джеймсу, который пришел ей на помощь и сказал:

— Валентин мертв, Роуз.

Роуз пошатнулась, словно у нее случился удар.

— Скорее всего, застрелился… — Голос Джеймса сорвался на хрип.

Роуз, казалось, не поняла его.

— Валентин мертв? — прошептала она. — Покончил с собой? Но где?

— В своей машине, графиня, — вмешался инспектор. — На дороге в Киганджо. Это произошло ночью. Выражаю вам свои искренние соболезнования.

Она повернулась и на деревянных ногах подошла к одному из стульев. Положив руку на спинку, видимо, желая выдвинуть его, чтобы сесть, она осталась стоять, как будто стараясь рассмотреть что-то на полированной поверхности стола.

— Валентин… — шептала она. — Мертв. — Затем уронила лицо в ладони и заплакала. — Я не хотела этого. О, Карло!

Когда инспектор ушел, Джеймс и Грейс проводили Роуз в гостиную.

— Роуз, — не своим голосом спросила Грейс. — Что произошло вчера ночью? Откуда у тебя этот синяк? И почему ты не ушла с Карло?

Роуз опустила глаза.

— Валентин ударил меня. Он поднялся ко мне и сказал, что не позволит мне уйти от него. Мы поссорились. И он ударил меня по лицу.

Грейс ждала продолжения рассказа.

— И что было дальше?

— Не знаю. Я потеряла сознание и очнулась несколько минут назад. Я не слышала, как он выходит из дома… — Роуз начала всхлипывать. — Вы должны мне поверить. Я не желала ему смерти.

— Ну, — сказал инспектор Митчелл, заходя в маленький, скромно обставленный кабинет в полицейском участке, — теперь поползут

слухи.

Африканец констебль оторвался от пишущей машинки и ухмыльнулся.

Митчелл покачал головой и повесил шляпу на вешалку.

— Ничто так не заставляет людей чесать языками, как самоубийство в высшем обществе.

Когда он садился за свой стол, чтобы выпить чаю и съесть тост, вбежал еще один констебль.

— Бвана, идемте скорее!

Вздохнув и мысленно спросив себя, за каким чертом ему понадобилось покидать спокойное и тихое графство Чешир и эмигрировать в Кению, инспектор Митчелл последовал за констеблем во двор участка. Туда отогнали машину лорда Тривертона. Двери и багажник были открыты, а двое констеблей производили осмотр.

Обойдя машину сзади, он застыл на месте, глядя в багажник.

— Боже праведный! Это еще кто?

Констебль третьей степени Камау доложил:

— Мы пока не знаем, сэр. При нем, похоже, нет никаких документов, но мы тщательно его не обыскивали. Я хотел, чтобы вы взглянули, прежде чем мы передвинем тело.

— Я так полагаю, он мертв?

— И мне кажется, уже давно.

— Приведите сюда фотографа.

Митчелл посмотрел на тело в багажнике и почувствовал, что ему расхотелось завтракать. На жертве были только штаны и белая шелковая рубашка. Руки и босые ноги были связаны веревками, в голове зияла пулевая рана.

— Вы говорите, казнили? — спросил суперинтендант отделения расследования преступлений Найроби Льюис. Он только что прибыл в Найэри, сразу же после звонка инспектора Митчелла, и сейчас в его сопровождении шел к участку.

— Очень похоже на то, — сказал Митчелл. — Связали, как козла, которого собираются принести в жертву. Стреляли один раз, прямо в голову.

— Вы представляете, кто это такой?

— Понятия не имею. Мы опросили местных по округе. Похоже, он иностранец. Никто не заявлял о пропавших людях.

Они подошли к машине и заглянули в пустой багажник. Везде были следы крови.

— Полагаю, его заставили забраться сюда, — сказала Митчелл. — Затем связали и застрелили. Граф решил избавиться от необходимости самолично засовывать тело в багажник.

Суперинтендант Льюис, низкорослый круглый мужчина с густыми усами, носивший очки, коснулся рукой подбородка и задумался. Его подключили к делу Тривертона, потому что теперь в нем фигурировало еще и убийство.

— Фотографии еще не готовы?

— Пока нет, суперинтендант. Но я велел своим людям поторопиться с проявкой.

Льюис обошел машину с левой стороны и заглянул внутрь. Прямо напротив него, на водительской двери виднелось небольшое пятно крови, расположенное примерно на уровне головы сидящего за рулем графа.

— Говорите, мотор работал?

— Да, суперинтендант. Лично мне все это видится следующим образом. Лорд Тривертон заставил мужчину залезть в багажник, застрелил его, затем решил отъехать подальше, чтобы выбросить тело там, где до него могли бы добраться дикие животные, или же чтобы его закопать. Но на дороге в Киганджо его одолело чувство вины, и он остановился и выстрелил себе в висок.

— Патологоанатом уже прибыл?

— Сейчас он на полпути из Найроби.

Суперинтендант Льюис осмотрел салон, отметив несколько разбросанных здесь вещей — пару мужских перчаток, старый журнал и свернутое одеяло, — и затем устремил взгляд своих маленьких внимательных глаз на пассажирское сиденье. На нем остались следы высохшей грязи. Чуть отойдя, он посмотрел вниз, на пол машины, и разглядел на коврике два грязных отпечатка, которые могли быть следами ботинок.

— Семье известно об этом повороте в деле? — спросил он у Митчелла.

— Нет еще. Я сообщил им о смерти графа сегодня утром. Не хотел бы говорить им что-либо еще, прежде чем вы составите собственное впечатление о ситуации.

Суперинтендант посмотрел на инспектора поверх оправы очков и сказал:

— Если вы не против, я бы хотел сам сообщить им эти новости.

В полицейском участке двое мужчин склонились над только что проявленными фотографиями. Суперинтендант Льюис внимательно рассматривал снимки Тривертона, его голову, профиль, то, как он прислонился к двери, небольшую круглую рану с ожогами от пороха на левом виске. Была и фотография пистолета, зажатого в его руке, покоящейся на сиденье. На этом снимке также виднелись следы грязи на пассажирском сиденье. И грязь эта казалась довольно свежей.

Они сидели за столиком, уставившись в чашки с остывшим чаем, когда вошла Роуз и взволнованно произнесла:

— Его там нет!

Джеймс поднялся и помог ей сесть, в то время как Мона налила свежего чая и протянула матери чашку с дымящимся напитком. Но Роуз и не собиралась пить.

— Карло нет в оранжерее! — сказала она. — Но где же он тогда?

Тим Хопкинс встал и подошел к окну. Перед ним простирались заброшенные кофейные поля. Со стороны реки вместо привычного звука работающих комбайнов доносилась только поминальная песня из деревни кикую. Народ скорбил о графе.

Его самого это не касалось.

— Но куда Карло мог пойти? — спросила Мона, усаживаясь рядом с матерью и накрывая ее руку своей.

Роуз покачала головой, стараясь отогнать навертывающиеся на глаза слезы.

— Может, он заволновался от того, что ты не пришла утром? — предположил Джеймс. — Может, он сейчас на вокзале?

Тим подал голос:

— Кто-то идет. А, это снова полицейский инспектор. На этот раз привел с собой еще одну ищейку.

— Грейс! — Роуз встала из-за стола, крепко сжав руку золовки. — Я не хочу с ними говорить. Пожалуйста, не пускай их ко мне!

— Не беспокойся, Роуз, — безжизненным тоном ответила Грейс. Ее лицо было бледным. К своему чаю она даже не притронулась. — Мы с Джеймсом обо всем позаботимся.

Но суперинтендант Льюис изъявил настойчивое желание задать леди Роуз несколько вопросов. Первым делом он поинтересовался, откуда у нее на лице синяк.

Она сложила руки на коленях и, избегая его взгляда, ответила:

— Я упала.

— Вы упали?

— Вчера вечером. Споткнулась об угол ковра и ударилась о туалетный столик.

— Вы знаете, когда ваш муж покинул дом вчера ночью?

— Нет. Я спала.

— Вы не знаете, что заставило его покинуть дом посреди ночи?

— Суперинтендант, — вмешался Джеймс. — Неужели в этом есть такая острая необходимость? Леди Роуз испытала сильное потрясение. На ваши вопросы могу ответить и я. Прошлой ночью я тоже был в доме.

Он вскинул свои кустистые брови.

— Вы тоже? Тогда вы можете оказаться полезным. — Он достал из кармана небольшой блокнот, перевернул листок и спросил у Джеймса: — Вы с графом были близкими друзьями, так?

— Мы знали друг друга много лет.

— Лорд Тривертон был левшой или правшой?

— Он был правшой. Скажите, к чему это все? И почему делом занимается отдел уголовных расследований?

— Потому, сэр Джеймс, что в деле за последнее время открылись новые обстоятельства.

— Что за обстоятельства?

Полицейский потянулся в нагрудный карман и извлек из него фотографию.

— Похоже, также было совершено убийство.

Льюис внимательно следил за их реакцией, когда рассказывал про тело в багажнике и о своей теории, что Валентин застрелил человека и хотел избавиться от тела, когда его тоже убили.

— Мы пытаемся опознать жертву. Возможно, вы его знаете?

Они склонились над пугающим изображением. Мона тут же отвернулась, прижав ладонь к губам. Тим помянул Господа, а Грейс и Джеймс только смотрели, не произнося ни слова.

Но когда Роуз наклонилась поближе и увидела в багажнике тело Карло, связанного по рукам и ногам, с пулевой раной в голове, то вдруг закричала:

— Валентин, ты чудовище! — и повалилась на пол без сознания.

— Необычная реакция, — сказал суперинтендант Льюис, когда они вернулись обратно в участок. — Вы так не думаете?

Митчелл отхлебнул чай, вперив взгляд в голую стену участка.

— Я думаю, что леди Роуз знала этого парня.

— У меня сложилось такое же впечатление. Остальные вели себя достаточно сдержанно. Я не увидел на их лицах признаков того, что они узнали человека на фотографии. Им просто показали неприятное изображение мертвого человека. Но леди Роуз… ее это потрясло до глубины души.

— Суперинтендант, — в комнату вошел доктор Форсайт, молодой патологоанатом из Найроби. — Я только что начал производить вскрытие графа, как вы и приказали, но вскоре мне пришлось остановиться. Вам нужно кое на что взглянуть, сэр.

— Что такое?

— Вряд ли вы поверите мне на слово. Лучше пойдите и сами посмотрите.

Полицейский морг помешался в многофункциональной комнате, прилегающей к камерам предварительного заключения. Тело Карло Нобили лежало под простыней на каких-то ящиках. Валентин Тривертон был распростерт на столе.

Патологоанатому не пришлось показывать суперинтенданту то, что так его заинтересовало. Детектив и раньше видел колотые раны. Она была совсем небольшой, чуть левее грудины. Крови почти не было.

— Вот что убило его, — сказал доктор Форсайт. — А не пуля в висок. Ручаюсь своей головой.

Митчелл присвистнул. Ранение казалось таким незначительным — просто небольшой порез длиной в несколько сантиметров с пятном запекшейся крови.

Но Льюис знал, насколько опасной может оказаться такой удар. Колотые раны, особенно те, которые затрагивали внутренние органы, если были нанесены в область живота или груди, редко вызывали сильное кровотечение. Он не сомневался в том, что нож повредил важную артерию, если не само сердце. Когда грудную клетку графа вскроют, будет очень много крови.

— Вы уверены, что именно эта рана явилась причиной смерти? — спросил он у врача.

— Я смогу сказать наверняка, когда произведу вскрытие, но судя по ее расположению, ответ будет утвердительным. Думаю, что при более тщательном осмотре раны на голове станет понятно, что она появилась уже после смерти.

— Убийство, замаскированное под самоубийство! — произнес Митчелл.

Человек из отдела криминальных расследований повернулся на каблуках и пошел обратно в кабинет, где на столе лежали фотографии. Особенно пристально он изучил те, на которых были видны следы грязи на пассажирском сиденье. Когда к нему присоединился инспектор, Льюис проговорил:

— Машина стояла на обочине, как будто граф остановился специально и не заглушил мотор, так как думал, что будет стоять недолго. Знаете, мне кажется, что кто-то остановил его на дороге. Тот, у кого был нож.

— Кстати, — сказал Митчелл, открывая папку с делом и проводя пальцем по записям, стараясь что-то отыскать, — я тут вспомнил. Женщина, которая нашла машину, сестра Биллингс, в своем заявлении говорила что-то про следы велосипедных шин возле машины. Да где же оно? Ах, вот.

Льюис прочитал свидетельские показания медсестры. В них говорилось о следах велосипеда, ведущих к пассажирской двери и возвращающихся в сторону Найэри. Он отложил бумагу и сказал:

— А вот другая картина произошедшего, инспектор. Как вам такой сценарий? Граф застрелил парня в багажнике. Мы выясним мотив, когда установим личность жертвы. В этом нам может помочь леди Роуз. Экспертиза в Найроби покажет, что пули были выпущены из одного пистолета. Вне всякого сомнения, человека в багажнике убил именно граф и, как вы сказали, собирался избавиться от тела. Но

потом… — Он начал мерить комнату шагами. Затем остановился и повернулся к Митчеллу. — Кто-то последовал за графом и нагнал его на дороге в Киганджо. Он просигналил, и граф остановился, видимо, потому, что был знаком с человеком на велосипеде. Этот человек сел на пассажирское сидение, оставив после себя следы грязи, ведь шел дождь, и один раз ударил графа ножом в грудь. Затем запаниковал и, увидев пистолет его светлости, из которого был убит мужчина в багажнике, решил инсценировать самоубийство.

— Но он должен был понимать, что ножевую рану обнаружат.

— Вовсе необязательно. На одежде графа не было крови. И если бы не вскрытие, ее бы вряд ли заметили. И, черт возьми, мы ее чуть было не пропустили, ведь я приказал произвести вскрытие только после того, как мы нашли парня в багажнике.

— Это значит, — медленно проговорил Митчелл, — что человек с ножом не знал про труп в багажнике.

Льюис вскинул брови.

— Возможно, — он притронулся к подбородку. — Возможно, велосипедист хотел помешать графу совершить убийство, не зная, что уже слишком поздно.

Запутанность дела, местом действия которого стала вверенная Митчеллу территория, тяжким грузом легла на плечи инспектора.

— Я хочу, чтобы опросили всех возможных свидетелей, — отрывисто сказал Льюис, что-то записывая в свой блокнот. — Я хочу, чтобы любой след, даже незначительный, был проверен. Нужно найти велосипед. Нужно найти нож. Скажу вам одну вещь, Митчелл: в этом большом и красивом доме на холме все ой как непросто.

Грейс остановилась на веранде дома Белладу, чтобы опустить темную вуаль шляпки. Сегодня она надела черное во второй раз с тех пор, как закончила работать на флоте двадцать шесть лет назад.

Она смотрела, как люди выстраиваются возле вереницы машин, готовясь отправиться к фамильному склепу Тривертонов, где Валентин должен был вскоре воссоединиться со своим единственным сыном Артуром. Грейс была очень расстроена и сейчас, как никогда, нуждалась в Джеймсе, в его поддержке.

Морган Акрес, старший сын банкира, был семейным юристом Тривертонов и только что сообщил Грейс удивительную вещь.

Этим утром было оглашено завещание Валентина. Оно не содержало никаких неожиданностей. Роуз осталась богатой вдовой, унаследовав кофейные плантации в Белладу и старый фамильный дом, Белла Хилл, в Англии. Но когда все остальные разошлись, мистер Акрес отозвал Грейс в сторонку и сообщил ей, что, к сожалению, в связи с кончиной лорда Тривертона ежегодные отчисления в фонд ее миссии, которые производились вот уже много лет, придется прекратить.

Грейс была так поражена, что ей потребовалось сесть.

— Валентин? — переспросила она. — Так это мой брат был анонимным благодетелем? А я всегда думала, что это Джеймс…

«После стольких лет, Вал, — подумала она, — у меня теперь не будет возможности отблагодарить тебя».

Джеймс наконец-то вышел на веранду и взял Грейс под руку. Они забрались в лимузин, где их ждали Роуз и Мона, и процессия двинулась. Тим Хопкинс ехал сзади на своем грузовике. Он думал о том, что ему предстоит побывать на могиле, где он не был восемь лет. На могиле Артура.

Колонна машин медленно ползла по грунтовой дороге вокруг поместья к одинокому участку земли, огороженному забором. Африканцы выстроились вдоль дороги, махая на прощание руками своему бвана. Там же были и Дэвид Матенге с матерью. Они тихо смотрели, как белые люди готовились предать земле своего соплеменника.

* * *

Суперинтендант Льюис изучал приколотые к доске фотографии тела графа Тривертона и его машины. Здесь же висела схема места преступления, на которой точками был отмечен предполагаемый маршрут велосипедиста. Его размышления прервал запыхавшийся инспектор Митчелл.

— Нашли! — сообщил он, протягивая детективу большой конверт.

Льюис взял его и принялся внимательно изучать. Он устал. Двое полицейских пять дней вели расследование, нещадно эксплуатируя весь небольшой штат полицейского участка Найэри и экспертов из

Найроби. Они мало спали, пили слишком много кофе. Содержимое этого конверта было кульминацией их поисков.

Вчера они обнаружили велосипед.

Он был брошен в кустах где-то на полдороге между машиной графа и Найэри. Заднее колесо было проколото. Детективы предполагали, что, когда транспортное средство пришло в негодность, убийца бросил его и проделал остальной путь пешком. Свидетели показали, что велосипед был с плантации Тривертонов.

Частые допросы проводились с особым тщанием. Оба полицейских ходили в компании пары охранников и расспрашивали каждого, кто имел хоть какое-то отношение к графу. Улики и показания были нужны им позарез. Они допросили даже африканцев, живущих и работающих на земле графа, в том числе и знахарку, Вачеру, которая все твердила о каком-то проклятье. Но внимательнее всего они отнеслись к словам членов семьи графа.

Леди Роуз не разговаривала. Она не произнесла ни слова с момента своего обморока, который случился пять дней назад. Фотография мертвого мужчины выбила ее из колеи. Она сидела без движения и не реагировала на вопросы. Ее лицо стало еще более бледным, что невыгодно подчеркивало синяк на лице.

На вопросы детектива вместо нее отвечала доктор Тривертон. Она рассказала, что человек в багажнике — это беглый итальянский пленный по фамилии Нобили.

— Никто в округе его не знает, — сказал суперинтендант Льюис. — Откуда же знаете вы?

— Роуз рассказывала мне о нем.

— Где он жил? — спросил Льюис и достал карандаш, готовясь записать его адрес.

Но когда после долгой паузы она все же рассказала ему про оранжерею и намерение Роуз покинуть Кению вместе с Нобили, перед ним предстала более ясная картина.

И вот у них в руках, если верить инспектору Митчеллу, было последнее доказательство.

Троим людям было поручено дежурить на землях поместья, смотреть за тем, что делают домочадцы, расспрашивать слуг и рабочих, а также искать любые возможные улики. Этим утром один из них сообщил, что неподалеку от дома в яме сжигают мусор. Рабочие

делали это регулярно, примерно раз в неделю. Льюис отправил одного из экспертов, чтобы он все проверил. В конверте содержались его находки.

Открыв его и увидев, что находится внутри, он удовлетворенно кивнул. Как казалось суперинтенданту отдела криминальных расследований Льюису, дело вскоре можно будет закрыть.

Они стояли под темным серым небом — горстка людей, склонивших головы над вырытой могилой. Преподобный Михаэлис, священник из миссии Грейс, произносил проидальное слово, а гроб опускался в землю. В сердцах скорбящих поселились тоска и яростное нежелание мириться с действительностью. Но один из них был исполнен не только горечи и ненависти, но и мрачной удовлетворенности от того, что граф умер.

Джеймс мысленно прочитал молитву от всего сердца и попрощался с другом, который спас ему жизнь двадцать восемь лет назад и, отринув гордыню, взял с него слово хранить тайну. Джеймс знал, что Грейс думала, будто это он спас жизнь Валентину, но граф просил его никогда не раскрывать подробностей того мужественного поступка.

Мона попрощалась с посторонним человеком. Плантация была теперь в ее руках.

Тим Хопкинс, стоящий поодаль от всех остальных, смотрел на надгробный камень единственного человека, которого любил. Он молился, чтобы Артур мог увидеть с небес, как его отец горит в аду.

Еще дальше, за плетеным металлическим забором, стояла группа африканцев. Домашние слуги, искренне сожалеющие о смерти своего господина; Нджери, скорбящая не по графу, а по своей не находящей себе места от горя госпоже; Дэвид Матенге, который не был ни обрадован, ни огорчен. Он повторил про себя пословицу на языке суахили: «Adhabu ua kaburi ajua maiti», — что в переводе означало «Только мертвым судить об ужасах могилы».

Бросив пригоршню земли поверх гроба, Грейс исполнилась чувством, что пришел конец целой эпохи. В воздухе пахло переменами, она почти физически ощущала это и опасалась, что старая добрая Кения уходит в прошлое, а на смену ей приходит нечто пугающее и неизвестное.

Суперинтендант Льюис и инспектор Митчелл дождались конца похорон, когда пришедшие проститься с графом стали расходиться по машинам. Затем подошли к леди Роуз, которая шла между золовкой и сэром Джеймсом.

Детектив из отдела расследования преступлений извинился за вторжение и что-то протянул потерянной от горя женщине.

— Вы узнаете этот предмет, графиня?

Роуз даже не посмотрела на то, что он ей показывал. Вместо этого она перевела взгляд на его лицо. По ее глазам было видно, что она сейчас где-то далеко отсюда.

Но Грейс и Джеймс видели, что перед ними льняной платок, испачканный кровью.

— Это ваша монограмма, леди Роуз? — спросил детектив.

Она смотрела куда-то сквозь него.

— Этот платок нашли сегодня в мусорной куче. В него был завернут окровавленный нож. Итак, леди Роуз, вы не хотите мне ничего рассказать про ночь, когда был убит ваш муж?

Но ее взгляд блуждал по бескрайним акрам цветущих кофейных деревьев.

Льюис протянул руку и взял платок, который был сейчас у леди Роуз. Поднеся его к другому, запачканному кровью, он сравнил их. Монограммы были идентичными.

— Леди Роуз Тривертон, — тихо произнес суперинтендант Льюис. — Именем короны я арестовываю вас по подозрению в убийстве вашего мужа, Валентина, графа Тривертона.

40

Сенсационный суд над графиней Тривертон начался 12 августа 1945 года, четыре месяца спустя после того, как ее арестовали. Обвинению понадобилось немало времени, чтобы подготовить все материалы, подтверждающие ее причастность к преступлению. Все эти дни она провела в специальной камере в тюрьме Найроби. По ее просьбе адвокат добился разрешения на занятия рукоделием.

Это была вторая просьба подозреваемой. Первая поступила немедленно, как только она оказалась в заключении. С того момента, как Роуз увидела фотографию тела Карло, от нее не слышали ни слова. Теперь же она потребовала вызвать семейного адвоката Моргана Акреса. Они провели наедине в камере три часа: Роуз давала очень подробные инструкции, как поступить с телом генерала. По ее просьбе адвокату не разрешалось обсуждать с другими членами семьи содержание поручения. Но когда через неделю Грейс и Мона увидели в эвкалиптовой роще рабочих, грузовики, строительные материалы, привезенные из Найроби, они поняли, по чьему указанию это происходит. Тело ее возлюбленного все это время находилось в морге в Найроби.

Вторую просьбу о рукоделии она передала через Грейс спустя неделю.

— Оно не закончено, — проговорила она, сидя на железной кровати, сложив руки на коленях, невидящим взглядом уставившись вдаль сквозь решетки на окне.

— Роуз, — подала голос Грейс, сидевшая на единственном в камере стуле. — Послушай меня. Все подстроено. Этому детективу из уголовного департамента все равно, кто на самом деле виновен, ему важно закрыть дело. Все его обвинения строятся на косвенных уликах. Почему ты не хочешь рассказать все как было? Скажи, что Валентин избил тебя и ты просто была не в состоянии ехать на велосипеде по грязной дороге среди ночи! Твое молчание можно принять за признание вины. Ради бога, защищай себя!

Взгляд Роуз по-прежнему был устремлен в бескрайнюю даль:

— Я забросила свое рукоделие в тот день, когда встретила Карло. Сейчас я должна закончить работу.

— Послушай Роуз, если ты позволишь им признать себя виновной, ты дашь настоящему убийце шанс остаться безнаказанным. Ты ведь знаешь, носовой платок у тебя украли!

Но Роуз больше ничего не сказала. Грейс и юрист — он консультировал господина Бэрроуза, королевского адвоката, — передали просьбу Роуз начальнику тюрьмы, обращая внимание на ее особенное положение: среди тысячи трехсот узников всего восемь было европейцами, и Роуз была единственной белой женщиной. Им удалось добиться исключения из правил: принести в камеру все необходимое для рукоделия, доставлять еду из отеля «Норфолк», где ее лично готовил шеф-повар, а также постельные принадлежности, шоколад, ковер на каменный пол. Поскольку все узники должны были содержать камеры в чистоте, то каждый день приходила служанка Нджери, которая ухаживала все это время за своей госпожой.

— Ваша сестра весьма затрудняет мою работу, — пожаловался мистер Бэрроуз, юрист из Южной Африки. — Она не разговаривает со мной. Она вообще на меня не смотрит. Ее молчание работает против нее.

— Что произойдет, если ее признают виновной?

— Кения — британская колония, и здесь действует та же система с судом присяжных. И такие же наказания. Если Роуз признают виновной, ее повесят.

Юрист встал с кушетки, направился к краю веранды и долго стоял там, погрузившись в свои думы.

Грейс, Джеймс, Мона и Тим Хопкинс переехали в Найроби и остановились в клубе, который находился недалеко от здания суда. Вечером накануне начала процесса они собрались в отдельной комнате, уставленной кожаной и плетеной мебелью и украшенной шкурами зебр и охотничьими трофеями.

— Понимаете, доктор, — мягко начал Бэрроуз, — государственное обвинение имеет сильные доводы против вашей невестки. Во-первых, мотив. Эти любовные треугольники — с ними не разберешься. Леди Роуз заявила вам четверым в присутствии слуг, что она собирается оставить своего мужа и связать свою жизнь с другим мужчиной. Симпатии будут на стороне Валентина. Во-вторых, нож. Судмедэксперт достоверно установил, что именно им убили графа. Это

тот самый нож, который годами использовала в оранжерее ваша невестка, и его нашли обернутым в ее носовой платок.

Мона заметила:

— Да кто угодно мог взять нож в оранжерее и украсть платок из комнаты.

— Я с вами полностью согласен. Но, к сожалению, ваша мать ничего такого не заявила. Она не отрицает, что заворачивала нож в платок, чтобы отправить его в костер, когда сжигают мусор. Фактически, ваша мать ни разу не заявила, что не совершала убийства! И, в-третьих, она не может описать, где была во время убийства, а также у нее нет свидетелей, кто мог бы это сделать. Как вы помните, все быстро заснули.

Тощий мистер Бэрроуз расположился на диване.

— Я боюсь, что в таких случаях решения принимаются на основе эмоций, а не голых фактов. Обвинение будет стараться представить леди Роуз как хладнокровную, жестокую, бессердечную женщину. Они покажут любовную связь в оранжерее как что-то отвратительное, а Валентина выставят в качестве обманутого мужа. Не забывайте, что в жюри будут одни мужчины. И они приговорят леди Роуз к смерти за прелюбодеяние, я вас уверяю.

— Но мы не можем этого допустить, — произнес Джеймс.

— Не можем. Мне придется вылезти из собственной шкуры, чтобы заставить жюри сочувствовать нам.

— А в это время настоящий преступник гуляет на свободе, — заметил Тим.

— Сейчас это не наша забота, мистер Хопкинс. Нам надо сконцентрироваться на том, чтобы доказать невиновность леди Роуз.

Бэрроуз уставился на собравшихся. Знаменитый твердый взгляд маленьких зеленых глаз выдавал силу таланта адвоката, прославившегося победами во многих шумных и скандальных судебных делах. Затем он добавил:

— До того как я завтра переступлю порог зала судебных заседаний, я хочу быть уверен, что у меня есть все факты. Я не хочу сюрпризов. Если вы знаете хоть что-то, чего мне не сказали, или у вас есть какие-то предположения или сомнения, хоть что-то по этому делу, сообщите мне сейчас.

На следующее утро судебное заседание открылось почти в праздничной атмосфере. Центральный суд Найроби стал центром внимания изнывающих от скуки колонистов, которые набились в скромное помещение, заполнили все проходы и даже заняли все свободные места на балконе. Стеклянный купол пропускал рассеянный свет. Некоторые присутствующие добирались из очень отдаленных мест, даже от Мояле. Здесь были фермеры, животноводы, военные, женщины в лучших нарядах, которые обычно приберегались к Неделе скачек. Шум стоял невыносимый, все предвкушали невероятное зрелище. Кенийские обыватели, уставшие от шести лет войны и страданий, последние четыре месяца развлекались сплетнями и слухами, которые подпитывали газетные сообщения с новыми подробностями о «любовном гнездышке в оранжерее».

Незадолго до того как привели обвиняемую, появление еще одной зрительницы вызвало волну замешательства, пока она пробиралась среди африканцев, столпившихся на галерее и расступавшихся перед ней. Когда знахарка Вачера добралась до перил и оглядела зал суда, в нем не осталось ни одного европейца, кто бы ни разглядывал ее во все глаза.

Среди собравшихся не было таких, кто бы не слышал о легендарной представительнице племени кикую: она по-прежнему пренебрегала европейскими властями и оставалась оплотом духовной силы для крупнейших племен Кении. Она возвышалась подобно императрице, оглядывающей своих подданных. Возможно, в другое время белая публика сочла бы ее одеяние странным и неподобающим, но этим утром было какое-то особое значение в том, как выглядела эта женщина, чье высокое, сильное тело было убрано шкурами, увешано четками и ракушками, а выбритую голову переплетали крест-накрест ленточки, также украшенные четками. Это было своего рода послание европейцам. Вачера напомнила им о том, о чем они предпочитали не думать: когда-то эта земля принадлежала ей, они пришли сюда гораздо позже.

Истории о давнем таху, произнесенном на рождественской вечеринке, в свое время просочились в колонки светских сплетен. Некоторые европейцы подумали об этом сейчас, разглядывая знахарку и прикидывая, не пришла ли она полюбоваться на плоды своего заклятия.

Двое Тривертонов погибли, еще троим предстоит…

Главный судья, сэр Хью Ропер, в черной мантии и белом парике появился в зале суда и занял свое место. Затем ввели леди Роуз. Она шла к скамье подсудимых, как во сне, и, казалось, не слышала обвинения в убийстве. Она стояла как статуя, не двигаясь, не мигая. Зал притих, все взгляды впились в хрупкую, бледную фигурку. Многие были слегка разочарованы: внешне она не была похожа ни на прелюбодейку, ни на убийцу.

Поднялся представитель государственного обвинения, чтобы начать свою речь, и в этот момент Роуз повернулась и взглянула наверх, в сторону галереи с африканцами.

Взгляды Вачеры и Роуз пересеклись.

Время словно откатилось на двадцать шесть лет назад. Она снова стоит на гребне борозды с малюткой на руках, перед ней африканская девушка с собственным ребенком за спиной.

Глядя на леди Роуз, Вачера тоже вспомнила тот миг, когда пятьдесят два урожая назад она взглянула на борозду и увидела фигуру в белом, пытаясь понять, что это такое.

Процесс начался.

Суд затянулся на десять недель, на протяжении которых вызывали свидетеля за свидетелем, начиная от простого работника на плантации Тривертонов, который и глаз никогда не поднимал на своего работодателя, и заканчивая членами семьи. Слушали заключения специалистов. Среди них был и доктор Форсайт, патологоанатом, который продемонстрировал, что разрез в ребре по форме совпадает с желобком на лезвии ножа, он же подтвердил после вскрытия, что граф умер от массивного внутреннего кровотечения к тому времени, когда пуля попала в его череп.

Допросили слуг.

— Ты охраняешь плантацию Тривертонов?

— Да, бвана.

— Помнишь, в каком часу проходил по территории в ночь пятнадцатого апреля?

— Да, бвана.

— Можешь назвать время?

— Да, бвана.

— Посмотри на часы в зале и скажи, который сейчас час.

Охранник прищурился и ответил:

— Около обеда, бвана.

Допросы других свидетелей были такими же нудными и маловразумительными.

— Ты портной леди Роуз?

— Да.

— Она приезжала на примерки в Найроби или ты ездил к ней?

— По-разному бывало, зависело от дождей.

В некоторые дни, когда допрашивали садовников или разбирали такие незначительные улики, как письма графа жене, которые он писал ей, когда был на северной границе, толпа редела, даже появлялись пустые места. Но по мере продвижения адвокатов к основному вопросу — адюльтер и само убийство — публика снова прибывала.

На допрос вызвали Нджери Матенге, личную служанку графини. Пока шел допрос, ее взгляд метался между леди Роуз на скамье подсудимых и галереей, где стояла Вачера.

— Вы были со своей госпожой, когда она обнаружила беглеца в оранжерее?

— Да.

— Расскажите об этом.

— Да.

— Как часто мемсааб ходила в оранжерею?

— Каждый день.

— И по ночам?

— Да.

— Вы когда-нибудь наблюдали за ними, когда они были вдвоем?

Нджери взглянула на леди Роуз.

— Отвечайте на вопрос.

— Я смотрела через окно.

— И что вы видели?

Взгляд Нджери метнулся к лицу Вачеры, потом она посмотрела на Дэвида, снова на Роуз.

— Что вы видели?

— Они спали.

— Вместе?

— Да.

— В одной постели?

— Да.

— На них была одежда?

Нджери заплакала.

— Отвечайте, пожалуйста, на вопрос, мисс Матенге. В постели леди Роуз и Карло Нобили были без одежды?

— Да.

— Вы видели когда-нибудь, чтобы они занимались чем-то еще, кроме того, что вместе спали?

— Они вместе ужинали.

— Вы когда-нибудь видели, как они занимаются сексом?

Нджери склонила голову, слезы капали на ее руки.

— Мисс Матенге, вы когда-либо видели, что леди Роуз и Карло Нобили вступали в сексуальные отношения?

— Да.

— Как часто?

— Часто…

Все это время Роуз сидела, бледная и молчаливая, отстранившаяся от всего, что происходило в зале суда. Она ни разу не заговорила, не взглянула на свидетельницу, казалось, она не понимала, что происходит. Люди не понимали: если она невиновна, почему не скажет об этом?

— Она не станет говорить со мной, — сказала Мона, когда присоединилась ко всем собравшимся в маленькой комнате в клубе. Сандвичи на тарелке остались нетронутыми, а виски и джин почти закончились.

Напряжение от происходящего начало сказываться на молодой женщине. Темные глаза заметно выделялись на бледном лице:

— Я говорила ей, что надо защищаться. Но она только сидит как приклеенная к своему вышиванию.

— Есть вероятность то, что убийство совершила она?

Грейс покачала головой:

— Я не думаю, что Роуз способна на убийство. Особенно таким образом — нож использовали со знанием дела.

— Было время, когда нам и в голову не могло прийти, что мама может прятать сбежавшего военнопленного и иметь с ним роман!

Грейс посмотрела на племянницу:

— Не будь такой жестокой, Мона. Представь, как мать страдает.

— Она уж точно не думала, что мы можем пострадать от ее эгоизма! Эти ужасные зеваки в зале, у них уши просто шевелятся, когда гадкий прокурор выставляет нашу семью на позор! А вы! — Она гневно повернулась к Бэрроузу. — Вы зачем стали разбирать эту дурацкую историю с Мирандой Вест?

— Мне пришлось, леди Мона, — тихо ответил он, растягивая слова на южноафриканский манер: — Обвинитель старается построить свою линию на том, что ваша мать была порочным человеком. Прокурор убеждает жюри в том, что отец был безупречным, святым, что он фактически сделал благородное дело, убив итальянца. А в его лице Кения понесла невосполнимую потерю. Упомянув историю с миссис Вест, я просто показал жюри, что Валентин Тривертон был человеком со своими слабостями и недостатками, он изменял жене много раз, а она лишь однажды.

У Моны слезы подступили к глазам. Как ей хотелось, чтобы Джеффри был дома. Он должен был приехать со дня на день.

— Как ты думаешь, что они строят в роще? — поинтересовался Том Хопкинс, чтобы изменить тему и как-то снять скопившееся напряжение. — Чем-то напоминает языческий храм.

Поскольку Грейс не могла надолго оставлять миссию, ей приходилось часто ездить на север и заодно проверять, как идут дела на стройке непонятного объекта, который возводился по приказанию Роуз в эвкалиптовой роще. Это было здание достаточного большого размера, пришлось даже очистить от деревьев значительный участок леса. По силуэту оно все больше напоминало церковь. Строители работали днем и ночью. Отважившись заглянуть внутрь, Грейс обнаружила, что там еще ничего не было: голые стены, пол, мраморные колонны, поддерживающие куполообразный потолок. Но на прошлой неделе появился дополнительный предмет, и предназначение сооружения стало более понятным.

Рабочие установили алебастровый саркофаг.

Камнерезчики завершали работу над перемычкой дверного проема: «Sacrario Duca d Alessandrao».

— Это последний приют Карло Нобили, — тихо сказала Грейс.

— Склеп? Она похоронит его в своей роще за моим домом? Это чудовищно!

— Мона…

— Я пойду подышу свежим воздухом, тетя Грейс. А потом, пожалуй, поужинаю в своей комнате.

Грейс попыталась остановить ее, но Мона уже шла по просторному двору, ей вслед поворачивались и шептались.

На улице она остановилась, прислонилась к дереву и осталась стоять, засунув руки в карманы брюк. Пассажиры в проезжающих автомобилях откровенно разглядывали ее; женщины, собравшиеся на веранде, бросали в ее сторону оценивающие взгляды и шушукались. На улице валялась старая газета. Это было не местное издание, а «New York Times». На первой полосе был размешен материал о скандальном судебном процессе по делу об убийстве Тривертона. С трудом Мона сдерживала слезы и ярость, ее переполняли унижение и чувство, что ее предали.

Через дорогу стояла группа африканцев в военной форме. Негромко переговариваясь, они передавали по кругу единственную сигарету, наслаждаясь короткими сумерками. Когда к ним приблизилась белая пара, они сошли с тротуара и приподняли головные уборы, как полагалось по уставу. В одном из военных Мона узнала Дэвида Матенге.

С начала суда он не пропустил ни одного дня. Вместе с матерью, подобно двум зловещим птицам, они наблюдали за происходящим с галереи, словно стервятники, ожидающие, когда добыча испустит последний вздох. Мона ненавидела их так же, как и белых, что приходили поглазеть и посмаковать постыдное падение семейства, которое они некогда почитали.

Их взгляды пересеклись.

— Мона! — раздался голос позади.

Она повернулась. Грейс махала ей рукой, приглашая вернуться в клуб.

— В чем дело? — Мона поднималась по ступенькам.

— Пойдем! У меня есть для тебя сюрприз!

Мона, ничего не понимая, шла за тетушкой. Вокруг камина собралась толпа. Когда она увидела, кто стоит посередине, то не удержалась и воскликнула:

— Джеффри!

Она помчалась к нему и утонула в крепких объятиях.

— Джеффри! Как хорошо, что ты приехал! Как я рада видеть тебя!

— Мона, ты все так же прекрасна! Я надеялся, что мне удастся выбраться пораньше, но эта армейская бюрократия не дала. — Он отпустил ее и добавил: — Мне так жаль дядю Валентина и тетю Роуз.

Она взглянула на молодого человека и отметила, что за пять лет, проведенные в Палестине, он словно стал выше и гораздо более привлекательным. И выглядел старше, как будто пески и горячий ветер Среднего Востока закалили его. Хотя ему было всего тридцать три, на его висках и в усах появились серебряные пряди, морщинки вокруг глаз словно напоминали о военных невзгодах. Мона знала, что не один раз ему грозила гибель от бомб террористов.

Последний раз они говорили о браке еще до войны, когда она попросила дать ей время подумать. Он не затрагивал эту тему в своих письмах, явно ожидая, что следующий шаг сделает она. И сейчас Мона была готова к этому. Теперь, когда он вернулся, она постарается разобраться во всем этом кошмаре…

— Это Ильза, — делая шаг назад, он представил молодую блондинку, которую держал за руку.

— Ильза? — повторила Мона.

— Моя жена. Ильза, это Мона, мой старый друг, о которой я тебе много рассказывал.

Миссис Дональд протянула руку, но Мона видела только светлые волосы, голубые глаза, застенчивую улыбку.

— Боюсь, Ильза не очень хорошо говорит по-английски.

Мона взглянула на него:

— Твоя жена? Я не знала, что ты женился.

— И мы не знали, — добавил Джеймс, обнимая сына за плечо. — Похоже, Джеф появился раньше, чем дошли его письма.

— Я так рада за вас, — проговорила Грейс, — добро пожаловать в Кению, Ильза.

— Спасибо, — мягко поблагодарила новобрачная.

— Ильза — беженка из Германии, — пояснил Джеффри, не догадываясь, какой эффект произвела новость на Мону. Ей пришлось прислониться к дивану, чтобы не упасть. — Всю семью отправили в концентрационный лагерь, а ее спасли и переправили в Палестину. Вы

себе представить не можете, что нам стоило оформить ей все бумаги. Из-за этого они не давали нам пожениться.

— Как ужасно, — проговорила Грейс. — В одном из кинотеатров показывали американские фильмы о Дахау, Освенциме… — Мы должны сделать все, чтобы Ильза чувствовала себя как дома. Так неприятно, Джеффри, что твой приезд совпал с судом.

— Об этом месяцами писали в иерусалимских газетах. Я не мог поверить! Я должен навестить тетю Роуз. И если я могу чем-то помочь…

— Господин Бэрроуз — отличный адвокат.

— Я о нем слышал.

— Ты увидишься с ним за ужином.

— Я так полагаю, что по случаю возвращения Джеффри с новобрачной шампанское вполне будет уместно. Я закажу столик поближе к вольеру с птицами.

— Извините, — послышался деликатный голос, — позвольте вас на минутку, капитан Дональд.

Все повернулись к Ангасу Макклауду, одному из членов правления клуба.

— Да? В чем дело?

Мужчина заметно волновался:

— Могли бы мы, так сказать, поговорить наедине?

Джеффри ощетинился, как будто уже знал, о чем пойдет речь.

— В чем проблема? — поинтересовался Джеймс. — Там же есть свободный столик.

Шотландец покраснел.

— Если бы мы могли отойти в сторонку…

— Говорите прямо здесь, — настаивал Джеффри, — перед моей женой и друзьями.

Грейс с недоумением смотрела на Джеймса:

— В чем дело? Что происходит?

— Я боюсь, что политика клуба не позволит… — сказал Макклауд. — Не я устанавливаю правила, я только слежу за их соблюдением. Если бы дело касалось только меня… Вы понимаете, — он развел руками, — это касается других людей.

— Боже милостивый, — неожиданно воскликнул Джеймс, — уж не об этом ли вы говорите, о чем я сейчас подумал!

Смущение Макклауда стало еще более заметным.

— Джеффри, объясни мне, в чем дело, — вмешалась Грейс.

Сцепив зубы, он произнес:

— Дело в Ильзе. Она еврейка.

— И что?

— В правилах клуба есть пункт, запрещающий евреям присутствовать за обедом.

Грейс посмотрела на Ангаса, тот старательно избегал ее взгляда.

— К черту такие правила, — решительно заявил Джеймс. — Мы будем сегодня ужинать здесь за тем самым столиком.

— Боюсь, я не могу этого допустить, сэр Джеймс, если с вами будет находиться миссис Дональд.

— Не хотите ли вы сказать…

— Да не важно, отец, — отрезал Джеффри, беря за руку Ильзу, которая вопросительно смотрела на него. — Я не собираюсь есть в этом чертовом клубе. И не хочу быть его членом. Мы с женой пойдем туда, где нам рады. И если нам в Кении нигде не рады, мы отправимся куда-нибудь еще.

— Джеффри! — отец пытался остановить его.

Мона, потрясенная увиденным, так и продолжала сидеть на диване, провожая взглядом пару — офицера и прелестную молодую женщину рядом с ним. Затем она резко повернулась, пересекла сад, направилась к своему бунгало и закрылась там на замок.

Роуз умиротворенно вышивала, когда вошла Грейс. Ночная дымка простиралась за решетками окна и постепенно поднималась к кристально ясным звездам.

Грейс оглядела скромное убранство камеры, ставшей домом для Роуз. Затем спросила:

— Ты можешь сегодня со мной поговорить?

— Закончили работы над последним приютом Карло?

— Да.

Вздохнув, Роуз воткнула иголку и отложила рукоделие. Впервые за последние месяцы она взглянула золовке в глаза:

— Пожалуйста, когда все будет готово, передай владельцу похоронного бюро распоряжение перевезти туда Карло. И попроси отца Витторио отслужить мессу за него.

— Хорошо.

— Ты знаешь, Грейс, — тихо продолжала Роуз, — Валентин не был исчадием ада. Он просто не был способен любить. Карло был таким нежным и внимательным, он не хотел никого обидеть. Его так мучили в лагере — я видела шрамы на всем его теле. Валентин не имел права его убивать, просто связав, как животное, совершенно беспомощного. Я надеюсь, он будет вечно гореть за это в аду.

41

В ходе разбирательства шансы Роуз все уменьшались, так что даже Бэрроуз вскоре перестал надеяться на благополучный исход расследования. Все улики были против графини.

Для дачи показаний вызвали суперинтенданта Льюиса из отдела расследования преступлений.

— Суперинтендант, — сказал государственный обвинитель, полный мужчина, едва помещающийся в свою черную мантию, в белом парике, нахлобученном на лысую голову. — Вы спрашивали у леди Роуз, откуда у нее на лице синяк?

— Спрашивал.

— И что она вам ответила?

— Что упала и ударилась о край туалетного столика.

— А своей семье она сказала, что это муж ударил ее! Другими словами, леди Роуз рассказала две разные истории, одна из которых — ложь. А может, и обе. Вы согласитесь, суперинтендант, что леди Роуз могла получить этот синяк при падении с велосипеда, когда прокололась шина?

Инспектора Митчелла из полиции Найэри допрашивали несколько раз.

— Вы сказали, инспектор, что доктор Тривертон думала, что тем утром леди Роуз куда-то уехала?

— Да. Но леди Роуз была дома и, судя по ее внешнему виду, вряд ли в скором времени собиралась куда-либо ехать.

— Какова была реакция сэра Джеймса и доктора Тривертон, когда они увидели леди Роуз в дверях?

— Они были удивлены. Ведь им казалось, что она уже уехала.

— Уехала куда?

— Ну, она планировала убежать со своим итальянским любовником.

При втором допросе:

— Инспектор Митчелл, как леди Роуз отреагировала на известие о смерти мужа?

— Она произнесла: «Я этого не хотела».

— И что же она имела в виду?

— Ваша честь, это неуместный вопрос!

— Да, мистер Бэрроуз.

— Леди Роуз сказала что-нибудь еще?

— Да, одно слово.

— Какое?

— Ну, это было имя. Она сказала: «Карло».

Во время заседаний Грейс наблюдала за невесткой. Застывшее выражение делающегося все более бледным лица, остановившийся взгляд голубых глаз… Грейс недоумевала, не понимая, что же скрывается под этой восковой маской?

Наконец государственный обвинитель вызвал на свидетельскую трибуну доктора Грейс Тривертон. Она окинула взглядом битком набитый зал суда и почти физически ощутила на себе жадные взгляды собравшихся.

— Доктор Тривертон, вы осматривали лицо леди Роуз?

— Да.

— И как на ваш профессиональный взгляд, мог ли такой синяк быть получен при падении с велосипеда ночью, пятнадцатого апреля?

— Она сказала, что потеряла сознание.

— Пожалуйста, ответьте на вопрос, доктор. Такой удар всегда приводит к потере сознания?

— Нет, не всегда, но…

— Существует ли в медицине какой бы то ни было способ установить, потеряла ли леди Роуз сознание?

— Нет.

— Доктор Тривертон, пожалуйста, повторите, что сказала вам невестка после того, как от вас ушел инспектор Митчелл, принесший новости о смерти лорда Тривертона.

— Роуз сказала, что не желала ему смерти.

В зал внесли мольберт с прикрепленным к нему планом этажа особняка в Белладу.

— Доктор Тривертон, это план верхнего этажа Белладу?

— Да.

— Пожалуйста, укажите комнату, где вы спали. Она отмечена красным крестом? Спасибо, доктор. Итак, на плане мы видим, что ваша комната предпоследняя в этом крыле. Скажите, пожалуйста, чья спальня находится за вашей?

— Спальня леди Роуз.

— Вы имеете в виду спальню леди Роуз и лорда Валентина?

— Нет, спальня брата находилась напротив моей.

— Я так понимаю, что граф и графиня не спали вместе?

Грейс обожгла самодовольного обвинителя взглядом.

— У них были отдельные спальни. Я не знаю, спали ли они вместе.

— Хорошо. Последнюю спальню занимала леди Роуз. Она ни с кем ее не делила?

— Ни с кем.

— Значит, когда посреди ночи вы услышали у своей двери шаги, значит, человек мог выходить только из спальни леди Роуз?

— Или же направляться к ней…

— Доктор, вы сказали, что посмотрели на часы. Сколько было времени, когда вы услышали звук мотора?

— Как я и сказала полиции, либо пять минут пятого, либо час двадцать. На мне не было очков.

— Судя по тому, что эксперты установили примерное время смерти графа — примерно три часа утра, — то мы можем предположить, что это время час двадцать, а шаги принадлежали человеку, выходящему из спальни леди Роуз.

— Это мог быть кто угодно! Там есть ванная комната…

— Доктор Тривертон, той ночью вы были в спальне одна?

Она уставилась на него.

— Прошу прощения?

— Той ночью вы были в спальне одна, доктор?

— Не вижу, какое отношение это имеет к делу.

— Имеет. Мы хотим установить местонахождение каждого в ночь убийства графа. Пожалуйста, ответьте на вопрос. Вы были одна?

Грейс посмотрела туда, где сидели Мона, Джеффри и Джеймс. Он улыбнулся ей.

— Нет, я была не одна.

— А кто был с вами?

— Со мной был сэр Джеймс.

— Ясно. И он спал на полу или в кресле…

— Нет.

— Скажите нам, где спал сэр Джеймс?

— Со мной, в кровати.

По толпе прокатилась волна ропота, и судье пришлось призвать всех к порядку.

Помощник Бэрроуза набросал в блокноте записку и передвинул его по столу. В ней говорилось: «Они готовы повесить всю семейку».

И вот, наконец, государственный обвинитель перешел к финальным аккордам.

— Господа присяжные, — его голос разносился по всему залу. — Мы показали вам то, что случилось утром шестнадцатого апреля этого года, на дороге на Киганджо, в миле после съезда с главной дороги на Найэри. Вы слышали показания экспертов, вне всякого сомнения свидетельствующие о том, что нож, завернутый в окровавленный носовой платок леди Роуз, найденный в куче сжигаемого мусора, был орудием убийства графа Тривертона и принадлежал леди Роуз. Вы видели результаты экспертизы, установившей, что грязь на пассажирском сиденье и полу машины графа совпадает с пробами, взятыми на означенном участке дороги на Киганджо. Вы слышали свидетельские показания, подтверждающие, что ночью от Белладу отъехала машина, и содержащие в себе информацию о том, что вскоре после этого со стороны спальни леди Роуз послышались шаги. Также был найден спешно брошенный велосипед, принадлежащий поместью Тривертонов. — И теперь, господа присяжные, — продолжал обвинитель, — собрав все это вместе и добавив мотивы, заставившие леди Роуз совершить этот поступок, мы можем восстановить события той ночи.

Он описал все это еще раз. Яркие эпитеты и хорошо отрепетированная речь не оставили равнодушным никого из присутствующих. Все они, как наяву, видели пустынную дорогу, остановившегося на обочине графа, забравшегося внутрь машины велосипедиста, резкий удар ножом, выстрел в голову и поспешный побег убийцы.

— Совершенно очевидно, — вещал прокурор, — что граф не остановился бы на ночной дороге с трупом в багажнике, если бы увидел незнакомца. Следовательно, мы можем заключить, что человек, который следовал за ним на велосипеде, был хорошо знаком Валентину, и он добровольно впустил его в машину. Мне думается, что этим человеком была леди Роуз, жена графа. Охваченная страхом за

жизнь своего любовника, все еще чувствующая боль от сильнейшего удара по лицу, обуреваемая жаждой мести, она последовала за ним, чтобы попытаться помешать ему причинить вред Карло Нобили! Я хотел бы попросить вас, господа, не судить по одежке. Женщина, сидящая на скамье подсудимых, не такая беспомощная, какой хочет казаться. Она сознательно приютила вражеского солдата, укрывала его, хотя знала, что его ищут по всей стране, и вступила с ним в порочную связь. Такая женщина, скажу я вам, не остановится перед хладнокровным убийством.

Обвинитель продолжал свою речь, в то время как судебный пристав покинул свой пост возле боковой двери, подошел к мистеру Бэрроузу и вручил ему записку.

Бэрроуз прочитал послание и тут же встал. Сэр Хью Роупер, опытный судья, сразу заметил эту заминку и повернул голову к Бэрроузу, который попросил разрешения сделать заявление в отсутствие присяжных. Собравшиеся удивленно загомонили, а судья объявил перерыв и пригласил двоих адвокатов в свой кабинет. Это казалось немыслимым — приостановить заседание на такой поздней стадии, во время заключительной речи обвинения!

Во время перерыва никто не уходил далеко от здания суда. Весть о неожиданной заминке разнеслась очень быстро, и, когда слушание возобновилось, в зал попытались попасть еще большее количество людей. Все с интересом взирали на нового свидетеля со стороны, вызванного мистером Бэрроузом.

— Пожалуйста, назовите суду свое имя.

— Ганс Клопман.

— Где вы живете, мистер Клопман?

— У меня ферма неподалеку от Эльдорет.

— Пожалуйста, скажите нам, что привело вас сегодня в Центральный суд города Найроби.

— Ну, дело в том, что моя ферма довольно отдаленная…

Он говорил, и каждый в зале суда, особенно присяжные, видели очень знакомого им человека, хотя и не знали его лично. Перед ними был обычный кенийский фермер с загорелым лицом, мозолистыми руками, в пыльной рабочей одежде. Он напоминал им хорошего друга или доброго соседа. Присутствующие в зале слушали речь Ганса Клопмана и не сомневались ни в одном его слове.

— Моя ферма расположена далеко. Я узнаю о новостях одним из последних. Уже несколько месяцев я не выбирался в город и только сейчас узнал о процессе, отправившись в Эльдорет за покупками. Но тут я понял, что должен прийти сюда.

— Почему, мистер Клопман?

— Потому что вы все перепутали. Эта леди не совершала убийства.

— Откуда вы это знаете?

— Потому что я был на дороге в Киганджо той ночью и видел человека на велосипеде.

Собравшиеся заговорили все сразу, отчего зал утонул в гуле голосов. Судья вновь призвал всех к порядку.

Когда люди наконец успокоились, мистер Бэрроуз попросил фермера рассказать суду, что в точности он видел на ночной дороге в ночь на пятнадцатое апреля.

— Я ездил в Найэри по делам и заодно навестить друзей. Я вел свой фургон по дороге на Киганджо, когда увидел впереди стоящую на правой обочине машину. Передние фары были включены. Подъехав поближе, я заметил, как кто-то забирается на велосипед, разворачивает его и с бешеной скоростью отъезжает от дороги по грязи.

— Это был мужчина или женщина?

— Конечно, мужчина. И он выжимал из велосипеда все, что только можно, крутил педали, словно за ним гнался сам дьявол.

— А что было потом, мистер Клопман?

— Ну, я подъехал к машине и услышал, как работает мотор. Заглянув внутрь, я увидел спящего мужчину и подумал, что сам часто останавливаюсь на дороге, чтобы немного отдохнуть и поспать. Поэтому я не стал его беспокоить.

— Вы утверждаете, что на велосипеде ехал мужчина, мистер Клопман? Вы в этом уверены?

— Еще как уверен. Лица я не видел, он надвинул шляпу прямо на глаза. Но это был широкоплечий и высокий мужчина. Велосипед казался под ним сущей игрушкой. Наверное, он был очень сильный, ведь ехать по такой грязи очень сложно.

— Мистер Клопман, посмотрите, пожалуйста, на обвиняемую леди Роуз, сидящую вот на этой скамье. Скажите, существует ли возможность того, что на велосипеде ехала она?

Фермер поглядел на леди Роуз. На его лице изобразилось удивление.

— Эта малышка? Нет, сэр, — без колебаний ответил он. — Это точно не она, там был мужчина.

В зале суда вновь послышался рокот голосов.

— Мама? — позвала Мона, постучавшись в дверь спальни. — Ты проснулась?

Держа одной рукой поднос с завтраком, отчаянно пытаясь его не уронить, Мона приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Спальня оказалась пустой, а кровать застеленной.

Мона поставила поднос и поспешила вниз. Она уже догадывалась, куда могла пойти мать.

После окончания процесса прошло три недели. Обвинение старалось запутать мистера Клопмана постоянными допросами, но в результате присяжные вынесли вердикт «Не виновна». Они мотивировали это тем, что больше не уверены в вине леди Роуз. После своего освобождения Роуз каждый день проводила в роще и, похоже, не имела представления о последних событиях. Она вычистила законченное полотно, поместила его в рамку. Прошлым вечером они с Нджери взяли этот огромный кусок ткани и повесили его в гробнице Карло Нобили.

Мона прошла по тропинке между деревьями, растущими за Белладу. Еще до того как прийти на это место, она разглядела каменную крышу усыпальницы, похожую на древнегреческий храм, затерянный в лесах. Роуз потратила кучу денег на последнее пристанище своего возлюбленного, организовав также фонд, из которого впоследствии будут выделяться деньги на обустройство и поддержание постройки в порядке.

Беседка и оранжерея все так же стояли среди деревьев, но с северной стороны лес был расчищен. Мавзолей ярко сиял в лучах утреннего солнца. Это было величественное здание, особенно если учитывать, что его возвели в удивительно короткие сроки. Мона прикинула, что размерами оно напоминает небольшую пресвитерианскую церковь в Найроби и при необходимости может вместить человек пятьдесят. Но внутри мавзолей был пустым, там стоял лишь алебастровый саркофаг.

Мона застыла на дорожке, глядя на беседку.

— Боже мой! — воскликнула она и бросилась туда.

Африканская девушка воспользовалась приставной лестницей. Она обвязала один из шелковых шарфов вокруг шеи, перекинула конец через несущую опору конструкции, оттолкнула лестницу ногой и повесилась.

Даже отсюда Мона видела, что Нджери мертва.

— Мама? — позвала она. Мона окинула взглядом тихую рощу. Птицы и обезьяны вели свои разговоры где-то высоко в ветвях. Пятна солнечного света причудливо раскрашивали нижний ярус леса. Охваченная лучами солнца оранжерея походила на сияющую многоцветием жемчужину. — Мама!

Она устремилась к мавзолею. Двустворчатые двери были не заперты. Распахнув их, Мона оказалась в холодной пахнущей смертью темноте.

Единственный источник освещения — огонь в изголовье саркофага, который должен был гореть вечно, — наполнял комнату неровным мерцанием. Мона застыла в дверях, глядя на каменный гроб герцога и распростертую на нем величественную фигуру.

Леди Роуз словно заснула. Ее глаза были закрыты, а цвет лица мало чем отличался от белого алебастра, на котором она лежала. Красные ручейки тянулись от ее запястий к огромной луже крови на каменном полу.

Впоследствии медицинский эксперт скажет, что она умерла незадолго до рассвета, но перерезала вены примерно в полночь. А значит, леди Роуз умирала долго, в темноте, наедине со своим возлюбленным Карло.

42

Дэвид Матенге стоял у дороги и смотрел, как мимо проезжают грузовики. Он знал, кто едет в них, понимал, что означало их появление. Это новые эмигранты прибыли в Кению, чтобы поселиться здесь на фермах согласно новой программе британского правительства по устройству солдат.

Однажды такой план уже был претворен в жизнь в далеком 1919 году, когда в метрополии не знали, что делать с возвращающимися с войны и не находящими для себя работы солдатами. Дэвид думал, что тогда было решено просто распихать их по колониям. И вот опять в первые недели 1946 года возвращающиеся солдаты, видящие развал экономики Британии, получали гранты в виде земельных участков на «белых высокогорьях» Кении. Само собой, чтобы расчистить для них место, местное африканское население было выселено с лучших земель на свои исконные территории.

Просто какое-то безумие.

Какими же недальновидными были люди, управляющие империей, если считали, что африканцы в очередной раз станут терпеть такое отношение? Дэвид не мог этого понять.

Семена революции уже начали прорастать. Молодые кикую спрашивали друг друга: «Если на лучших почвах находится место для белых поселенцев, почему мы не можем селиться там?» Этих исполненных ярости молодых парней не устраивал ответ, что, если в ближайшее время не предпринять серьезных мер, разразится колоссальная экономическая депрессия и что только европейцы в отличие от африканцев обладают капиталом и международными связями, достаточными для получения быстрой прибыли. «Дайте нам шанс», — говорили кикую властям колонии, не думающим прислушиваться к ним. Так образовалась организация «Дикие парни Найроби».

Около сотни тысяч африканских солдат, вернувшихся из Восточной Африки по окончании одной из самых кровавых кампаний Британской империи, увидели в Найроби огромные новые дома, машины, отели и магазины, полные роскошных товаров.

Этих людей обучили многим полезным навыкам, но им не предоставляли возможности быстрого трудоустройства. Пятнадцать тысяч из них умели водить грузовики. Но они вернулись в страну, где грузовиков было не более двух тысяч. Для этих образованных и полных сил молодых людей, которые имели право требовать нормальной жизни за свою службу в армии, просто не нашлось рабочих мест. Исполненные досады и горечи, лишенные возможности отстаивать свои права законным путем, эти бездомные и безземельные люди стали устраивать тайные собрания по всей стране. И Дэвид понимал, что на этот раз они добьются своего и пройдут много дальше своих предшественников, которых в 1939 году остановила война.

К тому же Дэвид видел существенную разницу между нынешними недовольными и теми, кого он встретил на заре своей политической жизни. «Диких парней Найроби» учили воевать. Учили их белые офицеры.

Но этот путь сейчас был не для Дэвида; из-за своих собственных проблем он не мог позволить себя волноваться за судьбу своей страны. Во-первых, он тоже сидел без работы. Во-вторых, Ваньиру наконец-то забеременела.

Повернувшись спиной к дороге, Дэвид Матенге, двадцатисемилетний мужчина, обеспокоенный своим будущим, зашагал назад к реке, где на расчищенном участке стояли три глиняные хижины и был разбит огород. Там его ждали жена и мать. Они штопали одежду, пасли коз, носили воду, чинили крыши, варили пиво и готовили ужин, в то время как он, сын и муж, их защитник, их воин, приносил пользы не больше, чем дырявая бутылочная тыква.

В такие моменты у него просто опускались руки.

Даже то, что усадьба Тривертонов находилась в упадке, как ни странно, не грело ему душу. По правде сказать, когда Дэвид узнал о трудностях Моны с рабочими на полях, он не обрадовался, как было бы раньше, а искренне расстроился от таких известий. В конце концов это была его земля, и рано или поздно он снова будет обладать ею, если верить обещаниям и пророчествам матери. И ему не доставляло никакого удовольствия видеть, как эта земля не приносит пользу только потому, что люди, некогда преданно служившие графу, отказывались подчиняться его дочери, в которой не хотели видеть свою госпожу.

Дэвид остановился на дороге и направился в сторону поместья. Он думал о двух женщинах, с которыми жил: о неуступчивой знахарке, глядящей на сына с какой-то неизбывной грустью, и о своей недовольной жене, постоянно жалующейся на нерасторопность мужчин. Ваньиру пыталась убедить Дэвида присоединиться к Кенийскому Африканскому Союзу, новой военно-политической организации, находящей своих сторонников по всей стране. Но Дэвид устал от войны в Палестине. Он также понимал, что безоружные кикую, сколько бы их ни собралось, вряд ли могли что-то противопоставить английским танкам и самолетам.

Он думал, что если в Кении и нужно что-то менять, то делать это следует обдуманно и постепенно. Но что могли сделать такие, как он — образованные, но безработные, — чтобы произошли необходимые изменения?

В последний год, после того как он вернулся со Среднего Востока, эти мысли занимали Дэвида ежеминутно.

Чтобы быть услышанным, убедить власть имущих, а также весь остальной мир в том, как Кения сильно нуждается в обретении независимости, ему самому нужно быть ответственным, разумным человеком. Он знал, что британцы не обращают внимания на эмоциональные высказывания «Диких парней Найроби» или лидеров Кенийского Африканского Союза. Зато они прислушиваются к африканским учителям, бизнесменам и влиятельным людям.

В качестве крупного землевладельца в лучшей части богатейшей из провинций Дэвид Матенге сумеет заставить остальных прислушиваться к себе. Тогда он будет лидером.

Земля…

Он тянулся к ней, как корень тянется к воде, как птица просится в небо. Он родился на этой земле, был привязан к ней и душой, и телом. Она могла бы быть его, если бы тридцать лет назад отца не убедили отдать ее белым. Он смотрел на плантацию Тривертонов и словно наяву слышал слова Вачеры: «Если кто-нибудь украдет твою козу, сын мой, ее заколют и съедят и ты забудешь про нее. Если кто-нибудь украдет твою кукурузу, из нее приготовят обед и съедят и ты забудешь про нее. Но если кто-нибудь украдет твою землю, она навсегда останется там же, и про нее ты не сможешь забыть никогда».

Дэвид никогда не забудет, что все эти акры плодородной земли были украдены у его недальновидного отца, что они были его наследием и что по праву они должны принадлежать ему. Но он понимал: сила и горячность, основные постулаты «Диких парней Найроби», никогда не вернут ему землю назад. Четкий расчет и осторожность, когда ты двигаешься, словно лев, внимательно изучаешь добычу, следуешь за ней, оставаясь все время настороже, и наносишь удар в самый критический момент — такую тактику собирался избрать Дэвид Матенге.

Он хотел вернуть эту землю себе и сделать это по закону, как и подобает истинному владельцу.

Дэвид окинул взглядом пять тысяч акров кофейных деревьев и принял решение.

Дэвид обнаружил Мону Тривертон в юго-восточной части поместья, неподалеку от съезда на дорогу до Киганджо.

Она стояла в кузове грузовика, прикрыв ладонью глаза от солнца, и оглядывала окрестности.

— Черт! — выругалась она и уже собиралась спрыгнуть вниз, когда заметила Дэвида.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Ему припомнилось много всего: как стоически она переносила судебное разбирательство над матерью; как умело управлялась с лошадью на поле для игры в поло; как отважно вела себя при пожаре, застигнувшем их двоих в хижине больницы.

Мона смотрела на него, и почему-то в этот жаркий день ей стало холодно. Несколько раз в зале суда она поднимала глаза и встречалась с пристальным взглядом Дэвида Матенге. Сейчас он смотрел на нее точно так же. Его лицо оставалось неподвижным, словно маска.

— Что вы потеряли, госпожа? — спросил он по-английски.

— Работников. Они снова ушли. Уже в четвертый раз за этот месяц. — Она слезла на землю и отбросила темные пряди от лица. — Здесь уже пора убирать урожай.

— А где же женщины и дети?

— Я отправила их на северный участок на прополку. Здесь мне нужны мужчины!

Дэвид изучающе смотрел на нее. Госпожа злилась. Она не знала, что ей делать. Женщина, оставшаяся в этом большом доме совсем одна, без мужа, на которого она могла бы опереться.

Она засунула руки в карманы и отошла на несколько шагов в сторону. Мона повернула голову, глядя на засаженные кофейными деревьями холмы. Она сделала глубокий вдох, успокаивая себя.

— Как мне заставить их работать? — тихо спросила она.

— Я знаю, где сейчас работники, — произнес Дэвид.

Она повернулась к нему.

— И где же?

— Пошли пить пиво в Мвейгу. Их не будет несколько дней.

— Но кофе нужно собрать! У меня нет нескольких дней! Через неделю весь мой урожай будет потерян!

Дэвид мысленно поправил ее — «мой урожай» — и сказал:

— Я могу привести их обратно.

Мона недоуменно посмотрела на него.

— Зачем вам это?

— Затем, госпожа, что вам нужен управляющий, а мне нужна работа.

Ее глаза округлились.

— Вы хотите работать на меня?

Дэвид кивнул.

Она ошеломленно смотрела на него.

— Вы думаете, у вас получится? Ну, в смысле, все это… — И обвела руками окрестность.

Он рассказал ей о своих занятиях в Уганде, о том, что получил диплом.

Мона задумалась. Она была в замешательстве, не зная, можно ли ему доверять.

— Вообще-то я уже давно пытаюсь найти управляющего, — медленно проговорила она. — Но все хотят владеть собственной фермой, а не работать на кого-то еще. Я буду хорошо вам платить, и вы сможете построить себе дом на территории поместья.

— Мне потребуется полная власть над рабочими. А также полная свобода действий. Это мои условия.

Мона снова задумалась. Но затем представила написанные в своих расходных книгах красным карандашом цифры, обозначающие

все возрастающие долги. Ведь во время разбирательства и в течение нескольких месяцев после него плантацией никто не занимался.

— Хорошо. Договорились.

Когда она протянула ему руку, он невольно отшатнулся.

Но Мона и не думала ее убирать.

Дэвид Матенге в нерешительности пожал протянутую ему ладошку.

— Можете приступать немедленно, — тихо сказала она.

Он опустил взгляд и удивленно уставился на две ладони, белую и коричневую, сомкнувшиеся в рукопожатии.

Часть шестая
1952

43

Когда у Ваньиру начались схватки, она сразу же поняла, что что-то не в порядке, и встревожилась.

Прижав одну руку к пояснице, а вторую к животу, молодая женщина выпрямилась и сделала несколько глубоких вдохов. Мама Вачера предупреждала ее, чтобы она была поосторожнее с этой беременностью, но Ваньиру, упрямая и неумевшая находиться без дела даже минуту, не послушалась совета свекрови и отправилась в лес собирать листья лантаны.

Это все Дэвид виноват, решила Ваньиру, пережидая, пока стихнут схватки. Его мать была уже в том возрасте, когда ей требовалась помощь нескольких женщин, а ей приходилось довольствоваться лишь обществом Ваньиру. Но Дэвид, после того как женился семь лет назад, ни разу не заикнулся о том, чтобы купить хотя бы еще одну жену. Именно поэтому Ваньиру и пришлось сегодня отправиться за реку в поисках листьев лантаны, которые требовались маме Вачере для изготовления снадобий.

Ваньиру эгоизм Дэвида возмущал гораздо больше, чем маму Вачеру, которая была чересчур снисходительна к своему безответственному сыну. Вачера защищала его, утверждая, что у Дэвида все впереди и что он успеет еще обзавестись новыми женами, а пока управление имением Тривертонов отнимает у него слишком много времени, чтобы он мог исполнять свой супружеский долг с несколькими женами. Пожилая женщина заявляла, что Ваньиру и так видит своего мужа гораздо реже, чем ей бы того хотелось. Что же будет, если ей придется делить его с другими? Ваньиру возражала на это, что помощь одной жены значительно облегчила бы работу на шамбе, дав им возможность хоть немного отдохнуть.

Схватки повторились, и Ваньиру прижала к животу обе руки. Она не может потерять этого ребенка.

За семь лет замужества Ваньиру Матенге была беременна шесть раз. Одна беременность закончилась выкидышем, другой ребенок родился мертвым, трое малышей умерли во младенчестве. Выжила лишь последняя, Ханна, крепенькая малышка, которая осталась на шамбе со своей бабушкой. Ваньиру страстно хотела родить хотя бы

еще одного здорового ребенка и молилась, чтобы это был мальчик, в котором мог бы возродиться дух ее отца.

Что касается имени будущего ребенка, то тут Дэвид и Ваньиру никак не могли прийти к согласию. Если родится мальчик, она хотела назвать его Камау, в честь своего отца, как требовали того законы кикую. Но Дэвид настаивал, чтобы его дети носили имена мзунгу, белых людей, говоря при этом: «Придет день, и мы станем свободным и независимым народом, живущим в современной стране. Поэтому мы должны будем идти в ногу со временем. Родится девочка — назовем ее Сарой, а если будет мальчик — Кристофером. При всем своем сильном и независимом характере Ваньиру вынуждена была подчиниться воле мужа. Но про себя она будет звать своего сына Кристофер Камау Матенге.

Когда ее снова охватила резкая и сильная боль, Ваньиру посмотрела на небо, чтобы определить, который час. Некоторое время назад европейские власти ввели в округе Найэри комендантский час, объяснив, что это «вынужденная мера, вызванная нарушениями законности и правопорядка, совершаемыми определенными элементами». В округе действовали незаконные формирования, а по ночам происходили несанкционированные собрания. Ваньиру знала, что они имели в виду неуловимую, таинственную организацию, которая называла себя никому не понятным именем Мау Мау. Члены этой группировки прятались в лесах, стремительно и неожиданно нападали на фермы белых поселенцев и затем вновь исчезали на окутанных туманами склонах горы Кения. Власти заявляли, что в округе орудует всего лишь кучка радикально настроенных, плохо организованных смутьянов и что нет совершенно никаких причин для беспокойства. Самое большое, на что они способны, — кража скота у белых поселенцев. Для борьбы с ними и был введен комендантский час, который запрещал африканцам покидать стены своих жилищ после наступления темноты и до первых лучей солнца.

Посмотрев на тучи, обложившие все небо, на размытый диск заходящего солнца, Ваньиру решила, что у нее есть немного времени перед тем, как отправиться домой. Она решила немного посидеть, чтобы дать передохнуть своему отяжелевшему телу и попытаться понять, были эти приступы боли лишь ложной тревогой или чем-то более серьезным.

С ней уже случались подобные преждевременные схватки. Когда она носила Ханну, это произошло за месяц до положенного срока. Тогда Ваньиру всего лишь отдохнула несколько дней, схватки прекратились, и Ханна осталась в утробе матери до тех пор, пока Властитель Света не призвал ее к появлению в этот мир. В этот раз все идет точно так же, пыталась успокоить себя Ваньиру, присаживаясь передохнуть на бревно.

Но, сидя на бревне и ожидая, пока утихнут схватки, в то время как воздух становился все более влажным и прохладным, а тучи сгущались и темнели на глазах, женщина все больше тревожилась, осознавая, что схватки не только не прекращаются, но усиливаются, а промежутки между ними становятся все короче.

Решив, что лучше бы ей, не мешкая, отправиться в обратный путь, Ваньиру поднялась и направилась к реке.

И тут она замерла.

Сквозь деревья продиралось что-то большое и темное, издавая звуки, одновременно знакомые и пугающие: грохот, ворчание, треск сдираемой с деревьев коры.

Слон!

Она напряженно всматривалась и вслушивалась. Сколько же там животных? Одинокий это зверь или целое стадо? Самки с детенышами или молодые холостяки? Охваченная внезапным ужасом, Ваньиру смотрела, как раскачиваются верхушки деревьев над гигантским животным, прокладывающим себе путь через чащу. Она знала, что перед началом дождей слоны имели обыкновение покидать бамбуковые рощи и в поисках пропитания перебираться на более пологие склоны, где лес был не таким густым. Но никогда раньше ей не приходилось видеть слонов так далеко от гор.

Ваньиру попыталась определить направление ветра. Если в стаде есть детеныши, или если это старый, озлобленный самец, то, стоит слонам учуять ее запах, ей придется несладко.

Ваньиру беспомощно оглянулась вокруг. Со всех сторон она слышала медленную, тяжелую поступь, бурчание в животах, с помощью которого слоны переговаривались друг с другом, треск сучьев и сдираемой коры. Она оказалась в самом центре слоновьего стада — большого стада!

Женщина оглянулась через плечо туда, где начинался склон горы, заросший деревьями. Никакие звуки оттуда не доносились. Она решила осторожно пробраться назад, прочь от стада, затем обогнуть его и уже тогда повернуть в направлении дома.

Она успела совсем немного пройти в глубь леса, когда мощный спазм сотряс ее тело и заставил ее остановиться. Ваньиру согнулась пополам, заглушив едва не вырвавшийся стон. Она оглянулась: слоны были все ближе; между деревьев уже проблескивали их белые бивни.

Объятая нарастающим ужасом, Ваньиру ускорила шаг, двигаясь настолько быстро и бесшумно в глубь чащи, насколько позволяло ей раздавшееся тело. Она останавливалась лишь тогда, когда нестерпимая боль охватывала ее, и постоянно оглядывалась, пытаясь оценить расстояние между собой и слонами.

Стоит только самке — предводительнице стада учуять человеческий запах…

Ваньиру продвигалась сквозь сгущающиеся сумерки со всей скоростью, на которую только была способна. Несмотря на то что дневной свет неумолимо таял, она все еще не осмеливалась попытаться обогнуть стадо и направиться к дому.

Внезапно Ваньиру запнулась о ползучий стебель, упала. И от боли вскрикнула.

Оставшись лежать на земле, женщина напряженно вслушивалась. Слоны переговаривались между собой в густой чаще, их низкое урчание раздавалось со всех сторон. Она замерла на жесткой и сырой земле.

Охваченной паникой Ваньиру казалось, что стадо движется с черепашьей скоростью, топчется на месте, обдирая деревья, их уши со свистом рассекают воздух, исполинские ноги крушат все, что попадается на пути. Тьма накрыла лес; дневные мелодии сменились зловещими ночными звуками. Женщина до смерти боялась ночной темноты, и теперь эта темнота собиралась поглотить ее.

«Хуже может быть только в том случае, — думала Ваньиру, пережидая, пока слоны не пройдут мимо и не скроются в густой чаще, — если сейчас пойдет дождь».

И дождь пошел именно в тот момент, когда она собиралась с силами, чтобы двинуться в сторону дома.

Это был всего лишь мелкий дождичек, но Ваньиру практически ничего не видела на расстоянии нескольких футов — сквозь пелену дождя просматривались лишь устрашающие очертания деревьев и исполинские заросли кустарника. Она с трудом дотащилась до каштана, чтобы укрыться от дождя под его кроной, и тут ее вновь пронзила чудовищная боль. Ваньиру вскрикнула и упала на колени.

На этот раз схватки длились дольше, и она почувствовала, как раздвинулись кости таза.

Ребенок готовился к появлению на свет.

«Нет! — Паника охватила ее. — Только не здесь, где дикие лесные звери отберут его у меня!»

Ваньиру попыталась подняться, судорожно цепляясь за ствол дерева, разодрав в кровь руки. Когда ей наконец удалось встать, она попыталась унять боль, чтобы уйти прочь отсюда.

Забыв о слонах, листьях лантаны в брошенной ею корзине, комендантском часе, введенном белым человеком, Ваньиру оттолкнулась от дерева и сделала несколько неуверенных шагов под дождь. Схватившись за живот, она побрела вслепую под дождем. Сбитая с толку, охваченная нестерпимой болью она и не подозревала, что идет совсем не в ту сторону.

Ваньиру не имела представления о том, как долго блуждает. Ей казалось, прошла уже вечность с тех пор, как ночь накрыла лес; что нескончаемый дождь лил сплошным потоком уже много часов. Ее канга — кусок яркой ткани, закрученный вокруг головы в тюрбан, — вымокла насквозь и неприятно холодила выбритый череп, прилипшая к ногам юбка мешала идти. Но Ваньиру упорно брела сквозь дождь и тьму, тщетно пытаясь отыскать дорогу домой, перебиралась через валуны и упавшие деревья, продиралась сквозь деревья, которые все теснее смыкались вокруг нее.

Она знала, куда забрела. Ваньиру карабкалась теперь по склонам гор, которые белый человек называл Абердеры. Для них эта горная гряда была национальным парком, но для Ваньиру это был Ньяндаруа, Сухой хребет, лес предков. Совершенно одинокая, беззащитная, собирающаяся вот-вот родить, женщина очутилась на территории, где полновластно хозяйничал мертвый буйвол и черный леопард.

Очередные схватки были такими сильными, что она рухнула на землю и долго лежала в грязи, омываемая ледяным дождем; в тело впивались камни и сухие сучья.

Руки и ноги Ваньиру онемели; она не чувствовала ни боли, ни теплых струек крови, сочащейся из ран. Она уже не ощущала ни сырости, ни пронизывающего холода, ни голодных спазмов. Все ее внимание было сконцентрировано на животе, где ребенок рвался наружу. Но она не давала ему выйти; загоняла свою боль и мучения внутрь своего тела, сквозь черный лес в страшную ночь. Собравшись с силами, она сумела встать на ноги.

«Господи, — молилась она в отчаянии, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь из грязи и бросаясь вперед, в леденящую пустоту. — Властитель Света, помоги мне!»

Измученная женщина упрямо брела вперед. Рыдания сотрясали ее тело, мокрые ветки били по лицу и царапали руки, босые ноги скользили по размокшей лесной почве. Дождь, не переставая, лил сплошной стеной, проникая, казалось, под кожу до самых костей. Ваньиру с тоской подумала о своей теплой, сухой хижине, постели из козьих шкур, похлебке, булькающей на огне, матери Дэвида, терпеливо колдующей над очередным целебным отваром.

Загрохотал гром, земля содрогнулась. Ваньиру услышала топот вспугнутых слонов. Она не могла определить, в каком направлении от нее они теперь находились, было это то же самое стадо, уходила она прочь от них или, наоборот, приближалась. Ледяной ветер пронизывал ее насквозь через промокшую одежду. Болезненные схватки становились все более мучительными.

Она упрямо брела вперед, в непроглядную ночь.

Дождь наконец прекратился, мрачный туман клубами поднимался от земли. Ваньиру пробиралась сквозь мокрые ветви. Ей казалось, что весь мир превратился в одно ледяное озеро и скоро она навсегда пропадет в холоде и тумане этого страшного хребта.

Она почувствовала, как теплая струйка бежит у нее между ног. Схватки превратились в одну нескончаемую огненную полосу. Ваньиру еле могла дышать и совершенно обессиленная привалилась к дереву. Теперь она знала, что находится слишком далеко от дома, что заблудилась и проблуждала уже много часов и что ее ребенку

предстоит появиться на свет в этом ледяном кромешном аду. Со всех сторон слышала она крадущиеся шаги диких зверей, чувствовала на себе неотрывные жадные взгляды гиен, поджидающих того момента, когда она упадет и больше уже не встанет. Ваньиру слышала однажды, как кумушки на рынке рассказывали об одной женщине, которую роды застали в поле и у которой гиены утащили новорожденного.

«Нет уж, скорее я сама убью своего сына, — думала она, отчаянно цепляясь за дерево, судорожно хватая ртом воздух и изо всех сил пытаясь удержать ребенка внутри себя хоть еще немного. — А потом убью себя…»

Ей казалось, что тело разрывается на куски. Она сначала вскрикнула, затем крик превратился в отчаянный вопль.

Она сползла по стволу на землю, ободрав щеку о жесткую кору, почувствовала вкус крови, увидела кровь, отчетливо услышала в густом тумане нетерпеливый лязг зубов и урчание нетерпеливо рыщущих в ожидании скорой добычи зверей.

— Убирайтесь прочь! — завизжала она.

Ваньиру пошарила вокруг себя в поисках какого-нибудь оружия. Ухватившись за камень, она попыталась швырнуть его в темноту, но у нее не хватило сил. Ее жизнь вытекала по капле — новая жизнь упорно прокладывала себе путь. Полуживой женщине казалось, что боль просочилась сквозь кожу, превратилась в облачко и уплыла в низкие облака, испарилась в туманных бамбуковых рощах. Ваньиру понимала, что ей навсегда предстоит остаться здесь, на самой вершине горы.

Но ее тело не станет пищей для зверей, она не позволит диким зверям пировать над телом внука великого вождя воинов Матенге.

В полуобморочном состоянии, собрав остатки сил, Ваньиру начала копать землю, готовя могилу себе и своему сыну…

Ей казалось, что она спит, а вокруг сухо и тепло. «Это всего лишь иллюзия, — шептала ей часть ее сознания, — на самом деле я лежу на холодной земле и рою могилу для своего ребенка». Но другая часть ее сознания спала и видела сон.

Ваньиру снова оказалась в Найроби, в туземном госпитале, где она пять лет проработала медсестрой, прежде чем вышла замуж за Дэвида Матенге и уехала жить в Найэри.

Она с кем-то горячо спорила.

— Почему наша униформа отличается от той, что носите вы? Почему наша зарплата намного меньше вашей? Почему к вам обращаются «сестра», а нас подзывают, как прислугу?

Ваньиру как наяву увидела перед собой лицо белой женщины, своей начальницы, которая безапелляционно заявила, что африканские медсестры менее квалифицированные, чем их белые коллеги.

В своем странном сне Ваньиру вспоминала, что именно по этой причине она и бросила медицину.

— Это настоящая дискриминация, — жаловалась она Дэвиду. — Африканские женщины получают такое же образование и выполняют ту же работу, что и белые, но при этом никто на нас не смотрит как на равных. Так зачем же стараться?

В этот момент она открыла глаза и увидела, что находится в какой-то пещере.

Она пыталась понять, реальность это или еще один сон. Сухие листья, на которых она лежала, казались ей вполне реальными, так же как и боль в руках и ногах. В этой странной пещере было тепло и сухо, в центре горел костер, отбрасывающий слабый свет на людей, которые, сгорбившись, сидели вокруг костра и ели.

Ваньиру попыталась разглядеть этих людей, затем схватилась за живот и поняла, что ребенка там нет.

Она попыталась что-то сказать, но вместо слов с ее губ сорвался стон. Одна из фигур, сидящих вокруг костра, поднялась и направилась к ней. Это была женщина, державшая в руках новорожденного ребенка.

— Твой сын, — негромко произнесла она.

Ошеломленная Ваньиру протянула руки, взяла своего сына Кристофера и поднесла его к груди, которую он сразу начал жадно сосать. Она внимательно смотрела на женщину, которая присела рядом с ней. По чертам ее лица Ваньиру догадалась, что женщина была из племени меру.

— Где я? — сумела наконец она произнести.

— С нами ты в безопасности. Ничего не бойся, сестра.

Ваньиру крутила головой, рассматривая просторную пещеру. Теперь она заметила, что там было много людей; они сидели вдоль стен, спали в углах и на выдолбленных в стенах ложах. Она увидела сделанную из бамбука мебель, большие ящики с надписями на

английском языке, автоматы, составленные в темных углах пещеры. Учитывая количество людей, находившихся в пещере, там царила странная тишина; но запахи были знакомыми, успокаивающими, а женщина, сидящая рядом с ней, улыбалась одобряюще.

— Кто вы? — спросила Ваньиру.

— Мы нашли тебя в лесу и принесли сюда. Здесь ты среди друзей.

Женщина помолчала, затем добавила:

— Это наша земля.

Она многозначительно посмотрела на гостью, будто ожидая от нее какого-то определенного ответа.

Но обессиленная и растерянная Ваньиру смогла лишь пробормотать:

— Я… я не понимаю. Кто вы?

Улыбка исчезла с лица женщины, и она произнесла торжественно, почти печально:

— Мы ухуру, сестра. Мы Мау Мау.

44

Моне казалось, что поезд никогда не приедет.

И вот наконец послышался свисток, затем грохот; показался дым, клубами поднимающийся в небо. Люди толпились на платформе: одни, как Мона, встречали поезд, другие приготовились штурмовать вагоны и бороться за удобное место до Наньуки. Она не поднялась на платформу, осталась у своего «лендровера» и теперь с нетерпением наблюдала за тем, как поезд замедляет ход и наконец останавливается. Она даже не взглянула в сторону вагонов первого и второго классов, где путешествовали белые и азиаты, а не отрываясь смотрела на вагон третьего класса. Вскоре — а ей показалось, что прошла целая вечность, — она увидела его.

— Дэвид! — закричала она и замахала рукой. Он поднял глаза, улыбнулся и помахал в ответ.

Мона бросилась сквозь толпу и встретила его со словами:

— Мне уже стало казаться, ты никогда не приедешь! Я соскучилась по тебе, Дэвид! Как там Уганда?

Они разместили его вещи в багажнике, Мона села за руль и поехала прочь от суматохи вокзала.

— Я не смог привезти с собой паразитов, которые могли бы уничтожить войлочников, — сказал он, когда они выехали на мощеную дорогу. — Но мне удалось заехать в исследовательский центр Джакаранда и немного понаблюдать за исследованиями, которые они там проводят. Они вывели там несколько паразитов.

— Кому-нибудь удалось остановить нашествие вредителей?

— Пока нет.

— В округе Верхний Киамбу два случая заболевания кофейной ягоды.

— Да, я слышал. Но распространение заразы удалось остановить, погибла только часть урожая.

Они ехали по узкой дороге, одной из многих, проложенных итальянскими военнопленными во время войны. Дорога петляла среди холмов между Киганджо и имением Тривертонов, пересекая утопающие в зелени плодородные угодья, где среди посевов кукурузы, банановых рощ и сахарного тростника то тут, то там виднелись

небольшие круглые хижины. По обочинам носились в пыли дети, завидев машину, останавливались и что-то кричали ей вслед. Женщины, которые, согнувшись, волокли воду и дрова по тропинке, идущей параллельно дороге, поднимали руки в приветственном жесте. Мона махала им в ответ, чувствуя, как неожиданное счастье и радость переполняют ее впервые за те два месяца, что она управляла фермой одна, без Дэвида.

— Что еще нового ты узнал в Джакаранде? — спросила она, бросив быстрый взгляд на сидящего рядом мужчину. Несколько дней назад Мона слышала, как тетушка Грейс говорила, что Дэвид Матенге — копия своего красивого отца-воина.

— Они все еще считают, что самый надежный способ борьбы с войлочником — это обмазывание жиром. Кофейный совет рекомендует «синторбит» и «остико». В Джакаранде экспериментируют с «дилдрином», новым инсектицидом производства «Шелл Кемикалс».

Дэвид поудобнее устроился на сиденье, выставил руку в окно, взглянул на Мону.

— Как дела на ферме?

— Сумела продать наш последний урожай по четыреста двадцать пять за тонну.

— Это намного больше, чем в прошлом году.

Она засмеялась:

— Так ведь и затраты на управление фермой значительно выросли. Дэвид, как же я рада, что ты вернулся!

Он внимательно посмотрел на нее, затем отвернулся. Мимо проносились зеленые холмы и глинистые проселочные дороги; то тут, то там на фоне пронзительно голубого неба зеленели густые банановые рощи. Дымок спиралями поднимался от конусообразных крыш, крытых соломой. Дэвид почувствовал, что он соскучился по этому мирному, такому знакомому пейзажу. И по Моне он тоже соскучился.

— Зайдешь ко мне попить чаю? — предложила она, объезжая вокруг Белладу и паркуя машину между видавшим виды «фордом» и запыленным «кадиллаком», первым из которых активно пользовались каждый день, в то время как лимузин не двигался с места уже несколько лет, с самых похорон леди Роуз. — Или хочешь отдохнуть с дороги?

Дэвид выбрался из машины и отряхнул пыль с брюк.

— Я в поезде выспался, так что с удовольствием выпил бы чаю.

Мона обрадовалась:

— Отлично! — И последовала за ним по ступенькам на кухню.

Когда они вошли, Мона сказала:

— У меня опять был серьезный разговор с Соломоном. Сегодня утром я его застукала, когда он подогревал тост на огне.

— Ну и что с того?

— Так он держал тост пальцами ног!

Дэвид рассмеялся. Мона, тоже смеясь, хотела добавить что-то еще, когда на пороге столовой неожиданно возникла какая-то фигура.

— Джефф! — выдохнула она. — Я не заметила твою машину.

— Меня отец подбросил. Он поехал в миссию проведать тетушку Грейс.

— А Ильза с тобой? Мы как раз собирались выпить чаю.

Джеффри бросил короткий неодобрительный взгляд на Дэвида и произнес:

— Боюсь, это не очень хорошая идея. Мы не просто в гости к тебе приехали, Мона, нам нужно поговорить с глазу на глаз. У меня для тебя неприятные новости.

— Что случилось?

Он снова многозначительно посмотрел на Дэвида, который быстро сказал:

— Я выпью с тобой чай в другой раз, Мона. Мне все равно нужно съездить повидать мать и Ваньиру.

— Дэвид, — она дотронулась до его руки. — Пожалуйста, возвращайся и пообедай со мной.

— Конечно, — ответил он. — Нам ведь нужно еще поработать с бумагами.

— В самом деле, Мона, — сказал Джеффри, когда Дэвид ушел. — Я не понимаю, почему ты позволяешь своей прислуге звать тебя по имени.

— Какой же ты заносчивый, Джеффри, — сердито ответила она, в очередной раз поражаясь тому, как могла когда-то даже думать о том, чтобы выйти замуж за этого ханжу! — Я тебе уже сто раз говорила, что Дэвид Матенге не прислуга, а мой управляющий. Кроме того, он мой друг. Так что за плохие новости ты мне принес?

— Ты сегодня утром радио слушала?

— Джеффри, я встала до рассвета и все утро провела на плантации, следила за обработкой кофе, потом ездила на вокзал встречать Дэвида. Поэтому радио я не слушала. А что случилось?

Джеффри так и подмывало сообщить ей, что, по его мнению, Мона вполне могла бы отправить кого-нибудь другого встретить Дэвида и что на самом деле это гораздо более соответствовало бы приличиям. Но зная, что спорить с ней бесполезно, что она все равно поступит так, как считает нужным, он предпочел вернуться к причине своего неожиданного визита.

— Губернатор объявил в Кении чрезвычайное положение.

— Что?!

— Сегодня ночью был арестован Кеньята и несколько его приспешников, чтобы наконец покончить с Мау Мау.

— Но нет никаких доказательств того, что за Мау Мау стоит Кеньята! Пару месяцев назад он публично осудил акты терроризма!

— Но мы должны были их как-то остановить! Готов поспорить на все что угодно, что теперь, когда старый Джомо оказался за решеткой и больше не может распространять свои идеи, насилие прекратится.

Мона, отвернувшись, прижала руку ко лбу.

— И что означает введение чрезвычайного положения?

— Это означает, что до тех пор, пока бандиты не выйдут из лесов и не сдадутся в руки властям, мы будем жить на особом положении, под надзором полиции.

Она подошла к покрытому кафелем столу, на котором между электрической кофеваркой и соковыжималкой стоял радиоприемник в желтом пластмассовом корпусе. С тех пор как в 1919 году была построена Белладу, кухня уже несколько раз перестраивалась. Последний раз ремонт делали два года назад, тогда старая дровяная печь наконец уступила место современной газовой плите.

Мона включила радио, играла песня «Твое сердце, которое лжет». Она нашла радиостанцию Найроби.

— Несомненно, Кения переживает сейчас нелегкие времена, — услышала она голос губернатора, сэра Эвелина Бэринга. — Но я призываю всех сограждан сохранять спокойствие и не допускать распространения панических слухов. Я подписал документ, который вводит чрезвычайное положение на территории всей колонии. Это

очень серьезная мера. Правительство Кении вынуждено было пойти на нее скрепя сердце и, поверьте мне, после долгих колебаний. Но в сложившейся ситуации, когда растет беззаконие, учащаются случаи насилия и беспорядков в определенной части колонии, у нас не оставалось другого выбора. Такое положение стало результатом подрывной деятельности движения, известного под названием Мау Мау. С целью восстановления правопорядка и обеспечения безопасности мирных и законопослушных граждан любой национальности правительство подписало указ о введении чрезвычайных мер, которые позволят ему брать под стражу определенных элементов, которые, по их мнению, представляют опасность для государственного порядка.

Мона вопросительно взглянула на Джеффри:

— Кого это, интересно, он имеет в виду под «определенными элементами»?

— В этих целях, — продолжал сэр Эвелин, — мы произвели перераспределение сил полиции и армии. Кроме того, в Найроби был направлен британский батальон, первые войска доставлены по воздуху этой ночью. В течение сегодняшнего дня в Момбасу также прибудут корабли Королевских военно-морских сил.

— Войска! — сказала она, выключая радио. — Неужели это в самом деле необходимо? Я и представления не имела, что все так плохо!

— Вначале все казалось не так уж страшно. Мау Мау, что бы это, черт возьми, ни значило, началось, как тебе известно, с кучки отщепенцев, лихих парней из Найроби, без работы и без денег, которые окопались в лесах и изредка совершали случайные набеги, в основном ради еды и денег. Но теперь, кажется, все больше недовольных молодых африканцев присоединяются к ним, и случаев насилия становится все больше. Боюсь, нас это застало врасплох.

Мона внезапно почувствовала озноб и поставила чайник на плиту. Впервые словосочетание Мау Мау она услышала года два назад, но тогда мало кто, не считая агентов секретной службы, обращал на него внимание. А потом начались неприятные инциденты: налеты на полицейские участки и кража оружия; поджог надела кукурузы; таинственные записки с угрозами по всему Найроби. Месяц назад банда африканцев напала на католическую миссию, — миссионеров

заперли в комнате и скрылись с деньгами и автоматом. Неделю спустя на рынке Мадженго обнаружили повешенный труп задушенной собаки — это было предупреждение от Мау Мау, адресованное всем белым поселенцам. И наконец, всего две недели назад посреди бела дня был жестоко убит пожилой вождь одного из племен, одинаково уважаемый африканцами и белыми.

Джеффри прошел в глубину кухни, сложил руки на груди и облокотился на раковину.

— Самый последний случай, — тихо сказал он, — произошел сегодня рано утром. Ты ведь знаешь Абеля Камау, молочника из Мвейги?

Мона кивнула. Абель Камау был одним из тех африканских солдат, которые вернулись с войны с европейскими женами. Молодая семья обустроилась всего в нескольких милях от Белладу и вела тихое и спокойное существование. Они были одной из очень немногих смешанных пар в Кении, отвергнутые и презираемые и африканцами, и белыми, изгнанные из своих семей, поэтому друзей у них почти не было. Мона была с ними знакома и считала их приятными и милыми людьми. Они растили четырехлетнего сына.

— На них напали ночью, когда они мирно спали в своей постели, — сказал Джеффри, — и убили с изуверской жестокостью, нанесли несчетное количество ударов пангами. Полицейские сказали, что тела были настолько изуродованы, что их невозможно было опознать.

Мона растерянно опустилась на стул.

— О господи. А мальчик?

— Остался жив, но врачи говорят, что вряд ли он выкарабкается. Эти изуверы выкололи ему глаза.

— Но зачем?

— Они используют глаза в своей церемонии принятия клятвы. — Джеффри взял второй стул и сел за стол. — Мау Мау выбрали их своей мишенью, потому что они нарушили расовые табу. Ты ведь знаешь, что африканцы относятся к смешанным бракам так же нетерпимо, как и белые. Страшное преступление Абеля Камау состояло в том, что он, во-первых, женился на белой, а во-вторых, был лоялен к власти. Помимо отдельных представителей белого населения

целью Мау Мау являются и африканцы, поддерживающие колониальное правительство.

Чайник закипел. Мона смотрела на него, но не могла сдвинуться с места.

— А в чем же состояло преступление этого несчастного ребенка? — пробормотала она.

— Его отец спал с белой женщиной.

Мона наконец заставила себя подняться из-за стола и машинально занялась приготовлением чая. Вся ее утренняя радость, вызванная возвращением Дэвида, куда-то улетучилась.

— У полиции есть предположения относительно того, кто это сделал?

— Они прекрасно знают, кто это сделал. Это Чеге, слуга Камау.

Мона резко обернулась:

— Этого не может быть! Чеге славный и добрый старик, который и мухи не обидит! Он ведь был лучшим другом отца Абеля!

— Да, и это самое чудовищное. Мау Мау начинают подбираться к своим жертвам через близких к ним людей.

— Но как, как им это удается? Чеге был по-настоящему предан Абелю и его жене!

— Любовь и преданность, Мона, ничто в сравнении с могуществом клятвы Мау Мау.

Она знала об этих клятвах, всю свою жизнь слышала эти истории. Клятва заставляла кикую во что бы то ни стало держать свое слово; это была неотъемлемая часть социальной системы племени, настолько глубоко укоренившаяся в многовековых суевериях и табу, что практически никто из кикую не мог нарушить однажды данную клятву.

— Но как они могут заставить человека дать клятву помимо его воли и затем совершить чудовищное преступление?

— Они заставляют дать клятву силой. Запугивают. Чеге наверняка похитили, увезли в лес, совершили над ним непристойный ритуал и затем отпустили.

— Но как они могли быть уверены в том, что он выполнит их приказы?

— Мау Мау могут быть абсолютно уверены в любом, кого они заставили дать клятву, Мона. Если же самой клятвы недостаточно,

чтобы заставить беднягу выполнить их волю, в ход идут угрозы неминуемой расправы.

Мона поставила на поднос чайник, чашки, сахар и молоко и понесла его в гостиную. Там она обнаружила жену Джеффри, которая внимательно изучала рекламу дамских сумочек в каталоге «Сирс». Ильза сильно располнела за семь лет замужества, к тому же сейчас была беременной.

— Дорогуша! — воскликнула она, отложив каталог в сторону. — Какой ужас! Как подумаешь, что все это случилось совсем рядом с нами!

Мона только сейчас заметила, какой бледной и потрясенной выглядела Ильза, и осознала, что от фермы Камау до Килима Симба было меньше мили.

Мона задумчиво помешивала чай ложечкой. Она никогда не слышала выступлений Кеньяты, но ей доводилось читать в газете некоторые отрывки его речей. Он был лидером Кенийского Африканского Союза, могущественной и все более набирающей силу политической организации, целью которой было искоренение расовой дискриминации в Кении, борьба за то, чтобы у африканцев было больше прав на землю, образование, получение руководящих должностей, перспектива установления в Кении самоуправления. «Мы стремимся к одной цели, — говорил харизматичный Джомо, — и эта цель — мир».

Несмотря на то, что Кеньята неоднократно осуждал акты, совершаемые Мау Мау, правительство, тем не менее, решило, что именно он и возглавляемый им Кенийский Африканский Союз стояли за террористической деятельностью, и поэтому распорядилось арестовать его. «Глупое и опасное решение», — думала Мона.

— Теперь-то нам уже не о чем беспокоиться, — произнес Джеффри. — Вся эта шайка головорезов без своих главарей развалится. Бэринг пообещал, что Кеньяте больше никогда не выйти на свободу. Чтобы показать террористам, что мы не шутим, мы ввели в провинцию еще шесть батальонов, помимо трех кенийских батальонов Королевских африканских стрелков, Угандийского батальона, дислоцированного в ущелье, и двух рот Танганьикского батальона. Ночью из зоны Панамского канала прилетели ланкаширские стрелки. Они приземлились в базе Королевских военно-воздушных сил в Истли

и были размещены в Найроби в качестве резерва. Мы также набираем ополченцев из бывших африканских солдат, которые прошли войну и верны режиму. Вот что я скажу тебе, Мона: я рад, что мы наконец-то начинаем действовать жестко. Мы демонстрируем черномазым и всему миру, что готовы немедленно обеспечить защиту колонии с воздуха и с моря.

— Знаешь, что я думаю… — проговорила Мона, глядя в окно, за которым сиял замечательный день; лучи экваториального солнца отбрасывали блики на темную, элегантную старинную мебель. Ярко-розовые и оранжевые бугенвиллии обрамляли веранду, зеленые ряды кофейных деревьев прерывали мягкую холмистую линию горизонта, а вдалеке в безоблачном небе торжественно возвышалась покрытая лиловой снежной шапкой гора Кения. — Я вот думаю, Джеффри, а если действия губернатора являются большой ошибкой? Ведь, привлекая такие военные силы, он как бы признается всему миру — и Мау Мау в том числе, — что правительство белых поселенцев Кении не способно само защитить колонию.

— Господи боже мой, Мона, послушать тебя, так мы должны позволить черномазым управлять страной!

— Их желание самим управлять своей страной не кажется мне противоестественным.

— Что ж, в некоторой степени я с тобой согласен. Я уже много лет активно выступаю за самоуправление, ты это знаешь. С какой стати, черт возьми, мы до сих пор должны отчитываться перед Уайтхоллом! Но я-то имею в виду самоуправление белых.

— Джеффри, нас в этой стране сорок тысяч, а африканцев — шесть миллионов! Неужели ни ты, ни другие еще не поняли, что мы не можем применить здесь, в Кении, родезианскую модель апартеида, мы просто не имеем на это права!

— Ты ошибаешься, Мона. Мы имеем на это право. Не забывай, какие чудеса сотворило наше присутствие в Восточной Африке. Британские налогоплательщики, Мона, при всех трудностях, которые переживала разоренная войной страна, вложили в эту колонию огромные деньги, чтобы помочь африканцам встать на ноги! Да ты только подумай обо всем, что мы для них сделали. Мы ведь буквально вывели их из каменного века, а как мы заботились о них все эти годы. Это просто возмутительно, что мы позволили этой ситуации зайти так

далеко. Если хочешь знать мое мнение, Мона, мы по-настоящему сглупили, что не приняли тогда план Монтгомери.

— Что это был за план?

— Еще в сорок восьмом фельдмаршал Монтгомери предложил план создания военных баз на территории Кении, потому что уже тогда он предвидел тот раскол, с которым мы столкнулись сегодня. Мы не послушали его, и вот, посмотри, что мы имеем сегодня. Африканцы стали послушным орудием в руках коммунистов, а я абсолютно уверен в том, что вся идеология Мау Мау построена на коммунистических идеях.

— Но, Джеффри, — нетерпеливо перебила его Мона. — Я все равно считаю, что это такая же их страна, как и наша, и мы не можем просто взять и наплевать на нужды и чувства шести миллионов людей.

Джеффри криво усмехнулся.

— Ты действительно считаешь, что они способны на самоуправление? — Я так и слышу, как черномазые вопят: «Дайте нам работу, и мы разломаем все инструменты!»

— Ты несправедлив.

— А они чертовски неблагодарны! Но что от них ожидать? В языке кикую даже нет слова «спасибо». Нам пришлось учить их этому слову.

Джеффри резко поднялся. Он ненавидел эти споры с Моной, она просто выводила его из себя. Его раздражало в ней все: ее политические взгляды, образ жизни — да, особенно образ жизни.

«Мона ведь привлекательная женщина, — думал он, — а могла бы быть просто красоткой, если бы не разгуливала вокруг, как простая фермерша. Она получила неплохое наследство от своих родителей — красоту матери в сочетании с привлекательностью брюнета-отца — и могла бы получать неплохие дивиденды с этого наследства, если б только лучше одевалась и хоть иногда посещала парикмахера».

Но Мона неизменно собирала свои длинные черные волосы в конский хвост и носила мужские рубашки. Откуда у нее возьмется хоть капля изящества, если все дни напролет она проводит на кофейной плантации, работая бок о бок со своими африканцами? Похоже, Мона не унаследовала ни капли аристократизма своих родителей. Увы, бокалы с искрящимся шампанским и игра в поло

давно ушли в прошлое, которое, казалось, умерло вместе с Валентином.

Джеффри знал, что гостевые комнаты на втором этаже давным-давно стоят закрытые. Ко входу в особняк больше не подъезжают лимузины; веселые голоса гостей навсегда ушли из этих мрачных комнат. Единственные посетители, которых принимает Мона, — это члены Кофейного совета, плантаторы вроде нее, с которыми она курит, пьет бренди и обсуждает мировые цены. Моне определенно нужен мужчина, который напомнил бы ей о том, что она женщина. И Джеффри считал, что этим мужчиной должен стать он.

Легкий укол совести заставил его бросить короткий взгляд в сторону жены, одетой в хлопчатобумажную бесформенную блузу для беременных, располневшую и благодушно настроенную, чьим единственным интересом в жизни являлись дети. Ильза совсем распустилась. Родив четырех детей и беременная пятым, она потеряла всякую сексуальную привлекательность. Джеффри признавал, что она замечательная мать. Но как женщина она уже давно не волновала его. О чем он только думал, когда женился на ней? Вместо этого он должен был вернуться домой, к Моне!

Ему становилось все сложнее сдерживать свое влечение к Моне. Его удивляло, что она ведет такой монашеский образ жизни. Это неестественно. Вне всяких сомнений, она тоже желает интимных отношений с мужчиной. И, что поразительно, при этом рядом с ней не было ни одного мужчины, не считая исключительно деловых контактов. Джеффри был уверен, что по ночам в своей постели она не может не задумываться о своей одинокой жизни. Джеффри решил, что Мона созрела для того, чтобы в ее жизни появился нужный мужчина. Придет день, пообещал себе Джеффри, или придет ночь, и он не будет больше бороться со своей страстью, явится в Белладу и застанет ее одну. И она возжелает его с той же страстью, с которой желал ее он.

— В любом случае, — произнес он, быстрыми шагами приблизившись к окну. Его тело, все еще стройное в сорок лет, четко вычерчивалось на фоне октябрьского неба, — я намереваюсь показать молодчикам Мау Мау, что им меня не запугать. Я буду вести дела как ни в чем не бывало, несмотря на всю эту шумиху, поднятую газетчиками. Как только вся эта глупая суета вокруг Мау Мау утихнет,

а я тебе обещаю, что это произойдет очень скоро, мои клиенты снова вернутся ко мне.

Джеффри имел в виду свой бизнес, туристическое агентство, которое он основал после увольнения из армии. Сбылось его пророчество о том, что война откроет новую эру в туризме. Во всем мире солдаты, возвращающиеся домой, развлекали свои семьи рассказами об увиденных ими экзотических местах: Париже, Риме, Египте, Гавайях, южных странах Тихоокеанского региона. Эти открытия вместе с недавним запуском коммерческих авиарейсов, благодаря которым время путешествия невероятно сократилось, породили во всем мире неожиданную страсть к путешествиям. Туристическое агентство Дональда, офис которой располагался в гостиной Джеффри Дональда в Килима Симба, находилось пока в зачаточном состоянии, и нужно было бороться за его выживание, поскольку Кения еще не укоренилась в сознании людей как потенциальное место проведения отпуска. Пока Джеффри организовывал лишь сафари для охоты на диких зверей, но в планах у него была реализация абсолютно новой идеи проведения досуга: фото сафари.

— Кстати, я занялся разработкой новой рекламной кампании, — сообщил он, вернувшись за стол. Легкость, с которой он менял тему разговора, выводила Мону из себя. — Я заказал макет брошюры с фотографиями туземцев, львов и жирафов. Общая идея заключается в том, что любой рабочий из Манчестера может получить две недели африканских приключений, при этом ему гарантируются полная безопасность и комфорт. Теперь, когда благодаря упорству тети Грейс у нас появились заповедники, пора начать зарабатывать на них деньги.

— Но даже при всем разнообразии нашего животного мира, — возразила Мона, — я пока не вижу, что еще Кения может предложить среднестатистическому туристу. Изо дня в день фотографируя животных, можно в конце концов с ума сойти от скуки.

Одна из проблем Моны, решил Джеффри, заключается в том, что ей не хватает воображения.

— Это только часть моей новой программы. Я размещу в брошюре снимки отелей Найроби, покажу крупным планом роскошь, рестораны, ночную жизнь. Теперь, когда Найроби наконец получил статус города, я собираюсь поместить его на карту мира.

Мона рассмеялась:

— Осталось только придумать подходящий рекламный слоган, что-то вроде «Добро пожаловать в Найроби — зеленый город в лучах солнца!»

Собирая со стола пустые чашки, она не заметила, как Джеффри вытащил маленькую записную книжку из кармана своей куртки цвета хаки и что-то записал.

— Так что теперь тебе не о чем беспокоиться, — говорил Джеффри несколько минут спустя, когда они с Ильзой прощались с Моной на пороге кухни. Он положил ладонь на руку Моны и крепко сжал. — Теперь, когда Кеньята за решеткой и отрезан от своих лесных головорезов, голову даю на отсечение: все они разбегутся, поджав хвосты, и эта история благополучно закончится.

Он вплотную приблизился к ней, так, что его выжженное солнцем лицо оказалось совсем рядом, и она могла разглядеть мелкие морщинки вокруг его глаз.

— Но если вдруг тебе станет страшно, — тихо добавил он, — или ты проснешься и тебе покажется, что в доме кто-то есть, позвони мне, и я тут же примчусь. Обещаешь?

Мона отстранилась от него и протянула Ильзе корзинку:

— Вот, возьми, здесь немного меда для ребятишек, — сказала она.

Выйдя на крыльцо, Джеффри остановился на ступеньках:

— Посмотри-ка, похоже, у твоего парня проблемы.

Мона выглянула с крыльца. Совсем рядом, на дорожке, ведущей к дому, трое аскари из Кенийского полицейского резерва в синих пуловерах и высоких красных шапках внимательно изучали удостоверение личности Дэвида.

Джеффри повернулся к Моне:

— Советую тебе быть поосторожнее с этим парнем.

Для Моны не был секретом тот факт, что Джеффри испытывает к Дэвиду Матенге откровенную неприязнь. Он постоянно отпускал критические замечания по поводу того, как Мона обращалась со своим африканским управляющим, что служило причиной натянутости в их отношениях.

— Я Дэвиду полностью доверяю, — ответила она.

— И тем не менее в ближайшие недели, пока не отменят чрезвычайное положение, я попросил бы тебя быть с ним предельно

осторожной.

Распрощавшись с Джеффри и его женой, которые направились в сторону лестницы, ведущей к миссии, Мона приблизилась к Дэвиду и трем допрашивающим его аскари.

— У вас какие-то проблемы? — спросила она.

Солдаты вели себя очень вежливо и разговаривали на английском с мелодичным акцентом, четко проговаривая слова, что было характерно для образованных африканцев:

— Просим прощения за вторжение, мемсааб, но сегодня утром была сожжена ферма, и мы опрашиваем население.

— Ферма? Чья?

— Мухори Гатеру. Его дом разрушили, весь скот уничтожили. Дело рук Мау Мау.

— Откуда вы знаете?

— Они оставили записку, в которой было написано: «Это наша земля».

— Что это значит?

— Это клятва Мау Мау.

— Я могу поручиться за мистера Матенге. Он только сегодня вернулся из Найроби и утром находился в поезде.

— Прошу прощения, мемсааб, но этим утром поезд на некоторое время задержался в Каратине, а ферма Мухори Гатеру как раз и находится в Каратине.

— И тем не менее я полностью ручаюсь за него. Всего доброго.

Направляясь к дому, где они с Дэвидом собирались провести остаток дня, изучая бухгалтерские книги, разбирая счета и корреспонденцию и обсуждая поездку Дэвида в Уганду, где он надеялся найти решение проблемы с распространением вредителей, Мона говорила:

— Не могу поверить, что весь этот ужас с Мау Мау происходит на самом деле! Ты слышал о введении чрезвычайного положения?

— Да.

Зайдя на кухню, она сказала:

— Попрошу Соломона сделать нам сандвичи. Ну где же этот старый ленивый плут?

— Обо мне не беспокойся, Мона, я не голоден. Перекусил в поезде.

— А почему поезд задержали в Каратине? Ты не знаешь?

После некоторой паузы он ответил:

— Нет.

Мона давно уже переделала кабинет отца в свой собственный, упаковав и убрав подальше все его трофеи, награды и фотографии. Тяжелые гардины Мона заменила легкими занавесками, а строгую мебель, привезенную из Англии тридцать три года назад и уже начавшую ветшать, обила яркой тканью с цветочным орнаментом.

Мона устроилась за широким дубовым столом, Дэвид подвинул стул и сел рядом.

— Как поживает малыш? — спросила она, доставая из ящика бухгалтерские книги.

— С сыном все в порядке.

— А Ваньиру?

— Мы снова повздорили. — Дэвид вздохнул. — Меня не было дома два месяца, а жена с порога встречает меня жалобами.

Мона знала об их ссорах. Ваньиру хотела, чтобы Дэвид привел в дом других жен, чтобы и ей было веселее, и на шамбе появились дополнительные рабочие руки; она также хотела, чтобы Дэвид избрался в руководство местного отделения Кенийского Африканского Союза; чтобы он переехал из коттеджа управляющего, который сам выстроил шесть лет назад, и стал жить с ней и своей матерью в их доме ниже по реке.

Ваньиру постоянно твердила ему об этом, но Мона знала, что Дэвид не соглашается. И ее это радовало. Она не имела ничего против работы в Союзе, но была довольна, что Дэвид и не думает приводить в дом вторую и третью жену, а предпочитает жить один в маленьком домике у дороги. Причину этой своей радости Мона объясняла тем, что такой образ жизни позволяет Дэвиду больше времени отдавать работе в поместье.

Но было еще кое-что, о чем Мона не знала, а Дэвид не собирался ей рассказывать. Причиной сегодняшней ссоры между Дэвидом и Ваньиру было что-то другое. Это были Мау Мау.

— Кристофер такой замечательный мальчик, — сказала Мона, протягивая Дэвиду пачку счетов, накопившихся за время его отсутствия. — Ему всего семь месяцев, а он уже пытается ползать!

Дэвид взглянул на Мону и улыбнулся.

— Тебе следует иметь детей, — негромко произнес он.

Она отвернулась.

— Мое время уже ушло! В тридцать три года вряд ли можно думать о том, чтобы завести семью.

— Любой женщине нужны дети.

— У меня есть ферма, и мне этого вполне хватает.

Мона ненавидела, когда Дэвид затрагивал тему ее одиночества. Его чисто мужское понятие о том, что бездетная женщина не может быть счастливой, раздражало ее. «Брак и дети, — пыталась она однажды объяснить ему, — это нечто большее, чем просто купить жену, заплатив за нее несколько коз. Есть еще любовь».

«Раньше я боялась, что стану такой же, как моя мать, — призналась она ему одним дождливым апрельским вечером, когда они грелись у огня после тяжелого дня на плантации. — Я ошибочно полагала, что она неспособна любить. Только потом я узнала, что моя мать была из тех женщин, которые могут полюбить лишь одного мужчину в своей жизни и любят его так всепоглощающе, так самозабвенно, что без него просто не могут жить».

Тогда Мона резко оборвала саму себя, осознав, что очень близко подошла к теме, которая была для нее слишком личной и в которую она никого не посвящала. Ни одна душа на свете, даже тетя Грейс, ее самый близкий друг и поверенный во всех ее делах, не знали о том, что Мона приняла решение ждать всю жизнь, если понадобится, в одиночестве и без детей, ждать того единственного мужчину, который ей предназначен. Мона считала, что если женщина соглашается жить с кем угодно, и делает это для того, чтобы быть замужем, то это не приносит ничего, кроме несчастья и сожалений.

Дэвид закатал рукава рубашки. Он раскладывал счета на отдельные кучки, и его обнаженные руки то освещались лучом, падающим на стол из окна, то снова оказывались в тени. Мона поймала себя на том, что следит за движениями его мышц под темной кожей.

Она взяла в руки письмо из Белла Хилл. «Дорогая леди Мона, — писал агент. — Я искренне сожалею о том, что вынужден беспокоить вас по этому вопросу, но дела обстоят таким образом, что если мы не предпримем немедленных мер, то потеряем наших последних жильцов».

Мона отложила письмо в сторону. У нее не было сейчас настроения читать о бесконечных проблемах Белла Хилл. Когда тетушка Эдит переехала в Брайтон к своей кузине, Мона переделала Суффолкский особняк, разделив его на квартиры и назначив дешевую послевоенную ренту. Возвращающиеся с войны солдаты охотно селились в этих квартирах, приводили туда невест. Но мало-помалу довоенное благополучие возвращалось в Англию, уровень жизни рос. Жены бывших солдат начали производить на свет детей, а время брало свое, и старый Белла Хилл ветшал. Так поместье ее предков, будучи когда-то источником доходов, в которых так нуждалась Белладу, стало теперь черной дырой, высасывающей средства. Жильцы жаловались на плохое состояние сантехники, холод в квартирах. Они желали улучшений, современного ремонта и съезжали чаще, чем агент успевал вселить на их место новых. Мона понимала, что ей придется что-то делать с этим бедным старым домом как можно скорее.

Белла Хилл…

Она бросила взгляд на Дэвида. Склонив голову над счетной машиной, он быстро перебирал пальцами, его красивое лицо было сосредоточенным.

Она вспоминала о трех эпизодах. Первый произошел двадцать четыре года назад, в мрачном холле Белла Хилл, когда несчастная маленькая Мона пыталась уговорить сестру Дэвида, Нджери, бежать с ней из дома. Второй случай последовал вскоре за первым: Мона и Дэвид, как в ловушке, мечутся в охваченной пламенем хижине знахарки. Третий же эпизод, о котором она сейчас вспоминала, глядя на погруженного в работу Дэвида, произошел всего семь лет назад, вскоре после того как он начал работать управляющим в ее поместье.

«Я должна извиниться перед тобой, Дэвид, — сказала она ему тогда. — Я была жестока к тебе, когда мы были детьми, и прошу за это прощения. Я ведь тогда чуть не убила нас обоих».

На его лице мелькнуло тогда странное выражение, и он ответил: «Это было так давно. Все забыто».

Будто почувствовав на себе ее взгляд, Дэвид поднял голову от счетной машины и улыбнулся.

— Чуть не забыл, — сказал он, отодвинувшись от стола. — Я кое-что привез тебе из Уганды.

Он полез в карман брюк, вытащил что-то, завернутое в носовой платок, и протянул ей.

Озадаченная Мона взяла сверток. Дэвид никогда раньше не делал ей подарков. Когда она развернула платок и увидела, что там, у нее перехватило дыхание.

— Боже мой, — прошептала она. — Какая красота!

— Эти ожерелья делает народ торо. Видишь эти зеленые бусины? Это малахит из Бельгийского Конго. А это резная слоновая кость.

Мона не могла оторвать глаз от ожерелья, которое лежало перед ней на столе в солнечном свете. Это было потрясающей красоты украшение из отполированной до блеска меди, кусочков янтаря, розочек, искусно вырезанных из слоновой кости, и металлических цепочек — примитивное произведение африканских умельцев, которое одновременно выглядело странно современным, почти безвременным. «Настоящее произведение искусства, — подумала Мона, — слишком прекрасное, чтобы просто висеть на чьей-то шее».

— Дай-ка, — сказал Дэвид, — я надену его на тебя.

Он встал и подошел к ней сзади. Она почувствовала, как его руки скользнули по ее волосам, перед глазами мелькнуло ожерелье, весомо и удобно устроилось на ее груди. Пальцы Дэвида щекотали ее шею, когда он застегивал замочек.

— Погляди на себя в зеркало, Мона.

Она не верила своим глазам. Ей казалось, она совершенно преобразилась. Она больше не была обыкновенной женщиной, в ней появилось что-то новое, неуловимое.

Ожерелье лежало на ее груди, на хлопковой ткани блузы, как какой-то знак торжества, победы, рядом с которым все — и эта комната, и мебель, и солнечный день за окном — казалось совершенно банальным и прозаичным.

— Оно просто волшебное, Дэвид, — проговорила она.

— Такие ожерелья носят женщины торо.

— Женщины торо очень красивые. На мне оно смотрится не к месту.

— Как только я его увидел, я тут же подумал о тебе, Мона.

Она представила себе угандийских женщин из племени торо, со стройными шеями и гордо посаженными головами.

— Я не достойна такой красоты, — сказала она. — У меня не та кожа.

Дэвид очень тихо произнес:

— У тебя замечательная кожа, Мона.

Она смотрела на его отражение. Он стоял сзади, совсем близко к ней. Их взгляды пересеклись в зеркале.

Мона повернулась, чтобы поблагодарить его. Неожиданно тишину нарушил хрип радио.

Это была полуденная трансляция на языке кикую. Видимо, Соломон решил послушать новости. Диктор рассказывал о жестоком убийстве Абеля Камау и его жены-европейки. Их четырехлетний сын, сообщил диктор, которому были нанесены тяжелые травмы, только что скончался в больнице Короля Георгия.

45

Ваньиру и ее свекровь работали на шамбе и пели. Это была простая песня, в которой повторялись одни и те же незатейливые слова, и они пели ее в приятном согласии, меняя мелодию, украшая ее новыми руладами. Это был гимн, воспевающий Нгая, бога, живущего на горе Кения; это была молитва об ухуру, свободе.

В этот прохладный, свежий день перед началом сезона дождей на сердце у мамы Вачеры было тяжело. Выкапывая батат и обрывая со стеблей листья, чтобы скормить их потом козам, старая знахарка думала о предстоящей разлуке с невесткой. Как бы она ни хотела, чтобы жена ее сына осталась с ней, она даже не думала удерживать ее. Вачера знала, что молодая женщина следует зову, звучащему в ее сердце, тому призыву, который может слышать только она. Знахарке приходилось оставаться одной и раньше; переживет она одиночество и на этот раз.

Как странно все повернулось в жизни! Даже ее мешок вопросов не смог предсказать Маме Вачере ту кровопролитную войну, которая терзает сегодня землю кикую. Ни в одном из своих пророческих снов не могла она предвидеть, что один брат кикую пойдет с оружием на другого брата, в то время как соседние племена будут с любопытством взирать на все это. «Наши предки, должно быть, стенают и плачут, — думала Мама Вачера, видя, как лесные воины спускаются с гор и убивают своих африканских братьев, а товарищи убиенных начинают мстить, преследуя и мучая любого, кого только заподозрят в пособничестве лесным людям. — Как могло случиться, что мир погрузился в это безумие?»

Мама Вачера выпрямилась и посмотрела на поросший травой склон над рекой. Все началось, когда здесь появились белые люди, решила она. Именно они стали причиной той чудовищной войны, в которой гибнут теперь ее соплеменники. Они явились сюда много урожаев назад в крытых повозках в сопровождении своих молочно-белых жен и стали распространять вокруг свою заразу. «Когда это закончится? — спрашивала себя старая женщина. — Когда одни кикую перестанут убивать других и совместно вышвырнут наконец белого человека из Кении? Когда они увидят всю тщетность и позор этой

бесполезной войны и объединят свои силы против одного настоящего врага?»

Мама Вачера подумала о сыне и спросила себя: на чьей же стороне было его сердце?

Как и многие мужчины кикую, он предпочел работать на белого человека и жить в каменном доме, оставив свою жену работать на шамбе. Ваньиру повезло больше, чем многим другим женщинам, ведь муж жил недалеко от ее хижины. Кого действительно нужно было пожалеть, так это тех жен, мужья которых покинули их ради работы в Найроби, где они жили в квартирах, пили европейское пиво и спали с проститутками. Эти бедные женщины подолгу не видели своих мужей, иногда годами, тогда как Дэвид посещал свою жену раз в неделю, оставался на ночь в своей хижине тингира и ел пищу, приготовленную женой и матерью. Навещая своих женщин, Дэвид Матенге одаривал их разными американскими товарами, сахаром и маслом. Во многом, признавала мать Дэвида, он вел себя как настоящий кикую.

Но как, удивлялась она, наблюдая за грузовиком, тащившимся по пыльной дороге среди кофейных деревьев Тривертонов. как мог он работать на ту самую женщину, отец которой украл их землю? Это была загадка, решить которую Маме Вачере было не под силу. Но ей и в голову не приходило задавать ему эти вопросы, ведь она была почтительной матерью и должна была уважать выбор своего сына.

Вачера отправилась на другой конец шамбы, где Ваньиру обрывала тыквенные листья, и принялась собирать бананы.

Она знала, что ее невестка приняла клятву Мау Мау. Много лет назад, в ту ночь, когда разразилась ужасная буря и ее бабушка лежала при смерти и ждала, что гиены придут терзать ее плоть, юная Вачера, съев горсть земли, приняла ту же клятву. Клятва была частью жизни кикую, такой же древней, как туманы на горе Кения. Без этой клятвы Дети Мамби прекратили бы свое существование. Но та клятва, которую дала Ваньиру, была другая, и это тревожило Маму Вачеру. Ее невестка приняла клятву, держа в руках Библию белого человека, мзунгу; съев горсть земли, она поклялась именем Иеговы. И Мама Вачера никак не могла понять те причины, по которым священная клятва была изменена.

Что все это значило? Зачем так извращать освященный веками племенной ритуал?

Мама Вачера боялась, что Мау Мау, эти приспешники дьявола, навсегда уничтожат древние обычаи. Эти лесные люди, решила она, не могут называться настоящими, благородными сыновьями Мамби, они именно те, кем окрестил их белый человек: «головорезы». Племенные порядки больше не соблюдаются; народ кикую все более разобщается, а лишенные жизненных ориентиров, сбитые с толку молодые люди глумятся над стариками.

«Они борются вовсе не за нашу землю, — думала Мама Вачера, наполняя корзину. — Они борются за свободу творить зло и попирать законы предков».

Песнь закончилась, и женщины направились обратно к хижинам. Над крышами спиралями поднимался дымок от печей, на которых готовилась пища. Ваньиру знала, что свекровь не одобряет ее решение уйти, и понимала, что им никогда не прийти к согласию в этом вопросе, потому что Мама Вачера была уже старой женщиной. Ее возраст, по ее собственным подсчетам, равнялся ста двадцати урожаям, что, по оценкам Ваньиру, составляло шестьдесят лет. Вачера жила прошлым. Когда они говорили о том, что Дети Мамби должны вернуть свою землю, потому что все права на эту землю принадлежат им, и только им, Мама Вачера лишь твердила про таху.

— Они были прокляты, — постоянно повторяла она Ваньиру. — Я им сказала, что до тех пор, пока земля не будет возвращена африканцам, им всем суждены лишь несчастья и страдания. И видишь, что получилось? Все они теперь мертвы, за исключением одной, и у нее нет ни одного сына, который мог бы унаследовать землю.

Ее устаревший образ мыслей и упрямство раздражали Ваньиру, но, будучи с детства приученной вести себя скромно и уважительно в обществе старших по возрасту, она и не думала перечить свекрови. Борьба — вот во что верила Ваньиру. Только война могла вернуть африканцам украденную землю. «Дерево свободы взрастет на крови», — повторяла она своей свекрови.

Но Ваньиру боролась не только за то, чтобы вернуть утраченные земли. Как и многие женщины, присоединившиеся к Мау Мау, она боролась за права своей дочери. Рисовала себе будущее, в котором Ханна сможет свободно ходить в школу, не боясь издевательств беспощадных мальчишек, как это было в ее печальном школьном детстве, сможет работать бок о бок с мужчинами; сможет выбрать

профессию и сделать достойную карьеру; получит свободу гордо идти рядом со своим мужем, как равная ему, а не тащиться позади, словно вьючное животное. Матери кикую, считала Ваньиру, обязаны бороться за будущее своих дочерей.

— Сними кору с боярышника, — поучала Мама Вачера жену своего сына, пока та собиралась в путь, — с самых молодых ветвей. Обмакни в соль и пососи. Это верное средство от болезней желудка и поноса.

Ваньиру внимательно слушала свекровь. Они сложили в корзину целебные растения и исцеляющие амулеты, сверху добавили вареные маранты и холодный батат, связку бананов, немного маиса. Когда корзина наполнилась, Ваньиру завернула ее в покрывало вместе с большим калабашем с водой, а по бокам еще запихала коробки с пулями и три пистолета, которые ей тайно доставили сегодня утром. Затем она положила письма и записки, второпях написанные женами своим мужьям, которые боролись за свободу в лесах.

Когда поклажа была готова, Ваньиру надела поверх платья еще два, обернула вокруг выбритой головы ярко-красную кангу и с помощью свекрови повесила за спину тяжелую корзину. Корзина держалась на перевязи, перетянутой через лоб, поэтому руки у нее оставались свободными, так что она могла поддерживать Кристофера, который был привязан платком к ее груди, и Ханну, которую закрепила на бедре.

За порогом хижины Мама Вачера на мгновение остановилась, чтобы благословить Ваньиру, которую считала своей дочерью и которую, возможно, она видела в последний раз.

— Я позабочусь о Дэвиде, — сказала она.

— Дэвид мне больше не муж, — сказала Ваньиру и добавила слова, произнеся которые женщина кикую расторгала свой брак: — Я развожусь с ним. За меня не бойтесь, ибо я была рождена единожды, единожды и умру.

Мама Вачера еще долго провожала печальным взглядом молодую и сильную Ваньиру, которая, согнувшись под тяжестью ноши, с младенцем на груди и ребенком на боку, перешла через реку и скрылась из вида.

Ваньиру шагала в лучах послеполуденного солнца по тропинке, по обе стороны которой лежали поля с молодыми побегами, жаждущими дождя. Природа, казалось, дремала, разморенная теплом, лениво жужжали мухи, пыль поднималась под ее босыми ногами. Кристофер был уже довольно тяжелым, он дремал, прикорнув на груди матери. Трехлетняя Ханна прислонилась к материнскому плечу, ее головка мерно покачивалась в такт ходьбы.

Вскоре к Ваньиру присоединилась еще одна женщина помоложе, на ней было надето целых четыре платья, на голове желтая канга, а за спиной такой же груз с пищей и водой. Она вышла из буша и, не говоря ни слова, зашагала рядом с Ваньиру, подстроившись под ритм ее шагов. Чуть позже они повстречали старую Маму Гачику, мать Нджери, которую извлекла из чрева матери одна мемсааб и которая повесилась на чердаке дома другой. Мама Гачику, как и Мама Вачера, была вдовой легендарного вождя Матенге, и с собой у нее была панга — традиционное мачете народа кикую.

Когда на их пути возник ручей, женщины остановились, помогли друг другу снять ноши и, опустившись на колени, напились воды. Охладив свои выбритые головы в проточной воде, они снова закрутили свои канги в тюрбаны. Мама Гачику и молодая женщина разделили между собой скромную трапезу, состоящую из холодного батата; Ваньиру покормила грудью обоих детей.

Затем они вновь взвалили на спину свою поклажу и продолжили свой путь вверх по пологому склону в сторону гор. Шли они по-прежнему молча, сосредоточив все внимание на дороге. К ним присоединялись все новые женщины, и к тому времени, когда они скрылись в густой чаще, их было уже двенадцать.

Все следовали за Ваньиру, которая проделывала этот путь множество раз, выполняя секретные поручения, доставляя пищу и оружие борцам за свободу, окопавшимся в лесах. Когда на их пути встретился водопад, Мама Гачику отрезала лист маранты, свернула его в кулек и, наполнив водой, пустила по кругу.

Напившись, они продолжили свой путь, безмолвные и решительные. Каждую из них вела вперед своя цель, каждую преследовало свое мучительное видение. Мама Гачику видела перед собой тело своей несчастной дочери Нджери, повесившейся на балке, — Нджери, сбитой с толку образом жизни белых людей и

доведенной до бесславной и постыдной смерти. Ндута видела обезображенное лицо своего мужа, избитого до полусмерти солдатами Кенийского полицейского резерва. Нджамби и Мутони переполняли горькие воспоминания об отце, погибшем от рук белых молодчиков. А Ньякио, самую молодую из них, вело вперед страшное воспоминание о том, как ее насиловали четверо пьяных британских солдат. Все двенадцать женщин приняли клятву от Ваньиру; все они поклялись отказаться от своей прошлой жизни ради борьбы за свободу. Каждая из них приняла решение бороться до тех пор, пока последний белый человек не будет изгнан из Кении, и каждая готова была отдать за это свою жизнь, даже если ей не суждено будет дожить до этого благословенного дня. Все они знали, что однажды принятая клятва навсегда связывала их тело и душу с данным ими словом. И если вдруг одна из них предаст оказанное ей доверие, или выдаст властям хоть какую-то информацию о тайном лагере, расположенном в глухом лесу, или не подчинится приказам командования, ей суждено умереть жуткой смертью.

По мере того как день клонился к закату, становилось все прохладнее. Сумерки сгущались, женщины сгрудились плотнее и, как за маяком, следовали за красным тюрбаном Ваньиру.

Незадолго до того как ночь окончательно накрыла лес, Ваньиру остановила свою группу под огромной, очень древней смоковницей. Не говоря ни слова, она освободилась от своей ноши, опустила на землю детей и помогла остальным сделать то же самое. Затем опустилась на колени у подножия дерева.

Все последовали ее примеру. Окружив дерево, коленопреклоненные женщины прижались лбами к стволу и запели молитву, обращенную к Нгаю, богу своих предков. После молитвы Ваньиру набрала горсть плодородной черной земли, внимательно посмотрела на нее и произнесла:

— Это наша земля.

Ее спутницы сделали то же самое, и вскоре все двенадцать женщин нараспев повторяли:

— Это наша земля. Это наша земля.

В конце церемонии, прямо перед тем как в лесу наступила полная темнота, Ваньиру положила немного земли в рот и с торжественным

видом пожевала. Сестры по борьбе последовали ее примеру: они ели землю, обновляя свою клятву, и снова клялись в верности своей земле.

46

Когда с рекламного щита сняли покрывавшую его ткань, Мона не удивилась, прочитав: «Добро пожаловать в Найроби, зеленый город в лучах солнца!»

Около трех сотен людей собрались в этом обычно тихом месте на обочине дороги у края заповедника Найроби, чтобы принять участие в торжественной церемонии. Одни стояли в тени деревьев, другие сидели на складных стульях, и все как один аплодировали и расхваливали Джеффри Дональда за его находчивость. Все сходились во мнении, что этот слоган был очень удачной находкой, что он, несомненно, будет способствовать улучшению имиджа их города на международном уровне. Тем более сейчас, когда зарубежная пресса подняла такую шумиху вокруг Мау Мау.

Мона тайком бросила взгляд на часы. Она терпеть не могла эти срежиссированные церемонии, но понимала, что они выполняют важную задачу в охваченной беспорядками колонии. С одной стороны, такие мероприятия создавали у белых поселенцев чувство единения и стабильности во времена потрясений. С другой — они были призваны продемонстрировать, что на самом деле никаких проблем с межрасовыми отношениями в Кении нет и что большинство черных африканцев являются вполне покорными и законопослушными гражданами. Почти половину собравшихся сегодня составляли коренные жители Кении. Они сидели прямо на земле или стояли, опираясь на посохи, и слушали речь Джеффри Дональда. Присутствовали и уважаемые вожди, гордые старцы кикую, одетые в характерные наряды, представлявшие собой смесь западной и традиционной африканской одежды. Одним из них был величественный старый Ирунгу, могущественный и влиятельный вождь, убедивший своих людей прийти на эту церемонию, чтобы продемонстрировать свое хорошее отношение к белым. На Ирунгу были шорты цвета хаки, на плечах скатерть в клетку, а на ногах сандалии, сделанные из автомобильных шин. Мочки ушей вождя оттягивали традиционные украшения; на шее висела полая тыква с табаком и ремешок с контейнером, из которого он нюхал табак. На обеих руках у него было по паре часов. Вождь восседал рядом с

заместителем губернатора, на котором был темно-синий костюм и итонский галстук. Казалось, умы этих почетных и уважаемых лидеров были заняты чем угодно, только не Мау Мау.

Мона снова нетерпеливо посмотрела на часы. Она не могла заставить себя сосредоточиться на речи Джеффри. Обведя взглядом толпу, она поискала глазами Дэвида, но увидела лишь томми, британских солдат, которые образовали широкое защитное кольцо вокруг присутствующих, с автоматами наизготовку. При проведении любых собраний с участием европейцев и лояльных к режиму африканцев теперь принимались повышенные меры безопасности, потому что такие собрания считались главными целями для Мау Мау, несмотря на то что за пять месяцев прошедших со дня объявления чрезвычайного положения, еще не было совершено ни одного такого нападения.

Наступил полдень. Мона пыталась понять, где может быть Дэвид.

Являясь представительницей семьи Тривертонов, она была вынуждена принимать участие в таких мероприятиях. Белое население Кении слишком трепетно относилось к своим драгоценным традициям, поэтому у Моны просто не было иного выбора. Много лет назад ее родители удовлетворили стремление поселенцев к общению с аристократами. Сегодня эту роль приходилось играть Моне и Грейс. Она терпеть не могла, когда к ней обращались «леди Мона», но фермерские жены обожали ее так называть, это льстило их самолюбию. А как ненавидела Мона этот ярко-голубой габардиновый костюм, который ей пришлось нацепить, несмотря на испепеляющий зной и обжигающий ветер, этот тесный жакет, по последней моде плотно охватывающий ее фигуру, эти узкие рукава, затянутую талию, широкую летящую юбку! Дискомфорт, который она испытывала, усугублялся белыми перчатками, белой же сумочкой и совершенно непрактичными белыми туфлями-лодочками, в которые были втиснуты ее ноги. Она не могла дождаться, когда сможет наконец добраться домой и влезть в свои удобные штаны и потрепанную мужскую рубашку.

Люди вокруг нее начали нетерпеливо ерзать. То тут, то там раздавалось покашливание, одни отгоняли назойливых мух, другие обмахивались импровизированными веерами в тщетных попытках хоть немного охладить разгоряченные лица. Ноябрьские дожди так и

не пролились; не дождались и февральских. Наступил март, и по-прежнему не было ни единого признака дождя. Мона думала о своих кофейных деревьях, которые слабели и увядали под испепеляющим солнцем, и о том, что Джеффри выбрал неподходящее время для демонстрации своих ораторских талантов. Лейтмотивом через всю его вдохновенную речь проходили невероятные доходы от туристов, которые с радостью будут тратить в Кении свои шиллинги и доллары, катаясь по африканским приключенческим сафари, организованным для них Джеффри.

Мона опять отключилась от монотонного голоса Джеффри, который, как ей казалось, с каждый годом приобретал все более гнусавые и манерные интонации, и снова стала думать о Дэвиде.

Утром он приехал в Найроби вместе с ней. Теперь благодаря новой дороге путь из Найэри занимал всего около трех часов. Им пришлось остановиться всего два раза: один раз из-за проколовшегося колеса, второй — когда перегрелся радиатор. Сама она отправилась на церемонию открытия вместе с Джеффри и Ильзой, а Дэвиду разрешила взять «мерседес».

Машина нужна была Дэвиду, чтобы искать жену. На всякий случай Мона дала ему с собой доверенность: африканец за рулем такого дорогого автомобиля наверняка вызовет подозрения, его будут останавливать и допрашивать. Пора бы ему уже и вернуться; Мона надеялась, что с Дэвидом не случилось никакой неприятности. Об ополченцах — бывших солдатах-африканцах, добровольно вызвавшихся бороться с Мау Мау, ходила дурная слава. Некоторые из них явно упивались временно свалившейся на них властью, вели себя весьма заносчиво и не гнушались гестаповскими методами. Говорили, что они сначала бьют и только потом начинают спрашивать. Уж кто-кто, а Дэвид сможет за себя постоять, пыталась успокоить себя Мона.

Но ее волнение только усиливалось. Мона вообще все больше тревожилась за Дэвида. Нападения Мау Мау учащались, террор не только не прекратился, как предсказывал Джеффри еще тогда, в октябре, но, наоборот, усилился, и основными жертвами теперь были лоялисты — африканцы, которые работали на белых или дружили с ними.

Дэвид приехал в Найроби искать Ваньиру, которая несколько дней назад исчезла в неизвестном направлении, прихватив с собой детей.

Со времени объявления чрезвычайного положения на дорогах Кении можно было наблюдать необычное и необъяснимое массовое движение женщин и детей. Мона видела, как они молча брели по пыльным тропам, окаймлявшим ее поместье, с поклажей за спиной и с детьми, цепляющимися за их юбки. Куда они идут? Чем вызван этот странный исход? Поползли тревожные слухи о том, что назревает что-то нехорошее. Что бы это ни было, тысячи женщин нескончаемыми потоками вливались в Найроби, большинство из них были напуганы Мау Мау и надеялись воссоединиться со своими мужьями, работающими в городе. Дэвида привела в Найроби слабая надежда, что и Ваньиру присоединилась к этому потоку и что он найдет ее там.

Мона очнулась от своих мыслей, будто разбуженная смехом толпы, вызванным одной из шуток Джеффри. Она поняла, что в течение всего утра думала только о Дэвиде. Опять о нем!

Она уже и не могла точно вспомнить, когда Дэвид Матенге начал проникать в ее мысли, появляясь там непрошеным гостем. Читая книгу или расставляя цветы в доме, Мона вдруг ловила себя на том, что думает о Дэвиде. Когда она впервые это осознала, ей показалось, что на самом деле это началось очень давно.

Покопавшись в своей памяти, она обнаружила, что Дэвид был там с самого детства. Будучи ребенком, она ненавидела его из-за того, что ее мать была так внимательна к его сестре; подростком Мона наблюдала его превращение в активного политического агитатора; потом винила его в смерти своего брата; наконец, до нее доходили слухи о подвигах Дэвида в Палестине и о том, что он получил там медаль. Он каждый день приходил на судебные слушания по делу ее матери, а потом начал работать управляющим на ее плантации и проработал с ней все эти семь лет. Однажды Мона вдруг осознала, насколько большое место занимал в ее жизни сын Вачеры, и это открытие ее потрясло; она с удивлением обнаружила, что не было в ее жизни такого периода, когда бы она совсем не думала о Дэвиде Матенге.

А теперь она, к своему ужасу, начала осознавать, что мысли эти превратились в чувства, и случилось это уже достаточно давно.

Мона задумчиво наблюдала за парой жирафов, которые ощипывали неподалеку куст боярышника с плоской верхушкой. Жирафы прервали свою трапезу, замерли на месте, уставившись на

толпу людей, их длинношеие, неуклюжие тела почти слились с желтой, выжженной на солнце равниной, которая тянулась вдаль и плавно переходила в лиловатые холмы. Удовлетворив свое любопытство, животные повернулись и пошли прочь. Казалось, присутствие людей нисколько их не тревожит. Наверное, эти двое просто не научились бояться людей, решила Мона, потому что живут в охраняемом заповеднике. Благодаря Грейс Тривертон и ее неустанной борьбе за сохранение кенийской природы охота и браконьерство были объявлены вне закона на этой территории. Именно по этим землям Джеффри Дональд и возил своих немногочисленных туристов, заманивая их великолепными возможностями для съемки львов, жирафов, слонов и зебр.

Мона снова посмотрела на дорогу и почувствовала, как ее тревога усиливается: Дэвид опаздывал.

Он ехал медленно, зная, что за поворотом увидит очередной блокпост и будет еще один допрос, учиненный полуграмотными, зазнавшимися ополченцами, которым очень нравилось унижать таких, как он.

Дэвид с силой сжал руль, так что ногти впились в ладони. Он столько часов искал Ваньиру — и не нашел ее.

То, что он увидел, привело его в ужас.

Тысячи бездомных, безмужних женщин жили в черных районах Кариоркор, Бахати и Шаури Мойо. Они теснились в мрачных однокомнатных клетушках без каких-либо удобств, в ужасных антисанитарных условиях, воду им приходилось набирать из уличных колодцев. Все они покинули свои фермы, где были беззащитны перед налетами Мау Мау. Дэвиду пришлось узнать, что, для того чтобы выжить, большинство женщин прибивались к случайным мужчинам в обмен на сексуальные услуги. После объявления чрезвычайного положения была введена пропускная система, которая, как надеялись власти, поможет им контролировать передвижение людей, устанавливать личности бунтовщиков и бросать их за решетку. Каждый житель Найроби обязан был получить пропуск, для чего мужчине требовалось предъявить справку о том, что он работает, а женщине — доказать, что есть мужчина, который ее содержит. Если женщина не могла подтвердить, что у нее есть муж либо любой другой

мужчина, который несет за нее ответственность, будь то брат или отец, на нее тут же приклеивали ярлык проститутки, арестовывали и депортировали обратно в деревню, где у нее не было больше дома. Поскольку никто не хотел возвращаться обратно на шамбу, женщины либо прятались, живя в постоянном страхе быть обнаруженными, либо исхитрялись тем или иным образом добыть себе «мужа».

Грязь, вонь, нищета, в которой жили эти беззащитные, всеми брошенные женщины, приводили Дэвида в ужас. Но он продолжал методично обходить трущобы и каждый раз, натыкаясь на очередное испуганное или угрюмое лицо, молился, чтобы ему не пришлось узнать среди этих несчастных свою жену и детей.

Он их и не нашел и теперь ехал по дороге, ведущей из города, направляясь к тому месту, где Джеффри Дональд установил свой придорожный рекламный щит, чтобы забрать оттуда Мону.

«Да разве сейчас подходящее время, — кипел от возмущения Дэвид, направляя весь свой гнев и разочарование на человека, которого ненавидел, — чтобы привлекать туристов рекламными слоганами? Сейчас, когда Джомо Кеньята, абсолютно невиновный и миролюбивый, по мнению Дэвида, человек, несправедливо обвинен и посажен за решетку, когда двадцать тысяч африканских детей не ходят в школу, потому что британцы закрыли независимые школы кикую, когда людей убивают в их собственных домах, когда женщины подвергаются издевательствам и насилию со стороны разнузданных ополченцев и вынуждены отдаваться чужим мужчинам в обмен на защиту, когда кикую убивают друг друга, а Кения распадается на части и дискредитирует себя в глазах мировой общественности? Разве сейчас подходящее время для торжественных речей и церемоний? «Господи, — думал Дэвид, — каким же надо быть дураком, чтобы все это затеять».

Но Дэвид знал, что Джеффри Дональд далеко не дурак; напротив, он очень хитер, и именно поэтому с ним всегда надо держать ухо востро. Это была лишь одна из причин, почему Дэвид ненавидел Джеффри. Другая причина — его тесная дружба с Моной. Дэвид прекрасно видел, что этот человек пытается управлять ее жизнью, вечно дает ей ненужные советы, критикует все, что бы она ни делала. Дэвид никак не мог понять, почему Мона все это терпит. Его раздражало, что Джеффри вечно торчит в Белладу; создавалось

впечатление, что он гораздо больше времени проводит с Моной, чем с собственной женой. Но больше всего Дэвида бесило то, как Джеффри иногда смотрел на Мону.

Дэвид вдруг вспомнил, как Джеффри и Мона катались однажды на лошадях на поле для игры в поло. Мона упала с лошади, а Джеффри поднял ее и поцеловал.

Дэвид с силой сжал руль.

Некоторым африканским солдатам, которые во время войны побывали в Европе, довелось спать с белыми женщинами. В основном это были проститутки, но были и нормальные женщины, которыми двигало любопытство и желание попробовать секс с черным мужчиной. Кроме того, им были незнакомы расовые предрассудки, которые большинство белых кениек впитали с молоком матери. Так вот, эти солдаты потом говорили своим чернокожим товарищам по бараку, что европейские женщины более отзывчивы на ласки, их легче удовлетворить, чем африканок, а все потому, что они не подвергались операции ируа. А самое главное, бахвалились солдаты, европейки просто в восторге от любовного мастерства африканских воинов.

Эти разговоры вызывали отвращение у Дэвида, душа и тело которого сгорали тогда от страсти к Ваньиру. Да и после войны он осуждал тех мужчин, которые привезли с собой европейских жен. Он считал это оскорблением по отношению к африканским сестрам.

Завидев собравшихся на обочине людей, Дэвид сбросил скорость, и через несколько метров машина остановилась. Оглядев собравшихся в поисках Моны, он заметил с негодованием, что толпа была четко разделена на черных и белых: первые сидели прямо на земле, под палящим солнцем, тогда как вторые с комфортом устроились на стульях в тени. Ему говорили, что после церемонии в отеле «Норфолк» будет угощение для участников, при этом в элегантный ресторан будут допущены только белые, туземцам же отведут места снаружи, на лужайке. «Вот вам и расовая интеграция», — с горечью подумал он.

Наконец он увидел Мону, которая сидела прямо у импровизированной сцены.

Дэвид не отрываясь глядел на нее, и в памяти его вновь возникло то утро, шестнадцать лет назад, когда он увидел Мону и Джеффри, катающихся на лошадях. Он и сейчас будто видел их перед собой, как они стояли тогда, обнявшись, прижавшись друг к другу губами.

Мужчины кикую, благодаря контактам с европейскими женщинами открывшие для себя поцелуи, заявляли, что это величайший дар цивилизации.

Дэвид наблюдал за тем, как Мона украдкой ищет кого-то глазами. Взгляды их встретились, и на ее губах мелькнула улыбка. Ему даже показалось, что на ее лице появилось выражение облегчения, будто она за него волновалась.

Он проклинал свои чувства к ней; они казались ему предательством по отношению к своему народу.

Толпа вяло аплодировала нудной речи Джеффри, а Дэвид в очередной раз пытался проанализировать и понять свое растущее влечение к Моне Тривертон, а поняв, придумать, как же ему избавиться от этого запретного желания.

Будучи думающим и образованным человеком, Дэвид Матенге верил в то, что любую проблему можно решить рациональным и сознательным путем. Он говорил об этом и на встречах Кенийского Африканского Союза, призывая своих товарищей не идти по пути терроризма, объясняя им, что, как он сам собственными глазами наблюдал в Палестине, такие действия лишь провоцируют ответное насилие, приводящее к непрекращающейся войне. «Мы должны завоевать уважение всех наций мира, — постоянно повторял он. — Если мы хотим добиться своего и управлять своей страной сами, как это делают другие, мы обязаны добиться этого достойными методами. Мау Мау ведут нас к позору. Я не хочу, чтобы ухуру досталась нам таким путем. Мау Мау не должны победить». Только так, считал он, можно избавить Кению от ненужного насилия, наводнившего ее. Тем же способом Дэвид надеялся избавиться и от своих ненужных чувств к Моне.

Когда в нем впервые возникло это желание? Он не знал. Вероятно, второе рождение этого непрошеного чувства произошло после того, как умерла его любовь к Ваньиру, когда шесть лет назад она своим резким голосом, безапелляционными высказываниями, нескрываемым презрением к его вере в мирную революцию сама изгнала из его сердца любовь к ней. Да, наверное, именно тогда, когда его сердце внезапно опустело, лишилось желания и любви к жене, и ему стало холодно и одиноко, он и стал уязвим. «Но почему именно Мона Тривертон?» — спрашивал он себя. Женщина, которая, по сути, была

его врагом. Почему он не подарил свою любовь одной из незамужних женщин, которых так много в их деревне? Любая из них была бы счастлива угодить ему, и немало среди этих женщин было молодых и красивых. Так почему же он выбрал эту белую женщину, которая по африканским канонам красоты была слишком бледна и худа и которую он когда-то ненавидел всей душой? Женщину, жившую по чуждым ему законам, не знавшую и не понимавшую жизнь кикую?

«Я мог бы научить ее», — нашептывало ему предательское сердце.

Но если бы все было так просто! На пути к исполнению той невозможной фантазии, которую лелеял Дэвид, лежали совершенно непреодолимые препятствия.

Мужчины кикую, которые женились на белых женщинах, исключались из племени и лишались прав на наследство, потому что мужчина кикую не мог ложиться с необрезанной женщиной — это было строжайшее табу. Такой мужчина покрывал позором себя и свою семью, бесчестил имя своего отца и своих предков. Дэвид знал, что, если его мать заподозрит, что он испытывает чувства к белой женщине, это будет для нее тяжелым ударом. И удар окажется в тысячу раз более тяжелым, если она узнает, что именно эту женщину она прокляла вместе с другими в рождественскую ночь тридцать четыре года назад.

Дэвид в отчаянии ударил кулаками по рулю.

Все так запуталось! Дэвид боялся и верил в таху, наложенное матерью. Он считал, что Мона в самом деле обречена, как и ее брат, и родители. Он очень хотел спасти Мону от проклятия своей матери, но пойти наперекор Вачере означало бы обесчестить себя и оскорбить предков. Он тогда будет ничем не лучше Мау Мау и потеряет право жить на этой земле.

Но было и еще одно препятствие на пути к реализации его преступных фантазий — он не знал, какие чувства испытывает к нему Мона.

В тот день, когда Мона наняла его управлять своим имением, она извинилась перед ним за то, что была так жестока к нему в детстве. Ее голос был очень искренним, улыбка такой теплой, и она пожала ему руку — за один этот жест его могли бы посадить в тюрьму, если бы кто-то это увидел. Неприязнь Дэвида по отношению к ней растаяла,

планы мести забылись. В течение семи лет после этого она неизменно относилась к нему как к другу, равному себе. В ее присутствии ему почти никогда не приходилось осознавать их расовое неравенство. «Но, конечно же, — говорил он себе, глядя, как расходится толпа, когда Джеффри наконец-то закончил свое выступление, — конечно же, Мона смотрит на меня только как на друга!»

И, наконец, было еще то, что называлось «цветным барьером».

Это сводило его безумное увлечение к нелепой, глупой шутке, окончательно убеждало в том, что никогда Мона не сможет посмотреть на него иначе, чем как на друга. Ведь существовал простой и неумолимый факт: никогда черным и белым кенийцам не пересечь этот барьер, эту запретную черту.

Дэвид завел двигатель и подъехал чуть поближе. Припарковав машину, он вышел и стал ждать, пока Мона закончит разговор с Джеффри. Белые не спешили расходиться, пожимали друг другу руки, рассыпались в поздравлениях, в то время как африканцы уже потихоньку отправлялись в «Норфолк», где их ждало бесплатное угощение. Но перед этим им предстоял долгий, изнурительный пеший путь под палящим солнцем.

Джеффри проводил Мону до машины, взяв ее за руку, оба над чем-то смеялись. Заметив Дэвида, Джеффри демонстративно произнес, даже не пытаясь понизить голос:

— В самом деле, Мона, весьма странно, что ты позволяешь прислуге водить свою машину!

Она резко остановилась и выдернула свою руку.

— Как тебе не стыдно, Джефф. Прошу тебя впредь не допускать подобных высказываний в моем присутствии.

На его лице застыла холодная маска, под которой кипел еле сдерживаемый гнев.

— Прости, Дэвид. Мне жаль, что ты это слышал.

— Он вправе иметь собственное мнение, так же как и я вправе иметь свое.

Она улыбнулась. Затем, вспомнив, зачем ему нужна была машина, спросила, принесли ли поиски в Найроби какие-нибудь результаты.

Он смотрел мимо нее, на простирающиеся до горизонта равнины, вдыхал знакомый лавандовый аромат, который, как легкое облачко, окутывал Мону.

— Никаких результатов. Ни одного следа Ваньиру, никого, кто мог бы сообщить мне хоть какую-то информацию. Боюсь, ее нет в Найроби.

Не то чтобы Дэвид хотел вернуть свою жену — она развелась с ним и была вольна идти куда хочет, но с ней были его дети, и именно ради них, Кристофера и Ханны, он вел свои поиски.

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент небо наполнилось громким ревом. Все подняли головы и увидели новозеландские реактивные истребители, прорезающие чистую голубизну неба. Они направлялись в сторону севера, к Абердерским лесам.

— Пусть видят, что мы не шутим! — прокомментировал кто-то. — Мы покажем этим подонкам Мау Мау, где раки зимуют!

В этот момент из-за поворота на огромной скорости вылетела полицейская машина. Шофер не обращал внимания на идущих по дороге людей. Перед заместителем губернатора машина резко затормозила, и из нее, не дожидаясь, пока она остановится, выскочил полицейский в униформе защитного цвета, в руке его был зажат лист бумаги. Заместитель губернатора взял у него депешу и принялся читать; все напряженно наблюдали за ним. Закончив читать, он только и смог вымолвить: «О боже!» Джеффри взял у него депешу.

— Что случилось? — спросила у него Мона.

— Мау Мау устроили резню в одной из деревень в Лари! Заперли жителей в хижинах и подожгли. Сто семьдесят два человека сгорели заживо, те, кто пытался убежать, были изрублены до смерти пангами.

— Когда это произошло?

— Сегодня утром. Личности нападавших установить не удалось.

Джеффри пристально смотрел на Дэвида.

47

14 июня 1953 года четыре чернокожие африканки вошли в ресторан роскошного и очень элегантного отеля Королевы Виктории на авеню Лорда Тривертона, сели за стол, покрытый льняной ирландской скатертью и сервированный изящным фарфором и столовым серебром.

В зале наступила гробовая тишина. Африканки, одетые в платья из набивного ситца и традиционные тюрбаны, невозмутимо делали заказ онемевшему от шока чернокожему официанту. Они попросили принести им ирио и пошо — традиционные кенийские блюда, которых, конечно же, не было и быть не могло в меню этого отеля.

Немного оправившись от шока и осознав, что происходит, негодующие белые посетители поднялись и демонстративно покинули зал. Несколькими минутами позже появилась полиция. Женщины оказали отчаянное сопротивление, в результате чего было разбито немало фарфора и хрусталя, цветочных ваз, перевернуто несколько тележек для десерта. Трех из них арестовали, но четвертой, за спиной у которой болтался маленький ребенок, удалось ускользнуть через кухню. Прежде чем скрыться бегством вниз по переулку и затем бесследно раствориться в густонаселенных трущобах африканских районов Найроби, она обернулась и запустила в окно отеля камень, к которому была привязана записка со словами: «Это наша земля» и подписью: «Фельдмаршал Ваньиру Матенге».

— Джеймс, я тебе это уже говорила и больше не хочу повторять! Я не буду носить с собой пистолет.

Грейс вложила револьвер обратно в руки Джеймса и пошла прочь.

— Черт побери, Грейс! Послушай меня! Ситуация более чем критическая! Все миссии находятся в опасности. Ты слышала, что произошло в шведской миссии на прошлой неделе?

Грейс сжала губы в упрямую линию. Да, она слышала об этом; и это настолько ее потрясло, что с тех пор она не могла спать по ночам. То, что эти проклятые террористы Мау Мау сделали с бедными, невиновными людьми, было даже еще хуже, чем резня в Лари тогда, в марте. А кроме того, теперь нападения совершались прямо среди бела

дня! Мау Мау осмелели, их преступления становились все более вероломными.

Правительство, по мнению Грейс, совершило большую ошибку, осудив Джомо Кеньяту и приговорив его к семи годам исправительных работ. Она считала, что его вообще нельзя было арестовывать, ведь не существовало никаких доказательств того, что именно он стоял за Мау Мау. И вот теперь, вместо того, чтобы положить конец движению за «свободу», несправедливое обращение с Кеньятой только способствовало разжиганию пламени. Тысячи беспутных, безработных молодых головорезов, у которых не было никакой цели в жизни и которые хотели лишь грабить и убивать, каждый день уходили в леса.

Активнее всего Мау Мау орудовали в районе вокруг Белладу и миссии Грейс. Самолеты Королевских воздушных сил теперь постоянно и систематически бомбардировали близлежащие Абердерские леса; британские солдаты заполонили всю округу, они устанавливали блокпосты, допрашивали всех подряд; все телефоны были взяты под контроль, все разговоры прослушивались, разговаривать позволялось исключительно на английском языке.

Движение Мау Мау набирало силу, и это выражалось не только в количестве борцов за свободу, ушедших в леса, но и в растущей поддержке всего народа кикую. Африканцы учили детей заменять в церковных гимнах слово «Бог» на «Джомо». Слуги, которые раньше были беззаветно преданны своим хозяевам и которым те полностью доверяли, теперь становились добровольными или невольными агентами Мау Мау; белым поселенцам было приказано в шесть часов вечера выставлять всю домашнюю прислугу из дому и до утра запираться на все засовы. Вокруг царила полная растерянность, никто не знал, кому доверять, а кого подозревать.

Жестокости и насилия становилось все больше с обеих сторон. Мау Мау каждый день убивали лояльных к режиму вождей, нападали на миссии, калечили скот, принадлежащий белым поселенцам; ополченцы, в свою очередь, истязали подозреваемых, прожигая им барабанные перепонки сигаретами. Церемония принятия клятвы, которая когда-то была подробно описана в газетах, становилась все более дикой и варварской — теперь в ней использовались дети и животные, так что эти зверские описания уже никто не рискнул бы напечатать.

Казалось, весь мир сошел с ума.

— Я прошу тебя, Грейс, сделай это ради меня, — продолжал увещевать Джеймс, направляясь вслед за ней в гостиную. — Я не смогу быть спокоен, пока не буду знать, что ты защищена.

— Если я буду носить при себе пистолет, Джеймс, это будет означать, что я собираюсь убивать. А я не буду убивать, Джеймс.

— Даже в целях самозащиты?

— Я и без этого смогу позаботиться о себе.

Раздосадованный ее упрямством, он вложил пистолет обратно в кобуру и положил на стол.

Абсолютно все поселенцы в провинции стали носить с собой оружие, за исключением этой упрямой, своевольной женщины. В свои шестьдесят четыре года Грейс все так же была полна решимости и своеволия, которые выражались в ее гордо расправленных плечах и упрямо сжатых губах. Когда-то именно за эти ее качества он и полюбил ее. Но теперь она была совсем седая и носила очки. В глазах Мау Мау она была всего лишь хрупкой, беззащитной женщиной!

В комнату вошел Марио. За те долгие годы, что он провел подле мемсааб доктори, он весь сгорбился и тоже стал абсолютно седым. Он собрался было поставить поднос с чаем и сандвичами на стол, как вдруг увидел пистолет.

— Плохие времена настали, бвана, — грустно заметил он. — Очень плохие времена.

— Марио, — сказал Джеймс, забирая пистолет, чтобы освободить место для подноса, — мы подозреваем, что в округе действует вербовщик Мау Мау, который проводит церемонию принятия клятвы. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Нет, бвана. Я не верю в клятвы. Я добрый христианин.

«Да, — мрачно подумал Джеймс. — И еще одна потенциальная жертва Мау Мау. И это единственный защитник Грейс? Стареющий слуга, чья верность хозяйке могла обернуться для него самого смертным приговором?»

— Мемсааб, — сказал Марио, — доктори Натан говорит, ему понадобится ваша помощь сегодня после обеда. Там еще двенадцать мальчиков, которых нужно обрезать.

— Спасибо, Марио. Передай ему, что я приду. — Грейс подсела к радио. — Бедный доктор Натан. Ему приходится теперь делать по

двадцать обрезаний в день. Больницы Найроби тоже переполнены, насколько мне известно.

Дело было в том, что племенные знахари, которые традиционно совершали обряд обрезания, были схвачены и брошены за решетку по подозрению в сотрудничестве с Мау Мау. Родителям кикую, полным решимости во что бы то ни стало исполнять традиции, приходилось обращаться в местные больницы, где хирурги производили эту операцию в менее чем традиционных условиях. Только девочкам продолжали делать обрезание по старому обычаю — этим занималась Мама Вачера.

Грейс включила радио. Услышав песенку «Догги в окне», она пробормотала:

— Теперь кругом все американское.

Она покрутила ручку настройки. Новостная программа радиостанции Найроби начала трансляцию международных новостей: в Соединенных Штатах казнили Розенбергов, обвиненных в шпионаже, в СССР провели первые испытания водородной бомбы. Затем раздался голос генерала Эрскина, нового главнокомандующего Восточноафриканской армией.

Вначале он объявил, что правительство запретило деятельность Кенийского Африканского Союза и наложило ограничения на формирование любых африканских политических групп. Затем он продолжал: «Вам в отличие от меня довелось на своем горьком опыте узнать, что такое Мау Мау. Я лишь знаю, что эта дьявольская идеология стала причиной преступлений, совершенных с необычайной жестокостью и хладнокровием, и что необходимо незамедлительно восстановить закон и правопорядок. Меня направило сюда Военное управление и я немедленно приступаю к выполнению этой задачи. Я не успокоюсь, пока каждый законопослушный гражданин Кении не сможет жить и работать в мире и безопасности».

— Итак, — негромко произнес Джеймс, — они направили сюда генерала Эрскина. Значит, они серьезно взялись за дело.

Прослушав новости, Джеймс и Грейс вышли из дома и направились по одной из вымощенных дорожек, пересекавших территорию миссии Грейс. Миссия была выбрана местом сбора чрезвычайных собраний поселенцев, так как занимала центральное положение по отношению к большинству ферм, а ее учебные классы

могли вместить довольно большое количество людей — на такие собрания приходило много народа. Когда они подошли к месту проведения очередного сбора, то увидели Тима Хопкинса, который взобрался на ящик перед школьной доской и пытался привлечь внимание присутствующих.

В классе было очень душно, несмотря на то, что все окна были открыты нараспашку. Около сотни озлобленных и перепуганных поселенцев, вооруженных пистолетами и винтовками, обливались потом в этом зное, который беспощадно выжигал колонию с марта, не давая передышки ни на один день. Так что не только Мау Мау были причиной повисшего в воздухе напряжения: если засуха продолжится, то, по прогнозам, она приведет к потере девяноста пяти процентов урожая.

— Тише, пожалуйста, тише! — безуспешно призывал Тим.

Казалось, все присутствующие разговаривали одновременно. Хьюго Кемплер, владелец ранчо из Наньюки, жаловался Эллис Хопкинс на то, что Мау Мау отравили тридцать две коровы на его ферме:

— Вскрытие показало наличие мышьяка в корме.

Эллис, в свою очередь, рассказывала о том, что исчезла вся их рабочая сила:

— Шестьдесят работников просто взяли и ушли в одну ночь. Это произошло еще на прошлой неделе, и с тех пор ни один так и не вернулся. Собирать урожай будет просто некому. Если в ближайшее время я не найду новых рабочих, моя ферма обанкротится.

В конце концов, отчаявшись быть услышанным в этом непрекращающемся гуле, ее брат достал пистолет и выстрелил в воздух. Наступило гробовое молчание.

— А теперь послушайте! — закричал Тим, вытирая мокрый лоб носовым платком. — Мы должны что-то предпринять! В нашем районе орудует приспешник Мау Мау, который заставляет принимать клятву, и мы должны найти его как можно скорее!

По толпе прокатился одобрительный гул. Поднялась миссис Лэнгли, которая приехала с мужем в Кению в 1947 году, после объявления независимости Индии. Поверх ее опрятного ситцевого платья болталась кобура с пистолетом.

— Мы пытались поговорить с нашими ребятами, но ничего от них не добились. Пробовали и подкупать, и запугивать, но они молчат как рыбы.

Толпа закивала, загудела, соглашаясь. Все знали, что невозможно заставить кикую говорить о Мау Мау. Несмотря на то что далеко не все африканцы поддерживали Мау Мау, все они молчали, потому что до смерти боялись. Не далее как в прошлом месяце четверо неизвестных запихали в машину свидетеля, который давал показания в Найроби на специальном слушании по делу Мау Мау. С тех пор никто его не видел. Даже те, кто сначала давал показания на допросах в полиции и подписывал свои показания, в суде потом не появлялись и, скорее всего, вряд ли когда-нибудь появятся.

Мистер Лэнгли поднялся и встал рядом с женой. Этот невысокий человек с обветренным лицом, как и многие другие, покинул Индию в 1947 году и переселился в Кению, потому что не смог жить по законам правления коренных жителей.

— Два дня назад я потерял своего лучшего работника, — сказал он. — Его заперли в хижине и сожгли заживо, а вместе с ним его жену и двоих детей. — Он замолчал, в его глазах стояли слезы. — А потом они отравили всех моих собак. До этого нас не трогали. Это сделали наши собственные ребята, я в этом уверен. Они были верны нам до тех пор, пока их не заставили принять клятву.

При этих словах на лице у всех поселенцев появился страх. Могущество единожды принятой клятвы было для них самой большой, самой коварной опасностью. Преданные домашние слуги, к которым на протяжении многих лет относились как к членам семьи, могли за одну ночь превратиться в безжалостных убийц. Даже если кикую силой заставляли принять клятву, как только он съедал сырую плоть собаки и выпивал глоток крови, он больше не мог не подчиняться приказам Мау Мау.

— Проблема заключается в том, — продолжал Тим, — что нам нужно придумать более эффективный способ борьбы с этими монстрами. Как бороться с врагом, которого не видишь? Все мы знаем, как действуют Мау Мау. Они прячутся в лесных лагерях, женщины доставляют им пищу, одежду и медикаменты, передают информацию о передвижениях военных. Они создали невероятно хитроумную сеть информаторов, которые оставляют свои сообщения в дуплах, как в

почтовых ящиках! На прошлой неделе они подняли мятеж среди водителей автобусов в Найроби, заставили африканцев не покупать больше европейские сигареты и пиво. Черные гораздо больше напуганы Мау Мау, чем любыми нашими усилиями, направленными на восстановление порядка!

Все снова заговорили одновременно, и Тим опять выстрелил в воздух.

— Наша первоочередная задача, — закричал он, — обнаружить тех, кто склоняет к принятию клятвы! Потом нужно будет найти секретное подполье, найти тех, кто снабжает бандитов оружием и боеприпасами, перекрыть этим чертовым Мау Мау воздух и голодом выманить их из проклятого леса!

Мона стояла в самой глубине класса рядом с Джеффри. Она с удивлением взирала на Тима. Никогда еще она не видела его таким. Лицо его побагровело, глаза пылали, он буквально кипел от гнева и жажды крови. В последние несколько месяцев Тим возглавлял отряд «кенийских ковбоев» — так люди называли добровольцев, которые собирались в отряды, чтобы помогать защищать отдаленные фермы. В таких добровольных отрядах участвовали в основном сыновья поселенцев, молодые европейцы, рожденные в Кении. Они боролись за эту землю, которая, как они считали, принадлежала им по праву. Молодые люди вроде Тима считали, что слово «кениец» должно применяться не только к коренным племенам, но и к белым, рожденным в Кении, что они были точно такими же кенийцами и имели те же права считать эту страну своей. Некоторыми из этих ковбоев двигали вполне благородные цели, и действовали они цивилизованными методами, тогда как другие были такими же садистами и варварами, как Мау Мау. Были известны случаи, когда они останавливали случайных чернокожих прохожих и избивали их до полусмерти за какие-то ничтожные прегрешения, а чаще вообще ни за что. Мона надеялась, что Тим не превратится в одного из них.

— Одного никак не могу понять, — раздался мягкий голос отца Витторио, — почему правительство просто не даст им того, чего они хотят?

— А с какой это стати? — возмутился мистер Кемплер.

— Разве африканцы многого просят? Повысить зарплату, позволить создавать профсоюзы, дать свободу выращивать кофе,

отменить «цветной барьер»…

— Этим ниггерам дай палец, — закричал другой человек, — они и руку откусят!

— Но стоит правительству дать африканцам экономическое и политическое равенство с нами, с Мау Мау тут же будет покончено.

— А может, им вообще все отдать, собрать чемоданы и укатить?

— Господа! — призвал Тим. — Прошу вас! Давайте не будем ссориться друг с другом и наконец придумаем, что нам делать с этой клятвой.

Мона почувствовала, как нарастает нетерпение. Снова одни только пустые разговоры! Она отступила на несколько метров назад, встала в проеме двери и осмотрела территорию миссии. Ей показалось, что здесь сегодня как-то необычайно тихо.

Она подумала о Дэвиде. В этот самый момент он работает где-то в ее поместье под палящим солнцем, борется за урожай. И ей бы сейчас следовало быть рядом с ним.

Мона вспомнила их разговор пару дней назад. Они тогда сделали небольшой перерыв в работе, присели отдохнуть под деревом с термосом холодного лимонада. Дэвид говорил тихим голосом, чуть громче, чем жужжание пчел вокруг:

— Насилие порождает насилие. Очень важно, чтобы наши проблемы решались на основе истины, на отказе от насилия. Я видел, к чему привел терроризм в Палестине, и я вижу, что сейчас происходит в новом государстве Израиль. Сомневаюсь, что и через тридцать лет война между арабами и евреями закончится. Мы все должны следовать великому примеру Махатмы Ганди. Знаешь, Мона, с Мау Мау было бы тут же покончено, если бы британцы предоставили нам экономическую и политическую свободу. Вместо этого они совершили роковую ошибку, запретив Кенийский Африканский Союз. Моя политическая партия не имела ничего общего с Мау Мау. Мы проводили мирные собрания и пытались разрешить разногласия законными методами. Но правительство запретило Союз и сделало большую ошибку.

Дэвид всегда разговаривал с ней именно так: откровенно, прямо, стараясь разъяснить свою позицию, в отличие от Джеффри, который постоянно читал ей морали и обращался к ней свысока, словно к ребенку. В тот знойный день, когда они сидели там, под деревом, одни,

вдалеке от любопытных взглядов, и пили холодный лимонад из одного термоса, Дэвид говорил:

— Последняя война изменила мир, Мона. Британия больше не является владычицей мира. Она не может не видеть того, что Азия и Африка отторгают ее. Стоит только применить насилие, и оно будет продолжаться и продолжаться, и в конце концов правительству придется пойти на уступки — всем это понятно. Но тогда почему же не пойти на уступки прямо сейчас? — Он повернулся и внимательно посмотрел на нее. — Именно та политика, которую Британия вела в последние пятьдесят лет, вынудила африканцев прибегнуть к насилию, чтобы капля по капле вырывать свое право на свободу. Посмотри на трагические примеры Ирландии, Израиля, Кипра. Скажи, Мона, когда же наконец британцы поймут всю недальновидность, всю ошибочность политики репрессий и попрания человеческого достоинства?

Подул горячий бриз. Мона вышла из здания, надеясь найти хоть какое-то облегчение от зноя. Жаркий воздух был тяжелым, наполненным гудением насекомых. Рифленые жестяные крыши зданий миссии ослепительно сияли на солнце, над ними колебались прозрачные волны зноя. Стояла глубокая тишина. Моне казалось, что весь мир заснул. Миссия Грейс, которая обычно представляла собой центр бурной активности, теперь, похоже, погрузилась в сон, разморенная жарким послеполуденным солнцем. Мона недоумевала, куда вдруг подевались все те люди, которые обычно наполняли дорожки миссии: медсестры, пациенты, врачи в белых халатах, посетители с передачами и цветами.

В классе Джеймс продолжал убеждать напуганных поселенцев не терять голову. Вдруг на одной из вымощенных дорожек неожиданно появилась машина, мчавшаяся с огромной скоростью и отчаянно сигналившая. Увидев, что из машины выскочил Дэвид и побежал к ней, она двинулась ему навстречу.

— Дэвид, что случилось?

Он схватил ее за руку:

— Нужно уходить отсюда! Немедленно!

— Что…

Он потянул ее в сторону.

Все остальные, услышав сигналы и визг тормозов, подбежали к двери и окнам и теперь выглядывали наружу.

— Бегите! — кричал им Дэвид. — Мау Мау!

И тут все началось.

Они появились ниоткуда, все сразу, и окружили помещение. Из буша и из-за деревьев выскакивали воины, вооруженные пангами, копьями и винтовками, над их головами развевались устрашающие дреды — отличительный знак Мау Мау.

Дэвид и Мона кинулись прочь под начавшимся обстрелом. Горящие факелы пронзали воздух, влетали в окна класса. Оттуда раздавались вопли.

Прямо у виска Моны пролетел камень. Дэвид крепко держал ее за руку, они бежали изо всех сил среди свиста пуль к хозяйственному навесу. Вдруг Мона запнулась и упала. Дэвид подхватил ее, притянул к себе. Они укрылись за навесом, он крепко прижал ее к себе, она прильнула к нему. Со стороны учебного класса раздавались бешеные вопли лесных людей, взявших белых поселенцев в осаду, грохот стрельбы, звон стекла, визг и вопли. Где-то вдалеке завыла сирена.

Мона и Дэвид постояли несколько минут, прижавшись друг к другу, потом он отстранился и сказал:

— Беги к хижине моей матери! Там ты будешь в безопасности!

— Нет!

— Черт возьми, Мона, делай, что говорю! Они же ищут нас, ты что, не понимаешь?

— Я не оставлю тебя одного!

Он вытащил пистолет из кобуры у нее на бедре.

— Беги к машине, беги как можно быстрее! Я их задержу.

— Нет!

О жестяную крышу навеса со звоном ударилось копье. Пуля разорвалась, попав в каменную стену прямо около плеча Моны. Дэвид снова схватил женщину за руку; они бросились прочь от сарая и вновь укрылись под густой живой изгородью. Мона в ужасе смотрела на разворачивающуюся перед ее глазами трагедию.

Учебный класс был охвачен огнем, земля усеяна телами Мау Мау и белых поселенцев. Онемев от ужаса, она смотрела, как Дэвид поднимает пистолет, прицеливается и стреляет. Террорист, поднявший руку с зажигательной бомбой, замер, затем рухнул замертво. Дэвид

снова выстрелил. Еще один Мау Мау упал. Она видела, как из окон отстреливаются от стремительно атакующих повстанцев Джеффри и его отец. Из здания выбежала женщина — это была миссис Лэнгли: копье пронзило ее живот.

Казалось, их были сотни, этих диких варваров, размахивающих пангами и копьями, одетых в лохмотья, с лицами, искаженными яростью и жаждой крови. Мона увидела, как один из них пытается забраться в окно класса с задней стороны.

— Дэвид! — закричала она. Он выстрелил. Мау Мау свалился замертво.

Бандитов становилось все больше. Они падали под пулями поселенцев, но они и сами тоже стреляли, их пули летели в окна и попадали в тех, кто был внутри. Все было охвачено пламенем. Дым клубами поднимался в безмятежное голубое небо. Еще двое белых мужчин, кашляя и спотыкаясь, вышли из класса. Оба упали под ударами мачете Мау Мау, которые поджидали в засаде у дверей.

Мона увидела, как мистер Кемплер рухнул на колени под шквалом смертельных ударов шести налетчиков.

Вышел отец Витторио, размахивая белой тряпкой. В него бросили горящий факел, и его черная сутана тут же вспыхнула.

Мона услышала, как пистолет Дэвида щелкнул. Он сказал:

— Пули закончились.

Она в испуге уставилась на него.

— У меня больше нет!

Один из Мау Мау заметил их. Он издал дикий вопль, и к нему присоединилась целая шайка его собратьев. Дэвид и Мона вскочили и кинулись бежать зигзагами по садовым дорожкам, соединяющим здания миссии. Они перепрыгивали через изгороди, бросались за углы домов. Мау Мау следовали по пятам, визжа, как стая гончих на охоте, поливая беглецов дождем камней и копий, обстреливая их из ружей.

Они добежали до входа в миссию — широких арочных ворот из кованого железа. Сразу за воротами лежало бывшее поле для игры в поло, сплошь поросшее сорной травой, пожухшей и пожелтевшей от засухи. На другом конце поля, по другую сторону проржавевшей железной изгороди, стояли хижины Мамы Вачеры и той женщины, которая раньше была женой Дэвида.

— Беги к моей матери! — снова приказал Дэвид. — Она защитит тебя. Я побегу в другую сторону, уведу их от тебя!

— Нет, Дэвид, я тебя не оставлю!

Он посмотрел на нее. Потом сказал:

— Сюда!

Он заметил, что дверь в находящейся неподалеку ремонтной мастерской была приоткрыта, схватил Мону за руку, и они бросились туда. Внутри было прохладно и темно; всюду стояли машины и тракторы, требующие ремонта. Как и во всей миссии, в мастерской было пусто.

Они молча и быстро продвигались между машинами, обходили канистры для бензина, пригибались под висящими шинами. Внезапно свет в мастерской померк, когда силуэты преследователей загородили дверной проем. Террористы колебались.

Дэвид подтолкнул Мону в самый темный угол, где они притаились за рабочим станком. Пошарив в темноте в поисках какого-нибудь оружия, Дэвид схватил велосипедную цепь. Мона крепко прижималась к нему. Она почти не могла дышать; от страха пересохло во рту.

Они наблюдали за движением силуэтов в дверном проеме. Преследователи о чем-то негромко спорили между собой.

Мона почувствовала, как напряглось тело Дэвида, будто пружина, готовая в любой момент распрямиться. Ее била дрожь. Он обнял ее и крепче прижал к себе.

Неожиданно рядом с ними выросла фигура, из темноты молниеносно вылетела рука, схватив Мону за волосы. Женщина закричала. Ее буквально вырвали из объятий Дэвида.

Дэвид увидел, как поднялась вторая рука, окровавленная панга на мгновение зависла в воздухе, готовая обрушиться на шею Моны.

Он бросился на нападавшего и со всей силой ударил его цепью по голове.

Рука разжалась, и Мона рухнула среди инструментов и запчастей. Оглушенная, она смотрела, как борются двое мужчин. Затем увидела, что в мастерскую вбегают другие.

Она лихорадочно шарила в темноте. Ее рука наткнулась на домкрат.

Первый Мау Мау, который ее настиг, получил мощный удар по ногам. Он закричал и уронил копье.

Мона вскочила и снова ринулась на врага. Она с удовлетворением услышала хруст костей, когда домкрат опустился на его плечо.

Но теперь им угрожали другие подоспевшие бандиты. Сразу несколько человек набросились на Дэвида; он упал, осыпаемый ударами и пинками. Она чувствовала, как чужие руки хватают ее, тянут за одежду. Она отбивалась изо всех сил, вслепую размахивая домкратом направо и налево. Но она знала, что им не выстоять.

Дэвид…

Внезапно террористы отступили, бросились вон из гаража. Мона в замешательстве заморгала, потом услышала вой полицейской сирены, рев аэропланов.

Она упала на колени рядом с Дэвидом, который лежал на боку и стонал.

— Они ушли… — сказала она. — Здесь солдаты.

Через минуту они, помогая друг другу, смогли подняться. Постояли немного в темноте, затем, спотыкаясь, вышли на солнечный свет.

Когда они доковыляли до класса, где пожарные тушили пламя, а солдаты заковывали в наручники схваченных Мау Мау, Мона бросилась к своей тетке, накладывавшей повязку на голову мистера Лэнгли.

— Восемь наших погибло, — сказала Грейс. Сама она не пострадала, только лицо ее было перепачкано; седые волосы выбились из узла и разметались по плечам. — Они убили восемь наших…

Мона осмотрелась. Она увидела сэра Джеймса, Джеффри и Тима, которые разговаривали с командиром. Она увидела миссис Кемплер, рыдающую над телом своего мужа, обезображенного до неузнаваемости. Ее пыталась успокоить медсестра. Со схваченными Мау Мау обращались жестко; некоторые получили удары дубинками по голове. Где-то с краю стояли несколько африканцев, бесстрастно взирающих на эту чудовищную сцену. Мона знала их — они работали в миссии. «Куда же они все подевались во время атаки? — спрашивала она себя. — Как они узнали о готовящемся нападении?»

Бедный старый Марио, трясущийся и плачущий, прибежал из дома и встал над Грейс, ломая руки.

Мона обернулась, посмотрела через плечо. Четверо британских солдат окружили Дэвида. Вдруг один из них ударил Дэвида кулаком в живот. Тот упал на колени, согнувшись пополам.

— Прекратите! — закричала Мона, кинувшись к ним. На ее крик подбежал Джеффри. — Перестаньте немедленно! — отчаянно кричала она, проталкиваясь сквозь строй солдат. Она упала на колени рядом с Дэвидом и обхватила его рукой.

— Да что вы делаете, черт вас побери! — орала она на солдат.

— Он подозреваемый, леди Мона. Мы пытаемся получить от него информацию.

— Да какой он подозреваемый, идиот! Это мой управляющий!

— Больше смахивает на Мау Мау, — вступил другой.

— Что здесь происходит? — спросил Джеффри.

— Этот черномазый оказал сопротивление при аресте, сэр. Мы забираем его для допроса.

— Никуда вы его не забираете! — отрезала Мона. — И не смейте называть его черномазым!

Джеффри сверху вниз глядел на Мону, сидящую на коленях в пыли рядом с Дэвидом Матенге.

— Они должны забрать его, Мона. Им нужно всех допросить.

— Только попробуйте дотронуться до него! Дэвид спас мне жизнь!

Солдаты переглянулись.

Джеффри нахмурился.

— Но он ведь нас предупредил, — протестовала Мона, — ты же знаешь, Джеффри.

— Да, вот только явился несколько поздновато, чтобы нам помочь, тебе не кажется? Интересно, а как он узнал о нападении?

Мона, не отрываясь, смотрела на него снизу вверх. Она по-прежнему обнимала Дэвида, будто пытаясь защитить его.

Джеффри несколько мгновений выдерживал ее взгляд. Этот вызов в глазах, эти решительно сжатые губы — на какой-то момент ему даже показалось, что на него смотрит Валентин Тривертон; потом он с досадой хлопнул себя по бедру и обернулся к солдатам:

— Вы слышали, что она сказала. Этот парень помог нам драться с Мау Мау. Он не с ними. Можете отпустить его.

Когда Джеффри и солдаты ушли, Мона спросила:

— Ты в порядке, Дэвид?

Он кивнул. Его лоб рассекала глубокая рана, на скуле был синяк; из уголка губ стекала струйка крови.

— Пойдем, тетя Грейс осмотрит тебя.

Но Дэвид ответил:

— Нет. — Он сбросил с себя руку Моны и поднялся. — Я пойду к матери. Она ведь знахарка.

Мона смотрела, как он удаляется, прихрамывая; потом вернулась к миссис Кемплер, которая безутешно рыдала, с ужасом глядя на кровь мужа на своих руках.

Многие из тех, кто стал свидетелем тех кровавых событий — и африканцы, и белые, — как бы ни переполняли их горе и гнев, как бы ни кипели они жаждой гнева, тем не менее обратили внимание на то, как Мона Тривертон обнимала Дэвида Матенге.

48

Наконец пришли долгожданные дожди.

Мелкий дождик шелестел за плотно занавешенными окнами Белладу, орошая красные и лиловые бугенвиллии, обвивающие опоры и карниз веранды. В гостиной в камине уютно потрескивал огонь, отбрасывая отблески желтого света на мебель, шкуры зебр и бивни слонов, развешанные на стенах.

Дэвид захлопнул гроссбух и сказал:

— Уже поздно. Мне пора идти.

Мона не ответила. Она устало наводила порядок на столе, за которым они проработали всю вторую половину дня, пытаясь придумать, как справиться с долгами фермы, которые после потери урожая росли как на дрожжах. Новые посевы теперь получали долгожданную влагу, но выручка от будущего урожая начнет поступать слишком поздно. Единственным способом спасти имение, решила она, была продажа Белла Хилл.

— Завтра первым делом напишу мистеру Тредвеллу, — сказала она, поднимаясь вместе с Дэвидом из-за стола и выключая настольную лампу. — Скажу ему, что принимаю его предложение. Думаю, он дает неплохую цену. И Белла Хилл вполне подходит для того, чтобы устроить там школу. Мне совсем не жаль терять этот дом, он для меня связан только с плохими воспоминаниями.

Несколько мгновений Мона и Дэвид смотрели друг на друга в темноте кабинета. Затем Мона резко отвернулась и направилась к свету и теплу гостиной.

Она была напугана и весь день размышляла, показывать ли Дэвиду записку, которую обнаружила в своем почтовом ящике. Раньше она бы, не раздумывая, сообщила ему об этом. Но за эти две недели, прошедшие после нападения Мау Мау на миссию Грейс, их отношения в корне изменились.

Мона осознавала, что теперь между ними появилось нечто темное, бесформенное, пугающее. Это было как гигантский спящий лев — если его не трогать, он не причинит вреда, но стоит только его разбудить, и вся его смертельная сила вырвется наружу. Это была смертоносная страсть, порожденная их взаимным желанием, которая и

привела их к страшной черте — переступив ее, они нарушат расовые табу.

Мона постоянно возвращалась мыслями к тому дню, когда было совершено нападение на миссию. Она вновь и вновь вспоминала, как они с Дэвидом держались за руки, как он прижимал ее к себе, вспоминала его упругое тело, ощущения, которые она испытывала в его крепких объятиях. В тот момент, когда они стояли в своем ненадежном укрытии под навесом, она подняла на него глаза и увидела в них отражение своей собственной безнадежной страсти. На какую-то почти неуловимую долю секунды он еще крепче сжал ее в своих объятиях, их тела будто слились в одно целое, а потом они отпрянули друг от друга и бросились бежать.

Она вновь и вновь переживала тот момент, она была буквально одержима им, но не так, как это обычно бывает у влюбленных, которые с нежностью лелеют ценные мгновения, проведенные наедине с любимым. Ее обуревал страх. Мона смертельно боялась той губительной черты, к которой они с Дэвидом подошли. В прежние времена они просто стали бы объектом всеобщего презрения, от них отвернулись бы семьи и друзья. Но теперь, когда в стране орудовали эти кошмарные Мау Мау, когда взаимная ненависть приобрела чудовищный размах, когда страной правили паника, террор и подозрительность, Мона знала, что их любовь была чистой воды самоубийством.

Она должна была побороть в себе эту любовь. Ради спасения собственной жизни. И ради спасения Дэвида.

Сегодня утром в деревне около Мер группа ополченцев под предлогом облавы на сообщника Мау Мау ворвалась в дом чернокожего торговца, женатого на европейке. Бандиты в форме пытали мужчину, изнасиловали его белую жену и затем убили обоих.

— Я помогу тебе запереть дом, — сказал Дэвид, когда они вошли в гостиную. — Пора отправлять прислугу по домам.

Это было гнуснейшее нововведение. По всей Центральной провинции — на ранчо Дональдов, в доме Грейс, в Белладу — белые поселенцы на закате запирали свои дома на все замки, выставив перед этим чернокожих слуг за дверь, и впускали их обратно лишь утром.

— Соломон уже столько лет работает в моей семье, — запротестовала Мона, когда окружной комиссар начал настаивать на

том, чтобы она выполняла это требование. — Он не причинит мне никакого вреда!

— Прошу прощения, леди Мона, но если его вынудят принять клятву, вы больше не будете с ним в безопасности. До тех пор, пока мы не обнаружим Мау Мау, организующего в округе принятие клятвы, вам придется всех своих слуг считать потенциально опасными.

Затем Джеффри установил на ее веранде сирену и две сигнальные ракеты — одну у входа в кухню, вторую у входной двери. Если их поджечь, они взлетят высоко в воздух и там разорвутся, так что их будет видно на холме Оллсоп Хилл в Найэри, где в башне, построенной сикхом по имени Вир Сингх, был устроен круглосуточный пост, укомплектованный солдатами Азиатского полка.

Несмотря на то что многие европейцы покидали свои фермы и перебирались в относительно безопасный Найроби, а некоторые вообще бросали свои дома и бежали в Англию, самые упрямые все же оставались на своей земле, полные решимости не сдаваться. С помощью сирен, сигнальных ракет, регулярного воздушного патрулирования на аэропланах и вертолетах поселенцы пытались выстоять в этой борьбе.

Соломон оставил для нее ужин в кухне. Мона пожелала спокойной ночи слугам и заперла за ними дверь. Вооружившись фонариком, Дэвид поднялся на второй этаж, обошел весь дом, проверяя, заперты ли окна и двери, не прячется ли кто на балконах и верандах. Завершив обход, он вернулся на кухню и собрался уходить.

У двери он немного задержался и оглянулся на Мону.

— Мне очень страшно, — тихо сказала она.

— Я знаю.

— На улице уже темно. И твой коттедж слишком далеко отсюда. Вдруг Мау Мау поджидают тебя там, в темноте…

— У меня нет выбора, Мона. Я должен идти. Комендантский час уже начался. Я должен торопиться.

— Дэвид, подожди. — Она вытащила из кармана бумажку. — Я нашла это сегодня утром в почтовом ящике.

Он прочел записку. В ней было всего два слова: «Любовница ниггера».

— Кто мог это сделать? — спросил он, бросая взгляд на занавешенное окно, за которым их поджидала беспросветная, таящая в

себе опасность ночь. Никогда в жизни Мона не забудет эту страшную картину: миссис Лэнгли, пронзенная копьем, бегущий отец Витторио в полыхающей сутане, его страшные крики, и Дэвид, падающий под ударами Мау Мау.

— Боюсь, Мона, мы с тобой оказались в уникальной ситуации, — хмуро произнес Дэвид. — Каждая из враждующих сторон ненавидит нас обоих, мы стали врагами для всех. Мы попали с тобой в ловушку, оказались в самом центре событий, в которых мы не виноваты и которые мы не в состоянии изменить.

У Моны перехватило дыхание. Дэвид подошел на опасно близкое расстояние к тому невысказанному, что затаилось между ними. В последние две недели они упорно трудились бок о бок в поместье, выкапывая погибшие кофейные деревья, высаживая новые саженцы, почти не разговаривая, за исключением вопросов, касающихся исключительно фермы, а перед заходом солнца расходились по своим домам. Все это время они существовали будто в каком-то вакууме, в отдельном мире, в котором никто не слышал ни о каких Мау Мау, где не было места ни для ненависти, ни для любви. Но в этот день им пришлось всерьез заняться финансовыми проблемами поместья, они увлеклись работой и не заметили, что комендантский час уже наступил.

Теперь они оказались в ловушке. Ночь схватила их в свои тиски.

Мона догадывалась, кто мог написать эту записку. Она подозревала сына одного из поселенцев, сорвиголову по имени Брайан, которого как-то уже арестовывали за то, что он издевался над одним из своих чернокожих пастухов. Брайан продел бечевку сквозь отверстия в мочках ушей несчастного и пустил свою лошадь галопом, держа при этом другой конец бечевки в руках, так что бедняге пришлось бежать за ним изо всех сил.

— Как такое могло случиться, Дэвид? — прошептала она. — Что мы такого сделали, чем заслужили?

Он долго смотрел на нее, глаза его были печальны. Он взялся за ручку двери.

— Не уходи, — сказала она.

— Я должен.

— Снаружи тебя могут подстерегать Мау Мау. Или белый молодчик, жаждущий мщения.

— Я не могу остаться.

— Почему? Здесь ты в безопасности.

Он покачал головой:

— Ты прекрасно знаешь почему, Мона. — Он говорил так тихо, что голос его был едва слышен на фоне шелеста дождя. — Одно дело — быть с тобой при дневном свете, когда кругом люди, когда много работы, но совершенно другое — остаться с тобой наедине ночью.

Она, не отрываясь, смотрела на него. Сердце ее бешено колотилось.

— Мона, — сказал он напряженным голосом, — нам никогда не суждено быть вместе. Если бы мы жили с тобой в другом месте, в другое время, среди других людей, в обществе, где царило бы понимание и терпимость… Но мы-то с тобой здесь, в Кении, в самом центре позорной межрасовой войны. Мы должны удержаться от этого последнего шага, после которого у нас уже не будет дороги назад, после которого мы уже никогда не сможем смыть с себя пятно позора и чувствовать себя в безопасности.

— Неужели наши чувства так постыдны?

— Нет, но они очень опасны — и для тебя, и для меня.

Он отпер дверь и принялся было поворачивать дверную ручку, когда со стороны гостиной раздался шум. Глаза Моны расширились от страха.

— Дай мне свой пистолет! — прошептал Дэвид. Потом добавил: — И оставайся здесь.

Но Мона последовала за ним. Они осторожно крались через темную столовую. На пороге гостиной Дэвид замер и осмотрелся. Мона выглядывала из-за его спины.

Единственным источником света в гостиной был огонь в камине. Он отчетливо освещал медные ведерки для угля, каминные решетки, искусную кирпичную кладку, ногу слона, служащую подставкой для кочерги, и три кожаных кресла перед камином. Остальная часть комнаты была практически в темноте, лишь неясные блики плясали на мебели из красного дерева, очерчивая мерцающим светом нечеткие очертания. Казалось, предметы движутся вместе с отсветами пламени: журналы, пепельницы, зажигалка, сделанная из ноги антилопы. А за этой границей света чернильные тени обволакивали стены, скрывали книжные шкафы и дверные проемы. Иногда блуждающий отсвет

выхватывал из темноты голову животного на стене, и тогда вдруг вспыхивал неподвижный стеклянный глаз антилопы или газели.

Дэвид прокрался вдоль стены к широкому окну, выходящему на гору Кения. Остановился, поднял револьвер, осторожно отодвинул бархатную штору. Мона все так же выглядывала через его плечо.

На вымытой дождем веранде было практически темно, за исключением одинокой тусклой лампочки над ступеньками, которая бросала расплывчатый круг желтого света на плетеную мебель, пальмы в горшках, красные и лиловые цветы бугенвиллий.

Дэвид и Мона сразу заметили на полу черепки разбитого горшка, рассыпанную землю, опрокинутую азалию. Увидели они и виновника происшествия: среди растений в горшках неуклюже семенило маленькое любопытное существо.

— Ежик! — воскликнула Мона.

— Наверное, ищет, где бы ему спрятаться от дождя.

Дэвид, смеясь, повернулся к Моне. Она тоже смеялась — с облегчением, но немного нервно.

Потом их улыбки погасли, и они смотрели друг на друга в интимном полусвете, стоя на краю освещенного круга.

— Обещай мне, — нарушил молчание Дэвид, — что завтра ты переедешь из этого дома к своей тете. С ней Тим Хопкинс, и там ты будешь в большей безопасности, чем здесь. Обещаешь мне, Мона?

— Да.

Он снова замолчал, неотрывно глядя в ее лицо, следуя взглядом по линиям ее лба, шеи, плеч.

— Тебе небезопасно оставаться одной, — наконец произнес он, вспомнив о записке. — Теперь тебе угрожают не только Мау Мау.

— И тебе.

— Да…

Дэвид поднял руку и нежно дотронулся до ее щеки.

— Сколько раз я пытался представить себе, — сказал он, — какая твоя кожа на ощупь. Такая нежная…

Она закрыла глаза. Его ладонь была жесткой, мозолистой. От его прикосновения она вдруг ослабела, почувствовала, как у нее перехватило дыхание и сердце почти остановилось.

— Мона, — выдохнул он.

Она коснулась кончиками пальцев его щеки, провела от носа к уголку губ, погладила морщинку между бровями, дотронулась до уголков глаз.

Рука Дэвида неуверенно двинулась к ее затылку. Он запустил пальцы в ее волосы. Наклонился, чтобы поцеловать, но замер в нерешительности. Когда их губы все же встретились, это был неуверенный поцелуй, будто первый, пробный шаг. Затем она обвила его шею руками и поцеловала сама, направляя его, показывая, как это делается. Они прильнули друг к другу в мерцающем свете камина.

Через мгновение Дэвид отстранился и расстегнул пуговицы на ее блузке. Подивился ее маленьким белым грудям, которые полностью помещались в его ладонях. Она распахнула его рубашку и положила ладони ему на грудь. Когда Дэвид был полностью обнажен, Мона залюбовалась его превосходно выточенными ягодицами и сильными, стройными бедрами — достойное наследие прародителей масаев.

Дэвид подхватил ее и уложил на пол перед камином. Он исследовал ее тело, нежно ласкал. Мона чутко реагировала на его прикосновения, ведь она не знала ножа ируа.

Он прижал свои губы к ее губам, и она выгнула тело, полностью готовое к тому, чтобы принять его. В пляшущем свете огня их тела слились в единое целое — черное на белом.

Мона резко проснулась, не понимая, что ее разбудило. Она повернулась к мужчине, лежащему рядом с ней в постели. Дэвид крепко спал. Интересно, сколько времени? Она потянулась. Никогда еще ей не было так хорошо. Никогда еще не была она так счастлива.

Этой ночью они несколько раз занимались любовью, и каждый раз был лучше предыдущего. Дэвид великолепно владел любовным мастерством, перешедшим к нему от его воинственных предков; Мона же откликалась на его ласки горячо и неожиданно, чем приводила его в полный восторг.

— Мона! — раздался крик снизу.

Она резко села. Так вот что разбудило ее! Кто-то был в доме!

И этот кто-то был Джеффри. Он ходил по комнатам первого этажа и выкрикивал ее имя.

Мона вскочила с постели и набросила халат. Взглянув на Дэвида и убедившись, что тот по-прежнему крепко спит, она вышла из комнаты

и плотно закрыла за собой дверь.

Она встретила Джеффри в гостиной, где в камине еще теплилась горстка красных угольков.

— Что ты здесь делаешь, Джеффри?

— Господи, Мона! Да ты у меня лет десять жизни отняла! Когда я увидел, что дверь на кухню не заперта, я уж не знал, что и думать!

Она в ужасе прижала ладони к губам. Они с Дэвидом оставили дом открытым!

— Что ты здесь делаешь? — снова спросила она. Макинтош на Джеффри был совершенно мокрый, с полей шляпы капала вода. В руках у него была винтовка, а в дверях столовой маячили двое солдат из Кенийского полицейского резерва.

— Ночью, во время обхода, патруль обнаружил труп кошки, подвешенный к воротам Белладу. Ты знаешь, что это означает.

Мона слишком хорошо знала, что это означает. Это был сигнал Мау Мау о том, что обитатели дома должны стать следующими жертвами.

— Так что теперь мы проверяем всех черномазых в этом районе. Но когда я пришел в коттедж Дэвида Матенге, то обнаружил, что его нет дома и, похоже, не было всю ночь. Поэтому я решил приехать сюда и спросить у тебя, не знаешь ли ты, где он может находиться.

Мона плотнее запахнула халат на груди. Ей вдруг зазнобило.

— В котором часу он вчера ушел, Мона?

Вчера?

— А который сейчас час, Джеффри?

— Скоро уже рассвет. Я отправил несколько патрулей на его поиски. Я всегда подозревал, что этот черномазый — сообщник Мау Мау. Вполне может быть, что он и есть тот мерзавец, который проводит обряд клятвы в нашей округе, а мы-то с ног сбились, разыскивая его.

— Не говори глупостей, это просто нелепо. И не мог бы ты отправить за дверь этих людей? Я не одета.

Джеффри отдал аскари распоряжение на суахили, а когда они вышли, снова спросил:

— Так ты не знаешь, где Дэвид Матенге?

— Он не имеет никакого отношения к этому кошачьему трупу.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, и все.

— Не понимаю, как ты можешь так слепо ему доверять? Как так вышло, что Дэвид Матенге имеет над тобой такую власть?

— Я точно знаю, он здесь ни при чем.

— И тем не менее я хочу найти его и как следует допросить. Давно пора подержать его в камере. Ты слишком долго заступалась за него. А теперь скажи мне, в котором часу он ушел вчера вечером?

Мона молчала.

— Ты знаешь, куда он пошел? Известно ли тебе, где он теперь находится?

Она закусила губу.

— Даже если ты мне не скажешь, мы все равно его найдем, и тогда на допросе ему придется несладко, это я тебе могу гарантировать. Он нарушил комендантский час.

— Дэвид здесь ни при чем. Это моя вина.

— Что ты имеешь в виду?

Мона лихорадочно соображала. Если Дэвида подозревают в причастности к этому делу с трупом кошки, то на допросе его будут пытать. Но если она заговорит и подтвердит, что он не мог этого сделать, потому что всю ночь провел с ней, ей придется признаться в том, что они совершили.

Мона так и не успела принять решение, когда Джеффри произнес:

— Что, черт возьми…

Она обернулась. На пороге комнаты стоял Дэвид.

На нем были надеты только брюки, в руках он держал пистолет.

— Я услышал голоса, Мона, — сказал он, — и решил, что ты в опасности.

От шока Джеффри потерял дар речи.

Мона подошла к Дэвиду и положила свою ладонь на его руку.

— Мы не заперли дверь на кухню, Дэвид. Джеффри пришел, чтобы сообщить мне, что ночью кто-то повесил кошку на моих воротах. Он решил, что это сделал ты.

Она обернулась на Джеффри.

— Но, как ты понимаешь, Дэвид не мог этого сделать, — объяснила она, — просто потому, что всю ночь он провел здесь, со мной.

На лице Джеффри отразилась целая гамма чувств, пока наконец он не обрел способность говорить.

— Что ж, — произнес он, подойдя к Моне, — у меня были кое-какие подозрения на этот счет, но я не был уверен до конца. Я все говорил себе, что это невозможно, что Мона не может так низко пасть.

— Тебе лучше уйти, Джеффри. Это тебя абсолютно не касается.

— Вот это уж точно! Даже знать про это ничего не хочу. Господи боже мой, Мона! — воскликнул он. — Да как ты могла спать с ниггером!

Она залепила ему звонкую пощечину.

— Убирайся, — велела она ему ледяным голосом. — Убирайся, или я пущу в ход вот этот самый пистолет. И никогда больше не переступай порог моего дома.

Джеффри открыл было рот, собираясь что-то сказать. Но промолчал, лишь бросил на Дэвида злобный, угрожающий взгляд, резко повернулся на каблуках и вышел.

Когда они услышали, как за ним захлопнулась кухонная дверь, Мона закрыла лицо руками и прильнула к Дэвиду.

— Мне так жаль! — плакала она. — Он такой мерзавец! Это я виновата, Дэвид!

— Нет, — тихо говорил он, гладя ее по волосам. Его взгляд застыл на полоске неяркого света, пробивающегося сквозь шторы: наступил рассвет. — Никто в этом не виноват, Мона. Просто мы стали жертвами обстоятельств, с которыми нам не справиться. — Он отступил на шаг и взял ее за руки. — Мона, посмотри на меня и послушай, что я скажу. В этом мире нам нет места; нашей любви в нем не выжить. Они сделают так, что однажды ты посмотришь на меня и подумаешь: «ниггер», или я посмотрю на тебя и подумаю: «белая ведьма». И наша прекрасная, чистая любовь будет разрушена. — Он продолжал со страстью в голосе: — Должно прийти такое будущее, в котором мы сможем жить вместе и любить друг друга свободно, ничего не боясь. У нас должна быть свобода жить как муж и жена, Мона, а не красться под покровом ночи, как воры. Я люблю тебя всем сердцем, я никогда никого так не любил, и при этом, когда этот человек оскорблял тебя, я был не в состоянии тебя защитить! Я не могу уронить свое мужское достоинство, Мона, потому что для меня это равносильно смерти. Теперь я наконец прозрел, я вижу, что все это время заблуждался и что

единственный способ сделать будущее нашим — это бороться за него! Я больше не могу оставаться прислужником белого человека!

Она смотрела на него испуганно, не в силах вымолвить ни слова.

— Теперь я сделаю то, что должен был сделать еще давным-давно, Мона. И я это сделаю ради нас. Ты только помни, что я люблю тебя. Возможно, мы теперь нескоро увидимся, но ты всегда будешь со мной, в моем сердце. И если тебе когда-нибудь будет грозить опасность или станет вдруг страшно и я буду тебе нужен, иди к моей матери. Она скажет тебе, что делать.

— Куда ты пойдешь, Дэвид? — прошептала она.

— В леса, Мона. Я собираюсь присоединиться к Мау Мау.

49

Это станет самой масштабной акцией Мау Мау за все время его существования. А возглавлять эту акцию будет фельдмаршал Ваньиру Матенге.

Пересчитав последние динамитные шашки, который ей тайно доставили накануне, она ощутила опьяняющий прилив крови к мозгу, почувствовала укол страха и возбуждения. Это было то же возбуждение, которое она испытывала каждый раз, когда отправлялась в лес, чтобы тайно переправить оружие борцам за свободу, оставить в дуплах деревьев пищу и сообщения. У нее кружилась голова от предвкушения большого дела, которое ей предстоит возглавить: нападение на отель «Норфолк».

Сегодня после обеда там должно состояться совещание. Губернатор и генерал Эрскин созвали общее собрание белых поселенцев, чтобы разработать новую масштабную наступательную операцию против Мау Мау. Одна из подчиненных Ваньиру, красивая молодая женщина по имени Сибилл из племени меру, спала с одним из помощников губернатора. Он-то, ни о чем не подозревая, и рассказал ей о секретном совещании.

Все теперь происходило очень быстро! Мау Мау активизировали свою борьбу. Война приобретала невероятный размах. Ваньиру знала, что все это благодаря новому командиру, человеку, который в один из июльских дней неожиданно появился в лесном отряде. Ваньиру никогда его не видела — приказы она получала от одного из его подчиненных, и его настоящее имя было известно лишь высшему командованию Мау Мау. Всем остальным борцам за свободу, да и европейцам тоже он был известен под именем Леопард. Кем бы он ни был, откуда бы ни явился, Ваньиру им восхищалась. С тех пор как он присоединился к лесной армии, Мау Мау провели ряд масштабных атак против белых. Леопард обучил Мау Мау новым тактическим приемам, новым способам ведения боевых действий; у него был солдатский опыт и находчивость, а кроме того, он, казалось, изнутри знал британскую армию. Все до единой успешные атаки на белых поселенцев, осуществленные за эти несколько месяцев, были разработаны именно им. Идея сегодняшней операции тоже

принадлежала Леопарду, и ее тщательно готовили в течение нескольких недель. Если все пройдет так, как задумано, то взрыв в одном из самых крупных отелей Найроби как раз в тот момент, когда там соберется все руководство Кении, нанесет решающий удар по белым.

После инцидента в «Отеле королевы Виктории», когда она бросила камень с запиской в окно отеля, это была первая вылазка Ваньиру в Найроби. Все это время она скрывалась в лесу, где помогала организовывать новые лагеря и лаборатории по производству самодельного оружия. Под ее руководством находились женщины, из которых формировалась секретная подпольная сеть информаторов. Фельдмаршал Ваньиру Матенге значительно поднялась по служебной лестнице Мау Мау и считалась теперь одной из самых влиятельных женщин-бойцов. Британцы объявили на нее широкомасштабную охоту; за ее голову была назначена награда в пять тысяч фунтов.

Она пришла в Найроби неделю назад, пешком проделав путь от Абердер под чужим именем. Подруги сшили для нее мусульманский буйбуй, черную паранджу, которая полностью скрывала все тело, оставляя лишь узенькую щелочку для глаз. Она забрала с собой из секретного лагеря Кристофера и Ханну, и они вместе проделали весь этот трудный и долгий путь под палящим солнцем. Пищу добывали попрошайничеством, воду пили из ручьев. На подходе к городу ее несколько раз останавливали на блокпостах, но она делала вид, что не говорит ни по-английски, ни на суахили, ни на языке кикую, а понимает лишь диалект сомали, которого не знал ни один из солдат. Выглядела она достаточно безобидно: жалкая беженка из северного приграничного района, обремененная двумя детьми, поэтому солдаты пропускали ее. Но в городе все было иначе: здесь она должна была иметь при себе удостоверение личности. Она договорилась с одним мусульманином, сочувствующим Мау Мау, чтобы он сделал ее своей «женой». Он служил на Угандийской железной дороге и поэтому большую часть времени проводил на работе. Мусульманин сходил с Ваньиру в Управление труда на авеню Лорда Тривертона, где у нее взяли отпечатки пальцев, сфотографировали и выдали пропуск на имя Фатмы Хаммад.

И вот сейчас, в этот палящий октябрьский полдень, когда намеченное время операции было уже близко, Ваньиру прикрепляла к

животу Сибилл последний динамит.

Все утро она занималась подготовкой, а на рассвете отправилась на рынок около Шаури Мойо, трущобного района, где находилась комнатка сочувствующего мусульманина. На рынке Ваньиру встретилась с несколькими женщинами, как было условлено заранее, и передала им динамитные шашки, замаскированные среди кукурузных початков и спрятанные в калабашах. Торопливым шепотом она передала им инструкции. Встреча была назначена в час дня у отеля «Норфолк».

Сама идея нападения на отель принадлежала Леопарду, однако непосредственной разработкой и подготовкой операции занималась Ваньиру, она же подбирала исполнителей. Мужчины для этого дела не годились, ведь они не могли свободно передвигаться по Найроби. Британские томми и патрули ополченцев останавливали всех подряд, обыскивали, производили выборочные аресты. С женщинами же, по наблюдениям Ваньиру, обходились мягче. Их тоже останавливали, допрашивали, некоторых увозили в грузовиках, но многих все же отпускали подобру-поздорову заниматься своими нескончаемыми женскими делами: делать покупки, стирать, торговать овощами, вынашивать детей — всем тем, что составляет бесконечные заботы африканской женщины.

Ваньиру знала, что корзины, сосуды и даже перевязи, которые удерживали детей на спинах женщин, могут обыскивать. А вот животы беременных редко подвергались тщательному осмотру. Поэтому Ваньиру научила женщин прятать динамит на своем теле, прикрепив его к животу. Сейчас она обматывала простыни вокруг живота Сибилл.

Каждой женщине было назначено свое место. Три дня назад Ваньиру исследовала территорию вокруг отеля, нарисовала план и карандашом пометила на нем позиции для размещения своих диверсанток. Пока они с Сибилл обливались потом в раскаленной, как печка, комнатке, затерянной в трущобах Шаури Мойо, там уже собрались восемнадцать женщин, незаметно проскользнувших сквозь толпу, заполнявшую узкие тротуары. Одна остановилась, чтобы вытащить занозу из пятки, другая — чтобы покормить грудного ребенка… Они незаметно окружили здание, и ни у кого не возникло подозрения, что все эти женщины как-то связаны между собой. Ваньиру должна была подойти последней. Ровно в час дня она

выкрикнет: «Матери Кении!» — сигнал, по которому ее сестры подожгут динамитные шашки и запустят в окна «Норфолка».

Леопард полностью одобрил этот план.

Когда Сибилл была готова, она обернула ярко-желтую кангу вокруг своей бритой головы, взвалила на спину тяжелую поклажу с луком — она разложит его на куске ткани перед отелем, притворившись уличной торговкой, сказала Ваньиру: «Это наша земля» — и ушла.

Оставшись одна, Ваньиру занялась последними приготовлениями. Прилаживая к своему животу подушку, призванную сымитировать беременность, она на мгновение остановилась и посмотрела на своих детей, которые безмятежно спали на железной кровати. Ханна росла крепкой девочкой, да и Кристофер в свои полтора года уже был сильным и красивым мальчиком — копией своего отца Дэвида.

Вспомнив о бывшем муже, Ваньиру помрачнела. Она презирала человека, с которым развелась по собственной воле, и проклинала себя за то, что когда-то любила его. Она давно уже решила, что Дэвид Матенге — трус, навлекший позор на Детей Мамби. Она надеялась, что он влачит сейчас жалкое существование, все так же работая на эту белую тварь в ее поместье.

При воспоминании о Моне Тривертон настроение Ваньиру немного улучшилось. В информации, полученной Сибилл, была одна замечательная деталь: и эта докторша, Грейс Тривертон, и ее племянница Мона собирались принять участие в сегодняшнем секретном собрании поселенцев.

Что ты тогда будешь делать, Дэвид, когда останешься без своей драгоценной мемсааб?

Она разбудила детей:

— Пойдемте со мной, дети мои. Нам нужно немножко прогуляться.

Дети были еще сонные, двигались вяло и медленно в этой жаре. Ханна надела свое единственное платье, грязное и порванное, уже слишком тесное для нее. На Кристофере были только шортики. Обуви у обоих не было. И оба были голодны. Перед тем как выходить, их мать подняла с пола корзину с марантами — она сделает вид, что хочет продать их на тротуаре перед самым «Норфолком». Прежде чем

покинуть убогое пристанище, фельдмаршал Ваньиру Матенге в последний раз проверила свою решимость идти до конца. «Я делаю это ради своих детей, ради их будущего, ради того, чтобы им никогда не пришлось познать унижения, в котором жили их родители».

После июльских дождей город буйно зеленел. Ваньиру шагала по раскаленным улицам; Кристофер был привязан к ее бедру, Ханна семенила рядом, крепко держась за руку матери. На спине женщины была тяжелая поклажа, а спереди выпирал живот, с прикрепленной взрывчаткой. Ваньиру вспоминала, как выглядел Найроби, когда она пришла сюда девчонкой, шестнадцать лет назад, чтобы изучать медицину в туземном госпитале. Тогда город казался намного меньше и спокойнее, чем сейчас. Границы было четко расчерчены; правила расового и классового разграничения просты. Черные африканцы ютились в самых убогих районах; все остальное принадлежало белым. Ваньиру казалось, что в те дни в Найроби царил какой-то безмятежный мир; люди не обращали особого внимания на подрывные речи молодых бунтарей вроде нее или Дэвида. В те дни африканцы «знали свой шесток».

Проходя мимо того места, где когда-то состоялась неудачная акция протеста, в тот самый день парада, когда был убит сын Тривертонов, а Дэвид скрылся в Уганде, она увидела, как сильно изменилось все вокруг. Глядя на большие здания, асфальтированные дороги, множество машин и людей, она даже ощутила некоторую ностальгию по старым добрым временам.

«Но нет, — напомнила она себе, сворачивая на дорогу, ведущую к Норфолку, — это были плохие времена. Это были неправильные времена, и мы теперь боремся за то, чтобы у нас было лучшее будущее».

Она помедлила на углу улицы и осмотрелась. Найроби превратился в военный лагерь. В последний раз такое количество людей в форме на улицах города можно было наблюдать только во время войны. Британские томми патрулировали улицы взад и вперед, не обращая внимания на угрюмые взгляды африканцев. С важным видом расхаживали ополченцы, такие же кикую, как она сама, и такие же подлые, по мнению Ваньиру, как белые. Они небрежно помахивали дубинками, и она не знала, кого ей бояться больше.

Подходя к «Норфолку», Ваньиру разглядела в толпе своих сестер: Рут, которая не спеша наполняла сосуд из тыквы водой из уличной колонки; Дамарис, которая остановилась, чтобы поправить поклажу на спине; Сибилл, разложившая лук на земле якобы для продажи; Мутони, присевшая на бордюр и кормившая грудью крошечную дочку. Была там и старая Мама Жозефина, которая написала письмо королеве Елизавете, ходатайствуя за освобождение из тюрьмы Кеньяты, пытаясь воззвать к материнским чувствам королевы. Они смешались с толпой — ничем не примечательные и никак друг с другом не связанные африканские женщины, занимающиеся своими обыденными делами. Солдаты, изучив пропуска, отпустили женщин, сочтя их безобидными и недостойными внимания. Ваньиру знала, что и все остальные уже на своих местах. Все эти женщины были настороже и в полной готовности и только ожидали рокового сигнала.

Ваньиру с удовлетворением оглядела автомобили белых поселенцев, припаркованные вдоль улицы. Их охраняли скучающие солдаты. Она узнала автомобиль, принадлежащий Моне Тривертон; это была та же машина, в которой восемь лет назад убили графа.

Итак, все они были там, как овцы в загоне перед бойней. Ваньиру подняла глаза на часы на церковной башне. Стрелки показывали без десяти минут час.

— Стой на месте, мама! — раздался голос позади нее.

Она обернулась и улыбнулась двум ополченцам, которые направлялись к ней. Сегодня на Ваньиру не было защитного буйбуя, потому что она не могла допустить, чтобы ее задержали и помешали выполнить ее миссию.

— Покажи свой пропуск, мама.

Она протянула ему пропуск.

Пока один аскари изучал ее фотографию и данные, второй, молодой мужчина из племени эмбу, с ног до головы осматривал Ваньиру.

— Что ты здесь делаешь, мама? — спросил первый, возвращая ей пропуск.

Она повернулась к ним спиной, чтобы показать корзину с марантами.

— Хочу немного поторговать.

— А почему здесь? Почему не на рынке?

— Ха! На рынке слишком большая конкуренция! А мне нужны деньги. Мой ленивый и никчемный муженек все деньги спускает на пиво!

— Для таких красавиц, как ты, существует более простой способ заработать, — сказал второй, улыбаясь.

— Сэр, я правоверная мусульманка. Ваши слова для меня оскорбительны!

Они задумчиво рассматривали ее. Ваньиру очень хотелось посмотреть на часы, но она не осмеливалась.

— Откуда ты? — поинтересовался первый.

— Там в пропуске все написано.

— А ты сама скажи.

Она изо всех сил пыталась сохранить беспечный вид, удержать улыбку на лице. Пройдя через множество таких вот быстрых допросов, она должна достойно пережить и этот.

— С севера мы, — ответила она. — Жили у самой границы.

— Сегодня пятница, мама, — заметил второй солдат. Он больше не улыбался. — Почему ты не в мечети?

Сердце Ваньиру бешено заколотилось. Как она могла забыть!

— Мой муж молится за двоих. Аллах простит. Он понимает нужду.

Второй аскари, прищурившись, внимательно рассматривал ее. Ваньиру запаниковала. Ей показалось, что она его где-то уже видела, но никак не могла вспомнить, где и когда. Он что-то прошептал своему напарнику. Ваньиру почувствовала, как по ее спине побежал ручеек пота, подумала о тех женщинах, которые стояли сейчас вокруг отеля «Норфолк». А вдруг кто-то из них занервничает и начнет атаку, не дожидаясь сигнала?

Она отчаянно желала уйти отсюда, добраться до своей позиции. И при этом необходимо было выглядеть абсолютно спокойной. Эти двое аскари не должны ничего заподозрить!

Наконец, к ее огромному облегчению, они разрешили:

— Можешь идти, мама. И держись подальше от неприятностей.

— Иншалла, — ответила она, махнула им рукой и пошла прочь.

Ваньиру взглянула на часы: без четырех минут час, увидела Сибилл, которая бросала на нее нетерпеливые взгляды. Остальные тоже начали нервно шевелиться.

«Подождите, — думала Ваньиру, — ничего пока не предпринимайте…»

Тактике внезапной атаки научил своих собратьев Леопард. Он показал им все то, чему его обучили в британской армии, то, что делали террористы в тех странах, где ему довелось воевать. Ваньиру знала, что женщины обязаны были одновременно поджечь и бросить свои шашки. Все должно произойти стремительно, чтобы не дать солдатам возможности быстро отреагировать. В противном случае все усилия окажутся напрасными.

Ее задержало у обочины дороги плотное автомобильное движение. Она глядела через дорогу на Сибилл, которая поднялась на ноги и запустила руку в складки одежды. Было без двух минут час, и женщины тайком начали доставать спички. Когда минутная стрелка покажет без одной минуты час, они должны будут достать взрывчатку и ждать окончательного сигнала.

На дороге образовалась пробка, машины встали. Водители отчаянно сигналили, выхлопные газы кружили голову. Решив, что времени у нее больше нет, Ваньиру покрепче ухватила детей и побежала между машинами и грузовиками. Какофония сигналов и визга тормозов еще больше усилилась. Перебравшись через дорогу, она запрыгнула на тротуар, едва увернувшись от военного мотоцикла, который с ревом пронесся мимо, и встретилась взглядом с Сибилл.

Ваньиру запустила руку в карман платья, в котором заранее проделала дыру, нащупала взрывчатку.

Посмотрела на часы.

Женщины ждали сигнала.

Минутная стрелка невыносимо медленно двигалась к двенадцати. Кровь бешено пульсировала в ушах. Она не слышала уличного шума вокруг себя: ни гудения машин, ни голосов людей. Теперь существовали только стрелка часов и динамитная шашка в ее руке. Осталось всего несколько секунд… Когда стрелка встанет вертикально на цифре двенадцать, Ваньиру закричит: «Матери Кении, вперед!» и восемнадцать динамитных шашек мигом окажутся в ресторане, где собрались белые поселенцы.

Всего несколько секунд…

— Эй, мама! — раздался окрик.

Она резко обернулась.

Двое ополченцев бежали к ней через улицу.

Ваньиру похолодела. Что делать? Давать сигнал или бежать?

— Что… — только и успела вымолвить она, когда они достали свои пистолеты и выстрелили в воздух.

Пешеходы врассыпную бросились с тротуара. Британские солдаты бежали вниз по лестнице «Норфолка», нацелив автоматы на Ваньиру. Сибилл кинулась бежать, остальные тоже спасались бегством.

— Ты Ваньиру Матенге! — закричал тот аскари, что был из племени эмбу. — Я вспомнил, что уже видел тебя раньше!

— Ты ошибся! — закричала она, и тут сердце ее бешено заколотилось: много лет назад он работал в туземном госпитале санитаром.

— Мы это проверим, — заверил британский капрал, грубо хватая ее за локоть. — Пойдешь с нами для выяснения личности.

Заплакала Ханна. Ваньиру подхватила ее и, держа обоих детей на руках, проследовала за солдатами в военный грузовик.

50

Мона писала:

«Дэвид, любимый мой!

Прошло уже четыре месяца с тех пор, как ты уехал. Не могу выразить словами, как я по тебе скучаю. Исполняя твою просьбу, я переехала жить к тетушке Грейс, а Белладу закрыли. Как это ни печально, ферма приходит в упадок. После твоего исчезновения большая часть работников тоже ушла. Остались только несколько самых преданных, но, я думаю, большая часть урожая все равно погибнет. Я получила деньги от продажи Белла Хилл. На какое-то время их хватит; что будет потом, не знаю.

Вчера слышала по радио, что в Найроби арестовали Ваньиру. Сообщили, что ее забрали в женский лагерь Камити и что твои дети с ней.

Все эти четыре месяца я надеялась, что увижу тебя, мой любимый, и смогу сама отдать тебе свои письма. Но теперь понимаю, что, пока не закончится этот ужасный конфликт, нам не суждено быть вместе. Поэтому я сделаю, как ты мне сказал: отнесу письма твоей матери. Ты говорил, что она будет знать, как связаться с тобой.

Ты все так же веришь, Дэвид, любовь моя, что в новой Кении найдется место для нас с тобой? Я молюсь о том, чтобы ты оказался прав».

Услышав на веранде шаги, Мона подняла глаза и увидела Грейс, на которой был накрахмаленный белый халат, на шее висел стетоскоп.

— Пришла спросить, не слышно ли чего-нибудь о том грузе, который я жду. Есть новости?

— Нет, пока ничего не известно, тетя.

Грейс нахмурилась. Ей очень нужна была новая партия вакцины против полиомиелита из Америки, и она молилась, чтобы груз не оказался разграблен Мау Мау.

— С удовольствием выпила бы чайку, — сказала Грейс. — Ты как?

Мона не переставала восхищаться неисчерпаемой энергией своей тетушки. В свои шестьдесят пять лет Грейс продолжала управлять огромной миссией с энтузиазмом и деловой хваткой молодой женщины.

Мона отложила ручку и последовала за тетей в кухню, где Марио нарезал окорок для холодного ужина. На закате он покинет дом, и двери за ним запрут на все засовы.

— Слава богу, что чайные плантации не пострадали от Мау Мау, — сказала Грейс, отмеряя нужное количество чая «Графиня Тривертон» и засыпая его в заварочный чайник. — Британцы тут же сдались бы, если бы им угрожала опасность остаться без чая!

Слуга с широкой улыбкой поглядел через плечо.

Мона улыбнулась ему в ответ и покачала головой. Именно благодаря редкостному бесстрашию Грейс перед лицом такой огромной опасности ее миссия продолжала работу, в то время как другие были заброшены. Мау Мау еще дважды атаковали ее миссию, но она по-прежнему не сдавалась. Несмотря на то что рядом теперь располагались войсковые части, а в новостях ежедневно сообщалось об изуродованных телах африканцев, покалеченной скотине, кошках, насажанных на штакетник, несмотря на непрекращающийся гул аэропланов, летающих над лесом и передающих призывы к террористам выйти и сдаться, Грейс каким-то чудом удавалось сохранять спокойствие и оптимизм.

— Даже нет смысла включать радио, — сказала Мона, накрывая стол для чая. Они собирались сесть на теплом солнышке, у окна, обрамленного цветами. — Они все еще ищут того, кто организует обряд клятвы в этом районе. Как раз сейчас власти занялись этим вплотную; они говорят, что, как только этот злодей будет обнаружен, станет намного безопаснее.

Грейс стояла у плиты, ожидая, когда закипит чайник. Она внимательно смотрела на племянницу. На Моне были ее обычные штаны и мужская рубашка, слишком большая для нее.

— Не хочу показаться неделикатной, Мона, — сказала она, — но мне кажется, ты сильно поправилась. Неужели все дело в стряпне Марио?

— Да, я поправилась, — ответила Мона, не оборачиваясь. — Но Марио здесь абсолютно ни при чем. Я беременна.

Грейс потрясенно смотрела на племянницу сквозь очки в железной оправе. Она растерянно моргнула и переспросила:

— Что?

Марио, который знал Мону еще маленькой девочкой, тоже обернулся.

Мона продолжала накрывать на стол, раскладывая бумажные салфетки рядом с тарелками.

— Я жду ребенка, тетя Грейс. Это ребенок Дэвида Матенге.

Марио уронил нож. Он звонко ударился о пол, нарушив мирную тишину послеобеденного часа.

— Мона! — прошептала Грейс. — О чем ты только думала?

— Я была влюблена, тетя. И я по-прежнему очень люблю Дэвида, и он меня любит.

— Но… он же пропал!

— Да. Он сказал мне, что должен уйти, и я его отпустила.

— Ты знаешь, где он теперь?

Мона молчала. В ее горле появился комок, на глазах выступили слезы. Она не могла заставить себя признаться в том, что Дэвид стал одним из тех.

Грейс некоторое время молча смотрела на племянницу, затем многозначительно взглянула на Марио. Тот, все поняв, выскользнул из кухни. Женщины сели за стол друг напротив друга.

— Бедная моя девочка, — сказала тетя. — Что ты собираешься делать?

— Что делать? Рожу ребенка.

— А что потом? Как ты будешь жить?

— Так же, как жила все эти тридцать четыре года. Как все живут, день за днем. Буду ждать, когда Дэвид вернется ко мне.

— Так, значит, ты все же знаешь, где он?

— Да, знаю.

Грейс посмотрела в глаза своей племяннице и прочитала там ответ, который предпочла бы не знать.

— А что станет с ребенком? Какую жизнь ты ему уготовила?

— Ребенок будет жить в любви, тетя Грейс. Он был зачат в любви и вырастет тоже в любви.

— А если Дэвид никогда не вернется?

— Он вернется… — Голос Моны осекся. — А если нет, я воспитаю своего ребенка сама и научу его гордиться своим отцом и двумя расами, которые в нем смешались.

Грейс смотрела на свои руки. За окном распевали птицы. Именно поэтому ее первый дом, который сгорел на этом месте много лет назад, назывался «Дом поющих птиц». Она вспоминала ту ночь, когда полыхала в огне хижина знахарки, а изнутри детские голоса звали на помощь.

— Мона, — медленно произнесла она. — Ты должна понимать, что, если даже Дэвид и вернется к тебе, это будет уже не тот Дэвид. Он изменится.

— Я в это не верю.

— Если он присоединился к Мау Мау, это означает, что он принял клятву и ему нельзя больше доверять.

— Только не Дэвид.

— Ты знаешь, каким могуществом обладает клятва, Мона! Она превращает разумных, мыслящих людей в монстров. Это подобно помешательству рассудка. Кикую свято верят в то, что клятва имеет над ними непреодолимую власть. А Дэвид — кикую, Мона!

— Он не такой.

— В самом деле? А слышала ли ты о заключенных в лагерях? Африканцы, которые когда-то были верными союзниками, а потом предали своих белых друзей, теперь проходят серьезную реабилитационную программу. Правительство направляет в лагеря настоящих колдунов, которые проводят обряды снятия клятвы Мау Мау! Мона, да неужели ты не видишь? Дэвид один из них! И он присоединился к ним добровольно, никто силком его не тащил. Даже когда человек с пеной у рта доказывает свою лояльность правительству, ему все равно нельзя доверять, и в особенности тому человеку, который по собственной воле присоединился к Мау Мау.

Мона резко поднялась.

— Дэвид никогда не причинит мне вреда. Я в этом уверена.

— Мона, послушай…

— Тетя Грейс, мне нужна ваша помощь в одном деле. Я хочу попросить вас об одной услуге.

Грейс сжала губы.

— Я тебя слушаю.

— Я писала Дэвиду письма. Я хочу, чтобы он их получил.

— Что ж, ты ведь знаешь, где он.

— Я не знаю, где именно он находится, и я не знаю, как передать ему письма. Он сказал мне, чтобы я шла к его матери, если мне понадобится связаться с ним, — она будет знать, что делать.

— Да, — печально ответила Грейс. Впервые с начала войны она по-настоящему осознала всю ее преступность и постыдность. — Существует подпольная сеть. Сообщения оставляют в дуплах деревьев.

— Мама Вачера знает, как передать Дэвиду мои письма.

— А что ты хочешь от меня?

— Она не говорит по-английски, а я знаю лишь несколько слов на языке кикую. Не могла бы ты сходить со мной и объяснить ей суть дела?

Грейс подняла глаза.

— В хижину Вачеры?

Мона кивнула.

— Я не разговаривала с этой женщиной уже много лет. С того самого дня, когда… когда я пыталась спасти Нджери.

— Прошу тебя, — прошептала Мона.

Поле для игры в поло было заброшено с того самого дня, когда Роуз покончила с собой. Мона часто говорила о том, что надо бы снова привести его в порядок или разбить здесь большой сад, но руки у нее так и не дошли до этого. Теперь поле все сплошь заросло сорняками, ограда проржавела. В последнее время Грейс подумывала о том, что неплохо было бы присоединить поле к своей миссии и сделать из него игровую площадку для трех сотен африканских учеников, обучавшихся в ее школе.

Вдоль поросшего травой берега вела протоптанная тропинка. По ней и направились Мона и Грейс, выйдя из железной арки ворот миссии. Двое британских солдат предложили женщинам сопровождать их, но они заверили, что от Мамы Вачеры им ничто не угрожает.

Африканцы по обе враждующие стороны уважали легендарную знахарку и не трогали ее.

По мере того как они приближались к горстке скромных хижин, Грейс охватили воспоминания. Перед ней возник тот дождливый день в 1919 году, когда они приехали сюда в повозке, запряженной волами. На руках у Роуз была малютка Мона. Вспомнила, как впервые пожала руку Джеймсу; и тот день, когда Валентин велел спилить большую смоковницу. Вспомнила ту ночь, когда случился пожар, и последующие дни, когда она поправлялась в хижине Вачеры. Обходя шамбу, принадлежащую знахарке, где ждали дождей посадки бобов и маиса, Грейс почувствовала, что ее современная миссия, оснащенная электричеством и новейшим медицинским оборудованием, медленно исчезает за ее спиной и она вступает совсем в другую эпоху — в ту, давнишнюю Кению, какой она была до появления здесь белых поселенцев.

Мама Вачера сидела на солнышке, ощипывая листья с какого-то растения, в котором Грейс признала лекарственное. Нашептывая магические приговоры, знахарка готовила свое лекарство и разливала жидкость по сосудам, обозначенным магическими символами. На Вачере был ее обычный наряд: шею украшали бусы, медные обручи, массивные серьги оттягивали ушные мочки чуть не до плеч. Ее выбритая голова ярко сияла на солнце, на запястьях позвякивали ритуальные амулеты и священные талисманы.

Она подняла глаза на мемсааб. У той были серебряные волосы, на ней был белый халат, а на шее висело странное украшение из резины и металла. В последний раз они разговаривали много урожаев назад.

В присутствии старой африканки Мона оробела. Она слышала о Вачере так много историй; эта хижина стояла здесь, сколько она себя помнила. И было еще смутное, похожее на сон воспоминание: огонь, а потом дождь и, наконец, постель из козьих шкур и ласковые руки, снимающие жар с ее горячего тела. Мона знала, что когда-то Мама Вачера спасла ей жизнь.

Грейс обратилась к матери Дэвида с исключительной любезностью и почтением, на языке кикую, который она совершенствовала в течение многих лет. Мама Вачера была не менее вежлива и скромна, но Грейс отметила, что она не предложила им калабаш с пивом.

— Эти письма, леди Вачера, — сказала Грейс, протягивая пачку писем, перетянутую бечевкой, — адресованы вашему сыну, Дэвиду. Не могли бы вы передать их ему?

Мама Вачера пристально смотрела на нее.

Они ждали. Воздух был наполнен жужжанием насекомых, одинокое облачко на какое-то мгновение закрыло солнце. Знахарка хранила молчание.

— Прошу вас. — Мона сказала это по-английски и затем попыталась объяснить на языке кикую, как важно будет для Дэвида получить эти письма.

Взгляд Вачеры опустился на ее талию, потом она снова подняла глаза на ее лицо. В глазах ее читалось презрение, будто старая африканка насквозь видела то, что скрывалось под широкой рубашкой Моны.

— Леди Вачера, — проговорила Грейс. — Ваш сын будет счастлив прочитать эти письма. Мы не знаем, где он. Мы знаем только, что он отправился в леса. Но, когда он уходил, он сказал моей племяннице, что с ним можно будет связаться через вас, что вы обязательно поможете.

Мама Вачера подняла глаза на женщину, которая когда-то давным-давно построила странную хижину, состоящую лишь из четырех столбов и тростниковой крыши, и которая теперь владела множеством каменных домов с вымощенными дорожками между ними, по которым туда-сюда ездили машины. Она сказала:

— Я не знаю, где мой сын.

И все же Грейс положила пачку на землю у ног знахарки, произнесла: «Мвайга», что означало «Пусть все будет хорошо, живите в мире», и пошла прочь.

На обратном пути Грейс сказала Моне:

— Не волнуйся. Она знает, где Дэвид. И она выполнит его волю. Она передаст ему твои письма.

51

Саймон Мвачаро работал в лагере надзирателем. Он в то же время ненавидел Ваньиру Матенге и страстно желал ее. Снова и снова, в любое время дня и ночи, он вызывал ее к себе, отрывая от еды и ото сна, устраивал ей допросы, пытался сломить ее волю.

— Кто твой непосредственный начальник в Мау Мау? — спрашивал он ее в сотый раз. — Кто ваши информаторы? От кого ты получаешь приказы? Кто такой Леопард? Где его лагерь?

Допросы проходили без всякого расписания в кабинете Мвачаро, который на самом деле представлял собой наспех сооруженный из листов жести закуток и в котором были только стол, стул и радиотелефон. Он всегда допрашивал Ваньиру в присутствии белого офицера и четырех аскари, и эти допросы продолжались часами, в течение которых Мвачаро заставлял ее стоять на каменном полу и в беспощадный зной, когда хижина превращалась в раскаленную печь, и в те дни, когда холодные дожди наполняли кабинет пронизывающим холодом. Ваньиру либо дрожала в ознобе, либо обливалась потом, она чуть не падала с ног от слабости и истощения, но неизменно хранила молчание. С того самого дня, как она попала в лагерь усиленного режима Камити, она не произнесла ни слова.

В конце концов после одного или двух часов допроса Саймон Мвачаро, так ничего и не узнав, отправлял ее обратно в барак.

Но он был настроен весьма решительно. Мау Мау присвоили Ваньиру Матенге звание фельдмаршала; власти считали ее одной из самых активных террористок, и в лагере ей выдали черную карточку — это означало, что она является одной из самых опасных заключенных. Мвачаро знал, что, если ему удастся вырвать из нее информацию, он непременно заработает похвалу от начальства, а может, даже повышение в должности.

Поэтому вот уже в течение пяти месяцев он упорно допрашивал Ваньиру. И не сомневался в том, что в один прекрасный день она сломается.

— Смотри внимательнее, Ханна! — учила Ваньиру свою четырехлетнюю дочь. — Запоминай все, что я делаю, потому что

однажды ты станешь знахаркой, как твоя бабушка.

Больше всего на свете Ханна любила слушать истории про Маму Вачеру, мать своего отца, — даже больше, чем сказки про гору Кения. Лучше бы мама рассказала ей еще одну историю, вместо того чтобы показывать, как извлекать противного клеща из пальца ноги какой-то женщины.

— Ну, вот и все, — сообщила Ваньиру пожилой женщине из племени эмбу, которая сидела в пыли, прислонившись спиной к стене барака. — Хорошенько промой ногу, мама, и в следующий раз смотри, куда наступаешь.

Тщательно вымыв иглу, одну из самых ценных своих вещей, она приколола ее к воротнику и повернулась к следующей пациентке.

Три тысячи заключенных женщин лагеря Камити занимали лишь четверть тюремной территории, составляющей 11 000 акров. От мужской зоны их отделял высокий забор, опутанный колючей проволокой, со сторожевыми башнями. Заключенные Камити считались опасными политзаключенными, поэтому в лагере был установлен усиленный режим; условия содержания были одинаково тяжелыми как для мужчин, так и для женщин и детей, пища была отвратительного качества, камеры переполнены, а медицинские работники так редко навещали нуждающихся, что пользы от их визитов не было практически никакой. Вот почему Ваньиру благодаря полученному ею медицинскому образованию стала чуть ли не единственным спасением для корпуса «Г».

Осмотрев руки следующей женщины, покрытые гноящимися ранами — последствием пыток, Ваньиру ласково сказала:

— Старайся, чтобы на раны не попадала грязь. Солнце Матери Африки вылечит их.

Знахарка приходила в отчаяние от своей беспомощности. Без лекарств, без перевязочных материалов, без полноценного питания у нее просто не было возможности помочь этим страдающим, отверженным женщинам. И тем не менее она старалась сделать все возможное, опираясь на свои знания в области медицины, полученные ею у британских медицинских сестер, которые обучили ее современной медицине и гигиене, и сочетая их с традиционным целительством, переданным ей Мамой Вачерой. Иногда женщинам становилось легче уже только от того, что Ваньиру Матенге просто

осмотрела их болячки или выслушала жалобы. Все соглашались с тем, что с Ваньиру им очень повезло.

Осмотрев последнюю пациентку, Ваньиру поднялась и взяла дочь за руку. Пора идти за водой.

Она отправилась к колодцу, привязав к спине Кристофера. Ему было уже два года, и он становился все тяжелее. Ваньиру могла бы оставить детей в бараке на попечении своих соседок, как делали большинство женщин в лагере, но она никогда, с самого рождения, не упускала их из виду ни на минуту. Не собиралась она с ними расставаться и сейчас.

Серое небо низко нависало над головой. Ваньиру с трудом шла к колодцу под взглядами белых и африканских часовых на башне, над которой развевался британский флаг. Она шла мимо больших групп женщин, сидящих, или лежащих в пыли, или жмущихся к стенам бараков, чтобы спастись от холода. Многие из них были слишком легко одеты для такой погоды. Она в который уже раз задавалась вопросом: какое же преступление совершили эти несчастные существа? Да из всех трех тысяч женщин, заключенных в этом лагере, дай бог, чтобы хоть с полсотни набралось таких, как она сама: тех, кто действительно имел отношение к Мау Мау. Так что же такого натворили все остальные, чем заслужили такое наказание?

«Просто у них нет мужей, — думала она. — Они никому не нужны. Они считаются ни на что не годными. В этом и состоит все их преступление».

Вода была грязной и солоноватой на вкус, и все же это было лучше, чем ничего, поэтому Ваньиру постоянно твердила женщинам в своем корпусе о необходимости содержать себя и своих детей в чистоте. Самым страшным врагом заключенных лагеря Камити были именно болезни, и Ваньиру без устали вела просветительскую деятельность, обучая женщин бороться с этими болезнями.

Наполнив водой свой калабаш, она остановилась на несколько мгновений. Взгляд ее был направлен сквозь колючую проволоку, огромными кольцами опутывающую забор. Лагерь находился в пустынном месте. Ваньиру смотрела вдаль, туда, где на горы отвесной стеной падал проливной дождь. В завываниях ветра ей снова слышались слова приговора: «Обвинение: террористическая

деятельность против государства. Приговор: решением губернатора, пожизненное заключение в колонии строгого режима».

Пожизненное…

Неужели они и в самом деле собирались сделать это с ней? Держать ее и ее детей за колючей проволокой до конца жизни? Ваньиру было всего тридцать шесть; впереди ее ожидала еще долгая жизнь.

Она спиной ощущала тельце Кристофера, теплое и тяжелое, и крошечную ручку Ханны в своей руке, и внезапно ее охватили паника и отчаяние. Какие преступления совершили эти невинные малыши? Или их преступление заключается в том, что они родились с правом на свободу?

К ней подошла надзирательница — высокая женщина из племени вакамба. С поводка у нее рвались две злобные собаки. Она приказала Ваньиру отправляться назад, в свой барак. Ваньиру вспомнила о Дэвиде. Где он теперь? Что сделала с ним эта война?

— Давным-давно, — негромко рассказывала Ваньиру под шелест дождя, — в хижине на берегу реки проживала очень мудрая знахарка. Она жила со своей бабушкой и сыном, и они были очень счастливы, потому что река давала им воду и орошала их посевы маиса, проса и бобов. Однажды там появился очень странный мужчина. Знахарка никогда не видела никого, похожего на него. Кожа у него была, как у бледно-зеленой лягушки, и говорил он на языке, незнакомом Детям Мамби. Потому что он был такой странный, знахарка назвала его Мзунгу.

Соседки Ваньиру по камере, сбившись в кучку, чтобы хоть как-то согреться, внимательно слушали ее рассказ. Они никогда раньше не слышали эту историю.

— Мзунгу сказал знахарке, что ему понравилось это место у реки и что он хотел бы здесь жить. Она ответила, что он вполне может здесь остаться, ведь и пищи, и воды, и солнца хватит на всех. Так что он отправился и построил себе дом у реки. Знахарка с бабушкой и сыном продолжали жить-поживать. Они были очень счастливы и любили друг друга. И они вовсе не возражали против соседства с Мзунгу. Но однажды Мзунгу обуяла жадность.

Кристофер нетерпеливо заерзал на коленях матери. Она уже рассказывала эту историю раньше; лучше бы она рассказала другую историю, о том, откуда у дикого индюка пятна. Ханна, свернувшись клубочком под боком у матери, сладко спала, засунув в рот кулачок.

В камере, рассчитанной на десять заключенных, находились двадцать женщин, многие с маленькими детьми, были даже грудные младенцы. Одни сидели вдоль холодных, сырых стен, другие лежали на полу, и все слушали рассказ Ваньиру. Неважно, что ее истории не были похожи на традиционные, более привычные им сказки — хотя именно они были самыми лучшими. Самое главное, что они давали им возможность хоть на какое-то время отвлечься, забыть, как сильно они устали после целого дня работы: одни — в поле, где выращивали пропитание для узников, другие — на строительстве новых дорог, где они таскали камни, третьи хоронили многочисленных мертвых. Все были голодны, но Ваньиру помогала им забыть о том, насколько скуден их ужин, состоящий из кое-как приготовленной маисовой каши без соли и сахара.

— И Мзунгу сказал знахарке, что теперь ему нужно больше земли, что ему уже мало того, что он имеет. И она ему ответила: «Возьми то, что тебе нужно; земли хватит на всех». И Мзунгу взял себе еще земли и сделал свою шамбу еще больше.

Дождь бил по жестяной рифленой крыше, стучался в единственное окно камеры. Хотя был еще день, в бараке стояли сумерки, но ни о каком освещении речь не шла. Заняться женщинам было нечем, им оставалось только спать, чтобы утром проснуться навстречу еще одному дню, полному тяжкого труда и тревожных мыслей о судьбе своих мужей, о том, когда их выпустят на свободу и за что они оказались в тюрьме.

Все знали, что это было как-то связано с Мау Мау. Но многие, очень многие задавались вопросом: неужели власти в самом деле думают, что все эти женщины — борцы за свободу? И старая, беззубая Мама Маргарет, и хромоножка Мамби? Сегодня днем по корпусу «Г» опять ходили колдуны, которые в рамках «программы реабилитации» проводили обряд принятия «антиклятвы». Для многих это был абсолютно бесполезный обряд, потому что они никогда не принимали клятву.

— И снова пришел Мзунгу к хижине знахарки и сообщил ей, что ему нужно еще больше земли. И она сказала: «Бери то, что тебе нужно. Земли хватит на всех». Мзунгу приходил снова и снова, пока его шамба не оказалась совсем близко. На самом деле, теперь их шамбы граничили друг с другом! И когда он снова сказал: «Мне нужно больше земли», она ответила: «Бери то, что тебе нужно. Земли хватит на всех». Но Мзунгу хотел теперь и ту землю, на которой росла священная смоковница, и тогда знахарка любезно ему ответила: «Нет, мой друг. Ты не можешь взять эту землю, потому что, как ты видишь, она принадлежит Нгаю, богу света».

Слушатели загудели, одобряя ответ знахарки. Но когда она рассказала, что Мзунгу все равно спилил дерево, все ахнули.

— И тогда знахарка наложила таху на Мзунгу, и его детей, и детей его детей и сказала, что все они будут прокляты до тех пор, пока священная земля не будет возвращена Детям Мамби.

Женщины захлопали, дружно выражая свое одобрение рассказанной истории. Затем они стали готовиться к долгому, голодному сну, пытаясь устроиться поудобнее на одном-единственном одеяле, которое выдали каждой из них. Некоторые пытались покормить детей высохшей грудью, в которой не было молока, другие плакали, вспоминая о доме, из которого их так безжалостно выгнали. Для большинства из них это случилось во время внезапной облавы на деревню, когда женщин разлучали с мужьями и увозили в грузовиках, и они глядели из кузова на то, как солдаты грабят их добро.

— Мама Ваньиру! — раздался вдруг встревоженный голос со стороны дверного проема камеры, в котором не было двери. — Пойдем со мной, быстрее! Мама Нджоки очень больна!

Ваньиру последовала за позвавшей ее женщиной в соседнюю камеру, где Нджоки сидела, прислонившись к стене. В скудном свете, просачивающемся снаружи через единственное окошко, Ваньиру разглядела, что язык женщины распух и был ярко-красного цвета, тело сплошь покрыто страшными язвами, кожа местами, казалось, отставала от мяса.

— Как ты себя чувствуешь, Мама? — ласково спросила Ваньиру. — Рвота была?

Женщина кивнула.

— А понос?

Снова кивок.

— Жжение в горле?

Ваньиру смотрела, как руки женщины судорожно хватают воздух в непроизвольном, рефлекторном движении. Она знала, что вскоре за этим последует бредовое состояние, а потом и смерть.

— Есть другие больные? — спросила Ваньиру у той женщины, которая позвала ее.

Да, были и другие, но Маме Нджоки хуже всех.

— Мне нужно поговорить с Саймоном Мвачаро, — сказала Ваньиру надзирательнице, сторожившей барак. — Это очень срочно!

В кабинете у Мвачаро был его белый коллега, британец Дуайер. Они играли в карты под шум дождя, грохотавшего по жестяной крыше. Оба с удивлением уставились на вымокшую до нитки Ваньиру. Мвачаро обрадовался, решив, что она пришла дать показания, которых он так долго от нее добивался, но вспыхнувшая было надежда быстро угасла, когда он услышал:

— В корпусе «Г» вспышка пеллагры.

— С чего ты это взяла?

— Я видела больных. Некоторые из них в очень тяжелом состоянии. Они умрут, если вы не улучшите качество пищи. Мы не можем питаться одним маисом!

— Что ты такое несешь? — оборвал ее Дуайер. — Да вы только его и едите всю жизнь.

— Нам нужны зеленые бобы! В маисе совсем нет витамина В.

Его брови поползли вверх.

— Тебе-то откуда все это известно?

Она бросила на белого офицера презрительный взгляд.

— Я училась в Найроби на медицинскую сестру. Я понимаю, как состояние здоровья зависит от питания. И я еще раз повторяю, что та пища, которой кормят заключенных, нездоровая!

На Дуайера это произвело неизгладимое впечатление. Ему еще никогда не приходилось встречать образованную африканку.

— А с чего это мы должны вас кормить? Чтобы вы накопили силы, вернулись в леса и снова воевали против нас?

— И что же ты мне предлагаешь, — процедил Мвачаро, подходя к ней вплотную, — банкет, что ли, для вас устраивать каждый вечер?

— Просто дайте нам самим выращивать бобы. Или позовите доктори, чтобы они раздавали витамины. Если мы сейчас не остановим эпидемию, пеллагра быстро распространится по всему лагерю.

Мвачаро ухмыльнулся, и Ваньиру внезапно похолодела.

— Да? А что мне за это будет? — спросил он.

— Поймите, нам необходимо лучше питаться, — тихо, но упрямо повторила она.

Надзиратель положил руку ей на грудь и сильно сжал. Ваньиру зажмурилась.

— Вот когда ты наконец сообщишь информацию, которая мне нужна, — прошипел он, — расскажешь о секретном подполье Мау Мау и о Леопарде, вот тогда я прослежу, чтобы ты получила свои витамины.

Мама Нджоки умерла на следующий день. В тот же день умерли еще две женщины и три ребенка. Ваньиру забрали с каменоломни, где она была занята тяжким трудом, с утра до ночи разбивая камни, и перевели в похоронную бригаду. Вечером она прошла по всем камерам корпуса «Г» и увидела, что пеллагра распространяется дальше.

Она начала с того, что организовала протест в своей камере, откуда восстание распространилось по всему корпусу.

— Матери Кении! — кричала она. — Они убивают нас, лишая полноценного питания! Нам нужно объединиться и оказать им сопротивление! Мы не можем позволить им убивать нас таким вероломным способом! Мы должны объединиться, все без исключения, невзирая на племенную принадлежность! Все мы, кикую, луо или вакамба, обязаны помнить о том, что являемся кенийскими матерями и боремся за будущее своих детей!

В качестве наказания за свои подстрекательские призывы Ваньиру вместе с Мамой Нгиной, женой Кеньяты, заставили выносить экскременты заключенных.

Но это не остановило Ваньиру, и она продолжала вести агитационную работу среди заключенных лагеря, пытаясь поднять их на бунт, и в конце концов Ваньиру на три недели бросили в одиночную камеру, разлучив с детьми. Но даже оттуда она продолжила свои попытки организовать всеобщую голодовку. Зная, что ее надзиратели были не из племени кикую, она по ночам пела песни на своем языке, и

голос ее звенел над всем корпусом, призывая заключенных отказаться от убогой баланды, которую им давали на завтрак, положить на землю свои мотыги и отказаться носить камни до тех пор, пока их требования не будут выполнены и качество пищи не улучшится.

Когда через три недели ее вывели наконец из темной одиночки, она зажмурилась от солнечного света, ударившего ей в глаза, но, к своей радости, обнаружила, что ее план сработал; женщины услышали ее призывы и сделали так, как она их учила. Результатом голодовки стало то, что женщинам позволили возделывать бобы, и еженедельно в лагере давали витамины.

Но для маленькой Ханны эти изменения наступили слишком поздно.

— Мы сделали все что могли, — сказали Ваньиру ее соседки по камере. — Но она больше не может есть.

Ваньиру баюкала на руках свою умирающую дочку, напевая колыбельную песню кикую, а Кристофер сидел рядом и молча смотрел своими большими, серьезными глазами. Среди ночи Ханна тихонько шевельнулась в ее руках, прошептала: «Мама» и умерла.

На следующее утро Ваньиру сама выкопала могилу — одну из множества могил для жертв пеллагры, и вернула тело своей дочери земле Матери Африки.

Допрос продолжался уже много часов; Ваньиру с трудом держалась на ногах, а Саймон Мвачаро без устали задавал ей одни и те же вопросы: «Кто отдавал тебе приказы? Где находился ваш лесной лагерь? Кто такой Леопард?»

Это оказалось слишком даже для офицера Дуайера, который в конце концов встал и ушел.

— Дайте мне поспать, — сказала Ваньиру. — Прошу вас…

— Сначала сообщи мне то, что я хочу знать. Расскажи о Мау Мау, и я сделаю для тебя все, что только пожелаешь. Обещаю.

У Ваньиру закружилась голова. Она не ела уже более суток, и Саймон Мвачаро в течение многих часов не позволял ей присесть даже на минуту.

— Глупая женщина, — прошипел он, — неужели не понимаешь, что своим упрямством ты подписываешь себе смертный приговор?

Если тебе плевать на себя, то подумай хотя бы о сыне, что станет с ним?

Но она ни на минуту не забывала о Кристофере, который остался в камере под присмотром ее соседок. «Если ему придется умереть за ухуру значит, так тому и быть, — думала Ванджиру. — Я не предам дело, за которое борюсь, ради спасения собственной жизни или даже жизни моего сына».

— Отвечай, — твердил Мвачаро, — или я силой вытрясу из тебя информацию.

Он подошел к двери и запер ее. Когда Ваньиру увидела, что он сделал четверым аскари какой-то знак, ее внезапно охватила паника.

— Ты уже давно на это напрашиваешься, — цедил он сквозь зубы, расстегивая ремень на штанах. — Все эти твои витамины, голодовки, то, как ты задираешь нос. Я тебе покажу, кто ты такая на самом деле. Я покажу тебе, чего ты заслуживаешь. Можешь сколько угодно кричать; если кто и услышит твои крики, тут тебе никто не поможет.

Охранники швырнули Ваньиру на пол. Двое из них держали ее руки, двое других раздвинули ноги.

Расстегивая ширинку, Саймон Мвачаро сказал:

— Когда я закончу, тобой займутся эти аскари.

Ваньиру с ужасом уставилась в потолок. Расширенными глазами смотрела она на ребристую поверхность серой жестяной крыши, но перед ее глазами в этот момент был волнистый пейзаж ее родных мест в Найэри: зеленые холмы и долины, сладкий запах сосновых лесов, стремительные ручьи и водопады, обилие птиц и цветов, пение детей в деревне, женщины, работающие на шамбах и весело перекликающиеся друг с другом в солнечном свете, и ее муж, которого она когда-то любила всей душой…

Ваньиру запрокинула голову и закричала что было сил:

— Дэвид!

52

Мона просидела у окна уже более двух часов, когда ее долгое ожидание было наконец вознаграждено.

— Дядя Джеймс! — воскликнула она, вскочив на ноги.

Она выбежала ему навстречу, на веранду дома тети Грейс, держа на руках своего трехмесячного ребенка. Джеймс вышел из машины, и по выражению его лица она сразу поняла, что поездка в Найроби не принесла никаких результатов.

— Мне очень жаль, Мона, — сказал он. Поднимаясь по ступенькам крыльца, он слегка прихрамывал. Джеймсу уже стукнуло шестьдесят шесть, и старое ранение в ногу, полученное им еще в Первую мировую, все чаще давало о себе знать. — Я везде его искал. Среди задержанных Дэвид Матенге не числится.

— Значит, он по-прежнему скрывается в лесах!

— Или же мертв. — Джеймс сочувственно сжал ее руку повыше локтя. — Ты должна принять и такую вероятность, Мона. Многие, очень многие были убиты.

Джеймс Дональд имел в виду операцию «Молот», которая была проведена три месяца назад, в апреле. Тогда британцы организовали широкомасштабную кампанию против Мау Мау, в результате которой были арестованы и брошены за решетку тридцать пять тысяч африканцев. За весь год, прошедший после исчезновения Дэвида, он ни разу не дал о себе знать, не получила Мона ответа и ни на одно из своих писем, которые продолжала относить Маме Вачере. Она решила, что он, должно быть, находится в одном из лагерей заключения и поэтому не может послать о себе весточку.

Видя ее отчаяние, Джеймс предложил использовать свое влияние и навести справки. Только четверо на всем белом свете — он сам, Джеффри, Грейс и домашний слуга Марио — знали о том, что Дэвид присоединился к Мау Мау и что именно он был отцом девочки, которую Мона держала теперь на руках.

Вся колония возбужденно гудела, обсуждая незаконного ребенка Моны Тривертон. От кого мог быть этот ребенок? Она производила впечатление такой славной, приличной женщины, судачили жители колонии, но, с другой стороны, вспомните, как плохо кончила ее мать.

Большинство придерживались версии, что отцом ребенка является Джеффри Дональд. Ведь он же вечно торчит в Белладу.

Мону эти пересуды волновали мало. На голове у ребенка почти еще не было волос, кожа была светлого цвета. Девочка выглядела как все младенцы. Но Мона знала, что придет время и во внешности ее дочери начнут появляться африканские черты, и тогда, без всякого сомнения, вокруг начнут судачить с новой силой. Ей только оставалось надеяться, что к тому времени все проблемы в Кении закончатся и ее дочери не придется носить на себе клеймо расового и социального отчуждения.

«Для нас должно наступить такое будущее, — говорил Дэвид Моне в ту июньскую ночь, год назад, когда они любили друг друга и клялись в вечной верности, — в котором мы сможем идти рядом, бок о бок, как законные муж и жена».

«Наступит ли для нас это будущее? — грустно размышляла Мона, направляясь вслед за Джеймсом на кухню, где Марио готовил для них обед. — Будущее, в котором мы с Дэвидом сможем пожениться и при этом не будем чувствовать себя отверженными, в котором мы сможем путешествовать в одном вагоне, вместе приходить в ресторан и ужинать за одним столом?»

Когда поздней ночью она лежала в постели, а рядом с ней мирно посапывал ее ребенок, она страстно мечтала о Дэвиде. В такие минуты ей верилось, что такое будущее не только возможно, но и очень близко. Однако при свете дня, когда ей приходилось опоясываться кобурой с револьвером и когда она слышала о все новых убийствах, все новых зверствах, учиняемых обеими враждующими сторонами, видение их прекрасного будущего увядало, как чайная роза вянет под слишком жаркими лучами солнца. В Кении белые всегда ездили первым классом, а черные — третьим, и никогда не оказывались они вместе за одним столом. Ее фантазии были абсурдны, с таким же успехом она могла бы мечтать о том, чтобы достать луну с неба.

— Джамбо, бвана, — поздоровался Марио, наливая чай Джеймсу. — Хабари гани?

— Мзури сана, Марио. Как ты?

— Плохие времена настали, бвана. Очень плохие.

Да, времена хуже некуда, мысленно соглашался Джеймс, но день за днем ситуация несколько выправляется. За три месяца после

операции «Молот» активность Мау Мау определенно снизилась. Конечно, далеко не все из тридцати пяти тысяч схваченных были Мау Мау, тем не менее в широкую сеть, расставленную британцами, не могла не попасться и крупная рыба. Теперь им лишь оставалось обнаружить наконец того мерзавца, который проводил в их округе обряд клятвы, и затем схватить главарей Мау Мау — например, Делана Кимати, или того, кого называют Леопардом. Тогда восстание стихнет, угаснет, как спичка на ветру, — в этом Джеймс был абсолютно уверен.

А что потом?

Джеймс задумчиво помешивал ложечкой сахар. За окном пчелы жужжали вокруг бархатцев и анютиных глазок, посаженных Грейс, миссия жила своей обычной жизнью, за исключением британских военных, которые патрулировали по периметру с оружием наизготовку.

Джеймс Дональд ни на минуту не сомневался в том, что Мау Мау навсегда изменили Кению. Он знал, что, как только закончится эта гражданская война, в стране неизбежны значительные перемены. Уже сейчас произошло то, что ни одному белому поселенцу раньше и не приснилось бы: в правительстве появился первый чернокожий министр.

«Но если африканцы хотят добиться самоуправления, — размышлял Джеймс, — тогда кого они выберут своим лидером?»

— Ты не видела Джеффри? — спросил он.

— Он заходил сюда, — ответила Мона, давая Мамби бутылочку с молоком. — Они с Тимом Хопкинсом вместе с военными снова пытаются найти «клятводателя». Планируют очередную внезапную облаву.

Джеймс намазывал маслом кусочек хлеба. Он не знал, что произошло между Моной и его сыном, только видел, что этот конфликт был достаточно серьезным, чтобы между ними образовалась непреодолимая пропасть. Джеймсу казалось, что эти двое не разговаривают друг с другом уже около года. Когда бы Джеффри с Ильзой и пятью детьми ни приехали в гости, Мона всегда находила предлог, чтобы покинуть комнату. Он подозревал, что это имело какое-то отношение к Дэвиду Матенге.

— Марио, — сказал Джеймс. — Похоже, я съел весь джем. У нас случайно нет…

К его удивлению, слуги в комнате уже не оказалось.

Густой туман сползал вниз с горы Кения, забивался в ноздри. Он окутывал стволы деревьев, заглатывал траву и кусты, повисал на каждом листке, каждом лепестке тяжелыми каплями влаги. К полуночи лес, казалось, превратился в загадочное царство, наполненное клубами дыма и неясными, ускользающими тенями, в какой-то потусторонний мир, в котором согласно преданиям кикую обитали их предки.

Сквозь туман шли двое мужчин; капли влаги, как драгоценные камни, блестели на их волосах, покрывавшие их лохмотья насквозь промокли. Они пришли издалека, с купающихся в облаках, поросших вереском вершин Абердерских гор, оттуда, где исполинские бамбуковые рощи и гибельные трясины скрывали их секретный партизанский лагерь. Они шли настороже, все их чувства после столь долгого времени, проведенного в лесу, обострились до предела. Их слух был подобен слуху леопарда, обоняние острое, как у антилопы, и шли они неслышно, будто ступали мягкими лапами. Они шли молча, излучая смертельную угрозу. Вокруг них тоже была опасность, и они это знали. Опасность исходила не только от диких зверей, населяющих лес, но и от британских солдат, которые, следуя новой тактике борьбы с повстанцами, начали теперь проникать в горные чащобы.

Эти двое были из отряда Мау Мау, отчаянные головы. И они были на задании.

Внезапно оба резко остановились и прислушались. Невдалеке был лагерь: они отчетливо слышали, как потрескивают в костре стволы бамбука. Тот, кто был старшим в этой маленькой группе, крадучись, продвигался вперед, держа винтовку наготове: большой палец на предохранителе, указательный на спусковом крючке. Если вдруг солдаты их заметят, он тут же откроет стрельбу.

Однако томми ни о чем не подозревали, мирно ужинали консервами и пытались согреться под брезентовыми накидками. Они выглядели бледными, несчастными и абсолютно не к месту в этих молчаливых джунглях, окутанных туманом и ползучими лианами.

Двое бойцов Мау Мау продолжали свой путь. У них было слишком важное задание, чтобы отвлекаться на убийство кучки жалких томми.

Они получили приказ с самого верха, от Дедана Кимати, верховного главнокомандующего Мау Мау. По сведениям, полученным от тайной разведки, в доме мемсааб доктори, Грейс Тривертон, находился белый младенец. Камити хотел получить этого ребенка, и непременно живым.

Операция «Молот» нанесла мощный удар по Мау Мау, отрезав большинство путей снабжения, так что теперь борцы за свободу оказались практически изолированы от внешнего мира. Они голодали, болели, одевались в жалкие лохмотья. Поэтому Кимати решил провести самую широкомасштабную на сегодняшний день операцию по вербовке новых бойцов. В этот момент его люди совершали набеги на дома кикую, вытаскивали оттуда жителей и заставляли принять клятву. Только таким образом он мог увеличить численность своей армии. Но теперь им приходилось иметь дело с самыми упорными лоялистами, теми, кто уже два года сопротивлялись Мау Мау. Кимати знал, что для них нужна особенно могущественная и смертельная клятва. Для этого обряда уже недостаточно будет использовать собаку или девственницу. Им нужен ребенок белой мемсааб. Как только кикую заставят съесть плоть, на которую наложено самое строжайшее табу, ни один из них уже не сможет ослушаться приказов Кимати.

Наконец эти двое — старший по имени Леопард и его спутник, тот, кто должен будет провести обряд клятвы, — вышли из леса. Перед ними предстал мир, купающийся в лунном свете. Опрятные маленькие шамбы, будто заплатки, покрывали поросшие травой холмы, тянущиеся вдоль реки; столбики дыма поднимались вверх от конусообразных крыш; вся большая территории миссии Грейс, похожая на маленький городок, спала за крепко запертыми окнами и дверьми. Мау Мау видели солдат, кругами патрулирующих миссию. Один из лесных людей, тот, кто проводил обряд клятвы, указал своему спутнику на большой дом, со всех сторон окруженный садом. В этом доме жила мемсааб доктори. Ребенок там, в комнате, перед окном которой растет огромный платан. И окно в эту комнату не заперто.

Вступив на тропинку, ведущую вниз, к реке, Леопард на мгновение замер. Перед ним расстилался заброшенный прямоугольник поля для игры в поло, который в свете луны выглядел зловещим и призрачным. С южного края притулились три маленькие хижины кикую. Леопард посмотрел на противоположный край поля, где

возвышался величественный двухэтажный особняк, словно драгоценный камень на темно-зеленом, почти черном, бархате. Окна этого дома были также темны. Он подумал о той женщине, что жила в этом доме и спала сейчас где-то в его темноте; вспомнил постель, в которой спал и он. На какое-то мгновение его охватила глубокая печаль.

Но это все — и спокойная река, и три маленькие хижины, и дом на холме — осталось в прошлом, ушло навсегда…

Мона беспокойно ворочалась во сне. Ей снились тревожные сны, она много раз просыпалась от того, что сердце бешено стучало.

Проснувшись на этот раз, она широко раскрыла глаза и уставилась в темный потолок, прислушиваясь к тишине. В соседней комнате спали тетя Грейс и дядя Джеймс. Тим Хопкинс постелил себе в большой кладовой при кухне. В эти тревожные дни белые поселенцы, которые еще не покинули Кению, пытались держаться как можно ближе друг к другу.

Мона напряженно прислушивалась. Сердце ее колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Действительно ли она услышала какой-то звук, или ей почудилось?

Но ведь дом надежно заперт; Джеймс и Марио об этом позаботились. А вокруг полно солдат.

Она подняла голову от подушки и вгляделась в силуэт колыбельки, стоящей в ногах ее кровати. Ее дочка, радость всей ее жизни, мирно спала невинным младенческим сном.

В этот момент лунный свет, льющийся в комнату из окна, перегородила какая-то тень. У Моны перехватило дыхание, она резко села в постели, затем, схватив пистолет, вскочила с кровати и включила свет.

И закричала.

Перед ней стояли двое Мау Мау. Один был с бородой и длинными волосами, у другого было очень знакомое и родное лицо. Моне казалось, что они заполнили собой все пространство маленькой спальни. Она подняла пистолет, готовая выстрелить. И тут ее глаза встретились с глазами бородатого.

— Дэвид? — прошептала она.

Он уставился на нее. На его лице появилось растерянное выражение.

Она перевела взгляд на второго. Это был Марио! Вернее, лицо, такое знакомое, без сомнения принадлежало Марио, но глаза! Абсолютно дикие, бешеные глаза буквально сковали ее ужасом. Внезапно Мона поняла: они пришли за ее ребенком.

— Нет, — зашептала она. — Дэвид, не делай этого! Это наш ребенок! Это твоя дочь!

Он заглянул в колыбель. У него было лицо человека, который вдруг очнулся от глубокого сна. Казалось, он потерял ориентацию, не понимал, кто он и как здесь оказался.

— Дэвид! — закричала она. — Ты не получал моих писем!

В этот момент Марио стремительно бросился к колыбели и выхватил оттуда Мамби.

— Нет! — закричала Мона. Она выстрелила. Пуля попала в стену.

Марио поднял пангу чтобы бросить ее в Мону. Дэвид перехватил его руку, но Марио отбросил его назад, и Дэвид, тяжело ударившись о стену, сполз вниз, оглушенный.

Дверь распахнулась, и в спальню ворвался Джеймс с дубинкой в руках. Он метнул ее в Марио, но панга настигла его быстрее. Схватившись за шею, Джеймс рухнул на колени.

Мона бросилась к Марио и попыталась вырвать из его рук ребенка. Он вывернул ее руку, выхватил пистолет и выстрелил, но промахнулся.

В этот момент Дэвид снова вскочил и начал бороться с Марио. Тот ослабил свою хватку и выронил девочку, которая упала на пол прямо среди ног борющихся мужчин.

Мона, стоя на четвереньках, пыталась дотянуться до дочери.

Выстрелил пистолет в руках Марио. Дэвида отбросило назад, он схватился за грудь.

Мона кинулась к нему. Дэвид упал ей на руки.

Раздался еще один выстрел. На пороге стояла Грейс Тривертон, обеими руками держа пистолет. Она снова выстрелила, и Марио замертво рухнул на пол.

Доктор Натан тихонько закрыл дверь в спальню Грейс и сказал:

— Теперь она уснет. Я дал ей успокоительное.

— Да, — только и смог ответить Джеффри. Он будто онемел от горя. Когда ему позвонили, он на бешеной скорости помчался сюда из Килима Симба, но опоздал буквально на несколько минут. Его отец скончался от ранения, нанесенного ему пангой.

Тим Хопкинс появился на месте разыгравшейся трагедии уже после того, как раздался последний смертельный выстрел. Он только сейчас очнулся от ступора и растерянно оглядел кухню, заполненную людьми. Там было много военных, которые с пристрастием допрашивали полусонных кикую. Выяснилось, что Марио и был тем, кто проводил обряд принятия клятвы в округе. Но какое отношение к Мау Мау имел Дэвид Матенге, никто, похоже, не знал.

— Кстати, — вспомнил Тим. — А где Мона?

— Не знаю и знать не хочу. — Джеффри по-настоящему сейчас ненавидел ее. Ведь это все из-за нее случилось. Он был рад, что ее черномазый любовник мертв, как и их ребенок-полукровка. Джеффри не сомневался в том, что она понесла заслуженное наказание.

— Прошу прощения, сэр, — сказал один из солдат. — Если вы имеете в виду леди Мону, то она некоторое время назад вышла из дома и направилась вон туда, по этой тропинке.

Тим выглянул в открытую дверь. Томми показывал в сторону Белладу.

— И ты дал ей уйти? Идиот!

Он выбежал из дома и помчался по деревянной лестнице, ведущей вверх по поросшему травой склону.

Наверху он немного задержался и осмотрелся. Стояла ясная ночь, на небе сияли полная луна и яркие звезды. В лунном свете были отчетливо видны бесчисленные ряды пожухших, гибнущих кофейных деревьев с неубранным урожаем, уходящие вдаль, к серебристой горе Кения, окутанной туманами. Он повернулся к дому Моны. Света в доме не было, но задняя дверь была открыта.

Войдя в дом, он прислушался. Со второго этажа доносились какие-то звуки. Тим пробежал сквозь темные комнаты, перепрыгивая через две ступеньки, помчался на второй этаж. Оказавшись в мрачном коридоре, в котором пахло сыростью и плесенью, он увидел, что из-под двери одной из комнат пробивается тоненькая полоска света.

Распахнув дверь, Тим обнаружил Мону в пыльной комнате с паутиной в углах, куда, похоже, уже много лет никто не входил. В

центре возвышалась огромная старинная кровать с балдахином, покрывало с оборками пожелтело от времени. Мона стояла на коленях перед трюмо, сплошь заставленным бутылочками с давно высохшими духами, и лихорадочно рылась в одном из выдвижных ящиков.

— Мона, — просил он, — что ты делаешь?

В одной дрожащей руке она держала фонарик, а другой, как одержимая, перебирала кружева, шелк и атлас.

Присев рядом с ней на корточки, Тим тихо повторил:

— Мона, что ты делаешь?

— Никак не могу найти… — ответила она.

— Чего ты не можешь найти?

— Я… я не знаю. — Она выбрасывала из ящика пеньюары, изящные ночные рубашки розового цвета, невесомое, как паутинка, белье. — Но оно должно быть здесь.

Он осмотрелся. Мона, похоже, уже успела перерыть все ящики, на полу повсюду валялись вещи: одежда, бумаги, фотографии. Он похолодел, сообразив, что это спальня леди Роуз, которую заперли много лет назад. И тут же вспомнил ночь, когда убили графа, и как он в отчаянии несся на велосипеде.

— Мона, — ласково произнес он. — А что именно ты здесь ищешь?

— Я не знаю. Но это должно быть здесь. Это было здесь когда-то… — Она заплакала.

Тим обнял ее и попытался утешить. Мона повернулась и уткнулась ему в грудь. Он поднял ее на ноги и крепко сжал, а она рыдала, кричала, выплескивая наружу свое горе и отчаяние.

— Как мне больно! О боже, Тим, как больно!

Тим не знал, что и сказать. Но он прекрасно понимал, что она сейчас чувствует, потому что и сам чувствовал то же самое тогда, много лет назад, когда, придя в себя, узнал, что Артура больше нет, что он умер, спасая его жизнь.

— Тим! Тим! — рыдала она, уткнувшись ему в шею. — Обними меня! Пожалуйста, обними меня! Не оставляй меня одну!

Он еще крепче обнял ее. Она прижалась к нему. На его глазах выступили слезы, это были слезы сочувствия, слезы, вызванные собственными воспоминаниями.

— Я чувствую такую боль, — шептала она. — Я не могу это вынести.

Она прижалась губами к его рту. Он позволил ей поцеловать себя.

— Не оставляй меня, — молила она, — я этого не вынесу.

Он плакал вместе с ней, с новой силой переживая ту давнюю боль, горюя о пустых, лишенных любви годах, прошедших после смерти Артура. Она обмякла в его руках, будто у нее больше не было сил стоять на ногах, и он подвел ее к пыльной кровати, которая в 1919 году проделала такой долгий путь из Белла Хилл.

Он уложил ее и продолжал обнимать, пытаясь хоть как-нибудь утешить. Она плакала в его объятиях. Она льнула к нему, целовала его лицо. Мона говорила слова, которые он не хотел слышать. Она шептала:

— Как мне больно, Тим. Сделай хоть что-нибудь, умоляю, чтобы эта боль прошла. Я не могу ее больше выносить…

И Тим Хопкинс, который никогда не любил женщину, утешил ее своими неумелыми, вымученными ласками. Направляемый ее руками, он пытался понять, что именно она хочет от него, и беспрестанно думал о ее брате — единственном человеке, которого он когда-либо любил.

Часть седьмая
1963

53

Дебора завороженно наблюдала за тем, как солнечные блики плясали на поверхности воды. «Будто россыпь янтаря и бриллиантов», — думала она.

Она сидела на коленях на берегу реки — босоногая маленькая девочка, окутанная столбом золотистого солнечного света. Ее черные волосы выбились из хвостика и разметались по плечам и спине. Она не шевелилась, казалось, будто она выросла из глинистой почвы, как бамбук, папоротник и прибрежные травы, которые ее окружали. Белое ситцевое платьице делало ее похожей на беленький цветочек, сияющий нежным светом в утреннем солнце; густая листва вокруг нее переливалась мириадами оттенков зеленого, отбрасывая нежные блики на ее загорелые руки и ноги. Она казалась частью окружающей ее природы, будто лесная нимфа присела отдохнуть у реки.

Дебора сидела неподвижно, потому что внимательно наблюдала за парой выдр, резвящихся в заводи среди речных валунов. Их коричневые с красным отливом тельца блестели на солнце; маленькие круглые головки с короткими ушками и пушистыми бакенбардами то появлялись над водой, то снова исчезали. Казалось, что играющие зверьки осознают присутствие маленькой девочки; сама Дебора была уверена, что они исполняют свой номер специально для нее.

Пригревшись на солнышке, восьмилетняя девочка погрузилась в блаженную полудрему. Будто загипнотизированная, глядела она большими черными глазами на рябь, пробегающую по водной глади, на желтые, коричневые и серые камушки, усеявшие дно реки, — будто какая-то нерадивая птица обронила свои яйца или драгоценности рассыпались из сундука с сокровищами какого-нибудь короля. Она погрузила руку в воду. Вода была ледяная. Дебора знала, что река брала свое начало на горных вершинах, в том месте, которое, как объяснила ей гувернантка, называлось Абердеры. Эта вода проделала долгий путь вниз с окутанных туманами, поросших вереском пиков, через леса, такие непроходимые, что туда еще не ступала нога человека, по затерянным потокам и водопадам, чтобы, наконец, плескаться в берегах этой реки, которая называлась Чания.

Дебора любила реку.

Над головой раздались какие-то звуки, которые вывели ее из мечтательного состояния. Приставив ладонь ко лбу, она посмотрела наверх и увидела семейство обезьян коло-бус, пробирающихся среди ветвей каштана. Дебора, смеясь, поприветствовала их. Со своими длинными белыми мантиями и пушистыми хвостами, они казались прекрасными украшениями на фоне покрытых лишайником стволов.

Дебора откинулась назад и смотрела теперь сквозь ветви деревьев в бездонную голубизну неба. Ни единого облачка, ни намека на дождь, который так ждала ее мать.

Закрыв глаза, она полной грудью вдохнула пьянящие ароматы речного берега: влажной земли, травы, деревьев, цветов, кристально-чистого воздуха, который спускался сюда с Абердерских гор. Она будто чувствовала пульс под своими ладонями, слышала дыхание ветра. Африка была живой.

Дебора резко открыла глаза.

В нескольких метрах от нее стоял мальчик и смотрел на нее.

Дебора вскочила на ноги и сказала:

— Привет. Ты кто?

Он не ответил.

Она внимательно рассматривала его. Никогда раньше она его не видела. Интересно, откуда он здесь появился?

— Ты говоришь по-английски? — спросила девочка.

Он молчал, настороженно глядя на нее. Деборе показалось, что он готов в любую минуту повернуться и убежать. Тогда она обратилась к нему на суахили:

— Ты говоришь по-английски?

Он отрицательно покачал головой.

— Суахили?

Он медленно кивнул.

— Здорово! Я тоже говорю на суахили! Как тебя зовут?

Он ответил не сразу, а когда заговорил, голос у него оказался мягкий, застенчивый:

— Кристофер Матенге.

— А я Дебора Тривертон, живу в большом доме, вон там.

Она показала в сторону поросшего травой склона. Кристофер повернулся и поднял голову. Дом отсюда не было видно.

— Откуда ты? — спросила Дебора.

— Из Найроби.

— Ух ты, Найроби! Я никогда там не была! Наверное, это такой большой и замечательный город! Как я тебе завидую! — Она вытащила из кармана конфетку и протянула ему. — Хочешь?

Мальчик неуверенно смотрел на нее. «Какой же он серьезный», — подумала Дебора.

Когда он наконец взял одну конфету, она посоветовала:

— Возьми две, они ужасно вкусные!

Они вместе принялись за конфеты, и, когда с ними было покончено, на лице Кристофера наконец появилась улыбка.

— Вот так-то лучше! — сказала Дебора. — Ты ведь здесь недавно, да? А где ты живешь?

Он показал на глинобитные хижины, сгрудившиеся на краю заброшенного поля.

— Ух ты! — сказала Дебора, чувствуя приятное волнение. — Так ты живешь со знахаркой! Это, наверное, ужасно интересно!

— Она моя бабушка.

— А у меня нет бабушки. Но зато есть тетя. Это ей принадлежит миссия, вон там. А папа у тебя есть?

Он покачал головой.

— У меня тоже нет. Мой отец умер еще до того, как я родилась. Мы с мамой живем совсем одни.

Они стояли и смотрели друг на друга, блики солнечного света падали на них сквозь листву. Неожиданно Деборе показалось очень важным, что у этого мальчика, как и у нее, не было отца. Она ощущала в нем какую-то грусть. Он был старше ее — на вид ему было лет одиннадцать-двенадцать, — но между ними было что-то общее, что-то очень значимое.

— Ты бы хотел стать моим лучшим другом? — спросила она его.

Он нахмурился, не совсем понимая, что она хочет сказать.

— Или у тебя уже есть лучший друг?

Кристофер вспомнил о тех мальчиках, которых он знал в Найроби и с которыми он вообще-то едва был знаком. Его мать слишком часто переезжала с места на место, и после освобождения из лагеря они уже много раз меняли место жительства, поэтому Кристофер и его младшая сестра Сара просто не имели возможности завести постоянных друзей.

— Нет, — тихо ответил он.

— У тебя вообще есть друзья?

Он опустил глаза и поковырял землю босыми пальцами.

— Нет.

— И у меня нет! Значит, мы должны стать лучшими друзьями! Ты бы этого хотел?

Он кивнул.

— Вот и замечательно! Я покажу тебе мое секретное место. Ты не боишься привидений?

Он подозрительно глянул на нее.

— Говорят, что в этом месте водятся привидения. Но я так не думаю! Пойдем со мной, Кристофер.

Они шли вдоль реки. Дебора без умолку болтала.

— Вообще-то все думают, что я сейчас сижу за уроками, но просто миссис Уадделл прилегла отдохнуть. Это моя гувернантка, и она мне не очень-то нравится. Раньше я ходила в школу для белых в Найэри, но ее закрыли, потому что столько белых уезжают сейчас из Кении и осталось слишком мало учеников, вот школу и закрыли. Как ты думаешь, почему так получается? Почему все белые уезжают из Кении?

Кристофер не был уверен, но знал, что это как-то связано с человеком по имени Джомо Кеньята. Мама ему много рассказывала про Джомо, который просидел в тюрьме так же долго, как и она сама, и которого освободили одновременно с ними, два года назад. Кристофер слышал, что белые боятся Джомо. Они думают, что теперь он начнет им мстить за то, что они столько лет продержали его в тюрьме.

— Вообще-то у меня есть один друг, — рассказывала Дебора, когда они обходили поле для игры в поло. Она размахивала руками и пинала босыми ногами камушки. — Его зовут Терри Дональд, и он раньше тоже ходил в школу для белых мальчиков в Найэри; но его школу тоже закрыли. У него есть еще два брата и две сестры, но они все учатся в школе в Найроби. А Терри еще маленький, и ему еще рано учиться в этой школе. Ему всего десять. К нему приходит учитель. Терри теперь живет в городе. У его отца раньше было огромное ранчо, но они его продали в прошлом году, и его купили африканцы. Представляешь? Терри приезжает ко мне в гости поиграть. Он хочет стать охотником, когда вырастет, у него уже есть собственное оружие!

Они задержались около оживленного входа в миссию Грейс. Асфальтированная дорога проходила под высокими арочными воротами из кованого железа, затем расширялась и превращалась в целую улицу, окаймленную деревьями. В конце улицы был знак «Стоп» и стояла будка полицейского. Среди старых каштанов возвышались большие каменные здания; повсюду кипела активная деятельность. Со стороны одного из школьных зданий доносилось звонкое детское пение.

— Это самая большая христианская миссия в Кении, — с гордостью рассказывала Дебора. — Моя тетя Грейс построила ее много лет назад. Она врач, представляешь? Когда я вырасту, то тоже стану врачом. Я буду такой же, как она.

Кристофер изо всех сил пытался не глазеть на эту странную, такую разговорчивую белую девочку, но любопытство пересиливало. А еще он ей завидовал. Она казалось такой уверенной в себе и в окружающем ее мире, и она знала, кем хочет стать. Кристоферу такая уверенность была незнакома. Жизнь в лагере была лишена какой бы то ни было уверенности в завтрашнем дне; поэтому он вырос с чувством постоянной опасности и нестабильности. Люди, которых он знал и к которым привязывался, неожиданно исчезали на следующий день. А еще у него была другая сестра, которая умерла на руках его матери. Когда их наконец освободили из лагеря, Кристоферу было девять, а Саре шесть, и для них наступили долгие дни скитаний. Они не знали, что такое дом, бесконечно переезжали с места на место, постоянно находясь под пристальным вниманием полиции. Их мать выполняла поденную работу, чтобы добыть несколько шиллингов в день, которых едва хватало на скудное пропитание и жалкую одежду.

Но теперь их жизнь станет гораздо лучше, заверяла Кристофера мать. Ей удалось получить постоянную работу в Найроби, в больнице, где она будет теперь работать как айя, санитарка, хотя у нее была официальная квалификация медицинской сестры. Поэтому-то его и Сару отправили жить сюда, к матери их отца. Их мать делила квартиру с двумя другими сестрами и не могла взять к себе детей. Но скоро все изменится, пообещала она им. Теперь, когда Джомо Кеньята стал премьер-министром Кении, африканцы получат равные права с белыми, мать Кристофера будут называть «медсестра» и она будет получать такую же зарплату, как ее белые коллеги.

Дети обошли вокруг территории миссии и вышли к шаткой деревянной лестнице. Когда они вскарабкались по ней вверх по склону, перед Кристофером возник большой дом.

— Дом называется Белладу, — объяснила Дебора. — Он ужасно огромный и безлюдный. Моей мамы почти никогда нет дома. Она работает в поле. Говорит, что пытается спасти ферму.

Маленький чернокожий мальчик уставился в восхищении на дом, похожий на те красивые дома, которые он видел в Найроби. Да эта белая девочка настоящая богачка, решил он. Его детские глаза не замечали облупившуюся краску, сломанные ставни, умирающие цветники, высохшие фонтаны. Белладу, увядающий и печальный, являл собой лишь призрак своей былой славы, но Кристоферу Матенге казался настоящим дворцом.

Странная девочка повела его по узкой лесной тропинке, петляющей среди деревьев и густого подлеска. Тропинка, по которой уже давно не ходили, почти заросла травой. Неожиданно перед ними возникла поляна, окруженная со всех сторон эвкалиптами. В центре возвышалось какое-то полуразрушенное строение без стен, а на дальнем конце виднелось маленькое каменное здание со стеклянной крышей. Но самое примечательное строение было прямо напротив. Оно напомнило Кристоферу церкви, которые он видел в Найроби.

— Здесь есть старый сторож, — понизив голос, сообщила Дебора, — но он глухой. Хочешь посмотреть, что там внутри?

Они медленно приблизились к каменному фасаду, на котором были вырезаны письмена, и поднялись по ступеням. Кристофер почему-то ожидал, что внутри окажутся люди, поэтому был несколько удивлен, обнаружив, что там пусто, за исключением большого каменного блока, высившегося в самом центре. Было очень странно видеть горящий рядом с ним огонь.

— Посмотри сюда, — прошептала Дебора. Она взяла Кристофера за руку и подвела к стене. В тусклом свете перед ними висел огромный гобелен в деревянной раме.

Кристофер замер от восхищения. Он никогда раньше такого не видел. Это было похоже на картину, но это не была картина. Деревья, трава и небо выглядели как настоящие. Золотые глаза леопарда, светящиеся сквозь гигантские листья папоротника, вызывали дрожь. А еще там была гора Кения!

Внимание же Деборы было полностью сосредоточено на одной-единственной детали, расположенной сбоку гобелена. Казалось, она существовала как бы отдельно от общей картины, будто мастер решил добавить ее уже после того, как завершил работу.

Это была фигура мужчины. Он стоял, окутанный горным туманом, полускрытый переплетениями лиан и ползучих лишайников. Темными печальными глазами он глядел на них из своего гобеленового мира и казался Деборе очень красивым. «Наверное, это принц из сказки», — думала она. У него была смуглая кожа, но не такая, как у африканцев. Она не знала, кто он такой, что он делает в плену этого сплетения нитей.

Взглянув на стоящего рядом мальчика, она увидела, что тот находится под большим впечатлением. Сам факт, что он не испугался таинственного места, обрадовал ее.

— Ты очень смелый, — прошептала она. — Ты, наверное, воин!

Кристофер посмотрел на нее. Немного выпятив грудь вперед, подтвердил:

— Ага.

Они вышли из мавзолея, этого загадочного места со зловещим, хранящим какую-то тайну каменным блоком в центре и странными, размытыми пятнами ржавчины на полу, и направились к строению со стеклянной крышей. Там царило полное запустение, стекла были разбиты, внутри одни сухие растения. Дебора и Кристофер не стали заходить внутрь, остановились на пороге, но и оттуда было видно что-то странное, напоминающее какое-то ложе, все изодранное, заросшее сорной травой и лианами.

— Что будем дальше делать? — спросила Дебора, когда они вновь вышли на залитую солнцем дорожку. — Есть хочешь?

Сколько Кристофер себя помнил, он всегда хотел есть. Поэтому, когда Дебора предложила ему отправиться в большой дом, рот его наполнился слюной, и он вдруг еще больше обрадовался тому, что решил пойти посмотреть на белую девочку на берегу реки.

На кухне они обнаружили еще теплые булочки с патокой и кувшин холодного молока. Они накинулись на еду. Когда они поели, Дебора предложила:

— Хочешь посмотреть мое самое любимое место? Это страшно тайное место. Никто о нем не знает, даже Терри Дональд!

— Ага, — ответил Кристофер. Очень приятно было чувствовать себя сытым, и ему все больше и больше нравились эти приключения с белой девочкой. Он ощущал вокруг себя этот огромный дом и дивился тому, что кто-то живет в таком доме, где на кухне всегда сколько хочешь еды.

Так что Дебора вновь взяла Кристофера Матенге за руку и повела его через столовую, которой давно уже не пользовались, затем через гостиную и вверх по лестнице на второй этаж, где комнаты всегда стояли запертые.

Мона отряхнула пыль со штанов, сняла соломенную шляпу, повесила на крючок, прибитый к обратной стороне кухонной двери. Соломона на кухне не было, а ведь он должен был бы находиться здесь и заниматься приготовлением обеда. К слову сказать, не считая подноса с теплыми булочками с патокой, не было никаких признаков того, что слуга сегодня утром вообще выполнял свои обязанности по дому. Впрочем, Мону это не удивляло. Еще с июня, когда Джомо Кеньята стал членом кабинета министров, старый Соломон все меньше внимания уделял выполнению своих обязанностей.

Но Мона знала, что так ведет себя не только Соломон. Редкое заболевание поразило все без исключение чернокожее население Кении; это была эпидемия заносчивости и жадности.

Просматривая утреннюю почту, сплошь состоящую из извещений от кредиторов и из банка, а также из предложений купить Белладу, Мона размышляла о том, в какой печальной ситуации оказалась колония.

Несмотря на то что с Мау Мау было покончено еще в 1956 году и террористические действия прекратились, для британцев это была скорее пиррова победа. Может, Мау Мау и проиграли ту войну, но теперь, когда Кения находилась на перепутье перед неминуемым переходом к независимости, Моне казалось, что на самом-то деле победа досталась именно Мау Мау. В 1957 году африканцы впервые приняли участие в голосовании, в результате чего их кандидаты получили много мест в парламенте. После этого началось систематическое давление на Великобританию, призывы к переходу на самоуправление. Правительство Ее Величества предложило план постепенной передачи власти африканцам. Согласно этому плану

переход к окончательной независимости должен был состояться лет через двадцать. Однако последовавшие за этим события вынудили Уайтхолл кардинально пересмотреть свое решение, что вызвало шок и разочарование среди белых поселенцев, которым казалось, что их предали и продали.

Кровавая гражданская война, разразившаяся в Бельгийском Конго в 1960 году, изгнала из страны белых поселенцев, которые спасались бегством на поездах и автомобилях. Многие из них направились в Кению, сея панику среди поселенцев, всерьез опасавшихся, что восстание может распространиться по всей Африке. Именно тогда, три года назад, начался печальный исход из страны белых кенийцев.

Затем из заключения неожиданно освободили Джомо Кеньяту, а ведь Лондон в свое время клятвенно обещал, что этого никогда не случится. Самое же ужасное было то, что в Кении вновь начались столкновения и в воздухе опять витал дух Мау Мау. Правительство Ее Величества с сожалением проинформировало поселенцев о том, что вторичной отправки войск Британских военных сил не будет и что самым разумным в этой ситуации является отказ от колониальных притязаний на Кению.

Как только этот «дьявол», как его называли, «лидер, ведущий страну к смерти и мраку», вышел на свободу, он стал невероятно популярной фигурой, символом ухуру. Африканцы тут же выбрали Джомо Кеньяту главой КАНС, новой влиятельной африканской политической партии. Вскоре после этого он провозгласил, что расовой дискриминации в Кении скоро придет конец и что школы, отели и рестораны будут открыты для всех. После такого заявления исход белых из страны усилился.

Дальнейшие всплески террористической активности, наполнявшие сердца ужасом (настолько живы были еще страшные воспоминания о Мау Мау), и растущее давление со стороны африканской делегации, принявшей участие в конференции Ланкастерской палаты, стали последней каплей, вынудившей правительство Ее Величества полностью пересмотреть свою политику, направленную на создание многорасовой конституции в Кении. Вместо этого была введена система голосования «один человек — один голос», что позволило африканцам автоматически получить большинство. В результате на последних выборах Джомо Кеньята

возглавил коалиционное правительство, став первым премьер-министром в истории Кении.

При такой власти большая часть белого населения просто не мыслила своего существования.

— Прошу прощения, миссис Тривертон.

Мона подняла глаза. В кухню вошла гувернантка, миссис Уадделл. Ее круглое лицо горело, она вся запыхалась, будто преодолела огромное расстояние.

— Она снова сбежала, — пожаловалась женщина, имея в виду неуловимую, свободолюбивую Дебору.

Мона отложила почту и поднялась, чтобы приготовить чаю. Вот как обстоят дела в этой самой новой Кении: слуги хотят получать больше, а работать меньше, и могут преспокойно исчезать вот так, посреди белого дня, если им вздумается. А хозяевам приходилось самим готовить себе чай. Тот факт, что Джомо Кеньята занял кресло премьер-министра, весьма странным образом повлиял на характер Соломона и ему подобных: Соломон больше не хотел подчиняться приказам Моны и часто пренебрегал своими обязанностями, руководствуясь лишь собственными желаниями. «Через два месяца мы станем равными, мемсааб, — заявил он ей однажды, одетый в свою длинную белую канзу и красную фуфайку. — С этих пор вы должны покупать мне брюки». Без сомнения, этим утром он отправился в Найэри пить пиво. Вот как обстоят сегодня дела в Кении.

— У реки искали? — спросила Мона у гувернантки.

— Да, миссис Тривертон. Вашей дочери нигде нет.

Мона нахмурилась, насыпая чай в заварочный чайник. До начала этого года ей не приходилось особо заниматься Деборой: девочка почти все время жила в школе. Но сейчас, когда над белыми школами нависла угроза расовой интеграции, поселенцы забирали оттуда своих детей и опустевшие школы закрывались. Теперь Дебору пришлось перевести на домашнее обучение.

А Мона совсем не хотела, чтобы ее дочь жила вместе с ней дома.

— У вас есть какие-нибудь предположения, миссис Тривертон, где она может находиться?

Обращение «миссис» было выбором самой гувернантки. Мона догадывалась, что, называя ее так, миссис Уадделл пыталась повысить свой статус, придать своей работе некую видимость

респектабельности. Несомненно, она знала о том, что Мона не была замужем и ее что ребенок был незаконнорожденным. Ни для кого в колонии это не было секретом.

Мона почти ничего не помнила о той ночи, когда убили Дэвида. Позже ей сказали, что с ней случилось временное помешательство и что Тим обнаружил ее здесь, когда она в полубезумном состоянии искала что-то среди вещей своей матери. Мона не помнила, как они с Тимом занимались любовью; он об этом никогда с ней не заговаривал и ни разу не дал понять, что хотел бы повторить это снова. Когда три месяца спустя Мона обнаружила, что беременна, она была ошеломлена.

Тима новость тоже расстроила. Из чистого благородства он сделал ей невнятное предложение, которое, к его бесконечному облегчению, Мона отвергла, объяснив свой отказ тем, что они не любили друг друга; кроме того, оба они не были созданы для брака, поэтому такая идея была никому не нужной и бесполезной. В течение последующих шести месяцев она с полным безразличием вынашивала ребенка, а когда родилась девочка, назвала ее в честь героини из книги, как когда-то ее собственная мать назвала ее Моной. С того самого момента, как тетя Грейс дала ей в руки дочь, Мона не чувствовала к ней никакой любви.

— И как же я удивилась! — сказала миссис Уадделл.

Мона взглянула на нее. Все это время гувернантка ей что-то рассказывала, но Мона ее не слушала. Она нисколько не сомневалась, что это был всего лишь очередной поток жалоб. Миссис Уадделл, похоже, считала себя обязанной подробно информировать Мону обо всех «неприятностях», произошедших с ней в последнее время.

— И вот мы, — продолжала она свой рассказ, — Глэдис Ормсби и я, застряли в машине прямо посреди дороги, колесо проколото, ни туда ни сюда, а мимо катит грузовик, переполненный африканцами. И, вместо того чтобы помочь нам, как это было раньше, они орут: «Прочь с дороги, белые ведьмы!»

Мона поставила чайник на стол, отыскала жестяную коробку с остатками печенья и присела рядом с гувернанткой.

— Вы только представьте себе, — продолжала миссис Уадделл, наливая себе чай, — они собираются расширять здание Законодательного собрания, и это обойдется им более чем в четверть

миллионов фунтов. Этого потребовали африканские члены Собрания. Что ж, действительно, горячий африканский воздух занимает много места!

Мона задумчиво глядела в окно на освещенные солнцем, покрытые пылью цветы, пожухшие газоны, буйные заросли сорняков. Ей едва удавалось удержать достаточное количество рабочих рук для работы на кофейных плантациях; она больше не могла позволить себе приличного садовника.

— Вы слышали, что Том Вестфолл продал ферму? Одному из этих кикую, ни больше ни меньше! Теперь его хозяйству придет конец.

Мона прекрасно знала, что имеет в виду миссис Уадделл. Передача власти и имущества происходила стремительно, европейцы спешно покидали свои земли, а африканцы тут же хватали ее, и такой резкий переход губительно сказывался на состоянии дел на фермах.

Три месяца назад Джомо заявил, что в целях предотвращения второго пришествия Мау Мау, идеи которого вновь начали витать в воздухе, тридцати тысячам африканцев необходимо передать землю белых поселенцев еще до объявления независимости. После этого заявления две сотни белых семей со всей долины Рифт передали в руки африканцев свои фермы, которые они выстроили собственными руками много лет назад, и получили от британского правительства денежную компенсацию. Надо ли говорить, что африканцы набежали на их фермы, как саранча.

— Говорят, это просто катастрофа, — продолжала миссис Уадделл. — По каминным полкам у них разгуливают куры, в спальнях — козы! Естественно, ни о каком ремонте и речи нет. На прошлой неделе я проезжала мимо дома Колье — кошмар! Розы бедной Труди все вытоптаны, огород заброшен. Окна разбиты, двери висят на одной петле. А посреди гостиной они устроили очаг! Если бы ей довелось это увидеть, у нее сердце бы разорвалось. Но Труди-то теперь в Родезии, и слава богу, что она отсюда выбралась. Вот скажите мне, миссис Тривертон, если уже сейчас все так плохо, что же будет при независимости?

Мона понятия не имела, как будут обстоять дела дальше, но именно это больше всего тревожило тех белых, которые все еще оставались в Кении. С каждым днем африканцы, некогда послушные и исполнительные, становились все более дерзкими и нахальными. Она

слышала истории о том, как белых сталкивали с тротуаров и оскорбляли, как их скот воровали и увозили прямо среди бела дня. Внезапное умопомрачение поразило весь африканский народ, будто независимость опьянила их и лишила рассудка. «Теперь это наша страна, — говорили они. — А вы, белые, можете выметаться отсюда, потому что мы больше не собираемся вас терпеть».

Неужели это и было то прекрасное будущее, которое Дэвид рисовал для себя и для Моны?

— В декабре, — продолжала тем временем гувернантка, — британская полиция передаст полномочия африканцам. К кому тогда мы будем обращаться за помощью?

Именно поэтому Эллис Хопкинс продала свое огромное ранчо в Рифте — то ранчо, которое она спасла, когда ей было всего шестнадцать, и перебралась в Австралию. Она предвидела, что впереди их ждут плохие времена, что африканцы, движимые жаждой мщения и более не сдерживаемые твердой рукой британского закона, направят весь свой гнев против белых. А теперь и Тони собирался переехать к сестре и помогать ей на ее новой овечьей ферме. «Продавай ферму, Мона, — говорил он ей. — Ты здесь долго не протянешь. Белладу уже давно не приносит дохода. Оставь ее черномазым, пусть сами с ней мучаются. Переезжай к нам с Эллис в Танзанию».

Но Мона не собиралась ничего продавать. Даже если она будет последней белой, оставшейся в Кении, она не продаст свою ферму.

— Ну что ж, миссис Тривертон, — продолжала гувернантка, допивая чай и думая о том, что неплохо было бы получить к чаю еще и сандвичей. — Сейчас, думаю, самое время сообщить вам и мои собственные новости. Мы с мистером Уадделлом решили перебраться в Южную Африку, к дочери. Вы знаете, мы уже более тридцати лет живем в Кении. Наши дети здесь родились. Мы превратили некогда дикие земли в райские кущи, возделывали землю там, где до того были бесплодные камни, вкладывали свои деньги и свои умения в эту колонию. Но теперь мы им больше не нужны. Мы продали свою ферму африканцам, а я хочу убраться отсюда раньше, чем увижу, что они с ней сделают.

Мону эта новость не удивила. За последние несколько месяцев миссис Уадделл была уже третьей гувернанткой, которую она

нанимала для Деборы. Кения тонула, как корабль, и команда бежала с него.

— Когда вы уезжаете?

— Через две недели. Просто хотела заранее вас предупредить ради вашей дочери.

Однако ее работодательница больше ничего не сказала, и между ними воцарилось гробовое молчание. Миссис Уадделл взяла еще одно печенье и мысленно пожала плечами. «Странная она штучка, эта миссис Тривертон, — думала гувернантка, — живет тут одна, в этом богом позабытом старом поместье, изо всех сил пытается удержать его на плаву, тогда как всякий, имеющий глаза, видит, что все ее усилия тщетны. Миссис Тривертон не смогла найти достаточно африканцев для работы, потому что все они требовали платить им больше. В результате качество ее кофе ухудшилось и она уже не смогла получить за него хорошую цену, соответствующую мировым стандартам. Для миссис Уадделл оставалось загадкой, почему миссис Тривертон так упорно держится за погибающую ферму, живет одна-одинешенька в этом большом доме из белого камня, без мужа, но с незаконнорожденной дочерью — совершенно неуправляемым созданием, между прочим, в то время как орды глупых африканцев кружат вокруг ее фермы, готовые в любой момент выкупить у нее землю.

Если бы Мона сочла нужным объяснить миссис Уадделл свою позицию, она сообщила бы ей, что она потому так упрямится и не хочет уезжать, что Белладу — это все, что теперь есть у нее в этой жизни, земля, которая не предаст и не осудит. В одинокой жизни Моны не осталось близких людей: ни друзей, ни родных. Вся любовь, все сочувствие, вся преданность, на которые она была способна, умерли вместе с Дэвидом и их ребенком.

Когда на следующее утро после той страшной ночи Мона проснулась и ей рассказали о ее странном кратковременном помешательстве, которое заставило ее броситься в спальню своих родителей, она почувствовала в груди тупую, ноющую боль и поняла, что отныне эта боль будет с ней всегда.

В отличие от тети Грейс, которая после потери своего горячо любимого Джеймса Дональда сумела найти в себе силы, чтобы жить дальше, Мона так и не перестала горевать. Несгибаемая тетушка Моны

позволила себе лишь полгода скорби; потом она собралась с силами, расправила плечи и снова взяла в свои руки управление миссией и заботу о ее нуждающихся обитателях. «Все дело в том, что Грейс обладает завидной способностью вновь возрождаться для любви, — думала Мона, — в точности как ящерица, у которой отрастает новый хвост взамен оторванного». Сама Мона такой способностью не обладала и прекрасно знала, что больше не способна любить кого бы то ни было. А без любви ей в жизни никто и не нужен. Кроме ее фермы.

Теперь-то она хорошо понимала, почему после смерти Карло Нобили ее мать выбрала самоубийство.

И хотя у самой Моны не хватало духу покончить с собой, она тем не менее совершила над собой своего рода моральное самоубийство. И хотя время от времени она виделась с тетей и крайне редко — с Джеффри и Тимом, она совершенно замкнулась в себе и вела чрезвычайно уединенный образ жизни, целиком посвятив себя своим пяти тысячам акрам земли и погибающим кофейным деревьям, которые были всем, что у нее осталось. Что касается ее ребенка, Деборы, то она передала ее заботам няньки в тот самый день, как девочка родилась, и больше к ней не прикасалась. Она считала, что этот ребенок появился на свет в результате бесплодного, неестественного акта и потому не имел права на жизнь.

Но сейчас Дебора жила дома, потому что школы закрывались, а гувернантка скоро уедет. Неожиданно Мона оказалась в крайне неприятной для себя ситуации.

— Если вы позволите мне высказать свое мнение, — начала миссис Уадделл, — лучше бы вам все продать и уехать вместе со всеми, миссис Тривертон. Скоро декабрь, а это не лучший сезон для тех, у кого белая кожа.

Но Мона возразила:

— Я никогда не продам ферму. — Она принялась мыть чашки. — Я родилась в Кении, здесь мой дом. Мой отец сделал для этой страны больше, чем могли бы сделать для нее миллионы африканцев. Это он построил Кению, миссис Уадделл. У меня гораздо больше прав находиться в этой стране, чем у всех людей там, за стенами этого дома, которые всю жизнь влачили жалкое существование в своих убогих глинобитных хижинах, а ничего полезного не сделали.

Мона немного постояла у раковины, затем резко обернулась.

— На самом-то деле, — продолжала она негромко, и в темных ее глазах горел огонь, — кому и следовало бы отсюда уехать, так это самим африканцам. Они не заслужили эту богатую и прекрасную землю. Они ничего не сделали для Кении. Они здесь все только разрушат и превратят в руины. Когда мой отец приехал сюда, все они жили в хижинах из коровьего навоза и носили звериные шкуры. Они влачили жалкое существование, как много веков назад, и ни к чему не стремились, разве что к тому, как бы выпить пива. Они и сегодня жили бы точно так же, если бы белые не приехали в Кению. Мы устроили здесь фермы, построили плотины и проложили дороги, дали им медицину и книги! Черт, да благодаря нам Кения появилась на карте мира, и теперь они говорят нам, чтобы мы убирались!

Миссис Уадделл с изумлением глядела на свою работодательницу. Это была самая длинная речь, которую она когда-либо слышала от миссис Тривертон. И какая эмоциональная! Кто бы мог подумать, что эта женщина, которую вся колония считала жесткой и бесчувственной, способна на такое!

Гувернантка вдруг вспомнила одну непристойную сплетню, которую она слышала много лет назад и которая касалась Моны Тривертон и какого-то африканца. Но даже миссис Уадделл, не любившая отказывать себе в удовольствии посмаковать иногда подобные пикантные подробности, не смогла поверить в такую отвратительную историю. Нет, это было просто немыслимо, чтобы дочь графа завела интрижку со своим черным управляющим!

И вот сейчас, услышав горечь в голосе миссис Тривертон и увидев, каким страстным огнем горят ее глаза, миссис Уадделл нутром почувствовала, что в ее работодательнице кипит глубокая, необычайно сильная ненависть к африканцам, и поневоле призадумалась: не была ли та ужасная сплетня на самом деле правдой?

Когда гувернантка наконец ушла, Мона осталась одна. Она все так же стояла у раковины, схватившись за ее край, будто боялась утонуть. В ее груди снова вырос холодный ком боли, поднялся кверху, застрял в горле, не давал дышать.

Она попыталась собраться с силами и вскоре сумела овладеть собой. Эти приступы начались девять лет назад, сразу после смерти Дэвида, и очень насторожили Грейс, которая сделала племяннице

электрокардиограмму. Исследование, однако, показало, что сердце Моны — его физическое состояние — было превосходным. Постоянные боли и приступы удушья были вызваны совсем другими причинами, источник которых находился в той сфере, к которой у современной медицины не было доступа.

— Ты должна выплакаться, Мона, — сказала тогда Грейс. — Ты запираешь боль в себе, не даешь ей выхода, и это очень плохо.

Но Мона потеряла способность плакать. Когда Дэвид умер в ее объятиях, ее душа будто спряталась ото всех в каком-то глухом сером углу и продолжала оставаться там еще очень долго после того, как мертвые были преданы земле и с Мау Мау было покончено. После той ночи, которую она провела с Тимом, Мона не проронила ни одной слезинки по Дэвиду и их ребенку.

Вдруг Мона услышала наверху какой-то звук. Она подняла лицо к потолку и прислушалась. Еще один звук, затем чьи-то приглушенные голоса. Это в спальне ее родителей! Мона выбежала из кухни и помчалась на второй этаж.

В школе Деборе объясняли, как управляться с замками и ключами. Это было на тех же уроках, где их учили, как завязывать шнурки, аккуратно наливать себе молоко, правильно нести ножницы, чтобы случайно не пораниться. Несколько месяцев назад, когда Дебора была дома совсем одна и занималась увлекательным исследованием его уголков, она наткнулась на связку старых, покрытых ржавчиной ключей, спрятанных в дальнем углу буфета. Она попробовала их на разных замках, как учила ее мисс Нэйсмит, и таким образом ей удалось отпереть дверь этой волшебной комнаты.

Когда Дебора впервые увидела кровать с балдахином, всю в оборках, подоконник, заваленный шелковыми подушками, покрытое слоем пыли трюмо, заставленное красивыми бутылочками из-под духов, она подумала, что наткнулась на секретную башню сказочной принцессы. Но затем Дебора поняла, что здесь давно никто не живет, а поэтому она может спокойно исследовать все замечательные сокровища, которые спрятаны в этой комнате.

Она обнаружила старые пеньюары с блестками и платья из кружев и газа, тиары, усыпанные драгоценными камнями, боа из перьев. Она играла с коробочками, где хранилась высохшая пудра, и с помадами, которые рассыпались, стоило дотронуться до них. Она

открывала бутылочки и вдыхала аромат давно высохших изысканных духов. Она придумывала сказки о принцессе, которая здесь жила, и ее детское воображение рисовало ей Златовласку и Спящую красавицу.

А теперь она показывала свою секретную комнату Кристоферу Матенге, своему новому лучшему другу.

Они сидели на полу и рассматривали содержимое того, что Дебора называла «коробочка с документами», — небольшой деревянной шкатулки, в которой хранились пачки старых пожелтевших фотографий, письма, открытки, программки каких-то мероприятий, о которых Дебора не имела ни малейшего представления. Так как она не знала, кто были все эти люди на фотографиях, она придумывала им имена и разные истории.

— Вот это я, — показала она одну из фотографий Кристоферу, на которой была запечатлена маленькая девочка в забавной одежде и старомодном шлеме от солнца. Эту девочку она идентифицировала с собой — не осознавая при этом, что и вправду на нее очень похожа. Девочка сидела среди деревьев, рядом с белокурой женщиной с печальными глазами, и держала на коленях обезьяну. Что-то было в их лицах, что заставляло Дебору часами смотреть на них; обе они выглядели такими несчастными. На обратной стороне фотографии была надпись: «Роуз с дочерью, 1927 год».

— О! — воскликнула Дебора, вытаскивая из коробки тоненькую книжечку. — А вот кем можешь быть ты! Видишь? Ты даже похож на него!

Кристофер с удивлением рассматривал книжечку, которую протягивала ему Дебора, — очень похожую на ту, которую его мать носила с собой столько лет. Он уставился на лицо на фотографии.

— Кто это? — спросила Дебора. — Ты можешь прочитать имя?

Кристофер был ошеломлен. Человека на фотографии звали Дэвид Матенге.

— Но это же твоя фамилия! — воскликнула Дебора. Она не очень разбиралась в фамилиях и семейных отношениях, не понимала, что у нее должна быть другая фамилия, не такая, как у родителей ее матери. Дебора ничего не знала про брак и про отцов, что женщины меняют свои фамилии, когда выходят замуж. Она полагала, что у всех матерей и дочерей такая же ситуация, как и у них.

Кристофер не мог оторвать глаз от фотографии. Да, он и вправду был очень похож на этого мужчину, но больше его поразило другое: в пропуске было указано место проживания владельца — это был округ Найэри. Были еще и имена его родителей — вождь Кабиру Матенге и Вачера Матенге.

Кристофер ничего не знал о своем собственном отце — ни как его звали, ни кем он был, ни когда и почему умер. Его мать наотрез отказывалась говорить о нем. Когда она рассказывала разные истории Кристоферу и Саре, сначала в лагере Камити, который Кристофер почти не помнил и в котором родилась его сестра, а потом в лагере Хола, где они прожили пять лет, то в ее рассказах фигурировала лишь его бабушка-знахарка, и вождь, который жил давным-давно, самый первый Матенге.

Но этот человек, Дэвид…

— Можешь оставить себе, если хочешь, — великодушно разрешила Дебора, заметив, как жадно он схватил книжечку.

Мальчик аккуратно спрятал ее за поясом своих шорт.

Только Дебора полезла в ящик за очередным сокровищем, как чей-то силуэт вдруг закрыл свет, льющийся в комнату из открытой двери.

Мона не могла поверить своим глазам.

Комната, которую она заперла девять лет назад, стояла теперь открытая, освещенная светом, льющимся из коридора. Знакомые вещи, так давно не виданные ею, теперь, казалось, разом набросились на нее, принесенные безжалостными волнами памяти. Трюмо ее матери, за которым Роуз часами сидела, не обращая на нее никакого внимания, в то время как Нджери расчесывала ее длинные платиновые волосы. Кнут Валентина на стене с ручкой из кости носорога — символ его абсолютной власти над ней и над Белладу. Большая кровать с балдахином, на которой были зачаты поколения Тривертонов — сама Мона, еще в Англии, сорок пять лет назад, и Дебора, ее дочь, в ту ночь, когда погиб Дэвид.

Ошеломленная Мона опустила глаза и увидела маленькую босую девочку с загорелыми руками и ногами и копной черных волос, которая подняла свое лицо навстречу свету, как скромный лесной цветочек.

— Здравствуй, мама, — произнесла девочка.

Мона же будто потеряла дар речи. Девять лет назад она закрыла эту дверь и повернула ключ в замке, навсегда спрятав внутри все свои невыносимые воспоминания, накрепко заперла всех преследующих ее демонов. Она вышла тогда из этой ужасной комнаты, с ее пыльными секретами, женщиной, свободной от своего прошлого. И могла чувствовать себя в относительной безопасности лишь тогда, когда знала, что этих демонов никто и никогда не выпустит на свободу.

Но сейчас дверь в комнату была широко распахнута, из нее изливалась угроза. Хрупкая безопасность Моны была нарушена маленькой девочкой, которая появилась на этот свет лишь потому, что Дэвид погиб.

— Да как ты посмела! — закричала Мона.

На лице Деборы появилось выражение растерянности.

— Я просто показывала своему новому другу… — только и успела она сказать, потому что мать наклонилась, больно ухватила ее и рывком подняла на ноги. Дебора от неожиданности вскрикнула. Когда мать принялась бить ее наотмашь, она попыталась закрыться рукой.

— Нет! — закричал Кристофер на суахили. — Перестаньте!

Мона подняла глаза и в свете, падающем из коридора, разглядела африканского мальчика. Она уставилась на него, рука ее разжалась и выпустила Дебору.

Мона озадаченно нахмурилась.

— Дэвид? — прошептала она.

И тут на нее разом нахлынули воспоминания — старые, запрятанные в самой глубине ее сознания: пылающая хижина, ожерелье из Уганды.

Казалось, комната закачалась. В груди вновь нарастал ком невыносимой боли, поднимался кверху, к горлу, душил ее. Она схватилась за дверной косяк.

Дебора, потирая руку и изо всех сил стараясь не плакать, принялась объяснять:

— Это мой лучший друг, мама. Его зовут Кристофер Матенге, он живет со знахаркой — она его бабушка.

Мона не могла дышать. Она прижала руку к груди. Сын Дэвида!

Кристофер расширившимися от страха глазами смотрел на женщину, стоящую в проеме двери. Она странно смотрела на него полными слез глазами, затем шагнула к нему, и он отступил.

— Дэвид, — прошептала она.

Он вспомнил о книжечке, заткнутой у него за поясом. Мона протянула к нему руку, и Кристофер подался назад, споткнулся, ударился о кровать.

Она медленно приближалась к мальчику, ее руки тянулись к нему, слезы струились по лицу. Дети смотрели на нее со страхом и не могли сдвинуться с места. Когда между ней и мальчиком оставалось всего несколько сантиметров, Дебора и Кристофер замерли в испуге.

А потом вдруг, к великому изумлению Деборы, нежная улыбка осветила лицо ее матери — лицо, которое, сколько помнила себя девочка, всегда оставалось бесстрастным и жестким.

— Сын Дэвида, — ласково произнесла Мона с некоторым удивлением.

Кристофер, прижавшись к кровати, весь сжался и будто окаменел, когда она подняла обе руки и нежно обхватила его лицо.

Не замечая слез, струившихся из глаз, Мона смотрела и не могла насмотреться на такие знакомые и любимые черты: морщинку между бровями, миндалевидные глаза, упрямо выдвинутый вперед подбородок — наследие воинов масаи. Кристофер был еще ребенком, но в его чертах уже проступал образ того мужчины, которым он станет. И Мона даже сейчас видела, что он будет очень похож на Дэвида.

— Сын Дэвида, — произнесла она опять с горестной улыбкой. — Он живет в тебе. Получается, что он не умер…

Сердце Кристофера заколотилось, как бешеное, когда лицо женщины еще больше приблизилось к нему. Она наклонилась и очень нежно поцеловала его прямо в губы.

Когда Мона подалась назад, в ее лице что-то переменилось, и из груди вырвался стон. Она в последний раз прикоснулась к нему — провела пальцем по линии от носа до краешка губ, затем повернулась и бросилась вон из комнаты.

54

По прошествии стольких лет Джеффри Дональд все еще желал Мону Тривертон.

Они мчались на «лэндровере» по шоссе в ярком свете экваториального солнца, распугивая стада зебр и антилоп, пасущихся по краям дороги, и Джеффри бросал частые взгляды на женщину, сидящую на переднем сиденье между ним и тетей Грейс. Мона сидела не двигаясь, глядя прямо перед собой. Выражение ее лица, полускрытого огромными солнечными очками, тоже не менялось. За последние недели она похудела и побледнела. Джеффри понятия не имел, что стало причиной этих изменений в ее облике, но такой она ему еще больше нравилась. В свои сорок четыре года Мона казалась ему более привлекательной, чем когда бы то ни было.

Гнев и обида на женщину, которые переполняли Джеффри в ночь смерти его отца, понемногу улетучились. Годы излечили его горе и вернули прежнее влечение к ней, особенно по мере того, как его собственная жена с каждым годом становилась все тучнее и неповоротливее после рождения Терри, их младшего сына. И не то чтобы Мона давала ему хоть какую-то надежду или знак, что он ее вообще хоть сколько-нибудь интересует. Она всегда общалась с ним поверхностно, почти через силу. Но именно это и являлось для него частью ее притягательности — отстраненность и недоступность. Пятидесятилетний Джеффри Дональд был поджарым, стройным и загорелым, в волосах его серебрилась благородная седина, его шарм до сих пор привлекал клиенток. Его победы на любовном фронте были чересчур легки и многочисленны; все это ему наскучило и приелось. Но равнодушие Моны, девять лет ее одиночества неожиданно придали его охоте особый вкус и возбуждение. Когда она согласилась поехать с ними на сафари в дикие земли масаи, кровь Джеффри закипела в жилах, наполняя его возрожденной страстью и надеждами.

В конце пути ее будет ждать приготовленный им сюрприз.

Они направлялись в охотничий домик «Килима Симба», уединенный форпост, расположившийся на оголенном участке горной породы милях в двадцати от основания горы Килиманджаро. Лагерь лежал в самом сердце заповедника масаи «Амбосели», необозримого

пространства дикой природы, находящегося во владении и под контролем племени масаи, которым испокон веков принадлежали эти пастбища. Дорога к лагерю была не более чем пыльная полоска, пересекающая плоскую желтую саванну. На заднем сиденье, будто мешки с зерном, тряслись и подпрыгивали Дебора и Терри. Вдалеке на фоне безоблачного неба высилась гора Килиманджаро, лиловая, с заснеженной вершиной. Насколько хватал глаз, нигде не было ни единого признака цивилизации; лишь кусты боярышника с плоскими верхушками да пасущиеся антилопы. С грациозной беспечностью скакали жирафы, под деревом лениво развалился львиный прайд. Это был один из богатейших заповедников в Африке, и Джеффри Дональд намеревался неплохо заработать на нем.

— Охотничий домик! — объяснял он Моне. — Палатки далеко не всем по вкусу. Мало кто из моих клиентов хочет жить в палаточном лагере дольше одного-двух дней, а тут еще москиты, да и туалета нормального нет. Я все думал, что можно было бы сделать, как привлечь больше клиентов, и тут меня осенило: надо просто выстроить отель прямо посреди африканского буша!

Лишь горстка самых близких друзей Джеффри считала эту идею сколько-нибудь стоящей. Большинство были уверены, что его замыслы обречены на провал, напоминали ему о том, что после наступления независимости туризма в Кении просто не станет. «Для белых здесь будет небезопасно, — говорили они. — Все в мире понимают, в какую дикость погрузится эта страна после того, как правительство Ее Величества уйдет отсюда».

Но у Джеффри было другое мнение. «Старик Джомо не дурак и не сумасшедший, — возражал он. — Он знает, что без нас ему не обойтись. Европейцы все еще владеют всеми крупными корпорациями, банками, отелями в Кении. Если он хочет сохранить стабильную экономику, он должен сделать все, чтобы мы остались и были довольны. Он это прекрасно понимает. Без нас, без наших связей, без нашего капитала, знаний и опыта Кения развалится, как карточный домик, и черномазые это прекрасно знают!»

И его прогнозы уже начинали сбываться. За те пять месяцев, что Кеньята провел на посту премьер-министра, не произошло ни одного акта возмездия, которых так опасались поселенцы. На самом деле и ко всеобщему удивлению, Кеньята призывал к умеренной политике и

мирному сосуществованию разных рас и продемонстрировал искренность своих слов, став инициатором партнерства с Европейской ассоциацией фермеров.

И все же, продолжали спорить друзья с Джеффри, Кения еще не была полностью независимой. Британские войска по-прежнему находились в стране. Посмотрим, что будет через месяц, говорили они, когда правление будет официально передано африканцам.

Но Джеффри был настроен решительно. Чувствуя, куда дует «ветер перемен», он продал свое ранчо «Дональд» около Наньуки и обосновался в Найроби в качестве турагента. Он встречал в аэропорту своих немногочисленных храбрых туристов и ездил с ними по всей Кении в сопровождении конвоя, в остальное время жил то в своей роскошной резиденции «Парклэндс», то в Найэри вместе с Ильзой и Терри.

Несмотря на угрозу Мау Мау и опасения поселенцев по поводу грядущей независимости, туристы в самом деле начали приезжать в Восточную Африку, но пока это были лишь малочисленные группки. Джеффри работал над тем, чтобы сделать свои сафари более привлекательными для путешественников. Лагеря не предоставляли достаточного количества услуг, романтика довольно быстро улетучивалась, и лишь немногие клиенты возвращались домой с ощущением, что не зря потратили деньги.

Именно тогда Джеффри озарила идея построить отель прямо посреди буша, «охотничий домик», как он его называл, — первый отель такого рода. В нем будут настоящие спальни, ресторан, вежливый и приветливый персонал и коктейльный бар, откуда наиболее ленивые любители приключений смогут наблюдать за дикой жизнью Африки.

— Туристов там будут окружать чистота и безопасность, обилие еды и выпивки, — заявлял он, — и они смогут чувствовать себя, как Алан Куотерман. Им не будут угрожать ни дикие животные, ни туземцы, они смогут смотреть на окружающий их дикий мир, находясь в полном комфорте. Отель ведь будет далеко от Найроби и тех мест, где орудовали Мау Мау, здесь не будет ни намека на политику или войну. Мои клиенты увидят Кению такой, какой она была пятьдесят лет назад. Они почувствуют то же, что чувствовали наши родители, когда страна была еще примитивной и девственной и когда белый

человек мог сполна наслаждаться здесь жизнью среди прекрасной и дикой природы. И за эту возможность они будут платить большие деньги, это я вам гарантирую.

И тогда Джеффри отправился на разведку, изучал каждый уголок Кении, рассмотрел каждый клочок земли глазами туриста. Он определял направление ветра, следовал тропами диких животных, общался с местными вождями. В итоге он остановился на Амбосели из-за его красоты и обилия дичи и арендовал у масаев землю, на которой стоял сейчас его палаточный лагерь. В начале следующего года он планировал начать строительство нового отеля.

Ему не терпелось поскорее добраться до лагеря: он намеревался устроить Мону по соседству со своей палаткой, чтобы потом, ночью, когда все будут крепко спать, нанести ей особый визит.

Каждый раз, когда машина подпрыгивала и подскакивала на неровной дороге, дети сзади хватались за сиденья и визжали от удовольствия. Дебора и Терри сидели на боковых сиденьях, лицом друг к другу. Брезентовый верх был поднят, так что, когда отец Терри развивал максимальную скорость, они чувствовали всю силу ветра. Непослушные черные волосы Деборы выбились из-под резинки и развевались вокруг головы.

Это было ее первое сафари; ее восторгу и возбуждению не было предела. Когда автомобиль проносился сквозь стада зебр, заставляя этих похожих на лошадок существ бросаться врассыпную со звуками, напоминающими лай собаки, Дебора смеялась и хлопала в ладоши. Она беспрестанно вертелась на сиденье, чтобы увидеть все: и жирафов, которые бежали рядом с ними, и вспугнутых носорогов, которые неожиданно поворачивались и трусили прочь в клубах поднятой ими пыли. Она смотрела во все глаза и никак не могла насмотреться на ястребов высоко в небе, на грифов, парящих в воздушных потоках, на дремлющих львов, на ткачиков, строящих гнезда в боярышнике. Никогда раньше ей еще не приходилось видеть сразу столько диких зверей, такие необъятные просторы. От увиденного у нее перехватывало дыхание. Она и представить себе не могла, что Африка такая большая.

Они проезжали и мимо домашнего скота, и мимо мужчин из племени масаи, целиком выкрашенных красной краской. Они стояли на одной ноге, опираясь на мечи — высокие, угловатые мужчины с

длинными, заплетенными в косички волосами. На них были малиновые шуки, закрепленные узлом на плече и развевающиеся на ветру. Когда машина проносилась мимо них, они высоко поднимали руки, сердечно приветствуя путешественников. Масаи казались Деборе и Терри ужасно необычными по сравнению с европеизированными кикую, среди которых они жили. Дети радостно махали им в ответ, а потом дяде Тиму и дяде Ральфу, которые ехали вслед за ними в автомобиле с припасами.

Дебора отчаянно завидовала своему десятилетнему другу. Терри ужасно повезло: его отец ведет такую интересную жизнь! А теперь из-за того, что белые школы в Найэри закрылись, а Терри еще слишком маленький, чтобы поехать учиться в Найроби вместе со старшими братьями и сестрами, Джеффри берет сына с собой на сафари. Терри раньше уже приходилось бывать в лагере «Килима Симба», и он охотился на леопарда вместе со своим отцом. Как бы Дебора хотела, чтобы Кристофер и Сара Матенге тоже поехали с ними, но, когда она спросила у матери, можно ли пригласить и их, ответом ей было холодное молчание.

Дебора решила, что, когда вернется в Белладу, то все-все расскажет своим новым друзьям об этом замечательном приключении и подарит им несколько фотографий, которые она собиралась сделать своей «мыльницей».

К тому времени, когда они добрались до лагеря, уставшие и голодные, покрытые слоем красной пыли, солнце уже садилось за горизонт. Местный персонал, нанятый Джеффри — молодые масаи в шортах цвета хаки и белоснежных рубашках, — поприветствовал путешественников, которые устало выходили из машин, потирая затекшие конечности, и затем начал торопливо выгружать припасы и багаж.

Дебора раскинула руки и закружилась на месте. Это было так чудесно! Свежий воздух, длинные тени, неправдоподобная тишина, которая наполняла всю землю вплоть до самого горизонта. В этом мире не было никаких стен, ровных рядов деревьев, а была лишь дикая, нетронутая природа, обещавшая столько сюрпризов и приключений. А гора Килиманджаро, решила она, в тысячу раз красивее ее старой доброй горы Кения! Девочка острее, чем когда-

либо, желала, чтобы Кристофер Матенге был сейчас здесь и мог разделить с ней эту радость.

— Понимаете, — объяснял Джеффри взрослым, которые следовали за ним по бугристой земле по направлению к палаткам, — моя рекламная кампания будет частично основана на том, что когда-то здесь располагался лагерь Хемингуэя. Кроме того, именно здесь снимался фильм «Снега Килиманджаро», а также некоторые части «Копей царя Соломона». Помните туземную деревушку, которую мы проезжали? Как раз на фоне этих хижин снимались некоторые сцены из этого фильма. Ну а вот здесь, рядом с гигантскими валунами, я планирую разместить главный корпус…

Ужин при романтическом освещении акварельного заката, поданный официантами в канзу и белых перчатках на фарфоровой посуде и с серебряными приборами, был, по всеобщему мнению, просто великолепен. В Экваториальной Африке нет сумерек, поэтому быстро зажгли фонари, которые наполнили лагерь уютным светом. Палатка для ужина была огромной, в ней были три сетчатые стены, которые позволяли гостям изнутри наслаждаться панорамными видами, не борясь при этом с москитами. За ужином, состоящим из ребрышек газели, молодого картофеля в соусе, консоме и лимонного щербета, Джеффри продолжал посвящать спутников в свои планы.

— У меня есть несколько инвесторов, — рассказывал он, знаком приказывая принести вторую бутылку вина. — Один из них знаменитый диск-жокей.

Грейс подняла глаза от тарелки.

— Кто такой диск-жокей?

Ральф ответил:

— Американец.

Все засмеялись, в том числе и Мона, которая за все восемь часов путешествия из Найэри не проронила ни слова. В молчании она обошла вместе со всеми лагерь, умылась и привела себя в порядок в своей палатке, и вышла к ужину вместе с остальными любителями заката все с тем же бесстрастным выражением лица, к которому все уже успели привыкнуть. Но сейчас, выпив несколько бокалов вина и поддавшись общему чувству близости, царящему в их маленькой группе, она тоже прониклась необъятностью окружающих их равнин,

потусторонней красотой уединенной саванны и начала понемногу оттаивать.

Джеффри был первым, кто это заметил.

— Мы будем устраивать то, что я называю «погоня за дичью», — рассказывал он, закуривая и откидываясь на спинку стула. Прислушиваясь к голосам ночи — беспрестанному стрекотанию сверчков, львиному рыку где-то неподалеку, Джеффри снова похвалил себя за то, что сам он считал исключительно мудрым шагом. Продав ранчо своего отца африканцам, которые наперегонки кинулись покупать у него землю, Джеффри смог вложить средства в предприятие, которое, он был уверен, принесет ему огромный доход. Если уж он собирается оставаться белым в Кении, то он станет богатым белым.

— Мы будем поднимать туристов на рассвете и везти их в саванну на внедорожниках, чтобы они могли сфотографировать животных, которые всегда очень активны в эти ранние утренние часы. Потом обратно в отель, где их будет ждать обильный завтрак, а после завтрака — отдых у бассейна. Ближе к вечеру, когда животные просыпаются и выходят на охоту, мы снова повезем людей в «погоню за дичью», в машинах, загруженных под завязку бренди и сандвичами. Потом ужин в ресторане — вечерние наряды обязательны, и великолепное шоу с местными танцами племени масаи.

— Звучит соблазнительно, — заметил его брат Ральф. — Если старик Джомо обеспечит порядок и стабильность в стране, то я не вижу причин, почему бы нам не ввязаться в это предприятие.

Ральф вернулся в Кению год назад, когда Уганда получила независимость. Президент Оботе решил, что британская система административного деления на провинции его стране больше не нужна, и уволил всех белых чиновников. Ральф Дональд, который в свои сорок восемь лет все еще оставался холостяком, работал полномочным представителем в одной из провинций. После увольнения он получил то, что на местном сленге прозвали «откупные» — компенсацию за годы верной службы Британской Короне. Какое-то время Ральф управлял блокпостом, через который проходили колонны белых беженцев из Бельгийского Конго, двигающиеся через Уганду, затем приехал в Кению, чтобы помогать брату в его туристическом бизнесе.

Седовласый, пышущий здоровым румянцем человек, заслуживший репутацию опытного охотника на слонов, Ральф Дональд был вторым человеком за этим столом, который имел определенные виды на Мону.

— Я это так понимаю, — продолжал он, набивая и зажигая трубку, — раз из Кении уезжают сейчас столько европейцев, мы — те немногие, кто остается, — будем задавать здесь тон. Нас в буквальном смысле слова ожидают золотые горы. Когда черномазые оглянутся вокруг, до них наконец дойдет, что у них нет ни малейшего понятия о том, как управлять страной, и прибегут к нам за помощью.

Грейс, которая едва притронулась к еде, подняла глаза на Ральфа. Она не могла поверить, что этот эгоцентричный человек, который рассуждал сейчас таким самодовольным тоном, мог быть сыном Джеймса.

— Я никак не могу понять, — произнесла она, — где африканцы берут деньги, чтобы скупать фермы белых. Я слышала, что плантация Норич-Хастингз ушла за астрономическую сумму!

— Здесь нет никакой загадки, тетя Грейс, — ответил Джеффри. — Это деньги не африканцев. Это британские деньги. Когда правительство Ее Величества бросило всех нас на произвол судьбы, заявив, что не станет снова отправлять сюда армию, если Мау Мау развяжут войну во второй раз, а потом согласилось передать все правление в руки черных, ему пришлось найти способ, чтобы успокоить чувство вины и помочь тем людям, которых оно предало. Вот как это происходит: деньги из Великобритании через Всемирный банк попадают в руки африканца, который затем отдает их поселенцу. Этот поселенец, избавившись от своей фермы, собирает вещички и возвращается в Англию, увозя деньги с собой. В некоторых случаях, я слышал, деньги даже не покидают пределов Англии!

Ральф добавил:

— Руку даю на отсечение, черномазые и знать не знают, что на самом деле происходит. — Он взглянул на Мону, вспоминая тот день, много лет назад, когда Мона приезжала за его отцом в Энтеббе вместе со своей тетей.

— Прошу меня извинить, — сказала Грейс, поднимаясь из-за стола. — Я не привыкла к таким долгим путешествиям и очень устала.

Джеффри подумал, что в свои семьдесят три Грейс перенесла путешествие на удивление хорошо. Он поднялся вместе с ней и сказал:

— Я вызову аскари, он проводит вас до вашей палатки. Никогда не ходите ночью по лагерю без сопровождения. Дикие животные время от времени заходят на территорию лагеря, и некоторые могут быть довольно агрессивными.

— Детям ничто не угрожает? Ведь они одни в палатке…

— Терри уже бывал здесь раньше. Он позаботится о Деборе.

Несколькими минутами спустя, оставшись одна, Грейс села на кровать и вздохнула. Нужно отдать должное Джеффри — палатки были очень комфортабельными. Они напомнили ей о тех палатках, которые поставил Валентин тогда, в 1919 году, когда они с Роуз приехали и обнаружили, что дом еще не построен.

«Как же давно это было, — думала она. — Как давно…»

Грейс думала и о том, что завтра день рождения Джеймса и что ему исполнилось бы семьдесят пять.

Под одинокий свист ветра, сквозившего через брезентовые стены палатки и колыхавшего пламя фонарей, Грейс разбирала постель. Она и сама не знала, зачем согласилась отправиться в это путешествие; наверное, потому, что Джеффри Дональд так хотел, чтобы она увидела и оценила его новую идею. Кроме того, она решила, что несколько дней, проведенных вне стен миссии, пойдут ей только на пользу. Уже много лет у нее не было полноценного отпуска, а сейчас как раз нужно было время, чтобы обдумать предложение ордена африканских монахинь, которые просили передать им школу миссии. Они с Джеймсом столько раз говорили о том, что хорошо бы вместе отправиться в настоящее сафари, но почему-то никогда не находили для этого времени. А теперь она была здесь с его сыновьями.

Она взяла было книгу, которую привезла с собой, — последнюю новинку из Америки, «Корабль дураков», но тут же отложила ее в сторону, поняв, что совершенно не способна сконцентрироваться. В голове у нее был только Джеймс. Он наполнял все ее мысли, жил в ее душе.

Она встала и подошла к выходу. За сетчатой материей лежал безмятежный, залитый луной пейзаж, который выглядел обманчиво бесплодным и безжизненным, но где на самом деле кипела жизнь. В этой жизни ежеминутно происходили убийства и смерть, размножение

и рождение новой жизни. Грэйс думала о своем любимом Джеймсе и в очередной, тысячный уже раз задавала себе вопрос, ради чего же он погиб.

Ее теперь окружал какой-то странный, новый мир, и она не была уверена, что Джеймсу этот мир понравился бы. Она сама плохо понимала, что происходит.

Как-то в Найроби показывали американский фильм, «Доктор Стрэйнджлав», и Джеффри с Ильзой взяли ее с собой в кино. Грейс казалось, что во всем мире теперь только и говорят, что о вероятности ядерной войны и всеобщего истребления. По радио играли лишь американские песни, и пели их представители нового поколения — например Джоан Байез, которая протестовала против расовой нетерпимости и призывала к миру и любви. Новостные выпуски были полны репортажей о демонстрациях в защиту прав человека в Алабаме, о беспорядках и избиениях, о двухстах тысячах участниках марша свободы, заполонивших улицы Вашингтона. Молодежь танцевала какие-то странные танцы, в Британии неуправляемые подростки отращивали длинные волосы и называли себя стилягами и рокерами. Мир двигался со скоростью, от которой захватывало дух: американский астронавт Гордон Купер только что облетел землю двадцать два раза, доктор Майкл Де Бэйки из Техаса впервые в истории вскрывал грудные клетки пациентов и проводил операции прямо на открытом сердце.

А три дня назад убили президента Кеннеди.

«Есть ли какая-то связь, — размышляла Грэйс, задумчиво глядя на мирные, нетронутые цивилизацией африканские равнины, — между тем миром и этим?»

Кения тоже оказалась вовлеченной в свою собственную головокружительную гонку, стремясь стать частью этого непонятного современного мира. «Всего каких-то шестьдесят лет назад, — думала Грэйс, — эти люди жили в каменном веке, не имели алфавита, не знали колеса, ведать не ведали о могущественных нациях, обитавших по ту сторону гор. А теперь африканцы водили автомобили и пилотировали аэропланы, африканские юристы в белых париках заседали в суде Найроби и говорили на правильном английском языке, кенийские женщины открывали для себя средства контрацепции и осваивали профессию секретаря. Новые слова появились в языке, такие как

«ухуру» — «свобода» и «ваананчи» — «народ». А премьер-министр Кеньята даже ввел новое произношение названия страны. Отныне запрещалось произносить название страны на английский манер, «Кения»: гласный «е» следовало произносить кратко.

И как странно чувствовала себя Грейс тогда, в 1957 году, когда впервые голосовала бок о бок с африканцами. И как она была шокирована, столкнувшись со старой Мамой Вачерой у урны голосования. Они посмотрели друг на друга, и Грейс похолодела. Эта случайная встреча со знахаркой вновь воскресила в ней мучительные воспоминания о том страшном дне, сразу после смерти Джеймса, когда мама Вачера пришла в дом Грейс, чтобы забрать тело своего сына и, не произнеся ни слова, швырнула ей под ноги какой-то сверток. Грейс в тот момент будто окаменела от страшной трагедии, случившейся ночью, во время которой Джеймс умер на ее руках, погиб ребенок Моны, а Марио, ее верный слуга, оказался предателем. Она подобрала сверток и обнаружила, что это были письма, которые Мона писала Дэвиду.

Грейс до сих пор хранила эти письма. Не зная, что с ними делать, она убрала их подальше, чтобы когда-нибудь вернуть их Моне. Это было девять лет назад. Поначалу Мона была слишком убита горем, позже Грейс просто не хотела бередить ее раны. «Возможно, — думала она теперь, — лучше просто уничтожить их и навсегда закрыть эту темную страницу.

Она услышала скрип шагов и чей-то голос тихо позвал:

— Доктор Т?

Это был Тим. Он вышел из темноты и вступил в круг света, падающего из ее освещенной палатки. Извинившись за позднее вторжение, спросил, можно ли с ней поговорить.

— На самом деле я приехал сюда, чтобы попрощаться, доктор Т. — сообщил он, усаживаясь на стул. — На следующей неделе мы уезжаем.

— Да, — сказала она мягко. — Я знаю.

— Вещи вроде бы уже собраны, дела завершены, так что не думаю, что имеет смысл оставаться здесь до свободы. Не уверен, что хочу видеть, как будет спущен британский флаг, зная, что это уже навсегда.

— Возможно, все будет не так уж и плохо.

Тим задумался на мгновение, теребя шляпу в руках. Наконец произнес:

— Мы очень хотели бы, чтобы вы поехали вместе с нами, доктор Т. Дела на овечьей ферме Эллис идут замечательно, а Танзания очень красивое место, чистое и спокойное.

Грейс улыбнулась и покачала головой:

— Кения — мой дом, и мое место здесь. Здесь я и останусь.

— Не думаю, что когда-нибудь вернусь сюда. Да, я здесь родился, но чувствую себя чужаком. «Кения для кенийцев» — вот что они говорят теперь. А кто же тогда я, разве я не кениец? Что ж, надеюсь, что с вами все будет в порядке, доктор Т.

— Со мной все будет прекрасно, Тим. Кроме того, я буду не одна. Со мной Дебора.

Тим старательно избегал взгляда Грейс. Для него это была нелегкая тема — Дебора. Возможно, если бы тогда, восемь лет назад, Мона согласилась выйти за него замуж…

Но нет, Тим не создан для брака. Ему нужна свобода, нужны его нестандартные связи, которые не предусматривали присутствия женщин. Что касается ребенка, то Мона разделяла его чувства; она тоже считала, что Дебора была ошибкой, нежеланным напоминанием о той ночи, которую они оба предпочли бы забыть.

— Доктор Т — тихо сказал он, не сводя глаз с брезентового входа в палатку, — перед отъездом мне нужно вам кое-что сказать. Я просто не могу уехать в Австралию, не сняв этот груз с души. О той ночи, когда был убит граф.

Грейс молча ждала.

Наконец он осмелился поднять на нее глаза.

— Это я был тем парнем на велосипеде.

Она во все глаза смотрела на него.

— Но я не убивал графа! Клянусь! На самом деле я не мог уснуть в ту ночь, поэтому спустился вниз чего-нибудь выпить. Я увидел в окно, что граф садится в машину. Я хотел узнать, что он замышляет. Когда он отъехал, я вышел из дома и увидел велосипед. Решил поехать за ним. Увидел, как машина свернула на Киганджо Роуд. Он ехал быстрее, чем я, поэтому мне не сразу удалось его догнать. Я увидел, что его машина стоит у обочины и мотор еще работает. Когда я

подъехал поближе, то подумал, что граф просто заснул. Он ведь много выпил тогда, вы же знаете.

— Да, я знаю.

— Я подъехал к машине и заглянул внутрь, подумал, что, может, ему стало плохо, или что-то в этом роде. Поэтому я слез с велосипеда, но поскользнулся в грязи и упал. Вот почему на пассажирском сиденье была грязь. Как только я увидел пистолет в его руке и огнестрельную рану в голове, я сразу понял, что случилось. Кто бы ни был убийца, он успел скрыться до того, как я подъехал. Я никого не видел, ничего не слышал. Я был так напуган, что бросил велосипед в кустах, когда у него прокололась шина, и бросился бежать обратно в Белладу.

— Почему ты не рассказал это все полиции?

— А что бы это изменило? Я же не мог сказать им, кто это сделал. Они арестовали бы меня по подозрению в убийстве графа. Все ведь знали, что мы ненавидели друг друга.

Он взглянул на Грейс и тихо сказал:

— Похоже, мы так никогда и не узнаем, кто это сделал, так?

— Полагаю, нет. Но я не думаю, что это еще имеет какое-то значение. Почти все, кто был замешан в этой истории, уже мертвы. Так что лучше всего забыть об этом.

— Ну, тогда пожелаю вам спокойной ночи, доктор Т. Утром Джеффри берет нас в «погоню за дичью»!

Грэйс протянула ему руку, и он пожал ее.

— Береги себя, Тим, — сказала она на прощание. — И удачи тебе.

Богатый опыт подсказывал Джеффри, что самые неприступные женщины в конце концов сдаются, не в силах противостоять магии и очарованию африканского буша. Многие из его клиенток могли бы это подтвердить. Поэтому, направляясь в темноте к палатке Моны, он вспоминал, как она была оживлена за ужином, как горели ее щеки, и лелеял довольно радужные надежды. Не зря он захватил с собой бутылочку охлажденного шампанского.

Казалось, Мона нисколько не удивилась, увидев его на пороге своей палатки, и это еще больше воодушевило его. Но когда она сказала: «Хорошо, что ты пришел, Джефф. Мне нужно тебе кое-что сказать», тон ее голоса насторожил его.

— И что же ты хочешь мне сказать? — спросил он, откупоривая шампанское. Когда он предложил бокал Моне, она отказалась.

— Я продала ферму, Джеффри.

Он поднял на нее глаза. Потом сел, ошеломленный:

— Ты шутишь! Всю целиком?

— Все пять тысяч акров.

— Господи, я был уверен, что ты-то никогда не продашь! Что заставило тебя изменить свое решение?

Мона отвернулась. Она до последнего дня откладывала момент, когда ей все-таки придется сообщить ему эту новость, потому что знала, что все закончится перепалкой. Но теперь времени больше не оставалось; он должен был знать.

Однако всей правды она не могла ему сказать, ведь единственной причиной, по которой она приняла решение продать кофейную плантацию, был один маленький мальчик.

После того как она обнаружила Дебору и Кристофера Матенге в спальне своих родителей, Мона плакала так, как никогда не плакала раньше. Она добралась до постели и наконец-то дала выход всем слезам и всей боли, которую держала запертой внутри себя с той самой ночи, как погиб Дэвид. Когда все слезы были выплаканы, она вновь взяла себя в руки и была вынуждена признать неумолимую истину: она не сможет больше жить в Белладу и смотреть на то, как этот мальчик растет и становится вторым Дэвидом.

И она поняла, что должна навсегда покинуть Кению, отказаться от страны, где родилась, от той единственной страны, которую знала, и найти для себя другое место в этом мире.

— Ты знаешь, что ферма едва сводила концы с концами, Джефф. Сначала в 1953 году пропал урожай, потом во время войны с Мау Мау я потеряла большую часть рабочей силы и некому было работать в поле, а потом был этот дождливый 1956 год, когда ягоды гнили прямо на деревьях. После всего этого я уже не сумела подняться. Поэтому я продала ферму одному индийцу по имени Сингх. Я уверена, что он сумеет сделать из нее что-то стоящее.

— Я просто не могу в это поверить! Чтобы в Белладу поселились индусы!

— Дом я ему не продала. Сохранила за собой. В конце концов он перейдет по наследству Деборе.

— Это мудрое решение. Я тебе больше скажу, Мона. Я рад, что ты продала ферму: теперь ты можешь переехать и работать у меня. Я

открываю шикарный офис в Найроби и ищу дельного сотрудника, чтобы управлять им.

— Господи боже мой, Джеффри! — вдруг вскричала она, резко обернувшись к нему. — Да это же безумие! Туристы! В Кении! Не перегрелся ли ты на солнце? Ты действительно считаешь, что кто-то поедет сюда? Да разве ты не видишь, куда движется Кения? Обратно в джунгли, в глиняные хижины! Да в ту самую минуту, как объявят независимость, в стране наступит полная анархия и твоя белая кожа не будет стоить ни пенса!

Он во все глаза смотрел на нее, ошарашенный ее внезапным выступлением. До него не сразу начал доходить смысл ее слов.

— Постой, что ты имеешь в виду? — медленно произнес он. — Моя белая кожа не будет стоить ни пенса? А где в это время будешь ты?

Она присела на край кровати и стала рассматривать руки.

— Я уезжаю в Австралию с Тимом.

— Что? — Джеффри вскочил на ноги. — Да ты шутишь!

— Нет, Джефф, я не шучу. Эллис позвала меня к себе на ферму. Тим решил ехать еще несколько месяцев назад. Мы не хотим больше оставаться в Кении.

— Да я просто не верю своим ушам! — вскричал он. — Ты сбегаешь с этим… этим педиком!

— Джеффри, это несправедливо.

— Это из-за Деборы? В конце концов ни для кого не секрет, что это его ребенок.

— Нет, Дебора здесь ни при чем. Мы не собираемся пожениться. Мы просто будем жить втроем, вместе работать на овечьей ферме. Я больше не хочу думать ни о каких мужчинах, ни о каком замужестве, от всего этого одни неприятности. Мы просто будем жить одной семьей в мире и согласии. Мы оба этого хотим — и Тим, и я. Я знаю, что тебе трудно в это поверить, Джеффри, но Дебора для меня ничего не значит. Я ее вообще с собой не беру. Я договорилась с тетей Грейс, что она будет жить у нее.

Джеффри потрясенно молчал. Он вдруг обнаружил, что перед ним сидит женщина, которую он совсем не знает и которую не хочет знать. Наконец он сумел выдавить:

— Я думаю, это чудовищно.

— Думай что хочешь, Джефф…

— Черт возьми, Мона! Как ты можешь бросить ее вот так? Своего собственного ребенка! Да что ты за мать после этого!

— Не смей читать мне моралей по поводу моих обязанностей по отношению к близким, Джеффри Дональд. Ты лучше подумай о том, что ты за муж. Да что там говорить, вся колония знает о твоих похождениях с туристками! Ты ведь был порядочным человеком, Джеффри. Что же с тобой произошло?

— Не знаю, — тихо ответил он. — Я не знаю, что со всеми нами произошло. Мы все изменились.

Он взял бутылку шампанского и направился к выходу из палатки, но остановился, оглянулся на Мону. Они выросли вместе, ему она подарила свой первый поцелуй. Ее письма поддерживали его в военном лагере в Палестине. Когда они свернули на неверную дорожку? Где сбились с правильного пути, как дошли до такой жизни?

— Спокойной ночи, — сказал он потухшим голосом и ушел.

Мона смотрела ему вслед. Она стояла у москитной сетки и смотрела, как его силуэт постепенно сливается с темнотой; в ночи были слышны лишь его шаги, потом и они стихли.

Она держалась за шест, поддерживающий палатку, и прислушалась к рычанию львов, доносившемуся из ближайшего буша: рык был наполнен какой-то печалью, одиночеством, будто они пытались найти друг друга в ночи. Мона смотрела на Кению, свою родину, и думала о маленьком поезде, ставшем уже музейной редкостью, который в такую же ночь, как эта, с пыхтением пробирался сквозь темноту, а в одном из его вагонов испуганная графиня рожала ребенка.

Потом Мона закрыла глаза и прошептала:

— Ква хери. Прощай, Кения.

55

Мама Вачера с опаской смотрела на диковинного зверя.

Пусть сейчас он лишь безобидно мурлыкал, но ведь перед этим он с ревом примчался сюда в облаке пыли. Зверь был огромным и казался очень опасным, и Мама Вачера ему ни капельки не доверяла.

— Садитесь, Мама, — сказал доктор Мваи, распахнув перед ней дверь. — Поедете на самом почетном, переднем месте.

Кристофер с Сарой уже сидели на заднем сиденье, по обе стороны от матери.

Мама Вачера смотрела на улыбающееся лицо этого африканца, одетого в строгий европейский костюм. Его запястье охватывали золотые часы, на пальцах сверкали золотые кольца. Она знала, что должна относиться к нему с уважением. Он, как и она сама, исцеляет людей, он из тех, кого называют врачами, медицинскими докторами, но он совсем не похож на целителей прошлого. Где его магический сосуд, где его Мешок вопросов, где священные амулеты, украшенные козлиными ушами? Почему на нем нет церемониального убора, где ритуальная раскраска на лице и руках, знает ли он священные песни и танцы? Знахарка не могла ничего с собой поделать: по отношению к этому человеку она испытывала легкое презрение.

— Не бойся, мама! — весело крикнула Ваньиру из машины. — Он тебя не укусит!

Бояться? Да Вачера в жизни никого и ничего не боялась.

Она с достоинством выпрямилась и приблизилась к рычащему автомобилю. На какое-то мгновение прошлое встретилось с настоящим, когда ее маленькое черное тело, обвешанное традиционными бусами и шкурками, застыло у открытой двери машины. Через секунду она была уже внутри и стоически глядела перед собой сквозь ветровое стекло.

Это было такое масштабное событие — Мама Вачера едет в автомобиле в Найроби! — что практически все заречные деревенские жители и работники миссии явились проводить ее. Сегодня был День независимости, и семейство Матенге собиралось принять участие в торжественной церемонии на стадионе Ухуру. Все, кто собрался проводить Маму Вачеру, прониклись значимостью этого события, ведь

их любимая и почитаемая старая знахарка станет непосредственным свидетелем рождения новой Кении. Машина тронулась, и все закричали и побежали ей вслед, махая на прощание.

Когда автомобиль поехал по дороге, первым желанием Вачеры было что есть силы вцепиться в сиденье. Но она не собиралась терять свое достоинство и демонстрировать окружающим, что напугана, поэтому сидела спокойно, сложив руки на коленях. Старая женщина невозмутимо смотрела на проплывающие мимо деревья и дома, но сердце ее колотилось, ведь мир несся ей навстречу, в то время как сама она сидела неподвижно!

— Все будет в порядке, мама, — попыталась приободрить ее Ваньиру. — Это ведь «мерседес», а доктор Мваи — очень хороший водитель.

Эти слова ничего не значили для Вачеры, которая ранее заявляла о своем намерении идти пешком до самого Найроби.

— Да ведь это займет несколько недель! — вскричала тогда Ваньиру. — А на машине дорога займет лишь три часа.

Даже несмотря на этот аргумент, Вачера сильно сомневалась, что она поступает, правильно. Уважающие себя люди должны путешествовать пешком, ведь именно так передвигались их предки. Вся эта езда на колесах является обычаем, принесенным мзунгу, а посему чужда африканским обычаям и не может считаться достойным занятием для истинного жителя этой земли.

Но у нее не было выбора. Если она хочет отправиться на стадион и своими глазами увидеть, как будет спущен британский флаг, ей придется поехать в машине доктора Мваи.

Она подумала о своих внуках, которые сидели на заднем сиденье и были вне себя от восторга. Хотя Кристоферу и Саре уже приходилось ранее ездить на армейских грузовиках, для них ничто не могло сравниться с удовольствием от катания на автомобиле. Восьмилетняя Сара изо всех сил пыталась усидеть на месте. На ней было новенькое платье и туфельки. Кристофер буквально прилип к окну и махал всем подряд, светясь широчайшей улыбкой, такой же ослепительно белоснежной, как и его рубашка, заправленная в длинные брюки. Именно ради них Мама Вачера и согласилась ехать в машине доктора Мваи. И теперь на душе у нее теплело, когда она слышала их болтовню и хихиканье на заднем сиденье, и это помогало ей побороть

свой страх. Знахарка жила ради своих внуков: кроме них, у нее никого не осталось, и она готова была на все пойти ради их счастья.

Они проезжали мимо большого поля, огороженного изгородью, где несчетное число урожаев назад стояла священная смоковница и где старшая Вачера выстроила свое новое жилище — задолго до того, как здесь появился белый человек. По приказу бваны поле было расчищено для этой странной игры, в которую играют на лошадях, но теперь уже в течение многих лет оно пустовало. Мама Вачера с удовлетворением отметила дело рук мстительного Нгая, глядя на сорняки, ползучие стебли и сухую траву, сплошь покрывавшие все поле.

Теперь автомобиль проезжал мимо железных ворот миссии, и в мгновение ока Вачера перенеслась на десятилетия назад. Она снова видела леса такими, какими они были в пору ее детства, и самую первую, крошечную хижину мемсааб доктори, в которой всего и было, что четыре столба и тростниковая крыша. Теперь здесь стояли большие каменные дома и пролегали вымощенные дороги, а лес давным-давно исчез.

Поначалу Мама Вачера не хотела, чтобы ее внуки ходили в эту школу — ведь там заправляла одна из Тривертонов, но Ваньиру настояла на том, чтобы записать Сару и Кристофера именно в белую школу при миссии. Разве сама она, спрашивала Ваньиру свою свекровь, не ходила девочкой в эту же самую школу? И разве Дэвид не учился здесь и не стал потом образованным человеком? Кроме того, добавляла Ваньиру в качестве решающего аргумента, все учителя и ученики были африканцами.

Так что Кристофер с Сарой ходили теперь в школу миссии Грейс, вставали рано утром, завтракали вместе с бабушкой маисовой кашей и отправлялись на занятия в своей голубой форме с холщовыми сумками, набитыми книжками.

— В новой Кении, — уверяла Ваньиру свою свекровь, — наши дети получат хорошее образование и будут вольны выбирать любую профессию, которую только пожелают.

Из Кристофера получится отличный доктор. Он унаследовал от отца острый ум и логическое мышление. А у Сары будет такое будущее, о котором и мечтать нельзя было. Когда Ваньиру ходила в

школу, девочек обучали домашним обязанностям; воспитывали хорошими женами. Зато Сара сможет стать кем хочет!

«Новая Кения, — презрительно думала Мама Вачера. — Им следовало бы думать о том, как вернуться к старой Кении! Африканцы должны следовать примеру своих предков, вернуть утраченные древние обычаи и традиции, ибо именно в них заключаются гордость и честь. Только тогда Дети Мамби смогут вновь обрести добродетель и благочестие».

Но спорить на эти темы с упрямой Ваньиру было бесполезно. Знахарка знала, что семь лет, проведенные ее невесткой в тюрьме, ожесточили ее, поселили одержимость в ее сердце, а главное, заставили ее забыть о том, что старших нужно уважать и почитать!

Вачера знала, через что пришлось пройти Ваньиру за девять лет после своего ареста. Она знала, что Сара была зачата во время акта насилия, и поэтому не была настоящей Матенге; Вачере также было известно, что в лагере Ваньиру прошла и через другие унижения, о которых она никогда не рассказывала, и что эти испытания превратили ее в упрямую, непокорную женщину. Ну а потом, после освобождения из лагеря, когда она вдруг очутилась в жестоком мире без гроша, без мужа и с двумя детьми, ее невестка пережила унижение попрошайничества, выполняла поденную работу для белых, чтобы прокормить детей. Ваньиру имела официальную лицензию медицинской сестры, то есть была опытной и образованной женщиной, но не могла найти достойного места, потому что все больницы управлялись белыми, которые боялись брать на работу бывшую активистку Мау Мау. Два года Ваньиру жила в трущобах вместе с тысячами других таких же отверженных женщин, пытаясь сохранить свою честь и защитить своих детей, пока наконец в туземном госпитале не появился африканский администратор, который не только не боялся бывшую Мау Мау, но, наоборот, восхищался ею за активное участие в борьбе за свободу. Так она получила достойную работу.

Вот тогда-то она и отослала Кристофера и Сару жить к бабушке, каждую неделю отправляя им деньги, продукты и одежду. В последнее время благодаря продвижению по службе она была назначена старшей сестрой, и у нее появились близкие отношения с такими влиятельными людьми, как доктор Мваи.

Мама Вачера была на седьмом небе от счастья, когда внуки переехали жить к ней, понимая, что теперь ее одиночеству пришел конец. Она с благодарностью принимала от Ваньиру продукты, а вот деньги были ей ни к чему. В то же время Вачера страдала от того, что в их отношениях наступил разлад. Они никогда не могли прийти к согласию, знахарка и жена ее сына, и последнее слово всегда оставалось за Ваньиру. В прежние времена такое и представить себе было невозможно. Тогда слова бабушки были непререкаемым законом!

Автомобиль взобрался по дороге вверх на гребень холма, и оттуда Вачера увидела большой дом, который был построен восемьдесят восемь урожаев назад. Дом стоял темный и заколоченный и находился в плачевном состоянии.

Мама Вачера знала, что мемсааб по имени Мона продала свою разорившуюся кофейную плантацию какому-то индийцу и навсегда покинула Кению. Для знахарки это была приятная новость, она видела в этом еще одно доказательство могущества своего таху; белые покидали земли кикую. Она нисколько не сомневалась, что и индиец рано или поздно откажется от этой проклятой плантации и вернет наконец землю Детям Мамби. Это лишь вопрос времени. Однако, к досаде Вачеры, она узнала, что мемсааб оставила на попечение мемсааб доктори свою дочь, внучку проклятого бваны Лорди.

Глядя на исчезающий за деревьями большой дом, Мама Вачера вспоминала тот день, когда в первый и последний раз в своей жизни пришла в дом мемсааб доктори. Это было в то утро, когда ей сообщили о смерти сына. Вачера собрала все письма, которые приносила ей мемсааб Мона, и швырнула их к ногам мемсааб доктори. Вачера не знала, что было в тех письмах, ведь она не умела читать, да она и не хотела этого знать. После смерти Дэвида ее обида и ненависть к белым только усилились. В то время как вазунгу собрались, чтобы оплакивать убийство одного из своих — того, кого звали бвана Джеймс, — Вачера укрылась в своей одинокой хижине, чтобы горевать о единственном сыне.

А потом Кристофер пришел однажды домой и принес старый пропуск Дэвида, и Вачера увидела фотографию. Она будто увидела живого Дэвида и своего возлюбленного Кабиру Матенге, который умер много лет назад.

Вот тогда-то она и рассказала пораженной невестке о роли Дэвида в Мау Мау, о том, что он вовсе не был трусом, как та о нем думала, а был на самом-то деле настоящим героем ухуру.

И именно в его честь, решила Мама Вачера в тот момент, когда машина свернула на главную дорогу и направилась в сторону Найроби, именно для того, чтобы воздать почести духу и памяти Дэвида Кабиру Матенге и его отца, вождя Кабиру Матенге, все Кения собиралась сегодня на стадионе «Ухуру».

Недавно переименованную авеню имени Кеньяты, бывшую авеню Лорда Деламера, окаймляли флаги всех наций. Уже несколько дней в Найроби прибывали премьер-министры и главы правительств со всего мира, чтобы принять участие в праздничных мероприятиях. В воздухе царило необыкновенное оживление; дороги были забиты кенийцами — представителями всех племен, которые долгие дни шли с земель своих предков, чтобы стать свидетелями рождения нового государства. Двести пятьдесят тысяч зрителей заполнили стадион «Ухуру», притащив с собой жен, детей и коз. В воздухе стоял невообразимый гвалт, состоящий из великого множества диалектов и племенных наречий. Автомобиль Президента Уганды Оботе застрял в грязи, и ему пришлось пешком идти от своего «роллс-ройса» к королевской ложе. Герцог Эдинбургский опоздал на пятьдесят минут и должен был проталкиваться сквозь возбужденную толпу, которая снесла полицейские кордоны. Мелкий дождик одинаково поливал дам в вечерних платьях и масаев в их шуках. Народ, расположившийся на трибунах, потреблял невероятное количество пива и апельсинов и с воодушевлением приветствовал танцоров, исполняющих на арене традиционные пляски. Танцоры, одетые в шкуры, били в барабаны и размахивали копьями, сменяя друг друга. Здесь были представлены все народности Кении, и толпа неистовствовала, приветствуя соплеменников. Когда на арену вышла группа борцов за свободу — активисты Мау Мау, до последнего державшиеся в лесах, Джомо Кеньята обнял их и попытался представить герцогу Эдинбургскому, который вежливо отклонил предложение легким покачиванием головы.

Наконец приблизился самый долгожданный момент. Перед наступлением полночи 11 декабря 1963 года под звуки военного оркестра, исполнявшего «Боже, храни Королеву», было спущено британское полотнище и поднят новый красно-черно-зеленый

кенийский флаг. Он расправился на ветру, и луч прожектора гордо высветил герб Кении — щит с двумя скрещенными копьями. Толпа взорвалась оглушительными криками и аплодисментами. Затем последовал королевский салют в честь герцога Эдинбургского, после чего состоялась официальная передача знамен от Королевских африканских стрелков Кенийским стрелкам. Старые малиновые шапки сменились черными заостренными шлемами — теперь у Кении была собственная современная армия.

На помост поднялся Джомо Кеньята, и на стадионе воцарилась тишина. Старик выглядел очень представительно в своем темном европейском костюме и традиционной, расшитой бисером шапочке кикую. Его проницательный взгляд обвел трибуны, заполненные тысячами африканцев, и над трибунами зазвенел его голос.

— Соотечественники! Всем нам придется много работать, чтобы спасти самих себя от бедности, безграмотности, болезней. В прошлом мы могли обвинять европейцев во всех своих бедах. Теперь же мы сами управляем своей страной… Мы все обязаны объединить усилия и развивать страну, создавать систему образования для детей, строить больницы, дороги, постоянно улучшать условия жизни. Это наша общая задача, и мы должны быть объединены общим духом. Поэтому я прошу вас сейчас поддержать меня и крикнуть громко, так, чтобы потрясти самые основы нашего прошлого, вложить всю мощь нашей новой цели… — Он сделал паузу, обвел взглядом толпу, затем раскинул руки и закричал: — Харамби!

— Харамби! Харамби! — взревела толпа. — Харамби! — скандировали все как один. — Объединяйтесь!

Улыбаясь, Кеньята повернулся к герцогу и сказал:

— Когда вернетесь в Англию, передайте наши наилучшие пожелания королеве и скажите ей, что мы по-прежнему друзья. Только теперь эта дружба будет исходить от самого сердца и поэтому значить больше, чем раньше.

Толпа неистовствовала. Шапки и калабаши взлетали в воздух, все обнимались. Всем казалось, что этот рев толпы, подобный реву гигантского льва, был слышен во всем мире.

И затем, наконец, в обстановке необычайной торжественности кенийский военный оркестр взял первые аккорды нового

национального гимна и двести пятьдесят тысяч людей поднялись в едином порыве.

Когда в дождливую ночь понеслась печальная, берущая за живое мелодия, наполняя всех присутствующих гордостью, смешанной с некоторой грустью, и особым, не испытанным ранее ощущением настоящего единства своего народа, Кения, этот последний оплот британского империализма, эта последняя колония, отколовшаяся от некогда могущественной Британской империи, вступила в современную эпоху.

Грейс Тривертон оглядела переполненный стадион. Она стояла в привилегированной ложе рядом с Джеффри Дональдом и другими видными белыми бизнесменами из Найроби и вдруг поняла, что никогда ранее ей не приходилось видеть такое количество африканцев, собравшихся в одном месте. Это осознание потрясло ее и одновременно пронзило холодом до самых костей, больше, чем прохладный дождь. Впервые она по-настоящему поняла, за что именно боролись африканцы все эти годы. Грейс смотрела на черные лица, на которых была написана великая гордость, и думала о туманном, непонятном будущем, которое их всех ждало. Она знала, что в сердцах этих африканцев оставалось еще немало гнева и обиды. Смогут ли они когда-нибудь забыть и простить свое жалкое прошлое, все те унижения, которые им пришлось испытать от колонистов? Между ними и их воинственными предками пролегли всего пятьдесят лет. Вернется ли Кения к варварству и кровожадности, как только британский порядок перестанет здесь существовать? Грейс прекрасно понимала, что эти люди были опьянены своей новой властью, что они жаждали роскоши, которую, как они наивно полагали, принесет им самоуправление. Вспоминая Мау Мау, Грейс не могла не задуматься и о том, каково придется оставшимся в Кении белым в том случае, если разразится еще одна подобная война, — ведь тогда британские войска уже не встанут на их защиту.

Она посмотрела на Кеньяту, стоявшего на ораторском возвышении. Ко всеобщему изумлению, его европейская жена, на которой он женился много лет назад в Англии, прилетела в Кению, чтобы присоединиться к нему и двум его туземным женам. Этим шагом она хотела показать пример доброй воли и примирения между расами. Кеньята очень убедительно говорил о необходимости

сохранять порядок и терпимо относиться друг к другу. Но сможет ли он удержать контроль над шестью миллионами плохо поддающихся управлению людей, если вдруг разразится вторая революция?

«Каким будет их будущее, которое начнется уже завтра?» — с беспокойством спрашивала себя Грейс.

После того как раздались последние аккорды национального гимна, толпа снова радостно закричала. Восьмилетняя Дебора хлопала в ладоши и смеялась. Это было даже лучше, чем Рождество! Она стояла между тетей Грейс и дядей Джеффри, дрожа от ночного холода, и смотрела на противоположную трибуну, где в другой зарезервированной ложе стоял Кристофер Матенге со своей сестрой, матерью и бабушкой.

Их взгляды встретились.

Она улыбнулась ему.

Он улыбнулся ей в ответ.

Часть восьмая
1973

56

— Ты рада, что едешь в Калифорнию? — спросила Сара, помешивая в горшке растопленный воск.

Дебора сидела, прислонившись к стволу каштана и подтянув колени к подбородку, и листала модный журнал — специальный выпуск «Мадемуазель», посвященный студенческой моде, с последними новинками моды университетских кампусов. Она задержалась взглядом на странице, где модели демонстрировали длинные юбки и туфли на платформе, затем подняла глаза на подругу.

— Меня это пугает, Сара. Калифорния ведь так далеко, там все совершенно по-другому!

Сара склонилась над горшком, проверяя консистенцию воска. Она понюхала его, затем добавила еще один небольшой кусочек. Глядя, как он тает, она говорила:

— Не могу поверить, что ты так долго на это решалась! Если бы эту стипендию предложили мне, уж я бы не стала раздумывать и сразу же за нее ухватилась!

Снова опустив глаза на юных моделей, которые все прямо светились американской самоуверенностью, Дебора почувствовала, как страх опять заползает в ее сердце. Да разве сможет она вписаться в среду этих современных, модных девушек?

Это решение далось ей нелегко. Принять стипендию Ухуру означало провести три года вдали от Кении — вдали от всех ее друзей, от тети Грейс, от своего дома в миссии, а самое главное — вдали от Сары, которая была ей как сестра. А кроме того, сегодня домой возвращается Кристофер, четыре года проучившийся в Англии. У Деборы только и будет времени, чтобы поздороваться с ним, а затем придется снова попрощаться.

Дебора завидовала Саре. Она казалась такой уверенной в себе, прямо как эти модели в журнале. Сара всегда была очень смелой; потому, что она родилась в тюрьме, как она сама всегда говорила. Они ничего не боялась и всегда была готова принять любой вызов, который бросала ей судьба. То, что она ушла из колледжа, проучившись всего год, было абсолютно типично для Сары. Этот поступок чрезвычайно разгневал ее мать, Ваньиру. Она до такой степени рассердилась на

дочь, что с тех пор они не разговаривали друг с другом. Дебора тоже была шокирована. Но подруга объяснила ей мотивы своего поступка со свойственной ей уверенностью в собственной правоте: «Эджертон больше ничего не может мне дать. У меня нет времени просиживать на этих бесполезных занятиях. Я прекрасно знаю, чего я хочу, и в Эджертоне я этого не получу Так что я собираюсь отправиться своей дорогой».

Сара имела в виду свою мечту стать дизайнером модной одежды. Еще будучи совсем маленькой девочкой, она уже точно знала, чем именно станет заниматься. В средней школе Сара жадно хваталась за любые занятия, где обучали искусству, дизайну и шитью. После школы она поступила в Эджертонский колледж в Нджоро, где на факультете народного хозяйства, одном из очень немногих курсов высшего образования, открытых для кенийских женщин, изучала виды тканей и то, как с ними обращаться, а также ручную и машинную строчку, кройку, шитье женского платья, перешивание и отделку. Увидев, что второй год обучения полностью посвящен кулинарии и воспитанию детей, она ушла из колледжа и вернулась домой, чтобы следовать к осуществлению своей мечты другим путем.

Теперь она работала помощницей швеи в Найэри, в мастерской индианки по имени Дар. Зарплата была маленькой, работать приходилось с утра до поздней ночи, условия работы оказались тяжелыми, но миссис Дар обшивала жен всех преуспевающих бизнесменов в их округе, и поэтому Сара жадно училась у нее ремеслу. Однако и этого ей было мало. Она, конечно, надеялась, что когда-нибудь у нее будет своя мастерская, собственные помощницы и швейные машины, но мечтала Сара о чем-то большем: о том, чтобы создать совершенно новый стиль.

Именно поэтому она сейчас мешала горячий воск в горшочке над огнем, сидя у реки вместе с Деборой. Не так давно Сара открыла для себя искусство батика — окрашивания ткани с помощью воска, и теперь она дни напролет проводила эксперименты, упражняясь в этом мастерстве.

— Мне кажется, я буду чувствовать себя не в своей тарелке там, в Калифорнии, — призналась Дебора, откладывая в сторону модный журнал. — Я ведь ничего не знаю. И я просто уверена, что все они намного умнее меня.

Сара выпрямилась и встала руки в боки.

— Что за чушь, Деб! А за что, как ты думаешь, ты получила эту стипендию? Неужели за свою глупость? Ты же обошла полторы тысячи других претендентов! И разве профессор Муриуки не говорил, что университет Найроби уступает Калифорнийскому университету одну из самых блестящих своих студенток?

Профессор Муриуки, возражала про себя Дебора, просто очень добр к ней. Она училась у него в университете Найроби весь последний год, и он выделял ее среди других студентов.

К тому же он признавал:

— Нельзя отрицать, что уровень образования в Калифорнийском университете выше, чем у нас. Вы приняли мудрое решение, мисс Тривертон. Вернувшись в Кению и продолжив учебу в местном медицинском университете, вы будете на две головы выше своих сокурсников.

Восемнадцатилетние девушки наслаждались теплом августовского солнышка, любовались рекой, мирно несущей мимо них свои воды. Из-за деревьев доносились крики детей, играющих в регби на поле, которое мать Деборы передала миссии Грейс, когда уезжала из Кении десять лет назад. Недалеко, всего в сотне метров от реки, стояла хорошо знакомая горстка хижин, которую окружала сельская идиллия: посевы маиса и бобов, обещавшие богатый урожай, стадо ухоженных коз, наполненное до краев зернохранилище. Там и жила Сара вместе со своей старенькой бабушкой, Мамой Вачерой, но в своей собственной хижине, которую она обустроила, расстелив на полу ковер и обставив удобными стульями. Была там и хижина Ваньиру, в которой она останавливалась, когда приезжала в гости из Найроби. Четвертая хижина была для Кристофера. Когда-то это была тингира, холостяцкая хижина его отца; Кристофер всегда останавливался там, когда приезжал на каникулы из медицинского университета.

Вспомнив о Кристофере, Дебора посмотрела на часы. Его самолет из Лондона прилетел еще утром. В аэропорту его должна была встретить мать и привезти сюда на своей машине.

Деборе казалось, что им давно уже пора бы приехать. Где же они?

Всю предыдущую неделю она по ночам ворочалась в постели, а в последнюю ночь перед его приездом ни на минуту не сомкнула глаз, постоянно думая о Кристофере и его скором возвращении. Как они

встретятся после четырех лет разлуки? И сейчас сердце ее забилось быстрее при мысли о том, что Кристофер снова вернется домой, что они опять будут разговаривать долгими-долгими часами. «Сильно ли он изменился за эти годы»? — спрашивала себя она.

Сара оставила на некоторое время свой горшок с воском и теперь внимательно рассматривала куски ткани, разложенные на больших валунах для сушки. Все они были окрашены разными способами.

— Кажется, мне наконец удалось решить проблему с трещинками на рисунке, — сказала она, протягивая Деборе кусок ткани. — Что скажешь, Деб?

Дебора рассматривала большой кусок муслина в руках Сары. Рисунок на ткани изображал женщину с ребенком: примитивные, грубоватые линии; краски натуральных оттенков. Ей нравилось, как солнце просвечивает сквозь ткань, обнаруживая черные прожилки краски в тех местах, где воск треснул.

— Очень красиво.

Сара положила ткань обратно на камень и отступила.

— А я вот не уверена.

— Ты овладела техникой работы с воском — краски почти не растекаются.

Сара кусала губы, придирчиво разглядывая дело своих рук.

Она самостоятельно, долгим путем проб и ошибок, постигала искусство создания батика, экспериментируя на обрезках ткани, которые покупала у миссис Дар, жертвуя на это почти половину своего жалованья. Воск и краска, которые Сара покупала на азиатском рынке в Найэри, съедали остаток ее средств, так что Сара постоянно сидела без денег. Но результат того стоил. Она освоила мастерство создания батика, и ее ткани были прекрасны.

И все же чего-то не хватало.

— Не знаю, Деб, — сказала Сара, усаживаясь на траву рядом с подругой. Она задумчиво ковыряла босыми ногами красную глину и наблюдала за рыбами в прозрачной воде. — Мне кажется, этого недостаточно.

Дебора, которая не обладала художественными талантами и поэтому искренне восхищалась достижениями своей подруги, возразила:

— Ты сможешь шить замечательные платья из этой ткани, Сара. Я знаю, что, если бы у меня были деньги, непременно купила бы у тебя одно!

Сара улыбнулась. Несмотря на то что Дебора носила фамилию Тривертон и ей принадлежал огромный дом на холме прямо в центре кофейной плантации мистера Сингха, а ее тетя была владелицей миссии Грейс, денег у Деборы не было. Дело в том, что дом этот ничего не стоил: его содержание обходилось слишком дорого, и желающих купить это старое строение, со всех сторон окруженное кофейными деревьями мистера Сингха, не находилось. И все знали, что практически с самого дня основания миссия была убыточной, потому что в школу и больницу всегда брали тех, кто не мог заплатить, и что все средства, которые доктор Тривертон когда-либо удавалось добыть, она тут же тратила опять на миссию, ничего не оставляя себе. Ходили даже слухи о том, что, если бы не помощь католических монахинь, предложенная ими несколько лет назад, миссия давно бы уже разорилась. Так что Дебора Тривертон была так же бедна, как и Сара Матенге; и это было далеко не единственное, что объединяло их.

— Подумать только! — воскликнула Дебора, протягивая подруге журнал. — В Америке все еще носят мини-юбки!

Сара с завистью смотрела на моделей. В Кении мини-юбки были запрещены. Власти заявили, что это «неприлично и недостойно женщины», что мини-юбки «разжигают в мужчинах постыдные страсти».

— Нет, мне никогда не вписаться в их круг, — в отчаянии произнесла Дебора. — Посмотри, во что я одета! — На ней были простое ситцевое платье и босоножки. «Самое то для кенийской деревни, — думала она, — но совершенно не подходит для кампуса престижного Калифорнийского университета».

— В Америке сейчас можно носить все, что хочешь, — успокоила ее Сара. — Посмотри сама: миди, бабушкины платья, крестьянские юбки, а вот вельветовые брючные костюмы. Или вот, голубые джинсы с заплатами всех цветов радуги. И даже шорты! Ты, главное, помни, — сказала она убежденно, — что ты получишь диплом с отличием и вернешься домой высококлассным специалистом. Все будет так, как сказал профессор Муриуки.

Деборе оставалось только надеяться, что предсказания Сары исполнятся. Ее самой главной мечтой было стать хорошим доктором. Быть такой, как тетя Грейс, и идти по ее стопам.

— Если бы только у меня были деньги! — воскликнула Сара, швыряя камешек в воду. — Уж я-то знаю, что могла бы шить лучше, чем миссис Дар! Она такая консервативная, у нее нет никакого воображения. Она и слушать не хочет мое мнение! На прошлой неделе пришла жена доктора Чандра, так миссис Дар одела ее в костюм зеленого цвета, который ей ну никак не идет! Я-то сразу увидела, что ей нужно что-нибудь светло-коричневое, может, с золотистой отделкой. А юбки миссис Дар на ней просто висят, как на вешалке! Ох, Деб, если бы у меня были деньги, я бы купила швейную машину и открыла собственное дело. Я могла бы работать прямо здесь, у себя дома. А когда у меня появилось бы несколько постоянных клиентов, закупала бы оптом небеленый муслин и окрашивала отрезы так, чтобы они индивидуально подходили каждой из них.

— Эти очень красивые, — заверила ее Дебора, кивая на разложенные на валунах куски батика.

Сара схватила один из них, выкрашенный разными оттенками красного и оранжевого, и предложила:

— Давай посмотрим, как это будет смотреться на тебе.

Дебора засмеялась и сказала:

— Канги мне не идут, Сара. — Но все же поднялась и позволила подруге обернуть вокруг себя жесткий материал.

Несмотря на то что Дебора была мзунгой, ее кожа была ненамного бледнее, чем кожа Сары, ведь всю свою жизнь она провела под жгучим экваториальным солнцем. В то время как большинство белых, живущих в Кении, старательно пытались защититься от безжалостных прямых лучей солнца, Деборе нравилось ощущать солнечное тепло на своих руках и лице. Но это не означало, что девушки похожи друг на друга. Несмотря на то что у Деборы были короткие кудрявые черные волосы и карие глаза, внешность ее была абсолютно европейской, тогда как Сара имела ярко выраженные африканские черты. Она носила модную в то время прическу — множество туго заплетенных косичек, собранных вместе на макушке, которую венчал фонтан волос. Такая прическа удлиняла ее и без того длинную шею и подчеркивала изящество ее тонких рук и стройного тела. Дебора считала Сару

Матенге исключительной красавицей и даже немного завидовала природной грациозности и чувству стиля, присущему ее подруге.

— Тебе здорово идет, Деб, — сказала Сара, отступая на шаг назад и изучая свое творение.

Дебора медленно поворачивалась в солнечном свете, пытаясь поймать свое отражение в водах реки. Сара обернула ткань вокруг нее по принципу канги — перехлестнула на груди и завязала в узел под шеей.

Потом Сара вновь нахмурилась.

— Что-то не так? — спросила Дебора. — Тебе не нравится?

— Это не то, к чему я стремлюсь, Деб. Все это выглядит чертовски банальным. — На лице Сары появилось задумчивое выражение. — Помнишь, несколько лет назад был в моде ливерпульский стиль? А потом Карнаби-стрит? А вот кенийского стиля не существует. Нет такого стиля, который можно было бы назвать уникальным, присущим только Восточной Африке.

— А как же канга? Я бы сказала, что это типичный восточноафриканский стиль.

Да, это действительно было так. Впервые эти большие прямоугольники ярко раскрашенной хлопчатобумажной ткани, известные под названием «канга», появились на кенийском побережье в девятнадцатом веке. Теперь мода на кангу распространилась по всей Восточной Африке: женщины носили их и в поле, и на рынке. Из канги можно было сделать простое платье, если обернуть ее под мышками и подоткнуть; иногда ее завязывали узлом на плече или на шее. Использовали ее также в качестве юбки с запахом, шали, люльки для младенцев, оборачивали вокруг головы в тюрбан. Канга была дешевым, простым нарядом, который не требовал особого ухода и отлично подходил образу жизни африканских крестьянок. Но Сара не собиралась создавать одежду для ваначи.

— Я думаю о тех женщинах, которые работают в городах, Деб. Их становится все больше — многие сейчас стремятся получить работу в офисе: учатся на секретарей, администраторов. Женщин начинают брать на работу в банки и коммерческие фирмы. Есть даже женщины адвокаты! Эти женщины не могут носить кангу. И что же тогда они носят? — Она ткнула пальцем в сторону «Мадемуазель». — Они покупают дешевые имитации американской и британской одежды!

— Ну тогда, — ответила Дебора, — ты могла бы делать готовые платья на основе канги, из той же ткани. Тогда это, несомненно, будет новый стиль и уж точно кенийский.

Сара затрясла головой, при этом ее золотые серьги в виде колец засверкали на солнце.

— Я не хочу шить из ткани, из которой делают канги. Ненавижу эти дурацкие высказывания, которые на них печатают.

По не известной никому причине много лет назад среди производителей тканей для канг появилась странная мода: на каждом отрезке печатался афоризм на языке суахили. Многие из них были такими древними и настолько неясного происхождения, что не имели для современников никакого смысла: «Видоле витано, кипи ни бора?» — «Из пяти пальцев который лучший?» А другие, наоборот, были избиты и банальны, например: «Акили ни мали» — «Человек богат умом».

Сара взяла у Деборы батик и снова расстелила его на валуне.

— Я не хочу использовать уже готовую ткань. Я хочу создать новый материал. Ну как же ты не понимаешь, Деб? — Сара возбужденно затараторила. — Я хочу создать абсолютно новый стиль. Не просто материал, не просто новый покрой платья, а совершенно новый образ. Что-то, в чем заключена сама Кения, стиль, который сохранит и обессмертит африканские традиции! И что-то такое, что захотят носить женщины в Европе и Америке.

— И как будет выглядеть такой образ?

— Я пока не знаю. — Сара пристально смотрела на батик, сохнущий на солнце. Она столько экспериментировала с цветом и рисунком, но, кажется, все, что ей удалось создать, — это лишь имитация канги. — Что есть такого, что присуще именно Кении? — спросила она. — Только не считая канги.

Дебора пожала плечами:

— Понятия не имею.

— Знаешь, что я собираюсь сделать, Деб? Я хочу поездить по нашей стране и посмотреть, что носят люди.

— Какая замечательная идея!

— Только подумай обо всех этих племенах, на которые западная цивилизация еще не оказала своего влияния. Луо, Кипсигис, Туркана! Они наверняка до сих пор носят традиционные наряды. Я собираюсь

изучать их: я буду делать зарисовки, они станут моим вдохновением, Деб. Я найду новый образ Кении в самих ее людях!

— Все это звучит просто восхитительно, Сара. И я уверена, что у тебя все получится!

— У меня могло бы получиться, если бы только у меня были деньги!

— Сара! — воскликнула Дебора. — У меня есть отличная идея: я продам часть вещей из Белладу, тогда у тебя будут деньги, которые тебе так нужны!

Но Сара лишь улыбнулась и ответила:

— Нет, Деб. Ты не можешь этого сделать. Ты переедешь жить в Белладу, после того как окончишь медицинский университет. Не станешь же ты жить в пустом доме! — Она повернулась и подошла к воде. — Я придумаю, где взять денег. Я в этом абсолютно уверена. И открою собственный бизнес.

— Да, обязательно, — ответила Дебора. — А я, когда стану доктором, буду покупать у тебя всю свою одежду!

Сара покрутилась на месте и раскинула руки.

— Да, и станешь отправлять ко мне всех своих богатых друзей! У меня будет столько заказов, что мне придется нанять пятьдесят человек, и все вокруг захотят носить мою одежду!

— Ты станешь Руди Гернрайх Восточной Африки!

Сара рассмеялась:

— Нет, скорее Мэри Квант!

— И кто такая Мэри Квант? — послышался вдруг мужской голос.

Девушки обернулись и увидели молодого человека, который направлялся к ним широкими шагами вниз по травянистому берегу реки. На нем были темные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами и солнечные очки.

— Кристофер! — закричали обе в один голос.

Дебора внезапно оробела и не сдвинулась с места, в то время как Сара кинулась ему на шею. Он схватил ее и закружил.

— Ты вернулся! — кричала она.

— А ты так выросла! — Он поставил ее на землю, и они дружно рассмеялись. Потом Кристофер повернулся к Деборе.

— Привет! — сказал он.

— Привет, Кристофер. Добро пожаловать домой.

Они стояли под каштаном, по их лицам плясали блики, которые солнце бросало сквозь листву, и смотрели друг на друга. Каждый из них думал о том, что четыре года поначалу казались им вечностью, но теперь, когда разлука позади, им вдруг стало казаться, что они и глазом не успели моргнуть. Кристофер удивлялся тому, как изменилась за это время Дебора, превратившись из озорной четырнадцатилетней девчонки в прелестную молодую женщину, а Дебора пыталась понять, куда делся тот неуклюжий, долговязый семнадцатилетний парень и кто этот красивый мужчина, который стоял сейчас перед ней.

— Ты выросла, — тихо сказал он.

— Ты тоже.

Снова воцарилось молчание. Потом Сара спросила:

— Где мама?

— В твоей хижине, жалуется, что нет угали и что твое поведение просто недопустимо.

Сара со страдальческим видом подняла глаза к небу, потом сказала:

— Пойду поищу бабушку. Она, наверное, в деревне. О, Кристофер! — Она снова обняла его. — Как я рада, что ты вернулся! Скажи мне, что ты приехал навсегда и больше никогда не уедешь.

Он рассмеялся:

— Я больше никогда отсюда не уеду.

Сара убежала, скрывшись за деревьями. Дебора и Кристофер остались одни.

Она не могла поверить в то, что он и в самом деле стоял теперь перед ней — после четырех лет переписки и телефонных звонков на Рождество, в течение которых она скучала по своему закадычному другу и товарищу по детским играм, росла и замечала, как ее дружба превращается в любовь женщины к мужчине. Она видела странные, волнующие сны о нем, тосковала по нему, лежа в постели с открытыми глазами и уже не переживая их совместные детские приключения, как это было раньше, а придумывая романтические свидания. В отсутствие Кристофера Матенге Дебора влюбилась в него, и теперь эта любовь сделала ее неожиданно робкой.

— Я скучала по тебе, — призналась она.

— Я тоже скучал по тебе, Деб. Не могу передать, что значили для меня твои письма. — Он сделал несколько шагов к ней, но

остановился и устремил взгляд за реку. — Леса больше нет…

Дебора посмотрела в ту же сторону, на шамбы, которые, будто аккуратные заплатки, покрывали склон холма до самой верхушки. Когда они с Кристофером были детьми, лес доходил до самой кромки воды. Затем новое африканское правительство выделило эту землю переселившимся сюда кикую, которые тут же принялись вырубать лес и распахивать землю под поля. Теперь здесь было много хижин — уже не круглых, как раньше, а квадратных, как это принято у мзунгу, но все так же построенных из глины и навоза и крытых слоновьей травой. А по обочинам пересекающихся немощеных улочек было припарковано несколько видавших виды автомобилей.

Дебора посмотрела на Кристофера и подумала, что он тоже очень изменился. Откуда взялось это стройное мускулистое тело, эти широкие квадратные плечи, которые плотно натягивали ткань рубашки? В его позе было столько гибкости — он напомнил Деборе морани племени масаи, которые кочевали по долинам Амбосели. Это были необыкновенно красивые молодые мужчины, стройные и поджарые, достаточно чванливые для того, чтобы считать себя самой красивой расой на земле. Кристофер создавал подобное впечатление, вот только в нем не чувствовалось и намека на самолюбование. Он повернулся и улыбнулся ей так, как ни один морани никогда не смог бы улыбнуться.

— Как Англия? — спросила она.

— Холодная и дождливая. Я рад, что вернулся домой.

Он и говорил теперь по-другому Акцент кикую, который всегда присутствовал в его речи, исчез. Кристофер больше не смешивал «л» и «р», как это делают кикую, ведь в их языке нет звука «р». Он говорил на правильном языке выпускника Оксфорда, кем и являлся.

— Как поживает твоя тетушка? — спросил Кристофер.

— Замечательно. Работает много, как никогда. Я напоминаю о том, что ей уже восемьдесят три и что следовало бы проще ко всему относиться. Но тетя Грейс считает, что, если она выйдет на пенсию, миссия без нее развалится.

— Возможно, так оно и будет.

Дебора смотрела в его солнечные очки. Она чувствовала себя несколько комфортнее оттого, что очки защищали ее от его глаз.

— А твоя мать? Что от нее слышно?

В голове у Деборы всплыло воспоминание. Ей было восемь лет, и она была в охотничьем домике «Килима Симба». Ей захотелось в туалет, и она выскользнула из своей палатки. Проходя мимо палатки своей матери, она услышала голос: «Дебора для меня ничего не значит, Джеффри. Я договорилась с тетей Грейс, что она будет жить у нее».

— Мама нам теперь очень редко пишет, — ответила Дебора, думая о последнем письме от матери, формальном, безразличном. — Но она говорит, что дела на овечьей ферме идут хорошо, и Австралия ей все так же нравится. На каждое Рождество она посылает тете Грейс и мне по шерстяному свитеру.

Они снова замолчали. Глаза Кристофера по-прежнему были скрыты за солнечными очками, Дебора же смотрела на реку, на прозрачную воду, которая перекатывала гальку и водоросли.

Стояла необычайная для августа жара; казалось, зной сочится из самой земли и окутывает их жаркими волнами. Дым от печей в домиках кикую наполнял воздух острым кисловатым запахом. Со стороны поля для регби раздавались крики игроков; среди кофейных деревьев мистера Сингха урчали моторы. На руку Деборы села пчела, она смахнула ее.

Кристофер снова осмотрелся, медленно поворачиваясь, чтобы вобрать в себя всю окружающую его картину, бесчисленные фермы, которые покрывали теперь местность. А ведь когда-то здесь была непроходимая чаща. Столетия назад здесь шли войны с масаями, его предки поклонялись деревьям и диким зверям, а не так давно тут нашли прибежище борцы за свободу Мау Мау. Теперь же всюду, насколько хватал глаз, были заплатки зеленого цвета, аккуратно поставленные на красной ткани земли. Полуголые ребятишки пасли коз и коров; женщины пололи сорняки, согнувшись над грядками, или собирали овощи. Это был мирный, спокойный пейзаж, и Кристофер страшно скучал по нему все четыре года учебы в Англии.

Наконец он снова посмотрел на Дебору, которая стояла в луче солнечного света, задумчиво глядя на воду, совсем как в тот день, десять лет назад, когда он впервые встретил ее.

Он подумал о письмах, которые она ему посылала раз в неделю, в течение четырех лет. Он все их бережно сохранил.

Поначалу Кристофер, с одной стороны, тосковал по Кении, но одновременно был захвачен новой жизнью в Оксфорде. Тогда он лишь

скучал по веселому товарищу своих юных лет, по чудесной маленькой девочке, которая сделала его жизнь с бабушкой более веселой. Он скучал по Деборе точно так же, как по Саре и матери, как по своим товарищам, с которыми вместе играл в регби.

Но потом прошел первый год его учебы, затем наступил второй, а письма от Деборы неизменно приходили каждую неделю, и он обнаружил, что ждет не дождется, когда придет новое письмо и он сможет укрыться где-нибудь один на один со словами, написанными Деборой, найти хоть несколько мгновений в своей занятой жизни и провести их с ней, там, в Кении. Наверное, его чувства к ней начали меняться, когда изменились ее письма. Детскость постепенно исчезала из них, на смену ей медленно приходила зрелость. Дебора рассказывала ему о серьезных вещах: о правительстве, о событиях в мире, о своей мечте стать доктором, и задавала ему тысячу вопросов о нем самом, об учебе, о планах на будущее. Письма от Деборы были ниточкой, которая связывала его с Кенией; благодаря им он никогда не чувствовал себя оторванным от дома. И никогда не чувствовал себя оторванным от нее, напротив, с каждым ее письмом он становился ей все ближе. И она стала значить для него очень много.

Со стороны хижины Сары послышались спорящие голоса.

— О боже, — произнесла Дебора. — Опять они за свое. Твоя мама ужасно сердита на Сару. Она тебе рассказывала об этом?

— Да. Сначала, когда Сара написала мне от том, что ушла из Эджертонского колледжа, я тоже был против. Но я знаю свою сестру. Она сумеет добиться своего. Маме следовало бы уже понять, что спорить с Сарой бесполезно.

— Они очень похожи друг на друга, верно?

— Интересно, а где бабушка?

— Она отправилась принимать роды. — Дебора не могла отделаться от чувства смущения, казалось, она должна была что-то говорить, чтобы заполнить пространство между собой и Кристофером. — После независимости дела у Мамы Вачеры идут очень неплохо. Люди возвращаются к традиционным методам лечения, и старые знахари, выйдя из подполья, процветают. Как твоя бабушка.

Кристофер задумался. Он собирался стать доктором через четыре года и тоже намеревался процветать.

— Кристофер, мне нужно тебе что-то сказать, — быстро сказала Дебора. — Я тебе об этом не писала — хотела сказать при встрече. Я получила стипендию Ухуру и могу поехать учиться в Калифорнию.

Она не заметила никакой реакции с его стороны, только увидела свое двойное отражение в стеклах его очков. Он немного помолчал, потом произнес:

— В Калифорнию. Надолго?

— На три года.

Он снова замолчал. Его глаза по-прежнему были спрятаны за темными стеклами. Казалось, весь мир затаил дыхание. Замолкла река, затихли птичьи трели в кронах деревьев. Затем Кристофер шагнул к Деборе и положил ладони на ее обнаженные руки. Напряжение нарастало, они оба это остро почувствовали. Глядя на нее, Кристофер еще крепче сжал ее руки.

Дебора была самым старым и самым дорогим другом. Когда-то она спасла его от детского одиночества и взяла с собой в свой солнечный мир. Ее письма поддерживали его все это время, и он мечтал снова увидеть ее. Но теперь все было по-другому. Что-то изменилось.

Неожиданно Дебора показалась ему маленькой, беззащитной.

— Будь осторожна, — произнес он с тревогой. — Мир такой огромный, намного больше, чем ты можешь себе представить. Ты знаешь только Кению, Дебора, и то лишь часть ее… — Голос его прервался. Он хотел сказать больше, озвучить это странное, новое чувство, которое так неожиданно охватило его. Он смотрел на нее, чувствовал ладонями ее теплую кожу и думал: «Она такая невинная».

Его охватило сильное желание защитить ее, прижать к себе и укрыть от всего того, что ему самому суждено познать в этом большом мире. Кения была всего лишь маленькой, изолированной страной. А Дебора была ребенком сельской, отсталой провинции. Что она знала о жизни?

— Со мной все будет в порядке, — растерянно ответила она, потрясенная мощью его прикосновения, страстью, звучащей в его голосе. Что с ним произошло? Откуда взялась эта сила, эта страстность?

Дебора подняла руки и сняла с него очки. Он смотрел на нее глазами, которыми его предки много веков назад наблюдали за

передвижением льва в высокой рыжей траве. Она утонула в этом взгляде, ощутила, как энергия перетекает из его ладоней в ее руки. Кристофер захватил, пленил ее. Внезапно ей стало трудно дышать.

— Дебора, — тихо произнес он, все так же крепко сжимая ее руки. — Я не могу просить тебя остаться. У меня нет такого права. Ты должна ехать и добиться в этой жизни всего, что только в твоих силах. Но… пообещай мне, Дебора, что…

Она ждала. Теплый ветерок колыхал листья над их головами. Солнечные зайчики прыгали по их лицам.

— Что пообещать? — прошептала она. Сердце ее, казалось, вот-вот выскочит из груди. «Скажи это, Кристофер. Прошу тебя, скажи».

Но слова не слетали с его губ. Все случилось слишком быстро — этот резкий переход от дружбы с Деборой Тривертон до любви к ней как к женщине. Через мгновение Кристоферу показалось, что он пересек какую-то опасную черту — черту, приближения которой он не заметил, через которую переступил, сам того не осознавая. Он был не готов к этому внезапному порыву страсти, этому нежданному, запретному желанию схватить ее в свои объятия и поцеловать. И не только поцеловать.

И он не знал, как ей сказать об этом. Он подумал о далекой Калифорнии, о тех мужчинах, которых Дебора там непременно встретит, мужчинах, подобных ей, — белых. Она уедет из Кении, со страхом осознал Кристофер, и никогда больше не вернется сюда.

— Дебора, — произнес он наконец, — пообещай мне, что ты никогда не забудешь, что Кения — твой дом. Здесь твоя родина. Здесь живет твой народ. Там, в другом мире, ты будешь чужой. Ты будешь диковинкой, ты будешь непонятой. Мир нас не знает, Дебора; он и понятия не имеет о том, как мы живем, о чем мечтаем. В Англии ко мне относились как к чудаку. Вокруг меня вечно кружили люди, которые хотели со мной познакомиться, но друзьями я так и не обзавелся. Они и представления не имеют о том, что такое быть кенийцем, насколько мы не похожи на других. Они могут сделать тебе больно, Дебора. А я не хочу, чтобы тебе было больно.

Она пропала, потерялась — в его глазах, в его руках, крепко сжимавших ее. Этого странного, пугающего мира, о котором он говорил, больше не существовало, оставался лишь кусочек реки и на ее фоне — она и Кристофер.

— Пообещай мне, — повторил он звенящим голосом, — что ты вернешься домой.

Язык ей не повиновался.

— Обещаю, — прошептала она. И, когда он отпустил ее руки, резко отвернулся и зашагал прочь, ей показалось, что вместе с ним из ее жизни ушел солнечный свет.

57

Сара была невероятно зла.

Вот уже две недели она путешествовала по Кении в поисках «кенийской моды», а никакой моды так и не нашла.

Она шла по древним улочкам Малинди — экзотического, обветшавшего города, бывшего порта, где торговали арабами. Смотрела на белые стены домов, на закутанных с ног до головы женщин, на многолюдные рынки, на цветущие манговые деревья и чувствовала себя так, будто очутилась в далеком прошлом. Сара разозлилась еще сильнее.

Она начала свои поиски около озера Виктория, где посетила племя луо. Она изучала их, делала зарисовки — за работой, на рынке, возле костров — и обнаружила, что большая часть мужчин носят широкие брюки или шорты, а женщины — канги. После этого она поехала к племенам масаи и самбуру, где увидела на женщинах и мужчинах обыкновенные красные накидки шуки — либо завязанные на плече, либо обернутые вокруг тела под мышками. Женщины племен камба и таита также носили канги, иногда даже поверх европейского платья или блузки, а зачастую и на голове в качестве шарфов. В этой одежде преобладал красный цвет; коричневый также пользовался большой популярностью, особенно у тех, кто до сих пор носил набедренные повязки и накидки из мягкой кожи. Здесь, на побережье, где чувствовалось сильное влияние арабской культуры, мусульманки, с головы до ног укутанные в одежду, так что видны были только глаза, носили исключительно черное, а индианки — яркие сари, привезенные из Индии. Сара объездила Кению вдоль и поперек, ее альбом был полон зарисовок, а ожидаемое вдохновение к ней так и не пришло.

Ей было жаль, что Дебора не смогла поехать вместе с ней. Они бы превратили эту поездку в настоящий праздник и хорошо отдохнули, путешествуя по глубинке. Для Деборы, которая через несколько недель уезжала в Америку, это стало бы отличными проводами, к тому же она бы помогала ей советами и выслушивала ее идеи.

Но в охотничьем домике «Килима Симба» в честь нее устроили прощальную вечеринку, и Дебора вынуждена была поехать туда. Поэтому она уехала с Терри Дональдом, а Сара отправилась к мистеру

Мваи выпрашивать у него машину: тот вошел в ее положение и любезно согласился одолжить автомобиль.

Двухнедельный срок истекал: машину нужно было возвращать владельцу. Сара много где побывала и много чего увидела, но ничего интересного не нашла: единственное, чем она располагала на данный момент, — это сотня безликих рисунков.

Она сидела на скамейке, «смотрящей» на прибрежный белый песок и зеленоватые коралловые рифы, в тени пальмы, и наблюдала за группой европейцев, изучающих территорию вокруг древней разрушающейся мечети.

Туристы, которых заверили в стабильности кенийского правительства и убедили в том, что больше никаких революций не предвидится, начали вновь приезжать в Кению. Новые отели появлялись как в Найроби, так и здесь, на побережье; в джунглях, как грибы, вырастали роскошные охотничьи домики; по кенийским дорогам сновали микроавтобусы, преследующие животных и останавливающиеся в деревнях для фотографирования. Туристы даже стали заезжать в Найэри; однажды Сара стала свидетельницей того, как несколько американцев пытались сфотографировать Маму Вачеру возле ее хижины.

Наблюдая за туристами, бродившими по заброшенному мусульманскому кладбищу в поисках входа в пустынную мечеть, Сара рассматривала их синтетические брюки, голубые джинсы и футболки. «Почему мы должны подражать кому-то? Почему мы хотим выглядеть как американцы? Почему мы им, а не они нам подражают?» — думала она.

Ей снова вспомнились молодые женщины Найроби, вчерашние выпускницы курсов секретарей, гордо шагавшие по улицам города небольшими стайками, уверенные в себе, смеющиеся, с заплетенными в тугие косички волосами, всем своим видом говорящие о том, что теперь они, так же как и их страна, свободны и независимы. Однако все они были одеты по-европейски.

«Когда-то законодателем мод был Париж, — сказала себе Сара, вставая со скамейки и продолжая свой путь. — Десять лет назад это была Англия. Сегодня это Америка. Когда же наконец настанет очередь Африки?»

Она впервые была на побережье, поэтому чувствовала себя здесь такой же туристкой, как и европейцы. Малинди не походил на остальную часть Кении. Город был очень древним, основанным португальцами много веков назад. Период его расцвета пришелся на правление султана Занзибара. «Малинди словно сошел со страниц сказки «Тысяча и одна ночь, — думала Сара, — с его стародавними арабскими базарами, куполами, узкими улочками и ручными тележками». Мужчины в длинных белых одеждах курили трубки и пили кофе из маленьких чашечек.

Женщины, закутанные в черные одежды, резко контрастировали с белыми стенами зданий. На пляжах пальмовые деревья гнулись под натиском ветра: их роскошные зеленые кроны уважительно кивали древнему городу. По воде, среди коралловых рифов, скользили живописные рыбацкие дау, чьи треугольники парусов белели на фоне ярко-голубого неба.

«Малинди красивый, полный мистики, завораживающий город», — думала Сара. Но он не был похож на Кению.

Шагая среди гибискусов, бугенвиллей и красного жасмина, через многолюдные угольный и рыбный рынки, мимо некогда роскошных вилл богачей прошлых лет, с альбомом в руке, Сара думала о племени туркана, с которым познакомилась на севере страны. Со своими бесценными верблюдами, которых они отказывались использовать в качестве вьючного скота — лишь исключительно в качестве молочного, со своими мужчинами в забавных шапочках, сделанных из глины и волос предков, со своей любовью к разукрашиванию тела, они казались Саре настолько чужими, что она решила, что они тоже не типичные представители Кении.

Когда она приехала в «Птичий сад», крупный орнитологический зоопарк, то увидела семью индусов, устроившей пикник на лужайке среди тамариска и огненных деревьев. На отце были надеты европейская рубашка, широкие брюки и тюрбан; на матери и бабушке — сари ярко-голубого и желтого цветов; дети были в простых платьях и шортах. «Очень может быть, — думала Сара, — что эти люди — потомки первых индусов-рабочих, которых более семидесяти лет назад привезли из Индии строить железную дорогу. Несомненно, эти три поколения индусов, наслаждающихся сейчас пикником на зеленой

траве, родились и выросли в Кении. Но Сара, как, впрочем, и большая часть африканцев и белых, не считала индусов кенийцами.

Сара шла вперед. Она брела к пляжу, где ветер начал покрывать рябью бежевые дюны и бросать солнечные крапинки на зеленую воду. Ее раздражение сменилось унынием. «Неужели, — думала она, — среди всех племен и народов, населяющих эту страну, нет истинных, стопроцентных кенийцев? Даже ее собственное племя, кикую, забыло о своих традициях. Мужчины сменили шуки на брюки, женщины носили канги.

Где же тогда был этот кенийский стиль?

Она присела на невысокую, покрытую мхом, скамейку и стала наблюдать за рыбаками в длинных белых рубашках, вытаскивающими сети с дневным уловом. Она вдыхала соленый запах Индийского океана, слушала крики чаек, ощущала солнце на своих руках. «Кенийское солнце, — подумала она, — которое одинаково светит им всем».

Сара раскрыла альбом и просмотрела свои зарисовки: прыгающий воин из племени масаи, резчик по камню из племени кисии, пастух из племени самбуру, погоняющий своих подопечных. Сара зарисовала глаза мусульманских женщин, робко смотрящих поверх черных паранджей; изобразила счастливую невесту из племени тарака, на которой было надето не меньше двухсот поясов из раковин каури; набросала на странице женщин из племени покот, танцующих с обнаженной грудью и огромными кольцами в ушах. Сара даже нарисовала африканского бизнесмена, торопливо идущего по улице Найроби с портфелем в руке. Там был улыбающийся швейцар из открывшегося отеля «Хилтон». Наконец, она взглянула на последние зарисовки в своем альбоме: современных молодых женщин Найроби, одетых в псевдоамериканском стиле, столь дисгармонирующем с их величественными, замысловатыми африканскими прическами.

Сара смотрела на свой альбом и думала о том, какой из всех этих рисунков олицетворяет Кению.

Подул теплый ветер. Листы ее альбома затрепетали. Над дюнами пронеслась тонкая песчаная завеса. Зашелестели, ударяясь друг об друга, пальмовые кроны. Сара прикрыла глаза рукой и взглянула на зеленовато-голубую воду. День близился к вечеру. Она знала, что ей уже пора возвращаться в Найроби, но не могла пошевелиться.

Неожиданно и необъяснимо место не отпускало Сару.

Словно тропический ветер сделал ее своей пленницей; словно шелестящие пальмы шептали ей: «Останься, останься…» Она посмотрела на небо, на огромные волны, накатывающиеся на отдаленные рифы, на движущиеся дюны и отчаянно захотела рисовать.

Открыв чистую страницу, достала из сумки карандаш и начала делать наброски.

Сара едва понимала, что делает; карандаш, казалось, двигался сам по себе. Ее рука скользила по листу бумаги, оставляя на нем всевозможные прямые и кривые линии. Она наносила тени, выделяла очертания. Ее взгляд метался от листа к пейзажу, и от пейзажа обратно к листу, пока наконец на бумаге не появилась картина.

Когда рисунок спустя всего пару минут был готов, Сара в изумлении уставилась на него.

Она нарисовала древний пляж. Но она не просто передала его внешний вид, что могла сделать любая фотокамера, она передала его душу. Все линии и изгибы дышали жизнью: казалось, можно услышать шум волн, крики чаек, а нарисованная вода колыхалась. Несмотря на то что рисунок был сделан серым грифельным карандашом, он был полон красок. Сара видела их, чувствовала их. Ее сердце учащенно забилось. Девушка пересела на другое место и, перевернув страницу, начала зарисовывать симпатичную маленькую мечеть, спрятавшуюся среди зарослей тамариска. Закончив с этим, узкую улочку с ее арабскими решетчатыми балкончиками. Запечатлев на бумаге душу древнего Малинди, Сара закрыла глаза и представила равнины Амбосели, где бродили львы и тянулись к небу терновые деревья. Ее руки вновь запорхали над бумагой. Один рисунок сменялся другим. Она достала из сумки новые карандаши. День был на исходе: еще немного — и на землю опустится мгла. Но Сара не обращала на это никакого внимания, а продолжала рисовать.

Сара рисовала берега озера Виктория, пики гор Кения и Килиманджаро. Она мысленно представляла африканские круглые хижины, а ее рука мгновенно воссоздавала их на бумаге. Она рисовала птиц и животных, вдыхала жизнь в дикие цветы. Потом были облака, целые кучи облаков, плывущие вокруг ослепительно яркого солнца. Наконец, в альбоме появились восходы и закаты, бурлящая река Чания,

дым, поднимающийся от костра ее бабушки, местный автобус, везущий женщин с рынка домой.

Изрисовав весь альбом вплоть до последней странички и сточив все карандаши, Сара с удивлением обнаружила, что сидит в полной темноте. Ее охватило странное, пугающее чувство.

Она вдруг поняла — и это открытие было для нее подобно удару, — что она искала не там, где нужно. Здесь, в дешевом альбоме, который она сейчас крепко сжимала в руках, и была Кения. Стиль Восточной Африки, теперь она это понимала, заключался не в том, во что были одеты люди, а в самой Восточной Африке. Душа Кении была не в шуках и кангах, а в солнце, траве и красной почве; в улыбках детей; в лицах женщин; в парении ястреба; в важной поступи жирафа; в треугольных парусах рыбацких дау.

Сару начала бить дрожь. Она спрыгнула со стены и побежала к машине доктора Мваи, прижимая драгоценный альбом к груди. Она не замечала ни темные маленькие улочки, по которым мчалась, ни смуглых женщин, удивленно смотрящих на нее из окон домов. Сара видела перед собой лишь необъятные просторы желтой саванны и стада слонов, бесплодные пустыни и вереницы верблюдов, небоскребы Найроби из стекла и бетона, возвышающиеся над трущобами. И видела она это все в цвете и формах, на ткани, которую собиралась создавать.

Наконец-то Сара Матенге была готова явить миру кенийский стиль.

— Знаешь, что делает этот парень? — спросил Терри Дональд, открывая третью бутылку пива.

Дебора не слушала его. Сидя с Терри в обзорном зале охотничьего домика на Килима Симба, она наблюдала за одиноким слоном, пришедшим к ручью на водопой. В зале было тихо; все гости разошлись по своим комнатам переодеться из купальных костюмов в одежду для коктейлей. На закате, когда к ручью придут множество зверей, здесь защелкают не меньше сотни туристических фотокамер.

— Я говорю о Родди Макартуре, Дебора, — сказал Терри, пытаясь привлечь ее внимание. Он понимал ее рассеянность. Через две недели она уезжала в Америку. — Значит так, — продолжил он. — Вот, что делает Родди, когда у него нет клиентов для поездки на сафари: едет

туда один и подстреливает самые крупные трофеи, которые только может найти. Он продает их Свонсону, таксидермисту в Найроби; тот обрабатывает их и прячет до поры до времени. Потом Родди, когда у него появляются клиенты или какой-нибудь другой парень, у которого нет достойных трофеев, а ему хотелось бы их иметь, идет к Свонсону, выкупает у него головы и тайно — ну, ты понимаешь — подменивает их. Клиенты уезжают домой с внушительными трофеями и хвастаются перед друзьями, что смогли завалить таких монстров. Но такой расклад, Дебора, не по мне. Я считаю, что охота должна быть честной. — Он наклонился и похлопал ее по плечу. — Дебора?

Она взглянула на него.

— Извини, Терри. Я снова задумалась.

— Держу пари, ты уже сидишь на чемоданах.

Нет, она не сидела. На самом деле по мере приближения дня отъезда ее нежелание уезжать становилось все сильнее.

Из-за Кристофера.

Она не могла выбросить из головы их встречу на реке три недели назад. Она переживала этот момент снова и снова, наполняя каждую частичку своего бытия воспоминаниями о Кристофере, стоявшем в лучах солнца. Каждый раз, думая о нем, она испытывала непреодолимое сексуальное желание, которое росло в ней с каждым днем.

— Знаешь, Дебора, — сказал Терри, — перед тем как ты уедешь на три года, я хотел бы вывезти тебя еще раз на сафари.

Она посмотрела на него. Это был двадцатилетний, стройный, загорелый молодой человек, которому передалась мужественная красота его отца Джеффри и его прадеда сэра Джеймса. У него была страсть к охоте. Три года назад получив лицензию на охоту, он вывез Дебору на ее первое в жизни сафари.

Они сели в машины и поехали в Танганьику. Так как лицензия имела некоторые ограничения, Терри не мог охотиться на представителей Большой Пятерки — слона, носорога, буйвола, льва и леопарда.

Во время охоты они наткнулись на старого льва, из щеки которого торчала игла дикобраза. Игла прошила голову несчастного животного, отчего тот обезумел и начал нападать на мирных деревенских жителей.

Терри убил опасного зверя одним милосердным выстрелом, и ему позволили, в качестве платы за услугу, забрать себе шкуру животного.

Их второе сафари случилось год назад, как раз перед поступлением Деборы в университет Найроби на подготовительные медицинские курсы. Тогда они с Терри отправились в Уганду за слоном. Длинными жаркими днями они прорубали себе путь сквозь густые заросли деревьев, тащили тяжеленные ружья, сумки с патронами и бутылки с водой, рыскали в поисках следов и помета, чувствуя на каждом шагу окружающую их опасность. Наконец, после всех этих мучений они наткнулись на небольшое стадо слонов с отличными бивнями.

Терри предоставил Деборе почетное право первого выстрела, но та оцепенела от ужаса. Терри, недолго думая, выстрелил и убил лучшего представителя стада, после чего стал с упоением контролировать спиливание бивней. Когда он, проявив невероятную щедрость, предложил Деборе забрать слоновую кость себе, она отказалась.

Она так не смогла убедить Терри в том, что не любит охоту и не одобряет тот факт, что ее разрешили на территории Кении. В свою очередь, Терри не мог заставить ее взглянуть на это его глазами: охотники делали общественно-полезное дело. Они контролировали численность животных, «прореживая» опасно разросшиеся стада, спасали урожаи и деревни от уничтожения и набегов, не давали разгуляться браконьерам, убивающим животных жестокими способами.

Дебора покачала головой и отпила свой имбирный эль:

— Нет, Терри. Я больше никогда не поеду на сафари, разве что просто посмотреть на животных.

На самом деле она не одобряла не только охоту, но и простые экскурсии: все больше и больше дорог пересекали девственные просторы Кении, так как все больше и больше туристов приезжали туда в поисках дичи. «Не могло ли вторжение людей и машин, — думала Дебора, — нарушить хрупкий природный баланс?» Она не раз видела, как толпы орущих и улюлюкающих туристов бегали за животными, вынуждая испуганных зебр и антилоп бежать сломя голову. Путешественники въезжали на своих арендованных автомобилях прямо в стада, разбивая их, разделяя матерей с

детенышами, сгоняя зверей с их территорий, изматывая их и делая легкой добычей для рыскающих вокруг хищников. Что за прелесть, недоумевала Дебора, была в том, чтобы гоняться за несчастными животными, доводя их до изнеможения, только ради того, чтобы сделать несколько фотографий?

Но хуже всего было то, что туристы фотографировали людей. К деревням то и дело подъезжали автобусы, из которых высыпали орды туристов с камерами и фотоаппаратами. Обиженные пастухи-масаи натягивали на головы плащи и отворачивались. Женщины пытались отгонять непрошеных гостей сердитыми криками.

Какое невежество! Какое неуважение! Африканцы знали, что эти вацунгу приезжали в Африку, чтобы фотографировать животных. Получалось, что они принимали жителей деревень за животных?!

Дебора обвела взглядом роскошный охотничий домик. Дональды были первыми, кто открыл в Кении заведения подобного рода. Идея стала популярной, и такие охотничьи домики стали появляться повсеместно — от Уганды до побережья. Джеффри Дональд владел тремя такими домами, а также стремительно увеличивающимся флотом микроавтобусов, таких же, как те, что возили путешественников по земле масаи. Охотничий домик «Килима Симба» был красивым и элегантным. Гостей привозили организованными группами и развлекали в течение одного-двух дней народными танцами, кормили изысканной едой и водили к древнему источнику, к которому на протяжении столетий животные приходили на водопой. Повсюду на бамбуковых стенах домика были развешаны таблички с просьбой соблюдать тишину, чтобы не пугать животных.

Бар начал заполняться туристами, одетыми в новенькие костюмы цвета хаки, которые они купили в Найроби и в которых, это было видно, чувствовали себя немного неловко. Но это было частью африканских приключений. Они заказывали напитки, о которых бармен никогда не слышал: — «Маргариты», холодные чаи, — и гуляли по дорогому магазину, где хорошенькая молодая африканка продавала привезенную из Америки одежду.

Дебора окинула взглядом африканский пейзаж. Она слышала, как дышала земля; чувствовала, как холодные руки тропиков обнимали ее. Казалось, весь остальной мир — то страшное место, о котором ей

рассказывал Кристофер, — перестал существовать. Она вновь осталась наедине с красной землей, животными и горами.

Она слышала голос Кристофера, доносящийся до нее с бескрайних просторов: «Кения — твой дом. Здесь твое место».

Внезапно Дебора почувствовала себя невероятно несчастной. Три года показались ей вечностью. Как она, оторванная от земли, которая питала ее энергией и силами, сможет выжить в чужой, непонятной ей стране? Она будет чувствовать себя птицей в клетке, которую лишили возможности парить в голубом небе.

«Ты любишь меня, Кристофер? — обратилась она к тишине, опускающейся с заснеженной вершины Килиманджаро. — Любишь ли ты меня так же сильно, как люблю тебя я? Испытывая невыносимую боль от желания прикоснуться, обнять, поцеловать? Или ты относишься ко мне как к сестре? Любишь ли меня той же любовью, которой любишь Сару? Обнимал бы ты меня так же, как ее, говорил бы со мной так же, как с ней, если бы это она уезжала в Америку? Будешь ли ты сходить с ума от тоски по мне, когда я уеду, как это буду делать я?»

— Тебе принести еще выпить, Дебора? — спросил Терри.

«Если бы только Сара была здесь», — подумала Дебора.

Ей отчаянно нужно было поговорить со своей лучшей подругой: возможно, Сара смогла бы ответить на мучившие ее вопросы, помогла бы разгадать ее брата. Но Сара не смогла бы приехать сюда, даже если бы Дебора ее попросила: она колесила по Кении в машине доктора Мваи.

— Нет, спасибо, Терри, — сказала она, вставая. — Я пойду к себе в комнату ненадолго.

— С тобой все в порядке, Дебора?

— Все прекрасно. Увидимся на вечеринке.

Дебора пошла по висячему мосту, соединявшему «африканские» комнаты, построенные на сваях, с главным корпусом охотничьего дома. Оказавшись у себя в комнате, она прислонилась к закрытой двери, уставилась в пустыню, простирающуюся под ее балконом, и безмолвно прокричала: «Кристофер!»

«Асанте сана», — сказала Сара другу, подвезшему ее из Найроби домой. Она помахала ему рукой и зашагала по тропинке, ведущей от

вершины холма вниз, к берегу реки, к хижинам ее бабушки. Прощаясь с другом, она улыбнулась, но эта улыбка была фальшивой. На самом деле Сара была в ярости и, когда подошла к Маме Вачере, работавшей в своем огороде с лекарственными травами, то в очередной раз прокляла всех банкиров в Найроби.

Они все отказали ей в займе, благодаря которому она планировала открыть свое маленькое дело, — все как один!

Когда знахарка подняла голову и увидела внучку, она отложила свою мотыгу и обняла девушку.

— Добро пожаловать домой, дочь моя, — сказала она. — Я соскучилась по тебе.

В объятиях Сары пожилая женщина казалась маленькой и хрупкой. Никто точно не знал, сколько Вачере лет, но исходя из ее девических воспоминаний — Вачера уже родила Дэвида, отца Кристофера, когда Тривертоны, пятьдесят четыре года назад, впервые приехали в Африку, — было подсчитано, что ей уже около восьмидесяти. Однако, несмотря на свой возраст и хрупкость, Мама Вачера по-прежнему была сильной женщиной.

— Кристофер здесь? — спросила Сара, перед тем как зайти в свою хижину, чтобы поставить чемодан и взять две бутылки пива из сахарного тростника.

— Твой брат не приходил домой с того самого дня, как вернулся из-за воды.

Сара сняла выходное платье, в котором ездила в город, и завернулась в кангу. «Почему Кристофер все еще в Найроби?» — подумала она, выходя из хижины с бутылками пива в руках.

— Он непочтительный, Сара, — сказала Мама Вачера, беря предложенное пиво. — Мой внук должен быть здесь, со мной. Скоро он поступит в школу знахарства, и тогда я вообще не увижу его.

— Я уверена, Кристофер не хотел тебя обидеть, бабушка. Ему нужно много заниматься, готовиться к поступлению в медицинский институт.

Они сидели на земле возле старой хижины Вачеры, две африканские женщины, между которыми лежали поколения. Они пили пиво и разговаривали, вовлеченные в древний ритуал женского единения и доверия.

— Скажи мне, — попросила Мама Вачера, — ты нашла то, что искала?

Сара с восторгом поведала бабушке о своем потрясающем открытии, которое она сделала в Малинди, и о своих фантастических планах на будущее. Когда же ее рассказ подошел к тому месту, где она обратилась к банкирам Найроби, чтобы взять у них деньги на реализацию своих идей, в голосе Сары послышались грустные нотки.

— Это было очень унизительно, бабушка. Они вели себя со мной так, будто я просила у них подачку. «Нужны гарантии», — сказали они! Получается, чтобы получить заем, человек должен доказать, что он в нем не нуждается! Я показала им свои рисунки и ткань, которую сделала, и сказала: «Вот мои гарантии! Мое будущее — мои гарантии». Тогда они спросили, есть ли у меня отец или муж, на которых они могли бы оформить заем. А узнав, что нет, велели мне убираться восвояси. Бабушка, как же женщине начать свое дело?

Мама Вачера покачала головой. В этом она ничего не смыслила. Женщины должны были растить детей и работать на шамбах. Вещи, о которых говорила ее внучка, были для нее полной загадкой.

— Откуда такая мечта, дочь моя? Ты должна сначала найти себе хорошего мужа. Тебе уже давно пора иметь детей, а их у тебя нет.

Сара рисовала эскизы платьев на земле. Поездка в Найроби открыла ей глаза на реальное положение вещей. Несколько банкиров отказались даже разговаривать с ней, двое расхохотались над ее планом, а трое намекнули на сексуальные отношения. «За определенные услуги, — доверительно сказали они ей, — быть может, мы и смогли бы дать тебе заем…»

Сара была в отчаянии.

По всей Восточной Африке женщины становились все более независимыми. Они поступали в высшие учебные заведения и приобретали профессии врача и юриста, даже архитектора и химика. Но эти пути, решила Сара, тщательно контролировались мужчинами. Женщины, хоть и работали на мужских должностях, делали это под неусыпным присмотром и контролем со стороны мужчин. Женщин, надевших адвокатские парики и выступающих в судах, тщательно опекали и контролировали. Они по-прежнему находились в полной власти мужчин, какими бы независимыми они себя ни считали. Женщины же, которые хотели открыть свои собственные предприятия,

были другого поля ягодами. Им нужда была полная независимость, а это уже совершенно не устраивало мужчин.

— Мы представляем для них угрозу, — сказала Сара, пытаясь объяснить ситуацию своей матери. — Женщина, владеющая собственным делом, — это человек, крепко стоящий на ногах. Над ней нет мужчины, который бы принимал за нее окончательные решения. И это пугает мужчин. К тому же они опасаются со стороны женщин конкуренции. Но я не позволю им остановить меня. Я найду способ начать свое дело.

Сара пришла к матери, смутно надеясь, что та сможет одолжить ей немного денег, но Ваньиру, как и банкиры, была настроена против планов своей дочери.

— Закончи школу, — твердила она. — Зачем, по-твоему, я стольким жертвовала ради тебя? Развелась с твоим отцом, жила в лесу, провела все те годы в лагерях? Затем, что я хотела, чтобы ты могла получить хорошее образование и что-то представлять собой.

— Я не хочу жить твоей жизнью, мама. Я хочу жить своей собственной! Разве не это означает быть свободной?

Втайне от матери Сара поговорила с доктором Мваи, с которым жила ее мать в районе Карен. Но он, несмотря на то что сочувствовал ей и понимал ее, сказал:

— Если я дам тебе денег, Сара, твоя мать перестанет со мной разговаривать. Поэтому я не могу пойти против ее воли.

— Бабушка, — со слезами на глазах произнесла Сара. — Что же мне делать?

Мама Вачера смотрела на свою внучку, которая не была настоящей Матенге, но которую, несмотря на это, пожилая женщина очень любила.

— Почему это так важно для тебя, дитя?

— Это важно не только для меня, бабушка! Это важно для всей Кении!

Видя, что бабушка не понимает ее, Сара пошла в свою хижину и взяла альбом с эскизами.

— Смотри, — сказала она, медленно перелистывая страницы. — Видишь, как мне удалось передать душу нашего народа?

Мама Вачера никогда раньше не видела рисунков. Ее глаза не могли уловить и понять изображенные на них образы. Единственное,

что она смогла распознать, — это украшения: ожерелье племени масаи, серьги племени эмбу. Она смотрела на изгибающиеся на бумаге линии и пыталась понять, что чувствует девушка. И хотя слова Сары были непонятны пожилой женщине, было в них то, что Вачера очень хорошо понимала, — страсть.

Она чувствовала ее сейчас, когда они сидели в лучах солнца, и Сара, переворачивая страницы, с упоением говорила о тканях, которые она хотела создавать, о платьях, которые она хотела шить, о стиле, который она хотела привить своим африканским сестрам. Мама Вачера ощущала энергию юности, которая исходила от Сары и вливалась в ее собственное дряхлое тело.

— И для этого тебе нужны деньги? — наконец спросила она.

— Миссис Дар пообещала продать мне одну из своих старых швейных машинок. Тогда я смогу арендовать маленькое помещение в городе — какую-нибудь комнатушку, лишь бы в ней было электричество и место, чтобы развертывать и резать ткань.

Вачера покачала головой.

— Я не понимаю денег. Почему ты не хочешь выменять ее у миссис Дар? Можешь брать из моего огорода все, что хочешь. Мое маисовое поле у реки нынче плодоносит как никогда. Или, быть может, она предпочтет коз? Я богатая женщина, Сара. У меня около ста коз!

В раздражении девушка вскочила на ноги. Ее бабушка жила в прошлом. Обменять коз на швейную машинку!

— Мне нужны настоящие деньги, бабушка! Фунты и шиллинги! На то, чтобы заработать эти деньги, у меня уйдут годы. А мне они нужны сейчас!

Мама Вачера задумалась, потом сказала:

— Возможно, ты ищешь не в том месте, дитя мое. Ты должна обратиться к земле за ответом.

Сара попыталась скрыть раздражение. Разговаривать с бабушкой было так же сложно, как и с матерью. Взрослые люди просто не понимали ее. Они жили в прошлом! Если бы Дебора была здесь — она бы поняла ее.

Вачера медленно поднялась, взяла в руку мотыгу и сказала:

— Пошли со мной, дитя.

Сара хотела отказаться, но поняла, что это будет невежливо по отношению к старшему человеку. Поэтому пошла следом за бабушкой к реке, маисовому полю.

— Дети Мамби живут на земле со времен Первого Мужчины и Женщины, — говорила Мама Вачера, ведя внучку между высоких стеблей. — Мы произошли от земли. Когда мы произносим клятву, мы едим землю, чтобы соединить наши слова с нашим духом. Земля бесценна, дочь моя, ты должна всегда это помнить.

Дойдя до угла поля, Вачера наклонилась и ударила мотыгой по земле.

— Когда человек забывает о своих корнях, — сказала она, раскапывая землю, — он теряет все. В земле лежат все наши ответы.

Сара смотрела на реку, чувствуя, как растет ее раздражение. Она была не в том настроении, чтобы выслушивать лекцию по земледелию.

Но, услышав, что мотыга обо что-то ударилась, она насторожилась.

Вачера, согнувшись пополам, стоя на прямых ногах, словно она пропалывала или собирала урожай, копала землю. Когда она вытащила из земли большой кожаный мешок, Сара в изумлении уставилась на него.

— Вот, — сказала Мама Вачера, вручая мешок внучке.

Озадаченная Сара быстро развязала его и заглянула внутрь. Ее взгляд упал на кучу серебряных монет. В нем было, должно быть, не меньше сотни фунтов!

— Бабушка, — прошептала она, — где ты это взяла?

— Я же сказала тебе, дочь моя, что не понимаю денег и не использую их. Каждую наделю на протяжении двадцати урожаев твоя мать присылала мне деньги на твое содержание. Мне они были не нужны, я кормила тебя и твоего брата пищей с собственной шамбы. Мне не нужно было покупать лекарства, я делала свои собственные. А когда школа настояла на том, чтобы я купила вам форму и книги, я послала им коз. Но я сохранила их, зная, что в них содержится сила.

Сара смотрела на пожилую женщину во все глаза. Затем прокричала:

— Бабушка!

— Тебе нужно было именно это? Это сделает тебя счастливой?

— Очень счастливой, бабушка.

— Тогда они твои.

Сара обняла пожилую женщину и закружилась вместе с ней.

Вачера рассмеялась и спросила:

— Что ты теперь будешь делать?

Сара не могла двинуться с места, ее глаза блестели. Она точно знала, что она сделает с этими деньгами. Но ей нужно было спешить — оставалось слишком мало времени.

Дебора уезжала через две недели.

58

Грейс сложила стетоскоп и убрала его в карман белого халата.

— Следите за его состоянием и сообщайте мне о малейших изменениях, — сказала она стоявшей у кровати медсестре, африканке в светло-голубой рясе.

— Да, мемсааб доктори.

Напоследок Грейс еще раз взглянула в медицинскую карту мальчика, затем рассеянно потерла левую руку и вышла из детской палаты.

По дороге домой Грейс то и дело приветствовали люди: священник, спешащий на обряд крещения, сестры-студентки с книжками под мышками, католические монахини в голубых одеждах, пациенты в креслах-каталках, посетители с цветами в руках. Миссия Грейс была похожа на маленький городок; это было независимое сообщество, которое занимало каждый дюйм всех тридцати акров. Говорили, это самая большая миссия на территории Африки.

Грейс Тривертон по-прежнему была директором, однако управление миссией, по большому счету, лежало на плечах других людей, которым она на протяжении последних лет постепенно передавала свои полномочия. В восемьдесят три года Грейс уже не могла выполнять всю работу, как бы ей того ни хотелось.

На улице зажглись фонари. Люди спешили в столовые, на занятия, на вечернюю молитву в церковь. Грейс медленно поднялась по ступенькам своей удобной и привычной веранды и вошла в дом. К своей большой радости, она увидела Дебору, вернувшуюся из Амбосели.

— Привет, тетя Грейс, — сказала Дебора, обнимая ее. — Ты как раз вовремя. Я приготовила чай.

Убранство дома мало изменилось за эти годы. Мебель, которая теперь считалась антикварной, была покрыта накидками и салфеточками. Огромный письменный стол Грейс, как и раньше, был завален счетами, распоряжениями, медицинскими журналами и письмами со всех уголков земного шара.

— Как там «Килима Симба»? — спросила Грейс, идя за племянницей на кухню.

— Лучше некуда! У них столько клиентов, что им приходится селить в одной комнате по нескольку человек и при этом еще многим отказывать! Дядя Джеффри сказал, что он собирается построить еще один охотничий дом, здесь, в горах. Назло конкурентам, как он выразился.

Грейс рассмеялась и покачала головой.

— Этот человек смог заглянуть в будущее. Десять лет назад мы все говорили, что он сумасшедший. А теперь он один из самых богатых людей в Восточной Африке.

Несмотря на смуту, возникшую в первые дни независимости — мятеж кенийских солдат, попытки некоторых лиц терроризировать белых людей, — ничего серьезного не произошло. Упорный труд, сотрудничество, дух харамби, сплоченность и мудрое правление Джомо Кеньяты сделали Кению процветающей страной и завоевали для нее титул Жемчужины Черной Африки. Только время покажет, продержится ли эта стабильность в течение последующих десяти лет ухуру.

Намазывая маслом булочки и ставя на стол джем и топленые сливки, Грейс изучала свою племянницу. Дебора сидела сама не своя.

— У тебя все в порядке? — спросила Грейс, усаживаясь за стол. — Дебора, ты себя хорошо чувствуешь?

— Да, все в порядке, тетя, — безрадостно улыбнувшись, ответила Дебора.

— Но тебя все же что-то беспокоит. Твоя поездка в Калифорнию?

Дебора уставилась на чашку с чаем.

— Ты снова раздумываешь об этом, да? — ласково спросила Грейс.

— Ой, я не знаю, что мне делать! Понимаю, что это потрясающий шанс для меня…

— Тебе страшно?

Дебора закусила губу.

— Что-то другое? Надеюсь, ты не переживаешь из-за меня? Мы с тобой это уже обсуждали. Я хочу, чтобы ты поехала. Мне не будет одиноко. Тем более что три года пролетят как один день.

Для восемнадцатилетней Деборы три года были равны примерно трем столетиям.

Грейс ждала ее ответа. На протяжении всех этих лет, что они жили вместе, Дебора всегда делилась с ней своими страхами, проблемами и мечтами. Они часто сидели ночами возле камина и разговаривали. Грейс рассказывала Деборе историю семьи Тривертонов, а девочка завороженно слушала. Между ними никогда не было секретов — разве что имя отца Деборы держалось в тайне по требовательному настоянию Моны. После того как Мона уехала из Кении, присылая редкие безличные письма, у Деборы ни осталась никого, кроме тети. Они были очень близки, жили друг другом.

Наконец Дебора тихо произнесла:

— Дело в Кристофере.

— А что с ним?

Девушка мешала ложкой чай: было видно, что она с трудом подбирает нужные слова.

— Вы, часом, не поссорились? — поинтересовалась Грейс. — Не из-за этого ли он уехал в Найроби, не успев вернуться из Англии?

Она помнила маленького мальчика, которого Дебора привела к ним как-то на чай, абсолютную копию Дэвида Матенге. С того самого дня вплоть до момента его отъезда в Оксфорд Дебора и Кристофер были неразлучны.

— Я не знаю, почему он уехал в Найроби, тетя Грейс. Не знаю, почему он не захотел здесь остаться.

— Ну, спросишь у него завтра об этом.

Дебора подняла на нее глаза.

— Завтра? Ты хочешь сказать, что он приехал? Что он дома?

— Я видела его сегодня днем: шел к своей хижине с чемоданом в руке.

— Он вернулся!

Когда Грейс увидела выражение лица своей племянницы и услышала радость в ее голосе, она все поняла.

— Я должна его увидеть, — сказала Дебора, вставая. — Мне нужно с ним поговорить.

— Не сейчас, Дебора. Подожди до утра.

— Я не могу ждать, тетя Грейс. Я должна у него кое-что выяснить. И прямо сейчас.

Грейс покачала головой. Вот оно, нетерпение юности!

— Неужели это настолько важно, что не может подождать до утра?

— Не может, — сказала Дебора тихо. — Я люблю его, и хочу знать, что он чувствует по отношению ко мне.

Это Грейс нисколько не удивило. «Двадцать лет назад, — с грустью подумала она, — твоя мать пошла по этой же дорожке. Но тебе повезло. Сегодня общество благосклонно относится к межнациональным бракам. Мона и Дэвид родились слишком рано. Их любовь была обречена».

— Тебе не следует идти к нему сейчас, Дебора. Будет лучше, если ты подождешь до утра.

— Почему?

— Потому что незамужняя девушка идет в хижину молодого человека только с одной целью. Кикую называют это нгвеко. Это старая традиция, которую пытались пресечь миссионеры, но я уверена, что она тайно практикуется во многих местах и по сей день.

— Что такое нгвеко?

— Это форма ухаживания со своими правилами и табу. Если ты пойдешь сегодня к Кристоферу и тебя кто-нибудь увидит, то для всех это будет означать только одно.

— Мне все равно, что подумают люди.

— Тогда посмотри на это с другой стороны — что подумает о тебе Кристофер. Испытывает ли он те же чувства, что и ты?

— Не знаю, — печально ответила Дебора.

Грейс коснулась руки девушки и ласково произнесла:

— Я понимаю, каково тебе. Я тоже любила много лет назад и так же тревожилась и переживала, как и ты. Но ты должна действовать осторожно и благоразумно, Дебора. Мы обязаны соблюдать определенные правила. Кристофер живет по законам кикую и чтит их. Если ты придешь к нему в хижину, ты можешь испортить свою репутацию. И упасть в его глазах. Подожди до завтра. А завтра пригласишь его на чай. — Грейс, массируя руку, встала из-за стола и сказала: — Пойду схожу в клинику. Нужно понаблюдать за одним маленьким мальчиком. Я подозреваю, что у него менингит.

— А за ним не может понаблюдать кто-нибудь другой, тетя Грейс? Ты выглядишь уставшей.

Грейс улыбнулась.

— За пятьдесят четыре года, Дебора, я ни разу не пропустила ночного обхода, за исключением тех редких дней, когда меня не было в миссии. Не волнуйся из-за меня, дорогая. Отдыхай и думай о том, какая увлекательная поездка тебя ждет.

Грейс ушла. Дебора сидела возле незажженного камина, разрываемая противоречиями: пойти сейчас или подождать до утра?

Она окинула взглядом гостиную. Одна стена была полностью заставлена книгами, многие из которых были очень старыми, изданными еще в первые годы жизни Грейс в Восточной Африке. Дебора подошла к ним и пробежала взглядом по корешкам. Она нашла то, что искала: «Лицом к лицу с горой Кения», написанную Джомо Кеньятой.

Описание нгвеко было на странице 155.

Миссия спала; кофейная плантация отдыхала от рабочих и машин. Дебора лежала на кровати, в которой спала уже десять лет, кровати, на которой когда-то спала ее мать, в спальне, где когда-то умерли Дэвид Матенге и сэр Джеймс. Она лежала и слушала мелодию ночи. На небе светила полная луна; дул ветер. По побеленным стенам спальни танцевали тени: изогнутые ветки палисандрового дерева, тоненькие прутики тополя и ольхи. Ветер качал деревья, и тени возле кровати Деборы напоминали ей подводный мир. Ей казалось, что она плыла среди водорослей, которые раскачивались и колыхались глубокими подводными течениями. Тишина, царившая в комнате, напоминала ей тишину, царившую на морском дне.

Она слушала размеренное биение своего сердца, чувствовала пульс в шее, кончиках пальцев, бедрах. Ночь была холодной, но она вся горела. Дебора сбросила с себя одеяло, лежала, вытянувшись, на спине и глядела в потолок. Туча закрыла луну, погрузив все во мрак, но уже через мгновение мир вновь озарился волшебным светом.

Дебора не могла спать. Она думала о том, что прочитала в книге Кеньяты, его описание нгвеко. «Кикую не целуют девушек в губы, как это делают европейцы; место поцелуев занимает нгвеко, ласки. Девушка в знак своей любви приносит молодому человеку его любимую еду. Молодой человек снимает с себя всю одежду. Девушка снимает с себя верхнюю часть одежды и остается в юбке. Любовники ложатся в постель, лицом друг к другу; их ноги переплетены. Они

ласкают друг друга и вовлекают в любовный разговор. Это наслаждение называется теплом груди».

Дебора вздохнула.

В гостиной раздался тихий бой часов. Наступила полночь.

Поняв, что не сможет провести в кровати ни секундой больше, Дебора встала и быстро надела юбку и блузку. Она тихо прокралась мимо спальни тети на кухню и сложила в корзину еду: две бутылки пива, кусок сыра и целый пирог с корицей, который очень любил Кристофер. На мгновение она задержалась у задней двери — чтобы подумать о том, что она собирается сделать, и решить, что она готова пожертвовать всем, лишь бы узнать до своего отъезда в Америку, как к ней относится Кристофер.

Она знала, что идти по тропинке, ведущей в лес, было безопасно: дикие животные давно уже покинули эти места и ушли в высокогорные леса.

Дрожа от холода, она прошла мимо хижины Мамы Вачеры, темной и тихой, мимо хижины Сары и остановилась перед хижиной Кристофера.

Она смотрела на его хижину со страхом и нарастающим возбуждением. Ей казалось, что ее тело стало частичкой ветра, что она вышла из шелестящих деревьев, что ее создала река и принесла сюда на своей волне. Ею двигало непреодолимое влечение, которое она не могла и не хотела контролировать. Когда она произнесла его имя, ветер сорвал его с губ и унес в ночь. Она подождала, пока ветер немного стихнет. Затем произнесла:

— Кристофер? Можно войти?

Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он появился из темноты хижины — высокий, стройный воин, одетый в одни спортивные шорты.

— Дебора! — воскликнул он.

— Можно войти? На улице очень холодно. Несколько секунд он смотрел на нее, затем отошел в сторону, пропуская ее внутрь.

Дебора знала, как выглядит хижина Кристофера изнутри: будучи детьми, они часто в ней играли. Стены были сделаны из выжженной на солнце земли, крыша — из соломы. Единственным предметом мебели была кровать — деревянная рама с натянутым на нее кожаным полотном и покрытая одеялами.

— Дебора, — произнес Кристофер. — Уже поздно. Что ты здесь делаешь?

Она подняла на него глаза. Проникающий в хижину лунный свет освещал его мускулистое тело. Деборе казалось, что она смотрит на призрак из прошлого. «Только щита и копья не хватает», — думала она.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он более тихим голосом.

— Почему ты уехал в Найроби, Кристофер? Почему не остался здесь?

По его лицу пробежала тень. Он отвернулся.

— Ты злишься на меня? — прошептала она.

— Нет, Деб! Нет…

— Тогда почему?

— Потому что…

Сердце Деборы готово было выпрыгнуть из груди. Они стояли так близко друг к другу, что стоило протянуть руку, и она коснулась бы его.

— Для меня было таким шоком, Деб, — сказал он сдавленным голосом, — приехать домой после четырех лет и узнать, что ты уезжаешь в Америку. Я подумал, что будет лучше, если мы не увидимся. Думал, так мне будет легче перенести твой отъезд.

— Ты приехал слишком рано. Я уезжаю только на следующей неделе.

Он посмотрел на нее, на ее освещенную лунным светом кожу.

— Я знаю, — произнес он. — Но я не мог там больше оставаться.

Они слушали свист ветра, проникающего сквозь соломенную крышу; чувствовали, как по их ногам гуляет холодный воздух. Наконец Кристофер тихо спросил:

— Зачем ты пришла сюда, Деб?

Она протянула ему корзину.

— Что это?

— Посмотри, — сказала она.

Он взял корзину и, когда открыл ее и увидел содержимое, мгновенно понял, зачем она пришла.

Увидев, что Кристофер ничего не сказал, Дебора повернулась к нему спиной. Она сняла с себя блузку и аккуратно положила ее на пол.

Затем подошла к кровати и легла к нему лицом. Она стыдливо закрывала грудь рукой: ее била мелкая дрожь.

— Я правильно все делаю? — прошептала она.

Несколько мгновений Кристофер смотрел на нее, держа корзину в руках, затем поставил ее на пол, снял с себя шорты и лег рядом с Деборой. Они смотрели друг на друга сквозь ночную мглу. Он коснулся рукой ее груди.

— Если ты скажешь, чтобы я не ехала в Америку, — пробормотала она, — я не поеду.

Он прикоснулся к ее щеке, провел пальцами по волосам.

— Я не могу сказать тебе этого, Деб. Но, Бог свидетель, я не хочу, чтобы ты уезжала! — Он обнял ее и уткнулся лицом в ее шею. — Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, Деб! Я люблю тебя.

— Тогда я останусь. Я не поеду в Америку.

Он нежно коснулся пальцами ее рта. Он смотрел на ее залитое серебряным светом тело, отчего кожа выглядела почти прозрачной, и думал о том, что он спит и видит сон. Он не мог поверить в то, что Дебора в его хижине, что он сжимает ее в своих объятиях, что он занимается с ней любовью не в мечтах, как это часто бывало, а в реальности. Но она была рядом, ее упругое тело прижималось к нему, ее обнаженная грудь согревала его торс, ее губы искали его.

Он поцеловал ее. Затем положил руку на ее бедро и медленно приподнял юбку.

— Да, — прошептала она.

Грейс открыла глаза и посмотрела на потолок. Ветер и деревья рисовали на стенах ее комнаты причудливые формы. Она долго лежала в кровати и думала.

Она слышала, как Дебора выскользнула из дома, и поняла, куда та направилась. Грейс даже не пыталась ее остановить — знала, что это бесполезно. Она не могла запретить Деборе любить Кристофера, так же как никто не мог запретить ее матери любить Дэвида, а ее бабушке — герцога-итальянца. Женщины семьи Тривертонов, сказала она себе, отличались невероятным упорством и решительностью, когда дело касалось любви.

Грейс, которая никогда не испытывала проблем со сном, не могла понять, чем вызвана ее бессонница. Возможно, она не спала из-за

Деборы; а может быть, всего лишь из-за ветра. Грейс встала и пошла на кухню, чтобы подогреть себе немного молока. Она думала о своей племяннице и неожиданно для себя поняла, что ее не тревожит выбор Деборы. Кристофер был хорошим парнем. Грейс знала, что он не способен причинить Деборе боль. Если он ее любил так же сильно, как любила его Дебора, то они будут счастливы в этой новой, межнациональной Кении.

«Что скажет Мона, — думала Грейс, наливая молоко, — когда узнает об этом?»

Грейс подозревала, что Моне до этого не будет никакого дела. Они с Тимом давно уже не принимали участия в судьбе их «ошибки».

Поняв, что молоко не оказало на нее никакого воздействия и сон, по какой-то неизвестной причине, упорно не шел к ней, Грейс решила пойти в клинику и взглянуть на ребенка, у которого она подозревала менингит.

Она набросила на плечи свитер и поспешила по темной пустынной дороге. Сейчас было странно вспоминать, что когда-то на этом месте был непроходимый лес и выйти ночью из дома без оружия или сопровождения аскари было делом немыслимым. Поднявшись по ступенькам клиники, Грейс взглянула на звездное небо: из-за облаков луна имела причудливую форму — форму сердца.

В палате горел приглушенный свет. Медсестра сидела за столом, а сестра Перпетуя — возле постели мальчика. Она нисколько не удивилась, увидев мемсааб доктори. Все знали, что доктор Тривертон очень привязана к своим пациентам и часто проводит долгие бессонные часы, сидя у их постелей. Выслушав отчет о состоянии ребенка, Грейс отправила монахиню отдохнуть, а сама присела возле мальчика.

И тут же у нее заболел желудок. Вот почему она не могла уснуть.

Она вспомнила, что они с Деборой ели сегодня на ужин: картофельное пюре с говяжьими котлетами и подливкой.

Это была слишком тяжелая пища для человека ее возраста, решила Грейс и напомнила себе, что должна быть более воздержанной в еде и придерживаться диеты.

Она посмотрела на лицо спящего мальчика и вспомнила всех пациентов, которых ей довелось видеть за все эти годы. Нахлынули воспоминания о том, как она руководила строительством здания на

четырех столбах и с соломенной крышей, как возводила «Дом поющих птиц». Когда это было? Вчера?

Грейс помассировала живот. Боль усиливалась.

Похоже, ветер сегодня гонял не только листья и пыль; он нагонял на нее давно забытые ощущения. Перед глазами Грейс мелькали знакомые образы, лица из далеких-далеких дней. Она даже вспомнила Альберта Швайцера, клинику которого она когда-то посетила.

Когда тошнота усилилась, а руки и лицо неожиданно покрылись легкой испариной, Грейс решила, что съела что-то несвежее. Но это было маловероятно, поскольку Фиби, ее кухарка, отличалась повышенной чистоплотностью. Грейс не было нужды волноваться о качестве еды, как в былые времена, когда на кухне заправлял Марио, известный своей неряшливостью и беспечностью.

Когда ей стало трудно дышать, Грейс разволновалась не на шутку.

Это не было простым расстройством желудка.

И когда острая боль пронзила ей грудь и отозвалась в левой руке, она поняла, что это было. Она попыталась встать, но не смогла. Схватившись за сердце, она опустилась в кресло, хотела крикнуть, но ей не хватило дыхания. Она бросила взгляд на стол, стоявший на другом конце длинной палаты, сестер там не было.

— Помогите, — прошептала она.

Грейс предприняла еще одну попытку встать на ноги, но боль вдавила ее обратно в кресло, словно копье, пронзила ее сердце. Комната закачалась и поплыла у нее перед глазами. Женщина боролась за каждый глоток воздуха. На нее навалилась чудовищная слабость, кости словно растаяли. Боль стала невыносимой.

Она услышала голоса — отдаленные и металлические, как будто они раздавались из старого проигрывателя.

«Чи Чи, можно сделать так, чтобы эти фургоны ехали несколько быстрее?»

«То есть, Валентин, ты хочешь сказать, что дом еще не построен?»

«Грейс, пожалуйста, познакомься с сэром Джеймсом Дональдом».

«Таху! До тех пор, пока эта земля не вернется Детям Мамби, на тебе и твоих потомках будет лежать проклятье!»

Жалостный крик молодой девушки, Нджери, во время церемонии ируа.

— Помогите, — снова прошептала Грейс.

Она вцепилась в подлокотники. Боль, казалось, разрывала ее пополам. «Не сейчас. Позволь мне завершить мою работу…»

Но единственной ее компанией были голоса из прошлого.

«Вынужден с прискорбием сообщить, что его светлость сел ночью в свой автомобиль и застрелился».

«У меня будет ребенок, тетя Грейс, ребенок Дэвида Матенге».

«Мы должны сплотиться для нашей новой Кении. Харамби! Харамби!»

Грейс почувствовала, как меркнет вокруг нее свет: тьма подкрадывалась и окружала ее. Все ощущения, кроме сильной сердечной боли, покинули ее тело. Она не могла ни пошевелиться, ни позвать на помощь. Вдруг ею завладело удивительное, приятное чувство. Через секунду Грейс ощутила рядом с собой чье-то присутствие, почувствовала, как любовь и забота окутали ее, словно теплый туман.

Она наклонила голову. «Джеймс», — прошептала она. Это было последнее слово, которое произнесла Грейс Тривертон в своей жизни.

59

Поминальную службу проводили в часовне миссии, где пятьдесят один год назад Грейс Тривертон подошла к преподобному Томасу Мастерсу, присланному миссионерским обществом возглавить миссию, и сказала: «Я хочу, чтобы вы уехали, сэр, и больше никогда не возвращались. Вы неприятный, ограниченный человек, лжехристианин. Вы приносите моему народу больше зла, нежели добра. Также можете написать своим начальникам в Суффолке, что я больше не нуждаюсь в их поддержке».

Никто из присутствующих сегодня на похоронах не знал об этом случае; свидетелями его были лишь несколько не говорящих по-английски кикую. Однако эти минуты стали истинным триумфом в жизни Грейс.

Мэр Найроби рассказывал многочисленной толпе о жизни доктора Грейс Тривертон, и, хотя отстранение преподобного не значилось в списке ее достижений, этот список и без того был внушительным.

Дебора с красными, опухшими глазами сидела рядом с Джеффри и Ральфом Дональдами. В простеньком гробу лежала женщина, заменившая Деборе мать, — источник любви, защиты и понимания. Несмотря на боль, которую доставляли ей воспоминания, Дебора думала о тете Грейс: о том, как та великодушно взяла ее к себе, когда ее мать уехала из Кении. Она превратила спальню в детскую; накупила разных игрушек; по вечерам читала сказки покинутой всеми Деборе, пила с ней чай из кукольной посуды, выслушивала откровения маленькой девочки о ее страхах и мечтах. Деборе вспоминались нежность и забота ее тети, ее холодная, но мягкая рука, лежащая у нее на лбу, когда она болела корью, ее терпение, когда она учила ее, ее понятные объяснения, когда Дебора столкнулась с первыми подростковыми проблемами, ее смех, порой такой сильный, что по щекам текли слезы. Она думала о времени, которое они провели в клинике миссии, когда тетя Грейс показывала ей, как использовать стетоскоп, позволяла ей присутствовать на утренних обходах, учила делать уколы, разъясняла симптомы болезней, тихо посвящала Дебору в тайны медицины.

Тетя Грейс всегда была рядом с Деборой. Невозможно было представить этот мир без нее. В душе Деборы образовалась чудовищная пустота: у нее больше не было семьи.

«Все люди смертны, — говорила она себе. — Грейс умерла возле кровати своего пациента. Иной смерти она и сама бы себе не пожелала».

Но это было незначительным утешением для Деборы.

Когда гроб опустили в землю, на особом месте возле часовни, где потом планировали воздвигнуть бронзовый памятник, Дебора первая бросила комок красной кенийской земли на фоб. Звук получился глухим и одиноким.

Дебора убрала дневник, сказав себе, что прочтет его, как только найдет в себе для этого силы. Но сейчас она была слишком убита горем, чтобы читать откровения своей тети.

Девушка в очередной раз промокнула глаза платком. Ей казалось, что слезы никогда не перестанут литься из ее глаз. Когда наконец эта ужасная боль от утраты близкого человека пройдет и она сможет смириться с неизбежностью смерти? «Мы собирались работать вместе, тетя Грейс. Но теперь я стану мемсааб доктори».

Она сидела на полу в центре гостиной, греясь в лучах солнечного света, проникающего в комнату через распахнутые окна и двери. Так всегда делала ее тетя, желая привнести в дом больше света и радости. Дебора разбирала коробки с личными вещами Грейс, скопившимися за долгие годы. Грейс Тривертон, судя по всему, была не способна что-либо выбрасывать. Дебора нашла там старые фотографии, кассовые чеки, выцветшие поздравительные открытки, письма от сэра Джеймса.

Там была военная медаль тети Грейс, лежавшая в бархатном футляре, которой ее наградили за проявленную во время Первой мировой войны отвагу. Дебора наткнулась на маленькое бриллиантовое колечко, очень похожее на обручальное, что ее очень удивило, поскольку она никогда не видела, чтобы тетя Грейс носила его. Нашла бирюзовую брошь, которой Грейс очень дорожила. Она называла ее «камнем удачи», который, как предполагалось, тускнел после того, как удача находила человека. Дебора приколола брошь себе на платье, а другие памятные сокровища положила обратно в тетину шкатулку с драгоценностями.

Среди вещей ее тети попадались и очень странные вещицы: старая, пожелтевшая газетная вырезка, в которой упоминался некий Джереми Мэннинг и объявлялось о том, что Грейс Тривертон живет в Британской Восточной Африке; меню из отеля «Норфолк»; засушенный цветок. Было много писем от известных людей — Элеоноры Рузвельт, президента Неру; цветных картинок, подписанных детским почерком.

Грейс сберегла все. Деборе казалось, что каждое мгновение, каждый эпизод жизни ее тети был аккуратно сохранен и помещен в эти коробки. И теперь это все принадлежало ей.

Дом Грейс также принадлежал теперь ей: она была вольна жить в нем столько, сколько захочет. Миссия согласно предварительной договоренности была передана во владение католическим монахиням, с условием, что Дебора сможет работать там после окончания медицинского института. Но девушке не хотелось жить в этом доме. Она решила вновь открыть Белладу, снять с окон деревянные щиты, стянуть с мебели накидки и вдохнуть в нее жизнь, живя там с Кристофером, с детьми, которые у них появятся. А дом Грейс она отдаст монахиням.

В дверях внезапно возник человек.

Дебора подняла глаза и увидела Сару со свертком в руках.

— Мне так жаль, Деб, — тихо прошептала она. — Я только что узнала про твою тетю. Я работала в Найроби и не читала газет.

Дебора встала и подошла к двери. Девушки обнялись. Несколько минут они стояли молча. Затем Сара произнесла:

— Мне сообщил Кристофер. Представляю, какой это для тебя удар. Он также сказал, что ты не едешь в Калифорнию и что вы собираетесь пожениться. Жаль только, что такая хорошая новость омрачена такой плохой.

— Я рада, что ты пришла, Сара. Ты знаешь, я никак не могу привыкнуть к тому, что тети Грейс больше нет. Все жду, когда она войдет в эту дверь и позовет меня пить чай. Даже не представляю, как буду жить в этом доме совершенно одна. Как думаешь, я смогу привыкнуть к этому?

— Мы поможем тебе, Деб.

— Я чувствую себя сиротой. У меня больше нет семьи. Мне так одиноко в этом мире.

— Отныне мы с Кристофером будем твоей семьей.

— Я так рада, что ты здесь, Сара.

— Я пришла тебе кое-что показать. Но думаю, будет лучше, если я зайду в другой раз.

— Пожалуйста, Сара, заходи. Попьешь со мной чаю.

— Ты знаешь, Деб, что моя бабушка молилась Нгаю о твоей тете?

Услышав это, Дебора крайне удивилась.

— Я всегда думала, что они заклятые соперницы. Твоя бабушка никогда не любила нас. Она даже как-то прокляла моего дедушку. По крайней мере, так говорят.

— Как бы там ни было, она уважала твою тетю. Ведь они обе были целительницами.

— Что ты принесла мне показать, Сара? — спросила Дебора, не желая больше говорить на эту тему. — Чем ты занималась в Найроби? Кристофер сказал, что ты придумала несколько новых дизайнов, пока была в Малинди.

Сара отнесла сверток на кухонный стол и развернула его. Достав оттуда какую-то ткань, она повернулась лицом к Деборе и растянула ее, словно флаг, между своих вытянутых рук.

Дебора уставилась на ткань во все глаза.

— Сара, — прошептала она.

— Что скажешь?

У Деборы не было слов. Эта ткань не имела ничего общего с тем, что делала Сара раньше. Это было нечто совершенно новое, доселе не существовавшее на земле.

Пока взгляд Деборы скользил по изумительным краскам и всевозможным изгибам и линиям, она начала распознавать изображенные на ткани предметы, которые плавно перетекали из одного в другой: золотой закат переливался в голубое море, которое, в свою очередь, трансформировалось в зеленые пальмовые деревья, изогнувшиеся за спиной африканки, идущей по красной ленте дороги к фиолетовым горам вдалеке, вершины которых были покрыты серебряными шапками снегов.

— Она великолепна, Сара! Как, черт возьми, ты смогла сотворить такую красоту?

— Я работала над ней почти три недели. Ты не представляешь, сколько мне пришлось попотеть.

Дебора почувствовала дрожь. Рисунок обладал гипнотическим действием. Люди были похожи на пейзажи, а пейзажи — на людей. Это было так по-африкански, так по-кенийски.

— Я хочу шить из этой ткани платья, Деб. Я уже разработала новый фасон. Показать?

Сара обернула ткань вокруг себя; она заструилась легкими волнами, отображая все нарисованные на ней сюжеты. Платье было длинным, до пола, с широкими рукавами, внизу переходящее в клеш. Фасон был простым, но элегантным. Платье красиво подчеркивало черную кожу Сары, ее корону из многочисленных косичек.

— Как думаешь, женщины будут его покупать?

— Да, Сара. Оно превосходно.

Сара аккуратно сложила ткань, завернула ее в коричневую бумагу и сказала:

— Я ездила на ткацкую фабрику в Найроби, Деб, показала там свою ткань, и мне сказали, что они смогут изготовлять ее для меня, если я гарантирую им стабильные заказы. Понимаешь, я не смогу делать ткань и шить платья сама. На одно платье у меня уйдут недели. В итоге оно будет стоить столько, что мало кто из женщин сможет позволить себе его купить. На фабрике же ткань будут производить машины, причем в массовом количестве, а я потом смогу шить из этой ткани платья. Но есть одно условие, Деб: мне нужны гарантии, что мои платья будут раскупаться. Я обошла все магазины одежды в Найроби, но они ничего не обещают. Не знаешь, что можно сделать?

Дебора пыталась думать, но единственное, что приходило ей в голову, было: «Была бы жива тетя Грейс, она бы дала хороший совет».

— Я тут подумала, — сказала Сара, — может быть, твой дядя согласился бы продавать мои платья в своих охотничьих домиках? Ну, туристам.

— Дядя Джеффри? — Дебора представила охотничий домик «Килима Симба» с его маленьким магазинчиком, в котором продавались платья из Европы. После того как Сара высказала ей свою идею, Дебора вспомнила о том, что дядя Джеффри недавно жаловался на возникшие проблемы с импортом. Не так давно правительство ввело ряд ограничений на ввоз товаров из-за границы, чтобы поддержать отечественных производителей и экономику. Теперь она вспомнила, как он поговаривал о том, что ему придется либо закрыть

магазин, который не приносил ему никакой прибыли, либо продавать в нем товары народного творчества.

— Ну конечно, — сказала Дебора Саре, — твои платья идеально подойдут для магазина моего дяди. Туристы будут от них в восторге.

— Надеюсь, Деб, — тихо произнесла Сара.

— Завтра я поеду в Найроби, к профессору Муриуки, хочу сказать ему, что не поеду в Америку. Потом забегу к дяде Джеффри и покажу ему, если он будет на месте, твою ткань.

— Большое спасибо тебе, Деб. Я понимаю, что тебе сейчас не до этого…

— Мне нужно себя чем-то занять. Именно так поступила бы тетя Грейс. Я пойду учиться в наш университет и налажу свою жизнь.

Они подошли к входной двери, где в свете полуденного солнца пестрели алые и оранжево-желтые бугенвиллии.

— Я рада, что ты не едешь в Америку, Деб. Если я тебе понадоблюсь, я дома.

— Я вернусь из Найроби послезавтра. Приходи ко мне в гости. Если захочешь, можешь у меня немного пожить. Сделаем из одной спальни швейную мастерскую.

— С удовольствием, Деб, спасибо, — они снова обнялись. — Я так рада, что ты собираешься замуж за Кристофера. Мы станем сестрами.

Дебора смотрела вслед удаляющейся Саре и думала о том, какой уверенной и легкой была ее походка. Казалось, что она едва касается земли. Затем Дебора вернулась назад, в гостиную, где ее ждали коробки.

Девушка не хотела заниматься этим сейчас; она еще не чувствовала себя готовой к этому. После похорон к ней подошел Кристофер и сказал, что будет ждать ее на их любимом месте возле реки. Но Дебора считала, что она должна сделать это сейчас, в память о своей тете, что она не должна оставлять незавершенными какие-либо дела.

В последней коробке лежали письма.

Странно, но на конвертах не было ни адресов, ни имен. Открыв одно из писем, Дебора, к своему большому удивлению, обнаружила, что на нем не было даты и что оно начиналось со слов «Мой дорогой Дэвид…»

Дебора перевернула письмо и прочитала подпись.

«Мона».

Ее мать.

Она держала в руке любовное письмо своей матери. Она вспомнила, как десять лет назад они с Кристофером прокрались в комнату ее дедушки и бабушки в Белладу и залезли в ящик с «тайнами». Тогда они наткнулись на пропуск Дэвида Матенге, который Кристофер хранит по сей день.

Дебора посмотрела на письмо в своей руке, на лежащую рядом пачку писем и снова подумала о том, каким образом пропуск Дэвида мог оказаться среди личных вещей ее матери.

Дэвид Матенге и ее мать — любовники?

Ошеломленная, Дебора начала читать письма. Ни на одном из них не было даты. «Я отдам эти письма твоей матери, — писала Мона, — как ты и сказал. Она передаст их тебе. Возможность общаться с тобой, пусть и таким способом, — единственное, что утешает меня в это смутное безрадостное время».

Дебора не могла понять, как эти письма попали к ее тете.

Она уткнулась в письмо. Слова, написанные на бледно-розово-голубой бумаге, с гербом семьи Тривертонов наверху, не могли принадлежать ее жестокосердной, бесчувственной матери! Эти слова, пышущие любовью и преданностью, писала молодая женщина, полная жизни и огня; они с поразительной точностью передавали все те чувства, которые испытывала Дебора по отношению к Кристоферу.

Глаза Деборы наполнились слезами. Как это ужасно — находиться вдали от любимого человека, быть проклятой обществом за любовь к человеку с другим цветом кожи.

Внезапно ей захотелось, чтобы мать оказалась сейчас здесь, в этой комнате, чтобы она поговорила с ней, чтобы они забыли обо всем, что было раньше, и начали свою жизнь с чистого листа. Как бы все изменилось!

Дебора знала, что Дэвид Матенге погиб во время охвативших страну волнений. Но где и когда, она не знала. Как, впрочем, не знала она и подробности смерти своего отца.

«Он умер до твоего рождения», — единственное, что сказала ей мать.

«Неужели мой отец тоже погиб в то смутное время? — думала озадаченная Дебора. — Когда моя мать познакомилась с ним — до или после того, как влюбилась в Дэвида Матенге?»

Впервые Деборе действительно стало интересно, кем был ее отец. Она всегда думала, что этот человек был незначительной фигурой в жизни ее матери. Они не были женаты; но любил ли он ее?

Дебора продолжала читать письма. В одном из них ее мать сообщала о том, что она беременна. Дебора начала читать быстрее. Мона родила девочку, которую она назвала Мамби, в честь Первой Женщины. Она писала Дэвиду, насколько прекрасно «дитя любви».

Неожиданно письма закончились.

Должно быть, тогда погиб Дэвид.

Дебора собрала письма и, нахмурившись, уставилась на них. Что случилось с тем ребенком? Где Мамби сейчас?

Ни мать Деборы, ни тетя Грейс никогда не упоминали о другом ребенке. Может быть, Мамби отдали на удочерение? А может быть, она тоже умерла?

Решив, что она должна это выяснить, Дебора встала и окинула взглядом гостиную, словно там могли скрываться ответы на все ее вопросы. Она могла бы написать матери, но пройдут недели, прежде чем она получит ответ. Быть может, ее мать не захочет вспоминать о том печальном эпизоде своей жизни и не пожелает говорить на эту тему.

Кто еще может знать об этом? Дядя Джеффри? Но если он не в курсе, то ей не хотелось бы раскрывать секретов ее матери.

Наверняка тетя Грейс знала, но ее, к сожалению, больше нет.

Дебора вышла на веранду и огляделась. Была еще одна женщина, которая наверняка знала о том, что произошло с тем ребенком. В конце концов она была матерью Дэвида, и эти письма передавались через нее.

Деборе было страшно идти к старухе-знахарке. Она всегда побаивалась Маму Вачеру, всегда внутренне сжималась под пронизывающим взглядом ее глаз. Но Вачера в конце концов была бабушкой Кристофера и в скором времени станет ее родственницей, после того как они с Кристофером поженятся.

Она должна узнать, что произошло с тем ребенком.

Шагая по старой протоптанной тропе, лежащей между игровым полем и рекой, Дебора чувствовала, как горе постепенно уступает место возбуждению. Она не одна в этом мире! Был шанс, что тот ребенок живет где-то и по сей день. Мамби — ее единокровная сестра!

Мама Вачера сидела возле своей хижины и заворачивала в листья сладкий картофель. Рядом с ней булькала на огне просяная похлебка. Дебора робко подошла к ней и, прочистив горло, пробормотала традиционные слова приветствия. Она хорошо знала язык кикую; Кристофер научил ее.

Пожилая женщина смерила ее холодным взглядом. В ответ Дебора не услышала ни слов приветствия, ни предложения отведать пива или еды, что считалось у кикую высшим проявлением невежливости. Ее были не рады здесь видеть. Поняв это, Дебора сразу перешла к делу.

— Я нашла эти письма среди вещей своей тети. Я хотела бы кое-что узнать. А вы единственный человек, кто мог бы мне рассказать об этом.

Знахарка перевела взгляд на письма в руках Деборы.

— Что ты хочешь знать?

— Они были написаны моей матерью вашему сыну, Дэвиду. В них она сообщает ему о ребенке, дочери по имени Мамби. Получается, что у меня была сестра, и я хотела бы узнать, что с ней произошло. Вы не знаете, леди Вачера? Мамби жива?

— Я не знаю ни о каком ребенке, — ответила знахарка, не меняя выражения лица.

— Но в письмах написано, что ребенок был. Моя мать сообщает Дэвиду, что Мамби его дочь. Мне никто не говорил о том, что у меня была сестра. Наверняка вы знаете, что с ней произошло. Пожалуйста, скажите мне.

— Я не знаю ни о каком ребенке, — повторила Вачера. — Ты единственный ребенок, вышедший из чрева своей матери.

Дебора подумала о том, что ей придется искать другой подход. Возможно, с помощью Кристофера…

— Ты единственный ребенок, вышедший из чрева своей матери, — повторила Вачера.

— Нет, был другой ребенок, — начала было спорить Дебора, — ее звали…

Она осеклась, увидев таинственные глаза знахарки.

Затем она перевела взгляд на письма.

На них не было даты. Но она знала, что они были написаны во время чрезвычайного положения.

«Я родилась во время чрезвычайного положения…»

Она снова посмотрела на знахарку.

— Что вы хотите этим сказать? — прошептала Дебора, чувствуя внезапный озноб и испуг. — Что вы хотите этим сказать?

Мама Вачера молчала.

— Скажите мне! — закричала Дебора.

— Прочь отсюда, — наконец произнесла старуха-знахарка. — Ты таху. Ты проклята.

Дебора испуганно уставилась на женщину.

— Я?.. — прошептала она. — Я и есть тот ребенок?»

— Прочь отсюда. Уходи с этой земли, тебе здесь не место. Ты таху. Ты табу.

— Этого не может быть!

— Таху! — прокричала Вачера. — Ты дитя греха! И ты спала с сыном собственного отца!

— Нет, — прошептала Дебора. — Вы ошибаетесь!

Она попятилась назад. Оступилась. Повернулась и побежала прочь.

60

Четыре чернокожие девушки стояли с видом людей, которые знают, кто они и чего хотят от этой жизни. Их волосы были убраны в модном африканском стиле, платья сшиты из яркой узорчатой нигерийской ткани и отделаны по вороту и рукавам богатой вышивкой из белых шелковых нитей. В ушах качались огромные серьги-кольца, запястьях украсили ряды медных браслетов и ожерелья из дерева и железа. Их звали Фатма, Дара и Рашида. Они были изысканными, политически грамотными, уверенными в себе и красивыми женщинами. И они несколько недель назад исключили Дебору из своего круга.

Она смотрела на них, стоя на другом конце зала, наполненного празднующей Рождество молодежью. В ее взгляде читались смятение, зависть и одиночество. Она не хотела их обидеть, а хотела подружиться с ними, но между ней и этими афроамериканками оказалась слишком глубокая пропасть непонимания, которую невозможно было преодолеть. Лучик надежды, что она нашла подруг, похожих на Сару, угас в сентябре, когда спустя две недели после начала учебы в калифорнийском колледже Дебора решила присоединиться к ним.

— «Женщины против угнетения» — организация черных женщин, — сказала девушка, называвшая себя Рашидой, хотя ее настоящее имя было Ладонна. — Почему ты хочешь вступить в нее?

Дебора не знала, как объяснить словами свои чувства: насколько потерянной она себя чувствовала, как она хотела быть частью чего-то, как они напоминали ей Сару, как одиноко ей было в этой новой для нее стране.

Америка казалась Деборе такой же чужой и непонятной, как когда-то Кения белым первопроходцам. Она не понимала язык, несмотря на то что это был английский, так как в нем преобладал сленг — словечки типа «отстой» и «чумовая». К тому же и переворачивались с ног на голову значения: когда говорили «плохой», а подразумевали «хороший» [2].

Она не могла постигнуть сложные правила социальной жизни, которые так отличались от кенийских. Ее приводило в смятение

огромное количество субкультур, в которых сами американцы, казалось, разбирались с невероятной легкостью. Дебора отчаянно искала для себя нишу в этом странном и новом для нее мире, в котором, казалось, находились места для всех и каждого, поэтому она просто сказала:

— Потому что я черная.

К ее большому удивлению, они приняли ее аргумент. Даже одна капля африканской крови, как объяснили ей они, включала человека в ряды угнетенных. Поэтому они приняли ее в свой крут и стали обращаться с ней как с сестрой. Однако это продлилось недолго.

Черный цвет кожи, в скором времени Дебора это поняла, не делал из них африканок. И хотя они считали себя таковыми, Дебора не увидела кого-то, хоть отдаленно похожего на ее друзей кикую, среди этих агрессивных, самоуверенных мужененавистниц, которые свободно и открыто — слишком открыто, на взгляд Деборы, — говорили об абортах, сексе и изнеженности современных чернокожих мужчин. В них не было африканской наивности, почтения к старшим, женской скромности — черт, которые она видела в Саре и ее друзьях.

Это были озлобленные женщины, которые объединились, чтобы бороться с их общим врагом, который, на взгляд Деборы, вовсе не был таким уж ужасным, как они, столь громогласно, заявляли, — белым мужчиной.

Тем не менее Дебора пыталась дружить с ними, хотела сохранить свое место среди них, потому что ей нужно было иметь где-то свое место, так же как ей было нужно окружить себя барьером, чтобы защитить от всевозрастающей боли.

Она уехала из Кении, даже не попрощавшись с Сарой и Кристофером.

Кто-то, проходя мимо, толкнул ее так, что кока-кола, которую она держала в руке, выплеснулась из стакана. Она отошла к стене, чтобы никому не мешать, но оставаться при этом частью толпы. Из динамиков звучали рождественские песни; длинные столы ломились от яств; два камина, расположенных по краям зала, горели ярким пламенем, несмотря на то что это был теплый калифорнийский вечер и все были одеты в летнюю одежду.

Прижавшись к стене, Дебора наблюдала за беснующейся, счастливой, разномастной толпой. Внезапно она почувствовала

тошноту и головокружение. С каждой минутой ей становилось все хуже, словно она смотрела на мчащуюся по кругу карусель, которая с каждым кругом крутилась все быстрее и быстрее.

Она не привыкла к большим скопищам людей. Классы в университете Найроби были маленькими, а студенческие вечеринки — тихими и интимными. Этот же студенческий городок, стоявший на берегу Тихого океана, вмещал в себя двадцать тысяч человек, и Деборе казалось, что все они до единого были сейчас на этой рождественской вечеринке.

Толпы и стремительность калифорнийской жизни были лишь небольшой составляющей того культурного шока, который испытала Дебора, приехав сюда из Кении в поисках убежища.

Она многого не понимала и боялась, что никогда не сможет понять окружающих. Шутки, выражения, цитаты, которые вызывали ответную реакцию у всех, кроме нее, вводили ее в недоумение. По прошествии некоторого времени она поняла, что калифорнийский образ жизни, по крайней мере большая его часть, складывался из того, что показывалось по телевидению, которого Дебора никогда в своей жизни не смотрела. Она чувствовала себя бунтарем, проспавшим день революции. Казалось, все, о чем она слышала и что видела, так или иначе было связано с телевидением: язык и манеры поведения, даже мода и еда. Но более удивительным, чего Дебора вообще никак не могла понять, было то, что люди, в жизнь которых глубоко и накрепко вошло телевидение, с пеной у рта доказывали, что они не смотрят его!

Четыре афроамериканки неожиданно рассмеялись. Они знали о своей популярности, были довольны черным цветом своей кожи и чувством собственного превосходства. Та, что называла себя Фатмой — в действительности Фрэнсис Вашингтон, — исключила Дебору из их круга общения.

Фатма была самой воинственной в группе. Она принадлежала к «Черным пантерам» и была близкой подругой Анжелы Дэвис. Она выступала с речами и обвиняла всех и вся в расовой дискриминации. «Почему белые люди относятся к нам как к продуктам питания? — кричала она на собрании черных сестер. — Почитайте их романы! Послушайте, что они говорят! Чернокожих женщин называют шоколадками, кофе с молоком, кремом-брюле, коричневым сахарком. Мы чернокожие! Мы не еда!» Именно Фатма подошла в начале

октября к Деборе, которая на тот момент являлась членом их организации, и спросила о том, как ей удалось попасть в столь дорогой колледж. Фатма, считавшая, как и все остальные, что Дебора родом из Англии, была удивлена, узнав, что она из Кении и приехала в Америку, получив одну из университетских стипендий.

— Но, — сказала Фатма, — эти стипендии предназначаются для африканцев!

— Я и есть африканка. Я родилась в Кении.

— Да, но эти деньги должны были пойти на обучение чернокожего студента.

— Я наполовину черная.

«Недостаточно черная», — прочитала она во взгляде Фатмы.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Эти деньги предназначались угнетенным черным братьям и сестрам. Студентам, которым нужна наша помощь.

— Мне тоже нужна ваша помощь. У меня нет ни денег, ни семьи. К тому же я честно заработала ее. Я состязалась с полуторатысячной армией студентов и победила.

— Ты должна была отказаться от стипендии в пользу черной сестры.

— Почему?

— Потому что у тебя есть преимущество, которого у нее нет.

— И что это за преимущество?

— Ты белая.

К этому времени африканский загар Деборы начал смываться, а ее короткие кудрявые волосы, отрастая, начали выпрямляться. Она поняла, что эти афроамериканки на самом деле никогда не считали ее сестрой, так как она не обладала необходимой для этого внешностью. «Но в душе я африканка! — хотела она прокричать им. — Во мне больше африканского, чем в любой из вас! Мой отец, Дэвид Матенге, был великим борцом за свободу!»

Она видела, с каким надменным, самоуверенным, практически нахальным видом они ходили среди толпы. Десять лет назад эту четверку ни за что бы не приняли бы в этот привилегированный колледж. Теперь же, как казалось Деборе, в век внезапно обострившегося свободомыслия, все отчаянно хотели дружить с ними.

Как-то она пришла на небольшую вечеринку к Даре, где сестры, Дебора и чисто символическое количество белых общались, демонстрируя всем своим видом расовое единение. Тогда-то Дебора впервые отведала калифорнийского вина и, выпив слишком много, умудрилась обидеть оба лагеря, рассказав одну из смешных историй тети Грейс про Марио.

— Однажды она зашла в кухню и увидела, как он скатывает мясные фрикадельки на собственной груди и бросает их на сковороду!

Смех Деборы быстро смолк, когда она увидела устремленные на нее взгляды собравшихся. В комнате стало тихо: нарушала тишину лишь звучавшая из стереопроигрывателя музыка.

— Почему ты называешь его «вашим работником»? — спросила Дара.

Дебора не знала, что ей сказать.

— Мне кажется, — раздался чей-то голос, — что кенийские империалисты ничем не отличаются от южноафриканских и родезийских. Все они расистские ублюдки.

Дебора хотела объяснить им, что они все не так поняли, что Кения вовсе не такая. Нет, конечно, ее дядя Джеффри был расистом, но ее тетя Грейс и многие другие никогда ими не были. Деборе казалось, что в Кении намного меньше расовых предрассудков, чем здесь, в этой претенциозной стране, где люди меняли свои имена, надевали костюмы и притворялись друзьями, потому что так полагалось в этом обществе. Она почувствовала, что эти американки начинают выводить ее из себя.

Она хотела сказать этим «сестрам», что они были не африканками, а лишь жалкими пародиями на них; что Сара никогда бы не признала в них своих и что, если бы они знали, каково это — быть настоящими африканскими женщинами, они бы так рьяно не стремились затесаться в их ряды, потому что быть истинной африканкой означало быть в полном подчинении у своего мужа или отца, работать в поте лица в поле, рожать одного ребенка за другим, носить на себе, подобно вьючному животному, тяжеленные ноши.

Затем она подумала о Саре, о ее красивой ткани, о несбыточности ее желания открыть свое дело; она вспомнила Кристофера, их дом на реке Чания и разрыдалась. Этот день оказался ее последним днем в организации черных сестер.

Были в студенческом городке и другие коалиции и ассоциации прогрессивных молодых белых людей, которые не судили человека по цвету его кожи, одежде и речам. Дебора смотрела на дружбу с ними как на лекарство от всевозрастающего одиночества и чувства отверженности. Но это тоже закончилось полным разочарованием.

— Привет, — раздался позади нее голос.

Дебора обернулась и увидела перед собой улыбающееся бородатое лицо. Она много раз видела этого человека в студенческом городке. Он был поистине вездесущим: участвовал в антивоенных парадах, уклонялся от службы, одолевал всех вопросом, как мог победить на выборах Никсон, если ни он, ни остальные десять миллионов избирателей не голосовали за него.

— Классная вечеринка, да?

Дебора выдавила из себя улыбку. Он стоял слишком близко к ней, и она почувствовала себя загнанной в ловушку. Боль, которую она носила в себе, словно маленький драгоценный камушек, начала расти.

— Э-э, ты учишься здесь? — спросил он.

— Да.

— На каком факультете?

— На медицинском, на подготовительных курсах.

— Круто. А я на философском, хотя до сих пор не могу понять, какого черта я буду делать с дипломом философа. Значит, медицина, да? В какой мединститут собираешься поступать?

— Еще не знаю. Я живу одним днем.

— Классный акцент. Ты из Англии?

— Нет. Из Кении.

— Круто! Мой двоюродный брат ездил в Кению с Корпусом мира. Долго там не протянул. Вернулся. Слишком грязно, сказал. А я и не знал, что в Кении еще остались белые. Двадцать лет назад там, кажется, было восстание зулу?

— Мау Мау, — поправила его Дебора.

Он пожал плечами.

— Один черт. Тебе принести чего-нибудь поесть? Они здесь готовят обалденные блюда с карри. Эй! Ты куда?

Дебора проворно протиснулась сквозь толпу людей, нашла двери, выходящие на патио, и выскочила в теплую калифорнийскую ночь.

Она бегом пересекла лужайку и села на пустую скамейку. Она чувствовала, как драгоценный камень, которым была ее боль, разрастался в ней, пока не заполнил все ее тело и не начал прорезать его своими острыми гранями. Чужая ночь начала поглощать ее; душа земли, которая так и не стала ей родной, украдкой кружилась вокруг нее, словно примеряясь к ней, словно решая, оставлять ее здесь или нет.

«Я не должна любить тебя, Кристофер. Я не должна думать о тебе как о любимом мужчине…»

Наконец Дебора дала волю чувствам и заплакала, как плакала практически каждый день, с тех пор как уехала из Кении, с того самого дня, когда нашла любовные письма своей матери. Дебора смутно помнила, что было потом. Не помня себя от горя, она нашла дорогу к миссии и позвонила поверенному своей тети. «Я хочу отписать этот дом монахиням, — сказала она ему. — И я хочу, чтобы вы как можно быстрее продали Белладу, вместе со всем, что там есть. Мне все равно, сколько вы выручите. Я уезжаю из Кении и никогда больше не вернусь сюда».

В ту ночь она даже не осталась ночевать в миссии; там было слишком многолюдно. Она поспешно собрала свои вещи и уехала в Найроби, откуда, проведя бессонную ночь в отеле «Норфолк», первым же рейсом улетела в Лос-Анджелес. Руководство студенческого городка разрешило ей досрочно въехать в общежитие, где она провела целую неделю в полном одиночестве и душевных терзаниях. Потом начались занятия, и Дебора с головой окунулась в насыщенный учебный процесс.

Она пыталась написать письма Саре и Кристоферу. Но не смогла. Кристофер не должен был узнать правду. Для кикую инцест был одним из самых страшных и непростительных грехов. Это будет терзать его всю оставшуюся жизнь и сделает очень несчастным.

Не могла она написать и Саре. Дебора оставила ткань у сестры Перпетуи, попросив вернуть ее Саре Матенге. С тех пор Дебора больше не видела свою подругу.

Кто-то шел по лужайке. Дебора знала, кто это был. Пэм Вестон. Дебора надеялась, что девушка не увидит ее, сидящую на скамейке в одиночестве, и с облегчением вздохнула, увидев, что Пэм присоединилась к веселящейся толпе.

Пэм Вестон была одной из новых «свободомыслящих» подруг Деборы. «Бог мой, — заявила она как-то вечером в столовой, — девственность — это всего лишь состояние души. Девушки больше не хранят себя до первой брачной ночи. А те, кто это делает, совершают большую ошибку. Они позволяют мужскому шовинизму манипулировать ими».

Это было сказано три недели назад, когда Дебора пила кофе со своими новоиспеченными подругами. Они приняли ее в свои ряды с большей охотой, чем воинственно настроенные чернокожие девушки, однако, чтобы быть одной из них, нужно было соблюдать некоторые правила.

— Девушка, которая бреет ноги, скована предрассудками, — сказала Пэм, и все с ней дружно согласились.

Эти девушки казались Деборе, которая никогда раньше не слышала о женской эмансипации, очень странными. Новости из-за океана приходили в Кению слишком поздно и сообщались лишь после того, как проходили полную правительственную цензуру. Они приняли Дебору из-за ее акцента за англичанку и очень удивились, узнав, какой невежественной была та в некоторых вопросах. Дебора не знала таких имен, как Глория Стейнем и Бетти Фридан [3], не имела ни малейшего понятия о том, что такое мужской шовинизм. Для них Дебора была ходячим парадоксом: с одной стороны, белая, умная и образованная, с другой — провинциальная и наивная.

— Посмотрите, как одевались женщины в былые времена, — сказала Пэм Вестон, — и вы увидите, какими порабощенными они были. Все эти корсеты, шнуровки, тонюсенькие талии! Хорошо, что сейчас настали времена, когда женщина просыпается и надевает то, что она хочет. Мы больше не позволяем этим шовинистам-дизайнерам диктовать нам моду!

— Моя лучшая подруга, — тихо вставила Дебора, — создает потрясающие платья. Она даже сама расписывает ткани.

— Обожаю расписанную ткань! — воскликнула девушка с факультета бизнеса и управления. — Я раньше тоже пробовала расписывать ткань, но краска не держалась.

— Сара нашла способ, как с этим бороться. Она очень смекалистая, особенно что касается рукоделия. Ее ткань — настоящее

произведение искусства. Не удивлюсь, если в один прекрасный день она станет знаменитой.

— А она может сшить мне платье? — поинтересовалась та же девушка. — Конечно, я заплачу ей за работу.

— Да, но Сара не здесь. Она в Кении.

— Африканский стиль. Еще лучше!

— А что твоя подруга делает в Кении? — спросила Пэм Вестон. — Она в Корпусе мира?

— Она там живет.

— Белые используют Восточную Африку в своих интересах уже достаточно давно, — сказала девушка с политологического факультета. — Твоя подруга должна оставить Кению ее народу.

— Дело в том, — сказала Дебора, — что Сара не белая.

Она посмотрела на Дебору.

— Твоя лучшая подруга чернокожая? — спросила Пэм Вестон. — Почему ты сразу об этом не сказала? Или ты стыдишься этого?

Дебора замолчала. Они ее не понимали. В своем желании продемонстрировать свою расовую терпимость эти свободомыслящие девицы лишь подчеркивали различие между белыми и цветными. Деборе и в голову никогда не приходило думать о Саре или Кристофере как-то иначе, нежели как о своих друзьях, как о людях.

В эту минуту Дебора поняла, что она никогда не впишется в этот мир. Отвергнутая черными, не понятая белыми, Дебора была обречена быть третьим лишним. Американский образ жизни оказался ей непонятен, история страны и ее диалекты — чужими. Она была человеком без расы, без страны и без семьи.

«Я никогда не смогу вернуться в Кению. Я больше никогда не должна видеть Кристофера. Тети Грейс больше нет. Я осталась совершенно одна и должна приспособиться жить в этом мире, среди чужаков, в мире, к которому я не принадлежу».

— Привет, можно составить тебе компанию?

Дебора подняла глаза и увидела девушку в джинсах и свитере с воротником-хомутом. Ее лицо показалось Деборе знакомым.

— Мы вместе занимаемся на физиологии, — объяснила девушка. — Я видела тебя в классе. Меня зовут Энн Паркер. Можно с тобой посидеть?

Дебора подвинулась.

— Не знаю, зачем я пришла на эту вечеринку, — сказала Энн. — Просто в общежитии было так пусто и одиноко. Все разъехались на каникулы по домам. Я не привыкла к большому скоплению народа.

Дебора улыбнулась:

— Я тоже.

— Я приехала из крошечного городка на Среднем Западе, так что можешь понять, каково мне.

— Где это — Средний Запад?

— Хороший вопрос! — рассмеялась Энн. — Иногда я спрашиваю себя, не совершила ли я ошибку, приехав сюда. Этот студенческий городок больше, чем город, в котором я родилась. Иногда мне даже становится страшно.

— Я понимаю, что ты чувствуешь.

— Я чувствую, что готова кричать «Караул!»

— Караул?

Энн рассмеялась.

— Мне нравится твой акцент. Ты из Англии?

Дебора видела золотые саванны Амбосели и силуэты пастухов на фоне голубого неба.

Она чувствовала запах красной земли, дыма и диких цветов, растущих вдоль берегов реки Чания. Она слышала бренчанье козьих колокольчиков, быструю речь женщин кикую, работающих на своих шамбах. Она ощущала сильные руки и крепкое тело человека, которого ей было запрещено любить.

— Да, из Англии, — ответила Дебора, бросая взгляд на часы и думая в последний раз, как она пыталась себя убедить, о том, что в эту самую минуту на другом конце земного шара над горой Кения всходит солнце.

Часть девятая
Наши дни

61

Дебора уставилась на последнюю запись в дневнике Грейс, датированную 16 августа 1973 года.

«Дебора влюблена в Кристофера Матенге, — писала ее тетя. — И я думаю, что это взаимно. Трудно представить себе более подходящую кандидатуру на роль мужа Деборы, чем Кристофер. Я молю Бога, чтобы дожить до дня их свадьбы и благословить их на долгую и счастливую жизнь».

Это были последние слова Грейс, которые она записала в своем дневнике. Той же ночью она умерла.

Закрыв дневник и положив его на кровать, Дебора распрямила затекшие ноги, подошла к окну и раздернула шторы. В глаза ей ударил неожиданно яркий солнечный свет. Обнаружив, к своему удивлению, что за окном разгар дня, Дебора поспешно задернула шторы. Она поняла, что, потеряв счет времени, просидела за чтением дневника всю ночь и утро.

Она отвернулась от окна и опустилась на стоящий рядом небольшой диванчик, положив ноги на кофейный столик, откинулась назад и уставилась на потолок. За дверью, в коридоре отеля, кипела жизнь: гремели тележки горничных, перекрикивались на суахили носильщики, периодически звякали лифты. С улицы сквозь наглухо задернутые шторами окна доносилась какофония из шума моторов, рева автомобильных клаксонов и гула людских голосов.

Дебора обняла себя за плечи. На глаза навернулись слезы.

Это было уже слишком — история ее семьи. Она чувствовала себя так, будто ее окатили водой, будто она плыла в бушующем море.

Все это время они были рядом с ней — ответы, за которыми она когда-то пошла к Вачере, желая узнать о другом ребенке, плоде любви Моны и Дэвида. Ответы были у нее под рукой все эти годы, в записях дневника, сделанных аккуратным подчерком Грейс:

«Той ночью мы потеряли четверых: моего дорогого Джеймса, Марио, который был со мной с самого начала, Дэвида Матенге, и ребенка, которого затоптали…»

Затем, через две страницы: «Мона снова беременна. Она говорит, что это ребенок Тима Хопкинса, плод непростительной ошибки, что

она была вне себя от горя и не осознавала, что делает».

Из глаз Деборы хлынули слезы, когда она узнала горькую правду своего рождения. «Я была не дитя любви, а всего лишь плодом ошибки».

Дебора подтянула ноги к груди и обхватила их руками. Уткнувшись лицом в колени, она тихонько заплакала.

В дверь постучали.

Она подняла голову. Услышав звук поворачивающегося в замке ключа, вскочила и подбежала к двери. Распахнув ее, увидела на пороге уборщика с тележкой и стопкой чистых полотенец. Он смущенно улыбнулся и жестом показал, что пришел убраться в ее номере.

— Не нужно, спасибо, — сказала она по-английски, затем, увидев, что он не понял, повторила фразу на суахили. Он снова улыбнулся, поклонился и повез свою тележку к другому номеру. Дебора поискала табличку с надписью «Не беспокоить», нашла одну, на которой было написано «Узисумбу», и повесила ее на ручку входной двери.

Она прислонилась к двери и закрыла глаза.

«Что я здесь делаю? Зачем я приехала?»

Шум с улицы, проникающий в комнату даже через закрытые окна, становился все громче. Она слышала зов Найроби, но пыталась игнорировать его. Внезапно ей стало страшно.

«Ты чего-то боишься, — прозвучал в ее голове голос. — Почему ты бежишь от меня? Ты боишься меня, Дебби, или ты просто боишься серьезных отношений?» — шесть месяцев назад спросил ее Джонатан.

Она вспомнила о Джонатане Хейзе и попыталась представить его здесь и сейчас, в этой комнате. Она хотела бы знать, как бы он повел себя в этот момент, заставляя ее говорить, вытягивая из нее все ее чувства и мысли, помогая ей пройти через запутанный лабиринт, в котором она заблудилась. Когда она думала о Джонатане, на душе у нее становилось легче, даже его незримое воображаемое присутствие успокаивало ее. Но незримый Джонатан мало чем мог помочь ей: он был слишком эфемерен. При первых же громких звуках, донесшихся из коридора, он мгновенно исчез.

Деборе казалось, что ее тело и душа распались на маленькие кусочки и разлетелись по всему земному шару: одна часть их прилетела сюда, в Восточную Африку, другая вращалась вокруг Джонатана в Сан-Франциско. С самых первых дней в Калифорнии,

пятнадцать лет назад, когда она сбежала от реальности, оказавшейся слишком невыносимой для молодой девушки, Дебора по крупицам собирала свое «я» воедино.

«А из какой именно части Англии вы родом, доктор Тривертон?» — спросил ее Джонатан в первый же день их встречи. Дебора была новенькой в больнице, поэтому ее поставили ассистентом к доктору Хейзу. К своему большому удивлению, Дебора призналась, что на самом деле она родилась в Кении, а не в Англии.

Оглядываясь назад, она поняла, что заставило ее тогда сказать правду. Джонатан. Было что-то такое в его больших карих глазах, заглядывающих прямо в душу, в его тихом умиротворяющем голосе, что располагало к откровенности. Все замечали эту особенность в докторе Джонатане Хейзе. Люди приходили к нему и рассказывали о своих радостях и горестях, а он слушал их с неподдельным вниманием.

Однако свои собственные эмоции доктор Хейз предпочитал не выставлять напоказ: если у него и были какие-то чувства, то он тщательно скрывал их за маской уравновешенного и степенного человека. Вот почему тот его импульсивный, страстный поцелуй в аэропорту — вчера? позавчера? — так удивил ее.

Дебора заметила, что дрожит от холода.

Ее волосы давно уже высохли, но она по-прежнему была одета лишь в один банный халат. У нее не было сил переодеться.

«Кристофер», — подумал она наконец.

Он не был ей братом.

Она старалась не думать о нем; с той самой минуты, как она закрыла дневник, она гнала от себя то, с чем нужно было разобраться. Показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Чтобы не упасть, она схватилась за ручку двери. То, с чем в течение целых пятнадцати лет она тщетно пыталась примириться, в одночасье рассыпалось в прах.

Она не была дочерью Дэвида Матенге. Она не была африканкой.

От осознания этого факта у нее перехватило дыхание. Дебора с трудом оторвалась от двери и прошла в ванную комнату. Уставившись на свое отражение в зеркале, на лицо, которое изучала тысячи раз, она пыталась отыскать в нем следы африканской крови, которая, как она много лет считала, текла по ее венам. Как часто она себя рассматривала, изучая каждую ресничку, каждую морщинку и

складочку на своем лице, ища признаки другой расы, но в то же время молясь, чтобы никогда не найти их.

Она ухватилась за края раковины.

«У меня не было причины убегать. Никакого преступления не было. Я была вольна любить Кристофера. Я могла остаться в Кении».

На глаза снова навернулись слезы. Деборе казалось, что она угодила в ловушку. Будь здесь Джонатан, он бы помог ей справиться со своими чувствами; он бы показал ей, как одолеть смятение и замешательство. Но Джонатана не было. Осталось лишь жалкое отражение белой женщины.

Она подошла к кровати и взяла фотографии: Валентин верхом на пони; леди Роуз, смотрящая через плечо; молодая тетя Грейс; четверка босоногих детей, стоящих на солнце. Дебора посмотрела на оставшиеся три фотографии.

Поспешно убегая из Кении, она захватила с собой лишь несколько вещей: дневник Грейс, любовные письма, горстку снимков. Она завернула их в бумагу и перевязала веревкой, где они и пролежали все эти пятнадцать лет. Дебора не помнила, что было на этих фотографиях и почему она выбрала именно их. Но сейчас, взяв их в руки, она испытала странное желание — желание окунуться в прошлое.

На одной из фотографий был Терри Дональд: правой ногой он опирался о тушу носорога, а в правой руке держал ружье. Он был истинным воплощением мужчин семейства Дональдов: привлекательным и храбрым, мужественным и уверенным в себе, загорелым и большим любителем охоты, представителем третьего поколения рожденных в Кении белых людей.

Затем Дебора перевела взгляд на фотографию Сары. Совсем еще молоденькая: волосы пока не заплетены в тугие косички, улыбка по-девичьи застенчива, одета в школьную форму, которая дополняла и без того трогательный и невинный вид. Эта фотография напомнила Деборе о простых днях, лучших днях ее жизни.

На последней был изображен Кристофер. Он стоял на берегу реки, на островке солнечного света, в черных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами и расстегнутым воротом. На нем были солнцезащитные очки. Он улыбался и был невероятно хорош собой.

Дебора растерянно смотрела на Кристофера. Табу было снято. Она снова могла любить его.

«Что мне теперь делать?» — подумала она.

Дебора взглянула на стоявший на тумбочке телефон, вспомнила о миссии, о ждущих ее монахинях. «Я должна позвонить им и сказать, что я прилетела».

Но когда ее взгляд упал на голубую телефонную книгу, она замерла.

Ей казалось, что тихий и спокойный номер гостиницы начал заполняться людьми. Она надеялась, что плотно задернутые шторы и запертая на ключ дверь спасут ее от непрошеных гостей. Но они были здесь, в этой комнате, рядом с ней, — в этом потрепанном телефонном справочнике.

Она взяла его в руки. Думая обо всех людях, имена которых могла найти в этой книге, о людях, которые были ее путеводными нитями в прошлое, Дебора вдруг почувствовала неожиданное возбуждение, словно она отправлялась в путешествие, открыла книгу и нашла целый список туристических агентств Дональдов.

Уехав из Кении, Дебора сожгла за собой все мосты. За те пятнадцать лет, что она строила новую жизнь и создавала свое новое «я», у нее ни разу не возникло желание увидеться с родными и близкими ей людьми, оставшимися в Кении. Если она не могла быть вместе с Кристофером, ей не нужны были ни эта страна, ни люди, живущие там. Вместе с семьей Матенге она вычеркнула из своей жизни и семью Дональдов.

Полистав справочник, Дебора узнала, что «Килима Симба Сафари-Тур» по-прежнему находится в Амбосели; еще четыре агентства были разбросаны по территории Кении. Она наткнулась на рекламное объявление, на котором был изображен раскрашенный «под зебру» микроавтобус и надпись: «Дональд-тур: самые надежные автобусы и водители в Восточной Африке».

Итак, они по-прежнему жили здесь, и, судя по всему, жили неплохо. Дональды. Потомки сэра Джеймса Дональда, человека, которого любила тетя Грейс, но с которым Деборе не довелось познакомиться.

В эту минуту ей до боли захотелось снова увидеть Терри, дядю Джеффри и дядю Ральфа. Внезапно она почувствовала, что они не

просто старые друзья; они — ее семья.

«Семья!» — подумала она с восторгом. Наконец-то после стольких лет был кто-то, с кем она могла поговорить о былых днях, кто знал ее, кто мог ее понять.

Внезапно Деборе стало страшно переворачивать страницы книги. Она испугалась того, что может найти там фамилию Кристофера, увидеть его телефон. Это приблизит его к ней. Все, что ей останется сделать, это взять телефон и набрать его номер…

Она дрожащей рукой перевернула страницу. Там было много людей с фамилией Матенге — около тридцати. Она провела пальцем по именам от первой строчки до последней, но Кристофера среди них не было.

Дебора еще раз, более внимательно, прочитала имена. Матенге с именем Кристофер она не нашла.

Значило ли это, что его не было в Кении?

В списке были три Сары Матенге. Но ведь Сара могла выйти замуж и изменить фамилию.

Что делать тогда?

На Дебору навалилась усталость. Смена часовых поясов, помноженная на два бессонных дня, плюс восемнадцать часов без крошки во рту начали сказываться на ней. Физическая усталость и эмоциональное потрясение обессилили Дебору. Она отложила телефонную книгу и закрыла лицо руками, почувствовав себя застрявшей между «нигде» и «ниоткуда», словно после долгого путешествия на поезде оказалась на безлюдной станции. Она понимала, что нужно идти в одну из сторон, но вот в какую — не знала.

«Зачем, зачем Мама Вачера хочет меня видеть?»

Раздавшийся телефонный звонок заставил Дебору вскрикнуть. Она вздохнула и сняла трубку.

— Алло?

— Дебби? Алло? Ты слышишь меня?

— Джонатан? — Она вслушалась в заглушаемый треском голос. — Джонатан! Это ты?

— Боже, Дебби! Я так волновался за тебя. Когда ты прилетела? Почему не позвонила мне?

Она бросила взгляд на стоявшие на столике часы. Неужели ее самолет приземлился уже четырнадцать часов назад?

— Извини, Джонатан. Я была такой уставшей. Сразу легла спать и…

— Ты в порядке? У тебя какой-то странный голос?

— Просто связь плохая. И еще эта разница во времени, никак не могу прийти в себя. А ты как, Джонатан?

— Я соскучился по тебе.

— Я тоже по тебе соскучилась.

Повисла тишина, которую нарушали лишь треск и шум международной линии.

— Дебби? У тебя точно все хорошо? — снова спросил он.

Она сжала трубку телефона.

— Не знаю, Джонатан. Я так запуталась.

— Запуталась? В чем? Дебби, что происходит? Ты уже повидалась с этой пожилой дамой? Когда ты возвращаешься домой?

Дебора никогда не рассказывала Джонатану о своей тайне — о мужчине, которого считала своим братом, Кристофере, в чьей хижине однажды провела ночь. Этот страшный секрет и вина за него лежали на ее душе тяжелым камнем. Как сейчас сказать об этом Джонатану и объяснить ему, почему поездка в Кению привела ее в замешательство?

— Дебби?

— Извини, Джонатан. Я знаю, что говорю как-то маловразумительно. Это все эмоции. Я узнала кое-какие вещи и была немного шокирована…

— О чем ты говоришь?

Он говорил резко, и это было необычно. Дебора попыталась разрядить атмосферу.

— Завтра я поеду в Найэри, — произнесла она сдержанным голосом. — Возьму напрокат машину и съезжу в миссию. Остановлюсь, если получится, в отеле «Привал».

— Значит, послезавтра ты вылетишь домой?

Она молчала.

— Дебби? Когда ты летишь домой?

— Я не знаю, Джонатан. Пока не могу этого сказать. Я решила навестить кое-кого. Друзей…

Он замолчал. Она попыталась представить его. В Сан-Франциско, должно быть, сейчас очень рано. Наверняка Джонатан только что проснулся и собирается в больницу на утреннюю операцию. Скорее всего, он сейчас в спортивном костюме: каждый день он совершал получасовую пробежку в парке, затем принимал горячий душ, надевал джинсы и рубашку и уезжал в больницу. Там он завтракал в кафетерии бутербродом и кофе, затем шел в операционную и переодевался в зеленую униформу. Внезапно Дебора захотела оказаться в эту минуту рядом с ним, проделать вместе с ним весь этот ритуал, к которому она привыкла на протяжении того года, что они жили вместе.

Но она приехала в Кению и должна была закончить то, что начала.

— Я люблю тебя, Дебби, — сказал Джонатан.

Она начала плакать.

— Я тоже тебя люблю.

— Позвони мне потом, когда узнаешь номер своего обратного рейса.

— Обязательно.

Он снова замолчал, словно ждал от нее каких-то слов. Поэтому Дебора добавила:

— Желаю удачи.

— Спасибо. Пока, Дебби, — сказал он и повесил трубку.

Дебора, не снимая банного халата, легла в постель. Когда она выключила свет, комната погрузилась практически в абсолютную темноту. Это немного напугало ее, но в то же время обрадовало. Плотные тяжелые шторы превосходно защищали комнату от лучей яркого экваториального солнца. Единственное, чего они не могли сделать, — это заглушить шум, доносящийся с улиц города — настойчивый, сильный голос Восточной Африки.

Дебора лежала, уставившись в темноту, чувствуя, как силы, капля за каплей, вытекают из ее тела. Веки налились свинцом. Она полуспала, полубодрствовала. Ей представились события двухлетней давности, тот день, когда она пришла работать в больницу Святого Варфоломея в Сан-Франциско.

Ей был тогда тридцать один год, и она только что закончила шестилетнее обучение в медицинском институте. Наконец-то она стала настоящим стопроцентным врачом. Это был первый рабочий день Деборы на новом месте. Она переоделась в сестринской в зеленую

униформу и вошла в операционную № 8, где должна была ассистировать доктору Джонатану Хейзу в операции по удалению желчного пузыря.

— Добро пожаловать в больницу Святого Варфоломея, доктор Тривертон, — приветствовала ее медсестра. — Какой размер перчаток вы носите?

— Шестой.

Медсестра открыла шкафчик с перчатками.

— Ой, «шестерки» закончились, — сказала она и вышла из комнаты.

Дебора рассматривала операционную, когда туда вошел высокий кареглазый мужчина с маской на лице.

— Привет, — сказал он. — Где наш анестезиолог?

— Я не знаю.

Он улыбнулся Деборе. Его лицо было скрыто маской, виднелись только очки в роговой оправе.

— Вы, должно быть, новенькая, — улыбнулся он. — Я доктор Хейз. Говорят, со мной легко работать, так что я уверен, мы с вами прекрасно поладим. У меня есть несколько пунктиков, о которых вам нужно знать. Для перевязки желчного протока я использую две шелковые нити, и хочу, чтобы мне подавали их на одном зажиме. Так что будьте любезны, приготовьте их. Также мне нужны марлевые тампоны, размером 4 на 8 дюймов, на пинцетах. Размеры только эти, другие я не люблю. Пожалуйста, приготовьте их, да побольше.

Она уставилась на него.

— Хорошо, доктор Хейз.

Джонатан подошел к столу, на котором уже лежали приготовленные к операции инструменты и медикаменты. Он окинул их взглядом и кивнул.

— Прекрасно, прекрасно. Вижу, вы предугадали все мои пожелания. Где бацитрацин? Не забудьте его приготовить.

Он подошел к двери, окинул взглядом людный коридор и сказал:

— Кстати, у меня сегодня новый ассистент. Некий доктор Тривертон. Так что я особенно надеюсь на вашу помощь. — Он подмигнул ей. — Позовите меня, когда привезут пациента. Я буду в ординаторской.

Дебора все еще смотрела ему вслед, когда в комнату поспешно вошла молодая женщина, завязывающая маску. От нее шел едва уловимый запах сигаретного дыма.

— Это был доктор Хейз? Хорошо, скоро сможем начать операцию. Вы, должно быть, доктор Тривертон. Я Карла. Какой у вас размер перчаток?

Пятнадцать минут спустя доктор Хейз стоял у раковины и мыл руки. Дебора делала то же самое у него за спиной.

Он закрыл кран и направился в операционную, выставив мокрые руки перед собой. Дебора вошла в зал операционной, когда он вытирал руки. Хирургическая сестра поднесла ему халат, и он бросил на нее удивленный взгляд. Затем повернулся, чтобы медсестра завязала ему халат, и увидел Дебору.

— Вы уже познакомились с доктором Тривертон, доктор Хейз? — спросила медсестра, подавая Деборе стерильное полотенце.

— Доктором Тривертон? — повторил он. Осознав свою оплошность, покраснел.

— Нет, — сказала Дебора, смеясь. — Нас еще не представили друг другу.

Джонатан тоже рассмеялся, и они начали операцию.

62

Дебора поймала себя на том, что пристально вглядывается в каждого входящего в ресторан мужчину. Любой из них мог оказаться Кристофером.

Два часа назад Дебора проснулась и обнаружила, что проспала четырнадцать часов; чувствовала она себя отдохнувшей и голодной. Взбодрившись горячей ванной, спустилась в ресторан отеля, где одетые в зеленую униформу девушки с сотнями косичек на голове рассаживали бизнесменов-африканцев за свободные столики. Пока Дебора поглощала круассаны с джемом, кусочки папайи и ананаса, омлет с начинкой из грибов, лука, оливок, ветчины и сыра, она незаметно разглядывала входящих в ресторан мужчин.

В большинстве своем это были африканцы в деловых костюмах или одеждах из светло-голубого или светло-зеленого хлопка. У них были портфели, золотые кольца и часы; прежде чем сеть за столик, они пожимали друг другу руки. Они говорили на различных диалектах, и когда Дебора вслушалась, обнаружила, что понимает большую часть из того, что говорилось на суахили и кикую.

«Наверняка Кристофера нет в Кении, — думала она, попивая горячий кофе, — иначе его имя было бы в телефонной книге. Где же он? Почему он уехал? Он отправился искать меня, пятнадцать лет назад».

Но потом она осознала, что, если бы это действительно было так, он бы пошел в колледж, который предоставил ей стипендию, и нашел ее.

Чтобы он ни сделал, куда бы ни уехал, Дебора понимала, что она не может покинуть Кению, не выяснив, что стало с Кристофером.

После завтрака она подошла к стойке портье и попросила заказать для нее номер в отеле «Привал», а также машину с водителем.

Услышав, что машину придется немного подождать, Дебора обвела взглядом вестибюль, который был забит людьми, пытаясь найти место, где бы она смогла бы это сделать. Несколько больших групп туристов въезжали и выезжали из отеля одновременно, чем вызвали настоящее столпотворение возле стойки портье. Гиды суетливо отдавали распоряжения на суахили и английском, в то время как

уставшие путешественники сидели на диванчиках, расставленных по периметру большого вестибюля. Дебора слышала, что туристический бизнес поставлен в Кении на широкую ногу. По ее подсчетам, он являлся одним из главных источников дохода страны после продажи чая и кофе. «Все это благодаря таким людям, — думала она, направляясь к стеклянным дверям, — как дядя Джеффри».

Ступив на лестницу, Дебора затаила дыхание.

Свет!

Дебора забыла, каким чистым и прозрачным был в Кении свет. Казалось, что воздух состоял не из кислорода, а из невероятно легкого вещества, такого как гелий. Все было ярким и таким четким. Несмотря на витавший в воздухе запах дыма, воздух был на удивление свежим и прозрачным. Это была одна из причин — Дебора прочитала об этом в дневнике своей тети, — заставивших ее бабушку, графиню Тривертон, влюбиться в Восточную Африку.

Деборе нравилось думать о том, что она делила что-то с человеком, благодаря которому родилась в Кении. Это давало ей ощущение единения с семьей, связи с предыдущими поколениями.

Она шла по направлению к улице Джозефа Гичеру, бывшей авеню Лорда Тривертона, и набрела на головной офис агентства «Дональд-Тур».

Дебора не решилась сразу войти в него. Она отошла к обочине тротуара, где из-под разбитого асфальта росло дерево, и спряталась в его тень от лучей палящего солнца. Дверь этого агентства казалась ей дверью в прошлое. Возможно, дядя Джеффри там: она не сомневалась, что он, несмотря на свои годы — а было ему уже за семьдесят, — был таким же энергичным и бодрым, каким она его помнила. А может быть, там Терри, организующий охотничье сафари. «Женат ли он? — подумала она. — Обзавелся ли он семьей, детьми? Или он по-прежнему ведет неугомонную, полную приключений, жизнь, которую вели когда-то его праотцы?» Дебора вспомнила, что написала ее тетя в своем дневнике в 1919 году:

«Сэр Джеймс сказал, что его отец был одним из первых, кто занялся исследованием Британской Восточной Африки. Ему очень хотелось обрести славу и бессмертие, сделав какое-нибудь открытие, которое бы назвали его именем. К сожалению, его убил слон, и он так и не успел воплотить свою мечту в реальность».

«Бессмертие», — подумала Дебора, глядя на красивую современную вывеску, висевшую над большим зеркальным окном. Мечта того первого отважного Дональда все же стала реальностью.

Она открыла дверь, вошла в помещение и очутилась в красиво обставленном офисе со стойкой, плюшевым напольным покрытием и креслами. Когда дверь закрылась и городской шум смолк, Дебора услышала тихую музыку. Молодая женщина оторвала взгляд от монитора компьютера и улыбнулась.

— Чем я могу вам помочь? — спросила она.

Дебора огляделась. Три стены офиса покрывали фрески — панорамные виды элегантных охотничьих домиков Дональдов и окружающие их живописные окрестности. На стойке лежали кипы цветных глянцевых брошюр с фотографиями всех охотничьих домиков и памфлеты с описаниями туров. Молодая африканка была молода и хорошо одета, голову ее украшала замысловатая прическа. Казалось, все здесь говорит о процветании и богатстве.

— Я хотела бы поговорить с мистером Дональдом. Скажите ему, пожалуйста, что пришла Дебора Тривертон.

Молодая женщина посмотрела на нее с удивлением.

— Прошу прошения? С мистером Дональдом? Мне жаль, мадам. Но тут нет мистера Дональда.

— Это туристическое агентство «Дональд-Тур», не так ли? То, что владеет охотничьим домиком «Килима Симба»?

— Да, но у нас нет мистера Дональда.

— Вы имеете в виду, что он на сафари?

— У нас нет никакого мистера Дональда.

— Но…

В эту минуту из-за перегородки, отделяющей переднюю часть офиса от задней, вышла женщина-индианка, одетая в красивое ярко-красное сари, с уложенными в пучок густыми черными волосами.

— Вы ищете мистера Дональда, мадам? — спросила она.

— Да. Я старый друг семьи Дональдов.

— Мне очень жаль, — произнесла женщина. По ее виду было видно, что ей действительно очень жаль. — Мистер Дональд умер несколько лет назад.

— Ох, я не знала. А где его брат, Ральф?

— Второй мистер Дональд также умер. Они погибли в автокатастрофе.

— Погибли! Они были в одной машине?

Женщина с грустью кивнула.

— Погибла вся семья, мадам. Миссис Дональд, ее внучки…

Дебора схватилась за стойку.

— Не могу поверить в это.

— Я могу предложить вам чашку чая? Может быть, вы хотите поговорить с мистером Магамби?

Дебора онемела от шока.

— Кто это, мистер Магамби? — услышала она свой голос.

— Он владелец этого агентства. Возможно, вы…

— Нет, — произнесла Дебора. — Нет, спасибо. — Она поспешила к двери. — Не нужно его беспокоить. Я была другом семьи. Спасибо. Большое спасибо.

Она шагнула за порог и влилась в оживленную толпу пешеходов. Шла как во сне, позволяя людскому потоку увлекать ее за собой. Погибла вся семья! Щемящее чувство, возникшее при этих словах, исчезло, оставив после себя невыносимую пустоту, словно умерла часть ее самой.

Она шла, как ей показалось, целую вечность: пересекая оживленные улицы; слушая протяжные гудки машин, которые сигналили ей, когда она выходила на дорогу, не посмотрев предварительно в правую сторону; смешиваясь с толпой африканок, идущих на высоких каблуках и в модных платьях, не замечая калек и попрошаек в лохмотьях; игнорируя навязчивых юношей, пытающихся продать ей плетеные браслеты и корзины; наталкиваясь на туристов, торопливо идущих сплоченными группами. Дебора шла мимо охранников в униформах, стоявших у дверей дорогих магазинов; мимо проституток с огромными золотыми кольцами-серьгами в ушах; мимо полицейских в плохо сшитых формах; мимо женщин, сидящих на тротуаре с голодными детьми на руках. По запруженной машинами дороге ехали блестящие «мерседесы», прятавшие за своими тонированными стеклами важных пассажиров; боролись за место колымаги-такси; пробивали себе путь к выезду из города груженные туристами микроавтобусы; плелся автобус, настолько нашпигованный людьми, что те висели по бокам.

Дебора вспомнила первую ночь, которую провела в охотничьем угодье «Килима Симба» когда-то разбитым посреди джунглей палаточным лагерем. Она вспомнила, как ее мать сказала дяде Джеффри, что уезжает с Тимом Хопкинсом и не хочет брать дочь с собой. Дебора проплакала всю ночь в палатке, которую делила с Терри, а Терри — тогда ему было всего десять лет — успокаивал ее как мог.

Наконец Дебора остановилась. Она поняла, что зашла на территорию университета Найроби.

Шестнадцать лет назад она училась здесь у таких людей, как профессор Муриуки. Спустившись по тропинке и увидев перед собой отель «Норфолк», она поняла, что здесь некогда стояла старая тюрьма и на этом самом месте, быть может, был убит Артур Тривертон. По иронии судьбы, это место сегодня было частью территории университета Найроби.

Дебора вернулась к своему отелю.

Заказанная машина еще не приехала, поэтому она подошла к газетному киоску и купила газету. За витринами магазинов, расположенных вдоль пассажа отеля, был выставлен дорогой антиквариат: средневековые эфиопские Библии; старинное арабское седло; железные подсвечники из Конго; ожерелья из Уганды. Сувенирные лавки предлагали широкий ассортимент «подлинных шедевров народного творчества», открытки, путеводители и футболки с изображениями львов, гиппопотамов, терновых деревьев на фоне заката. Магазины готового платья были роскошными и дорогими: они предлагали различные «ансамбли для сафари», которых пятнадцать лет назад и в помине не было.

Дебора застыла перед одной витриной. На манекене было потрясающее платье уникального африканского дизайна. Что-то в этом платье показалось Деборе знакомым. Заинтересовавшись, она вошла в магазин.

Стоимость платья была указана в шиллингах; Дебора перевела сумму в американские доллары — получилось более четырехсот долларов. Она протянула руку и нащупала на вороте этикетку.

«Сара Матенге»!

— Я могу помочь вам, мадам?

Дебора повернулась и увидела надменную улыбку продавщицы-индианки. На ней было надето сари цвета лаванды, черные волосы заплетены в длинную косу, которая ниспадала по спине.

— Это платье, — спросила Дебора, — сшито Сарой Матенге?

— Да.

— А вы не знаете, где оно было сшито? В Найэри?

— Нет, мадам. Оно было сшито здесь, в Найроби.

— А как часто Сара Матенге заходит сюда?

Молодая женщина нахмурилась.

— Я имею в виду, когда вы увидите ее снова?

— Мне очень жаль, мадам. Но я никогда не встречалась с мисс Матенге.

— Понимаете, я ее старая подруга и хотела бы с ней повидаться.

Хмурое выражение вновь сменилось высокомерной улыбкой.

— Может быть, вам удастся найти ее в Доме Матенге? Там расположены все ее головные офисы.

— Головные офисы!

— Да, в Доме Матенге. Нужно выйти из отеля и повернуть направо. Он прямо через дорогу, напротив Национального архива.

— Спасибо! Огромное спасибо!

Дебора выскочила на улицу.

Дом Матенге!

Дебора думала, что Сара шьет свои платья дома в Найэри, а потом развозит их по магазинам. А тут головные офисы!

Дебора остановилась у дороги и посмотрела на здание рядом с Национальным архивом. В нем было этажей семь, не меньше, на крыше установлена огромная вывеска: «Дом Матенге».

Дебора перебежала дорогу, быстро прошла мимо небольших магазинчиков и офисов, расположенных на первом этаже здания, нашла вход, который охранялся аскари, и вошла внутрь. В маленьком фойе пахло какими-то чистящими средствами, были два лифта и схема-указатель. Дебора, к своему большому изумлению, обнаружила, что компания «Сара Матенге» занимала все здание.

Она ступила в лифт, нажала на самую верхнюю кнопку и приготовилась к долгому подъему. Однако через мгновение двери лифта открылись, и она увидела небольшую приемную, где молодая африканка одновременно печатала и разговаривала по телефону.

— Я бы хотела видеть Сару Матенге, — сказала Дебора.

— Боюсь, мисс Матенге уже ушла.

— Но сейчас еще утро. Проверьте, пожалуйста.

Девушка сняла трубку телефона, нажала одну из множества кнопок и затараторила на суахили. Потом посмотрела на Дебору:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Дебора Тривертон.

Девушка повторила ее имя, немного подождала, затем положила трубку и сказала:

— Мисс Матенге сейчас выйдет.

Дебора нервно затеребила ручку сумочки. Какой стала Сара? Как она примет ее?

Злится ли она на нее за то, что Дебора исчезла, бросила ее, пообещав поговорить с дядей Джеффри о продаже ее платьев в его охотничьих домиках? Злится ли до сих пор?

— Дебора!

Она обернулась. Простая, без всяких надписей дверь, ведущая в маленькую приемную, была открыта. На пороге стояла красивая элегантная женщина.

Сара двинулась ей навстречу, протягивая руки. Женщины обнялись так сердечно, так естественно, словно расстались только вчера.

— Дебора, — повторила Сара, отступив назад. — Я надеялась, ты заглянешь ко мне! Утром я звонила в миссию. Монахини сказали, что ты не прилетела рейсом, которым они тебя ждали.

Дебора не могла произнести ни слова. Перед ней стояла ее старая подруга. Сара практически не изменилась. Разве что ее платье, играющее разными оттенками медного цвета с яркими вкраплениями — для усиления драматического эффекта — черного и фиолетового, было из разряда тех вещей, что восемнадцатилетняя Сара не могла себе позволить. На голове у нее был тюрбан, сделанный из такой же ткани, что и платье; в ушах медные серьги-кольца, настолько огромные, что лежали на плечах; на тонких запястьях медные браслеты. Деборе казалось, что она вернулась в дни своего счастливого прошлого.

— Ты знала, что я приеду в Кению? — спросила она.

— Мне позвонили из миссии три недели назад, когда в их больницу поступила моя бабка. Мать-настоятельница сообщила, что она постоянно требует тебя. Они спросили, не знаю ли я, где ты находишься. Я сказала им название колледжа в Калифорнии, который предоставил тебе стипендию.

— А как ты узнала, что я поехала туда?

— Профессор Муриуки сообщил. Я так рада видеть тебя! Ты совсем не изменилась, Деб! Ну, разве что чуть-чуть. Стала более зрелой, более мудрой, что ли. Ты пришла как раз вовремя. А то мне скоро ехать на встречу в дом главного судьи.

— В дом главного судьи!

— Я одеваю его жену. — Сара рассмеялась и взяла Дебору под руку. — Поехали ко мне домой, Деб. Прежде чем отправиться на встречу, я должна кое-что у тебя выяснить. Ее светлость может держать меня у себя целую вечность! Мы с тобой сможем поговорить по дороге.

На улице ее ждал сверкающий «мерседес-бенц»: возле открытой задней двери стоял улыбающийся водитель-африканец. Когда они сели в машину, Сара, смеясь, проговорила:

— Я теперь вабенци, Деб. Как тебе такой расклад?

Дебора никогда не слышала этого слова раньше: она лишь знала, что «ва» на суахили означает «человек, принадлежащий к».

— Это новая каста, Деб, — пояснила Сара, когда «мерседес» начал вливаться в оживленное движение. — Нас, стоящих у руля Кении, называют вабенци, иными словами, «людьми, принадлежащими к мерседес-бенцам», или просто «бенцам». Вообще это слово считается ругательным, так нас называет простой люд. Но пусть это не вводит тебя в заблуждение, Деб. Они сами спят и видят, чтобы стать членами касты вабенци.

Некоторое время они ехали молча, сидя в роскошном салоне автомобиля, окруженные запахом дорогой кожи и приятной музыкой, заглушающей шум Найроби.

— У меня нет слов, Сара. Ты столького добилась, проделала такой длинный путь, — почувствовав необходимость, сказала Дебора.

— Я предпочитаю не думать о том, каким длинным был этот путь! — сказала Сара. — Я оставила прошлое в прошлом и позаботилась о том, чтобы как можно меньше людей знали о тех

убогих хижинах на берегу реки Чания. Лучше расскажи мне о себе, Деб. Почему ты тогда сбежала? Почему не писала нам?

Дебора начала свой рассказ нерешительно, но затем, когда она рассказала о том, что нашла любовные письма матери к Дэвиду и узнала из них о ребенке любви, слова полились из нее с невероятной легкостью и быстротой. Когда она дошла до того места, когда пошла к Вачере и что старая знахарка ей сказала, лицо Сары начало вытягиваться.

— Нет, Сара, — поспешно добавила Дебора. — Кристофер мне не брат. Просто Вачере зачем-то нужно было заставить меня поверить в это. Но я-то думала, что он мой брат. А мы занимались любовью в его хижине. Я не могла вынести этого, была слишком молода, слишком неопытна. Все, чего я хотела, — это убежать и спрятаться. Я не могла оставаться в Кении. Ведь я любила собственного брата! По крайней мере, я так думала. — Она закончила свой рассказ, поведав Саре о том, что узнала из дневника тети Грейс, к сожалению, лишь спустя пятнадцать лет.

— Похоже на мою бабку, — произнесла Сара, глядя на трущобы Найроби, где дорога представляла собой пыльную тропу, а здания, казалось, накренялись под тяжестью нищеты. — Глупая старуха. Она всегда ненавидела белых людей, всегда хотела, чтобы они уехали из Кении. У нее была безумная мечта, чтобы мы все вернулись в прошлое, когда белые люди уйдут. Думаю, она хотела избавиться от тебя, дабы исполнилось ее идиотское проклятие.

Из-за играющих на дороге детей «мерседес» сбросил скорость. Сара наклонилась вперед, опустила стеклянную перегородку, которая отделяла задние сиденья от передних, и сказала водителю на суахили:

— Давай-ка поживее? — Затем села на свое место, повернулась к Деборе и спросила: — Так ты все же стала врачом?

— Да.

— Есть муж? Дети?

— Нет и нет.

Тонкая бровь Сары поползла вверх.

— Нет детей? Деб, женщина должна иметь детей.

Они выехали из центра города, и сейчас «мерседес» мчался по одному из самых богатых районов. За высокими заборами Дебора

видела черепичные крыши старинных домов. Этот район, Парклэндс, располагался в одном из живописнейших мест Кении.

— А ты, Сара? Ты замужем?

— Еще чего! Я научилась у своей матери одному: не быть рабой мужчины. Я знаю, через что ей пришлось пройти в том лагере, как я была зачата. Я научилась использовать мужчин в своих целях, так же как они используют женщин. Я поменялась с ними местами, так сказать, и мне это понравилось. Конечно же, у меня есть особые друзья. Например, генерал Мацруи. Сегодня он один из самых влиятельных людей в Восточной Африке, поэтому мне очень выгодно иметь с ним близкие отношения. — Сара бросила взгляд на часы и вновь поторопила водителя. — Я хочу, чтобы ты познакомилась с ним, Деб. Думаю, он произведет на тебя большое впечатление. Сегодня вечером я устраиваю вечеринку в честь французского посла; из-за этого и еду домой. Стоит оставить прислугу без контроля, и они все сделают не так, как надо. Ты придешь, Деб?

— Я уезжаю в Найэри. Уже забронировала номер в «Привале». Неизвестно, сколько времени осталось твоей бабушке.

Сара пожала плечами.

— Я не разговаривала с ней уже целую вечность. Передай ей от меня привет, если хочешь.

Шофер повернул машину на короткую подъездную дорогу. Они остановились перед высоким металлическим забором, на котором висели предупреждающие надписи большими печатными буквами: «ЗЛЫЕ СОБАКИ! НЕ ВЫХОДИТЬ ИЗ МАШИНЫ!» Затем из маленькой будки с ружьем в руке вышел аскари. Увидев машину, он открыл ворота и отдал честь своему работодателю.

Пока машина ехала по дороге, огибающей большую зеленую лужайку и цветочный сад, Дебора во все глаза смотрела на происходящее во дворе. Там было много охранников с лающими собаками на поводках.

— Сара! — воскликнула она. — Ты же сказала, что мы едем домой к тебе, а не к президенту!

— Это и есть мой дом! — ответила Сара, когда «мерседес» остановился недалеко от входной двери.

— Это больше похоже на крепость! — Дебора разглядывала забор, поверху которого шла колючая проволока.

— Не делай вид, что ты живешь по-другому, Дебора.

Дебора бросила на Сару удивленный, непонимающий взгляд. В этот момент дверь открылась, и на пороге появился пожилой африканец в старомодном длинном белом канзу. Он выглядел очень торжественно и церемонно. На нем, что очень удивило Дебору, были белые перчатки.

Убранство дома Сары поразило Дебору до глубины души. Это был один из старинных колониальных особняков, которые некогда использовались для размещения поселенцев-аристократов, таких как дедушка и бабушка Деборы, когда те приезжали в Найроби на Неделю скачек. Но здесь не было ни портретов королевы Виктории или короля Георга, ни полковых мечей на стенах, ни британского флага, ни голов животных, повешенных на стену. «Сара будто взяла метлу, — думала она, — и вымела из особняка все следы колониального империализма, а затем привнесла в него… Африку».

На блестящем полу из красной кафельной плитки лежали самотканые коврики; кожаные диваны были покрыты индийскими покрывалами; плетеные кресла завалены расписными подушечками. Каждый дюйм стены занимали африканские маски, вырезанные из дерева и раскрашенные, некоторые невероятно старые, представляющие различные племена континента. Дебора узнала многие из выставленных в комнате артефактов: тыквы-бутыли племени самбуру, куклы племени туркана, парики из львиных грив племени масаи, калабаши, копья, щиты и корзины племени покот. Это был настоящий музей.

— Десять лет назад я поняла, что африканская культура стремительно исчезает, — объяснила Сара, пригласив Дебору сесть. — Многое стало просто забываться: старинные церемонии забрасывались, старинные ремесла вытеснялись. Поэтому я решила начать коллекционировать некоторые предметы, зная, что в один прекрасный день они будут дорого стоить.

Сара сказала что-то пожилому слуге, затем села на кожаный диван, положив ногу на ногу. Но ее поза получилась какой-то неестественной, натянутой: было видно, что эта женщина не привыкла сидеть без дела.

— Очень красивая коллекция, Сара.

— Я ее оценила. Она стоит около миллиона шиллингов.

— Это поэтому у тебя столько охранников и собак?

— Нет, конечно. Их было бы не меньше, будь у меня совершенно пустой дом. Охранники с собаками нужны для того, чтобы отпугивать бандитов. Благодаря моей особой дружбе с генералом Мацруи, я здесь в полной безопасности. Но для большей уверенности я ежемесячно плачу местной полиции маджендо.

Дебора не поняла:

— Бандитов?

— А то у вас в Америке их нет! — сказала Сара, невесело улыбнувшись. Она бросила взгляд сначала на часы, потом в направлении кухни. — Преступники, Дебора, есть везде. И ты прекрасно знаешь это. В Кении тоже появились преступные группировки. Из-за высокого уровня безработицы. По официальным данным, у нас более девяноста процентов безработных. Улицы Найроби кишат малолетними головорезами, у которых нет ни работы, ни других занятий. Думаю, ты видела их.

Дебора их видела. Они ходили по улицам города парочками или группами: прилично одетые молодые люди, полные энергии, с хорошим образованием, которым некуда было пойти, негде было найти работу.

— Они нападают на частные владения, — объяснила Сара. — Двадцать-тридцать человек с дубинками и таранами налетают посреди ночи на какой-либо дом и грабят его. Только на прошлой неделе мой сосед проснулся ночью, услышав звон битого стекла. Он успел спрятать жену и детей в шкафу на верхнем этаже, где они и просидели все время, пока налетчики обчищали их дом.

— А почему он не позвонил в полицию?

— А что бы это дало? Этот мужчина отказывается платить маджендо.

— Маджендо?

Сара потерла пальцы.

— Взятку. Деньги — единственный язык, которые эти люди понимают сегодня. Только благодаря деньгам ты можешь выжить. — Она хлопнула в ладоши и сказала: — Что этот старый дурак так долго копается? Саймон! Харака!

В ту же минуту пожилой слуга в канзу вкатил в комнату сервировочный столик. Под пристальным взором Сары он начал

разливать из серебряного самовара чай. Он делал это с такой элегантностью и церемонностью, присущими слугам прошлых лет, что у Деборы возникло предположение, что он когда-то работал в английской семье. Ее очень удивило, что Сара переняла эту систему — систему слуга-господин, потому что помнила, как та ненавидела ее в юности.

Сара пригласила Дебору к столу, на котором стояли тарелки с сандвичами, печеньем, фруктами и сыром, и спросила:

— Сколько ты планируешь пробыть в Кении?

— Не знаю. Еще четыре дня назад я даже не планировала сюда приезжать!

— Как тебе живется в Калифорнии? Работа врача приносит хороший доход?

В этот момент в комнату вошла молодая девушка в униформе служанки и застыла в дверях. Увидев ее, Сара жестом подозвала ее к себе, попросила Дебору подождать и уткнулась в лист бумаги, который ей дала служанка. — Нет, нет, — с нетерпением в голосе произнесла Сара. — Передай повару, что я хочу холодный суп из огурцов, а не из лука-порея! И вместо шардоне нужно каберне совиньон!

Сара говорила на суахили, а Дебора слушала.

— Гостей рассадили нормально, кроме вот… — Сара взяла карандаш и что-то написала на листе. — Посадите епископа Масамби справа от посла, а генерала Мацруи сюда, рядом с министром иностранных дел. И скажи Саймону, что танцоры должны быть готовы к девяти часам ровно. — Когда служанка ушла, Сара извинилась перед Деборой: — Если я не буду контролировать их, они мне тут такого наделают. Эти девчонки из деревни такие глупые!

Дебора смотрела на свою старую подругу. Была ли эта властная «светская львица» Найроби той Сарой, которая когда-то босоногая сидела на берегу реки Чания и мечтала о мини-юбке? Дебора ощутила, как стены колониального особняка пошатнулись, словно и им стало вдруг ужасно неловко.

— Сара, а тебе не бывает одиноко? Живешь в таком большом доме совершенно одна.

— Одна! Деб, да у меня нет времени на то, чтобы побыть одной! У меня дома постоянно что-то происходит — практически каждый

вечер. В выходные дом полон гостей. А на праздники и каникулы ко мне приезжают дети, конечно же.

— Дети!

— У меня два мальчика и три девочки. Мальчики учатся в Англии, девочки в Швейцарии.

— Но ты же сказала, что не была замужем.

— Что за провинциальность, Деб! Я думала, ты женщина более либеральных взглядов. Для того чтобы иметь детей, женщине не обязательно выходить замуж. Я хотела детей, а не мужа. Знаешь, Деб, кенийские мужчины все такие мачо. Если бы я вышла замуж за одного из них, мне бы пришлось полностью подчиняться ему. Он бы даже мог отобрать у меня мой бизнес! У моих детей пять разных отцов. И это меня полностью устраивает. Сейчас они получают европейское образование. Когда вернутся в Кению, то смогут занять хорошее положение в высшем обществе.

Дебора смотрела на свою чашку с чаем. Что-то было не так. Сара казалась такой самодостаточной, такой амбициозной. Она говорила о женской либеральности, употребляла такие слова, как мачо, но при этом обращалась со своими слугами словно с рабами. Когда Сара появилась в дверях своего офиса в «Доме Матенге», Дебора была так рада видеть свою старую подругу, что подумала, что та совершенно не изменилась. Но Сара изменилась, теперь Дебора это понимала. С каждой минутой женщина, сидевшая напротив нее, превращалась в незнакомку.

В соседней комнате зазвонил телефон. Через минуту вошел Саймон и что-то пробурчал хозяйке. Она ответила на суахили:

— Скажи им, что я уже еду.

Но перед тем как покинуть дом Сары, Деборе нужно было узнать кое-что.

— Что произошло, — спросила она, — после моего отъезда? Что ты делала?

— А что я могла делать, Деб? Я выживала! Сначала я купила на бабкины деньги старую швейную машинку миссис Дар. Сшила несколько платьев и возила их по магазинам Найроби. А когда деньги кончились… — она грациозным движением поставила чашку на блюдце, — мне пришлось идти к городским банкирам, которые соглашались иметь со мной дело только за определенные «услуги». И

знаешь, Деб, по прошествии некоторого времени я поняла, что ничего такого в этом нет. Вот такая глупая штука эта гордость.

Сара замолчала. Затем она посмотрела на часы и продолжила:

— Потом я стала весьма успешным предпринимателем. Выкупала маленькие компании и жила весьма неплохо. Когда поняла, что шить одежду для простых секретарш невыгодно, бросила это дело и начала разрабатывать модели платьев в африканском стиле, что принесло мне кучу денег. Это было очень мудрым шагом с моей стороны. — Сара крутила на запястье медные браслеты. — Теперь мои платья продаются по всему миру. У меня магазины на Беверли Хиллз и в Париже, на Елисейских Полях.

— Я очень рада за тебя, — тихо сказала Дебора.

— А ты, Деб, добилась успеха? Помнится, ты была одержима весьма странной идеей занять место своей тети, когда та умрет. Надеюсь, ты бросила эту идею!

— Я работаю в паре с другим хирургом. Планируем открыть свою клинику.

Повисла неловкая пауза: женщины сидели молча, избегая смотреть друг другу в глаза. Наконец Дебора спросила о Кристофере.

— У него все хорошо, — весьма небрежно бросила Сара и, в свою очередь, спросила у Деборы про ее мать.

Дебора не сказала Саре правды: что пятнадцать лет назад ей было очень плохо, когда она думала о том, что занималась любовью с собственным братом, что она была так зла на мать за то, что та скрыла от нее правду, что Дебора написала ей чудовищное письмо, вложив в него всю свою ненависть и злобу. Спустя две недели она получила от нее ответ, но Дебора порвала письмо, даже не прочитав его. После этого из Австралии пришло еще несколько писем, которые постигла та же участь, что и первое. Потом письма перестали приходить.

— Сара, — спросила Дебора, — ты не знаешь, зачем меня хочет видеть твоя бабушка?

— Понятия не имею. Наверное, собирается потрясти над тобой куриными костями или еще чем-нибудь. — Она встала, величаво и грациозно, словно королева, заявляющая всем своим видом, что аудиенция закончена. — Извини, Деб. Но мне правда нужно ехать. Ты точно не придешь сегодня?

— Точно. Я должна ехать в Найэри.

В дверях Дебора остановилась и посмотрела на незнакомку, которая когда-то была для нее как сестра.

— Сара, а где сейчас Кристофер? Тебе что-нибудь известно о нем?

— Где он? Дай-ка подумать. Какой у нас сегодня день? Полагаю, он в Онгата Ронгай.

— То есть он в Кении?

— Конечно. Где ж ему еще быть?

— Я искала его в телефонной книге…

— Телефон приведен там под названием клиники «Вангари». Несколько лет назад, после смерти жены, мой глупый братец пришел к Иисусу. Так что теперь он не только врач, но еще и проповедник. Работает на общественных началах в деревне масаев. Будто они скажут ему за это спасибо! Я говорила ему, что он напрасно тратит свое время.

В комнате воцарилась тишина: она как будто выползала из-под африканских масок, из-под старинных барабанов, из калабашей. Деборе показалось, что колониальный дом снова пошатнулся, словно он был так же растерян и ошеломлен, как она; шорох шагов многочисленных, невидимых взору слуг Сары, похоже, говорил: «Прошлое мертво, прошлое мертво…»

63

Водителем Деборы оказался молодой улыбчивый сомалиец по имени Абди, на котором были надеты широкие брюки и футболка, а на голове белая вязаная шапочка, свидетельствовавшая о том, что он мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

— Куда едем, мисс? — спросил он Дебору, ставя ее чемодан в багажник автомобиля.

— В Найери. Отель «Привал»». — Дебора сделала паузу. Затем добавила: — Но сначала заедем в Онгата Ронгай. Это деревня племени масаи. Знаете, где это?

— Конечно, мисс.

Им потребовалось немного времени, чтобы протиснуться сквозь дорожную пробку и выехать на одну из главных магистралей, ведущих из города. Дебора сидела на заднем сиденье и рассматривала Найроби.

Глядя на переполненные улицы, она размышляла о том, сколько людей населяло сегодня город: казалось, их количество увеличилось вдвое по сравнению с тем временем, когда она была здесь в последний раз. В бесконечном потоке пешеходов Дебора насчитала очень мало белых лиц и поняла, что численность белого населения в Найроби сведена к минимуму.

Из-за дорожного происшествия впереди они на несколько минут остановились перед Конференц-центром имени Кеньяты. Дебора смогла получше разглядеть это новое красивое здание и увидеть то, чего не видела на открытках: следы заброшенности, плохое состояние, общую убогость этого величественного элемента архитектуры. Здесь, как и на многих других улицах города, преобладал простой уличный люд: калеки, попрошайки, маленькие девочки с голодными младенцами на руках. По другую же сторону забора, на автостоянке центра, стояли вереницы роскошных блестящих лимузинов.

Наконец они выехали из шумного города и оказались в более тихом и спокойном пригороде. Вскоре увидели Карен, район зеленых ферм, лесов и домов богачей. Пока они ехали по потрескавшейся, в глубоких выбоинах, асфальтированной дороге, Дебора смотрела на колониальные дома, окруженные деревьями, высокими заборами и охранниками в униформах.

Потом появились простые шамбы, на которых трудились согнувшиеся пополам женщины. Когда-то эти бескрайние просторы принадлежали фермерам-европейцам; теперь же они были поделены на крошечные клочки земли и розданы во владение африканцам.

Когда они наткнулись на несколько туристических микроавтобусов, припаркованных возле ничем не примечательной, как ей показалось, шамбы, Дебора спросила Абди, что это за место.

Замедлив ход машины, Абди сказал:

— Это могила Финча Гаттона. Вы видели «Родом из Африки», мисс? Хотите, остановимся?

— Нет. Поехали.

Она обернулась и посмотрела на туристов, щелкающих фотоаппаратами. «Похоже, страсть к местам паломничества, — подумала Дебора, — у людей в крови в независимости от цвета кожи и вероисповедания».

Дорога ныряла, прорезала лес, шла сквозь бесконечные акры крошечных фермочек, через полуразвалившиеся деревни, мимо придорожных «таверн», зданий-коробок из железа и картона, где сидели стайки мужчин с бутылками в руках.

Дебора чувствовала себя на этой земле чужестранкой, ее одолевало ощущение, что она никогда раньше не была в этой стране. Неужели за пятнадцать лет своей жизни в Америке она забыла о царящей в Кении нищете, о четко разграниченных социальных слоях, о составляющих основную часть населения женщинах и детях, влачивших полуголодное существование? Неужели пятнадцатилетнее отсутствие нарисовало в ее сознании радужную картину, скрывающую истинное, малопривлекательное лицо Восточной Африки, как это делали глянцевые путеводители?

Наконец они приехали в Онгата Ронгай, деревню масаи, с убогими каменными строениями и грязными дорогами. Здесь располагалась «центральная часть города», типичная для кенийских деревень: жалкие дома из шлакобетона, увенчанные железными крышами и выкрашенные в кошмарные оттенки бирюзового и розового. На одном из зданий висел знак, на котором было написано: «Таверна-отель, Мясная лавка». Пожилые мужчины, одетые в рванье, разгуливали возле темных дверных проемов или сидели на земле. Вся деревня являла собой скопление убогих построек, в большинстве случаев даже

без окон и дверей, расположенных по направлению к руслу реки, где в заваленной навозом воде стояли коровы, воде, которую женщины племени масаи наливали в бутыли и использовали для питья. Повсюду царила атмосфера разрухи и отчаяния.

Пока Абди маневрировал среди каменных хижин и ржавеющих корпусов машин, за ними бежали нагие дети с облепленными мухами лицами, ножками-палочками, вздутыми от голода животами.

Они с изумлением смотрели на сидящую в автомобиле белую женщину с невероятно, по их меркам, огромными глазами.

Когда Дебора нашла то, что искала, она попросила остановиться.

Выключив мотор, Абди вышел из машины и направился к ее двери, чтобы открыть ее. Она покачала головой. Озадаченный, он вернулся за руль и стал ждать.

Дебора смотрела на простое каменное строение с деревянным крестом на железной крыше. Перед ним стоял припаркованный автомобиль, по бокам которого было написано: «Клиника Вангари. Божье дело». Вангари, как сказала ей Сара, звали жену Кристофера.

Она решила, что Кристофер внутри здания, так как толпа, ждущая на улице, вожделенно смотрела на закрытую дверь. Дебора, не отрываясь, наблюдала за дверью. Ей казалось, что если она моргнет, то все вмиг исчезнет.

Наконец дверь открылась. Когда Дебора увидела вышедшего из здания мужчину, ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Он совсем не изменился. Кристофер шел той же легкой, грациозной походкой, какая была у него в юности; он по-прежнему был строен, движения говорили о скрытой физической силе. На нем были голубые джинсы и рубашка; на шее висел стетоскоп. Когда он повернулся, Дебора увидела блеснувшую на солнце золотую оправу очков.

Заметив его, толпа оживилась и двинулась к нему. В эту минуту Дебора разглядела, что все дети что-то несли в руках. Одни держали миски, другие сжимали пустые бутылки; некоторые волочили что-то похожее на колесные покрышки. Причину этого явления она разгадала через мгновение, когда из здания вынесли и поставили на длинный деревянный стол огромные поварские чаны. Дети на удивление тихо и

спокойно выстроились в очередь, их матери, практически каждая из которых держала на руках ребенка, смиренно стояли в стороне.

Через некоторое время, когда молодой африканец, сидевший, скрестив ноги, на земле, взял гитару и запел, начали раздавать еду.

Это была поистине изумительная картина. Никто не толкался, не лез вперед, не жадничал. В посуду, принесенную детьми, спокойно и безмолвно накладывали еду — маисовую кашу. Пока повара, напевая вместе с играющим на гитаре африканцем гимн суахили, как поняла Дебора, раздавали еду, Кристофер и медсестра обследовали пациентов.

Медсестра — молоденькая, хорошенькая африканка — пела гимн вместе со всеми.

Абди взглянул на свою пассажирку в зеркало заднего вида.

— Поедем, мисс? — спросил он.

Дебора перевела на него взгляд.

— Простите?

Абди постучал пальцем по наручным часам.

— Пожалуйста, мисс, поедемте в Найэри.

Она снова посмотрела в окно. Ей хотелось выйти из машины, подойти к клинике и сказать: «Здравствуй, Кристофер». Но что-то удерживало ее от этого шага. Она еще не была готова встретиться с ним лицом к лицу.

— Да, — сказала она. — Поехали в Найэри.

Дорога шла через привычный глазу сельский пейзаж: разбитые на кусочки посевные площади. Дебора увидела скромную маленькую мечеть, притаившуюся среди деревьев акации. За ней располагались небольшие малопривлекательные предприятия: пивоварни, бумажные, консервные и кожевенные заводы. Некоторые из них казались абсолютно заброшенными.

Вдоль дороги тянулись линии электропередачи и телефонных кабелей; мелькали заправочные станции «Шелл», рекламные щиты компании «Кока-кола». На рекламном щите сигарет «Эмбасси Кингс» было написано: «Сафири ква асалама», что означало: «Езжай с миром». Дорога представляла собой поток автомобилей — «ауди», «мерседесов», «пежо». На бамперах многих было написано: «Я люблю Кению». Пыхтя, проезжали мимо матату — транспортные средства,

рассчитанные на девятерых пассажиров, но в реальности перевозившие по меньшей мере по двадцать. Еще один дорожный знак предупреждал: «Следите за дорогой: в мае 1985 года на этом месте погибли двадцать пять человек».

Увидев, что Абди неожиданно свернул с дороги и въехал на парковку отеля «Голубая мачта», Дебора спросила:

— Почему мы остановились здесь?

— Историческое место, мисс. Все туристы здесь останавливаются.

Она взглянула на старое, приземистое здание, являвшее собой тень некогда великолепного колониального особняка. Когда-то «Голубая мачта» была одним из излюбленных мест белых поселенцев. Теперь же на нем висели щиты, рекламирующие зажаренные на гриле куриные шейки и козьи ребрышки.

— Я не хочу здесь останавливаться, — сказала Дебора. — Поехали в Найэри.

Абди бросил на нее удивленный взгляд, затем пожал плечами и вывел машину на дорогу. Время от времени он поглядывал на свою странную пассажирку в зеркало заднего вида.

По радио прозвучала короткая реклама отбеливающего крема «Мона Лиза», затем ведущий радиопередачи «Голос Кении» радостно сообщил: «Наш горячо любимый президент, достопочтенный Дэниель Арап Мой, сегодня заявил, что уже к 2000 году медицина станет доступной каждому кенийцу».

Дебора вспомнила деревню Онгата Ронгай, голодных, больных детей, грязь, мух, Кристофера, пытающегося привнести в их убогие жизни надежду и облегчение. Она подумала о Саре, разъезжающей по улицам Найроби в своем шикарном «мерседесе», о попрошайках, сидящих в тени нарочито помпезного и вместе с тем обшарпанного Конференц-центра. Казалось, думала она, два совершенно разных мира занимали одно и то же пространство.

Она похлопала Абди по плечу.

— Если вы не против, — сказала она и указала на радио.

— Ой, прошу прощения, мисс.

Он выключил радио, вытащил из кармана рубашки черешок листа мираа и засунул себе в рот. Дебора знала, что листья мираа считались

хорошим стимулятором и что жевание их поднимало настроение. Кенийцы жевали их, чтобы хоть на время сбросить с себя груз проблем.

Машина мчалась мимо бесконечных ферм. Одни женщины работали в полях, другие шли вдоль дорог с немыслимыми ношами на спинах. Практически все, заметила Дебора, были либо беременны, либо с детьми. Женщины стояли на перекрестках дорог с вцепившимися в их юбки детьми; брели к придорожным овощным лоткам; стояли, согнувшись пополам, в грязных озерах, из которых пили коровы; тащили в тыквах-бутылях питьевую воду; стояли на автобусных остановках в ожидании и без того опасно переполненных матату. За пределами Найроби, осознала Дебора, Кения была страной женщин и детей.

— Скоро пойдет дождь, — заметил Абди, выведя ее из задумчивого состояния.

Она посмотрела на голубое небо.

— Откуда вы знаете?

— Женщины копаются в земле.

Дебора совершенно забыла об этом. Теперь она вспомнила, какими великолепными синоптиками были женщины, работающие на своих шамба. Даже если в небе не было ни единого облачка и ничто не предвещало дождя, он точно начинался, когда женщины выходили на свои земельные участки и начинали копошиться в земле.

Скоро начнутся дожди. Как она могла забыть об этом? В детстве она привыкла к чередованию периодов засухи и дождей и, став взрослой, могла предсказывать перемену погоды не хуже этих африканок. Но Дебора утратила этот навык в Калифорнии, где впервые увидела все четыре времени года: жаркое лето, золотую осень, морозную зиму и цветущую весну.

«Что еще я утратила?» — думала она, глядя на маисовые и чайные поля.

Пейзаж за окном начал меняться, и сердце Деборы учащенно забилось. Прямая ровная дорога сузилась и стала вилять по покрытым сочными зелеными коврами холмам. Теперь, когда они подъехали ближе к горе Кения, Дебора увидела темные тучи, которые начали расползаться по небу.

— Скоро будем в Найэри, мисс, — предупредил Абди, переключая передачу и обгоняя грузовик.

Их задержала дорожная авария. Когда машина Деборы ползла мимо места аварии, Дебора увидела полицейских и врачей с непроницаемыми выражениями лиц, огромную толпу женщин и детей, собравшихся поглазеть на столкновение четырех автомобилей. Она подумала о дяде Джеффри и дяде Ральфе. Вся семья погибла…

Неожиданно Деборе вспомнилось другое происшествие годичной давности, произошедшее в Сан-Франциско.

В тот день открывался балетный сезон. Танцевал сам Барышников, поэтому все билеты были распроданы еще задолго до дня представления. Джонатан, используя свои связи, сумел достать билеты в ложу и приглашение на торжественный банкет, устраиваемый по поводу столь знаменательного события. Они с нетерпением ждали этого дня, ждали долгие недели, Дебора даже купила специально для этого случая вечернее платье. Джонатан заехал за ней, и они уже практически проехали полпути, когда увидели на дороге аварию. Из-за дождя дорога была ужасно скользкой, поэтому водитель не справился с управлением и врезался в другую машину.

Спокойно, словно организуя пикник, Джонатан принялся за дело: он выискивал среди пострадавших выживших, отдавал распоряжения случайным помощникам, не обращая внимания на испачкавшийся смокинг, использовал в качестве перевязочного материала свой белый шарф, унимал хаос и панику перед приездом парамедиков и полиции, после чего сел в одну из карет «скорой помощи» и умчался в больницу. Дебора работала рядом с ним; они на пару спасали человеческие жизни и предотвращали возникновение истерии. В тот день они не попали ни на балет, ни на банкет, вечернее платье Деборы было безнадежно испорчено. Но она знала, что судьба компенсировала ей эту неудачу более чем щедро: она послала ей любовь к Джонатану.

Машина проехала мимо школы для девочек, располагающейся на окраине Найэри, в которую когда-то, будучи ребенком, ходила Дебора. Она подумала о том, была ли суровая мисс Томплинсон по-прежнему директрисой школы, но потом вспомнила о всеобщей африканизации и решила, что школу, должно быть, тоже постигла эта участь. В свете последних событий во главе школы должна была стоять чернокожая женщина. Дебора прильнула к окну. Здания и территория выглядели

запущенными, а среди школьников, бегающих на пыльных игровых площадках, она не увидела ни одного белого лица.

Наконец впереди, над грязной дорогой, замаячила большая выцветшая надпись: «АФРИКАНСКИЙ КОФЕЙНЫЙ КООПЕРАТИВ, РАЙОН НАЙЭРИ».

Старая плантация Тривертонов!

— Пожалуйста, поезжайте туда, — попросила она. Грязная дорога следовала за рекой Чания, которая бежала внизу по знакомому ущелью.

Когда они подъехали к началу плантации, Дебора сказала:

— Пожалуйста, остановитесь здесь.

Абди затормозил у обочины дороги. Когда он заглушил мотор, вокруг них воцарилась невероятная тишина.

Дебора уставилась в окно. Плантация не изменилась: она была такой, какой девушка ее помнила. Аккуратные ряды кофейных кустов, ветки которых сгибались под тяжестью зеленых ягод, покрывали пять тысяч акров слегка холмистой земли. Справа от нее, на горизонте, гора Кения вздымалась ввысь ровным треугольником, словно «шляпа китайца», как описала ее Грейс в своем дневнике. Слева от Деборы стоял Белладу, ухоженный и полный жизни.

Дебора вышла из машины и сделала несколько шагов по красной земле. Она отвернулась от ветра, предвещающего дождь, и посмотрела на большой дом.

Кто купил его? Кто теперь там жил?

В эту минуту она заметила, как из дверей дома кто-то вышел и встал на веранде. Это была католическая монахиня, одетая в голубую рясу ордена, владеющего миссией Грейс.

Неужели Белладу стал обителью для сестер? Может быть, даже монастырем?

Дебора повернулась и пошла по дороге. Она поднялась на травянистый холм и окинула взглядом широкое ущелье, на дне которого текла река Чания. Лес был полностью вырублен, земля обработана и поделена на маленькие лоскутки шамб. Она заметила квадратные земляные хижины и копошащихся в земле женщин.

Взглянув пониже, Дебора увидела поле для регби, которое когда-то было полем для игры в поло, где две команды чернокожих

мальчишек играли с мячом. Она попыталась представить себе своего деда, бесстрашного графа, верхом на пони, скачущего к победе.

Рядом с сетчатым металлическим забором располагалась скромная ферма, состоящая из аккуратных маленьких огородиков, загона для коз и четырех квадратных земляных хижин с жестяными крышами. В огородах работали женщины с детьми.

Наконец Дебора перевела взгляд на плавно текущую реку Чания. Она увидела стоящий на берегу призрак: молодого Кристофера, глаза которого были спрятаны за солнечными очками. Затем услышала смех юной и непорочной Сары, смех, который, казалось, плыл над водой.

Деборе хотелось отвернуться от причиняющего ей боль пейзажа, но она словно приросла к месту, к красной почве, по которой бегала в детстве босиком. Ее начала бить дрожь.

Эта земля по-прежнему была такой же красивой, воздух таким же прозрачным и чистым, полным той же магии, которая питала ее в детстве. Дебора вновь почувствовала себя маленькой девочкой, влюбленной в Африку, вольготно бегающей по берегу реки, где ее единственной компанией были семья обезьян и пара выдр. В том мире не было ни бедности, ни убожества; та Кения была прекрасной и волшебной. Именно в тот мир и хотела вернуться Дебора, надеясь обрести себя.

Но той Кении больше не было. Дебора даже начала сомневаться, была ли она когда-либо вообще. Как же ей найти свои корни, ответы, которые бы помогли ей примириться с собой?

Наконец она посмотрела на миссию, где ее ждала умирающая старуха-знахарка.

64

К удивлению Деборы, управляющий отелем «Привал» поселил ее в коттедж «Паксда», место последнего пристанища лорда Бадена-Пауэлла, основателя движения бойскаутов.

В этом бунгало, состоящем из спальни, гостиной, двух каминов и двух ванных комнат, глава бойскаутов жил последние годы своей жизни и умер. Его похоронили в Найэри, на том же самом кладбище, где покоился сэр Джеймс Дональд. Как объяснил управляющий, отель был заполнен до отказа. Обычно они не селили в коттедж лорда, так как тот являлся национальным памятником. Но других мест не было. Управляющего отелем звали мистер Чи Чи, и Деборе было очень интересно, не был ли он потомком того самого Чи Чи, который шестьдесят девять лет назад вел фургоны тети Грейс из Найроби.

Коттедж стоял в окружении зеленых лужаек и леса, в тихом красивом месте, чему Дебора была очень рада. Пока носильщик, принесший ее чемодан, раздвигал шторы, являя ее взору вместительную веранду и потрясающий вид на гору Кения, она рассматривала исторические фотографии и письма, помещенные в рамки и развешанные по стенам. Баден-Пауэлл назвал свой коттедж в честь «Пакса», своего родового имения в Англии; остальную же часть названия он, как показалось Деборе, позаимствовал у стоявшего по соседству Белладу.

Так как время обеда уже прошло и огромные толпы туристов уже поели и разъехались по экскурсиям, столовая и терраса были практически пусты. Дебора села за столик и уставилась на гору Кения, чьи угольно-черные вершины, выделяющиеся на фоне серых туч, казалось, насмехались над ее возвращением в Восточную Африку. Официант в белом пиджаке и черных брюках принес ей чай и указал на стол с сандвичами и печеньем.

Несмотря на «Африканизацию» и «Кенианизацию» — программы правительства, направленные на то, чтобы уничтожить в стране следы пребывания первых поселенцев и колонистов, — их традиции продолжали жить. Дебора была уверена, что предвечернее чаепитие, так называемый «файф о'клок ти», и официанты в белых перчатках,

так же как и многие другие британские традиции, оставшиеся со времен колонистов, никуда не исчезнут.

— Провалиться мне сквозь землю, если это не Дебора Тривертон!

Она с удивлением подняла глаза. С лужайки на нее смотрел незнакомец. Дебора вгляделась в мужчину.

— Терри? — неуверенно произнесла она.

Он с распростертыми объятиями подошел к ней.

— Терри? — повторила она, не веря своим глазам. Деборе казалось, что она смотрит на привидение. Однако рука, схватившая ее, принадлежала человеку очень даже живому и далеко не слабому.

Он отодвинул кресло и сел.

— Вот это встреча! Я увидел, как ты тут сидишь и подумал: «Разрази меня гром, если эта женщина не сестра-близнец Деборы Тривертон!» А потом увидел, что это ты сама и есть.

Дебора, онемев от шока, продолжала смотреть на него во все глаза. Он был таким, каким она его запомнила, разве что стал более похожим на дядю Джеффри, загорелый, уверенный в себе. Терри Дональд был очень привлекательным мужчиной в бежевой хлопковой рубашке, оливково-зеленом пиджаке и шортах, гольфах и ботинках. Его темно-каштановые волосы казались гораздо светлее, чем она помнила, видимо, из-за многих лет пребывания на солнце, а глаза — голубее.

— Боже, Дебора! Не могу поверить, что это ты! Сколько лет прошло?

Подошел официант.

— Натака тембо вариди, тафадхали, — сказал ему Терри, заказывая пиво.

— Почему ты не писала, Деб? Ты уже давно в Кении или только приехала?

— Я думала, ты погиб, — только и смогла вымолвить она.

Он рассмеялся.

— Черта с два! Нет, серьезно, Деб. Я помню, как ты на похоронах своей тети заявила, что не поедешь в Америку. А на следующий день тебя уже не было в Кении. Что случилось?

Дебора попыталась вспомнить. Похороны Грейс. Она решила отказаться от стипендии и, должно быть, разболтала об этом всем. Она выдавила из себя улыбку.

— Женщинам свойственно менять свои решения. Я все же уехала в Калифорнию.

— И все эти годы ты ни разу не была в Кении?

— Нет. — Она, все еще пребывая в состоянии шока, смотрела на него. Сколько воспоминаний нахлынуло на нее! — Терри, я не понимаю. Я действительно думала, что ты погиб. В агентстве сказали, что твоя семья погибла в автокатастрофе.

С его красивого лица исчезла улыбка.

— Погибла.

Принесли пиво. Он открыл бутылку и вылил ее содержимое в высокий стакан. Затем взял сигарету и прикурил от зажигалки, которая висела у него на шее в кожаном чехольчике. Он глубоко затянулся и, отвернувшись в сторону, выпустил струю дыма.

— Папа, мама, дядя Ральф и две мои сестры, — сказал он, — все погибли. Они ехали в сафари-клуб. Один из этих чертовых матату, пытаясь обогнать другого матату, врезался в них. В той машине погибли двенадцать человек. — Он горько усмехнулся: — Представляешь, я должен был ехать вместе с ними, но у меня спустило колесо по дороге из Найроби, и они поехали без меня. Я поехал в сафари-клуб и наткнулся на место катастрофы. Их как раз заносили в кареты «скорой помощи».

— Ох, Терри, мне очень жаль.

— Эти дороги, черт бы их побрал, — сказал он, вертя на столе стакан. — Понимаешь, они не ремонтируют их. С каждым годом дороги становятся все хуже, скоро не останется ни одной, а им наплевать.

— Поэтому ты продал агентство?

— Продал? Черта с два! Агентство «Дональд-Тур» — одно из самых прибыльных предприятий в Восточной Африке! С чего бы мне его продавать?

— Я заходила сегодня утром в агентство, и мне сказали, что теперь им владеет некий мистер Магамби.

— А, это. — Терри покраснел и рассмеялся. — Мистер Магамби — это я. Я поменял фамилию. Так что теперь я не Дональд.

— А зачем ты это сделал?

Он окинул взглядом террасу.

— Знаешь что, Дебби, — тихо произнес он. — Ты сейчас занята? Поехали ко мне в гости, а? Познакомлю тебя с женой. Я теперь живу в Найэри, тут недалеко.

Дебора, проследив за его взглядом, увидела двух африканцев в простых льняных костюмах, которые сидели за угловым столиком, пили чай и тихо разговаривали.

— Кто это? — спросила она.

Терри бросил на стол шиллинг и отодвинул стул.

— Пошли, дорогуша. Моя машина у главного входа.

Идя по пустынной тропинке, ведущей к главному корпусу отеля, Терри сказал:

— Это люди из Специального отдела. Нынче в Кении нужно следить за тем, что ты говоришь. — Сев в машину и выехав на главную дорогу, Терри спросил: — Как ты добралась сюда? Надеюсь, ты не сама за рулем!

— Я наняла водителя с машиной. Я его отпустила на сегодня.

— Зачем ты приехала? В отпуск? Решила прокатиться по местам былой славы? Ты удивишься, увидев, как все изменилось. Ну, возможно, чисто внешне Кения мало изменилась, а вот внутренне — просто диву даешься.

Проезжая мимо кладбища, где был похоронен дедушка Терри, сэр Джеймс, Дебора погрустнела. Его бабушка, Люсиль, которую ни он, ни она не знали, была похоронена в Уганде, так же как и его тетя Гретхен. Неужели Терри был последним из Дональдов?

— У тебя есть дети? — спросила Дебора, желая получить ответ на мучивший ее вопрос.

— Да, мальчик и девочка. Но ты не ответила на мой вопрос. Что привело тебя в Кению?

— Ты помнишь Маму Вачеру, знахарку, что жила в хижине на поле для поло?

— Эту странную старушенцию! Еще бы, конечно, помню. А что, она еще жива? Боже, ей, наверное, лет сто!

Дебора рассказала ему о письме, которое ей прислали монахини.

— И чего она от тебя хочет, как думаешь? — спросил Терри, ведя машину по разухабистой дороге.

— Понятия не имею. Завтра утром поеду в миссию и выясню это.

— Ты приехала в Кению навсегда? — спросил он, покосившись на нее.

Его вопрос удивил ее. «Так ли это? Приехала ли я сюда жить?»— внезапно подумалось ей.

— Не знаю, Терри, — честно ответила она.

Они подъехали к высокому забору из металлических звеньев, на котором висели знаки: «Хатари! Опасно! Злые собаки! Оставайтесь в машине и сигнальте».

— Даже здесь? — вырвалось у Деборы, когда аскари открыл им ворота.

— Кению накрыла волна преступности, Деб. С каждым годом становится все хуже. Все из-за перенаселенности. Кения ведь занимает первое место в мире по рождаемости. Ты знала это?

— Нет.

— Не хватает земли, чтобы прокормить всех. Кения становится страной юных головорезов. Не сомневаюсь, ты видела их на улицах Найроби, молодых африканцев, которым нечем себя занять. Если бы ты знала, сколько напастей сыплется на головы невинных туристов! Я всегда предупреждаю своих клиентов не ввязываться ни в какие авантюры с незнакомцами. Про дамские сумочки и говорить нечего — стащат, и глазом не успеешь моргнуть.

— А куда смотрит полиция?

— Полиция! Заплатишь маджендо — будет тебе полиция. Но я нашел другой, более действенный способ культивировать в своих работничках честность. Как только у моего клиента что-нибудь пропадает, я сразу пускаю слух, что собираюсь позвать колдунью-знахарку. На следующее утро украденная вещь тихонечко подбрасывается владельцу.

— Неужели подобные страшилки все еще действуют?

— Действуют — не то слово.

Они остановились в пыльном дворе, по которому дефилировали африканцы с собаками. Дом оказался очень старым, периода первых поселенцев, с побеленными стенами и соломенной крышей, большим, длинным, низким и немного, как казалось, кривоватым. Но он был в хорошем состоянии, недавно отремонтированным и ухоженным.

— У меня три дома, — объяснил Терри, когда они вошли внутрь. — Один в Найроби, второй на побережье. Но семья живет здесь. Это самое безопасное место.

Внутри было прохладно и темно; комната с низким потолком и полированными деревянными дверьми была уставлена кожаными диванами и охотничьими трофеями. Африканец, одетый в брюки цвета хаки и пуловер, сервировал стол к чаю.

— Мы будем пить чай здесь, Август, — обратился Терри к мужчине, а затем провел Дебору к диванчикам, стоявшим вокруг огромнейшего камина.

Сев, Терри закурил сигарету и сказал:

— Ну, Деб, когда ты уехала из Кении? Четырнадцать, пятнадцать лет назад? Сегодняшняя Кения далеко не та, которую ты знала. Одно правительство чего только стоит. Умереть со смеху можно, глядя, как они пытаются решить проблему перенаселения. Женщины, у которых нет мужей — а в таком положении находятся почти все женщины этой чертовой страны, — получали финансовую помощь на каждого ребенка. Но потом правительство заявило, что отныне в целях контроля рождаемости помощь будут выдавать только на первых четырех детей, остальные будут находиться исключительно на попечении родителей. Ну и что из этого получилось?

Перед ними на маленький кофейный столик поставили поднос с чаем.

— Асанте сана, Август, — сказал Терри. Затем продолжил: — Иностранные медицинские организации и миссии пытаются решить вопрос контроля рождаемости с помощью контрацептивов, однако африканским мужчинам это не нравится. Поэтому женщинам, тем, кто хочет, конечно, приходится действовать втихую. Если мужчина заметит, что женщина принимает противозачаточные таблетки, он имеет право избить ее до полусмерти, что он, собственно, и делает. — Терри потушил сигарету и улыбнулся Деборе. — Боже! Вот это встреча! Я так рад видеть тебя, Деб! Ну, а каково жить в Калифорнии?

Она вкратце рассказала ему о своей жизни в Америке.

— Этот парень, за которого ты собираешься выйти замуж, хочет жить в Кении?

— Он никогда здесь не был. Даже не знаю, понравилось бы ему здесь.

Едва произнеся эти слова, Дебора задумалась над мыслью, которая никогда раньше не приходила ей в голову: «Джонатан очень мало знал о Кении. Как он мог тогда знать ее?»

— Мириам сейчас нет дома, навещает сестру. Но она должна скоро прийти. Я хочу, чтобы вы познакомились.

— А дети?

— Они в школе. Погоди-ка, — произнес он, вставая. Терри подошел к камину, взял две фотографии и протянул их Деборе. — Это Ричард. Ему четырнадцать.

— Симпатичный мальчик, — сказала Дебора, глядя на уменьшенную копию Терри.

— А это Люси. Ей восемь.

Дебора с удивлением уставилась на фотографию. Люси была африканкой.

Сев на диван и закурив еще одну сигарету, Терри, словно прочитав ее мысли, сказал:

— Мать Ричарда была моей первой женой. Мы развелись, когда Ричард был еще совсем маленьким. Я тогда начал входить в отцовский бизнес, подолгу пропадал на сафари, и Энн не смогла с этим смириться. К тому же она начала ревновать меня к клиенткам. В результате она оставила меня и вышла замуж за какого-то экспортера в Момбасе. Ричард проводил полгода со мной, полгода с матерью.

— А Люси?

— Это моя дочь от второй жены, Мириам.

— Кикую?

Терри кивнул и выпустил дым.

— На самом деле, Магамби — это фамилия моей жены.

Дебора поставила фотографии на стол.

— А почему ты поменял фамилию?

Он пожал плечами.

— Чтобы упростить себе жизнь. Белых пытаются выжать из Кении из-за предубеждений насчет бизнесменов-европейцев. Не хочу вдаваться в подробности, скажу лишь, что человеку с африканской фамилией заниматься бизнесом в Кении гораздо проще.

— Я думала, что это все уже в далеком прошлом.

— Проблемы начались после смерти Джомо, в 1978 году. Конечно, найдутся такие, кто со мной не согласится. Но я говорю из личного

опыта. Возьмем, к примеру, образование моего сына. — Терри замолчал, позвал Августа и, когда мужчина появился, попросил его принести бутылку вина. — Особый случай, — сказал Терри Деборе, улыбаясь. — Это кенийское вино, из плодов папайи. Оно, конечно, и в подметки не годится вашим калифорнийским винам, но это лучшее, что у нас есть.

— Ты рассказывал мне о Ричарде.

— Он сейчас в школе-интернате в Найваше. Но ему уже четырнадцать, время двигаться дальше. Проблема в том, что школа, куда я хотел его отправить, претерпела полнейшую африканизацию. Помнишь школу имени короля Георга в Найроби? Теперь это Академия имени Угуру. Там новый директор, африканец, который категорически отказывается принимать в школу белых детей. Больше всего меня раздражает то, что в эту школу ходил мой отец, когда был подростком. Отец учился в этой школе с самого первого дня ее основания в 1926 году. Там даже мемориальная табличка есть с именами первых учеников: Джеффри Дональд возглавляет список. Потом я, конечно же, там учился в 1967 году. А теперь школа закрыта для белых. И что самое ужасное, в Кении нет больше средних школ, куда бы брали белых учеников.

— И что ты будешь делать?

— У меня нет другого выхода, кроме как послать его в школу-интернат в Англию. Я могу позволить себе это удовольствие, как ты понимаешь, но это дело принципа. Ричард ни разу в своей жизни не был в Англии. Его прадед, черт побери, родился в Кении!

Август принес вино и поставил его на стол вместе с бокалами, затем убрал чайные чашки. Терри налил в бокал вино и протянул его Деборе. Она сделала глоток. Вино обладало терпким, горьковатым вкусом.

— Терри, а чем ты занимаешься сейчас? — решила поменять тему разговора Дебора, стремясь унять нарастающий в нем гнев. — Ты по-прежнему сопровождаешь туристические группы или перешел на чисто административную работу?

Он рассмеялся, прикурил еще одну сигарету и откинулся на спинку дивана с бокалом в руке.

— Я вожу людей на охоту.

— Я думала, что охота здесь запрещена.

— В Танзанию. Там нет запрета. Клиенты в основном американцы.

— Прибыльное дело? — осторожно спросила она.

— Ты и представить себе не можешь, насколько прибыльное! У меня все забронировано на пять лет вперед. Когда охоту здесь запретили десять лет назад, охотники в поисках работы хлынули в другие страны. Я поехал в Судан, на Нил, помогал природе производить «естественный отбор». Популяция слонов крайне увеличилась, и они стали уничтожать урожаи. Те бивни, вот там, — он указал на огромные, выше человеческого роста, бивни, стоявшие по обеим сторонам двери, — принадлежали старому слону-отшельнику. Зверь был ранен пулей из мушкета, из-за чего совершенно обезумел, убил около тридцати человек. Я уложил его одним выстрелом и попросил, чтобы мне заплатили за работу этими бивнями, а не никчемными суданскими фунтами. — Терри пригубил вино. — В общем, я неплохо развернулся в Танзании. И мне платят американскими долларами!

— А разве разрешается ввозить охотничьи трофеи на территорию Соединенных Штатов?

— Раньше было запрещено. Джимми Картер запретил ввоз леопардов, ягуаров и слоновой кости. Однако Рейган сделал послабление: он разрешил ввозить трофеи из тех стран, где охота допускается. Моим клиентам гарантированы один лев, один леопард, два буйвола и две газели. Я вывожу их в джунгли на двадцать один день, предоставляю им ночлег и охотников-следопытов, и они платят мне за это тридцать тысяч долларов.

Дебора ничего не ответила на это.

— Я знаю, ты не одобряешь охоту, — тихо произнес Терри. — Никогда не одобряла. Но мы, охотники, все же приносим пользу. Мы выжили из Кении браконьеров. Мы были чем-то вроде неофициальной полиции. Когда в 1977 году охоту запретили, то охотники подались из страны, а браконьеры, наоборот, в страну. Им плевать, сколько и как они убивают. Они просто уничтожают зверей. Ты знаешь, что в Кении осталось всего лишь около пятисот носорогов?

Дебора посмотрела на фотографии детей Терри.

— Я рада, что у тебя все хорошо, — тихо сказала она. — Я так часто думала…

— Да, у меня все хорошо, — сказал Терри, наполняя бокал и прикуривая очередную сигарету. — Но долго ли это продлится? Кения — чертовски нестабильная страна, Деб. Ты же не слепая. Ты видишь, что тут творится. Африканцы не умеют управлять. Или не хотят этого делать. У власти стоит горстка богатеев, которые только и знают, что кормить сказочками двадцать миллионов медленно умирающих от голода людей. Посмотри, что они делают с горой Кения. Вырубают все деревья подчистую. Они не изучают экологию, не сажают деревья; не думают о последствиях, которыми чревата тотальная вырубка лесов. Местные реки пересыхают, и все из-за того, что некогда зеленые горы превращаются в бесплодные пустыни. — Терри покачал головой. — Африканцы не думают о будущем. Собственно, они никогда о нем не думали, даже во времена моего деда. Единственное, что они делают, — это растрачивают ресурсы и рожают детей. Им даже в голову не приходит позаботиться о завтрашнем дне. Посмотри на Килима Симба, старое ранчо моего отца. Мой дед установил там целую систему, позволяющую проводить воду из буровых скважин и орошать поля. Африканцы же, которые нынче там живут на сотнях крошечных шамба, даже не додумались поддержать эту систему в исправном состоянии, в результате остались без воды, и теперь их фермы превращаются в пыль. — Терри сверлил Дебору взглядом своих голубых глаз. — Кения — это пороховая бочка, Деб. Бомба с часовым механизмом. С таким коэффициентом рождаемости, как здесь, голод не за горами.

— Я думала, другие страны оказывают Кении финансовую помощь.

Он потушил недокуренную сигарету и подлил вина.

— Ты говоришь об Америке? Сколько, думаешь, из этих денег доходит до простого народа? От миллионов долларов, щедро пожертвованных американцами, на еду для людей идут только около десяти процентов. Мне это доподлинно известно. Куда девается остальное? Ну попробуй, для начала, сосчитать, сколько навороченных «мерседесов» стоят на правительственных парковках. В один прекрасный день народ взбунтуется, помяни мое слово. И все, что было раньше, все эти проделки Мау Мау, покажутся детским лепетом по сравнению с этим!

— Почему же ты не уедешь отсюда?

— А куда я поеду? Это моя страна, мой дом. Шиш им, если они думают, что мы испугаемся и сбежим!

Внезапно Терри замолчал. Он посмотрел через плечо в направлении кухни и, понизив голос, сказал:

— Вот что я скажу тебе, Деб. Грянет революция, и на меня будут смотреть как на чертового колониста — виновника всех их бед. Я сделал все что мог, чтобы хоть как-то облегчить себе жизнь: женился на кикую, поменял фамилию. Но, если прижмет, я готов бросить все к чертовой матери и уехать из этой страны. Любой белый человек, у которого есть хоть капля здравого смысла, готов сделать то же самое. Я тайком отсылал деньги в Англию и купил там дом. Как только начнутся проблемы, я возьму детей и, не заезжая домой, махну в Англию. Выживанию, Деб, вот чему научила меня жизнь в Кении. Если у тебя есть мозги, ты не будешь даже думать о том, чтобы переехать сюда жить.

Со двора донесся лай собак. Дебора выглянула в окно и, к своему большому удивлению, увидела, что на землю опустилась ночь и начался дождь.

— Это Мириам, — сказал Терри, вставая. — Прошу тебя, Деб, останься на ужин. Обещаю, что больше не буду занудствовать и брюзжать. Нам столько нужно рассказать друг другу!

Он привез ее в отель через несколько часов. Поскольку в Сан-Франциско было всего три часа дня, Дебора решила позвонить Джонатану.

Сначала она позвонила ему домой.

Пока она ждала, когда оператор отеля соединит ее с Америкой, Дебора приняла горячую ванну, вспоминая вечер, проведенный у Терри дома.

Она узнала от него много интересного — как хорошего, так и плохого. Однако безрадостные слова Терри, вместо того чтобы напугать ее, что он, видимо, и хотел сделать, оказали на Дебору совершенно противоположный эффект. Чем больше он говорил о проблемах Кении, тем больше Деборе хотелось сделать что-нибудь, чтобы помочь разрешить их.

Когда она надевала банный халат, в комнату вошел служащий отеля и начал разжигать камин. Пока он работал, Дебора стояла возле окна, выходившего на веранду ее коттеджа, и смотрела на легкий

дождик, который в лучах электрического света был похож на падающую с неба серебряную пыль. Это напомнило ей о другой, такой же холодной и сырой ночи, когда так же потрескивал в камине огонь и вся тревога и суета этого мира были надежно заперты за окнами и дверьми. Это была ночь, когда они с Джонатаном впервые занимались любовью.

«Я старался избегать серьезных отношений, — тихо сказал Джонатан, — до недавних пор».

Дебора лежала в его объятиях и смотрела на извивающийся огонь, впервые чувствуя себя спокойно и расслабленно наедине с мужчиной. Она слушала Джонатана, который впервые за год их отношений решился поведать ей о своих тайнах.

«Почему ты не женился на ней? — спросила она, имея в виду женщину, разбившую ему сердце много лет назад. — Что произошло?»

Ему было нелегко говорить на эту тему; Дебора уловила неловкость, сомнение, напряженность в голосе человека, решившегося рассказать, возможно, впервые о живущей в его сердце боли. Она видела, как тщательно он подбирал слова. Она понимала, что он чувствовал. Ее собственное прошлое было спрятано за семью замками. Даже этот человек, в которого она влюбилась, не знал ни о совершенном в хижине Кристофера преступлении, ни о текущей по ее жилам африканской крови. Ни к чему было, как она считала, выставлять свои прегрешения напоказ. Дебора делала все, чтобы похоронить свое прошлое; она даже придумала «легенды», чтобы объяснять некоторые ситуации и предотвращать дальнейшие расспросы. Одной из таких ситуаций был так называемый детский вопрос. Она не может иметь детей из-за наследственных проблем. Ей становилось страшно от одной только мысли о том, какой «сюрприз» могли преподнести ей ее же собственные гены. Что, если бы она родила ребенка, цвет кожи которого не был бы таким белым, как у его отца? Что, если бы так тщательно скрываемая ею африканская часть ее существа возобладала над ее европейской частью и проявилась в ее чаде? Поэтому Дебора решила сфабриковать себе историю болезни: «Я не могу иметь детей. Эндометриоз…» Она столько раз рассказывала эту байку — и Джонатану в том числе, — что сама начала верить в нее.

Теперь, после месяцев работы бок о бок в операционной, улыбок через хирургические маски, обмена шутками, понятными только им

двоим, битв за человеческие жизни, обсуждения взаимовыгоды от совместной работы, после пропущенного балета и двух часов, проведенных перед его камином, они с Джонатаном сделали еще один важный шаг навстречу друг к другу.

После того как они стали близки друг другу физически, Джонатан захотел пойти на духовное сближение — он решил открыть ей свои тайны и рассказать о прошлом.

«Почему ты не женился на ней? — спросила его Дебора в ту дождливую ночь в Сан-Франциско. — Вы были так близки. До свадьбы оставалась всего неделя. Что между вами произошло?»

И он ответил. В его голосе чувствовалось напряжение, было заметно, что, несмотря на прошедшие годы, ему по-прежнему больно об этом говорить. «Потому что я узнал, что она совершила непростительную вещь. Она сделала то, чего я не смог простить женщине, которая, как предполагалось, любит мужчину. Она солгала мне».

Звонок телефона вывел ее из состояния задумчивости. Дебора повернулась и увидела, что в комнате кроме нее, больше никого нет. Служащий развел огонь и тихо ушел. Телефон продолжал звонить.

Джонатан!

Она схватила трубку, сгорая от желания услышать его голос, но вместо этого услышала голос оператора, который произнес:

— Мне жаль, мадам. Номер не отвечает. Мне попробовать позвонить позднее?

Она на секунду задумалась. В среду после обеда их кабинет не работал, но он мог быть в операционной. Она дала оператору номер больницы, попросив послать ему сообщение на пейджер, чтобы он позвонил ей.

Стоять возле телефона не было необходимости: чтобы связаться с Калифорнией, нужно было ждать как минимум полчаса. Она села на диван, поджала под себя ноги и уставилась на огонь.

В ту дождливую ночь, год назад, она смотрела на танцующий в камине Джонатана огонь, онемев от услышанного.

«Все дело во мне, — начал объяснять он. Его голос звучал уже ровнее: во-первых, он преодолел самый трудный этап этого неприятного для него разговора — начало, во-вторых, рядом с Деборой он чувствовал себя спокойно и хорошо. — Всю свою жизнь, по

крайней мере сколько я себя помню, я ненавидел ложь. Возможно, из-за своего строгого католического воспитания. Я могу простить человеку все что угодно, но только не ложь. Но эта женщина обманула меня. Она говорила, что любит меня, но при этом заставляла верить в ложь, в которой, как она потом сказала, она и не думала сознаваться. Я был вне себя от ярости и боли».

«А как она тебя обманула?» — спросила Дебора.

«Это неважно. Важно то, что она, зная, что обманывает меня, собиралась идти со мной к алтарю. Она готова была начать нашу супружескую жизнь со лжи. Не имеет значения, Дебби, как она меня обманула, главное, — она меня обманула, и я узнал об этом от посторонних людей».

Дебора закрыла глаза и крепко прижалась к нему. «Да, очень важно, как она тебя обманула, — подумала она. — Я должна знать, была ли ее ложь такой же большой, как моя».

После этого разговора ее собственная ложь начала пугать ее. Дебора хотела рассказать Джонатану обо всем в тот же самый вечер. Но их отношения, которые из легких дружеских переросли в хрупкие любовные, были слишком новыми, слишком непрочными. «Я немного подожду, — сказала она себе. — Я расскажу ему, когда настанет более подходящий момент».

Но этот момент так и не настал. К своему ужасу, Дебора осознала, что чем крепче были их отношения, чем сильнее делалась их любовь, чем дороже становился ей этот человек, тем меньше шансов у нее оставалось на то, чтобы сказать ему правду. И когда в один прекрасный день они наметили дату свадьбы, она поняла, что ей придется идти к алтарю с грузом лжи на душе.

Снова зазвонил телефон, и Дебора посмотрела на часы. На соединение ушло всего пять минут.

— Это доктор Тривертон, — сказала она дежурному службы связи в больнице. — Отправьте, пожалуйста, сообщение доктору Хейзу.

— Мне очень жаль, доктор Тривертон. Доктор Хейз недоступен. Все его звонки переводятся на доктора Симпсона.

— А вы, случайно, не знаете, где доктор Хейз?

— Извините, не знаю. Если хотите, я могу сбросить сообщение доктору Симпсону.

Она на мгновение задумалась.

— Нет. Нет, спасибо.

Она повесила трубку, решив позвонить Джонатану утром, когда в Сан-Франциско будет ночь и он обязательно будет дома. Она попросила дежурную отеля разбудить ее рано утром и провалилась в беспокойный сон.

65

— Не знаю, помните ли вы меня, доктор Тривертон, — сказала Деборе настоятельница, когда они шли по тропинке к дому Грейс. — Меня тогда звали сестра Перпетуя. Думаю, я была последним человеком, кто видел вашу тетю живой.

— Я помню вас, — произнесла Дебора, предаваясь воспоминаниям, которые нахлынули на нее, стоило ей переступить через ворота. Миссия Грейс была для нее ее первым домом, единственным домом, который она знала в своем детстве. Ей казалось неправильным, что сейчас на этой столь знакомой ей веранде вместо седовласой женщины в белом халате с неизменным стетоскопом на шее стояла одетая в голубые одежды монахиня.

На стене возле входной двери висела бронзовая табличка: «Дом Грейс, основан в 1919 году». Дебора очень удивилась, увидев, что в доме никто не живет.

— У нас здесь административный офис, — сказала настоятельница, — и небольшой центр для посетителей. Вы бы удивились, если бы узнали, как много людей со всех концов света приезжают сюда, чтобы посмотреть на дом доктора Грейс Тривертон.

Гостиная была превращена в маленький музей: письма и фотографии на стенах были помещены в рамки, вещи закрыты стеклянными колпаками. Под таким колпаком лежала военная медаль Грейс; рядом с ней находился орден Британской империи, врученный Грейс королевой Елизаветой в 1960 году. Там даже был античный шкафчик со старыми медицинскими инструментами, бутылочками с лекарствами и выцветшими историями болезней.

Дебора остановилась возле фотографии, сделанной в 1952 году, на которой тетя Грейс стояла с принцессой Елизаветой, и ее глаза наполнились слезами. Казалось, что Грейс не умерла, а продолжала жить.

— Все это по праву принадлежит вам, доктор Тривертон, — произнесла настоятельница. — После того как вы уехали в Америку, я нашла коробки, полные фотографий и прочих памятных вещей. Я думала, что вы вернетесь за ними, и даже написала вам в Калифорнию. Вы получали мои письма?

Дебора покачала головой. Она выбрасывала те письма — все, что имели на себе кенийскую марку, — даже не вскрывая их.

— А потом мы решили поделиться этими вещами с миром. Конечно, если вы захотите что-нибудь забрать, доктор Тривертон, это ваше право.

Пятнадцать лет назад Дебора уехала из Кении, взяв с собой лишь то, что посчитала нужным. Среди них была бирюзовая брошь ее тети. К сожалению, брошь украли у нее, когда она училась на первом курсе медицинского колледжа. Ее сокурснице, одной из немногих в группе девушек, очень несчастной особе, настолько понравилась эта брошь, что она даже попросила Дебору продать ее. Когда украшение пропало, Дебора поняла, кто это сделал, но у нее не было ни малейших доказательств. Спустя несколько недель эта девушка бросила учебу и вернулась домой, в Вашингтон. Тогда Дебору очень расстроила утрата украшения, но со временем, когда она стала относиться к жизни более философски и размышлять о временности всего сущего — вещей или взаимоотношений, — она решила, что брошь должна была «уйти» к другому человеку.

Дебора повернулась к монахине, чье черное лицо резко контрастировало с белым апостольником ее рясы, и сказала:

— Эти вещи, как вы говорите, принадлежат миру. Мне они не нужны. Я могу теперь увидеть Маму Вачеру?

Когда они пересекали лужайку, Дебора спросила:

— Вы не знаете, почему она хочет меня видеть?

Монахиня слегка нахмурилась.

— Должна сказать вам, доктор Тривертон, я не сразу решилась послать за вами. Дело в том, что я не совсем уверена, что она хочет видеть именно вас. Бедняжка не совсем в здравом уме. Знаете, она ведь сама пришла сюда. Однажды она появилась на пороге миссии, уставшая и больная, — по нашим подсчетам, ей более девяноста лет, — и сказала, что предки велели ей прийти умирать сюда. Иногда к ней возвращается рассудок, но это происходит крайне редко, большую часть времени она пребывает в бредовом состоянии, вспоминая разные периоды своей жизни. Иногда она даже просыпается и зовет Кабиру Матенге, своего мужа! Но имя Тривертон она произносит очень часто и в эти минуты так настойчива и взволнованна, что я решилась написать вам письмо. Я подумала, что, увидев вас, она успокоится.

В бунгало их встретила молоденькая медсестра в голубой монашеской униформе и голубом покрывале, которая провела их к кровати в конце залитой солнцем палаты.

Вачера спала, ее черная голова умиротворенно покоилась на белой подушке.

Дебора посмотрела на женщину, приготовившись испытать к ней гнев и бессердечие за все то зло, которое она причинила ей. Но — удивительно! — Дебора увидела перед собой лишь старую женщину, хилую и беспомощную. Она не помнила, чтобы Вачера была такой маленькой…

— Она проснется немного попозже, — сказала молодая африканка-медсестра.

— Мы можем вам куда-нибудь позвонить?

— Да, конечно. Я буду в отеле «Привал».

— Позвольте мне угостить вас чаем, доктор Тривертон, — попросила настоятельница.

— Для нас такая честь принимать вас.

Дебора немного поговорила с ней, попивая чай «Графиня Тривертон» и обсуждая Маму Вачеру.

— Ее внук довольно часто навещал ее, — сообщила Перпетуя. — Доктор Матенге хороший человек. Его жена умерла несколько лет назад. Вы знали об этом?

— Да. Правда, я не знаю, отчего она умерла.

— От малярии. Как только мы решили, что победили ее, появился новый тип малярии, который оказался очень устойчивым к хлорохину. Доктор Матенге продолжает ту работу, которую они делали вместе с женой. Мы молимся за него каждый день. Он лечит и несет Слово Божие людям Кении.

После этого Дебора посетила эвкалиптовую рощу, где и по сей день стоял Сакрарио де Дьюка д'Алессандро — алтарь герцога Александра, за которым ухаживал старик-смотритель и в котором до сих пор горел огонь. Деборе нравилось думать, что ее бабушка и герцог-итальянец соединились в вечности.

По дороге в отель она попала под сильный дождь и сразу направилась к своему домику, минуя столовую, где для нее был накрыт обед. Закрыв за собой дверь, она уже было начала стягивать с себя промокший свитер, как вдруг вздрогнула от неожиданности.

— Джонатан!

Он встал с дивана.

— Привет, Дебби. Надеюсь, ты не против того, что я вошел. Я сказал им, что я твой муж. Небольшая взятка — и ключ от твоего домика оказался у меня в кармане.

— Джонатан, — повторила она. — Что ты здесь делаешь?

— Во время нашего последнего разговора по телефону ты была такой странной, что я начал за тебя волноваться. Я решил приехать и выяснить, что здесь происходит.

66

Джонатан раскинул руки для объятия.

Однако Дебора продолжала стоять у двери. Она не рассчитывала, что ей придется рассказывать ему обо всем уже так скоро. Ей нужно было время, чтобы все хорошенько обдумать и подготовиться. Поэтому она подошла к телефону и набрала службу обслуживания номеров. Делая заказ — салат, фрукты, бутерброды и чай, — она не сводила взгляд с Джонатана. Он выглядел уставшим.

Дебора повесила трубку и стянула с себя свитер. Джонатан опустился на колени возле камина и начал разжигать огонь.

Эта сцена была привычной для них: часто в дождливую или туманную погоду, придя домой и сбросив с себя промокнувшую одежду, Джонатан начинал разжигать камин, а Дебора — готовить чай. Затем, уютно устроившись в тепле, они тихо разговаривали, обсуждая прожитый день: пациентов, операции, планы насчет нового офиса. Эти часы, проведенные вместе у горящего камина, делали их любовь еще сильнее, накрепко привязывали друг к другу.

Но сейчас огонь, в котором горели дрова из незнакомых деревьев, пах совершенно по-другому; на Джонатане был надет кожаный пиджак; чай принес стюард-африканец, который молча накрывал на стол, пока Дебора стояла, зажав в руке чаевые. Когда они остались снова наедине, она не подошла к нему, не села рядом с ним, не нырнула к нему под руку, поджав под себя ноги. Она стояла возле камина, глядя на него испуганными глазами.

— Что произошло, Дебби? — наконец спросил он.

Дебора собралась с духом.

— Джонатан, я обманула тебя.

Выражение его лица не изменилось.

— Ты спрашивал меня, какое отношение имеет ко мне умирающая старуха африканка. Я сказала, что не знаю. Я обманула тебя. Она моя бабушка.

Он смотрел на нее невозмутимым взглядом.

— По крайней мере, — добавила Дебора, — так я думала раньше.

В камине громко потрескивал огонь, посылая ярко-красные искорки в дымоход.

Снаружи хлестал сильный дождь, который одним махом превратил ясный день в темную ночь. Он барабанил по крыше веранды, пропитывал влагой стоявший в низовье покатой лужайки лес. Дебора подошла к столику перед диваном и налила две чашки чая, к которым никто из них не притронулся.

— Твоя бабушка? — удивился Джонатан. — Африканка?

Дебора избегала его взгляда. Ей было гораздо проще смотреть на огонь. Она села на дальний от Джонатана край дивана, чтобы сохранить между ними некоторое расстояние, и сказала:

— Я думала, что она моя бабушка. Она заставила меня поверить в это. Именно из-за этого я и уехала из Кении.

Тихий голос Деборы присоединился к потрескиванию огня и шелесту дождя. Она говорила тихо, без эмоций, не пропуская ни единой подробности. Джонатан слушал, не двигался. Он смотрел на ее профиль, на ее взъерошенные ветром черные волосы. Он слушал невероятную историю про борцов за свободу Мау Мау. про запретную любовь африканца и белой, про юношеские чувства, холостяцкую хижину, про похороны, найденные любовные письма и проклятье старой знахарки. Джонатан слушал как зачарованный.

— Все эти годы у меня был дневник моей тети, — Дебора заканчивала свой рассказ, — но я даже ни разу его не открыла. Я сделала это, будучи уже в Найроби, в номере гостиницы. Тогда-то я и узнала, что… — она наконец повернулась к Джонатану лицом, в ее необычно темных глазах отражался огонь, — что Кристофер мне вовсе не брат.

На долю секунды их взгляды встретились, затем он отвел глаза.

Во время ее рассказа из пламени камина выкатилось поленце и теперь медленно тлело в стороне. Джонатан встал, взял кочергу и перекатил полено в огонь. Затем выпрямился и взглянул на висевший над камином портрет немолодого седоусого мужчины в форме бойскаута. Это был лорд Баден-Пауэлл, который променял сытую и комфортную жизнь в Англии на жизнь в кенийской глубинке.

Джонатан был озадачен. Что было такого в этой стране, что она заставляла людей совершать подобные поступки? Какая магия заставляла людей отказываться от жизни в комфорте?

Он повернулся и посмотрел на Дебору. Она сидела на краю дивана, напряженная, словно готовая сорваться с места и бежать. Руки

крепко сцеплены перед собой; лицо искажено от боли. Он знал это выражение: оно появлялось на ее лице каждый раз, когда она стояла перед пациентом отделения реанимации, следя за мониторами.

— Почему ты никогда не говорила мне об этом, Дебби?

Она посмотрела на него полным боли взглядом.

— Я не могла, Джонатан. Мне было стыдно. Я чувствовала себя такой… грязной и просто хотела забыть о прошлом и начать жизнь с чистого листа. К чему было ворошить былое? Я не думала, что когда-нибудь вернусь в Кению.

— В том, что ты сделала, нет ничего страшного, Дебби, — тихо сказал он. — Это даже не было обманом, ты просто скрыла от меня неприятные моменты своего прошлого.

— Но это еще не все. Я думала, что я наполовину африканка, Джонатан. Но я не говорила тебе об этом. Я сказала, что у меня не может быть детей. Это неправда. Просто я не хотела иметь детей. Я боялась, что черная кровь победит, и все узнают обо мне правду.

— Ты могла рассказать мне об этом, Дебби. Ты же знаешь, что мне плевать на то, какого цвета у человека кожа.

— Да, сейчас я об этом знаю. Но тогда, когда мы только начали встречаться, я не была в этом уверена. Поэтому и сказала тебе ту же ложь, что говорила всем остальным. Что якобы у меня эндометриоз.

— Но потом, Дебби? Когда мы поняли, что любим друг друга, когда решили пожениться. Ты могла сказать мне об этом тогда.

Она опустила голову.

— Я собиралась. Но потом ты рассказал мне о Шерон — женщине, на которой ты чуть было не женился. О том, что она обманула тебя.

Джонатан взорвался.

— Ты обвиняешь меня? Ты хочешь сказать, что это я заставил тебя пойти на обман?

— Нет, Джонатан!

— Боже, Дебби! — Он повернулся к камину спиной и подошел к окну. Постоял, засунув руки в карманы и смотря на хлещущий за окном дождь.

— Я боялась, — сказала она. — Боялась, что если скажу тебе о том, что солгала, то потеряю тебя.

— Ты думала, что наши отношения такие хрупкие? — спросил он, глядя на ее отражение в окне. — Ты так плохо думала обо мне? Ты думала, что я такой легкомысленный?

— Но Шерон…

Он резко повернулся.

— Дебби, это было семнадцать лет назад! Мне тогда было двадцать лет! Я был молодым, нетерпимым, высокомерным сукиным сыном! Боже правый, хотелось бы думать, что я изменился с тех пор. По крайней мере, я так думал. Я думал, что стал разумным человеком и что ты считала меня таким.

— Но когда ты сказал мне о ней…

— Дебби, — произнес он, пересекая комнату и садясь рядом с ней. — Мы с Шерон были эгоистичными юнцами. Ее ложь была непростительной. Своей ложью она не просто обманула меня, она причинила мне боль. Ты же своей ложью, Дебби, хотела лишь защитить себя и защитить меня. Неужели ты не видишь разницы?

Она молча покачала головой.

— Боже, — тихо произнес он. — Дебби, я думал, ты знаешь меня гораздо лучше. Я люблю тебя, люблю так сильно, что мне наплевать на твое прошлое, каким бы оно ни было. Ты должна была знать это и рассказать мне об этом давным-давно. Я бы помог тебе разобраться с твоими проблемами.

— Именно это я сейчас и пытаюсь сделать, Джонатан. Я вернулась в Кению не столько ради того, чтобы встретиться с Мамой Вачерой, сколько ради того, чтобы выяснить, кто я есть. Дневник тети Грейс немного помог мне с этим. По крайней мере я узнала историю своей семьи. Но я по-прежнему ощущаю себя человеком без… корней. Я не знаю, где мой дом.

Он внимательно посмотрел на ее лицо, увидел честный взгляд ее глаз. Он взял ее руки в свои и сказал:

— Боже, Дебби, я люблю тебя. Я хочу помочь тебе. Ты должна была сказать мне об этом по телефону. Ты так странно говорила, что я заволновался. Поэтому я отменил все свои намеченные операции, самые неотложные из них попросил провести Симпсона. Всю дорогу сюда на этом чертовом самолете я думал о том, что же могло случиться. Бог свидетель, это несколько не то, чего я ожидал. Но по крайней мере это не так ужасно по сравнению с тем, что я себе

нафантазировал. — Увидев, что Дебора молчит, он спросил: — Это еще не все?

Она кивнула.

— В чем еще дело?

— В Кении, Джонатан. Мне кажется, нет, я уверена в этом, что я должна остаться здесь и помогать людям. За эти несколько дней я увидела столько нищеты, столько больных людей, живущих в нечеловеческих условиях. За исключением нескольких небезразличных к бедам других людей, как те монахини в миссии. «И Кристофер», — подумала она, вспоминая, каким беспомощным он казался со своим медицинским саквояжем и толпой доведенных до отчаяния людей. — Никому и дела нет до того, сколько несчастья и страданий в этой стране. Я не могу объяснить тебе, что мной движет, я просто чувствую, что должна остаться здесь и использовать свои медицинские навыки, как это делала тетя Грейс.

— Людям во всем мире нужна наша помощь, Дебби. Не только в Кении. А как же наши пациенты в Сан-Франциско? Неужели они нуждаются в тебе меньше, только потому что они белые и живут в Америке?

— Да, — честно ответила она. — Потому что в Америке больше докторов и лучше развита медицина.

— А какое до этого дело Бобби Дилани?

Дебора отвела взгляд.

Бобби Дилани был девятилетним мальчиком, который сражался за свою жизнь в ожоговом отделении больницы. Его мать, оказавшаяся душевнобольным человеком, намеренно подожгла его. Дебора была одним из лечащих его врачей. Получив ожоги третьей степени, когда площадь пораженных участков составляла более девяноста процентов его тела, Бобби жил в невероятных муках и страданиях, как душевных, так и физических, в стерильном отсеке, где все контакты с людьми осуществлялись через резиновые перчатки, а все лица, которые он видел, были спрятаны за белыми масками. По каким-то непонятным причинам Бобби выделил из команды врачей доктора Дебби и стал считать ее своим единственным другом. То, как загорались глаза на его несчастном, обезображенном лице каждый раз, когда она входила к нему…

— Ты же знаешь, что он не будет говорить ни с кем другим, кроме тебя, — сказал Джонатан. — Ты же знаешь, что он живет твоими визитами. Есть и другие пациенты. Все они заслуживают твоего внимания, Дебби.

— Я не знаю, — медленно произнесла она. — Я так странно себя чувствую, такой потерянной. Где мое место?

— Рядом со мной.

— Я понимаю, Джонатан. Но в то же время… Она посмотрела в окно. — Я родилась здесь. Разве я не должна сделать хоть что-нибудь для этой страны?

— Послушай, Дебби. У каждого из нас есть два дома: первый — тот, где ты родился, второй — тот, который ты нашел и сделал своим домом. Мне кажется, ты застряла между двумя этими домами. Ты должна выбрать, что тебе нужно больше.

— Как бы мне хотелось, чтобы тетя Грейс была со мной. Я бы могла поговорить с ней. Она бы мне помогла.

— Позволь мне помочь тебе, Дебби. Вместе мы сможем найти выход.

— Как?

— Для начала разреши мне прочитать этот дневник.

Они удобно устроились на диване: Джонатан на одной стороне, с дневником в руках, Дебби, свернувшись калачиком, на другой. Когда Джонатан раскрыл старую книгу на первой пожелтевшей от времени странице, она почувствовала, как ее накрыла волна спокойствия и удовлетворенности. Закрыв глаза, она стала слушать дождь.

Телефонный звонок вырвал ее из глубокого, без всяких сновидений, сна.

Джонатан встал и взял трубку.

— Это из миссии. Мама Вачера проснулась и хочет тебя видеть, Дебби, — сказал он.

Она потянулась и потерла занемевшую шею.

— Сколько времени?

— Поздно. Я уже прочел половину, — ответил Джонатан, поднимая дневник вверх: «Графа только что нашли мертвым в его машине». Ну и семейка у тебя, Дебби!

Она взяла свитер, сушившийся возле камина, и сказала:

— Мне так не хочется уходить от тебя, Джонатан.

— Не беспокойся. Иди и разберись с этой старой дамой. Когда вернешься, найдешь меня здесь.

— Я не знаю, как долго меня не будет.

Он улыбнулся и поднял вверх дневник.

— Не переживай, у меня хорошая компания. — Возле двери он обнял ее и тихо произнес: — Я хочу, чтобы ты вернулась домой вместе со мной, Дебби. Хочу, чтобы ты нашла то, что ищешь, примирилась с этим и оставила прошлое в прошлом. Нам надо думать о будущем, Дебби.

— Да, — прошептала она и поцеловала его.

Дебора почувствовала, что сильно нервничает. Войдя следом за ночной сиделкой в тускло освещенную палату, почувствовала, как участился ее пульс, как возросло беспокойство.

Вачера полусидела на кровати, облокотившись на подушки. Дебора видела, что ей было трудно дышать. Взгляд ее темно-карих глаз зафиксировался на ней и неотрывно следил за ней, пока она шла к кровати. Дебора обошла вокруг кровати и села на стул. Вачера не отрываясь смотрела на нее.

— Ты… — произнесла Вачера тоненьким голосом, — мемсааб. Ты пришла.

Дебора очень удивилась. Она не слышала этого слова уже многие годы: после объявления Кении независимой страной оно было запрещено. Но она заметила, что знахарка употребила его не как вежливое обращение. «Какая мемсааб? — думала Дебора. — Она что, принимает меня за мою мать?»

— Ты приехала, — продолжал вещать старческий голос, — так много урожаев назад, со своими фургонами и странными методами.

«Моя бабушка!»

— Ты была единственной из вацунгу, кто понимал Детей Мамби. Ты привезла медицину.

Тут Дебора поняла: «Она принимает меня за тетю Грейс».

— Ты хотела видеть меня, Мама Вачера? — тихо спросила Дебора, наклоняясь к женщине. — Зачем?

— Предки…

Вачера говорила на кикую. Дебора удивилась, с какой легкостью она понимала этот язык и с какой непринужденностью сама говорила на нем.

— Что предки, Мама?

— Очень скоро я присоединюсь к ним. Я вернусь к Первой Матери — Матери-Прародительнице. Но я ухожу из этого мира с бременем лжи и таху на душе.

Дебора внутренне сжалась. Она смотрела на морщинистое черное лицо, на котором, несмотря на прошествие почти столетия, все еще сохранялось гордое выражение, но которое сейчас, без всех этих бус и больших колец-серег, которые Вачера никогда не снимала, выглядело странно обнаженным и беззащитным.

Теперь она лежала под белыми простынями в простой больничной рубашке, ее длинные жилистые руки сжимали бледно-голубое одеяло. «Интересно, — думала Дебора, — знала ли знахарка, какой она сейчас кажется слабой и бессильной».

— Была последняя девушка, — сказала Вачера, задыхаясь. — Я заставила ее поверить, что мой внук ее брат. Это была ложь.

— Я знаю это, — прошептала Дебора.

— Так много грехов… — произнесла пожилая женщина настолько задумчиво, что у Деборы возникло сомнение, что она знает о ее присутствии. — Дочь моего мужа убила бвана. Я заставила ее поклясться, что она будет об этом молчать, в то время как жена бваны стояла перед советом, который решал, жить ей или умереть.

Дебора сначала ничего не поняла; потом до нее дошло, что Вачера говорила об убийстве графа. Она вспомнила, что читала о нем в дневнике тети. Нджери. Личная служанка Роуз.

— Как? — спросила Дебора. — Мама Вачера, как Нджери убила бвану?

— Она слышала, как он ушел из большого дома. Она вышла из спальни мемсааб и пошла за ним. Он сел в зверя, который перекатывался на кругах, и направился в стеклянный дом, что стоял в лесу. Нджери увидела, что он сделал с тем незнакомцем. Она вцепилась в этого зверя и ехала на нем сквозь мрак ночи. Окно бваны было открыто. Она убила его. Это было справедливым наказанием, но она испугалась. Она застрелила его из его же собственного оружия.

Дебора живо представила себе эту картину: молодую африканку, вцепившуюся в машину Валентина, возможно, вжавшуюся в подножку автомобиля, ждущую удобного момента. Она решилась на убийство, чтобы защитить жизнь своей мемсааб.

— Для женщины очень плохо умирать с грузом грехов на душе, — сказала Вачера. — Ее дух не будет знать покоя: она не сможет заснуть безмятежным сном. Она будет обитать в дремучих лесах и жить с дикими зверьми. А я, Вачера, хочу мира.

Она надолго замолчала; ее дыхание становилось все тяжелее, пульс на шее — все менее заметным. Затем она сказала:

— Голоса предков слабеют. С приходом белого человека предки стали покидать землю кикую. Чтобы угодить им, я стала сражаться с белым человеком. Но сейчас, когда земля кикую возвратилась во владение Детей Мамби, предки вернутся сюда вновь.

Вачера сделала глубокий, прерывистый вдох. Когда она выдохнула, Дебора услышала в ее дыхании знакомый шепот смерти.

— Таху больше нет, — произнесла знахарка. — Как я обещала, земля снова принадлежит африканцам; белый человек ушел.

Вачера перевела взгляд на Дебору и впервые за все это время, как ей показалось, действительно увидела ее. Мудрые старческие глаза вдруг прояснились, губы на мгновение растянулись в триумфальной улыбке.

— Мемсааб доктори, — прошептала она. — Я победила.

Спустя несколько секунд Вачера Матенге умерла.

Некоторое время Дебора продолжала сидеть возле ее кровати. Она приехала в Кению, полная ненависти к этой женщине, которая когда-то вынудила ее уехать из этой страны. Сейчас же она видела перед собой лишь умиротворенное лицо старого человека, чья смерть символизировала смерть всей этой истории.

Встав, Дебора наткнулась взглядом на висящее над изголовьем кровати распятие. Это был Иисус, распятый на кресте, но фигурка Иисуса была черной. Дебора уставилась на нее. Она никогда не видела здесь ничего подобного. Когда ее тетя была жива, все религиозные статуи в миссии, привезенные из Европы, были белыми. То, что Иисус чернокожий, показалось Деборе неправильным.

Но потом она вновь взглянула на чернокожее лицо, покоящееся на белой больничной подушке, на ряды таких же черных лиц, спящих в палате, подумала о сестрах-африканках в их голубых рясах и поняла, что за свой короткий визит в миссию не увидела там ни одного белого лица.

И Дебора подумала, что чернокожий Иисус был здесь, как нигде больше, на месте.

Когда она вернулась в отель, дождь уже прекратился. Она с удивлением увидела, что Джонатан собирается уезжать.

— Симпсон звонил, — сообщил он. — Я должен возвращаться. Тело Бобби Дилани отторгает последнюю партию пересаженной кожи. У него сильнейшая инфекция, и он в очень тяжелом состоянии. Я еду в Найроби и покупаю билеты на первый же самолет в Америку. Я хочу, чтобы ты полетела со мной, Дебби. Буду ждать тебя в аэропорту. — Он поцеловал ее: — Ты сказала, что хотела бы поговорить со своей тетей. Открой дневник на странице, которую я пометил. Это сможет тебе помочь. Я люблю тебя, Дебби. И буду тебя ждать.

Когда он уехал, она села на диван и взяла в руки дневник. «Джонатан отметил, — подумала она, — какой-то малозначительный отрывок». Эта страница датировалась 1920 годом; здесь Грейс писала о письме, которое она получила от своего брата Гарольда, оставшегося в Белла Хилл. Но, когда Дебора начала читать его, более внимательно и вдумчиво, нежели в первый раз, она начала понимать, что имел в виду Джонатан.

Элегантным каллиграфическим подчерком Грейс было написано:

> *«Еще одно письмо от Гарольда. Он продолжает настаивать на том, что мы не можем быть счастливы в Британской Восточной Африке и что нам нужно как можно быстрее возвращаться в Суффолк. Его аргументы стары и избиты, он использовал их, когда еще пытался отговорить меня от поездки. «Твой дом — это Суффолк», — словно попугай повторяет он. — Здесь живет твой народ. Здесь твое место, а не там, среди людей, которые считают тебя захватчиком. Они не разделяют твоих убеждений. Они не понимают тебя».*

Дебора оторвала взгляд от дневника и посмотрела на туманный голубой рассвет, пробивающийся сквозь лес. Эти слова звучали так

знакомо! Где она могла слышать их раньше?

И тут она вспомнила: Кристофер, пятнадцать лет назад, стоя на берегу реки, говорил: «…Всегда помни, что Кения — твой дом. Здесь твое место. Там, в другом мире, ты будешь чужой. На тебя будут смотреть как на диковинку, никто там тебя не поймет. Пообещай мне, что вернешься сюда».

Она снова уткнулась в дневник:

> *«Я тут же написала Гарольду ответ и сказала ему, чтобы он закрыл эту тему раз и навсегда. Я избрала Британскую Восточную Африку своим домом и решила, что буду жить только здесь. Это мой выбор. Если бы наша история была полна только такими людьми, как Гарольд, то где бы мы сейчас были? Если бы человек никогда не шел на зов своего сердца и не стремился открывать для себя новые миры, то какой бы скучной была его жизнь! Человеку свойственно идти вперед, экспериментировать, смотреть на горизонт и думать, что за ним находится. Когда придет мое время, я надеюсь, что не стану такой же черствой и непробиваемой, как мой брат, что у меня хватит мужества сказать будущему представителю семейства Тривертонов: «Ищи свою судьбу. Следуй за зовом своего сердца. Всегда помни и почитай место, где ты родился. Но потом иди своим путем, так как всякому ребенку суждено оставить родительское гнездо и жить своею жизнью».*

Дебора попросила Абди подождать ее у входа и направилась к стоявшему возле церквушки миссии бронзовому мемориалу, рядом с которым находилась могила Грейс Тривертон. Дебора увидела, что за могилой ее тети тщательно следят: трава была прополота, цветы ухожены. Табличка была простой: «Доктор Грейс Тривертон, кавалер ордена Британской империи, 1890–1973». Сам монумент был истинным шедевром, прославляющим не только женщину, которую он так правдоподобно олицетворял, но и создавшего его скульптора.

Дебора взглянула на фигуру на пьедестале. Она стояла с непокрытой головой и была одета в длинную старомодную юбку, высокие ботинки и блузку с длинными рукавами, на воротнике которой была приколота брошь.

В одной руке женщина держала солнцезащитный шлем, в другой — стетоскоп. Взор ее глаз навеки был прикован к горе Кения.

Дебора немного постояла возле могилы, в тиши церковного двора, затем направилась к дому Грейс.

— Я надеялась увидеть вас снова, — сказала настоятельница, приветствуя ее в маленьком музее. — Я хотела поблагодарить вас за то, что вы были рядом с Вачерой в последние минуты ее жизни. Я сообщила доктору Матенге о кончине его бабушки.

Дебора объяснила причину своего сегодняшнего визита.

— Я решила воспользоваться вашим щедрым предложением и взять кое-что из вещей моей тети.

— Конечно. Что бы вы хотели?

Дебора подошла к стеклянной витрине.

— Это ожерелье. Видите ли, оно не принадлежало моей тете. Это мамино ожерелье. Много лет назад ей подарил его один очень дорогой ей человек.

— Очень красивое, — сказала монахиня, открывая витрину и вынимая ожерелье. — Из Эфиопии?

— Из Уганды. Я напишу маме и скажу, что ожерелье у меня.

Прощаясь возле двери, Дебора видела, что монахиню что-то тревожит; она словно хотела спросить о чем-то, но не решалась этого сделать.

— Могу ли я задать вам один вопрос, доктор Тривертон? — наконец произнесла она.

— Конечно. Спрашивайте, о чем хотите.

— Понимаете, я долго думала о том, правильно ли я сделала, написав вам письмо и попросив вас приехать. Я оторвала вас от работы и заставила проделать такой неблизкий путь. Вачера хотела видеть именно вас?

Дебора на секунду задумалась, затем улыбнулась и тихо сказала:

— Да, меня.

Дебора попросила Абди отвезти ее в Онгата Ронгай. Они припарковались на том же месте, что и в прошлый раз, на безопасном

расстоянии от строения из шлакобетона, которое служило медицинско-религиозным центром. Огромная толпа терпеливо ждала, пока доктор осматривал их, уделяя каждому внимание, с помощью медсестры и молодого человека, который играл на гитаре и пел на суахили песни для Бога.

Дебора вышла из машины и стала наблюдать за работой Кристофера.

Воздух был прохладным, освежающим. Разноцветные канга, висящие на веревке на небольшом рынке, развевались на ветру, как яркие флаги. Запах дыма смешивался с запахами пищи и навоза. «Это был, — думала Дебора, — запах Кении».

Она наблюдала, как Кристофер брал на руки младенцев, осматривал их и отдавал назад матерям вместе со строгими наставлениями; как заглядывал в уши и рты стариков, выслушивал робкие жалобы женщин; как использовал инструменты, накладывал повязки, делал уколы и прижимал стетоскоп к истощенным торсам. Она видела, как он то улыбался, то хмурился, но при этом всегда оставался властным доктором, которому беспрекословно подчинялись и которого уважали его пациенты. Она наблюдала, как слаженно работала с ним хорошенькая сестричка, которая предугадывала все его просьбы и тихо смеялась вместе с ним и детьми. Они молились вместе с людьми, обмениваясь друг с другом полными нежности и любви взглядами.

Дебора подумала о нерадостном предсказании Терри Дональда насчет конца эры белого человека в Кении; вспомнила предсмертные слова Вачеры; припомнила черного Иисуса на кресте. Но Дебора знала, что следы первых колонистов, таких как ее дед, никогда не исчезнут с «лица» Восточной Африки; рука белого человека оставила после себя великое наследие.

И заключалось это наследие в лице доктора Кристофера Матенге, стоявшего посреди моря ждущих чуда людей. Именно он и был истинным наследием Грейс Тривертон.

«Ква хери», — беззвучно прошептали губы Деборы слова прощания.

Затем она села в машину и сказала Абди:

— Отвези меня в аэропорт, пожалуйста. Я еду домой.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

1

Основано на созвучии французских слов: «chevre» — «коза», «lait» — «молоко». — *Здесь и далее прим. перев.*

2

Обычно слово «bad» имеет негативную окраску: «плохой», «скверный» и т. д. Однако на сленге это слово обозначает «первоклассный» и «отличный».

3

Глория Стейнем и Бетти Фридан — одни из основательниц феминизма в Америке.

Table of Contents

Барбара Вуд Мираж черной пустыни
Предисловие
Пролог
Часть первая 1919
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Часть вторая 1920
13
14
15
16
17
18
19
20
Часть третья 1929
21
22
23
24
25
26
27

Часть четвертая 1937
28
29
30
31
32
33
Часть пятая 1944
34
35
36
37
38
39
40
41
42
Часть шестая 1952
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
Часть седьмая 1963
53
54
55
Часть восьмая 1973
56
57
58
59

60
Часть девятая Наши дни
61
62
63
64
65
66
1
2
3